Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Факультет филологии и журналистики

ГЛУБИННОЕ ИНТЕРВЬЮ

КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Учебное пособие

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2013

УДК 80(075.8)
ББК Ш1я73
Г55

Печатается по решению учебно-методической комиссии
факультета филологии и журналистики ИГУ

Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО «ИГУ», проект Р214-08-004

Р е ц е н з е н т ы:
канд. филол. наук, доц. *Ю. А. Арская*
канд. филол. наук, доц. *И. Г. Сацюк*

Г55 **Глубинное интервью** как материал для лингвистического исследования : учеб. пособие / О. Л. Михалёва, Е. В. Васильева, Е. В. Стародворская, М. Б. Ташлыкова ; под общ. ред. О. Л. Михалёвой. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 623 с.

ISBN 978-5-9624-0961-0

Учебное пособие «Глубинное интервью как материал для лингвистического исследования» составлено в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению «Филология» к обязательному минимуму содержания курсов «Основы дискурс-анализа», «Введение в теорию коммуникации», «Мифология», «Основы семиотики», «Теоретическая семантика», «Социолингвистика», «Психолингвистика».

Учебное пособие предназначено для бакалавров, обучающихся в рамках профиля «Отечественная филология (русский язык и русская литература)», «Прикладная лингвистика», а также для бакалавров направления «Интегрированные коммуникации» дневной и заочной форм обучения.

УДК 80(075.8)
ББК Ш1я73

ISBN 978-5-9624-0961-0 © ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Вопросы и задания 9

Вопросы по дисциплине
«Основы дискурс-анализа» 9

Вопросы по дисциплине
«Введение в теорию коммуникации» 11

Вопросы по дисциплине «Мифология» 14

**Список примерных вопросов
для проведения глубинного интервью** 17

Интервью 19

Интервью с М. С. Вишняковым 19
Интервью с А. Г. Рязанцевой 39
Интервью с В. М. Ястржембской 51
Интервью с М. Г. Ветровым 62
Интервью с Н. И. Глызиной 83
Интервью с О. В. Васюхиной 99
Интервью с Н. П. Васильевой 107
Интервью с Л. П. Поляничко 134
Интервью с О. В. Васюхиной 156
Интервью с Д. Д. Лебедевым 171
Интервью с Л. Г. Молодцовой 181
Интервью с В. Г. Верхозиной 204
Интервью с Р. А. Никитиной 225
Интервью с И. А. Панчуковым 241
Интервью с Ю. Б. Флоренцевой 255
Интервью с Ю. А. Поповой 290
Интервью с Г. М. Костромитиновой 313

Интервью с Т. А. Полетаевой 349
Интервью с Г. М. Владимирцевой 370
Интервью с Е. И. Говориной 391
Интервью с Г. П. Пригожаевой 408
Интервью с Е. Г. Эстриной 431
Интервью с В. Г. Москаленко 446
Интервью с Н. В. Бахтиной 483
Интервью с Н. А. Беловой 505
Интервью с Н. И. Латышевой 519
Интервью с Т. Л. Аевструевой 536
Интервью с М. А. Бубновой 548
Интервью с Г. Н. Зиновьевой 574
Интервью с Л. И. Сериковым 595
Интервью с Т. М. Соловьевой 613

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга открывает серию публикаций, целью которых является аккумуляция наивных[1] представлений о недавней истории страны, воплощенных в устных рассказах жителей г. Иркутска. Как известно, хронологическое время и реальная «карта» исторических событий специфическим образом преломляются в индивидуальной и коллективной памяти. Один и тот же факт объективной действительности может находиться на разных полюсах шкалы значимости и, следовательно, занимать разное место на концептуальной карте – от центра до периферии (и даже полного отсутствия). Как показали, например, недавние беседы с жителями Прибайкалья (проведенные в рамках реализации проекта «Русские говоры Прибайкалья: синхрония и диахрония»), факт распада Советского Союза крайне редко осмысляется как «величайшая геополитическая катастрофа» и даже просто как событие, сколько-нибудь повлиявшее на частную жизнь информанта. Реалии и процессы «большого мира» вытесняются на обочину личной истории (так, болезнь матери, пришедшаяся на 90-е годы, полностью занимает в сознании говорящего хронологический слот «конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века»).

Индивидуальная версия исторического процесса может, таким образом, существенно отличаться от официальной. Анализ тех элементов, которые регулярно редуцируются или, напротив, выходят на первый план в личном изводе исторического оригинала, представляет тем самым актуальную исследовательскую задачу.

В 2010 году сотрудниками Отдела устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова основан Фонд развития гуманитарных исследований «Устная история». «**Устная история** – гуманитарная технология, дисциплинарно оформившаяся, получившая известность и область применения во второй половине XX века. Это история общества и конкретного человека, исследуемая сквозь призму биографического рассказа, сознательно зафиксированного заинтересованным и профессиональным слушателем с

[1] Термин *наивный* используется здесь в смысле: «Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка… <…> Наивная психология, например … выделяет сердце или душу как орган, где локализуются различные эмоции. Можно сомневаться в том, что это соответствует научным психологическим представлениям». См.: Апресян Ю. Д. Избр. тр. : в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995. С. 57.

помощью технических средств»[1]. Задача фонда, как формулируют ее сами создатели, состоит в формировании единого «пространства памяти», в создании общедоступного сетевого архива национальной памяти. Решая эту задачу, сотрудники Фонда записывают беседы с видными представителями науки, искусства, известными политологами, политиками, историками социально-политической мысли.

Проект «Устная история Иркутска» решает аналогичные задачи, но на более частном уровне. Люди, которые выступают в роли информантов в рамках данного проекта, не принадлежат научной, художественной или политической элите. Это врачи, учителя, преподаватели вузов, военные (как правило, пенсионеры), которые родились в различных частях Советского Союза в период примерно между 1918 и 1948 годами и переехали в силу разных обстоятельств в Иркутск, где живут не менее 25 лет.

Материалы, публикуемые в данном издании, представляют собой результат глубинных автобиографических интервью, записанных в течение 2009–2010 годов.

Глубинное интервью, как известно**,** представляет собой неформальную личную беседу, проводимую по заранее намеченному плану и основанную на использовании методик, побуждающих респондентов к продолжительным и обстоятельным рассуждениям по интересующему исследователя кругу вопросов. Основное достоинство этого метода применительно к описанному выше проблемному полю заключается в том, что он дает возможность получить развернутые ответы, количество и качество которых не предопределены заранее заданными в вопросах формальными и содержательными параметрами. Анализ глубинного интервью позволяет исследователю подробно изучить предметную область, а также выявить личное мнение, представление респондента относительно тех или иных событий. Свободная форма вопросов и естественное течение беседы позволяют интервьюеру получить сведения, отрефлексированные в разной степени, не скорректированные с учетом стремления информанта к позитивной самопрезентации и, следовательно, более достоверные. Такие сведения обладают высоким исследовательским потенциалом.

Неудивительно, что интервью, полученные в ходе реализации проекта «Устная история Иркутска» (как раз в силу особенностей этого метода сбора материала), оказались удобным предметом

[1] Общедоступный сетевой архив фонда «Устная история» [Электронный ресурс]. URL: http://oralhistory.ru/about/about (дата обращения: 27.12.2013).

анализа в рамках другого исследовательского проекта – **«Ностальгия по советскому в социокультурном пространстве современной России»**. Хотя тема советского прошлого специально не артикулировались, советская эпоха сама по себе не была центральной темой (и в ряде случаев появлялась лишь спорадически), все же то прошлое, о котором вспоминают респонденты, – это «по определению» советское прошлое. Исследование способов репрезентации *советского* в современных дискурсивных практиках дает возможность выявить наиболее актуальные сегодня элементы конструкции «*воображаемый* Советский Союз»[1].

Кроме того, на материале сформированного корпуса текстов можно формулировать и решать задачи самого разного типа: изучение вопросов мифологического сознания, выявление особенностей реализации коммуникативных стратегий, описание способов вербализации травмы, анализ взаимодействия рационального и иррационального в обыденном сознании и т. д.

Общим для всех этих задач является необходимость учета языковой упаковки содержания, а именно языковых, речевых, коммуникативных, дискурсивных характеристик текста: «…двигаясь от анализа языковых форм и конструкций, мы можем прийти к реконструкции существенных характеристик когнитивной структуры. В действительности же мы наблюдаем бесконечное разнообразие наблюдаемых языковых структур. Однако это **разнообразие не хаотично. Напротив, за ним скрывается достаточно жесткая семиотическая логика, ограничивающая варьирование наблюдаемой языковой формы и устанавливающая истинные связи между языковыми формами и когнитивными структурами. Обнаружение и описание этой логики является целью лингвистической реконструкции**»[2]. Ср. также: «Языковая и мыслительная деятельность разворачиваются согласованно и параллельно, в результате чего надъязыковая когнитивная структура и символизирующие ее элементы линеаризованной озвученной вербальной структуры образуют неразрывное единство»[3].

---

[1] Термин введен в статье Байфорда Э. См.: Байфорд Э. «Последнее советское поколение» в Великобритании // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. № 2 (64). М., 2009. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/bai6.html (дата обращения: 27.12.2013).

[2] Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопр. языкознания. № 4. М., 2008. С. 53.

[3] Там же. С. 51.

Подготовка специалистов и бакалавров по направлению «Филология» предполагает целенаправленное формирование у студентов набора компетенций, связанных с умением реконструировать когнитивную структуру на основании данных языковой структуры. Поэтому предлагаемое издание может быть использовано в рамках преподавания самых разных гуманитарных дисциплин («Основы дискурс-анализа», «Введение в теорию коммуникации», «Мифология», «Теоретическая семантика», «Основы семиотики», «Социолингвистика», «Психолингвистика», «Культурология», «История», «Социология», «Философия» и др.)[1]. Публикуемые материалы дают возможность сформировать навыки анализа текста с разных теоретических позиций и внутри различных научных парадигм.

Вышеизложенное определяет структуру пособия. Первая часть представляет собой перечень вопросов и заданий, сформулированных в рамках различных учебных дисциплин. Вторая (и основная) часть – это опросник, на основании которого проводились глубинные интервью, и сами тексты интервью, оформленные с учетом следующих положений: фонетические особенности речи информанта передаются в минимальной степени; сохраняются маркеры речевых сбоев (типа *эээ*) и дискурсивные слова типа *вот, ну* и т. п.; паузы, насколько это возможно, передаются с помощью стандартных пунктуационных знаков.

Авторы-составители благодарят студентов факультета филологии и журналистики 2012 и 2013 года выпуска за проведение интервью, а также Евгению Александровну Касинич, Татьяну Анатольевну Устименко, Наталью Владимировну Пономарёву за помощь в обработке текстов интервью.

[1] Образцы вопросов и заданий по первым трем дисциплинам приведены в первой части пособия.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Вопросы по дисциплине «Основы дискурс-анализа»

1. Назовите основания, благодаря которым исследователи трактуют дискурс как инструмент освоения реальности. Проиллюстрируйте свои тезисы примерами из текстов интервью.

2. Проиллюстрируйте примерами из текстов интервью следующий тезис: «Предметом анализа является не столько сам набор феноменов, приписываемых говорящими советскому прошлому, сколько специфика концептуализации каждого из них субъектами дискурса, разница в их осмыслении и интерпретации».

3. Каким образом можно применить дискурс-анализ как метод разграничения представлений, сформированных в рамках индивидуальной и коллективной памяти? Ответ проиллюстрируйте данными анализа текста интервью.

4. Какие средства самопрезентации выбирают информанты при выражении своих социальных предпочтений?

5. В каком соотношении находятся понятия *стратегия общения* и *тактика общения*? Ответ проиллюстрируйте данными анализа текста интервью.

6. Проанализировав способы взаимодействия интервьюера и интервьюируемого, докажите обусловленность выбора стратегии речевого поведения распределением коммуникативных ролей.

7. Прочитайте тексты интервью М. С. Вишнякова, Д. Д. Лебедева, Н. А. Беловой, Н. П. Васильевой, Г. М. Владимирцевой. Правомерно ли утверждать, что при актуализации стереотипов советского изменяется способ общения, избираемый субъектом дискурса?

8. Найдите в текстах интервью высказывания, в рамках которых эксплицированы представления говорящих об отношениях, существовавших между представителями разных республик СССР. Назовите языковые средства, с помощью которых информанты репрезентируют собственные представления о данном феномене, прокомментируйте избираемые говорящими способы экспликации указанного феномена.

9. Сравните способы концептуализации идеи дружбы между людьми и идеи единства, существовавшего, по мнению субъектов дискурса, в СССР. С помощью каких языковых средств осуществляется концептуализация указанных феноменов?

10. Выявите и опишите специфику концептуализации воспоминаний о демонстрациях в текстах интервью Е. Г. Эстриной, Н. В. Бахтиной, Н. И. Глызиной, О. В. Васюхиной.

11. Выделите те части текстов интервью, которые посвящены воспоминаниям, связанным с демонстрациями и субботниками; охарактеризуйте использование говорящими местоимений со значением всеобщности. Какие еще языковые средства использованы для выражения идеи объединения, сплоченности людей?

12. Какова специфика использования метафорических моделей в высказываниях, посвященных теме единства и дружбы?

13. Проанализировав тексты интервью Н. П. Васильевой и М. С. Вишнякова, сопоставьте осуществляемый говорящими выбор номинаций, отражающий идеологическую позицию информанта.

14. Прокомментируйте высказывание Т. М. Соловьёвой «*Ну вот, я считаю, что у меня, что мое детство было очень счастливым, несмотря на… может, были какие-то недостатки там в одежде, в пропитании… но я считаю, что оно было очень безоблачным и счастливым*» как пример столкновения личных воспоминаний и коллективных представлений.

15. Если трактовать ностальгический дискурс как определенные правила оговаривания переживаний субъекта, связанных с прошлым, то несомненный интерес для исследователя представляют избираемые говорящими способы трактовки базовых ценностей. Прочитайте интервью М. С. Вишнякова и попытайтесь сформулировать, чем обусловлено различие в выборе языковых средств, избираемых для репрезентации оппозиции «свои ⇔ чужие» в отдельных отрезках текста интервью.

16. Каким образом в анализируемом дискурсе посредством выбора способа номинации субъекта действия проявляется базовая оппозиция «свои – чужие»? Опираясь на данные проведенного анализа, выявите основную тенденцию в способе наименования участников оппозиции «свои – чужие».

17. В тексте интервью Т. М. Соловьёвой найдите эпизод, посвященный празднованию Пасхи. Выявите языковые средства, используемые для номинации субъекта действия. Прокомментируйте осуществленный говорящим выбор данных языковых средств с позиций дискурс-анализа.

18. Каким образом в текстах глубинных интервью актуализируется ностальгическая доминанта при рефлексии советского?

При ответе опирайтесь на данные анализа использования единиц как лексического, так и грамматического уровня.

19. Какие когнитивные структуры предопределяют дискурсивное поведение субъекта ностальгического переживания? Назовите когнитивно-дискурсивные структуры, которые могут быть реконструированы через анализ используемых говорящим языковых форм и конструкций.

20. Пользуясь методами дискурс-анализа, определите, какими способами ностальгические переживания встроены в текущее производство смыслов и идентичностей?

Вопросы по дисциплине «Введение в теорию коммуникации»

1. Охарактеризуйте взаимодействие интервьюера и интервьюируемого как коммуникативное событие.

2. Выявите и проанализируйте специфическое использование языковых средств, детерминированное распределением системы ролей, характерных для данной коммуникативной ситуации.

3. По мнению И. Н. Борисовой, объективность существования коммуникативного события – процессуальной единицы членения потока коммуникации – проявляется в том, что «событие отвлечено от агенса»[1]: «коммуникант, подчиняясь целям и обстоятельствам своей деятельности как бы «входит» в заданное социумом коммуникативное событие и вынужден руководствоваться в своей деятельности ситуацией, социальными условиями, нормами и правилами, предлагаемыми коммуникативным событием»[2]. Анализируя текст интервью, докажите или опровергните указанный тезис.

4. Проанализируйте степень паритетности коммуникативных ролей, представленную в процессе интервьюирования Ю. Б. Флоренцевой.

5. Прочитав тексты интервью Г. М. Владимирцевой, Д. Д. Лебедевым, Т. А. Полетаевой, выявите признаки «ситуативной интервенции»[3]. Насколько велика степень возмущающего воздействия компонентов предметной среды на коммуникативное взаимодействие? Выявите акционально зависимые и акционально независимые коммуникативные события.

---

[1] Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 519.

[2] Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 14.

[3] См.: Разновидности городской устной речи: сб. научных трудов / под ред. Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской. М. : Наука, 1988. 260 с.

6. Временная протяженность коммуникативного взаимодействия, как указывает И. Н. Борисова, определяется двумя экстралингвистическими параметрами: наличием или отсутствием дефицита времени; наличием или отсутствием препятствующих продолжению коммуникации внешних факторов[1]. Проанализируйте тексты интервью и определите, как указанные параметры влияют на протяженность реплик, темп речевого обмена, тактико-стратегическую организацию коммуникативного взаимодействия.

7. Как в текстах интервью отражается динамика коммуникативного события? Выявляя функционально разнородные отрезки речи различной протяженности, опишите последовательность и связность коммуникативных фаз.

8. Осуществив иллокутивно-прагматическое членение диалога, докажите, что инициальная и реактивная реплики, конституируя минимальную, двухчастную единицу – интеракцию, объединяются особой связью – иллокутивным вынуждением.

9. Проанализировав текст интервью, приведите примеры двух типов распределения стимулирующих и реактивных функций, задающих границы интеракции и являющихся движущей силой динамики диалога.

10. Может ли одна реплика-высказывание в структуре диалогического взаимодействия выполнять одновременно две коммуникативные функции: стимулирующую и реактивную? В качестве аргумента приведите примеры из анализируемого интервью.

11. Выявляя иллокутивную и тематическую связность коммуникативных ходов, приведите примеры диалогического единства из текста интервью Д. Д. Лебедева.

12. «Реплики связаны единой темой; началом является абсолютно иллокутивно независимая реплика; в пределах этой последовательности выполняется требование иллокутивного вынуждения и самовынуждения; внутри данной последовательности не существует отличной от нее последовательности, которая удовлетворяла бы перечисленным условиям»[2]. К какому коммуникативному явлению относится эта характеристика? Приведите примеры данного явления из текстов интервью.

13. Каково соотношение понятий «коммуникативное событие» и «коммуникативный эпизод»? Назовите критерии выделения коммуникативного эпизода. Руководствуясь указанными кри-

[1] Борисова И. Н. Указ. соч. С. 16.
[2] Там же. С. 19.

териями, выделите коммуникативные эпизоды в тексте интервью Н. П. Васильевой.

14. В качестве релевантных признаков диалогического единства И. Н. Борисова выделяет следующие: «относительная отдельность, относительная завершенность, тематическая обособленность, внутренняя иллокутивная связность, коммуникативно-целевое единство»[1]. Опираясь на указанный перечень, приведите примеры диалогических единств из интервью Г. М. Владимирцевой.

15. Проследив последовательность мены коммуникативных задач, укажите границы коммуникативных эпизодов в интервью Н. П. Зиновьевой.

16. Приведите примеры маркированного и немаркированного конца коммуникативного эпизода. Сравните использование говорящими языковых средств, служащих сигналами границ коммуникативных эпизодов.

17. Приведите примеры сигналов эмоциональной усталости коммуникантов. В каждом из приведенных примеров укажите, чем обусловлено появление такого рода сигналов.

18. Приведите примеры волюнтивных сигналов завершения коммуникативного эпизода. Насколько типично такое коммуникативное явление?

19. Как с точки зрения теории коммуникации можно объяснить появление информативной ретардации? Сигналом чего она служит? Приведите примеры указанного явления, анализируя тексты интервью.

20. Приведите примеры коммуникативной ратификации, понимаемой как «достижение коммуникантами своеобразного соглашения об исчерпанности коммуникативного эпизода или целого события»[2]. Можно ли считать фазу этикетного завершения разговора проявлением коммуникативной ратификации? Ответ аргументируйте, проанализировав соответствующие эпизоды из текстов интервью.

[1] Борисова И. Н. Указ. соч. С. 23.
[2] Там же. С. 27.

Вопросы по дисциплине «Мифология»

1. Что такое мифологическая инверсия? Найдите признаки мифологической инверсии в репликах информантов.

2. М. Элиаде утверждает, что обыденному сознанию чуждо историческое восприятие времени: «<…>народная память с трудом удерживает "индивидуальные" события и "подлинные" лица. В своем функционировании она опирается на отличные от истории структуры: использует категории вместо событий, архетипы вместо исторических персонажей»[1]. Найдите в словах информантов подтверждение этой мысли.

3. Найдите речевые проявления мыслительной категории СВОЕ – ЧУЖОЕ в высказываниях информантов.

4. Идеализация прошлого является одним из признаков мифологической логики. Будет ли носить черты мифа оценивание прошлого в отрицательном ключе? Аргументируйте свою позицию, опираясь на тексты интервью.

5. Миф характеризуется качественным восприятием времени и пространства. Свойственно ли это обыденному сознанию? Проиллюстрируйте ваш ответ примерами из текстов интервью.

6. Выберите те высказывания информантов, в которых обнаруживается действие упорядочивающая функция вторичного мифа.

7. Классический архаический миф реализует социогенную функцию. Реализуется ли она в современной вторичной мифологии? Аргументируйте свою позицию, опираясь на тексты интервью.

8. Опираясь на тексты интервью, проиллюстрируйте легитимирующий характер мифа.

9. Как миф о советском может способствовать самоидентификации современного человека?

10. Может ли настоящее выступать в качестве объекта мифологизации? Аргументируйте свой ответ примерами из текстов интервью.

11. Мифологической картине мира свойственна известная дискретность (фрагментарность времени и пространства, игнорирование элементов, не вписывающихся в бинаричную систему мифа). Характеризуется ли подобной дискретностью наивная картина мира, моделируемая обыденным сознанием? Проиллюстрируйте свой ответ примерами из текстов интервью.

[1] Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М. : Ладомир, 2000. 416 с.

12. Могут ли представления о прошлом одного и того же человека отсылать к двум взаимоисключающим мифам (например, *СССР – утраченный рай ↔ СССР – хтонический мир, полный опасных чудовищ*)? Подтвердите свою позицию примерами.

13. Какие черты архаического мифа лежат в основе мифологемы о коллективном труде, представленной в рассказах о советском прошлом?

14. Можно ли говорить о наличии в жизни современного человека элементов посвятительных обрядов? Аргументируйте свою позицию примерами из текстов интервью.

15. Насколько актуален архетип жертвы для обыденного сознания? Подтвердите свою позицию примерами из интервью.

16. Какие архетипы можно обнаружить в данном высказывании? *Ээ… вот и, конечно, приходилось много чего делать, и плюсы, и минусы, вот тогда все-таки организация была лучше в городе поставлена. Тогда никто не имел права рекламу или киоск поставить без моего без разрешения, главного художника, без подписи. У нас тогда был порядок, следили, покраска фасадов, все было это вот на контроле. И мы имели право и оштрафовать, и все. Сейчас… нужно сказать, что появилось много самодеятельности, и некому следить, не успевает следить, может быть, и служба. Кстати, вот последнее время, что мне кажется нехорошо, упразднили должность главного дизайнера города, бывшего главного художника, как я именовался, человека, который бы следил за порядком, за культурой, за культурной… за культурным обликом города.*

17. Какие черты мифологического мышления отражены в этом высказывании? *Вернуть коллективизм того времени, взаимопомощь. Вспомнить только моральный кодекс в стро… ой, как то? Моральный кодекс строителей коммунизма... этот моральный кодекс был списан практически полностью с Нагорной проповеди Иисуса Христа, десять заповедей. Была и взаимовыручка, уверенность в завтрашнем дне, уверенность в том, что дети достойную работу, учебу получат, могли учиться, где хотели, как хотели.*

18. Какие черты мифологической картины мира нашли воплощение в этом высказывании? *Мы действительно тогда в нашем государстве жили по заповедям божьим, но не все, конечно. Верхняя часть, она, наверно, и наживалась. Ээй. Золото партии, куда оно делось? А нижняя часть нищенствовала. Так что первое впечатление от развала СССР, поскольку мы были воспитаны вот в таком радужном, идеалистическом восприятии к миру, что наша страна самая хорошая, самая лучшая, а загнивающий запад*

…ээ… козни свои, строит козни против нас. Вот первое впечатление, наверно, такое: это козни запада. Наша страна такая великая, но теперь-то, конечно.

19. Черты какой мифологической категории можно обнаружить в этом высказывании? *…и все стало появляться: и продукты, и это самое, и люди были не такие, понимаешь?, люди были не такие, ходили друг к другу в гости по-соседски, все праздники справляли как-то и на демонстрацию ходили весело. Было придешь на демонстрацию, там все свои, под музыку пройдешь вот так, что это и чувствуешь, что это праздник, что это 1 Мая, что это 7 Ноября, да здравствует Великая Октябрьская революция. Пионерами мы были, комсомольцами были, ну, не знаю, совесть была, а сейчас все наглые, бессовестные, сейчас у нас царь – это деньги деньги алчность уже всех заела проституция развита.*

20. *Вот, знаешь, я даже не могу вот так как-то вот сейчас, думаю, как это может быть, вот такое что-то… вдруг объединяло нас всех здесь людей! Вот, мне казалось, что мы сидим в этом зале, дышим одним дыхом, как говорится, какие-то одни мысли, что-то такое вот витает, такое родное…* Какая черта мифологической логики объясняет суть переживания, описываемого информантом?

СПИСОК ПРИМЕРНЫХ ВОПРОСОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ

Где Вы родились? Если не в Иркутске, то как попали в Иркутск? Когда? Помните ли свои первые впечатления о городе?

Расскажите про свое детство, каким оно было? Какие воспоминания сохранились об этих временах? Как Ваши родители оказались в Иркутске? Остались ли Ваши дети в Иркутске?

Детские воспоминания и нынешние реалии: может быть, сейчас можно что-то сопоставить?

Каким было ваше студенчество? Почему выбрали именно этот вуз?

Были ли у Вас какие-нибудь увлечения, может быть, такие сильные, которые переросли во взрослую жизнь?

Как отмечала праздники молодежь (Новый год, День города)?

Как украшали тогда сквер Кирова, главные улицы?

Как строился Иркутск? Каковы впечатления о городе (Иркутске!) из молодости?

Что Вы думаете о деревянных домах в центре города? Считаете ли Вы, что в них своеобразие Иркутска, его отличие от других городов или это лишь то, что нарушает общий облик города?

Как вы относитесь к переименованию улиц? К сносу (теперь – восстановлению) храмов, памятников? К появлению новых памятников (например, Колчаку)?

Можете ли сравнить ритмы жизни Иркутска: каким был раньше (размеренным или суетным) – какой сейчас?

Помните ли, как строилась ГЭС? Какие именно воспоминания о строительстве ГЭС?

Какие важные производства были в то время в Иркутске?

Помните ли строительство моста через Ангару? Помните ли понтонный мост через Ангару?

Как изменился внешний облик города (что Вы можете сказать, сравнивая Иркутск того времени с сегодняшним)?

Какая специфическая деятельность была на производстве? Расскажите о Вашей работе. Кем Вы работали? Как долго? Что входило в круг Ваших обязанностей?

Как началась война? Где вы были в военное время? Каким был военный Иркутск, если вы находились в городе?

Как встречали Победу?

Какими тогда были демонстрации и парады?

Как изменялся климат? Заметили ли Вы это?

Было ли желание уехать из города? Если да, то в какой период жизни, почему? Если нет, – почему?

Были ли Вы еще где-нибудь, кроме Иркутска? Каков Иркутск по сравнению с другими городами? Опишите, пожалуйста.

Какое самое любимое место в городе? С чем связано? Может быть, в молодости это были одни места, а сейчас – другие? Расскажите.

ИНТЕРВЬЮ

Интервью
с Моисеем Сергеевичем Вишняковым
(1918 год рождения)

– *Скажите, вы родились в Иркутске?*

– А?

– *Вы родились в Иркутске? Родились вы в нашем городе?*

– Нет. Я родился в Белоруссии, Витебская область, Дубровинский район, деревня Вешки. В двадцать восьмом году родители мои с семьей… мы переехали в Красноярский край, в город Боготол. Поселились в деревне, жили там до тридцать восьмого года. В тридцать восьмом году я после окончания десяти классов по своей личной инициативе пошел в военное училище, которое было расположено в Ташкенте, называлось Пехотное Военное училище имени Владимира Ильича Ленина. В сороковом году, в феврале, я его закончил. Получил звание лейтенанта и был направлен в воинскую часть в город Барнаул. В сто трид… эээ… в сто седьмую дивизию, шестьсот тридцатый стрелковый полк. Там прослужил, затем меня как перспективного командира направили на курсы «Выстрел» в Солнечногорск, через три го… четыре месяца после окончания… эээ… училища… эээ… на курсы. Я там закончил эти курсы «Выстрел», это, если расшифровать, – высшие стрелково-тактические курсы, усовершенствование начальствующего состава. Закончил, обратно же в эту часть пришел, был командиром стрелковой роты. Война началась двадцать второго, двадцать пятого мы своей дивизией погрузились в эшелоны и третьего июля прибыли в район города Смоленск. Ну, за Смоленск уже шли ожесточенные бои. Наши оборону заняли, не доезжая Смоленска, но так как немец сорок шестым мотострелковым корпусом не мог овладеть городом Смоленском, прорыв сделал южнее и захватил город Ельня. По указанию Иосифа Виссарионовича Сталина Жукову было приказано сибирскими дивизиями ликвидировать этот выступ, которым немцы захватили город Ельня и вклинились в нашу оборону. Вот мы здесь, сибиряки, и впервые в июле сорок первого года, когда армия отходила, мы перешли в контрнаступление. Немцы, не выдержав натиска сибиряков, оставляя на поле боя убитых, раненых, начали отходить. Мы освободили Ельню и

стали продвигаться дальше. В районе Ельни я получил ранение… госпиталь полтора месяца в Калуге, а затем меня перебросили на северо-западный фронт. Там по указанию начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Ватутина Николая Федоровича мне было предложено сформировать дивизионно-истребительный отряд в количестве ста тридцати пяти человек, который будет выполнять задания штаба фронта по выполнению заданий в тылу противника, переходить линию фронта и в тылу противника выполнять эти задания. Мы переходили линию фронта, у меня пять взводов было, четыре взвода стрелковых и один разведвзвод. Продвигались в тыл через линию фронта, мы уходили на пятьдесят-восемьдесят километров в тыл, организовывали диверсионные мероприятия: взрывали эшелоны, под… минировали железную дорогу. И организовывали нападения на отдыхающие и формирующиеся воинские подразделения, которые находились на формировании в глубоком тылу. В одной из таких операций с нами был корреспондент подполковник Берман, который потом отписывался. Вот. Мы когда разведали эту деревню, расположение немецких войск там, и вот по одному из сигналов в два часа ночи мы сделали налет по сигналу о том, что я сам лично бросил первый гранату по г… по взрыву. Каждый взвод имел определенный участок в деревне, и он уничтожал немецких оккупантов, которые отдыхали в этой деревне на фор… находились на формировании. Но нам облегчило эту задачу тем, что… эээ… житель местный этой деревни, когда мы остановились в лесу, он к нам подошел и говорит о том, что в этой деревне наших местных жителей никого не осталось: «Немцы заняли, а мы все ушли, и мы вот, местные жители, находимся вот в лесу, вот в таком-то месте расположены вот вся, все местные жители, кто что мог унести, вот там и находятся». Вот это нас еще более-менее так рассвобож… раскрепостило, тем самым мы уверенно забрасывали дома гранатами с… эээ… в упор расстреливали немцев, и в этой операции мы уничтожили, взяли офицера в плен, военные документы, разведвзвод захватил и ушел уже в тыл, в лес, ожидать нас, а мы зачищали эту деревню. Всего было уничтожено в этой деревне четыреста пятьдесят человек немцев. Наши потери были два убитых и девять раненых. Об этой операции подробно было описано в «Красной звезде» в сорок первом году, потому что мы доставили… доложили о выполнении задания начальнику штаба фронта Ватутину, что вот наше задание выполнено, он дал указание в таком-то месте выходить к своим через линию фронта. Мы вышли. Вывели пленных. Привели доку-

менты в штаб фронта… все это сдали, вот. Нам дали отдыхать, и вот в это время меня сфотографировали в газету с автоматом, мне двадцать два года было всего. Поместили в газету, и командир взвода разведки Вленцев Александр Алексеевич получил орден Ленина за героическую операцию и в… эээ… взятие штаба этой воинской части, и пленных, и документов, нас, четыре человека, наградили орденами Красного Боевого Знамени. Многие получили Красной звезды, медали «За боевые заслуги», медали «За отвагу». А я вот впервые в декабре сорок первого года получил орден Боевого Красного Знамени. Ну и потом несколько раз тоже ходили в тыл, выполняли задания, в газетах это у меня вот сохранились, если хочете, я вам покажу потом газету, вот. Описывалось о моих боевых действиях подробно значит… эээ… Из числа наших ветеранов ни у кого не сохранилось ничего такого. Я когда рассказываю правду о Великой Отечественной войне, я рассказываю о тех, рассказываю своих товарищах, которых нет среди нас, которые отдали свою жизнь за нашу Родину, за нашу… советский народ. Отдали свое самое дорогое – жизнь. Вот о них, об их героизме, об их подвиге мы должны всегда помнить и рассказывать из поколения в поколение. А мне говорят: «А о себе почему не рассказываете?» Я говорю: «Обо мне расскажут тогда, когда меня, может быть, не будет». А если вы желаете, я вот с собой взял газеты, вот, пожалуйста, вот «Красная звезда», сорок первый – сорок второй год, вот статьи там, пять-шесть фотографий моих, отписывались о моих боевых действиях. О чем я и награжден четырьмя орденами, двадцать две медали, грамоты Президиумом Верховного Совета награжден, вот. И сейчас, проработавши уже шестьдесят два года в органах государственной безопасности и пять лет в армии, и того шестьдесят семь лет, они говорят: «Ну, мы хотя бы… нам дожить до этого возраста». Надо работать над собой, надо сохранять свое здоровье с молодости, не растранжиривать его, а всегда думать о своей старости, чтобы вы его, здоровье, сохранили до глубокой старости. А врачи вам помогут, я говорю, вот и мне врачи помогают. Ну, вам не будет девяносто. Я говорю, ну я паспорт забыл дома взять, я бы вам показал, что действительно мне девяносто. «Ну, – говорят, – нет вам, наверное, шестьдесят – семьдесят, наверно». Я говорю: «Ну как хотите, я… эээ… рассказываю вам правду, я…». Молодежь внимательно слушает, и с интересом слушает, потому что они впервые… это я коротко так, а я вот подробно когда начинаю рассказывать о… о той операции, в которой действовал, подробно рассказываю про… слушают и внимательно, задают ряд во-

просов всегда. И особенно интересует, а страшно ли было идти в атаку. А страшно ли было идти в… э… в рукопашный бой. Все остальное. Я говорю: «Ну, я как вам скажу: если я скажу, что страшно, то, считай, это я трус буду. Было первое время страшно и страх был какой-то, а потом когда уже… эээ… длительное время побыл на фронте, обстрелянный уже, страх этот как-то проходит, и уже чувствуешь, у тебя осталось две цели. Две цели – уничтожить противника и остаться живым. Две цели, значит, уничтожить, защитить нашу Родину и остаться живым – вот только и все. Больше… ты идешь в атаку, ты ничего больше перед собой не видишь, не слышишь и не знаешь. Только одна, две цели у тебя одно: уничтожить противника и остаться живым». Вот это говорю честно я, говорю вам, вам прямо говорю. Ну а потом, говорю, после этих ранений, контузий меня из-под Старой Руссы вывезли в Красноярск, я шесть месяцев в госпитале пролежал. Получил вторую группу инвалидности, поработал, пробыл немного на инвалидности, но поправился, все врачи сказали мне, когда выписался из госпиталя: «Мы вам даем вторую группу, восстановили вам здоровье, но вам наш совет – бросить курить и зло… не злоупотреблять спиртным, вообще не пить его. Будете жить, будете дальше беречь свое здоровье, будете длительное время жить». Я говорю: «Дорогие доктора, ваш совет для меня – это будет закон, и с сего часа я никогда не нарушу его», – что и было мной сделано. Курить я бросил и не курю вообще. Спиртного я не употребляю вообще, любые торжества или что, у меня стакан нарзана или минеральной воды – нальют, я выпил, и все и… эээ… говорит, а это, говорит, непьющий наш человек… эээ… оно мне пользы не дает, врачи мне сказали, я не должен нарушать закон, я дал обещание, я должен его выполнять. Вот работаю здесь, уже у меня большая семья…

– *Скажите, когда вы попали в Иркутск? После войны сразу?*

– В Иркутск я был переведен, я был, я работал в Иркутской области с пятьдесят шестого года, это был я в городе Усть-Кут, станция Лена. Я работал в транспортных органах. С пятьдесят шестого по пятьдеся… шестьдесят четвертый я был в Усть-Куте. А затем меня управление перевело сюда, в Иркутск, в шестьдесят четвертом году, в феврале месяце я в Иркутске. Вот с шестьдесят четвертого года

– *Скажите, вы помните свои первые впечатления о городе? Вот каким вы его впервые увидели? Какое он впечатление на вас произвел?*

– Ну, я приехал впервые в Иркутск, сюда я его… эээ… не знал даже расположение, потому что мне и ориентироваться даже не

было возможности, где, куда. Меня ребята сначала в… э… в управлении знакомили, водили, рассказывали. Я непосредственно обслуживал речное пароходство, управление речного пароходства. Начальником управления был Фролов Леонид Андреевич. Вот меня привезли на набережную, познакомили, потом по городу повозили, так сказать, на Байкал свозили, показали все. Ну вот, я начал постепенно осваиваться. Но город был не… не совсем так… эээм… в таком отличном состоянии. За последнее время он расстроился. Тогда не было никаких районов микро. Вот даже Солнечный. На Байкал выезжали на «Ракетах», там еще лес был и ни… никакого жилья, ничего не было. А сейчас смотрите. За последнее время вот за каких-то… эээ… сроки… восемь микрорайонов построено в Иркутске. Восемь микрорайонов это… эээ… непосредственно жилье, которое выдавалось нашим гражданам Иркутска, бесплатно ордера выдавали, квартиры занимали, и все. И сейчас едешь по городу, совсем город выглядит в другом плане. Тогда не было таких помещений… эээ… самое большое там здание, какие-то были, так кажется, вот это город какой. А сейчас это. Преобразился город, более приятный стал, и к нам, в наш город… начали посещать большое количество иностранцев. Это десятки тысяч за год приезжает к нам в город. Знакомится с нашим городом, культурой, с людьми. Вот. Среди них есть некоторые и недружелюб… недружелюбные люди, которые занимаются и разведкой, и пропагандой своего образа жизни за границей. Ну, на это есть органы государственной безопасности, раньше они были КГБ, а сейчас ФСБ. Работники работают неплохо, всегда они в почете и… эээ… отлично работают и пресекают любые нежелательные последствия, которые могут проявиться со стороны иностранцев. В свое время даже Сахаров и тот сказал, что вот еще на сессии Верховного Совета, когда еще Советский Союз был, он говорил, что коррупция разъедает наши партийные советские органы, прокуратуру, суды, нам надо принимать самые серьезные меры, предотвратить распад – на сегодняшний день у нас одни органы КГБ остаются не коррумпированными. Вот на них вся и опора. И действительно, почему органы государственной безопасности не коррумпированы? Потому что мы следовали, все работники органов следовали заповеди нашего первого чекиста Феликса Эдмундовича Дзержинского, который нам завещал, что чекистом может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками, – вот за эти качества, если каждый работник органов будет придерживаться и выполнять, он будет пользоваться уважением, авторитетом, к не-

му будут идти со всеми жалобами, со всеми новостями и… эээ… со всеми вопросами, которые необходимо решать в органах, и я думаю о том, что мы из поколения в поколение эту заповедь соблюдаем, выполняем и тем самым продолжаем находиться так… ну на должном уровне среди не только населения, а к нам с уважением относятся и другие. Нас стали так более-менее уважать уже. Но с перестройкой тут на нас грязи столько лили, там все остальное, ну и у нас в органах были отдельные карьеристы, попали случайные люди, но мы их быстро отчис… от них очищались. Тем самым органы оставались чисто кристальными и выполняли ту заповедь, которую… ааа… обещал наш первый чекист Феликс Эдмундович Дзержинский, которую я вам и рассказал.

Ну, у меня семья: два сына, дочь, они уже тоже в возрасте. С женой мы живем вдвоем, вот с женой. Имеем семь внуков, одиннадцать правнуков и один уже праправнук, он вчера приехал как раз с Братска к нам, там прибежал к нам сюда и вот: «Дедуля!», обнял меня, соскучился, ему три года: «Я соскучился и к вам приехал, вот к вам!». Вот такая большая семья… ммм… все так доброжелательны, все работают, все получили высшее образование… Все, внучка закончила сейчас вот университет… эээ… железнодорожный с красным дипломом, вторая внучка закончила университет… эээ… сдала экзамены на… защитилась на… пятерку тоже, получила диплом, преподавателем работает в Госуниверситете здесь… эээ… эээ… то есть в Техническом Университете, в Политехе. Ну остальные так все тоже работают, при деле все… эээ… Внук мой сейчас в армии служит, то же самое – в органах. Андрей… «Ну я, – говорит, – дедуля, по твоим стопам пошел, я буду продолжать так, как и ты служил, буду служить честно, добросовестно». И нас с ним фотографировали в газету, он когда приезжал сюда на День Победы, нас фотографировали вместе, помещали нам газету, давали и все фотографии делали, все. Вот. Ну а я сейчас… так вот я говорю, что вот большинство провожу беседы и со своими работниками прихожу в управление, какие вопросы возникают, рассказываю им о прошлом и в настоящем как быть, вот… и в основном среди молодежи. А молодежь, она так более интересуется, потому что многие даже среди некоторых ветеранов неправду рассказывают о Великой Отечественной войне, о том, что потери были большие там: миллионы, три миллиона девятьсот тысяч наших военных пленных, то есть пленных наших немцы взяли. Я говорю: «Откуда вам известно?» – «А Суворов в «Ледоколе» пишет». Я говорю: «А вы знаете, кто такой Суворов?» – «Нет». Я говорю: «Суворов – это из-

менник Родины. Он ушел за границу, его подобрали спецслужбы английские, и сейчас он вместе с ними пишет книги и кое-где и правду, а где нужно им, для того чтобы идеологически разлагать наше население, они вставляют свои вопросы». Почему? «Потому что, – я говорю, – вот он пишет, вы говорите, что три… эээ… миллиона девятьсот тысяч немцы в первые месяцы во… э… в плен… А вы знаете о том, что наша армия была всего пять с половиной миллионов? Если бы они пленили такое количество, а кто бы защищал Ленинград? Кто бы защищал Москву? С… Сталинград? Вы же поймите о том, что и мы, сибирские дивизии, где бы ни находились, мы всегда проявляли мужество, героизм в борьбе с немцами, там всегда была победа». Я говорю: «Вот надо правду какую рассказывать». О том, что у нас оружия не было еще полностью такого. Если у немцев были автоматы, вооружены были полностью техникой, то у нас были винтовки восемьсот девяносто первого года… эээ… выпуска, и в сорок первом году только начали поступать автоматы. ППШ и ППД ППШ – это автомат Шпагина а… эээ… ППД – это Дегтярева автомат. Вот начали п-п-поступать самолеты, начали танки… Ну, некоторые говорят: «А правительство наше не готовилось к войне». Я говорю: «Это неправда»,– я говорю. Я могу только один-единственный с… факт привести вам, что вот в марте сорокового года, на танковом заводе в Харькове было… эээ… построено два танка Т-34, которые своим ходом прибыли в Москву, на просмотр Министерства обороны и правительства. И вот при осмотре Сталин дал указание немедленно приступить к серийному выпуску Т-34 танка на Харьковском заводе – это одна деталь. А министерство обороны в сороковом году, перед войной, с Дальнего Востока несколько кадровых дивизий перебросили на Запад. А ведь знаете о том, что немецкая агентура… агентура других государств, которые были оккупированы… эээ… порабощены Германией, такие как Румыния, Венгрия, Польша, Испания, Франция, – все они готовили кадры им, пополняли армию немцев. И когда наши войска начали перебрасывать с Востока на Запад, то агентура отслеживала каждое передвижение наших войск на нашей территории и сообщали в… эээ… в Германию, и… эээ… Риббентроп прямо заявлял о том, что Советский Союз готовит нападение на Германию, подтягивает свои войска к границе, и нашему министру иностранных дел Вячеславу Михайловичу Молотову приходилось неоднократно выступать с опровержением, заявляя, что наша Красная Армия ни на кого не собирается нападать, никаких военных действий мы не готовим – она проводит тактические

учения и боевые действия на своей территории на случай отражения атак или нападения иностранных агрессоров. Ну, нам не хватило немного времени, если бы еще два-три года нам дали возможность, но видя о том, что армия крепнет, перевооружается, новое вооружение поступает уже в а… э… в части, немцы почему-то… то есть немцы почему пошли за раньше срока своего намеченного, хотя и не был пакт о ненападении, они его нарушили, начали нападать на нас, и ровно двадцать второго июня в четыре часа, как говорят, что «Киев бомбили, а нам объявили», что началась Отечественная война. И вот с этого времени тыл и фронт наши были едины, сплоченные тем самым, и принесли нам желанную нашу победу. Многое мы потерпели: и горечь поражений, но и больше принесло нашему народу и нашей армии радости побед и великую завоеванную победу в Великой Отечественной войне девятого мая, которую мы ежегодно… отмечает наш народ. Этот праздник явил… яв-я-является нашим вечным, наверное, праздником доблести и героизма, не только воинов нашей армии на фронте, но и тружеников тыла, без которых мы не смогли бы победить. Вот коротенько то, что я мог вам рассказать.

– Давайте все же вернемся к разговору именно о нашем городе. Вы говорили про День Победы. Расскажите, когда вы попали в Иркутск, как здесь отмечали День Победы? Вот как отмечали другие праздники? Какая жизнь была вообще в городе общественная?

– Каждый праздник День Победы здесь проводились митинги, мы все… эээ… население все шло, начиная от танка по Сове… по… Декабрьских Событий и от Восьмой Советской по танку по… эээ… Декабрьских Событий, потом по Карла Маркса двигались колонны, шли с песнями, с музыкой. Все радуются, радость такая была: это о том, что любой праздник мы шли и по улице Карла Маркса, проходя на… эээ… Сухэ-Батора, и сюда, к Вечному огню, колонны проходили, невозможно было даже пройти. У нас даже колонны проходили по нашей улице Литвинова, даже не могли п-построиться здесь, так у нас на Литвинова, начиная от Дзержинского и К… Карла Маркса, колонны некоторые строились, а потом присоединялись на Карла Маркса и двигались к Вечному огню. Это было такое ликование. Такая радость… всего нашего городского населения: все с песнями, все с радостью шли, и чувствовалось о том, что… что шла, шла и... с тра… э… транспарантами, с песнями, с музыкой идут… Вот прямо, знаете, радовалось сердце о том, что мы отмечали всегда. И этот праздник на протяжении сколько… я вот с шестьдесят четвертого года здесь,

в Иркутске. Мы все время от-отмечали его так доброжелательно. За последнее время как-то вот… эээ… в период этой перестройки, когда началось это то же самое, так более-менее как-то… эээ… празднования такого был… эээ… небольшой спад, ну а сейчас опять также восстанавливается все, вот… э… Мы вот и меньше, проходили… нас, ветеранов, привозили сюда, в сквер Кирова, а потом, когда шло руководство колонны, шли, и нас за… эээ… членов… эээ… нашего руководства области, нас, ветеранов, с этого со сквера Кирова в колонну в эту подстраивали, и мы шли как раз к Вечному огню. У Вечного огня, там проводился митинг, возложение гирлянд, фотографирование, выступления были нас, ветеранов. Потом уже расходились по домам и в… э… в домашних условиях отмечали этот праздник, ну в своем семейном кругу.

– *А может быть, вы помните, какие еще праздники, может быть, Новый год или День города, наиболее ярко отмечали тоже в городе молодежь и вообще жители?*

– Кроме Дня Победы я не… э… не помню ничего такого. День Победы. Был еще вот праздник в отношении том, что наше вот… эээ… Иркутску исполнялось как раз… Праздник был. День рождения его. Это я сейчас скажу… это… затрудняюсь сказать, в каком году это только было… Тоже самый большой праздник был. Мы… эээ… со Второго Иркутска на электричках привозили к… эээ… к Ангарскому мосту, через Ангарский мост здесь, по Декабрьских Событий, здесь все полностью ш-шли колонны, и все эти шли к… митин… к этому, к Вечному огню. Эээ… Вот это какой праздник был, ну а других таких… эээ… я… бы что-то для меня лично так не запомнилось.

– *Понятно. А скажите, что вы думаете по поводу того, что сейчас в Иркутске идет такая тенденция переименовывать улицы, то есть в советское время улицы были переименованы.*

– Я вас понял.

– *После революции, а сейчас им возвращают названия*.

– Я к переименованию улиц отношусь отрицательно, потому что как-никак… эээ… люди, которые заслужили и завоевали советскую власть, и Советский Союз о-образовался, и некоторые герои, которые были здесь, у нас, они непосредственно по… эээ… им-ими-ими-их… их именами названы улицы. Я считаю это правильно. Почему? Потому что из поколения в поколение мы должны знать свою историю, мы должны знать своих руководителей, которые нашу… завоевывали на протяжении вот уже сколько лет… уже идет оно. Возьмите сейчас – даже наш бывший председатель Ко-

митета государственной безопасности Постоловский Иван Семенович, он двадцать первого апреля восемнадцатого года был назначен председателем российской ЧК в Иркутске. И вместе с ним пять человек были чекистов, которые, когда чехи вошли в Иркутск, его схватили, повесили, остальных пять человек расстреляли, и они похоронены здесь, в районе нашего Политехнического Института, за… за… нашим почтовым отделением, туда, к Ангаре. И вот наше десять лет тому назад, наше управление возвели памятник ему, сделали ограду. Сейчас планируется более… памятник такой усовершенствовать, и там… ээээ… старый был он уже, так сказать… эээээ… приводят его в порядок, но не чувствуется, чувствуется в том, что надо привести. Ведь такому человеку, который отдал свою жизнь на заре нашей… он всего пять месяцев был председателем, вел борьбу с контрреволюцией и погиб, отдал свою жизнь, и он похоронен здесь, и его… в честь его фамилии названа… назван наш проспект Постышева. Ну как, как заменить его на другую фамилию, на другое имя или на другое название? Потому что мы должны знать, что человек воевал за наш народ, за нашу Родину, отдал свою самую дорогую жизнь, в честь его назвали бульвар Постышева, и мы вдруг будем переименовывать в другой какой-либо, тем самым забросить его. Мы должны знать историю его… кхм. И в отношении того, чтобы поддерживать и передавать, что… да, действительно, на заре советской власти были такие-то герои, которые своим героизмом прославили себя и… кха-кха… защитили нашу Родину. Ну как можно их исправить? И потом, в отношении… вот улица Ленина или улица Карла Маркса. В отношении улицы Карла Маркса сейчас то же самое идет, вопрос вот там, что тоже делать. Ну Карл Маркс, чем он себя скомпрометировал? Он ничем, учение его никто не про… не опроверг, а сейчас начинают с его учения кое-какие цитаты брать пред-приложения и… эээ… переводить сюда. Ну, как… эээ… пере-п-переименовать улицу эту? Потому что народ прожил восемьдесят лет и знал, что это улица Карла Маркса, и вдруг ее переименовать в другую, ну другие то же самое, ну. Вот улица Черноокова, ну это же был герой Советского Союза, который воевал, который защищал, который ранения имел… эээ… присвоено было звание, то есть улица имени человека, ну взять ее заменить на какую-то другую, я к переименованию этой улицы… и наши вот… эээ… ветераны нашей Великой Отечественной войны относимся отрицательно. Потому что нельзя ворошить историю, переделывать то, чего нельзя, надо строить то, чтобы наш народ жил лучше, вот это

думать надо, а не о том, чтобы как бы перестроить, как бы заменить… эээ… сделать их… эээ… трафаретки там, и улиц имена тоже… затратив это все, дайте народу лучше жить. Вот это. Меньше чтобы было коррупции, меньше было преступности, чтоб мы, наш народ свободно жил так, как и мы жили и раньше. А сейчас, смотрите: на окнах решетки металлические, двери, ну до этого же у нас при советской власти не было замков, было – замкнул… эээ… квартиру и ушел, а сейчас уже мы сами, сами создаем себе условия и живем, как в тюрьме. С решеткой, за металлической дверью и все остальное… Глядь, ну нельзя, надо думать о создании условий и… заботу о нашем подрастающем поколении и воспитывать его в духе преданности, чтобы они действительно любили и уважали свой народ и свою Родину и свой родной город, в котором они живут. Тогда будет порядок.

– *Вот вы уже сказали про памятник, а как вы относитесь к новым пятникам, например, памятник Колчаку, к восстановлению старых памятников, церквей, памятнику Александру III, например?*

– Памятнику Колчака – отрицательно. Почему? Потому что возьмите: если Дзержинский не давал приказа расстреливать и на месте уничтожать без суда и следствия, то Колчак, будучи правителем омским, находясь в Омске, издал указ коммунистов и красноармейцев в плен живыми не брать, на месте расстреливать без суда и следствия. Это его указ был, что и выполняли от Омска до Красноярска и сюда дальше. На та… телеграфных столбах сколько наших честных людей было повешено по указу его. О том, что вот это никогда он с себя не смоет. О том, что он был великий ученый, что там открывал не… э… на север там… э… мне… эээ… это писал такие-то… заслуги есть, ну, пожалуйста, отмечайте. Но о том, чтобы он заслуги… было… имел то же самое… Сколько было по указанию его наших казнено и расстреляно наших людей, когда он был правителем омским, когда он бежал из Омска уже дальше сюда, двигался на восток и здесь был задержан и здесь же был расстрелян. Ну он не вяжется никак, почему по его указке сколько вот, даже это… Наш первый бывший председатель ВЧК Дальнего Востока и Сибири города Иркутска – это Посталовский Иван Семенович, тоже вел борьбу, его же чехи тогда здесь же, как пришли, так сразу же ра… задержали, арестовали, его повесили, остальных чекистов, вместе с ним которые были, расстреляли на месте, здесь же вот похороненные… у… у… памятника. Ну как можно отдавать дань памяти ему? За те злодеяния, которые он вот такие-то совершал. Я… эээ… с многими вот ветеранами… р-э… встречаюсь и

говорю, что… ну… ну… заслуги есть, правильно, о том что он там был мореплавателем, что он на севере, там открытия делал, писал то, то, ну и правильно, ну и пишите, говорите. Но о том, что он им причинил много вреда и много людей погибло от его указки, этого ни… никак нельзя… не оправдывает его.

– *Скажите, вы когда в город приехали, мост через Ангару уже был, да?*

– Был.

– *То есть вы не помните старую переправу? ГЭС как строилась?*

– Ну, строили мост, мне рассказывали о том, что этот мост строился… эээ… не то что там… эээ… какие-то строители, а он… даже мер… местные жители помогали строить этот мост, они приходили. Отработают на ра… на производстве, а потом приходят на строительство этого моста и занимаются… эээ… тем строительным делом, которое им поручат: то уборку, то подноску, то еще материалы – все делают бесплатно. Притом все, все… эээ… иркутяне приходили и строили этот наш Ангарский мост. Вот это был энтузиазм, это было не то, что там вот сейчас: наш мост этот строим сколько лет и никак не можем, а тогда же техники такой не было – на тачках, на носилках все это носили, все, и народ закончит работу на производстве, бежит сюда, на стройку и говорит: «Надо помогать, чтобы мост этот быстрее построить». Вот это был патриотизм среди нашего мирного населения, горожан наших, иркутян, которые отдавали свою дань? не… эээ… требуя какого-то вознаграждения, зарплаты или что. Мы, говорит, бесплатно будем работать, чтоб только быстрее этот был построен мост через Ангару, чтобы связать Свердловский район с центром города, вот все.

– *Скажите, как на вашей памяти развивался Иркутск, строилось все, новые производства, может быть, какие-нибудь запускались. Вы помните?*

– Ну… эээ… Иркутск, развивался он быстро, был индустриальным центром. Особенно мне нравилось, и нам, всем нам иркутянам нравилось… эээ… когда руководил, был председателем городского комитета, исполнительного комитета Салатский Николай Францевич. Это был патриот, он был инвалид войны, участвовал на фронте, у него осколки остались. Я вот с ним встречался, беседовал с ним сколько. Он говорит: «Знаете, тяжело мне, но я все равно буду, работаю и все делаю». В ногах осколки находятся, вытаскивать их… нет… вот. Патриот был исключительный иркутский, он о себе совсем почти не думал, чтоб построить какой-то дворец, там, отдельные особняки, там, сделать все, вот построили

ему за ГЭС там… эээ… особнячок этот, все, и он в нем так и жил, никуда, ничего... И многие иркутяне говорят: «Вот утром, в семь часов, Николай Францевич и пешком, и так по городу идет и везде смотрит и… эээ… и решает вопросы». И при нем очень быстро, бурно начал развиваться город Иркутск. Строительные организации начали строить, и вот за короткий период времени, там за каких-то пятнадцать-двадцать лет, может быть, в Иркутске построено восемь микрорайонов жилья только, и это жилье, это жилье выдавали ра-рабочим и служащим всем бесплатно, ордер выдавали: занимай квартиру и все. А сейчас ведь однокомнатная квартирка стоит миллион рублей. Где рабочему можно купить, когда он получает две тысячи, три тысячи рублей, где он может купить? Вот это вот, я бы сказал, что вот самый бурный такой рост… И он планировал, и всегда вот я с ним встречался, часто он говорит: «Знаете что, вот Иркутск, ой, много еще надо строить, у нас ведь двадцать шесть тысяч частных домиков в Иркутске, их нужно будет сносить, на их месте ставить… эээм… эээ… другие… дэээ… дома, для того чтобы улучшить жизнь народа, но мы наш строительный… строительная индустрия поможет этому делу, и мы в ближайшее время… ну десять-пятнадцать лет пройдет, Иркутск будет неузнаваемый». А пришла перестройка… эээ… Разрушили… Вся промышленность у нас разрушена. Карданный, завод карданных валов был таким предприятием, которое выпускало продукцию не только для вос… Дальнего Востока, но и Китая… и Монголию, Индию снабжало карданными валами, всех, так. Завод, непосредственно, Куйбышева. Такие драги строил для Дальнего Востока и… эээ… других государств, с-э-строил и все делал. Развалили все буквально сейчас, там торговые сделали точки. Завод станкостроительный был, станки такие универсальные строили – станки ликвидировали, обувная фабрика, то есть заво… эти магазины там поделали, построили, и все. Вот из этого, из Иркутска, превратили в торговый город, ведь… эээм… у нас своего сейчас даже почти ничего не… в-э… не выпускается, одно все это, привозное. А запрети ввоз, и нас ограничат этим, у нас ничего своего выпускают, нет. Вот это нет. А старое руководство, оно все же сохраняло и планировало для того, чтобы создавать и рабочие места, и все. Вон на заводе Куйбышева работало двенадцать тысяч человек, на Карданных валов – пять-шесть тысяч. Все эти работали… заняли, выпускали продукцию, получали деньги, зарплаты и все остальное, а… э…. аккуратно, и все… эээ… находили место, а сейчас же там никого нет, кроме как торговые точки… все. Вот это вот, я считаю,

что… ммм-м… промышленность и непосредственно надо создавать у себя, для того чтобы на случай чего такого, так у нас было с-свое личное производство, которое мы обеспечивали. Обувная фабрика, смотрите, какая у нас была! Ее же развивать здесь, и строить, и совершенствовать, и выпускать новые виды… эээм… обуви, все остальное другое, а… эээ… сейчас же у нас все привозное, все оттуда, все рынки заполнены там этими… эээ… разными торговыми работниками… или которые привозят из-за границы. А случись что-нибудь такое, у нас своего буквально ничего не будет.

– *Вы говорили про деревянные дома. Вообще как вы относитесь к деревянным домам в центре города? Ну и вообще, что вот у нас такие большие массивы частных домов в городе?*

– Ну… эээ… здесь должны подходить… де… дифференцированно к этим домам, потому что в центре города есть такие развалюшки, которые не по… не подлежат восстановлению – вот их надо заменять, и на их месте строить другие, но надо выбрать те дома, которые непосредственно построены еще сто лет тому назад, деревянные такие дома, и которые сейчас они еще все стоят, только реставрировать немного их и сохранить для того, чтобы наши потомки видели, что в Иркутске были вот такие, такие-то дома. Но не весь город сохранять… что там центр города, там… эээ… Посмотришь: развалюшки есть такие, зачем его сохранять, по-показывать молодому поколению, что у нас вот был такой город. А есть такие дома: резьба полностью… на… на… на… доме на ок… ставни вырезаны, все остальное, цвета такие, которые… Вот такие дома подобрать и непосредственно их заказать… о том, что они являются памятниками, для того чтобы их не трогать, а чтобы их поддерживать, их совершенствовать. У нас есть строительные организации, которые реставрируют все полностью, это для нашего будущего поколения, чтобы… ммм… будущее поколение видели и знали, что вот у нас были вот такие-то дома. А так-то строить надо, строить, возводить и в Иркутске, и в центре надо, но надо дифференцированно к каждому в отдельности подходить, что можно сохранить, а что можно снести – это уже специалисты должны в этим вопросе… эээ… быть заинтересованы, а законодатели… эээ… власть наша должна быть… утверждать о том, что это пред-представляет план, значит, должны утвердить его и сказать: да, действительно, вот этот сохранить, а это нужно построить.

– *Вы сказали, что работали в речном пароходстве…*

– Да.

– Вот вы сказали, что работали в речном пароходстве. Вот расскажите о своей работе, может быть, какие интересные там воспоминания об этой работе остались?

– Ну, пароходство было очень сильное, большое. Оно занималось… эээ… перевозками грузов и пассажиров. От Иркутска до Братска ходили «Метеоры». Дальше. На Байкале, там непосредственно тоже на Байкале «Ракеты» были… эээ… направлены… для того чтобы перевозить туристов. Большой грузовой парк был непосредственно пароходов в Иркутске, в РЭВ флота строили, обновляли – все делали. Пароходство было сильное, и оно занималось исключительно… эээ… такой работой, в отношении создания рабочих мест и по… и помощи нашему Иркутску. Почему? Потому что вот руководство порта, вот был начальником управления Фролов Леонид Андреевич. Это был умный, честный такой, уравновешенный руководитель, который видел перспективу на будущее. И вот он развивал РЭВ флота, дальше РЭВ на Байкале, Байкальскую РЭВ, Байкал. На Байкале там этот… эээ… остров… в отстое которые были пароходы все. Он совершенствовал… пополняли все время, пополняли все новыми видами… эээ… пароходов и теплоходов… те, которые необходимы были для народа. А сейчас замерло, почти что и не слышно этого пароходства, ну ходят два-три катера на… эээ… до Братска, там, до Усть-Уды и обратно, или на Байкале вот возят все… эээ…

– А скажите…

– Тогда было… эээ… под руководством старого руководства руководители были, они предвидели, видели и намного вперед смотрели и создавали непосредственно условия, для того чтобы пароходство расцвело и разъездило…

– А скажите, вот именно вы чем занимались в пароходстве? Какие ваши были обязанности?

– Раньше?

– Да

– Ну, раньше они перевозили большие грузы, большой… эээ… по-поток грузов был, они… эээ… в… на Ангаре пароходы работали полностью, в полную силу на пароходах, на… на Байкале то же самое, так же было, и в большинстве случаев, там вот две или три «Ракеты» были, катер был, непосредственно перевозили наших туристов, делегации на Байкал, перевозили в Слюдянку, в Листвянку, на порт Байкал перевозили. Занимались, так сказать, нормально и… э… весь командный состав был исключительно так… эээ… доброжелателен, и на пароходство в то время шли у них са-

мые низкие цены, были расценки все на по… эээ… на автобусе до Листвянки нужно было доехать, там раньше было, там… ммм… три пятьдесят или четыре рубля что ли… такое-то – на «Ракете» можно доехать было за два семьдесят, за… эээ… за три рубля, там, в общем, дешевле намного. Они видели перспективу, и тем самым конкуренцию с… эээ… автомобилистами и… эээ… и… пассажиры. Большинство их шли на Чертугеевскую пристань, садились на во… на пароходы, на… эээ… теплоходы, «Ракету» и до Байкала, там шестьдесят километров, ехали, значит, с удовольствием. По-моему, по-моему, чем на автобусе по дороге от Иркутска до Листвянки ехать…

– *А скажите, именно вы чем в пароходстве занимались?*

– А?

– *Именно вы чем в пароходстве занимались? То есть ваши обязанности как работника?*

– Я что ли?

– *Да-да.*

– Ну… я-я-я… Я сейчас чем занимаюсь…

– *Вы вот в пароходстве работали, вот какая была ваша работа?*

– Ну я в отношении того, что о… обеспечивал безопасность, в отношении это вот по… эээм… всему пароходству, и обеспечивали вот. Делегации приезжали к нам, многие туристы приезжали, некоторые недоброжелатели приезжали, которые собирали сведения о наших… эээ… объектах, и все остальное. Мы их непосредственно устанавливали, решали вопрос с ними, сообщали в центр. Они… э… потом им дорогу запрещали, больше они уже к нам сюда не появлялись. Многие здесь были, то же самое, которые приезжали к нам… и вот в запретные зоны – особенно, у нас авиационный завод в Ленинском районе был, туда вход запрещен был, потому что там выпускали самолеты военного характера – так… вот им дипломаты… любыми путями садились на любой т-э… там ходит, садится на любой транспорт, выезжает в Ленинский район ко… к… объекту, ходит туда для того, чтобы там сфотографировать, уточнить или с кем-то поговорить, и все. Наши органы предотвращали это. Его там задерживали, оформляли протокол на него, сообщали в Москву и… говорят, что вот он занимался таким-то, таким-то фотографированием, пленки изымали у него и все остальное… пер-перепечатывали. Вот он сделал такой-то, ему уже потом запрещали, больше он уж в Иркутск сюда не приезжал. Ну а с теми, которые доброжелательно приезжали, наши гиды, переводчики, все непосредственно занимались, разъясняли, рассказывали о

перспективах развития нашего Иркутска, о бу-будущем Иркутска, чтобы так привлечь внимание наших туристов, чтобы они непосредственно больше к нам приезжали сюда. Рассказывают положительно, все остальное, так… Ну а я вместе с ними, с туристами, с гидами вместе, если какие вопросы возникали, они мне всегда говорили, и мы принимали соответствующие оперативные меры.

– *А скажите, пожалуйста, вот вы заметили за время, пока вы живете в Иркутске, климат в городе изменился? Вы не обратили на это внимание?*

– Ну, как вам сказать… эээ… ммм… Жил я… эээ… здесь раньше было так… эээ… для меня меньше болячек было в отношении того, что климат был более-менее так-то… что с Ангары кругом. Ангара, и… эээ… заливы, и здесь все: вода и воздух – был… эээ… чище, и все остальное так… эээ… Я думаю, что за последнее время так более-менее как-то… эээ… очистился город и… эээ… от всего того, что было раньше… Были каждый дом, там, обгорожен был забором, и все остальное, а сейчас это все, все это снесли уже, сделали дома… эти расстроили так, что сейчас более-менее принимает культурный вид. Если только он дальше будет так же чувствовать себя, развиваться, потому что корреспонденты помогли очень много… эээ… нашему городу – сделать более его культурным, более чистым. Когда «Байкальские вести» – вы, наверное, помните, – все время описывали о Якубовском, что вот он какой-сякой, он ничего не делает, он дороги не строит, он до-дома не реко… ремонтирует, то делает, и все. Как его тогда перед выборами все… Они извлек из этого урок, из тех, корреспонденты которые писали, в адрес его те недостатки… все остальное. Он изменился, и в эту, в прошлом году, и вот и нынче… э… Город начал принимать более положительный красивый вид. Вы сами за-заметили, наверное, улицу Карла Маркса, улицу Ленина, здесь вот и сквер Кирова даже… Какой он был скверик такой, все так посмотреть сейчас, все же так привели в порядок. Значит, корреспонденты помогли ему, мэру города, чтобы он извлек соответствующие выводы из их рекомендаций и перестроился в своей работе и строил положительно все… э… город такой, какой требуется для нашего народа… нашего, жителей города.

– *Скажите, вы, наверное, были во многих других городах крупных и в России, и за границей, поскольку были на войне…*

– Я за границей не был.

– *Все равно даже…*

– Я… эээ… по работе органов никак, никогда не был я… эээ… нам не разрешали вы-выезжать за границу.

– *Все равно…*

– А в отношении Красноярска я вот хотел что сказать. Вот соседний город Красноярск. Я там проработал более двенадцати лет. Город красивый. А почему? Потому что там руководители города и… о-э… края принимали самое-самое непосредственное внимание в отношении постройки, чистоты и всего города. Придешь в город – не то, что у нас еще сейчас вот, ну народ еще сейчас же где стоит, там и окурок бросит, где стоит – бутылку бросил, бутылку бросил, и все. Там этого нет. Там урны, чистота. Идешь по городу, идешь по улицам по этим, там в них чистота, порядок, как будто бы действительно, что там… Вот сравнить город Красноярск и Иркутск… эээ… Красноярск намного чище. Но Иркутск сейчас, наверное, побывали там, посмотрели… Говорят: «Надо и нам приводить его в порядок, чтоб был такой же привлекательный, как и Красноярск».

– *Скажите, у вас было когда-нибудь желание уехать из нашего города? И вот когда и, может быть, почему?*

– Нет. Нет. У меня такие корни сейчас здесь, ну как я могу уехать, когда у меня… эээ… здесь же два сына… Дочь, правда, сейчас в Воронежской области, живет с семьей там, вот на день рождения приедет сюда, но два сына здесь у меня, семь внуков, одиннадцать правнуков, один праправнук. Ну как я могу от них уехать, когда они вот сейчас как-то… вот в день рождения как соберутся: негде поместиться. Сначала одних, ребятню, посадят за стол ототпраздновать… проводили: идите в комнату… потом мы, все взрослые, садимся и отмечаем. День Рождения, да все… Желания за все… за весь период времени у меня никогда не возникало, о том чтобы я куда-то вот мог переехать. Почему? Потому что как-то уже прижился, ведь… эээ… как-никак, а с шестьдесят четвертого года… это шестьде… ско-сколько… сорок пять лет уже в Иркутске. Вот за со… за сорок пять лет, почти жизнь человека, хех… Так что, ну, я… эээ… не обижаюсь, я не ставлю претензий никому, ничего, хотя я инвалид войны, награжден, и все, чтоб мне квартиру там, особняк построили. Мне и в хрущевке… комнаты маленькие, тридцать семь квадратов, и все, я… я… никогда. Я говорю: «Люди живут в худших условиях, и я должен мириться». Правильно, пусть кому-то построят, а я в этом проживу. Я вот в этом доме вот уже сорок пять лет.

– *А скажите, у вас есть в городе какие-нибудь любимые места? Может быть, куда вы любите приходить, связанные с какими-то событиями в жизни, может быть, важными, или просто любимые места?*

– Больше я хожу… бываю часто… это на сквере Кирова и Вечного огня, отдаю дань памяти всем своим сослуживцам, которых нет среди нас, которые отдали свою жизнь за нашу победу, за наш народ, которых нет, всегда преклоняюсь перед ними. Часто бываю на… с женой приходим сюда, вот к нашему первому председателю ВЧК Сибири и Дальнего Востока Иркутска Постоловскому Ивану Семеновичу, который похоронен здесь, недалеко от нас. Вот я сейчас в управлении ходатайствую через… Он являлся и комиссаром, первым комиссаром УВД милиции, Постоловский не только председателем Всероссийского ЧК… д-э… Сибири и Дальнего Востока, но и комиссаром милиции был еще, выполнял должность. Вот я сейчас связался с председателем совета ветеранов УВД Николюковым Владимиром Кирилловичем, вот он там сейчас прорабатывает со своим руководством, чтобы совместно УВД и наш ФСБ соединились и со всеми усилиями возвели другой памятник, настоящий памятник, сделали мраморную доску… на этой надписи, что здесь похоронены двадцать первого, то есть в авг… третьего августа восемнадцатого года в боях с белогвардейцами погибли вот такие, такие, такие-то, чтобы можно было каждому… Сейчас приприходят туда… эээ… дорога есть и… и… тропка есть, и все дело, но только когда построят, такой тогда будет как место бы притязания, потому что здесь и студенты могут проходить, и все… и приводить, и все сделать так. Вот сейчас вот стараемся, решаем вопрос в отношении вот этого. Вот такое вот место есть такое. Ну остальное так, ну когда встречаюсь я… эээ… сейчас уж редко хожу… эээ… возраст одно… эээ… В другие места… эээ… почти не хожу… куда вот меня приглашают, на встречу я иду с преподавателями, студентами и учащимися, все так рассказывать. Почему? Потому что я выступаю перед аудиторией – не беру вот книжечку, так вот все написано, и вот… А прочитал, ага, вот это прочитал, это рассказал я, я ничего, я своими словами о том, что я от А и до Б: начинаю от войны и кончаю войной, и дальше я пережил и прожил я… девяносто первый год… Я все это подробно знаю, и сохранилась память, дай бог, и дальше бы так, потому что я еще помню. «Как ты, – говорят, – помнишь?» Ушел уже на пенсию – вот в восемьдесят в шестом году я ушел на пенсию. «Ушел на пенсию, а нас всех помнишь?» Даже которые пенсионеры все были… Я говорю: «Потому что я всю жизнь проработал среди добрых людей, а добрые люди всегда в памяти о-откладываются на всю жизнь, и я никогда не могу забыть их». «Ой, молодец, я так не помню еще, а ты уже помнишь. Вот скажи вот! Такой… такой, ага, вот Николай Пет-

рович, он же когда ушел на пенсию, а ты его помнишь!» Я говорю: «Потому что я с ним работал и знаю его, и он был добрый, а с добрыми людьми я всегда поддерживал контакт и поддерживаю сейчас, и меня за это уважают, и я уважаю людей».

– *В завершении беседы что вы можете сказать о наших горожанах именно как о людях, какими они были? Какие они сейчас? Сильно ли изменились люди в городе?*

– Ну что можно сказать? Во время Отечественной войны ведь все, почти половина Советского Союза, весь запад и весь… эээ… до Москвы… и все остальное было ведь разрушено, все. Сибирь вообще. Даже никто… не могли строить ничего буквально. Почему? Потому что все было для фронта. Техники такой не было, все это было вручную. Я вам э… го… эээ… гово… рассказываю о том, что я тогда приехал – мост через Ангару строили работяги с тачкою, возили носилками, переносили тяжести, для того чтобы строить все. А сейчас же совсем другая техника, другое строительство, легче сейчас, только желание одно: знания есть, желание о том, что не о себе заботиться, как другие, а работать так, как работал Николай Фран… эээ… Францевич Салацкий. Он о себе не думал, он о себе не думал… о том, чтобы сохранить или построить или что – он думал о народе, он думал… так и его уважали и к нему относились, и все. И если у нас руководители поймут это и будут так же строить, как вот сейчас вот… Приехал новый губернатор Мезенцев Дмитрий, и он будет прислушиваться к народу, к голосу народа и будет принимать все меры, зависящие от него, все остальное… Город будет непосредственно быстро расти. Народ у нас доброжелательный, только надо уметь подход к нему иметь и организовать: если только организовать его, он сделает большие-большие дела, тем самым и город, через, может быть, определенный период времени, там… через десяток лет… эээм… приедут в Иркутск и скажут, что, ой, Иркутск уже неузнаваемый стал. Действительно, будет городом притяжения и больше всего будет к нашему Байкалу, потому что… и… ну туристы, японцы, китайцы и… и другие страны, американцы, все едут сюда для того, чтобы только побыть да посмотреть на Байкал, вот так. Если вам нужно по-посмотреть газеты, фотографии, я могу показать. Если вы не желаете – желаете, я могу и сделать, если нет, значить, все…

– *Спасибо вам за интервью!*

Интервью
с Ариадной Георгиевной Рязанцевой
(1918 год рождения)

– И мама у меня тоже, она иркутянка была, вот, а воспоминания какие… А... в детстве жили очень тяжело, трудно жили, и голод, и все.

– *А вы помните?*

– И вот детские воспоминания… интересно… как раз сегодня подумала и думаю, что же, интересно, тебя поинтересует, и почему вспомнила, даже не знаю. Вспомнила, как мы… жила тогда на Карла Либкнехта, вот квартал, который от Карла Маркса до Дзержинского, вот этот квартал, здесь деревянные дома такие двухэтажные идут старые, и вот мы в этом в деревянном доме жили. И я вспоминаю, как напротив кинотеатра «Пионер» – сейчас там большой каменный дом, – а тогда была лавчонка маленькая такая… эээ… продавали продукты всякие. И вот большим счастьем было для нас, вот для ребятишек: три копейки дадут, три копейки стоил фунт, ну тогда фунты были, ну четыреста граммов в переводе на русский язык, на теперешний. Семечки три копейки вот фунт был, а орехи пять копеек были. Ну орехи это уже, знаешь… выпросить было еще две копейки сложно. И вот заходишь, колокольчик в дверях там был, как заходишь, колокольчик брякнет, и вот там, значит, выходит хозяин, который торговал. Вот это самые такие, ты знаешь, детские воспоминания…

– *Ваши впечатления об Иркутске? Вы помните, как вы воспринимали город? Он вам нравился?*

– А?

– *Детские впечатления об Иркутске? Вот как вы воспринимали город, он вам нравился или нет?*

– Ну, город родной, он всегда… это, конечно, он вечно грязный был какой-то. Потом вот, когда я стала много ездить уже, потому что спортом занималась, там мы много ездили. Так сравнивать с другими городами, конечно… Но единственное я помню… воспоминание… вот по книгам читала… Волга, значит, река такая… все. И когда я увидела Волгу воочию, я в ужасе была. Такая грязная вода против нашей Ангары-то. Я как увидела, вообще в шоке была. Ну мы ничего себе: мы считали Волга – мать-река, значит, там все… и вдруг увидели вот эту грязь.

– *То есть вы гордились нашей Ангарой?*

– И у нас одна. Тоже в волейбол она со мной играла вместе, приехали в Куйбышев. И она решила свое платье (у нее крепдешиновое платье, голубое такое было), она решила его постирать. Мы

пошли на берег Волги, она это платье туда, значит, в воду погрузила, и вот оно все пятнами такими коричневыми, нефть сплошная, вот, на поверхности. Ты знаешь, воспоминание, конечно, не в пользу западных этих рек, потому что, действительно, чище нашей Ангары… правда, теперь ее тоже уже… ну на вид она все равно прозрачная и все… так что…

– *То есть вы говорите, что ваши родители родились тоже в Иркутске, да? Или они приехали?*

– Да-да, да-да. Так что мы коренные иркутяне были. Отца у меня в девятнадцатом году… он поехал за продовольствием, здесь же голодно было, вот его отправили, работал он в городской этой управе, не знаю, в какой должности, а мама работала там же машинисткой. И вот он уехал… и так он исчез потом… эээ… Разговоры были такие. Здесь, в районе Читы, белая банда Семенова была такая, белобандит был. Хотя это уже после революции было, девятнадцатый год. И вот он уехал и скрылся, и были разговоры такие, что там вроде его, что вот… Ну красный, в смысле, и вроде банда семеновская сожгли в паровозной топке, такой разговор был, но не знаю, насколько это… Мама ездила, искала его. Мне было всего девять месяцев, когда она вот осталась одна. У ней было три брата и сестра. Отец умер от туберкулеза, и вот бабушка осталась, пять ребятишек было. Жили в то время, вот сейчас сохранился этот дом – это вот отсюда когда на трамвае ехать в сторону рынка, отсюда, вот трамвай на Тимирязева сворачивает к рынку, а с правой стороны стоит старый-старый дом, с балконом такой, двухэтажный, вот в этом доме все семейство наше жило. А потом переселились на Карла Либкнехта. И тоже все жили там. Мои дядя с тетками жили, значит… было их трое… ааа... у только… у одних был мой двоюродный брат, он на три года меня младше. И что? Вот бабушка варит обед – стол был такой раздвижной у нас, здоровый, помню хорошо: такие толстые ноги были у стола – варит обед… Мясное мы ели всего два раза в неделю, остальное все постное: супы, борщи там… аа… эти самые щи, все постное… Что такое? Вот просто заправят чем-то и все. Так что жили… эээ… худовато, конечно. Ну, а потом мама болела сильно, я в тринадцать лет уже пошла работать, школу семь классов даже не кончила и пошла работать, а мама все страшно хотела научить играть меня на пианино. Вот заставляла, значит, заниматься, частный учитель был. Надо было два часа в день сидеть за инструментом, а мне неохота: все на улице носятся, а я, значит, тут должна. Но бабушка контролирует, когда села за пианино и когда… Ну научилась часы передвигать, и как-то меня бабушка за этим занятием захватила… вот… Ну а потом так… бросила это дело. Потому что и инструмента

дома не было, потом мы с мамой уже купили, знакомые уезжали отсюда и продали нам в рассрочку пианино старое, французское. Габаен, помню, фирма была. Два года мы за него выплачивали деньги, вот, у кого купили. Ну пианино так потом уж осталось… Ну, а что – в тринадцать лет… А мы жили потом уже сейчас… Если ты город хорошо знаешь или так?

– *Ну...*

– Володарского улицу знаешь?

– *Нет, не знаю…*

– Нет, не знаешь… так… Ну… Карла Либкнехта знаешь?

– *Карла Либкнехта знаю.*

– Вот это если от завода Куйбышева Карла Либкнехта идет, а потом следующая Володарского, на ней прокуратура области там сейчас размещается, вот. Вот на этой квартире жили в коммунальной… эээ… на этой улице в коммунальной квартире на Володарского, а через забор, вот где дом железнодорожников… это… объяснить тебе… Ну напротив там магазин «Нива», потом радиотовары, напротив… эээ… на противоположной стороне, а здесь была площадка спортивная динамовская, дома не было, тут стояла церковь когда-то, ее взорвали, потом, значит, разобрали там… эти сделали… была спортивная площадка, а мы за забором жили. Вот через забор… Коньки дома наденешь, через забор и на площадку… и все туда. И вот я к спорту приобщилась, а потом меня уже, ну, видно, как-то выглядела, наверное, неплохо на… эээ… так сказать, на этих делах затащили меня в общество «Динамо». Это был тридцать второй год. И вот я до сих пор в «Динамо». Вот считай, сколько лет, правда, с 1946-го по 54-й тут меня заставили просто в партийной организации в городской, чтоб вот за «Спартак» играть надо было на России, потому что… надо усилить команду было, я говорю: «Я не пойду в другое общество». Ну и, в общем, вызвали в горком. Вот так восемь лет я отыграла в этой спартаковской команде, которая… была одиннадцатикратным чемпионом России. И в том числе один год даже были серебряными призерами Союза ССР. Но я четыре раза была чемпионкой России. Вот… Ну и что, образования-то не было, а уже понимала, что надо же все-таки учиться чему-то. Так, работала в разных организациях, в том числе сначала в «Динамо», работала в областном совете, потом… было… Вот сейчас МВД, а раньше называлось ВЧК, та же самая организация. Поскольку я в «Динамо» была, меня туда взяли на работу для чего? На соревнования надо было ехать, и вот надо, чтоб ну… работающий был там. В Москву, это тридцать пятый год, поехали на спартакиаду войск МВД. Вот это первый выезд, так сказать, был такой большой. Ну там на спартакиаде я что – пятое место заняла

в пятиборье и седьмое место… эээ… по прыжкам. Вот на этой спартакиаде. Показания, конечно… сейчас смешно о них говорить, потому что это смех какие результаты были, сейчас сравнивать даже невозможно, это несравнимо. Ну вот.

– *А много людей тогда занималось спортом в Иркутске?*

– А?

– *Много тогда людей занималось спортом в Иркутске?*

– Очень много, стадионы были полные.

– *Иркутск был спортивным городом?*

– Да, да. У нас вот стадион «Динамо», который сейчас вот в Рабочем… Мы принимали участие в его строительстве, нас возили туда на машине. Вот с работы на машину и туда, там строили, копали, ковыряли все. Такой был трек, лучший в Союзе был, из кедра были сделаны эти… ммм… ну настил весь. А потом так все рухнуло.

– *То есть вы считаете, что сейчас как бы в Иркутске спорт уже… Менее активны люди стали к спорту?*

– А?

– *Вы считаете, что сейчас люди менее активны к спорту, чем раньше?*

– Вон мои кубки, за четыре последних года. Последний год… в этом году за Лыжню России.

– *Здорово.*

– Не бросаю пока. На лыжах нынче всю зиму ходила почти.

– *Правильно.*

– Нет, надо двигаться, ты знаешь, это такое дело…

– *А молодость Ваша как в городе проходила?*

– А вот мы на стадионе без конца, как-то у нас не было страха этого, никто… по ночам ходили… и улицы… спокойно было совершенно. Такого беспредела, как сейчас, не было. Я уж потом столкнулась, когда вот стала… учиться-то надо было, пошла на курсы по подготовке в горный институт. Вот, ну и что там. Потом эти курсы закрыли, потому что народу было… больше было преподавателей, чем курсантов, потому что тяжело было: вечерами после работы ходили еще туда, и потом один мне говорит: «Ты если куда-нибудь хочешь, ты где-нибудь устраивайся куда-нибудь учиться, потому что мы закроемся». Он директором курсов был. Причем наш лыжник, спортсмен. Саша Вострошев, вот помню даже его до сих пор фамилию. Ну и что… пошла я… а работала я тогда в коллегии адвокатов секретарем. Ну… бумажки там регистрировать, писать, все. Грамота-то была. Между прочим, никогда правил не знала никаких абсолютно, почему так писать, я не объясню, а знаю, что так надо. И вот уже была взрослая, встречаю как-то свою учительницу бывшую по русскому языку и литературе – Александра Ивановна

Пеняева, вот помню ее хорошо. Мы ее… кличка была… Солоха мы ее звали… Встретила меня… угол Пролетарской и Карла Маркса… она такая маленькая ростиком была. Ну остановились: «Александра Ивановна, здравствуйте». Она говорит: «Ну слушай, теперь уж вот время прошло, теперь уж ты взрослая, ты сознайся мне сейчас хоть, что ты меня у доски просто-напросто изводила?» Что вот правила спра… не знаю правил, а писать… – А может, тут «а», не «о»? – Нет, «а». – А почему? – Не знаю. Но надо «а». – А тут, может, запятую? – Не… нет, надо. – Почему? – Надо потому что… Она говорит: «Ты, может, меня просто изводила». Я говорю: «Александра Ивановна, вот честное слово, ни одного правила, вот абсолютно». Ну это, наверное, знаешь за счет чего, Оля, потому что я очень много читала. Я очень много… я рано начала читать, со школы уже читала… и вот сейчас у меня самое любимое время суток – это когда я ложусь спать уже вечером – и книгу. Вот, это самое любимое время. Ну что, жизнь, я считаю, я, во-первых, не зря прожила ее, потому что я… мое кредо это… делать людям добро. Хотя работа была: я тридцать шесть лет в суде проработала судьей, и после этого, потом уже, когда на пенсию ушла, затащили меня в прокуратуру области работать, что там завалились, и некому работать, помогать. На месяц попросили прийти, и я шестнадцать лет еще в прокуратуре области работала. Сейчас, Олечка. Ну, вот что, что могу тебе еще сказать…

– *Скажите, а вот вы хорошо знаете город?*

– А?

– *Хорошо знаете Иркутск, все улицы, все знаете?*

– Ну знаю, современное-то, может быть, и не знаю, потому что я на окраинах, больше-то на окраинах… сейчас… улицы новые названия какие-то, а центр города хорошо знаю, конечно.

– *А как к переименованию улиц, например, к смене старых памятников новыми?*

– А?

– *Как вы относитесь к переименованию улиц, к смене старых памятников новыми, ну то есть, например, вместо Шпиля поставили памятник Александру III. Как вы к этому относитесь?*

– Эх… Я вообще считаю, что все вот эти… дурь эта с изменениями… ни к чему это все, вот совершенно. У кого-то, прости, моча в голову ударит, и вот так же, как вот… просто у меня слов нет даже… Министерства эти организовали, ну слушай. В каждой, я говорю, в каждом дворе еще надо министра теперь поставить В краях, областях уже есть, теперь во двор надо только министра. Зачем вот все время… эээ… стараюсь объяснить это и не могу понять… зачем? Что от этого стало лучше, что? Вот даже на примере нашей

спортивной организации. Был областной спорткомитет всю жизнь, комитет – так областной, и все привыкли кто спортсмены: спорткомитет и все. Вдруг агентство стало по физической культуре и спорту… Что от этого изменилось? Ничего. Результаты как были некоторые на нуле, так они и есть. Во всяком случае, массового спорта нету. Нету. Стадионы-то пустые стоят. Но… А куда-то… вот я сама причем знаю это, потому что мне приходилось сколько раз заниматься устройством кого-либо, ребятишек вот, чтоб бесплатно можно было… мм… заниматься. Ведь это целое дело, ведь это целое дело. А теперь уже не агентство, а теперь уже – министерство по физической культуре. Что от этого?.. Я, например, считаю, что это просто неразумная трата государственных денег. Прежде всего, ты посмотри, бланков наделал на одну организацию, теперь изменилось. Теперь никакого официального письма на этой бланке уже нельзя… на этом бланке делать. Значит, все менять надо. Печати надо менять, посчитай – сколько по России. Это так же вот эти улицы, вот зуд вот этот, зуд, вот кому-то там втемяшилось в голову: вот надо. Зачем? Привыкли… Во-первых, у людей прописка. Раз была улица так, а значит, надо снова в паспорте изменения регистрации, так а зачем, для чего?! Потом эти дикие цены на все. Вот сама столкнулась на днях буквально. У меня два сада – один здесь, в городе, второй на тракту там, садоводство и гараж вот здесь у меня, я же на машине езжу. Вот, регистрации у меня не было, у меня документы на то, что это я собственник есть, а надо еще кадастровый этот самый… эээ… земле должны геодезисты съемку сделать. На черта эта съемка, кому она нужна? И потом зарегистрировать еще в департаменте… эээ… нашем. Для того чтоб сделать съемку на одном участке, двенадцать тысяч берут. За что, спроси: рулетку вытянул с одного края на другой, так и поперек, и умножил, все. Площадь-то больше никак не рассчитывается. За что двенадцать тысяч, прости, с людей берут? Ну вот так. Вот я вот эти вот безобразия никак я не могу… ууу… с этим согласиться, эти цены растут без конца. Вот я тебе привела пример, что три копейки стоили семечки и пять копеек орехи. И потом мы всю жизнь на трамвае ездили, три копейки стоил билет. Ну, а сейчас… Причем не знаем, что будет дальше. Я говорю… И самое противное, вот самое отвратительное для меня, вот, например: сегодня разговаривали с одной нашей, она тоже ровесница мне, играли вместе в волейбол с ней. Я говорю: «Ты знаешь, вот досталось же время поганое такое на старости лет». Ладно, я обеспечена, я не могу пожаловаться, потому что мне платят достаточно, я как судья в отставке, я получаю прилично вот. Я могу и помогать всем и без конца расталки-

ваю. Вот, кстати, говоря. Вот получила письмо. Тоже это… Здесь вот… Ну вот выдержку прочитай, вот тут вот.

– Это откуда?

– Прочитала? Что в мою честь назвали там девчонку, вот, и открытку прислали мне. Ее фотографию. Я им периодически помогаю, потому что семья очень нуждается. Они просто хорошие знакомые, были когда-то друзьями моему мужу покойному, вот. И их, как сказать, вот отец, ну дед теперь вот этой Ариадне, он племянник был с какой-то стороны там мужа моего. Так я знала, что она вот осталась – он умер – и она с четырьмя детьми осталась одна, вот эта Галя, которая пишет. Ну как вот не помогать: у меня возможность есть, значит, я периодически деньги посылала. Она вот тут пишет мне еще… где это… Вот читай вот тут вот. Ну вот как не помогать… Двум спортсменам помогаю периодически. Все время они живут, одна вот сейчас лежит в больнице и предложили ей… эээ… кардиостимулятор ставить. Муж рак перенес, операцию. Дочь похоронила недавно, внуку девятнадцать лет, и сама в больнице сейчас. А пенсия что говорить… попробуй на эту пенсию проживи. Вот кто назначает, надо их посадить. На эту пенсию и вот живи, и покажи, как жить на нее. Ну… Нет, время поганое, вот честное слово, прямо тебе говорю. Раньше был и голод, допустим, война была, но мы знали, что это война идет, знали, что страна нуждается, терпели это все. Ты посмотри, как работали после войны. Восстановили все то, что было разрушено. Стали лучше жить, все. Считали пенсию – сто тридцать два рубля назначили – это самая большая была пенсия, все радовались. Так на эти деньги я могла поехать на юг куда-то, купить что-то. А сейчас… Попробуй, поезжай… Вот с пенсией с норм… нет я-то могу, а вот тот, кто вот получает обыкновенную пенсию, вот без всяких этих… Ну это же невозможно. Людей поставили на колени и в тупик загнали, от которого выхода я теперь не вижу. Потому что если дальше такая политика будет продолжаться у нас, как сейчас идет… Я не одобряю совершенно это. Одни разговоры, одна болтовня. Прибавили пенсию. Три рубля прибавят, а цены на триста вырастут. Ну… У меня вот сын инвалид. Он третьей группы. Ну и что… Вот ему пенсию повысили… Смех, смех один… а коммунальные услуги выросли черта знает на скока… Нет, не знаю…

– Скажите, а как вы во время войны жили и каким был Иркутск во время войны?

– Во время войны жили, во-первых, я тебе скажу, все знали, что идет война, что тяжело. Все делали для того, чтоб… ведь ребятишки в двенадцать лет уже работали у станков… вот в двенадцать лет. Знали, что это все тяжелое, но это преодолимо все. Ко-

нечно, потери у нас колоссальные – это спору нет, что можно было… ммм… наверняка, можно было меньшим количеством жертв обойтись. Ну что делать, надо было как-то победить все-таки в этой войне в страшной. А потом стройки эти. Вот все это… люди работали. Просто знали, что это надо и все. А тут не знаю я, к чему мы придем даже…

– *А город как-то принимал участие в войне?*

– А?

– *Город как-то принимал участие в войне?*

– А как же! У нас оборонные заводы были. У нас вот на… эээ… вот где Авиационный техникум, знаешь, нет на этой… на Ленина. Так был патронный завод, вот. Теперь на заводе Куйбышева тоже оборонное было предприятие. В Иркутске Втором, там. Здесь оборонных было четыре или пять, по-моему, заводов, причем ведь увольнять-то… не увольняться невозможно, было попробуй уйди. Вот так вот без согласия руководителей и все… Указ от двадцать восьмого декабря сорок первого года за дезертирство. Судили, пять лет лишения свободы можно было получить, если ты ушел, бросил работу. Ну это потому что надо было… потому что была такая ситуация в стране, что если бы дисциплины не было, то не знаю, что бы было. Эх… А сейчас… Я говорю, вот дожили до того, кризис теперь… Теперь, значит, еще одна причина будет, что кризис. Я вот вчера была на встрече с Якубовским. С ветеранами встречался. Ну и что хорошего… вот ничего впереди хорошего нет. Все, денег нету… никуда и все. Я говорю, а вот еще во дворах министры будут, у нас в каждом дворе свой министр. Зла не хватает, вот честное слово. Просто безобразие. И, конечно, приходится както ну мне… эээ… понимаешь жаловаться нельзя, потому что я обеспечена. Даже имею возможность помочь вот… эээ… ну, совершенно, по существу, для меня посторонним… Ну я все равно помогаю, все равно вот… двум спортсменам, вот этой… Роза, она со мной играла вместе, ну она младше меня, правда, вот. Потом еще одна. Она на лыжах, вот всю зиму с ней ходили на лыжах, у ней тоже беда. Дочь была за рулем и попала в аварию сама и сломала позвоночник. И представляешь, она теперь… она вот ни ходить, ничто не может. Двое детей, а вот мать… вот. Нина, с которой мы ходим на лыжах, ей уже тоже семьдесят пять лет, вынуждена была бросить работу в Политехническом, она там работала. И вот теперь вот такая ситуация в семье. Лекарства надо всякие эти… Ой, вообще. Жалко мне людей, жалко то, что они вот так вот мотаются, а хорошего ничего впереди нет. Потому что пенсия это, я говорю, смех один, а не пенсия. Я говорю, вот надо заставить, кто вот определял размер пенсии, чтоб они… на вот… и посадить… и ты про-

живи, покажи, как жить надо. На рынок-то пойдешь – сто-то рублей вообще нечего брать. Ну что ты на них купишь… ничего.

– *Точно.*

– Так что, к сожалению, у меня единственное осталась… светлое, так сказать, пятно. Это то, что я могу вот еще кое-как двигаться. Хотя мне девяносто первый год уже, вот. И вот на лыжню России схожу и… эээ… вон очередной кубок. Я раньше получала призы за результат, а теперь за возраст, потому что старее меня никого там – дураков нет уже.

– *Правильно, несмотря на возраст нужно.*

– А?

– *Несмотря на возраст, нужно быть спортивным.*

– Нет, нет. Надо, надо двигаться, Оль, это однозначно.

– *Я согласна.*

– Потому что иначе… Что иначе просто лежать и ждать, пока тебе придет смерть. Зачем? Лучше уж на лыжне скопытиться. Подарил мне спорткомитет тренажер, девяносто лет исполнилось когда. Стали там… Я говорю: «Знаете что, вы голову не ломайте себе, вот если возможность будет – тренажер, вот». А я… Я понимаю, они же очень дорогие. Я говорю: «Я вот сколько там выделят, допустим, пусть там хоть сколько, а я остальное доплачу». Мне накануне приволокли его домой. Ну вот. Ну что, Оля, видишь, единственное у меня… Во-первых, я хочу, чтоб как-то хоть полегче людям бы жилось, хоть немножко. Потому что посмотришь: правда, невозможно. И как умудряются выживать…

– *Ну что делать, приходится.*

– Ну спасают кого-то, спасают там огородные свои запасы эти, так сказать, все это… делают. Ну… Я, правда, тоже… ууу… это… картошку садили, но не потому что я не… я могу ее купить. Могу, но там что купишь. Потому что сколько раз у меня вот друзья мои налетали. Купят – она то гнить начнет, то какая-то невкусная… эээ… в общем… А тут я уже, уже знаю, что у меня… эээ… вкусная картошка, вот. Не знаю. А как дальше будет, даже страшно подумать, вот правда страшно даже…

– *То есть с каждым годом все хуже и хуже?*

– А?

– *С каждым годом все хуже и хуже?*

–Да-да. А что лучше-то? И лучше нисколько не стает. Я, например, не вижу улучшений никаких. Кричат у нас, что… там ты, ты, ты – трескотня эта идет. Эх, к черту, я говорю. Бездельники сидят в этой Думе, спят там. Выковыривают законы какие-нибудь, вроде того, что министерства эти во всех областях. Это надо было додуматься до такого, это вообще. Я не знаю, какой идиот это

придумал. Не знаю, вот. Показали бы хоть, кто вот инициатор этого, чтоб можно было наплевать на кого-то… Не знаю…

– *А желания переехать у в другой город у вас не было никогда?*

– А?

– *Желания переехать в другой город…*

– Оля, неее… Что ты говоришь, я не слышу. Я ж тебе сказала, я глухая.

– *Желания переехать в другой город не было?*

– Никакого желания, нет, никогда. Меня звали, было, когда я особенно играла, вот. Я в сборной России была по волейболу. И меня приглашали в Москву, звали играть там. Нет, я патриот города, хоть какой он замухорденный, но свой город все равно. И никогда нии… не хочу даже менять. Тем более теперь. Вот послушаешь, ну что толкуют вот, сколько наших уехало на запад, соблазнились там, допустим, где-то на юге там приобрели себе… мм… эти самые дома. А что… Все поумирали, потому что ты где родился, ты там должен и жить, потому что ты приспособлен к этим условиям. Это… эээ… из поколения все-таки идет: гены никуда не денешь. Приспосабливаться плохо. А так возможности переехать, конечно, были. Но я никогда даже и думать… даже об этом. В одно время даже у нас переводили, когда управление пограничной внутренней охраны… Я работала там… это… до войны. Перевели в Читу, меняли. Тут… эээ… был край Восточно-Сибирский, потом область стала, в общем, вот так вот. И вот в Читу перевели и мне предлагали тоже туда переехать, я отказалась тоже. И в Москву вот сильно звали – нет. Я говорю: «Нет, я иркутянка, и все!» Вот ты не читала сама книгу «Записки иркутянки» Лидии Ивановны Тамм?

– *Нет…*

– Ой, ну как… ты… Надо прочитать.

– *Надо, да.*

– Ты знаешь, между прочим, посмотри, какой труд. Это она писала, когда ей почти под сто лет было. Умерла она. Она работала в общественной приемной, вот, у моего мужа у покойного. Вот тут очень интересно все. У ней воспоминания такие, прямо, ты знаешь, удивительные. Так что если попадет тебе, то ты поинтересуйся – интересно.

– *Обязательно.*

– Был сиропитательный дом здесь. Медведниковы были такие тоже богатые люди… эээ… муж с женой. Так вот где сельхозинститут на Тимирязева, вот, там был сиропитательный дом. Елизавета Медведникова, вот она опекала этот дом и средства давала на… эээ… поддержание его все. Хоть действительно польза. До сих пор вспоминают, вот. Ну кто остался живой там… Вот я, допустим, я помню, что у меня мама рассказывала же мне, конечно,

там учили, во-первых, вот из таких многодетных семей брали сирот, как вот она была, мама. Учили какой-то профессии, давали, устраивали, потом, после того как заканчивали учебное заведение, уже устраивали куда-то работать. А сейчас, я говорю, сидят на этих… ээ… ты… миллионах, как царь Кощей над златом чахнет. Мне это дико, прямо дико, не знаю как. Я вот… эээ… нынче… ну я уже несколько лет назад делала это, а нынче повторила операцию такую. У нас есть такой дом на Богдана Хмельницкого, там девяносто восемь квартир живет примерно, там сто двадцать человек в общей сложности. И там одно- и двухкомнатные квартиры. Вот… Ну у них там занимаются как-то… Есть Совет ветеранов, хор организовали там, ну когда какие-то праздники, когда организовывают. Значит, там какое-то мероприятие. Ну денег-то нет, понимаешь… это же все… все равно надо вложить какие-то средства, пусть они маленькие, но надо. А откуда? Там в основном пенсионеры, которые с пенсии со своей… кого она там даст. Я несколько лет назад тоже так же вот была там, и вот говорят, что подходят праздники, а вот даже не на что. Я взяла, думаю, меня никто не по… по лбу не стукнут, пошла на свою работу на прежнюю, в областной суд, а потом пошла в областную прокуратуру. Ну, в общем, людям объяснила ситуацию и говорю: «Можете – помогите, помогите». И я насобирала денег там. Вот боюсь тебе соврать, сейчас уже не помню… Ну где-то больше двадцати тысяч, по-моему, я собрала. Так это вот… тянули юбилей. Кому-то там справить, праздник какой-то все. Вот эти деньги все растягивали. Ну и естественно, когда-то конец бывает. Значит, они кончились. Ну вот, нынче опять подходят. С начала года стали разговаривать, что вот подойдет двадцать третье февраля, восьмое марта, девятое мая, значит, а денег-то нету… Чтобы что-то… Ну, думаю, не убьют меня. Пошла опять на свою работу на прежнюю, давай по кабинетам ходить. Набрала денег. Вот уже двадцать третье февраля отметили, восемь тысяч дала им из этих собранных, восьмое марта отметили, теперь вот девятое мая. Вот мне надо это? Скажи, надо?

– *Нуу…*

– Я вот, наверное, ссс… приветом… уже ходить с протянутой рукой собирать.

– *Так это же помощь людям.*

– Ну вот помощь, помощь. И вот. Но так благодарят! Нынче вот звонила восьмого-то марта. Мне так прямо говорят: «Ариадна Георгиевна, ну просто слов нет». Потому что, во-первых… эээ… какие-то там потратили, хор чтоб одеть хоть более или менее… эээ… в одинаковое, так сказать, в одежку, вот. Что-то там на чаепитие выделили, ну кого там, если всего восемь тысяч.

– *Конечно, мало.*

– Конечно, мало. Ну вот сейчас думаю: перед девятым мая еще схожу, пойду в арбитражный суд схожу. Может, там насобираю. И потом есть у меня еще… эээ… как сказать, ну подшефная что ли семья. Он бывший лыжник, а она всю жизнь проработала вообще в культуре. Так это Полина Галкина. И вот у него уже два инсульта и прямо ходит совсем, а я тут думаю надо тоже помочь. Есть такое средство, ты, может быть, слышала, проростки ячменя. Ничто не слышала про свойства проростков, вообще пшеницы, ячменя, ничто не знаешь?

– *Я знаю, что полезно.*

– Очень полезно, причтом ячмень более эффективно… эээ… это. И у нас есть одна фирма японская, здесь, в городе, которая продает вот эти вот… эээ… специально сдела… Потому что так я пыталась сама вот делать… Я, например, не могу даже проглотить вот эти пророщу… вот их, эти самые… эээ… Семя, а съесть не могу, у меня где-то застревает и все. А там делают это все, так сказать, ну по их рецептам, по японским. Баночка две тысячи стоит. Ее хватает примерно на месяц. Так вот пить. Ну вот надо сейчас вот как-то кого-то договориться, может, с адвокатами с какими-нибудь договорюсь. Они гребут денег много, причтом толку от них никакого совершенно. Они вот… я сейчас… эээ… в нашем Совете ветеранов председатель комиссии юридической, я вот по оказанию помощи ветеранам. А… эээ… посмотришь, приходят к нам люди: адвокат тысячи, так сказать, собрал, получил, а толку никакого. И консультацию неправильную дадут и ни черта, никакой помощи. Ну деньги-то дикие, это же пенсионеру… Что такое заплатить ему двадцать тысяч, допустим? Вот нынче была тоже, вот наша писала, она бывший зампредседатель областного суда, и вот с одним делом возилась, и вот женщина пришла к ней двадцать тысяч заплатила, и адвокат ничего не сделал, ну…

– *Сейчас много таких…*

– Вот она обратилась, значит, вот эта Зенцова, значит, обратилась в президиум коллегии адвокатов, и его заставили вернуть деньги. Так это один случай такой, а сколько их набрало… И ничего… Глазами проморгают, и привет, и все. И закон даже не тот, скажет. Я говорю: зла не хватает!

Интервью
с Валентиной Михайловной Ястржембской
(1918 год рождения)

– *Представьтесь, пожалуйста.*

– Ястржембская Валентина Михайловна.

– *А расскажите немного о себе. Когда вы родились и где?*

– Я родилась здесь, в Иркутске, в ноябре девятьсот восемнадцатого года.

– *А помните ли вы свои первые впечатления о городе?*

– Ну, моими первыми впечатлениями о городе были, наверно, когда родители перевозили нас с одной квартиры на другую. Это было, вероятно, в двадцать втором году. Ну, поскольку мой возраст был еще очень незначительный, я, конечно, на все смотрела с широко открытыми глазами. Все было интересно, все было покрыто белым снегом. Нам навстречу попадали возчики в розвальнях, в санях, которые раньше называли, впрочем, не знаю, не помню, как раньше называли.

– *Расскажите, пожалуйста, про свое детство. Каким оно было? Какие воспоминания сохранились об этих временах?*

– Ну что рассказать о своем детстве? Выросла я в старом военном госпитале. Там работал мой отец много лет. Там прошло мое детство и юность. Это было в предместье Маратова. Там же я закончила школу. Она называлась «3-я неполная средняя школа». Но поскольку там было только семь классов, затем я перешла в городскую школу номер 6 на улице Володарского и закончила ее в тридцать шестом году, и затем поступила в Государственный педагогический институт, где проработала много лет. Какие впечатления о городе? Город был деревянный, одноэтажный. Прекрасно помню место, где теперь находится Куйбышевский завод, там был уютный Интендантский сад с маленькими каналами, канавками, много зелени, цветов. Рядом была какая-то мастерская. И вот все это примерно в начале тридцатых годов ликвидировали и начали строить первый гигант-завод имени Куйбышева. Городского транспорта в то время не было, и поэтому мы очень часто и много ходили. Папа водил нас в так называемый Сад Парижской коммуны на берегу Ангары. Это наше любимое место было. Там мы проводили время в играх: папа играл в шахматы, в шашки, мы же играли с детьми, гуляли. Вот это очень яркое впечатление о городе. Хорошо помню старый понтонный мост, правда нам не приходилось им пользоваться, но видеть я его видела. Помню хорошо. Помню даже, один из понтонов долгое время сохранялся возле

нового, вновь построенного Ангарского моста, строительство которого завершили в тридцать шестом году. На все это мы, конечно, ходили и смотрели.

– *А как ваши родители оказались в Иркутске?*

– Мои родители жили в Петрограде, и когда там начались тяжелые бытовые условия, начался голод, отец перебрался сюда, в Иркутск, где жил его старший брат. Так мы здесь и остались. Здесь родилась я, затем моя сестра и младший брат. Всего нас было пятеро у папы. Все мы здесь выросли, все мы здесь выучились. А вот дети наши не все здесь. Мои дети, правда, здесь, а внуки уже начинают разъезжаться. Уехал отсюда младший брат. Вообще судьба разбросала нас по разным углам. Сестра оказалась на Украине, выйдя замуж за инженера, который был направлен в Хмельницкий. Ну, остальные все-таки здесь, в Сибири. Именно Сибирь мы считаем своей родиной и самым любимым. Я сама побывала во многих уголках России. Бывала и на Кавказе, жила год в Закавказье, бывала на Востоке. Имела возможность остаться на юге, там мой муж-офицер служил. И все-таки нас тянуло всегда сюда, в Сибирь. Вплоть до того, что мы написали ходатайство, просьбу о переводе в Сибирь моего мужа-офицера, хотя жизнь наша была полна всех благ, какие многие мечтают, желая жить на юге. А все-таки тянуло сюда, на Байкал, в Сибирь.

– *А расскажите, пожалуйста, каким было ваше студенчество? Почему вы выбрали именно этот вуз?*

– Я училась на факультете иностранных языков в Иркутском государственном педагогическом институте. Ну, как вам сказать, где отдыхали? Гуляли, как правило, в саду, по Набережной, играли в волейбол. Но, пожалуй, интереснее будет, если я расскажу не о себе, а о моих студентах и о студентах следующих поколений.

– *Давайте сопоставим их. Сопоставьте, пожалуйста, теперешних студентов и тех, которые были раньше. Что нового, вам кажется, что изменилось?*

– В сорок втором году, это был второй год войны, группу студентов, большую группу, в составе которой было восемьдесят два человека, направили на Байкал на Хужирский рыбозавод. В основном это были девочки, ну, где-то 18–19 лет. И вот эти девочки трудились фактически на фронт, заготавливая рыбу. Они жили на лодках, добывая омуль, затем часть из них трудилась в цехе по заготовке, по засолке рыбы. Затем в конце сорок второго года на остров Хужир, где мы были в это время, направили большую группу. В августе на Хужир прибыла большая группа эвакуированных с запада. Это были женщины, дети и старики. И моих студентов поставили на строительство времянок. Их нельзя было назвать до-

мами, но надо было решать вопрос о размещении, о строительстве жилья для эвакуированных. И вот мы с девочками с этими стали копать траншеи, устанавливать брусья, ну, не назовешь их столбами, но довольно толстые брусья, и закреплять их с тем, чтобы потом после нас уже бригады строителей могли завершить строительство это. К сентябрю нас отозвали на учебу, и достраивали все это начатое нами уже бригады настоящих строителей. Да, я забыла упомянуть, что когда мы были там, на Хужире, мы помогали разгружать баржи: баржи с солью, баржу со строительным лесом. Словом, на плечи этих молоденьких девочек легли довольно серьезные и тяжелые заботы, и надо сказать, что они с честью все это выполнили.

– *Расскажите, пожалуйста, про ваши увлечения. Ну, такие, которые переросли бы во взрослую жизнь.*

– Ну, в юности я очень увлекалась спортом: много играла в волейбол, была в составе волейбольной команды нашего института. Мы дважды выезжали на соревнования, на встречи с другими институтами. Один раз играли в Чите, выезжали и играли с Читинским педагогическим институтом. Второй раз в Улан-Удэ. Надо сказать, оба раза мы вернулись с победой. Вообще, волейбол остался моим увлечением практически на всю жизнь. Я всегда с удовольствием, даже уже когда я перестала играть, я всегда с увлечением смотрела на эти соревнования и до сих пор с удовольствием смотрю по телевидению соревнования по волейболу.

– *А расскажите, как отмечала праздники молодежь? Например, День города или Новый год.*

– Ну, Новый год мы, например, всегда отмечали в семье, это был всегда семейным праздником. Что касается студентов, у нас основная часть студентов жила в общежитии. Там это были, как правило, такие, ну, в общем-то, обычные молодежные вечеринки. Днем ходили на каток, на горки, на площади или просто прогулки. В общем, все это было, как правило, очень весело, дружно, без излишеств.

– *А расскажите еще, как украшали главные улицы города или сквер Кирова, например.*

– Ну, что касается площади Кирова, то елки там устанавливать стали, по моим понятиям, довольно поздно уже, когда мы были взрослыми. Помнится только, вот очень яркие, незабываемые, очень такие красочные иллюминации внутри витрин магазинов. Как правило, это было именно в витринах. Украшений таких по улицам как-то таких еще не было. Потому что я помню в основном довоенные годы, годы войны, поэтому, может быть, мои представления об этом довольно скудные, но ярких иллюминаций, вот таких массовых, очень шумных, с эффектами такими яркими – этого не было.

– А как строился Иркутск? Каковы впечатления вот о застройках, о городе, ну, вот в то время?

– Строился Иркутск, конечно, довольно бурно. Начиная, прежде всего, с ростом Куйбышевского завода. Все проходило очень быстро. Я помню отлично деревянные дома, которые стояли раньше рядом с теперешним Домом культуры, заводом имени Куйбышева, на улице Октябрьской революции, где расположены основные конторы, учреждения этого завода. Все это быстро сносилось, переносилось, и буквально, как грибы, вырастали новые каменные здания. Что касается жилищного строительства, вот тут нельзя отметить таких темпов, как в строительстве промышленном. Но, так или иначе, в тридцатые годы многое изменилось. Я уже упоминала, что в тридцать шестом году был построен Ангарский мост вместо понтонного моста, который разводили каждый раз, каждый год с началом появления шуги на Ангаре. Как только на Ангаре появлялись первые признаки льдин, понтонные мосты разводили, и левый берег был оторван от правого берега. В тридцать шестом году красавец-мост был построен.

– А помните ли вы, как строилась ГЭС, как город разрастался?

– Да, конечно. Интересно было наблюдать совершенно новые незнакомые нам всякие механизмы, которые появились здесь. Появилось много новых людей, по радио появились новые передачи о темпах строительства, о людях, которые строят ГЭС. Затем к завершению мы стали иногда приезжать, смотреть на это. Особенно бурно стал разрастаться город где-то уже в послевоенные годы, в начале пятидесятых годов. Начали быстро расти многоэтажные дома, преобразились дороги, появился городской транспорт, который регулярно ходил. До войны мы ходили пешком по три, по четыре километра в одну сторону и обратно, а тут стали регулярно ходить автобусы. Появились даже новые целые кварталы, не только кварталы, а целые микрорайоны новые. Вскоре появился город Ангарск. Он фактически вырос на наших глазах тоже. Но особенно было интересно, конечно, появление наших этих новых микрорайонов. Одновременно со строительством ГЭС росли целые кварталы вокруг ГЭС: Юбилейный, Поселок энергетиков, затем через какое-то время Солнечный, еще позже – Ново-Ленино, Зеленый. Ну, об этих районах, построенных позже, я уже не могу подробно говорить. В основном, это Юбилейный, где жили в то время строители ГЭС. Многие из них так и осели, остались жить, а многие затем переехали на строительство Братской ГЭС.

– Что вы думаете о деревянных домах в центре города? Считаете ли вы, что в них своеобразие Иркутска, его отличие от дру-

гих городов или это лишь то, что мешает, что нарушает общий облик города?

– Я считаю, что к этому нужно очень осторожно подходить. Не сохранять все, что попало. Очень продуманно выбрать какие-то участки и сохранить эти деревянные дома. На самом деле ведь есть очень интересные украшенные резьбой красивейшие здания. Конечно, они создают определенный облик старого Иркутска, и их надо сохранять. Я упорно на этом всегда настаивала и продолжаю настаивать. Сохранить облик Иркутска помогут вот эти старинные дома, но умеренно, выбирая их.

– *А как вы относитесь к переименованию улиц? Помните какие-нибудь, которые переименовали уже?*

– Да, конечно, помню. Ну, вот очень удачным я считаю переименование улицы, которая когда-то называлась улицей Коминтерна, теперь ее называют Байкальская. Прекрасно. Почему против этого жать? Удачное переименование. Когда-то улица Карла Маркса называлась Большой. В общем, довольно неудачное было название. Ее переименовали в улицу Карла Маркса, но, может быть, другое какое-нибудь название более было уместным или своевременным. Переименовали часть улиц, которые носили имена людей, которые, может быть, многое сделали для Иркутска в старые времена, скажем, такие как Лавинская, затем… сейчас даже сразу не вспомню. Ну, часть улиц, может быть, действительно можно было и вернуться к наименованию старому. Может быть, часть улиц… можно было бы вернуться к наименованию прежних наименований. Ну, скажем, улица Чкалова теперь, а раньше называлась… впрочем, не вспомню, но это было имя какого-то очень влиятельно мецената, много сделавшего для Иркутска. Поэтому нужно посмотреть, внимательнее отнестись к этому. Часть вернуть названий, а часть оставить более современных, по имени более заслуженных людей.

– *Расскажите, пожалуйста, как вы относитесь к сносу, а теперь и восстановлению храмов, памятников?*

– Восстановление храмов, памятников радует. Горько было наблюдать, как рушились красивейшие храмы. Хотя бы вот тот, что был на площади Тихвинской, где теперь Областная администрация. Разрушались и перестраивались церкви. Все это, конечно, было ошибкой. Что касается памятников, которых недостает Иркутску, мне кажется, в этом отношении наш город отстает от других. Мало ли имен замечательных людей, прославивших не только наш город, но и страну, родились, выросли, жили здесь? Хотя бы тот же Гайдай, Леонид Гайдай. Да и много других можно назвать. Почему бы не поставить вопрос о создании памятников этим людям?

– А можете сравнить ритмы жизни Иркутска? Каким был раньше, размеренным или суетным, а какой сейчас?

– Да, но если сравнивать современный Иркутск и Иркутск, каким я наблюдала его, будучи еще подростком, то, конечно, тут никаких слов не хватит для выражения этой разницы. Раньше был такой размеренный, спокойный, солидный, медлительный, медленные темпы движения всех. Это объяснялось, прежде всего, тем, что не было городского транспорта. Ходили пешком. Ну, время от времени промелькнет где-нибудь лошадка с ездоком. А вот когда появился трамвай, автобусы, троллейбусы, то, что мы наблюдаем теперь, конечно, тут уже совсем другой облик города. Нам далеко, конечно, до ритма, которым живет Москва, но, во всяком случае, теперь это самый настоящий современный город. С хорошо устроенной и широко развитой транспортной системой. Ритм современного города.

– Так вот, как началась война? Где вы были в военное время? Каким был военный Иркутск?

– Начало войны, конечно, очень памятно, до мельчайших подробностей. Помню, где я была, с кем я была в этот момент, когда раздались сообщения о начале войны. Все это очень ярко помнится. Помню, какая была погода. Все прекрасно помню. С этого дня, конечно, начал Иркутск преображаться. Сразу стало заметно, что началась мобилизация. Стали терять друзей, расставаться с близкими, соседями. Все чаще были видны люди с вещевым мешком за плечами, уходящие в военкомат. Чувствовалось, что Иркутск отправляет людей на помощь фронту. Одним из очень таких ярких впечатлений о войне еще можно назвать видение отблеска северного сияния над Иркутском. Это было примерно в августе сорок первого года. На северо-востоке где-то примерно в середине дня небо окрасилось в ярко-розовый цвет. Было ли это связано с войной? Трудно сказать. Но это вызвало какое-то такое очень тревожное у всех настроение. Люди останавливались на улице, спрашивали: «Да что это? Есть ли это знак чего-то тревожного или напротив?» Через несколько дней в «Восточносибирской правде» – нашей газете – появилось разъяснение, что мы впервые в Иркутске наблюдали отблески северного сияния. Позже на улицах Иркутска были размещены огромные громкоговорители. Как внимательно мы прислушивались ко всем вестям с фронта, с какой жадностью потом ловили каждое извещение о хотя бы малейших успехах на фронтах! В общем, весь город жил мыслями о фронте. Вместо ушедших на фронт на производство, на заводы были призваны подростки, женщины, которые трудились порой даже в две смены. Мой младший брат, подросток четырнадцати лет, всю войну проработал на заводе, на автосборочном заводе, на авторе-

монтном заводе. Знала многих женщин, многие соседки сели за руль автомобилей. Словом, все, кто как мог, помогали фронту.

– *Расскажите, пожалуйста, а как встречали Победу?*

– Весть о победе, об окончании войны тоже памятна. Помню, что это было рано утром, с работы прибежал старший брат и прямо с дороги закричал: «Ребята, война окончена!» Тут же на улицах появились женщины, идущие с работы: кто подприплясывал, обнимались. Сейчас заплачу. И потом все устремились в центр города, на Тихвинскую площадь. Создалось такое стихийное празднество. Все, буквально все собрались в центре города, поздравляли друг друга. Не могу…

– *А заметили ли вы изменения климата?*

– О, да, конечно, еще как! Трудно было себе представить лет семьдесят тому назад, чтобы зимой было где-то чуть не плюсовая температура. Какие у нас сейчас морозы, если у нас тридцать градусов, так мы уже все говорим: «Ой, какой холод!». А для нас обычными были сорок и даже с лишним в январе. Конечно, климат очень изменился. Изменилась зима, но изменилось, конечно, и лето. Но особенно это заметно в зимний период. Зимы были очень суровые, Ангара замерзала рано, бурно, с торосами. Ну, а сейчас зимы мягкие, фактически теплые, так что заметно, очень заметно изменился. Можно ли было помышлять о том, чтобы на дачах разводить яблоки, да еще даже абрикосы некоторые сейчас умудряются здесь высаживать. Даже мысль об этом могла казаться безумной! А сейчас вот садоводы наши выращивают и яблоки, и абрикосы, и всякие ягодники. Так что климат, конечно, очень-очень сильно изменился именно в сторону потепления.

– *Скажите, а было ли у вас желание уехать из города? Если да, то в какой период жизни и почему?*

– Было желание уехать с тем, чтобы только посмотреть мир. Я отвечаю уже, да? Чтоб посмотреть мир, и я посмотрела. Я много побывала везде: и на востоке, и на юге. Но всегда все-таки было желание вернуться опять сюда. И я считаю, что наш климат самый благодатный, и никогда не понимала, как можно любить, скажем, жару, в которой люди живут годами, в том же Закавказье или на юге. Видимо, сказывалась, конечно, и привычка, и то, что нет роднее места, где рос, где родился и вырос.

– *А не могли бы вы поподробней рассказать, каким был Иркутск в довоенные годы?*

– Иркутск в довоенные годы был далек от названия благоустроенного. Улицы были вымощены крупным булыжником, причем только главные улицы, а вдоль домов тянулись дощатые тротуары для пешеходов. Лишь в конце тридцатых годов, даже, пожалуй,

уже в начале сороковых, нет, в конце тридцатых годов, часть улицы Карла Маркса, начиная от Сада Парижской коммуны и далее, ближе к центру, была вымощена деревянной брусчаткой. Это было любимое место прогулок, вечерних прогулок и отдыха иркутян. В Саду Парижской коммуны играл в то время по вечерам оркестр, и вот на этой брусчатке собиралась молодежь, и пожилые люди с удовольствием гуляли там. Остальные улицы были неблагоустроенны, правда, деревянные тротуары были, а проезжие части превращались в грязные, непроходимые участки во время дождей. Общественного транспорта еще не было. Первый общественный транспорт появился лишь в начале тридцатых годов. Это был маленький грузовичок, по-моему, марки АМФ-15, если я не ошибаюсь, в открытом кузове которого были пристроены скамейки для пассажиров. Маршрутом этого грузовичка был по улице Карла Маркса, значит, начиная с вокзала и до предместья Марата. Позже, уже где-то в конце тридцатых годов, появились автобусы. Маленькие, вместимостью только на пятнадцать-двадцать человек, но это все-таки был уже регулярный транспорт общественный. Правда, с началом войны все эти автобусы и даже велосипеды были ликвидированы на нужды военного времени. Сад Парижской коммуны, единственный такой доступный для всех, был любимым местом гуляний и всяких массовых мероприятий. Во время праздничных дней, пасхальных праздников и первомайские были организованы такие площадки для игр, для массовых гуляний в разных районах города. Так, устанавливались качели, столбы, на которые лазили смельчаки, и так далее. Устраивались гуляния и игры и на площади имени Кирова, в то время она называлась Тихвинской площадью. Ну, она была мощеной, зелени там было немного. Это значительно позже там насадили деревья, поставили скамейки, создали фонтан. Вот позже построили там. Зимой там устраивали горки для детей. Но все это было значительно позже. Позже эту площадь и заасфальтировали, и придали ей культурный вид. Зимой город выглядел тоже не лучшим образом. В городе было очень много котелен различных. Все частные дома также отапливались каменным углем, поэтому задымленность города вызывала, конечно, справедливые нарекания. По улицам города, по снегу часто катились комочки сажи. С этой задымленностью городу удалось справиться лишь тогда, когда упразднили эти мелкие котельни, когда в домах провели горячую воду и отопление, и город стал чище. Не случайно, что приезжие всегда отмечали, что город Иркутск – город грязный. И вместе с тем отмечали радушие, доброжелательность иркутян, но город был грязным. Несколько слов о Центральном рынке. Еще в начале тридцатых годов Центральный

рынок производил самое неприглядное впечатление. Не было никаких лотков, никаких киосков. Торговля шла прямо с возов, с телег или даже прямо с земли. Всяк устраивался, как мог: расстилал что-то на землю, устанавливал какие-то ящики и так далее. Крытый благоустроенный рынок был построен лишь в пятидесятые годы, точнее назвать не могу… в каком году. О состоянии городского хозяйства можно судить еще и по тому, что наблюдалось в период затяжных дождей, в частности, в тридцать восьмом году, когда проливные, ливневые дожди длились больше недели. В районе Ушаковки, вернее, в районе Рабочего предместья, есть маленький ручеек, или его называли Висюшкой Сарафановкой. В сухую погоду это действительно был ручеек, который впадал в Ушаковку. А в период этих ливневых дождей он превратился в бурный-бурный поток, который смывал на своем, по ходу, по действию, по своему ходу смывал близко находящиеся дома, посмывал огромные деревья, которые прямо с корнями потом тащил в Ушаковку. Помню, как я была свидетельницей того, как дом, стоящий на правом берегу Ушаковки недалеко от моста, в районе тюрьмы, вместе с огромной глыбой земли, частью берега был подмыт и по бревнышку распался, и поплыл по Ушаковке. В городе тоже в период дождей часто устанавливались непроходимые лужи, грязь. Так, между магазином «Тысяча мелочей» и рынком всегда долго застаивалась огромная лужа, которую шутники называли озером Рудакова, по имени градоначальника тех лет. Очевидно, система отвода вод не справлялась, была запущена и требовала ремонта. И только где-то в начале пятидесятых годов был наведен порядок.

–А что еще примечательного было в довоенные годы?

– Ну, очень ярким впечатлением от тридцатых годов был приезд Ворошилова в Иркутск. Точно год не помню, но, видимо, это было в тридцать первом, тридцать втором годах, потому что я была еще подростком, и папа взял меня с собой. Извещение о том, что в город приезжает Климент Ефремович Ворошилов, бывший в то время наркомом обороны, было сделано как-то поздновато. Был рабочий день, рабочие часы, и люди прямо целыми коллективами оставляли свои места работы и направлялись к месту встречи с Ворошиловым. Собралось, очевидно, больше тысячи человек, а может быть, и несколько тысяч, мне трудно судить об этом. Проходил этот митинг на площадке на улице Карла Маркса, где теперь выстроен большой жилой дом железнодорожников, на месте когда-то разрушенной церкви. Иркутяне очень горячо, очень тепло встретили Ворошилова, бывшего в то время очень популярным. Длилась эта встреча несколько часов. Собравшиеся долго не отпускали докладчика, задавая ему вопросы. Мне трудно судить о

содержании выступления Ворошилова и о вопросах, которые задавали, теперь я просто уже многого не помню. Помню лишь, что он говорил и о достижениях, и о задачах, стоящих между советскими людьми. Все это было интересно, и встречали его слушатели очень заинтересованно и горячо. Часто его слова сопровождались аплодисментами собравшихся.

– А что происходило в военные годы в Иркутске?

– Память о военных годах, конечно, еще жива. Помню момент оповещения войны и реакции жителей, близких и просто случайных людей на это. Меня это известие застало на автобусной остановке. Ну, что тут говорить, конечно, все были взволнованы и были и огорчены, и возмущены. Ну, многое можно говорить о военных годах в Иркутске. Началось с мобилизации. На каждой улице люди шли с рюкзаками в сопровождении близких, конечно, было много слез при расставании. Были ликвидированы все виды транспорта общественного: и автобусы, и даже велосипеды. Все это пошло на нужды армии. Вскоре вузы были вынуждены освободить свои помещения под всякие оборонные предприятия и под госпитали. Так, Пединститут на улице Желябова был переоборудован в какой-то производственный цех, также бывший, ранее называвшийся Горный институт на улице Ленина тоже был отдан под какое-то оборонное предприятие. В институте, который раньше назывался Финансово-экономическим, затем Нархозом, а теперь Байкальским университетом экономики и права, был развернут госпиталь. Госпитали были развернуты в ряде техникумов и других учебных заведениях, даже школах. Школы и вузы были уплотнены, переведены в другие менее просторные и менее приспособленные помещения. В Иркутск стали поступать эвакуированные из оккупированных городов, затем стали появляться раненые. Вскоре в Иркутск был переведен Киевский Государственный театр оперы и балета. Прославленные певцы, такие как Поторжинский, народные артистки Литвенко, Вольгмент, Бен и другие стали блистать на иркутской сцене. Несмотря на трудности военного времени, на лишения и голод, иркутяне по-прежнему проявили себя как большие любители и ценители искусства и своего театра. Спектакли Киевского театра оперы и балета всегда проходили при аншлаге. Артисты Киевского театра принимали большое участие в шефских концертах, выезжали в ближайшие колхозы. Вообще вот пребывание этого театра в городе очень памятно и очень ярко в сознании тех, кто жил в это время в Иркутске. После того как в Иркутске не осталось автобусов, всем нам приходилось ежедневно проделывать длинный, многокилометро-

вый путь: по три-четыре километра в одну сторону на работу или в институт и три-четыре обратно. Эти многокилометровые походы сделали нам большое дело: закалили нас, закалили наше сердце. Если посчитать, сколько километров пройдено за годы войны и послевоенные годы, то можно с уверенностью сказать, что мы прошли путь пешком до Москвы и обратно. Поэтому желаю молодежи, советую от всей души, если хотите долго жить, ходите, как можно больше ходите. Именно эта ходьба закалила нас и сделала долгожителями.

– *А, может быть, вы расскажете что-нибудь про достопримечательности города, которые мы уже не можем увидеть?*

– Ну, я помню Амурские ворота. Папа водил нас, показывал их. Помню место, где они были расположены, но это довольно смутные воспоминания, поскольку я тогда была еще… даже еще и не училась в школе. Что касается Кафедрального Собора, его я помню хорошо, несмотря на то что я была, в общем, еще дошкольницей, но я помню хорошо. Это было очень красивое сооружение, и, конечно, было жаль, что его взорвали. Он долго не подвергался, его долго не могли разрушить, он очень долго и упорно сопротивлялся и потом рухнул почти целиком. Помню и другие церкви. Красная церковь на площади, то есть на улице Карла Маркса. Помню, как перестраивали церковь напротив бывшей Ленинской школы. Ну, что еще. Помню… Что касается Иерусалимского кладбища, прекрасно помню его. Захоронения там продолжались даже в начале пятидесятых годов. Так уже, в виде исключения, но там была захоронены одна наша родственница.

– *А как обстояло дело со строительством в послевоенные годы?*

– В послевоенные годы, особенно с начала пятидесятых, началось бурное строительство. Строительство ГЭС. Вокруг ГЭС стали вырастать новые районы: Юбилейный, затем Ново-Ленино микрорайон, Приморский. В городе стали довольно густо, бурно вырастать жилые дома. Появились первые пятиэтажки. Строились в основном панельные, крупнопанельные дома. Это, конечно, сразу разгрузило, разрешило отчасти жилищную проблему Иркутска. Вырастали все больше… и благоустраиваться микрорайоны.

– *А когда девятиэтажные дома стали появляться?*

– В начале пятидесятых в основном, и довольно быстро расстраивались то в одном, то в другом районе. Их сразу стало много.

– *Они были популярными? Популярными были дома такие, да?*

– Да, конечно, конечно. Ну ладно, все, наверно.

Интервью
с Михаилом Григорьевичем Ветровым
(1920 год рождения)

– Здравствуйте, Михаил Григорьевич, вы уже знаете о нашем проекте. Давайте поговорим о вашей жизни. Ведь она напрямую связана с жизнью нашего города. Вы прожили тут долгую жизнь, но родились, насколько мне известно, не в Иркутске, а в Алтайском крае. Скажите, пожалуйста, как вы попали в Иркутск? И когда это было?

– Это было. И как вам это? По порядку?

– Да, все по порядку.

– Так, я родился в Алтайском крае, Смоленский район, село Сычевка, и там я с родителями жил до 1934 года, а в 1934 году поехали на Сахалин, но доехали до города Иркутска. Дальше было ехать без визы нельзя, должна быть виза, но кое… это отец написал сестре, сестра там была на Сахалине, чтобы там дали визов или визу, это где-то долго время-то шло, наверное, с полмесяца было, но и деньги все вышли, и ехать не на что. Поэтому, значит, вынуждены были остаться в Иркутске. Отец поступил работать на завод Куйбышева, это, а строили там насыпь для проведения железной дороги с Иркутска от, значит, Мелькомбинат, Жиркомбинат. Так, Мелькомбинат, Жиркомбинат и еще что-то там такое, три какие-то организации. А на той стороне Ангары – это остров Любви, вот там, где сейчас затон, вот от этого затона протекает Иркут, а с этой стороны, значит, там был остров. И вот на этом острове, значит, так… эээ… было протока, на этой протоке, так, Иркута, а отец работал плотником. И вот мы жили там, в бараке, там было два барака, бараки стояли на столбах, потому что когда вода поднималась, то вода затопляла этот остров. Мама шибко боялась переправляться через Ангару, а мы-то как-то привыкли, а она шибко боялась. И все говорила: «Нет, давай отсюда, уходим, работать больше здесь не будем, на ней жить не хочу, так я боюсь через Ангару переплавляться». А переплавлялись только на лодках, а на лодках перевозили только мальчишки, а двенадцать, тринадцать, четырнадцать, то есть из взрослых никого не было, а переправиться на ту сторону Ангары сюда в город 20 копеек, обратно – опять 20 копеек, то есть деньги-то были шибко очень дорогие. Ну и вот, а оттуда все-таки переехали мы сюда, в город. Отец устроился работать на завод. Ангарский лесопильный завод, который находился на острове, Шишиловский остров. Вот где сейчас машины динамовские стоят, вот этот был остров. На этом острове был завод лесопильный, отец на лесопильном заводе работал плотником,

а мы жили 2-я Советская, 36. Это были бараки, вот барак только что был построен, не было ни пола, не было дверей, не было окон. Нам там выделили комнату, и вот в этой комнате потом, значит, плотники первоначально отделали, пол постлали, так дверь застеклили, окна вставили, все, и так мы там начали жить, и так я там жил до самой войны, до самой армии, если можно точно сказать.

– *Вы жили в бараках, и в то время на Советской в основном только бараки были?*

– Да, в этих бараках мы жили, одна комната была, а плиты там не была, там была голландка, а голландка – это… была вот такая прямая сделана, с коридора топится, а обогреваются только стенами, то есть плиты, где можно сварить, пожарить, не было, а просто была голландка. И вот в этой голландке мать все время, а посуда была чугунная такая, черная, вся чугунные чугунки так. Ну, в них что варили? Картошку в мундарах, потом доставали и ели. Ну, семья у нас была большая, семь человек, а комната одна. Отец нам сделал полати. Это там наверху, там идет так настил под потолком, и вот на этих полатях мы спали. Отец, мать и дедушка здесь внизу спали, а мы все шпана наверху.

– *А сколько вас было?*

– Нас пять человек ребятишек, а всего нас семь человек. Ну и вот, и получается так, что до самой армии я жил в этих бараках, а учился в школе № 26. А 26 школа – эта… вот если вы знаете, где это кукол театр, да, вот с этой с правой стороны, где сейчас стоит каменная школа – там был барак. В этом бараке мы учились. А второе еще здание было на углу, где трамвай поворачивает, там дом стоял, и этот дом был школьный у нас. То есть, была школа – этот барак и вот этот дом, здесь уроки были потом, там, в том доме, была математика у нас там, перебегали туда и учились там, в этой школе. Вот так вот, значит.

– *Ну вот, мы как раз сейчас подходим к тому времени, когда вы пошли в армию, да?*

– Да, в армию, закончил когда учиться, так мечтал поступить в летное училище, потому что я когда учился в школе, то я занимался гимнастикой, занимался в ДОСААФ, так это ездили в Усть-Орду, там самолеты были такие, планеры, самолеты там, мы с парашютом прыгали, летали на этих планерах, достали нас, но поступить не удалось, и чтобы не болтаться там, мама пошла в военкомат и договорилась, чтобы меня взяли в армию. И меня взяли в 1938 году в мае, так это майское пополнение, тогда взяли в армию. А в армию… это… я… а… попал в Тихоокеанский флот. А Тихоокеанский флот, значит, нас привезли во Владивосток, прошли мы во

Владивостоке курс молодого краснофлотца, потом нас стали распределять по частям. Я попал в Совгавань – это Советская Гавань, бухта Урикша, там… значит… это на границе с Японией. Я служил на тральщике Т25, был дальномерщиком. Это каждый в вахту только как заступил, вот так в окуляры встал и все только смотрит на море. Смотрели мины, подводные лодки, как идут корабли, чьи корабли. Учили все до одного корабля: американские, японские. Самолеты и наши как самолеты, опять японские, американские и наши. Это мы учили все: какая скорость самолета, какая высота самолета, сколько у него бензина хватает, сколько у него вооружения, то есть сколько состава, то есть летчик, радист, пулеметчик. Это у каждого самолета журнал, открывает и командир спрашивает: «Какой?». Рассказываешь. «Какой?». Рассказываешь. И вот так вот то до начала Великой Отечественной войны служил там. Потом началась Великая Отечественная война, а раз началась Великая Отечественная война, то, значит, сразу объявили по радио, так телевидения у нас и не было, у нас так только можно было – послушать радио. И вот построили на палубе: «Итак, объявляю, что немецко-фашисткая Германия вероломно нарушила границу Советского Союза, напала на нашу Родину». Комсомольцы, коммунисты так, как все кричат: «На фронт!» И вот, значит, когда кончилась информация, то все ребята, значит, которые, ну, молодые же краснофлотцы, 19, 20 лет кому там было, значит, пишут заявление: «Просим отправить на фронт для защиты Родины». Ну, проходит где-то, наверное, так с полгода, командир говорит: «Отпустить я вас не могу, разрешения нет, как только будет решение, так мы вас отправим». Ну и вот, осенью, в ноябре, а может, в декабре, но уже снег лежал, пришел корабль. «Калуга», «Щука», как же? Сейчас вспомню, как назывался. Вот пришел огромный, большой корабль, и на этот большой корабль все те краснофлотцы, которые служили, – береговая оборона, то есть которые не плавсостав, а которые на берегу стояли там. Пушки были там: и такие зенитные пушки, и дальнобойные пушки… так охранять береговую охрану и плавсостав так. Ну и так всех нас собрали. «Калуга», по-моему, да. Корабль большой такой, и всех погрузили в трюмы, вниз. Полный. Нас там было… моряки все: «Ура, едем защищать родину!» А никто, ни один из нас, из комсомольцев, ни партийцев, не подумал, что на фронте-то ведь убивают. Мы едем туда ведь не пирожки есть, а воевать. Ну и что? Вот так мы и приехали в Совгавань, во Владивосток. Приехали во Владивосток, в бухту Золотой Рог, из этой бухты Золотого Рога нас опять всех построили и колонной повели… опять колонны к железной дороге. Там даже, по-

моему, ну, в общем, погрузили нас в вагоны, а вагоны были телячьи. Это вагоны, как тебе сказать, так вот так из досок сделаны, сейчас-то вагоны плотные, не продувается, а там тогда были просто так вагоны. Почему они назывались телячьи вагоны? Потому что возили в этих вагонах скот: свиней, коров, коней и всех – их тогда перевозили. Ну и вот, в эти вагоны нас погрузили, и мы поехали, вот когда поехали, стали подъезжать к Иркутску или хотели в Иркутск, мы же иркутяне, а там нас было много, то есть когда был призыв, все вот иркутяне туда попали. Когда ехали на фронт, опять иркутяне были, и вот эти иркутяне захотели так сбежать и попроведать своих родных, ну, увидеть отца, мать, сестер, братьев, но ничего не получилось. Где-то не доезжая до города Иркутска, может, километров полста, точно даже не знаю, нас, бац, и на замок, и город Иркутск мы проезжаем без остановки. Да, ни один моряк же не вышел же на вокзал, ни на перрон, все были закрыты, и поезд не остановился, увез нас до Второго Иркутска. А во Втором Иркутске специальная площадка, платформа для военных, вагон стоит низко, а там внизу рельса, а тут площадка бетонная, асфальтированная, вот там нас покормили и опять закрыли, и поехали. И так мы ехали. Как только большая станция, мы закрыты, как где-то в поле уехали, так остановка, а на этой остановке в поле ничего нет, разрешалось выходить на 10–15 минут, сколько поезд стоял. Первый гудок, второй гудок, а на третий гудок мы должны уже быть все на месте. И вот когда в поле останавливается поезд, все солдаты и моряки, все выскакивают и бегут в туалет. А где в вагоне? Там же телячий вагон, не пассажирский, это в пассажирском есть туалет, и тут нету. Значит, все убежали и опять снова собираются, собирались, один сигнал, второй сигнал, третий сигнал, и проезд тронулся, и никто из моряков и солдат, никто не сбегал, а все вот не опаздывали, все стремились скорей ехать на фронт, вот, для защиты родины, разбить фашистскую Германию. И так мы доехали до Перми, в Перми попали в первую такую нехорошую обстановку, что нас бомбили, мы в эшелоне. Это поезд, а то поезд быстро едет, то остановится, это бесполезно, хоть говорят, что маневрировал машинист, а они заходили сверху и в этом положении пикировали, как только поезд остановился, так все сразу выскакивали с вагонов и вниз убегали подальше, а он бил, а наших никого нет. Ну и вот, там в Перми, значит, все из вагонов выскочили, были и вагоны разрушены, и раненые были, убитые, были всякие, ну потом, значит, здесь сразу где-то в поле остановились и целых три дня восстанавливали там железную дорогу. Бомбы падали, воронка, рельсы порвало, поезд не может ехать. И вот с

тыльной стороны, где они поразбомбили платформы, были… а на эти платформы насыпали камни и… и эти камни в воронки, и так отремонтировали дорогу и снова погрузили нас всех, и опять в путь. А когда мы там жили, ни кухни там, ничего там не было, выдавали сухой паек. А сухой паек – это было три сухаря на день: один в обед, один в ужин, а один так, вечером. И вот говорят, что фляжка для солдатской водки, нет, фляжка была для воды, воды-то не было нигде, а пить-то хочется человеку. Человек без воды сколько может прожить? Два, три дня и все, и умирает. Ну и вот, значит, этот сухарь пожуешь, водой запьешь, и вот так мы добрались до Ленинграда, значит, мы должны были ехать на Балтику, а так как мы моряки, то нам туда и не пришлось попасть. Мы доехали до станции Мга, и вот на станции Мга нас выгрузили и стали с нас формировать воинскую часть. Но станция Мга была еще наша, а потом, значит, мы сформировались, от нее отошли на километров, наверно, так 10–12, где часть собиралась, все войска. Мы были так: половина моряками, половина солдатами. Если так… тельняшка была на мне, значит, я моряк, а брюки порвались, мне дали солдатские штаны. У нас были ботинки, а нам выдали еще обмотки, и, значит, вот так голяшку завертываешь и обмотками замотаешь, как сапоги получаются. Ну и вот, там под станцией Мга немцы наступали, немцы разбили ее в пух и прах, то есть не осталось ни одного здания, ни одной постройки. Весь вокзал, рельсы были свернуты, весь изогнут, рельсы побитые, то есть движение поезда ни туда ни сюда уже не было, и поезд, который ходил в Ленинград, мог пройти… бесполезно из Ленинграда, бесполезно, и так он у нас остался с этой стороны, его захватили с той стороны, его захватили, он остался в окружении, и вот там-то мы и стояли первоначально с наступлением, это где-то 1943 год уже, наверно, был наша часть с этой стороны. Если ехать в Ленинград, то, значит, мы были с правой, а с левой стороны были немцы. И вот, как только какой-то человек чуть-чуть наверх поднялся, насыпь на железную, так сразу пристрелили. Там так было все прицелено. Ну, как тебе сказать? Все так… ну, каждый пулеметчик… На каждом пулемете была установлена дистанция, сколько летит пуль или патронов, и вот так вот снаряд. Эти все попытки вырваться и посмотреть, где немцы, никак не удавалось, только можно было с самолета, если он был МБР-2 – это… Ну, вот под вод, как наши сейчас вертолеты, только этот МБР, он садился на воду, не на землю, а на воду. Ну и вот, и получилось так, что эти самолеты МБР, если полетят, что-то там могут чуть-чуть сообщить, где, какая часть находится, где, какие войска, а там уже сразу его обстреливают, он, бац, и сразу воз-

вращается, и ничего не получилось. И вот нам, значит, был такой приказ. Командир батальона пришел и сказал: «Я был в третьей роте, второй взвод». Вот так вот целую роту забирает и говорит вот так вот: «Подкоп сделать мне». И вот мы с этой стороны, вот так вот насыпь, что железной дороги, и под этой железной дорогой так рыли тоннель. Вот так у нас сейчас переход, вот здесь вот на Цимлянской, а как мы ее рыли: у солдат были вот такие вот солдатские палатки и солдатская плащ-палатка, так вот обозначили, вот такой круг так, чтобы можно было выкопать, и так один взвод копает, второй отдыхает, потом второй копает, первый отдыхает. И значит, под этой, под землей, так копали землю, оттуда насыпали на плащ-палатки, а на эту плащ-палатку насыпают двое солдат, туда четверо тащат, вытащили, высыпали, другую плащ-палатку… Так плащ-палатка одна, вторая, третья, а тут солдаты все копают и копают, и так мы целую неделю копали. Ну ничего же не было, только солдатские лопатки. Ими тык, тык, а где, что там возьмет, я бы пошел в магазин, взял бы лом или кайло, или еще что там. Там ничего нет, только одни солдатские лопатки. И вот копали, вытаскивали, докопались до конца, уже бьем, земля дрожит. Командир говорит: «Осторожно, чтоб она не осыпалась, чтоб можно было делать наблюдение». И вот докопались, смех… Ну, я не знаю, сколько там осталось 20–30 см. и делали вот такие щели, чтобы командир мог наблюдать. Они туда ставили буссоль, бурик, буссоль – это такая труба и вот так изогнута. Он здесь смотрит, а там ему все видно, вот они наблюдали, где находятся войска, какие войска, сколько. А потом, значит, ночью подкапывали и весили на это отверстие, как она, сетку, которая была с листьями, как будто как трава, вот эту сетку повесили, чтобы они вот эту щель… видно не будет там, что выкопали, и она была, эта щель, закрыта. И вот ночью туда отправляли солдат-разведчиков. Ну, кто возвращался, а большинство, наверное, нет, потому что, как только спустишься туда вниз, там сразу стоит воинская часть, пулеметчики там или пехота там. Сразу увидели – хлоп и нету. Мало того, чтобы проползти, нужно ждать плохую-плохую погоду, чтобы был или туман, или дождь, или ветер, чтобы немцы не так… не видели, но некоторые солдаты-разведчики приходили, приносили даже пленных языков. Брали, но языков брать там, конечно, трудно, сложно, их еще надо найти, а какого-то солдата или офицера… там… чтобы его там схватить, чтоб он еще и не кричал. Ну и получается так, что вот так притаскивали, смотрели, ну и до 1943 года, до января, потом началось наступление. И вот на станцию на эту мы как-то прошли не здесь, где подкапывали, а с правой стороны,

где там ровная дорога была. Вот мы там, это, наверное, часа три подряд стреляли с пушек, с минометов. Самолеты – это невыносимо страшная вещь, немцы посылали не один самолет, чтобы бомбить наших… передовую, а сразу до сотни. И вот так оттуда посмотришь… где-нибудь были, когда-нибудь видели стаю ворон или галок? Летят, кар-кар-кар. И так они: летят и шумят, и оттуда бросают бомбы. Бомбы зажигательные, бомбы фугасные, бомбы простые, бомба 50 килограммов, бомба 100 килограммов, стреляют орудием дальнобойным, это где снаряд летит на 100 километров, а сам снаряд весит 100–120 килограммов. Такая болванка летает, потом она в землю, вбивается туда с такой огромной силой, а потом взрывается, и все оттуда валит. И вот днем там была ночь: не видно, земля падает, земля поднимается, земля взрывается, уши ничего не слышат, только это «ооо», один только гул, один только шум, то снаряд летит «ууу… ааа», – мины поднимаются вверх, спускаются так вниз. А у нее еще от трения, она еще воет, как сирена, хлюп и оттуда, и ладно были бы, допустим, ротные минометы или взводные, а то это большие минометы, а то это где-то вот такого размера, килограмм, наверно, 40–50. И вот так вот это три часа. А потом оттуда пошли в наступление, а наша задача устоять, а как только они пошли, наши открыли огонь, по ним так же и из пушок, и были даже у нас танки. А самолетов у нас было что-то совсем мало, а пролетели, наверно, 3 или 4 штурмовика, и все, нету. Ну и все-таки, наверно, в течение часов 2–3, мы отбивались и отбились, это первый был бой, никогда не будет ни конца ни края, все и бьют, и лезут, и бьют, и лезут, и бьют… Это невыносимо страшная вещь. Вот так вот. Закончилась. Наконец-то они успокоились, подбегаем к командиру: «Товарищ командир, дай патронов!» – «Нету». – «И у меня нету». – «А что ты так стрелял?!» – «А как же не стрелять-то?!!» – «Надо стрелять только точно, чтобы убил, а не в воздух». – «А мины есть?» – «Нету». – «А гранаты?» – «Нету». – «Товарищ командир, дай мне гранату». – «Кого?! У меня всего две гранаты осталось». – «Дай мне патронов». – «А где я тебе возьму, у меня вот всего осталось пять штук». И вот в это время пока это затишье, оттуда, с тыла, привозят нам и гранаты, и патроны. Мы опять, мы опять снова забираем, вот ящики, вот такие цинковые, распечатаешь, и делит командир: «Тебе пятнадцать, тебе пятнадцать, тебе двадцать, кому патроны надо? – Нате. Кому гранаты? – Нате». И вот каждый раз одно и то же: все береги, береги, не стреляй куда попало. А чтобы попасть в немца и сбить его, это, значит, надо прицелиться, винтовки-то были у нас пятизарядные, автоматов калашниковых-то мало было тогда, кому-то

выдавали. И вот видел, надо прицелиться так, чтоб выстрелить, а он идет в бок, опять перезаряжаешь, прицелился, бьешь, а он не упал, и опять стреляешь, опять прицелился, бьешь, а вот вроде бы упал. И вот так вот мы дважды или трижды отбивали эти атаки, потом все-таки они успокоились. Наши приготовились, наши приготовились, а немцы пускают сорок танков, а у нас десять, и вот эти танки идут, а за танками пехота, а для этого, чтобы танки двигались, для этого опять снова артиллеристы. Так, подготовка, а она у нас почему-то не длилась так долго, может, час-полтора постреляют, побьют, потом подымается, а они же бьют, и опять так вот. Потом разбили нас в пух и прах, отправили на формирование, а на формирование… это где-то от станции Мга палатки были в поле, просто в этих палатках там стояли, приезжали, новые солдаты были, которые с Санбата, раненые, так их забирали. Ну, сформировали, и опять так же пошел. И вот, значит, Мга, Керши, Селявин, вот где-то, где Селявин, там меня ранило. Это… значит… мина взорвалась, за мной, где-то сзади меня, как только полетело и сбоку, не знаю, как вам сказать, и сорвало каску. Каска была привязана, ее сорвало, шею здесь вырвало клок, так осколком каску вырвало, голову ранило, и все, и потерял сознание. Очнулся, голова шумит, ничего не слышу, рукой сунулся, все в крови, все красно, тронул – больно. Голову потрогал, тоже больно. А куда ползти, как – ничего не знаю. И так здесь валялся, не знаю, так сколько пролежал, подползла медсестра и в ту застывшую кровь в шее разорванное тело как-то сложила немножко и завязала, а завязать туго-то нельзя на шее, только здесь вот так вата торчит, голова вот так вот замотана. И потом, значит, на плащ-палатку, стоя там нельзя было, сразу убьют, на плащ-палатку, и на плащ-палатке тащила в обратную сторону, в тыл, а потом оттащила, потом, что далее, теперь уже и не помню. Как попал в санбат? Или сестра туда дотащила, или что-то опять все это было… потом только очнулся в санбате. Ну и вот так, в санбате быстро там врачи вот это все сшили, заклеили голову, отстригли, заклеили, говорит: «Все, ты выздоровел, ты будешь жить». Ну, слава Богу, я живой, и вот немножко поправился, опа, в санбат приезжает офицер, вызывает главврача: «Кто у вас тут ходячий, выздоравливающий? Давайте мне их сюда, я приехал набирать». А где там, конечно, только из больных, а свежих когда там привезут, ну и вот. «А вот он ходит на ногах, – мне, – давай сюда». А я говорю: «Я еще не выздоровел, у меня голова не шевелится, я ничем не могу пошевелить, мне надо подлечиться». – «Ничего, долечишься там у нас в части». И я попал в артиллерию, и стал я артиллеристом, это в 402 батальон, зенит-

ный батальон. Это пушка наша была по самолетам, по пехоте, по танкам. Вот там здорово служить, там весело. Это… ночью копаем землю, чтобы пушку установить, ночью таскаем снаряды где-то издалека на спине, а днем расстреливаемся. И вот получается так, что танки идут, а я был там, значит, трубочным, это на снаряде деление есть – сколько ему лететь. Вот я ставлю… 250 поставил, он 250 метров пролетел и взорвался. Я поставлю ему 1 километр, километр будет лететь, потом взорвется. Если я поставлю ноль, то эта болванка не разорвется. И вот, значит, как только танки появились, командир кричит: «По танкам бронебойными огонь, снаряд ноль». Я, шея завязана, не шевелюсь, значит, одной рукой так моему закрутил полностью ноль, заряжающий берет, заряжает, а наводящий, который сидит, смотрит в прибор… Такой, значит, смотрит, как только навел, так кричит: «Огонь!» Как только выстрел пошел, гильза вылетела, следующий же заряжающий берет, а я уже трубку поставил. А тот опять: «Огонь!» И вот, как только он поймал цель, совместил цель, кричит: «Огонь!» А командир кричит: «Ноль бронебойными!» Или мы стреляли по пехоте, вот, где страшное, но интересное. По пехоте стреляем, а я трубочный. Он кричит: «750 метров!» Вот как близко немцы, ставлю 7.50, а этот наводчик говорит: «Огонь!» Выстрелили, а снаряд разорвался, за ними дым там. Он кричит: «700 метров!» Я ставлю 700. Наводчик, опять огонь, снаряд не долетел: «Что ты делаешь? Давай 720!» Ставлю 7.20, в пехоту в эту кричит: «Огонь!» И вот только тут взорвали, там столько их идет. Там валяется, тут валяется, чуть ли не всех перебили, остановились, а танки ползут. Командир кричит: «Бронебойными по танкам». Опять на этот, который… опять совместил, опять: «Огонь!» В башню попала, он говорит: «По гусеницам стреляй, зачем тебе башня». Наводчик опять целится, не в башню, а вниз, по гусеницам. Значит, огонь. Снаряд попал, как танк подбросило, гусеницы порвало, танк закружился. Ага. Он говорит опять: «Огонь!» Ну и по танкам, по солдатам, а по самолетам… Вот последний раз, уже перед ранением и перед контузией, там был такой случай, нас 4 пушки было, считается с батальоном, и вот так вот установлены: одна, одна, одна, одна по линии фронта. Самолеты летят, и стреляем. И вот наша была 4-я пушка, самая крайняя, эти самолеты летят, ну, наверное, штук 60, как не больше – черно. И пикируют, и воют, бросают бомбы, взрывы. И вот они в самолет, солнце оттуда, оправился и на нас пикируют и бросают бомбу, и она вот так летит сюда, прямо на нас. Командир кричит: «В укрытие!» А там у нас землянка, в ней пушка стоит, там снаряды прятали, чтобы они не валялись, и кое… мы в этой зем-

лянку-то забежали все, и бомба эта уже упала. В землю, врылась прямо у нашей де… нашей пушки, взорвалась. Землянку нашу подняло, а там у нас два наката, один ряд, потом второй. Как поднялось все и все на нас так рухнуло, и просто всех засыпало, и мы так остались под землей: живыми, глухими, разговаривающими, но не на свободе, под землей. И так где-то там было одно бревно, стояло так вот вертикально, чуть-чуть проникал свет, к нам и проходил воздух, а так ничего. И вот кончилась эта бомбежка, самолеты улетели. И были политруки, и вот политрук со своим адъютантом пошли проверять пушки. Какие пушки, что с пушками, как с солдатами? И вот пришли к нашей пушке, а ее нету, пушка взорвана, перевернута, дуло согнуто, колесо оторвано, а землянка наша засыпана. Он потом пошел за солдатами, взял солдат, и стали откапывать нас. Он, ну, понял, что людей-то здесь нет никого, и вот стали раскапывать землянку, раскопали землянку, а немцы все еще не летели, и нас оттуда из землянки вытащили, погрузили, да, по-моему, машина была полуторка, лежа как снаряды, и увезли в санбат. И так я больше в артиллерию свою и не вернулся. Это, значит, был прижат бревном… рука, ключица. Вот здесь ключица сломана, рука не видно так, вот нога, и, наверное, с полмесяца, а может быть, с месяц в санбате был. А потом, значит, видит, что опять поправился, опять пришел этот, как тебе сказать, который набирает, командир себе в части солдат и опять: «Вот он ходит». Нет, чтобы домой отправить к родным, нет, опять на фронт, а теперь я уже попал в связисты. И стал я связистом, а связистом стал ходить, нога не двигается, рука, телефон… У этого телефона веревка, вот здесь она так привязана была, вот так над ухом висит и кричит: «Пятый, я пятый!». Все, связь есть, а тот кричит: «Шестой, шестой, я седьмой!» А тот не отвечает, побежали, и вот я пока выздоравливал, где-то, наверно, может, с месяц сидел все время только на телефоне, ходить не мог, нога была и рука, только говорил: «Алле, алле». А второй, который со мной солдат, он бегал по линии. А на линию выходили: противогаз, подсумок, теперь, значит, катушка с кабелем, тут телефонный аппарат. Все это на тебе навесишь, как ишак, и так и пошел, нашел, где линия порвалась, соединил. «Алле», – есть связь, есть, пошел дальше. И вот я закончил войну связистом. А войну я закончил, это… в Курляндской группировке. Это я прошел от Ленинграда, Литва, Латвия, Эстония, Выборск, Таллин, и в Курляндской группировке закончилась война. Это где-то [нрзб] Тукумс, такое, по-моему, там название было, и там закончилась война. Кричали, пилотки бросали, целовались, шумели до потери сознания, аж горло хрипит, так кричать. Как

были рады, что мы остались живы, хоть ранеными, контуженными, избитыми, но живыми. Вот так и приехал домой, в сорок пятом году война закончилась, нас демобилизовали. А в сорок шестом году я уже работал преподавателем физкультуры в школе номер 9 , а потом на следующий год меня перевели в школу, в женскую 4-ю школу. И вот я в женской 4-й школе работал до 1961 года.

– *Михаил Григорьевич, расскажите, пожалуйста, подробнее, каким был Иркутск в те годы, каким встретил вас?*

– Дело в том, что когда я уезжал в армию, город Иркутск был совсем маленьким. Вот знаете, где сейчас Центральный парк, у нас на 1-й Советской, а вот туда выход в город, там лестница есть, а с правой стороны церковь, так вот, когда подойдешь… где эта лестница, где эта церковь, то город был внизу. Вот это был только весь город, дым труб там, там, где углем, черный дым шел, где дровами – белый. И вот он был такой маленький, а вот где я уже жил, на 2-й Советской, сюда вверх это уже все настраивалось новое. Вот я жил, понимаете, в этих бараках у нас не было света, у нас не было радио. Это потом уже провели свет, включили радио, а сначала у нас ничего не было, ну и вот, самой большой это был завод Куйбышева, вот он в семь часов длинный гудок: «ууу», – все проснулись, в полвосьмого он делает: «эээ», – и без пятнадцати восемь «ту-ту-ту», – все люди на работе, и дальше ничего не было, но а потом уже после войны тут же начали строиться. Вот, например, когда я уходил в армию, то у нас был через Ангару понтонный мост. Сейчас-то вон какой сделали, а там был деревянный и от воды, наверно, с метр, вот так, вот то быки стояли, на этих быках были доски, а сейчас вон видишь, какой построили, но до войны у нас не было трамваев, у нас не было троллейбусов, у нас не было автобусов. Ну, вот уже после войны здорово взялись за работы, смотрите, построили Шелехов, Ангарск, Ново-Ленино, микрорайон Байкальский, Солнечный, Юбилейный. Даже после войны было настроено при Советской власти, сейчас-то нет у нас Советской власти. При Советской власти построены Релейный завод, при Советской власти построена… Как его? В микрорайоне Байкальский, как же он называется? Так вот сейчас Эталон, и еще были, а потом, когда вот бац, раз, Горбачев с Ельциным распустили партию, разрешили республикам отсоединяться, и наше государство стало расстраиваться, и она сломалась, и до сего времени направляем, направляем, направить не можем. Завод Куйбышева не работает, нету, завод Карданных валов не работает, нету. Слюдфабрика – половина не работает. У меня жена работала, там восемь тысяч рабочих женщин было, на Слюдфабрике, щипали слюду. 402-го

нету, и у нас, выходит, остался один во Втором Иркутске – Авиазавод, который еще живет и работает, а завод Куйбышева выпускал в войну, он до войны драги выпускал – золото мыли. Сейчас золото не моют что ли, драг нету, он еще выпускал в войну гаубицы – пушки, а радиозавод, который у рынка, вот сейчас остановка, а там патроны для пулемета и гильзы делали, а макаронная фабрика порох делала. Вот, как и получается, много изменений произошло, но сейчас город стал лучше, почему? Потому что мы живем сейчас намного лучше, чем я жил до войны. Смотрите, сейчас автобусы, трамваи, троллейбусы. Когда я был пацаненком, я катался на коньках деревянных, деревянные коньки, прибивались железяки на валенки, закручивались, и на них катаешься, а сейчас коньков таких нет. Валенок нет, в валенках никто в городе не ходит, может, в деревнях и ходят, а в городе никто не ходит, да и в деревне уже, по-моему, в сапогах. И вот дороги, я вот, когда на 2-й Советской жил, мы там играли в лапту, на Пасху мы уже босиком бегами, по этой улице играли в лапту, дороги не были асфальтированы. Вот Русиновская, это она сейчас Байкальская, вот она от рынка и в гору, где сейчас райком или это сейчас суд, вот там был райком партии, вот до этого места она была выстлана такими кирпичами, булыжниками. Камни, на телеге едешь: «дыр-дыр-дыр», – лошади идут, так: «тук-тук-тук», – а потом ездили в основном на лошадях, а колеса резиновые, лошади идут, топают, дороги не асфальтированные, можно было в любом месте захватиться крючком за машину и прокатиться на ней. Да, а сейчас все, везде асфальт, асфальт, асфальт. Машин у нас было самое лучшее. Это «Москвич» 401, 402, 407, потом «Победа». Но это… самая лучшая машина, это, наверное, была «Победа», «Волга» тяжелая, она, правда, красивая, но она тяжелая. А «Москвичи»… у меня был «Москвич» с рулевым переключателем не здесь, а на руле, это старая. А потом появились «Запорожцы». «Запорожец» тоже хорошая машина, ну а потом, вот сейчас торгуем с иностранными, сколько надо машин, столько и бери в любом месте, так там продают.

– *Михаил Григорьевич, а давайте с вами вспомним, как строилась плотина ГЭС. Расскажите нам, пожалуйста.*

– Плотина ГЭС. Это, значит, как тебе сказать, были такие машины, они стояли с этой стороны и с той стороны, это, наверно, не пятитонные, а пятидесятитонные. Это огромные, огромные машины, колесо выше человеческого роста. Ну и вот, эти машины, самосвалы здоровые, покрашенные красным, синим цветом, так?, вот сбор, где ломали горы, взрывали горы и привозили сюда камни, кирпичи, землю, и вот Ангару, возили, насыпали, укатывали,

кочами ставили там. Вот так рельсы вертикально в землю, потом их заливали бетоном, это чтобы вода не просочилась, не разломала землю, а потом все бетоном заливали. Ну и вот, это, значит, ту сторону, где сейчас управление ГЭС, где сама ГЭС, где турбины стоят вниз, вот как вот здесь вот у нас, положено так, вот был асфальт там, стена, тут стена, а это стороны в нашу сторону, где сейчас 47-я школа и 25-я школа. Здесь был остров, вот этот остров – его весь… забетонирован, чтоб его не сильно… Он был забетонирован, и вот на него вода встречалась и сюда уходила, и вот, когда все там сделали и стали когда перекрывать плотину, то нашу школу снимали с уроков. Мы туда ходили с девятыми, десятыми классами. Это там, но не только наши школы, там и другие еще там были. Там было народу моря, приезжал строитель, был Бочкин, приезжал Ельцин, так вот он там выступал, говорил, как вот... А потом начали засыпать протоку с нашей стороны, с той стороны машины шли и с этой стороны машины шли, где самосвалы, а там вот были такие треугольные огромные камни, два три камни в машину, больше не подымала, потом подходили, сбрасывали. Он вот так вот бух, камень туда валится, а вода его катит, и вот этими камнями все засыпали, засыпали и до тех пор, покамест и вот эти камни не появились выше воды. И вот когда камни появились выше воды, тогда только начали засыпать туда землю и укатывали катками, тракторами землю высыпали, трактор свалил и вот на эти вот болванки, столько их много было сброшено так. Вот, а как только здесь стали засыпать землю, там, с той стороны вот, такая вот была полукругленькая плотинка, вот по этой полукругленькой плотинке, она была вот здесь замкнута и здесь замкнута, ее как только убрали, вода сразу ринулась в турбины, и как вот это, оп, вот так раскрыли экскаваторами там, на воде убрали, он вот так, и вода пошла по турбинам, а здесь вот так вот – вода прекратилась. Так теперь с этого времени, так как вода здесь прекратилась, они стали там посыпать, и стало много. Она стала подниматься, и она пошла, вода, куда-то в сторону, где вот, ну, опять с какой стороны смотреть, можно встать слева, можно встать справа. Вот, где корабль стоит здесь, ну, земля была, ну, такая, как это, вот гора под горой, что ли, вода пошла сюда, потом здесь она наполнилась, пошла сюда, к микрорайону Байкальскому, и туда еще ушла. То есть [нрзб]… вода подымалась, подымалась, она заполняла все эти низменности и заполнила низменность, и все, и так, значит, открылась наша электростанция. Сначала… потому работала на две турбины, потом три, а сейчас все четыре работают турбины. А митинг был большой, Ельцин выступал, Бочкин выступал. А мы там были. Но закрывали

машин много. И все такие здоровые машины, бетонные такие треугольники, их вода крутила, бросала.

– *И, наверное, потом это так праздновали, что завершилась такая стройка. И вот расскажите как раз про праздники, какие были в… как отмечали то есть, мы сейчас видим, как сейчас в городе отмечают? Ну, вот день города, тогда еще и так, конечно, отмечали, но все равно, Новый год…*

– Ну, никакого сравнения нет с тем, что было. Вот я могу сказать так по нашей школе, может, по 4-й школе, по женской. Вот, я когда работал в женской 4-й школе, у нас была биолог – женщина, мы собирали ветки с тополей, и у меня внизу был спортзал, а в этом спортзале когда-то раньше была кухня, плита, котлы были, туда наливали воду и туда ветки бросали. И вот ветки там, в этом котле, в вазе, у меня росли ветка и листочки давали такие, а на трудах учительница делала белые бантики, как вот так цветет черемуха, яблоня. Вот такие, и вот к этим веточкам привязывали бантики, и на парад 9 Мая – праздник – мы идем с этими веточками. Люди: «Как это? Живые цветы, живые ветки?!» А идем с транспарантами, с духовым оркестром, с песнями, баян, танцы. Это невыносимо, а шли на парад 5, 6, 7, 8, 9, 10 классы – полностью школа, это невыносимо было, а там мы всегда строились у хлебозавода, чтобы выйти на площадь, а там танцуют, поют. Все праздники, когда мы ходили на демонстрации, еще даже на площади, когда проходили мимо трибуны, выступали девчонки, с вольными пацаны Второго Иркутска, боксеры боксовались.

– *На площади Кирова?*

– Да. Студенты мединститута с палками, эти с лентами. Это прелесть! Это чудо! Сейчас этого я не вижу, и демонстрации нет. А вот мы собираемся 9 Мая, просто колонна идет пришельцев. Музыка там, если дадут это воинской части, а сейчас у нас, по-моему, нету. Ребятишки, вот мы отсюда приходим, десятые-одиннадцатые классы пришли, там постояли, тронулись, колонна пошла, доходим до облвоенкомата, там к нам подстраиваются ветераны воины, труда, все, то есть пожилые все, и идем. Вот, это так вот праздник, а здесь праздник, когда уже я в 39-й школе работал. Вот здесь у нас праздник был, еще больше построили колонну, а у нас колонна от лестницы до самого конца, до школы такая длинная. Потом, значит, дядя Ваня с духовым оркестром, барабан большой на колесах, пацаны пин-пин, мы учили песни, разучиваем песни, а потом выходили: «Песню запевай!» – и пошла… все, колонна идет, поет, а флажков сколько, а знамен, транспарантов! И вот мы всегда проходили площадь, транспаранты, вот, где 15-я

школа, там проходила машина, мы в машину эту все сгружаем, двух человек парней назначаем, которые везут в школу, туда разгрузили, а мы все пешком идем туда. А вот октябрь это уже когда… тоже ходили на демонстрацию, да, учительница наша даже валенки одевала, потому что было холодно, перчатки одевала, чтобы транспаранты нести, поэтому было здорово, сейчас этого нет, видишь, плохо. Праздники надо было бы оставлять, а так как вся власть изменилась и все изменилось, и праздники изменились. Ну вот, к примеру, будем говорить так, наш праздник учительский: всегда собирались на конференции, на конференции и заврайона выступал, доводил День Учителя, а сейчас День Учителя… наша школа договорилась с автобусом, нас увезли на 19-й километр в лес, а дочкина школа, так это в школе отмечали День Учителя. А 14-я школа там отмечали, ну то есть кто где, а общего у нас… у нас уже нет. Вот я был делегатом съезда учителей с правом решающего голоса. Что-нибудь голосуют, подошел, проголосовал, так это съезд учителей, я был на съезде учителей в сентябре при Советской власти, было 25 конференций учителей района, наш район всегда на заводе Куйбышева собирали, другие в другом месте, районы, а сейчас нет конференции, чтобы можно было сохранить – не сохранили. Вот смотри, раньше пионеры, галстук красный, и девчонки вот сейчас бегают с голым животом. Они ходили в платьях, белый воротничок, косички, платье коричневое или синие, а сейчас нету пионеров, нету комсомольцев, а раньше Возулин Юрий Захарыч, который с нами здесь работал, был коммунист, он с ребятами 11-го класса ходил, патрулировал, патрулями были, кто попробует нарушить – сейчас же забирать, кто попробует что-нибудь украсть – сейчас же поймают. Сейчас, говорят, в Красноярске сделали детям до 14 лет до 10 часов, а у нас этого нет, а по идее я бы, например, создал дружинников. А из чего их создавать? На заводе рабочих нет, на фабриках рабочих нет, а ты частник, у тебя один киоск, а у тебя пять баб работает, как ты с ними? Пойдем, дружинник? Нет, а тогда были с завода, с фабрик и отмечались, люди проходили, повязку одевали и ходили по улицам, порядки наводили. А сейчас мальчишки 14 лет, девчонки 12–13 лет, они уже курят, пьют.

– *Вы думаете, это люди такие были или время?*

– Люди и время. У нас не было телевизоров, нам поцелуев и секса не показывали, сиди, смотри кино [нрзб] и сразу показывают, а иногда и показывают, закрылись, затем открылись, а дальше не показывают, а иногда и показывают, закрылись, потом открылись, он голый, она, лежат, что делали, неизвестно. Ее мальчишка ма-

ленький, девчонка не понимают. Это раньше говорили, вот его нашли в капусте, нет, мама родила в капусте, его нашли, а сейчас его в капусте не ищут, сейчас уже маленькая девчонка или мальчишка как только увидел живот: «А, мама с животом, мама в положении, мама родит мне братика!» Видишь, как все это, и получается так, что ранешние люди меньше знали всего плохого. Вот сейчас передают, напали на мэра города или там убили того предпринимателя, поймали одного, ага. Этот взял взяточник, а раньше телевизоров не было, и нам этого не сообщали, может быть, тоже также брали взятки, может быть, тоже что-то делали, но мы это не знали, раз мы не знали, были спокойны. Вот я буду тебя раз, два, что ты привязался, да ты уже надоел. Вот так же и мы видим, передают: милиция того-то взяла, тот взял взятку там-то, и все большие, большие начальники, и выходит, а все эти, которые у нас в начальниках, все воры, а раньше знали Сталина одного, партия тот-то, тот-то работает там-то, там-то в газете написали, выслали и все, больше ничего. И сейчас выступает министр, один министр, второй, ага, все выступают. Вот министр здравоохранения: «Лекарство везде есть бесплатникам, выдают хреново». Я прихожу… мне врач… «Я пошел», а мне говорят: «А нету». Я неделю хожу, и все нету, нету. Целый месяц проходит, и вот и получается, он говорит, что есть, а я его не получил, беру деньги, иду в аптеку и покупаю. Вот видишь, получается так, что деньги отпущены, а куда они делись? Украл. Вот такой. А раньше я не знал, что такое «ворует деньги», и получается так, что сейчас на него работают 5–6 человек, он этих 5–6 человек эксплуатирует так, как хочет: «Наташа, ты сегодня до вечера работаешь, сделаешь мне вот это, а Катя вот это. А я что? А что не так? Что? Так, все, уходи, ты мне не нужна». Отпуск он ей не оплатил, в трудовую книжку не записал, и на него ты не подашь ничего. Вот тебе и еще генеральный директор: «Ты мой предприниматель, ты смотри, мне так [нрзб] в тебе сомневаюсь, я другого возьму, да ты чего это со мной, работать так нельзя!» Ему только одно слово скажи – и сразу выгонит, так значит, те работают, которые у него работают ниже травы. Видишь? А раньше была советская власть, я мог пожаловаться в райком, в горком, хоть куда, а мне еще там и помощь окажут, сейчас советской власти нет: ни райкома, ни горкома, ни комсомола, ни партии – нет ничего. Кому пожаловаться-то пойдешь? Вот со следующего года, например, школа наша будет работать самостоятельно, сама одна по программе, составленной учителями или утвержденными министром, а в школе будут учить только платные, бесплатно никто не учится, оплата у нас, чтобы нам ее

отремонтировать с каждого ученика или, будем говорить, родителя каждый месяц по 1000 рублей. Вот нас 1000 человек учатся по 1000 рублей, это сколько стало тысяч у нас, ага, это хорошо, а что эта 1000 рублей, это ж ерунда. Я вот пошел вчера в магазин с 1000 рублями, у меня осталась одна десятка. И получается так, что все только он делает и остальные подчиняются. Законы наши – что дышло: куда захочешь, туда оно и вышло. Вот смотри, Путин издал приказ – запретить курить в школах. Как девчонки курили, так и курят, а этот приказ, если был бы подтвержден, поймавшие ученика или ученицу, куривших в школе, штраф родителям 500 рублей за первый раз, второй 1000 рублей, за третий раз 1500 рублей. И вот твою бы маму вызвали и сказали бы: «С вас 500 рублей, вот ваша дочь курила в школе, да, вот так, вот так, вот ее поймали, вот акт составили, платите». А у мамы денег нет, сказали так: «Наручники одели на ее – и в тюрьму». А 1000 рублей – 10 дней в тюрьме, а 10 дней в тюрьме работает, ее гоняют: туда работай, сюда работай. Вот раньше здесь вот улица Байкальская, так вот ее подметали люди без ремней с охранными милиционерами. Метут ведь. Кто мел плохо улицы, того лишают, если бы мама посидела бы пять дней в тюрьме, а там тюремщики такие, что собаку съедят или кошку сгрызут, она бы сказал: «Знаешь что, дочь, прекрати». Курить она бы прекратила или нет, а маме десять суток дали, и десять суток… и маму бы посадили на баланду. Это значит вода, посоленная, заправленная водой, вот ее можно пить, вот она бы ей запретила категорически, сама бы дочь поняла, что мама из-за нее в тюрьме сидит. А те, которых богатые, – 500 рублей, 1000 рублей, а ведь этого приказа нет, и мы… директор видит: «Ты чего тут куришь-то? А что? Мама курит, папа курит, а мне что нельзя, что ли?» Вот он дурачком прикинулся и курит, был бы этот приказ… по-человечески: «Не курить, а то буду наказывать». Вот сейчас второй приказ запретит курить, пить в автобусах, троллейбусах, а кто его выполняет? Бабушка. Тьфу! Она не пьет и не курит, а молодой парень сидит, ты ему: «Ты чего пьешь?» А он: «А вам-то что до этого?» И еще обматерит, а его никто не накажет. Или вот тетки: «Ну что ты собаку там распустил?» А он: «Что вы привязались?» А если бы был сотрудник, он бы его забрал, а сотрудника нету. Улицу переходим в неуказанном месте, я помню сам лично по себе, по себе: Карла Маркса, по середине улицы идет милиционер, свисток и жезл у него, какая-нибудь побежала, он свистит: «Остановись!». Ушла? Нет, поймал, три рубля штраф. Вот здесь у нас переход, стоят два милиционера, там стоят. Так, давай-ка, Иванова Наташа, плати штраф, она ведь не стала перебегать, где

не надо, а если у нее нет, так что же. Это только говорят, что это закон. А какой это? Вот я же говорю: как дышло, так и вышло. Как курили, так и курят, как пили, так и пьют.

– *Раньше молодежь была чем-то занята, были какие-то спортивные секции, вот какие раньше были занятия, увлечения?*

– Вот я с пятого класса занимался гимнастикой, я ходил в спортзал, это рынок где, а за рынком, с этой стороны у рынка прямо спортзал, вот там я занимался, я приходил, занимался два раза, три раза в неделю и бесплатно. Сейчас я хожу в бассейн, так плавать там кто-то пришел из мальчишек и девчонок, так: сто-сто-сто. У тебя одна мама, и ты у нее одна, и мама у тебя работает уборщицей, а тебе вот так хочется поплавать! Даст она тебе сто рублей? Нет. Каратэ. Я пришел у нас рядом был магазин его там переделали, сделали тренажерный зал и там занимались. Я пришел к ребятам, зашел: «Здравствуйте, здравствуйте ребята, я хочу у вас позаниматься, – достаю,вот моя книжка, вот я такой-то, смотри вот. Это здорово, принесете мне справку от врача и 500 рублей. Я ему говорю, может мне как старику можно так? Он: «Нет, так не пойдет, с тебя 500 рублей». Ну я тогда не буду ходить, 500 рублей это пенсия, если бы мне сейчас Путин добавили бы 500 рублей, а то 300 рублей, я бы считай может, пошел бы позанимался и все остальные, которые есть кружки, есть так вот они платные, бесплатные только кружки. А вот в школе, если учительница волейболистка – ведет волейбол, Галина Александровна гимнастка – гимнастку ведет. Сняли гимнастику у нас, теперь нет, зачем ее готовить, если мы не выступаем нигде, ни первенство района, ни первенство города, ни первенство области, нету, значит, мы бросили. Что можно еще бесплатно сделать? Футбол на нашем поле погонять. А если большие приходят, они собирают по 50 рублей. Вот у меня Максим ходит в бассейн, 100 рублей, во Втором Иркутске ездит, Максим ходит играть в футбол, полста рублей платит, в Красных Казармах ходит, там собираются мужики, которые пришли, говорят, вот так за одну неделю 200 рублей отдали, получается, что кружки, которые могли бы работать везде и всюду, вообще бесплатно, обществ нет. «Динамо», «Спартак», «Труд», «Буревестник» – вот пять, ни в одной из них организации нету, бесплатного кружка, не добавили денег, чтоб ходить ребятишкам бесплатно на занятие, и поэтому говорят, что поднять надо физкультуру, поднять физкультуру, будет по три часа физкультуры. У дочки по три часа физкультуры, вот 47-я, они третий час отдали под танцы, ребятишки маленькие. Мария Александровна третий час не берет – не укладывается в сетку часов, не укладывается, это 1, 2, 5, 6, все шесть уроков, а для

того что бы три урока заниматься, это на юге, там-то тепло, можно на улице. А у нас сегодня пойдем на улицу, там грязь, что там делать? И получается, будто бы они хотят, а конец остается. Вот я и говорю, никаких итогов, если бы, допустим, у нас три часа положено. Ну-ка, товарищ директор, пойдемте-ка с вами, проидемся к завучу. Покажите, пожалуйста, расписание. Как, на каком основании, вы можете бросить? Она: «Никто не приходит». Ну, выбросили – и хрен с ним. Вот как я бы этих три часа с полным удовольствием занимался, и ведь ребятишки учатся играть, бегать, делать упражнение, все, что хочешь, а их нет, а чтобы сделать три часа, надо делать, чтобы было два зала. Вот этот один зал сделали мы, в котором я занимался, а так все они были… там один тренажерный зал, второй лечебный, они были вот так вот соединены, дверь была. И получается, так что вот будто бы в «Спартаке» нет волейбольных команд, в «Динамо» нет волейбольных команд, в «Спартаке», по-моему, есть волейбольная команда, а во всех остальных обществах нету. Почему? Денег нету, надо тренера держать, надо за аренду зала брать, а своего зала нет, вот так вот. Строят сейчас 23-ю школу, бассейн там не делают, а может там быть, а бассейна… негде там ребятишкам плавать, где там вода, где там Ангара? А ты там хоть бы раз была-нет? Вот съезди, посмотри. Там нет спортивной площадки. Она прямо у забора, у дороги, побежать негде, попрыгать негде, гранату взять негде, так что делать, как оттуда ребятишки будут выходить богатырями? Они выдут такими крючками, и получается: много говорим, но мало делаем.

– Вы думаете, со временем лучше Иркутск или все же наоборот?

– Лучше. Только опять все упирается в деньгах, в земле, в аренде, в трусости нашей. Первое, для того чтобы снести дом Марины Александровны, а ее избушка стоит на Байкальской, стоит где 76-я школа, где-то там дальше, а в этой избушке прописан Толик, прописана дочка, надо этим двум людям [нрзб], да. Как так вот, у нас квартира, да, вот земли, чтобы эту избушку снести, а их там надо три избушки снести, чтобы построить 5–9 этажный большой дом, красивый дом, и пусть в этой одна семья, пусть в этой две семьи, пятнадцать комнат. И вот как едешь по Байкальской, посмотришь – тут жилье спасать надо, а что… посмотришь, там дом построили, там девятиэтажка, там пятиэтажка, частники построили. Квартира стоит 1,5–2 миллиона. Вот ты, журналист, написала такую статью в газету, там тебе сосчитали, сказали 500 слов, каждое слово стоит 5 копеек, умножаем пять на пять, равно 20 рублей, тебе за эту статью. А ты же написала вторую статью, и ты, получается, в месяц 250 рублей. Деньги? Понимаешь, что строить надо. Вот пример наш с новым мостом. Тетки две или три го-

ворят, что это их жилье, эти три избушки стоят, я бы поднял трактор и снес бы, все выбросил. Вот тебе, тетка, неделя сроку, увози отсюда что надо. Не увезет – мы завтра… приезжает так с милицией, так описываем все, ломаем. Вот Салацкий был мэром города, он писал книги о городе. Я читал их. Раньше мэром города был, я его сейчас фамилию не помню, так вот он сделал улицы, выпрямлял, были улицы [нрзб] он вот так вот этот дом, значит, до половины дома обрубить, этот дом снести, чтобы улица была прямая. Дается этому хозяину время, нет – он пригоняет солдат, солдаты отпиливают дом, разбрасывают. Это не мое дело, это твое дело, тебе было приказано: «Уходи», – ты не ушел, до свидания, вот так. А у нас законы такие, которые даст, как тебе сказать, ни рыба, ни мясо. Едешь по Партизанской, вот я на автобусе езжу на 122 на садоводство, там такие захалупы стоят, и на них ничего не строится, ничего не спрашивается.

– *То есть город должен быть городом, это не деревня?*

– Да, совершенно верно. Вот именно. Допустим, вот там есть у нас исторические дома старые, которому сто лет, вот усадьба, да, но покрасьте его, сделайте его, огородите, чтоб на него люди могли посмотреть: «Во какой дом». А остальные-то стоят сараи, и даже можно было так сделать, есть у нас на Тальцинке музей под открытым небом – перевози их туда и поставь, денег ему пору… ты… ерунда какая-то.

– *А скажите, а храмы вот, как вы считаете, их сносят, восстанавливают, снова сносят?*

– Храмы. Вот храмы – тут беда Сталина. Сталин был ярый коммунист. Вот люди, которые при нем жили и работали, были большими начальниками. Вот на Площади Декабристов красная церковь была, ее снесли, построили дома. На 3-й Советской была барахолка, там стояла красная хорошая церковь. При советской власти появились ребятишки у меня, я их хотел покрестить, так запрещено было, а если ты член партии, и вот я их в Листвянку возил крестить, в деревню, далеко. А здесь вот сейчас у нас хороший храм стоит, где Вечный огонь – сделали музей, я позапрошлый год… волки стоят, медведи стоят, сохатые стоят, а сейчас там, по-моему, что-то другое стоит. И понимаешь, так вот чтобы – его не открыть, а когда едешь через понтонный мост, только мост заканчивается – с правой стороны церкви. Церковь рядом с 8-й школой, где тюрьма красная, даже наверху береза выросла какая-то. Спрашивается, для того чтобы ее открыть, надо огромную сумму денег на восстановление, это не вкладывают в смету, не закладывают в смету, то есть не планируют, вот и получается: столько много у нас здесь церквей, а работает раз, два, три, тут народ ни при чем, тут правительство все.

– Вот погода сейчас все теплее и теплее становится. Моя бабушка говорила: «Вот если была зима, такая зима, что прямо аж дома трещали, если лето, то жара такая». Вот как вы климат помните?

– Я помню, когда я работал в 4-й женской школе, мы в декабре, в каникулы зимние, играли первенство города в волейбол во Дворце пионеров, а в это время вставала Ангара в январе и топила город Иркутск, вот где площадь Кирова, там была вода. Так вот мои девчонки ходили смотреть, как там эвакуируют народ и как машины ходят по воде, они потом оттуда пришли, а у них колени вот такие красные-красные – замерзли. Это климат сам по себе изменился, а когда климат изменяется, значит, и погода изменилась.

– А скажите, пожалуйста, какое ваше любимое место в городе Иркутске?

– Ой, чтобы его найти, это место, это можно… Это трудно. Почему? Потому что я все время работал, и у меня не было такого времени, чтоб пойти на набережную, Ангару и погулять, вот только что, допустим, вот нравится, пошел в театр вот, это дело другое, пойдем в театр, а чтобы пойти на Ангару, ну, это может быть любимым местом отдыха для человека, а сейчас все время на работе, а сейчас вот пошел в отпуск только первый год, не знаю, что еще будет и где будет, вот так вот, но самое любимое место – это театр.

– И вот сейчас вы, наверно, ходите. А раньше как театр? Тоже, наверно, был, и потом был кинотеатр «Пионер»?

– В кино мы тоже ходили, потому что телевизора не было, а большинство в театр, вот я с женой иду в театр, она идет в валенках, я несу туфли. Мы приходили туда, в театр, валенки снимает, туфли одевает, платье, так вот переодевалась, и мы с ней пошли, а закончится театр, я опять прихожу, пальто получил, она рейтузы одевает, валенки одевает, закуталась. Кофту одевает, и мы домой пошли. Вот сейчас театрами… тогда театр, тогда я в театр шел, я был наряден, я был праздничный, а сейчас в театр иду в джинсах, эта – в такой кофте, эта – в такой. А раньше в ресторан не пускали человека плохо одетого или грязного, вот так вот, а в театр тем паче, в театр мы много… много времени ходили.

– А на танцы?

– Ну, танцы у нас не то, что сейчас, сейчас так, вот я буду с вами танцевать и все, а тогда я танцевал вальс, бостон, фокстрот. Есть не все эти танцы, музыка играет танго, ты танго танцуешь.

– В Центральном Парке, да?

– В Центральном Парке, да, духовный оркестр играл… ммм… здорово так, вот это, да, там было, да, любимое место парням погулять с девчонками.

Интервью
с Ниной Иннокентьевной Глызиной
(1922 год рождения)

– А вы где родились? В Иркутске?

– Да.

– В Иркутске. А где именно?

– Я родилась в Иркутске на улице, называется «переулок Восьмое Марта», бывший Кузнецкий переулок.

– А когда родились?

– В двадцать втором году, одиннадцатого декабря двадцать второго года.

– Это получается, вы всю жизнь в Иркутске прожили?

– Да, тут я, тут отлучалась, уезжала, но…

– А у вас есть какие-нибудь воспоминания о городе – начальные?

– Ой, ну что же. Город, в основном, был, конечно, деревянный. Таких кирпичных домов было очень мало, были дома вот такие, как Дом специалиста, допустим, вот был у нас, на улице Бабушкиной, на Карла Маркса он выходил, и на Марата был Дом специалиста. Вот это самые первые дома, которые появились вот, вроде там специалисты уже такие жили.

– А детство ваше, оно же здесь, в Иркутске, проходило?

– Детство все в Иркутске провела.

– Расскажите, какое оно было.

– Я еще плохо слышу, Оля, сейчас выключу этот.

– Давайте…

– Сейчас сяду напротив тебя, буду лучше тебя слышать.

– Угу. Давайте… Расскажите о детстве что-нибудь, что помните из детства.

– Ой, ну что тебе рассказать. Всё детство мое прошло… на этом вот переулке Восьмое Марта, там я прожила где-то сорок три года.

– Угу.

– А… Воспитывалась я… В общем… воспитывалась я… не… не мать меня воспитывала – воспитывал меня де… дядя. Дядя жил с женой и с бабушкой. У них были все мальчики, и вот… его сестра вот, моего отца-то, она родила… незаконнорожденную, меня они взяли, я воспитывалась вот в их семье.

– Угу. А… получается, дочь ваша, да?, в Иркутске тоже живет?

– У меня дочь в Иркутске живет. У меня две дочери: одна – в Иркутске, а другая – в Краснодаре живет.

– В Иркутске она тоже с детства жила, с рождения?

– Да, она с самого детства, с самого рождения, её родили там, на Восьмое Марта. И уехали мы там в шесть… сорок три года… это в шестьдесят пятом году мы уехали. Этот дом построили когда, и мне дали квартиру в этом доме, это… на работе строили, это ведомственный дом был.

– А учились как, где?

– Училась я первоначально в 7-й школе первый класс, два класса, первые два класса. Эта школа – сейчас там будет находиться музей истории города Иркутска… новое, новое здание будет – слышала?

– Нет.

– Это на улице… Франка-Каменецкого. Раньше… как она? Мясная ули… мясняков…? Мясная улица мы ее звали, Мясная улица была, сейчас она Франк-Каменецкого. Я училась там два года, потом мои родители уехали в Монголию, и я с ними уехала, я училась в Монголии. Третий, четвертый, пятый класс в Монголии. А уже в шестой класс я приехала когда сюда, на эту же… в эту же квартиру, училась я в 6-й школе, это угол… ээ Володарского и Большой. Володарского знаешь улицу?

– Угу.

– И Карла Маркса, сейчас там какое-то… по-моему, инвалиды сейчас там занимаются.

– Ой, не знаю, а получается, ваши родители… Они изначально в Иркутске сами родились?

– Сами родились.

– А потом уехали в Монголию, а потом вернулись, да?

– А потом в Монголию уехали, это отца командировали как специалиста, его командировали в Монголию, после Монголии приехали, отслужили три года и приехали.

– А после школы как? Чем занимались?

– А после школы я в институт поступила.

– В какой?

– Финансово-экономический.

– Это государственный наш, получается, да?

– Да, да, да, да.

– А почему именно этот вуз выбрали?

– Я сначала поступила, когда мы кончили и все пошли в горный институт – все, гамузом, классом, все в горный институт, но, знаешь, мне что-то не понравилось там.

– Изначально не понравилось или отучились там?

– Нет, я отучилась там, я отучилась весь семестр, сдала за семестр экзамены и два месяца второго семестра проучилась. Ну вот

сухость какая-то вот, ну вот, знаешь, не нравилось мне там вот, и я ушла. И подала заявление в финансовый институт

– *Финансовый институт либо университет наш, государственный?*

– Нет, тогда он был финансово-экономический институт.

– *Ага.*

– В то время, это был сорок шестой год.

– *Угу… А почему именно туда?*

– Сорок шестой ли? Нет, это не сорок шестой, я поступила, ой, я уж забыла, подожди… я школу кончила в сорок первом году. В год войны я школу кончила и вот сразу в горный поступила, горный бросила, девчонки ушли в медицинский в основном, все, все шли в медицинский, а я пошла в финансовый. И окончила его, финансовый институт. Работала пять лет по специальности, а потом ушла уже сама, в другое место… работала, в проектном институте работала.

– *А вот какие-то увлечения были у вас? Как хобби?*

– Ну вот ты знаешь, в войну-то собственно больших хобби не было. Ну вот как тебе сказать, я в волейбол играла. Еще, еще будучи в школе, в институте, я занималась волейболом, гимнастикой занималась я, вот, это я много занималась. Ну… а так, как тебе сказать, у нас очень много ребят было на нашей улице. И мы вечерами всегда собирались, играли в беговую. Знаешь такую, лапту?

– *А, лапта? Знаю.*

– Ну вот мы ее беговая называли, беговушку. Вот, в лапту играли. И сетка волейбольная у нас висела, и тут же волейбол это. Тренер наш вот был Коля Шкурник, так на фронте и погиб он. Вот волейбол. В институте волейбол тоже играла.

– *А как вот праздники отмечали? День молодежи, дни рождения, Новый Год… вот такие большие праздники… отмечали как-нибудь?*

– А ты знаешь, большие… раньше так не отмечали сильно… Ну вот вечера были, только вот, допустим, 1 Мая – вечер: там доклад делают, там какие-то выступления нашей самодеятельности, и танцы в основном, ...иии... и в школе тоже самое, у нас… ну, кружки были. Я в стрелковом кружке была, я хорошо стреляла, у меня, ну как тебе сказать-то, у меня… как это выразиться-то тебе? У меня меткость хорошая была.

– *А вот День города отмечали как-нибудь?*

– Нет.

– *Никак?*

– Не было этого, таких. Вот праздник Первое мая был у нас ...иии… Седьмое ноября, на демонстрации ходили.

– А город украшали как-нибудь, на тех же демонстрациях?

– Ну флаги вывешивали, транспаранты на некоторых, на больших зданиях: «Да здравствует Первое мая, день солидарности трудящихся» и так далее там… ...иии... Седьмое ноября тоже так же, день Октябрьской революции.

– А помните, как строился город? Какие-то воспоминания из молодости, как строился Иркутск?

– Да как тебе сказать, строился город. Он хаотично строился. Хаотично строился, не было такого, чтоб как конкретно вот где-то что-то. Ну выбирали место – надо было кому, так и строили.

–А вот что вы думаете про то, что вот деревянные дома посреди, ну вот рядом с кирпичными. Плохо это, хорошо?

– Да конечно плохо.

– Думаете, лучше такие?

– Лучше такие дома.

– А почему?

– Ну как-то они уже вида не имеют такого, городского, если бы они хорошие были, дома, красивые, а ведь они уже все-все старые. Мало хороших домов уже… еще, вот сейчас осталось. Ну есть, конечно, еще… вот у… например, по Коммунистической еще есть еще хорошие дома, но там будут их сносить, потому что там будет улица… с моста. Ну а вообще строили дома, я тебе скажу, и много окон было в доме: вот у нас была комната двадцать три метра, большая комната, пять окон в ней было, представляешь? Раз, два, три, и тут два сюда во двор выходили. И как-то старались именно чтоб светлые были комнаты, больше это… Ну, в основном, одноэтажные люди строили, ну вся постройка в основном, я не знаю. Очень старая. Давно-давно дома строили.

– Ну, конечно… А вот как вы относитесь к переименованию улиц: вот то, что там что-то сносят, какие-то памятники, а какие-то памятники, наоборот, ставят, Колчаку, например?

– Я за то, чтобы памятники ставили, везде ставили, на всех улицах, чтоб красиво было, чтоб люди как-то шли, вспоминали и знали, что здесь, в этом городе, происходило.

– А вот то, что переименование улиц?

– Как тебе сказать? Мне старые названия больше нравилось всех улиц.

– Потому что привыкли к ним?

– Может быть, привыкли потому что к ним. Ну, сейчас переименовывают, ну… что, пусть переименовывают.

– Все равно жалко, наверное, то, что как-то история?.. Вы выросли в этом, родились?

– Нет, я при старых родилась, почти все старые улицы назывались по-старому. Я в двадцать втором году ведь родилась, все старые улицы были, мы их все знали, и другой раз даже забываю и по-старому называю. Вот Декабрьских Событий – она Ланинская была, я ее до сих пор зову Ланинской улицей, вот она как-то вот в памяти она…

– Ну, конечно. А вот как ритмы жизни? Раньше все равно, наверное, поразмеренней как-то ходили по городу, жизнь поразмереннее была? А сейчас, мне кажется, суетность какая-то, нет?

– Вот я тебе скажу про свою семью. У меня отец, он ну… из такой простой семьи был, но ты не поверишь, насколько он был интеллигентным, и вот мама (мама, правда, гимназию кончила, папа какие-то там высшие курсы кончал в свое время), и насколько они были благородные такие вот, почтенные: каждый вечер вот эти, допустим, приходили они вот, покушали, все, пообедали, и он всегда с мамой или с братом ходили гулять, до берега гуляли, и сады были – вот Интендантский сад был, теперь… Сукачевский сквер был …эээ… Еще какие-то скверы были. И везде, и бабушка меня везде водила и все рассказывала мне, она у нас очень богомольная была, в церковь ходила, молилась ...иии… меня хотела, но у меня как-то вот душа не лежала к этому, я… не увлеклась. Но… И как-то люди были, ты знаешь что, более вежливые, интеллигентные, даже простой вот… вот, и то он был как-то вот… вечером нарядится, всегда наряжались, там гулять ходили, и вот это мне нравилось.

– А вот сейчас, наверное, непривычно, что постоянная суета какая-то, грубость?

– Да, да, это мне не нравится, суета. У нас вот сейчас эту площадь открыли здесь, отремонтировали, и постоянно там вот сидят… народу, плюют и… и как-то знаешь, вот не чувствуется, культуры не чувствуется в народе. Не чувствуется в молодых культуры. Нет, нет культуры. Не знаю, или не прививают, или в семьях, может быть, так.

– Не прививают, наверное, а где ее прививать будут?

– Да.

– А помните, как ГЭС строилась?

– Ну, помню я, ходили мы туда, смотрели там, как возили, машина, скидывали вот гравий – и большая работа проводилась, у нас даже сейчас-то… самый который был… главный бульдозерист не бульдозерист там, на этом… ну на крану крановщиком, он сейчас к нам в клуб ходит и вот… везде где-то в газетах писали о нем, всё, Вотяков Николай Антонович. Ну что, очень были все довольны, что

у нас вот строится большая стройка, огромная стройка, все ходили, всегда смотрели, любовались, даже строительством любовались…

– *Ну, масштабность – все равно хорошо.*

– Ну что ты, что ты.

– *Все задействованы. А вот производства какие-то важные в Иркутске были в то время? Мост через Ангару как строился?*

– У нас вот …ммм… вот завод Куйбышева был: это огромное предприятие было, которое драги… цех драги выпускали, литейный цех был, работал, очень много народу работало, и довольно-таки… ну, приличное заведение было, у них свой клуб был, своя столовая была, они себя обслуживали, и во время войны сюда приезжал Краматорский завод на этот… на завод, сделали они, значит, это, всё, орудия для фронта готовили. Вот. Сейчас его закрыли, один цех работает только. Теперь что у нас еще было? Пимокатная фабрика была.

– *Какая?*

– Пимокатная, пимы катали, валенки. Пимокатная фабрика своя была, две конфетных фабрики было. Что ещё у нас?... ещё, наверное, много были… я уж не помню, что и было. Ну у нас… речной флот развит был, пароходы ходили, они до Ольхона и обратно ходили по Ангаре. Там у них тоже развито было, свои мастерские были, ремонтные мастерские и… Геологическое управление у нас очень богатое было, у нас очень много людей видных, которые открыли месторождения: вот урановое, чароитовое, еще там ряд этих (у меня вот у мужа брат работал геологом, он вот, он месторождение чароита открыл).

– *Ничего себе.*

– Угу.

– *А помните, как вы мост через Ангару строили?*

– А? Мост?

– *Мост через Ангару строили?*

– Ну как же, мы ходили, смотрели всё время. Я училась в школе, и мы после школы кончали в 8 часов и всей гурьбой шли на мост смотреть, как строится-то. Это зимой мы всёходили. Снежки кидали, шли, баловались, дурачились, но на мост, как другой раз там: «Ну чё? Девчонки, на мост пойдемте?» – «Пойдемте!»

– *Ха!*

– Всей гурьбой с мальчишками идем, дружный класс был, очень дружный.

– *Да, по-моему, тогда все дружные были.*

– Дружные были, ага.

– *Даже по фильмам посмотреть, все равно как-то не так, по-другому у нас.*

– Да.

– А вот внешний облик города? Вот как? там, наверное, все-таки приятней, да, вот как-то?

– Ну, внешний-то облик города хороший был, во всяком случае, поддерживали… ээ… всё время. Вот когда частные-то ещё… частные были, так их прям заставляли, обязывали поддерживать город. Дома красили, там, подбеливали заборы, это всё… А уже позднее… тут уже… ну, тоже поддерживали, но…флаги вывешивали в праздники, но, как тебе сказать, город… ну, во всяком случае старались как-то поддерживать город.

– А сейчас вот лучше-хуже стало? Или просто по-другому?

– Вот с точки зрения моего возраста, я тебе скажу, что было лучше!

– Да?!

– Да!!! Потому что можно было на улице пройти в час, в два, в три ночи. Тебя никто не встретит, ты не боишься, идешь. Я на танцы вот бегала в Куйбышевский завод. В час ночи вот идешь обратно домой, тебя никто не трогает, спокойно ты приходишь домой. А сейчас как страшно ходить?!

– Дааа, в 10 часов-то страшно выйти.

– Да, да, да.

– То есть… нет, а вот не то, что обстановка в городе. Не то, что наркоманы, бандиты все, а просто, по внешнему облику?

– По внешнему облику он был как мещанский город – город мещанинов, все… все как-то, ну, не торопились, не спешили – по улице шли, все было как-то… ты знаешь, вот …ммм… ну, приятно было в городе. И Большая улица, как мы её любили, эту Большую улицу, она была торцовая до … вот где аптека вот на углу 4-й стоит …ммм…и до сада Парижской коммуны; где сад был, – это все была торцовкой, сначала булыжником было, потом торцовку сделали, так там каждый вечер гуляние было до открытия сада. Каждый вечер. И так было приятно, ходили, и знакомство было, и разговоры, и встречи там – очень хорошо, сейчас такого нету.

– Здорово! А на производстве работали где-нибудь?

– Нет.

– Не работали? А где работали вот по специальности?

– Я работала по специальности 5 лет в финансовой системе, я работала в горфинотделе, затем я ушла, 5 лет отработала, и из финансовой системы я ушла, потому что там эти проверки, ты знаешь, нарушения выявляли, и мне это не нравилось, что я человеку доставляю какую-то неприятность, горе. Несколько раз было таких случаев, что человека судили за растрату, там, допустим, я вот

пришла с проверкой и обнаружила у него растрату. Или накопления он не на счёт ставил, а куда-нибудь эти прибыли от реализации на производстве, он ставил не на прибыль её, а куда-нибудь на другой счет …иии… вот уже, значит, судили. Тяжело было, последний раз судили человека: у него было… растрата муки была, дров, я проверяла комбинат пищевой – и его судили, ему дали 5 лет он в Ангарске работал, отбывал срок. И мне это было тяжело, понимаешь?, я не могла так дальше проверять, и я ушла в проектный институт, проектный институт.

– То есть там, получается, вы с проверками предприятий?

– Да, да.

– А в проектном институте вы чем занимались?

– А в проектном институте я в плановом, в плановом отделе я планы составляла проектировщикам, потом у меня мужа направили …ээ… ммм… он работал на железной дороге, и его направили в Слюдянку работать, и я в Слюдянку с ним уехала, и там я работала на карьере «Перевал», строили. Добывают мрамор для цементного завода города Ангарска.

– Да?

– Такая интересная работа на стройке, я еще такой не видела, очень интересно.

– А почему интересная?

– Ну на твоих глазах… видишь, что-то строится, планируешь, ты составляешь отчет, на место пойдешь и видишь, что это все поставлено, что это все есть!

– Хи-хи.

– И вот закончили строительство и обратно сюда потом приехали. Здесь я тоже, это тоже работала в строительно-монтажной организации, вот начальником планового отдела и часто… вот мы строили Коршуновский ГОК, Коршуниху знаешь?

– Да.

– Коршуновский ГОК. От первого колышка, как говорят, до выхода руды. И мы вот приехали все туда, и вот при нас эту руду… вот прямо в руках держали мы. Это, конечно, приятно.

– Ну конечно.

– На моих глазах все это было, сколько было… Почему я ездила туда часто, потому что вот проектировали тогда, и сметы составляли, и сметы с чертежами иногда не сходились. Вот прораб готовит, допустим, там, вот окошко тут должно быть, а транспортер на окошко идет ,понимаешь?, и приходилось на месте менять, когда они меняли, давали нам данные, и я по этим данным составляла смету. И по смете мы, значит, получали деньги, за исправле-

ния: я – за смету, а другие – за исправления, вот рабочие, и вот интересная работа была, как-то живая, чувствуешь, что на твоих глазах что-то появляется.

– А как война началась, помните?

– А?

– Как война началась, помните?

– Ну как же не помню, помню.

– Расскажите, где вот вы были в войну.

– Ммм… утром, в этот день у нас в институте должен был быть экзамен.

– Угу.

– И мы, значит, уже собрались утром к восьми часам на экзамен, и вдруг подружка моя, она за углом у меня жила, бежит ко мне и говорит: «Нина, Нина, ты знаешь, по радио передали: война началась!» Я говорю: «Да ты что! Побежали в институт». А дорогой идем, все уже обнимаются, целуются, столько радости, столько слез было у всех, и пришли в институт, отменили экзамен, и в этот день мы собрали всех своих знакомых, приятелей и ну застолье устроили, вечером пошли. Все сады, все было свободно, открыто, а мои родители в этот день уехали в лес, в лесу были, они из леса вечером приехали и вот отдохнувшие, довольные, а тут вот такая радость.

– А почему радость?

– Не радость, вот такое вот. Горе, вернее, не радость, а горе такое, что началась война. Они такие все приехали довольные из леса, у меня папа очень лес любил, очень, и он всегда, каждое воскресенье, нас возил всегда в лес, а тут я не поехала. И вот… ну, в войну я училась, всю войну училась, с сорок первого, сорок второго года по сорок шестой год, четыре года было учёбы, и мы все время работали: вечерами на швейфабрике, там пуговицы пришивали, петли метали, на чаепрессовочной фабрике работали, теперь… ну,куда пошлют нас, где… там подметали улицы, подметали, дворников не хватало ничто. Нам давали метлы – мы помогали, в общем, ту работу, какую нам давали, мы всю выполняли, делали, ходили, это почти каждый день.

– А вот сам военный Иркутск, каким он был?

– А?

– Вот в войну Иркутск какой был, сам город?

– В войну Иркутск, во-первых, затемненный был Иркутск, на окнах вот так крест-накрест были ленточки, и часто проводили ну как бы военное учение: вот фугасный летит самолет, пускает фугасные бомбы, а мы у ворот должны караулить, каждый день у нас

кто-то из двора нашего должен стоять и караулить, и мне вот два раза приходилось караулить, страшно было, страшно, когда это бомбу он бросает, и ее сбивают, эту бомбу, это же, это как на войне, как на войне, это страшное такое, вот она разлетается во все стороны, и такой шум, когда вот ее пускают, ну что делать, надо…

– *Конечно… а победу как встречали?*

– Победу хорошо встречали.

– *Расскажите.*

– Ну, я тебе сказала, что мы пошли в институт, значит, потом обратно пришли из института, и откуда компания какая собралась, столько народу собралось, все пришли к нам во двор, у нас как-то вот … ребята в нашем дворе были вот, и девочки были, и почему-то всегда вот любили в наш двор собираться, и с нашего двора ужк выходили. У нас была большая квартира, большая комната – 23 метра, и в этой комнате мы поставили… у нас раздвижной стол был, еще стол приставили, накрыли этот стол уже вечером, и столько народу было, человек 30, наверно, народу было, откуда чё кто пришел, и все несут: кто картошку, кто капусту, кто винегрет, кто… ну у кого чё было, знаешь чё, все всё несли. А… а вино пошли с большими кастрюлями (рассыпуха называлось), вино набрали вот в это… вот жидкое такое это вино, в кастрюли набрали, все гуляли, вечером пошли на… на улицу. Везде играли на… на каждом… [нрзб] большая, почти на каждой квартале играли духовые оркестры, и в саду играл духовой оркестр, и военные оркестры завода Куйбышева на многих… на многих предприятиях были духовые оркестры, и все вышли, и все играли, играли и еще с факелами шли, видно, студенты, вот, я уж не помню кто, до самого завода Куйбышего шли с факелами, вся молодежь, все так ликовали, все так радовались, действительно это радость была.

– *Конечно, а потом вот эти вот парады? Все как проходило уже позже?*

– Ну, я что-то не помню, когда какие парады проходили… сейчас, стой-ка я ей. (разговаривает с кошкой: Что ты плачешь? Что ты плачешь? Что хочешь? На улицу хочешь? Так я тебя пущу, пойдем). Сейчас, подожди! Сейчас я кошку выпущу. Какая кошлка у меня умная: как чё захочет – подходит и мяучит. Ну, на чем мы остановились-то?

– *На демонстрациях всяких, парадах, которые уже после… Не помните?*

– Ну всегда ходили на демонстрации и на парады, с удовольствием ходили, у меня муж был еще музыкант, у него тут целый коллектив был музыкантов, и на эту на площадь, когда вот ходили

на демонстрацию, он всегда ходил со своим коллективом ...иии… приглашали их, они собирались ...иии... много народу собиралось, очень много, и все такие, все довольные, наоборот, ждали, потому что работали, много тогда суббот не было, субботы не так уж давно стали свободные, а то один выходной день, и все старались выйти на улицу, подышать воздухом, повстречаться с людьми, и демонстрации очень мощные, большие были, там и машины выезжали, сразу и с напитками, с продуктами.

– *А климат изменился, погодные условия?*

– Ну конечно, раньше такие суровые зимы были, а лето какое жаркое было! Загорали – черные головешки ходили …ааа… зимой очень холодно было, а военное время было особенно холодное, очень холодно было.

– *А как, как вот вы? Все равно же на здоровье… переживаешь эти изменения погоды, климата? Сложно было?*

– Ну я не знаю, сейчас вот мне не нравится этот климат.

– *Ни то, ни се*

– Ни то, ни се. Первого апреля месяца плюсовая температура, в марте тепло было.

– *Да и зимой не так уж и холодно.*

– И зимой не так холодно, зимой-то мы уж всегда старались одеться теплее и как-то переносили, и легче дышать было, когда морозец такой крепкий, когда санки едут по… по снегу, дак аж хруст от них такой вот.

– *Красиво, наверно, было, и снега, да, наверное, больше было?*

– Снега больше было, много снега было.

– *Здорово, конечно.*

– И дождей много было, особенно июнь месяц, июль, по полмесяца дожди лили. Особенно июль месяц был, затапливало у нас… нас, я жила на Восьмое Марта, там низина была, и близко подземные воды были, у нас всегда затапливало, даже на этих плавали, на плотах.

– *Ничего себе.*

– Ребята там плоты устраивали и плавали, так у нас в середине дом стоял, и вот там …ммм… жил уже пожилой человек. В 5 утра затопило все, к нему стучат, он ничто понять не может, потом ноги-то сунул чтоб (раньше же, знаешь, закрывали ставнями, и на чекушку закрывали), и к нему стучим, чтоб чекушку-то он открыл, а он ногами-то хотел с кровати, да и в мокро. Ничто не может понять, там кричит, шумит, ну открыл чекушку, но когда открыли, вода-то через окошко вот так переливается, ну дом-то низенький был, ну вот это тоже было.

– Ничего себе. А вот было когда-нибудь желание такое, чтобы уехать из города? Никогда не хотели?

– Нет, мне нравился свой город, не было желания никуда.

– А вот в Монголию поехали, там, наверное, еще не осознавали, детский же возраст был, что вот из Иркутска, из родного города?

– В Монголию, мне десять лет было, ну, родители поехали, куда они меня денут, они с собой взяли. Ну вот приехали в Монголию, мы ехали сначала, значит, мы ехали до Улан-Удэ на поезде, а с Улан-Удэ там машину нам дали, грузовую машину, вещей-то у нас ничто не было – чемоданчик да и все, и мы, значит, поехали через Кяхту и на Монголию. Приехали в Монголию, куда-то шофер нас привез, ну на окраину города, мы вылезли из машины, мама смотрит, смотрю, у мамы глаза на мокром месте, потом папа там с шОфером поговорил, подходит к нам, мама говорит: «Куда ты нас привез? В какую заграницу ты нас привез?» Монголы, они же там раньше …ммм… как народ-то как дикий вроде они, у них туалетов не было, они распахивали халат и садились в любом месте, вот распахнул он халат, сел. Мама говорит: «Ой! Встал он». Там, говорит, лужа. Второй, говорит, встал. Там, говорит, наклал. Она в ужас пришла, ну я девчонка, что это там, она вот с папой там разговаривает, я слушаю. Говорит: «Куда ты нас привез? В какую заграницу?» Она еще тогда дикая какая-то была, ну, культуры никакой не было, там они еще по всему городу молились вот так: кланялись и расстилались по всему городу, прямо вот телом так ложились, вставали, снова опять вот, грязь всю собирали, вертушки такие стояли. Такая загородка была, и тут вот, тут эти палочки вот так берешь, такая вертушка вот так, как барабан такой как будто, тут эти палочки, и вот так берешь ее, и вертушка вот так вот они.

– А зачем?

– Ну это у них типа божественные какие-то вертушки такие были, и вот они там деньги, они туда деньги таскали, там пятаки медные оставляли, там вот с ребятишками бегали да всё, папа меня ругал всегда. Ну что еще? Ты запомнишь все?

– А я записываю.

– А ты записываешь?

– Да.

– А…

– А вот самое любимое место в городе какое?

– Самое любимое место?

– В Иркутске…

– Какое же у меня любимое место-то в Иркутске? Да, наверно, Большая улица, где мы вот на торцовке все ходили гуляли.

– А с этим и связано, что гуляли?

– Да, да, да, это было самое любимое, а сейчас-то я не знаю, сейчас нет у меня любимого.

– Нет?

– Нет, я сейчас мало куда хожу, не знаю.

– Да, конечно, изменилось все, и не так красиво.

– Ну Большая улица в основном.

– Это Карла Маркса которая?

– Да, Карла Маркса, да, Карла Маркса.

– Интересно… Все вроде, Нина Иннокентьевна, все вопросы.

– Ну про свою улицу, где я жила, воспоминания, я, правда, сдала эти воспоминания в музей Иркутска. Ну вот осталось у меня вот этот.

– Здорово, а что помните про улицу?

– Ну так я тебе могу прочитать.

– Давайте.

– Сейчас я возьму эту тетрадку-то. …Улица, переулок моего детства. Моя улица, переулок Восьмое Марта, бывший Кузнецкий переулок, находится в центре города, между улицами Чехова, бывшая Малоблиновская, затем Колхозная, и улицей Володарского, бывшая Благовещенская, где прошло мое детство, учеба, замужество, где прожила половину жизни. В переулке было не более 10 домов, вот правая сторона, на углу улицы Чехова и переулка стояла длинная лавка, ее все называли монополка, это было одноэтажное капитальное здание из красного кирпича с большим благоустроенным подвалом. Пол-лавки и вход со стороны улицы был выложен плиткой, здание было красивое, как снаружи, так и внутри. Оригинальной архитектуры, оно построено по типу Елисейских магазинов Москвы примерно в конце пятидесятых годов прошлого столетия монополку и рядом стоящее деревянное здание снесли, при разборке монополки использовали силу трактора, так как вручную крепкий монолит разборке плохо поддавался, на этом месте построили четырехэтажный кирпичный дом, за ним стоял… остался стоять дом номер 6, во дворе было три деревянных дома. Один из них, двухэтажный, стоял в середине двора, из четырех квартир, и всего во дворе было восемь квартир, дальше по улице за моим домом стоял красивый деревянный дом на высоком фундаменте, в нем жили богатые люди: Агрономич, Валентас, а позднее Сакер, Мордохович. Во дворе стоял деревянный дом, который ранее служил как подсобное хозяйственное помещение. В 30-е годы прошлого столетия его перепланировали под жилье, под жилье обувной фабрики или пошивочной фабрики, в следующем доме жили Жильцовы, они держали домашний скот, и в этом

же дворе жила семья татар, с их дочерью я дружила. В самом конце переулка, на углу, стояли сараи, которые в 30-е годы прошлого века были снесены, и на этом месте власти установили… что-то я тут исправляла… ааа... установили бюст Сталина с девочкой на руках. Ну вот, теперь левая сторона: на углу, против монополки, стояла водокачка – небольшой домик, одноэтажный домик, которая всех снабжала холодной водой. Ведро воды стоило одну копейку, вода… воду население носило ведрами на руках и коромыслах, позднее ее снесли и поставили водоразборную колонку. На этой же стороне был постоялый двор, позднее его переименовали в Дом колхозника. Это был… ммм… единственный в городе Дом колхозника, где останавливались крестьяне, которые на лошадях перевозили продукты на рынок, и останавливались в Доме колхозника, там им был предоставлен ночлег и место стоянки для лошадей. В середине 60-х годов прошлого века на месте Дома колхозника и рядом стоящих деревянных домов была построена школа номер шестьдесят пять. В 58-м году школа приняла своих первых учеников, в ней учились мои дочери, далее за Домом колхозника стояли два двухэтажных дома: в одном жили Марковы, Петуховы, врач Косицын, в другом, который стоял на углу улицы Володарского, жил и учился в школе номер 65 мэр Иркутска Якубовский. Между этими домами стояла керосиновая лавка, для хозяев близость керосиновой лавки было удобно: в летнее время использовали примусы и керогазы. Дома в переулке принадлежали частным владельцам, все они были деревянные, во дворе еще было по два-три дома, квартиры в которых сдавались в найм. Отопление было печное, русские печи, контрамарки, голландки топили исключительно дровами, у каждого дома горела электрическая лампочка, вдоль домов на улице были деревянные тротуары.

В 30-е… ммм… там чё там… а потом обложили непосильным налогом собственное жилье, и поэтому многие отказались, и наш дом вошел в жилищный кооператив, который назывался ЖЭК. Проезжая часть дороги была плохая, особенно после дождей, грязь непролазная, лошади с трудом проезжали к Дому колхозника, невозможно было перейти улицу, когда грязь подсыхала, были одни ухабы и много пыли. Постройкой школы улицу привели в порядок, в школьные годы во дворе мы играли в лапту (ее называли безголовушка), луночки, «море волнуется», сыщики-разбойники, прятки. Девочки скакали на скакалке и очень любили жевать серу со щелканьем, мальчишки играли в зоску, бабку, чехарду. Я всех соседей в переулке знала, так как у каждой семьи были дети, мы общались, вместе играли, ребята были разного возраста, характера, но ссор и

драк никогда не было, все споры решались мирными переговорами. По правой стороне от переулка, близко под землей проходили подземные воды, поэтому в переел… переулке, в середине двора, были водосточные ямы, их каждое лето очищали от ила и мусора. Во дворах, в каждой квартире были туалеты, а в моем дворе было восемь квартир, позднее их ликвидировали и построили общий в конце двора. Помню, что в каждом доме были помойные ямы и ящики для мусора. В зимний период делали помойные ямы из снега и воды, весной их долбили, нечистоты вывозили на городскую свалку, во дворе школы 65 до сих пор стоят два огромных тополя, посаженные в сорок пятом и сорок восьмом году семьей Плотниковых в честь рождения… в честь рождения их сыновей.

В период нэпа напротив монополки стоял киоск семьи Дельснер. Они жили в моем дворе, торговали они продуктами, рядом с их киоском на открытом лотке торговал китаец разными конфетами, конфетами, да каждая конфетка стоила одну копейку. Там же на углу, рядом с монополкой, можно было увидеть чистильщиков обуви, у них были небольшие ящики, куда ставили ногу, а внутри лежали крема разного цвета, щетки, бархотка. Этим занимались мальчишки, подростки с нашего переулка. В период Отечественной войны освещения на улицах не было, окна завешивали плотными шторами, а стекла были заклеены бумажными полосками с угла на угол. Кроме того, в городе устраивали воздушные тревоги с запуском фугасных бомб. В это время у каждых ворот должен был быть дежурный, я дежурила несколько раз, еще со страхом смотрела, куда упадет бомба, так как это место надо было обезвредить. На углу улицы Володарской и Карла Маркса стояла большая Благовещенская церковь, моя бабушка ее посещала, а в большие православные праздники мы ходили всей семьей. В тридцатые годы прошлого века ее снесли и построили стадион, а затем его убрали и построили дом для работников управления железной дороги. Когда бываю в том районе, захожу в переулок, взглядом ищу место, где когда-то стоял мой дом. Вот все.

– *Здорово.*

– Вот так что записала?

– *Да.*

– Ну, может, пригодится.

– *Да, конечно, пригодится. Спасибо вам большое.*

– Ну вот у меня еще, знаешь, что есть? Записки нашего одного, он тут о большой улице писал. Надо тебе, нет? Возьми.

– *Да не знаю. Можно взять?*

– Возьми, я тебе их отдам.

– Спасибо большое.

– Почитаешь там, так у меня, наверно, горит там все. Я забыла, что картошку-то поставила себе. Ну там прочитаешь, он там описывает улицу Карла Маркса, улицу Ленина и там вообще про Иркутск пишет все.

– Спасибо Вам большое. Конечно, пригодится.

– Может, и пригодится. Может, когда что напишешь, позвони мне, где это будет у тебя или ты в диплом это?

– А это же книга выходит, «Иркутск глазами иркутян», она выходит к юбилею Иркутска.

– А кто пишет?

– Администрация Иркутска это все делает, я не знаю, кто автор. Вот наши репортажи, которые вот мы собираем, интервью, у нас каждый студент так вот ходит и разговаривает с жителями, которые с самого детства в Иркутске. Потом вот эти все репортажи собираются, мы это описываем, записываем потом все это на бумагу, и все это в книжку помещается.

– Ну у нас уже вышла. Как она называется? «Записки Иркутянина». «Записка иркутянина» есть еще Деминовича, еще «Записка Иркутянина» есть Лидии Тамм, слышала такую?

– Да, да, да, здесь вот видела ее.

– Видела ее?

– Фотография была здесь.

– А… ну вот.

– Ну и вот потом это все в большую книжку, и все это к юбилею Иркутска выпустится.

– Надо, надо. Ну здорово, конечно, будет. Идея мне очень понравилась, что вот так вот и воспоминания будут.

– Надо, надо воспоминания.

– Я вот, например, свою улицу, что было, то и описала, как было, сейчас там все уже. Я специально ходила посмотреть ее, что на ней стоит, и сравнила, что было. И вот.

– Изменилось многое?

– Ну ничто нету там.

– Ничего нету.

– Ничего нету. Ну дом. Который при мне построили в начале, как с улицы Чехова заходить, а следующий там дом, снесли все дома, стоит большой дом кирпичный, два дома на улице всего, а на той стороне школа стоит 65-я. Знаешь, 65-ю школу?

– Нет.

– И там, по-моему, все снесли и сейчас будут строить, и там, где Якубовский жил, тоже сносят.

Интервью
с Ольгой Васильевной Васюхиной
(1923 год рождения)

– *Расскажите, где вы родились?*

– С ума можно сойти, я уже… я уже забыла, где я родилась. Так, родилась я в тысяча девятьсот двадцать третьем году, вот видите, какая древняя. У меня в паспорте написано – двадцать пятого марта, а вообще я родилась, как родители мне говорили, в ноябре. Ну ладно, это уже детали. Так в северном Казахстане… закончила… (северный Казахстан – это город Петропавловск есть такой), закончила там десять классов и поступила в Иркутский медицинский институт.

– *Это какой год был?*

– А?

– *Это какой был год?*

– Это был сорок первый, тысяча девятьсот сорок первый год. Потом я закончила, закончила мединститут как бы немножко по ускоренной программе. Началась война же. В сорок первом году война началась, да. Да, да, да, да, да, война. У нас студентов стали мобилизовывать в военные училища. На фронт кто-то поехал. Вот. Теперь ну что. Я закончила мединститут и получила направление в Иркутскую область. В Тайшете я проработала сколько… год или полтора. Потом вышла замуж, муж мой был военнослужащий. И переехали в город Иркутск, и я с тех пор здесь живу, в Иркутске.

– *Ольга Васильевна, давайте мы с вами вспомним ваши студенческие годы. Куда вы студентами ходили?*

– Студенческие годы. Видите что. Я студенткой была в трудные годы. Надо сказать, голодные годы. Вот. У меня родители жили в северном Казахстане. И приходилось ехать за подкреплением, чтобы взять каких-то продуктов, хлеба. И так сказать… но тем не менее мы хорошо веселились, проводили время. Вот. Ну а что вот это вспомнить-то надо. У меня была подруга Наташа Гайнджина, и у нее родители жили тоже под Петропавловском. Часто мы туда с ней ездили. А здесь что делали? Какие-то дискотеки, какие-то вечера были. Ну, в общем, проводили время, я бы сказала, довольно неплохо. Но тем не менее это была… были военные годы, и нам приходилось как-то. Ездили летом, мы всегда ехали на уборку или картофеля, или каких-то других культур сельскохозяйственных с помощью, с помощь… ну, во всяком случае, особенно не веселились. Нормально.

– А мединститут был в том же здании, что и сейчас?

– Да. Ну вот надо еще такую деталь сказать: у меня сестра жила, она тоже врач. Вот теперь она уже два года умерла. Она закончила наш иркутский мединститут и жила в Иркутске. И поскольку она жила в Иркутске, я приехала к ней и поступила в иркутский мединститут. А потом год проучилась, вот война, трудности. И я перевелась в омский мединститут, поближе к родителям, чтобы как-то вот в смысле питание там подбрасывали, чтобы жилось получше. И я закончила омский медицинский институт – не иркутский – в сорок шестом году. Ну я не знаю, что говорить. Была война, конечно, трудное очень время. Но мы все молодые были. Наверное, поэтому, как говорится, все равно находили время и повеселиться, и экзамены сдавать вовремя. И в общем голодное время было. И голодное, и холодное.

– А вернулись вы в Иркутск вместе с мужем, это какой год был?

– Так. Ну так. В сорок шестом году, я Вам сказала, закончила институт, и я получила назнач… направление работать в Читинскую область. В Читу. И там я проработала год. Вышла там. Вот нашла себе такого офицера, вышла замуж, и с ним уже мы вернулись в Иркутск. И в Иркутске… в Иркутске у меня жила сестра. И как-то так вот здесь мы жили. У меня здесь родился первый сын Андрей, который… семь лет назад я похоронила, к сожалению великому, и так вот и стала жить в Иркутске. Начала работать на 8-ой Советской участковым врачом на участке врачебном. Потом, может быть, приметили мои какие-то организаторские способности, я стала заведовать. Нагорная тогда была поликлиника. На горе. Городская вот теперь поликлиника. Нагорная поликлиника. Я там была главным врачом.

– Это где?

– Это на Партизанской. На улице Партизанской. Теперь это городская поликлиника. Вот. Я там проработала десять лет. Я там работала участковым и потом. А потом была переведена в распоряжение горздравотдела на основании приказа. В порядке служебного перевода на должность главного врача Сталинской больницы. Это больница Кировская номер 3. Она раньше называлась Сталинской. Сталин еще был в почете. А потом. Там я проработала с пятьдесят третьего по шестьдесят третий год. Десять лет, да. А потом утверждена заведующей горздравотделом городского совета депутатов трудящихся. Это с шестьдесят третьего года по восьмидесятый год. Семнадцать лет с небольшим.

У меня уже пенсионный возраст стал. Я год еще проработала. Мне предлагали еще остаться, но я категорически отказалась. И

ушла не на пенсию. А ушла на другую работу. Я вот только еще полгода всего, как не работаю. Хотя мне уже, слава Богу, скоро сто лет.

– Ольга Васильевна, а какие стройки в городе вам больше всего запомнились?

– Был построен терапевтический корпус городской клинической больницы.

– Это где находится?

– А на 8-ой Советской. Так, терапевтической корпус. Два родильных дома.

– Это на Боград, да?

– Да.

– А один еще где?

– На 8-ой Советской и на Боград, да. Открыта… больницы номер 10, вот где Лившиц был главный врач. На Синюшиной горе… с поликлиникой… две студенческих поликлиники.

– Это где?

– Две студенческих. Это при политехническом институте одна, а одна это там, где главный врач была Бутакова Анна Кузьминична. Вот. Тоже студенческая поликлиника.

– Это где – это одиннадцатая?

– Совершенно верно. Вот вы как хорошо знаете. Гинекологическая больница.

– А это где?

– А вот, вот на Горького которая.

– Так.

– Там раньше была спортивная, областная спортивная школа, а теперь вот там. Это тоже в мою бытность открыто было.

– А вот так много больниц открывалось. То есть раньше было вообще в городе очень сложно медицинскую помощь получить?

– Ой, ну как сказать, сложно. Конечно, сложно. Ситуация иногда, конечно, была очень удручающая, ну как-то пришлось вот систематизировать вот маленькие поликлиники, вот как-то объединяли в более крупные и чем. Открывали специализированные [нрзб], и тем самым как бы улучшали медицинское обслуживание. С точки зрения, конечно, трудности были. Это и как бы и послевоенное время, все-таки совсем мало было, это вот сейчас я смотрю, тоже трудности есть, и, конечно, [нрзб] в больницах. Но зато офисы у нас открываются шикарные, и как-то находят деньги на эти цели, хотя больницы далеки от того идеала, который должен быть в лечебно-профилактических учреждениях города.

– Ольга Васильевна, а как раньше было с медикаментами? Все-таки послевоенное время. Как вот?

– Ну с медикаментами, конечно, были трудности, были большие трудности. Особенно вот когда заведовала, ой, когда была главным врачом больницы, то приходилось приходить в райфинотдел и там хорошо поплакать, чтобы тебе выделили деньги на медикаменты, на содержание больницы, потому что были, конечно, большие трудности в этом плане. Но тем не менее как-то вопросы решались и, в общем-то, оказывалась довольно квалифицированная медицинская помощь населению нашему. Жалоб, я бы сказала… были жалобы, конечно, но не так много, я бы в этом плане сказала.

– *А как вы стали руководителем горздавотдела?*

– Как я стала? Не знаю даже, как стала. Я две недели плакала, когда меня пригласили в городской совет. Был председатель Салацкий Николай Францевич, председатель горсовета, вызвали меня, Шаф… Шафиров, председатель горкома партии (может, слышали эти фамилии?). Он пригласил меня в горком. Он мне сказал, что вот есть такое предложение – Вас назначить заведующей иркутским горздавотделом. Но я сразу не согласилась. Я знаю, что это за работа. Это такие трудности в обеспечении лечебных учреждений и так дальше. Но тем не менее раньше так говорили: «Вы коммунист и вы должны». И должна. Ну а что сделать-то? Побегала, побегала, да согласилась. И семнадцать лет вот проработала на этой должности. Конечно, были большие трудности в этом плане. Но как-то старалась выбивать деньги на строительство, на ремонт лечебных учреждений. И во всяком случае каждые пять лет меня утверждали на горкоме, на исполкоме. И я каждые пять лет собиралась уйти, потому что работа архитрудная была. И я каждый раз думаю: «Не, все, ухожу, ухожу, ухожу». Вызовут меня. Наряд опять, такой характер, опять останусь. И так пятнадцать. Почти семнадцать лет я проработала на этой, я бы сказала, труднейшей работе. До пенсии год мне исполнился уже пенсионный, я еще год проработала и ушла. И ушла председателем медицинской комиссии по осмотру водителей автотранспортных средств. Почему? Врачу… зарплата тоже не была у медицинских работников большой. И я всегда, когда была главным врачом больницы, я совмещала эту работу. А когда меня уже назначили заведующей горздравом, там уже не совместишь. Работа трудная, объемная, и я уже с этой работой дополнительной рассталась. И потом там у меня зарплата была выше, естественно. А когда я уже ушла с работы, то вернулась на эту работу, и я всего полгода как не работаю, до сих пор все эти годы была председателем комиссии по осмотру любителей автотранспортных средств. Ну мне эта работа нравилась. У нас

штат был: в основном люди пенсионного, врачи пенсионного возраста работали. Но потом кому-то понадобилось это помещение. Нет, у нас закончилась лицензия, и я уже настроена была уходить, у меня уже возраст сами видите какой. И поэтому. Но закрыли. И надо сказать, что это плохо сделали, потому что бомбили буквально наше предприятие, наше здание. Люди потеряли, потому что это было всем удобно – пройти быстро комиссию, получить доступ к вождению автотранспорта. Ну что сделать? Теперь вот как-то по городу рыщут-ищут, где пройти эту комиссию. Вот и закончилась моя трудовая деятельность. Вот считайте, это сколько лет? Я с сорок седьмого, да, года начала работать. С сорок седьмого – и закончила в восемьдесят, какой у нас сейчас-то год?

– Две тысячи восьмой, две тысячи девятый.

– Две тысячи девятый. Ну будем считать, в восьмом я в конце.

– Получается, пятьдесят один год.

– Пятьдесят один год.

– Ольга Васильевна, а раньше когда, вот вы когда еще совмещали должность председателя с должностью главного врача… медкомиссии. То много водителей вообще было или нет?

– Ну первые годы не так много. А последние, конечно, очень много. Много-много. Мы в день принимали полста и более человек.

– А вот в те, получается, первые годы, в основном это были водители, которые на работу идут, вот им нужно, или личного уже транспорта?

– И те, и другие. И те, кто идет на курсы, и те, кто… вот у нас приказ есть такой, был такой, по которому я все документы сдала. Наша комиссия была отделением городской клинической больницы №3, и все документы я отдала туда.

– Скажите, а вы помните, как в городе началось строительство ГЭС?

– Конечно, конечно. Возглавлял это строительство, я забыла его имя, отчество, Бочкин. Великий строитель. Он пользовался большим авторитетом, и строительство шло, конечно, очень бурно и под его руководством, он буквально предпринимал все меры к тому, чтобы эта стройка была стройкой века. Потом он, по-моему, после окончания этого строительства уехал куда-то в Москву, не знаю дальнейшей его судьбы, но сейчас он, говорят, уже, светлая память ему, умер.

– А каким настроение было в городе, вот когда строилась ГЭС? Ходили смотреть или?..

– Конечно, конечно, это в общем-то интересно было. То есть… конечно. Все-таки соединила два района, собственно город как-то

соединили. С той частью города... ну это большая стройка, ну и большой авторитет городу, конечно, придавала.

– *Скажите, когда вы приехали в Иркутск, какой здесь был транспорт? То есть что ходило?*

– Ну трамвай был, трамвай был, троллейбуса не было. Трамвай. Ну и в основном трамвай, конечно. Я на горе работала в Нагорной поликлинике. Ездила туда. Но у нас тогда была в поликлинике, другого транспорта не было, была лошадка. Вот. И мы приезжали на лошадке. И я на этой лошади ездила. На вызовы и везде.

– *То есть вместо скорой была лошадка?*

– Да, транспорт. Нет, скорая-то была, а это в поликлинике у нас был другой транспорт. Только вот лошадь была, ну а позже уже стало… вот когда я стала главным врачом больницы, там у нас уже была маленькая, москвичок был, машина была. На нужды. Вызовы обслуживали, и я как главный врач имела право пользоваться ей. Ну вот так, трудности, конечно, были, но как-то их преодолевали. Какой-то энтузиазм был. И во всяком случае зарплата была маленькая, но и цены были вообще-то соответственные. Соответственно низкие очень.

– *Скажите, Ольга Васильевна, а погода изменилась с течением времени в городе?*

– Может быть, даже в какой-то мере изменилась. Ну, в каком плане. Ну, зимы как-то стали, мне кажется, теплее, чем… только нынешняя зима, вот что-то мороз небольшой, а так… я бы сказала, вот как-то более теплые зимы стали. Немножко изменился, конечно, климат.

– *Понятно, что город сильно за это время изменился…*

– Очень изменился. Ну я бы сказала – похорошел.

– *А какие изменения в городе вам нравятся больше всего?*

– Ну, во-первых, он все-таки ну немножко преображается. Особенно центр города стал более-менее. У нас все-таки иностранцы бывают. Ну, во всяком случае город, я бы сказала, похорошел скверы, ухоженные места, аллеи. Цветов больше в городе стало. Ну, как-то все это приятно в общем-то.

– *Ольга Васильевна, а какие раньше праздновали праздники?*

– Ну, праздники, я не знаю, все праздновали, несмотря на трудности. Самым любимым, я бы сказала, Новый год. Ну раньше революционные праздники отмечались. Это теперь их как-то так отодвинули. Но сейчас, по-моему, уже немножко опомнились и старину уже не сбрасывают со счета, а как-то должны помнить и хорошее, и плохое и делать выводы из того и другого.

– *А город как-нибудь на праздники украшали?*

– Ну, украшали, конечно. Флаги вывешивали, транспаранты какие-то вывешивали. Ну, во всяком случае, все равно энтузиазм был, я бы сказала, большой, и несмотря на трудности и ту бедность, которую в то время переживали. Все-таки это было и послевоенное время. И не сразу страна опомнилась после такой беды.

– Ольга Васильевна, а помните, как ходили на демонстрации?

– Конечно, это были прекрасные праздники, и это было прекрасное время. Время, когда общение с людьми, выражался как бы энтузиазм всех. Ну не знаю, я с удовольствием вспоминаю это время. Демонстрации. С удовольствие шли. И как-то общались, и весело было. Нормально. Очень жаль, что такое время ушло.

– А были раньше, наверное, были субботники?

– Ну субботники были. Ага. Были… были субботники. Ну и что. И нормально приходили с удовольствием. Как бы выражали энтузиазм свой и преданность делу и так далее. И там, может, не столько работали, сколько общались вместе. Нормально. Ну и хорошо, что эти традиции остались. Нормально.

– Скажите, а как вы раньше в городе отдыхали, куда ходили?

– Ну, как ходили… В городе. Ну, театры в основном. Я, например, очень любила театры. Наш драматический. И постоянно почти… тот репертуар, который на то время существовал, я старалась как-то его, так сказать, просмотреть. А свой отпуск я, чаще всего, проводила… я много ездила за границу.

– А из Иркутска никогда не хотели уехать?

– Ну, я бы сказала. У меня была возможность уехать в Москву. А муж у меня не хотел этого. И поэтому мы, в общем… У меня подружки две уехали в Москву и там сейчас живут и работают. Я с ними каждый раз, когда езжу, то всегда встречалась. А мой муж не хотел жить в Москве, и, конечно, я не хотела семью бросать и не ехала. Вообще люблю Иркутск.

– А как вы относитесь к переименованию улиц? Нужно ли возвращать исторические названия или...?

– Ну, здесь надо подходить, наверное, как-то творчески что ли. Если это действительно достойно того, чтобы… или недостойное название теперь, то, может быть, и надо переименовать. Ну, а с чего под одну гребенку. Мне кажется, не надо, не следует этого делать. Ну, это уже решаем не мы.

– Раньше столько же туристов ехало на Байкал или это уже в последнее время?

– Нет, раньше тоже ехали. Много ехали. Много было. И встречали. Я тоже в составе. Меня мэр всегда, ну не только меня, а завотделами исполкома приглашал на встречи, на… Всегда с иностран-

цами. И это были запоминающиеся встречи. Ну и старались спросить-то, как у них организация того же здравоохранения. У нас… показывали им, у нас, я бы сказала, не хуже было. Ну, трудности были, естественно, но старались показать все, что лучшее, а не худшее.

– А что иностранцы говорили об Иркутске? Какие у них были впечатления?

– Им нравилось. Особенно поездки на Байкал. Конечно, они все были в восторге. Вот у нас была одна делегация, по-моему, немецкая. Я уже не помню точно. И мы их привезли на Байкал и поднялись на пик Черского. И там одна иностранка так восторгалась, что упала с горы, сломала руки и ноги, и мы ее привезли в нашу Кировскую больницу. Она там месяц была и очень была довольна. В то время она написала письмо большое, когда вернулась уже (по-моему, она была из Канады), и она прислала большое письмо, и она опубликовала в газете у себя, и вырезку из этого… из этой газеты прислала сюда. Как она благодарна иркутянам, что ей здесь устроили…

Интервью
с Ниной Павловной Васильевой
(1924 год рождения)

– Вы в Иркутске родились?

– Нет, родилась я не в Иркутске, но в Иркутской области.

– А где?

– Деревня Макарьево называется. Называлась... Сейчас ее нет, она попала под затопление. Значит так, если вас вот это... Деревня Макарьево находится в Иркутской области, Черемховский район. От Черемхово шла ветка к Ангаре. Черемхово же не на Ангаре, а на центральной вот этой магистрали находится этот город. И вот там мои родители жили. Отец у меня был... ну, давно его, конечно, уже и нет... он испытал очень много в жизни. Родители жили в деревне Макарьево, и родилась я в двадцать четвертом году. Девятьсот двадцать четвертый год.

– У меня бабушка тогда же родилась.

– У меня уже родители были старенькие, потому что я последняя, седьмая, в семье была. До этого у меня была старшая сестра, девятисотого года рождения, потому что родители были 1878 года рождения. Вот. Поэтому он был участник. В девятьсот четвертом году он принимал участие в русско-японской войне. Правда, там такие были должности, как вахмистр. Вахмистр. Вот он был вахмистром сначала, видимо. Ну потому что здесь родители его тоже они были работники сельского хозяйства, говоря сейчас вот как, но не колхозники, а работали... землепашцы были, вот так точнее. Это ближе к тому времени будет. Вот. А потом родились еще после двух сестер девятисотого, девятьсот первого, в девятьсот седьмом брат был у меня старший. Девятьсот восьмой год еще сестра была. Так и потом, в девятьсот четырнадцатом где-то году примерно еще у них еще один мальчик родился. Ну вот, было пятеро детей, значит, да, жили они уже после войны. Он, значит, это, ну... как... дом построили они там, значит, все это, что необходимо для сельского хозяйства: какие-то стайки там, какие-то амбары там. Мало ли что это нужно было в хозяйстве там, как и сейчас вот, скажем, колхозники уезжают даже некоторые из города в село, они все равно обзаводятся хозяйством, без этого же невозможно, а потом семья такая еще: их двое, еще бабушки там были, которых я вообще уже не знала, потому что я-то родилась значительно позднее. Я уже в советское время родилась. Вот. А потом вот был период у нас, известный теперь вам уже далеко... давно

хорошо, по-моему, особенно историкам. Был период так называемой коллективизации, это тридцатые-двадцать девятые года, значит, вот тут. И вот в это время... Да! А потом уже пришла советская власть, он продолжал работать на земле, все, значит, дети участвовали в этом. Они умели и косить, и молотить, и чего только там ни делать. Но так как он... Семья была большая, и он, видимо... Он все-таки имел какое-то образование четырехклассовое, и поэтому он в деревне считался вроде грамотным человеком. Когда к нему обращались он, видимо, всегда помогал, насколько я так себе представляю. Иначе он, если б он был неграмотным, то его наверняка бы и не раскулачили и не выслали бы. Вот. А так как он и помогал им – раз, и, во-вторых, он все-таки пытался как-то помочь другим, они завели сепаратор, купили, видимо, этот… ну... Были же и животные, и лошади были, потому что тогда же никакие… все на лошадях, все... никаких же ни машин, ничего. Ну представьте. Вам трудно представить, конечно, это, но это история наша. И это, если вы такие книги читали, то вы всегда... и деревенскую прозу какую-то, то вы себе легко представите все это. Вот. И поэтому, конечно, и телеги были, и сани были, ну, в общем, весь инструмент, который необходим в сельском хозяйстве. Вот. А потом уже, ну... пришла власть советская, ну он, в общем-то, нейтральным как-то был совершенно к этому, видимо... это с моей точки зрения. Я не могу его мысли восстановить, потому что потом уже позднее, когда уже мы, еще две дочери, появились у него, в двадцать втором году еще Валерия родилась, да. А через два года, в сорок пять лет, меня мама родила, меня еще. Я уже была седьмой. Седьмым ребенком в семье. Ну вот... Ну и, конечно, старшие повыходили замуж, естественно. Перед тем как вот уже отца ну, прямо надо теперь говорить, раскулачили. Признали его, что он зажиточнее по сравнению с другими, но если люди трудятся, то они всегда благополучнее живут тех, кто ничего не хочет делать, тех, кто лентяями, тех, которые хотят на чьем-то, на плодах чьего-то труда прожить. Они не могут ничего ни накопить, ничего сделать и, естественно, купить лишних каких-то там. Ну он, значит, это… у него это осталось... земля эта осталась от отца ему... досталась. У всех у нас, хотим мы или не хотим, но мы имеем родителей. Кто каких. Кто их ценит, кто не ценит. Но для меня родители были родителями, естественно. Почему? Потому что отец был все-таки в семье прогрессивным, мама была безграмотной. Она грамоты не имела. Ну тогда естественно женщины, да еще такая семья! Да какая грамота, что вы! Сейчас вот одного ребенка не хотят воспитать, а тут семья большая. Вот. И я так, например, понимаю отлично. Даже за это жен-

щин не надо совершенно, так сказать, унижать. Они очень важное дело, когда они рожают и воспитывают детей, будущее поколение. Это благое дело они делают для родины в целом, конечно. А мужики, мужчины, они всегда… их всегда привлекали к военным действиям и все, все. Они забирали из семьи этого человека. А семья должна была дальше жить как-то. Поэтому все включались в работу, все были тружениками до единого в семье. Ну и вот уже третья сестра из старших сестер в мое время как раз вышла тоже замуж. Это вот как раз в период высылки, двадцать восьмой – двадцать девятый год. Ну остались две младшие дочери послереволюционного времени. Революция прошла, значит, все там установилось. Начали образовывать колхозы, начали в колхозы, значит, агитировать всех. Ну вот…. А так как…. Он, видимо, ну действительно имел хозяйство хорошее. И несколько лошадей было, и несколько коров, и там и овцы и, в общем-то, есть что необходимо для питания в деревне – все было. Тем более, что были пашни, они вспахивали, они… сдавали. Это… зерно постоянно сдавали… нууу… в общем-то, этот товарообмен вывозили в город… Вывозили даже сюда в Иркутск, видимо. Мало ли… Тот период характеризовался этим как раз. Торговые связи всегда были через нашу Иркутскую область, всегда везли товары из Китая и отовсюду, а туда, значит, какие-то продукты, наверное, отправляли. Ну это история это не умалчивает, теперь это можно везде исторические романы почитать, посмотреть, что творилось в то время. Ну вот. А вот когда уже это, видимо, он не согласился идти в колхоз. Я не знаю. Ну и в таком случае… А кроме того, позднее, позднее уже стало известно, что были ммм… такие… ааа… указы. В то время очень много и с европейской части перевозили… эээ… Отправляли людей в Сибирь. Тоже снимали со своих мест, где они жили, да и целыми вагонами отправляли в Сибирь. И вот в Черемхово в то время, в тридцатые годы, туда шли эшелоны с людьми, которых оттуда отправляли. И… и вот… а здесь образовывались уже… Уже шахты появлялись… эээ… Полезные ископаемые, как уголь черемховский, хороший был уголь, кокс там очень ценный был там, это самое, как сказать, топливо высокоэнергетичное по сравнению с дровами. Вот. И поступали огромные эшелоны сюда и размещали. Размещали. Причем пунктом было Черемхово. А в Черемхово... А в Черемхово после того, когда вот в 91-м вышел указ правительства нашего о том, что реабилитированы должны все, кто пострадал во время коллективизации, семьи. Все почти те приехавшие распределялись по разным деревням Черемховского района и вообще Иркутской… в Иркутской области. Поэтому в это время шло очень сильное засе-

ление Сибири. Причем принудительное заселение, надо прямо сказать. Принудительное! Они не хотели уезжать со своих участков. И вот сейчас у вокзала в Черемхово стоит памятник всем репрессированным людям, которые потом обосновывались здесь, потому что ведь в основном высылали тех, у кого что-то было, что можно было взять. Что можно было взять даже ту же пшеницу или какие-то… Ну так… когда так обирали, что люди… ничего у них не оставалось абсолютно. Я, конечно, маленькой была, мне было пять лет, когда высылали. И у отца все забрали. Эээ… дом забрали, значит… весь скот был забран, все, все, все. Дали пуд муки в дорогу, дали значит плуг ему, поместили причем вот эти розвальни. Вы представляете себе вот эти сани себе такого типа, да? Ба… А мать посадили, нас, девчонок двух: пяти- и семилетнюю, так. А его на собственную лошадь и из семи заимок собрали народ и отправили под конвоем куда – неизвестно никому было. Причем именно и они сами везли нас на своих лошадях. Теперь так мне это, прям мне кажется это даже невероятным, что такого не могло быть, но было так. Было так. Вот. И мы, где вы думали, оказались? Если сюда народ везли поездами, целыми вагонами, то нас отправляли фактически на собственных… на собственных санях и на собственной лошади отправляли. Но с нескольких по… вот… по воспоминаниям зятя это… вот из трех старших сестер моих самая младшая выходила в это время как раз. Из трех этих девятьсот восьмого года… она вот выходила в это время замуж. Она осталась здесь. Она не… ее… так. А вот этот вот ммм… мальчик, которого я не знаю… Я его не… с пяти лет я его не запомнила даже. Но потому что в деревне ведь очень часто как? Дети больше на улице бывают, а там рядом Ангара, купались там, так сказать. У него свои мальчишеские какие-то, наверное, интересы были. Я как-то вот… пятилетняя, я его не запомнила. Есть у меня… осталась потом фотография, но он был, видимо, не совсем здоровым. Потому что он испугался пароходного гудка и вот потом, по рассказам матери, говорили, что он… ну вот что-то он был испуганным мальчиком. И когда он мог с нами уехать, а он не поехал, забастовал и все. И остался. И так неизвестна его судьба, потому что высылали без права переписки, без права выезда. Вот такие… такой закон был. Если ты уехал, то все, ты уже не должен ничего о себе сообщать, ни где ты, что с тобой. Это уже позднее, вот уже, когда это… после 40-х годов, когда уже началась война и послабление было в… после 41-го года, во время войны, в 43-м году только началось послабление такое, стали разрешать. Мать один раз выезжала сюда, потому что старшие дочери были… э… жили здесь, в Иркутске, и один раз ей

разрешили сюда приехать посмо… повидаться с ними. А отец и так ни… ему так ни разу и не разрешили. Он так как уехал… ну дело в том, что раз он был все-таки… он сначала там… ммм…. Ну сначала на этих, на лесозаготовках, использовали в Красноярском крае. Оказались мы в Туруханском районе Красноярского края. Это 600 километров по Енисею ниже Красноярска. Вот там дальше уже… дальше этот Туруханск, но мы повыше жили. Мы последнее время в селе Ярцево жили. Потом Ярцевский район образовался, кроме Туруханского. А раньше в… Туруханский район был. Вот я, например… эээ… получала аттестат, ездила туда, верней – не аттестат, аттестат школа, конечно, выдала, а ездила я туда за паспортом. Паспорт мне только в 41-м году выдали, когда я закончила школу. Вот так. В 41-м году я поехала, получила паспорт и… училась я хорошо, сестра у меня неплохо училась, но она все-таки меня старше была, и я как- то так… в таких условиях оказалась, что я все легко усваивала за ней. И в школу когда пришла, в школу, да, меня в первом классе решили, что я все знаю, я месяц, наверное, проучилась в первом классе, и меня сразу во второй класс перевели. Что мне нечего в первом классе делать. Ну вот. Таким образом, я школу… хорошо я училась, отлично училась все годы. Мы сдавали, с четвертого класса начиная, мы сдавали каждый год экзамены, в конце года. Каждый год экзамены были. Вот. И, видимо, вот этот такой подход к обучению тогда давал возможность прочные знания иметь. Ну, конечно, не все отличниками были, но многие были отличниками. Была я, конечно… ну мы в советской школе воспитывались, естественно ничего… тогда… тогда ни елок… елки были запрещены, вообще устраивать елки, да… это только разрешили уже после 40-х лет… эээ… годов. Вот. А кроме того… ну коллектив естест… естественно. Учителя у нас были очень хорошие. Потому что учителя были тоже ссыльные. Например… эээ… учитель немецкого языка из немцев Поволжья был сослан. Со своей семьей он жил. У него четверо было мальчишек и ф… и фамилия-то у него Генрих Иванович Шиллер. Вот. Да. Вот. Замечательно. Мы у него немецкий язык в школе знали на все сто процентов. Очень хорошо знали. Причем, они очень были общ… они очень аккуратный народ. У них каждый из ни… из его детей, он… каждый что-то в доме всегда мог делать, он все мог делать. Они настолько были воспитаны, настолько они были аккуратные все. Ну просто… ну э… в общении… ну в школе, конечно, они тоже в школе учились, вот например, Витя Шиллер, с которым я знакома была, потому что он тоже в старших классах учился. Потом, конечно, как-то… я в 41-ом году уехала оттуда, и все это растерялось, в общем. Жалко было…

эээ… таких людей. Вот. Теперь… эээ… преподаватели литературы и русского языка. Была чета, супруги двое, из Риги сосланы туда, – Строцкий… ой, знала же имя-отчество его… и… и жена его. Жена вела русский язык, а он литератор был. Прекрасные тоже. Так они прекрасно все преподавали. И у нас вот эти учителя они были настолько выше как-то нас стояли, понимаете? Потому что вот они уже получили хорошее образование, и за что их выслали? Мы откуда знаем это? Ну и… и… и все… все учителя вообще были. Ну не все… вот эээ… некоторые были последнее время, уже так это конец 30-х годов - начало 40-х, уже были учителя, которые кончали… эээ… в Красноярске учительский институт и приезжали. Ну в сравнении с ними, конечно, они такого впечатления на преп… на учеников не производили, надо сказать. Ну все равно мы учились, сдавали им экзамены так же. Они просто сами еще учились у них, наверное. Но они попали на очень хорошую, конечно, почву, так что, я думаю, что они со временем потом стали тоже какими-то, может быть, и знаменитыми, но вряд ли. Об одной только я знаю, только об одной, которую как-то в это… мне даже… когда я посещала еще один раз, уже значительно позднее, в девятьсот, по-моему… в две тысячи каком году… пятом году. Мы с племянником… Да! Мы вслед за отцом… эээ… только что женился вот этот… ну не только что, наверное, женился… 908 года был… ну сколько ему… двадцать лет, вообще-то говоря, было… в двадцать восьмом году… да! Он только поженился… эээ… брат. И брат отстаивал, что вроде он писал в это… в эти… органы разные писал о том, что отец не виноват, что он все там рассчитался, все сдал, что надо было по продразверстке этой или что-то, а все равно вот его выслали. И брат этот, видимо, уже отец уже был преклонного возраста, как теперь говорят. Ну сколько ему было, если там 22 года, да здесь 28, и это ему уже 50 лет было. Уже шестидесятый год. Это, конечно, уже не молодой человек. Вот. И причем с двумя детьми еще. С мамой неграмотной и с двумя маленькими детьми. И он пустился за ним, но его не… не раскулачили. Он вместе с невесткой, я не знаю каким образом. Вот он не… они не рассказывали. Потому что тогда было такое время, что им не хотелось, чтобы вот их такое угнетенное что ли состояние в жизни передавалось молодым. Мы наоборот… мы учились… ну как молодой… моло… молодо… молодежь есть молодежь, она воспринимает все новое легче и проще значительно, чем, конечно, те, у которых уже твердые какие-то есть убеждения жизненные причем. Вот. И… получилось так, что он следом появился сам. Причем в пути у них ребенок погиб, рожденный только что. Вот. Ну папа, значит, это, сначала он что-то

там, наверное, в лесозаготовках участвовал и так… ну а мне-то какое дело? Я же еще ребенок, меня это ничего не интересует, естественно. Пятилетних что вот? Они интересуются, что ли жизнью своих родителей? Да нет, конечно. Вот. И это… и он стал за ним. Он, правда, я не знаю, он образование имел или нет какое-то, наверное, отец сам, имея образование, все-таки давал что-то ему. По крайней мере, какая-то школа была там у нас в этом, в деревне, школа была все-таки церковно-приходская. Тогда были какие? Церковно-приходские школы. Ну вот что-то он, наверное, получил все-таки, потому что у того и другого почерки были каллиграфические. Настолько четкие, настолько красивые почерка, что просто какую-то вот счетную такую работу им выполнять… ну… они просто… могли запросто им доверить это могли все. Так и получилось. И папа вскоре, значит, сначала счетоводом стал в каких-то там организациях. Ну любой… любой маленький участочек, он все равно контролировался там, какие-то и отчеты, и кто что делал, и сколько сделали, и как, и выполнялось, потому что везде и всюду были планы, планы, которые должны были выполняться в определенный срок всегда. Вот за этим следили. Ну вот он стал счетоводом. Потом постепенно он стал бухгалтером. И так он дошел до старшего бухгалтера. Отец. И следом за ним, значит, и бра… и сын старший вот этот тоже, тоже по его следам, тоже стал старшим бухгалтером. Так вот отец... ну... эээ... всегда он выполнял ответственные, видимо, работы всегда, и тут он выполнял тоже все это. Все эти отчеты, это вовремя, значит, представлять надо было, ну бухгалтерскую... я-то ее не представляю сильно себе, но я знаю, что четкость в этой работе должна, потому что каждая цифра там выверяется все. А раньше все это вручную же делалось, никаких счетных этих ни машинок, ничего нигде не было. Жили-то ведь, жили-то при… ни при с… электрическом свете. У меня вон до сих пор даже здесь в Иркутске ээээ… лампа керосиновая. До сих пор у меня вот она стоит там на это… мало ли что. Еще здесь мы иногда лампой пользовались. Выключат свет, ну а детям всем надо было заниматься. Вот мы вместо свечки, удобнее все-таки лампой пользоваться было. Больше света дает и сели все за… стол там, скажем, и все можем работать. Вот. И получилось дальше так, что я… я училась хорошо, я училась на отлично. И я получила отличный аттестат. Я закончила в 41-ом году школу. Как раз началась война. Ну в то время можно было… сюда я обращалась вроде, и отец у меня все настаивал, говорит: «Хотите жить нормальнее – учитесь! Учитесь, получайте образование». Вот у него была такая установка. Но… но мама всю жизнь, она, так сказать… потом у ней внуки там,

потом у брата они… мы по соседству в одном, даже однажды в одном доме жили, небольшой домик нам там дали, уже в Ярцево. Это уже село было. С пунктов с этих лесо… лесопункт… с лесопунктов переехали в Ярцево. Это… Ярцевский… село Ярцево уже большое было, школа хорошая была. Но одна. На все село была одна школа. Есть у меня где-то фотография тоже этой школы. Вот. Школу закончили на берегу Енисея, недалеко от реки эта школа стояла, и так на берегу мы еще фотографии там, кто с кем, делали. Вот. И я подала… да… сюда нельзя было поступать в вуз. Иркутск – город, стоящий на транссибирской магистрали. Вся во время войны, вся магистраль на особом режиме находилась. Через… э… по этой магистрали передвигались военные эшелоны, значит… э… призывники ехали, и так далее, и тому подобное. И детям спецпереселенцев не разрешалось сюда поступать в вуз. И я отправила в Томск свои документы. Причем принимали просто по результатам экзаменов этих, по аттестату. А так как аттестат был отличницы, то есть никаких нам там ни подарков особых, ничего… мне, правда, подарили этот… альбом в шко… школа с подписью этой… заведующей школы и… и даже этого… районо. У меня хранится этот альбом, до сих пор сохранился. Сейчас я вам вот кое-что тут покажу, вот. Значит, я поступила. Подала заявление в Томск, в томский университет. Меня зачислили. Я осенью, у меня еще отец, мама живы. Я уезжаю в Томск. Ну еду я… пароходы ходили по… хорошие, большие теплоходы ходили по Енисею. Были такие, как «Чкалов», «Мария Ульянова», «Руцутак» назывался, еще такой был. Ну вот, на одном из них я, значит, доезжаю до Красноярска, от Красноярска поездом до Томска. Приходим мы, значит, в этот… в приемную комиссию университета, а я подала на географический факультет. Я больше всего… у меня все отличные оценки, конечно, аттестат даже у меня вот сохранился, есть. Но больше всего географию любила. У меня вместо ковров, у нас висели… висела карта перед… а жили мы в очень тяжелых условиях, потому что… ну во всяких… мы, например, чтобы и… брату дать комнату одну, отцу дали тогда, и нас… мы вчетвером в малюсенькой комнатке жили. Знаете, вот стояла кровать с одной стороны, кровать отцовская с матерью, широ… пошире такая, двуспальная, и наша кровать, мы на одной кровати с сестрой спали. И вот так вот около окошечка стол, за которым мы… столик, за которым мы занимались. А в прихожей была печка, русская печка, и стол стоял, и больше ничего. Потом были сени и справа там побольше кварт… побольше такая комната, но она не была даже вот этой. Здесь вот двадцать два квадрата метров в этой комнате, да? А та была ну… квадратных метров, ну я

не знаю, двадцать было или нет, как они там умещались шесть человек, я теперь себе не представляю. Еще у Антонины Иннокентьевны стоял вот этот вот станок, для того чтоб она работала. Как они там умещались сейчас… я даже сейчас не знаю, не могу себе представить. Но, видимо, такие… были у них все мальчишки, наверное, общая какая-то кровать была. И они так это спали все в ряд. Как мы в колхозе спали. Вот. Ну и почему я… у меня пере… перед нашей кроваткой был, был такой большой был… карта была. Оба полушария, значит, на этой карте, и там все города, все реки, все моря, все горы – все-все. Мне это очень нравилось. И я посту… подала на географический факультет. Ну когда мы приехали туда, это 41-й год, началась война. Мы же раньше закончили-то, мы весной, еще не было войны. Но нас уже готовили в школе к войне. Почему мы считаем, что готовили? У нас были… нас учили… стреляли мы, «Ворошиловский стрелок» давали нам такие, кто хорошо стреляли. «Ворошиловский стрелок» – значок. Затем значки ГТО, «Готов к труду и обороне» назывался значок. ГТО. Вот тоже мы все значки эти получали. Мы все хорошо стреляли. Мы… мы хорошо стругали, столярному делу нас учили. Я себе сделала деревянный чемоданчик. Я с этим чемоданом и поехала. А в чемодане, внутри, всегда наклеивали всякие разные вырезки из журналов, из газет, чтоб он красиво выглядел. Вот жалко: у меня здесь в Иркутске его потом украли из подвала где-то. Очень жалею до сих пор. Такая ценность была. Я с ним ездила, потом и приехала сюда в Иркутск с этим же чемоданом. Вот. И туда пришли мы, в приемную-то комиссию, и уже объявили, было уже объявлено: началась война. Что же делать? Мы говорим: «Ну конечно, пока что нам путешествовать по географическим интересным всем местам мира, наверное, не придется». И каким образом меня, значит, это… с… подружкой потом уже она стала, с которой мы вместе в общежитие попали. Она говорит: «Да давайте, – говорит, – переложим наши… попросим их, они переложат». И там был… спецфак назывался, при физическом… При физическом… физико-математическом факультете. Спецфак. Что он преподавал? Преподавания шли такие же, как и на физмате, скажем, все основное: математика, физика там… все, значит, такие… больше математики. А спецфак выпускал э… этих… инженеров по разработке траекторий движения баллистических ракет. Ну мы, конечно… война тут… значит, эта агитация еще такая в армию идти да туда-сюда. А мы думаем: мы лучше специалистами станем, тогда будем помогать уже. Чему-то научимся полезному. Ну и вот, и таким образом я оказалась на этом спецфаке. Год я закончила… ну нормально закончила. Конечно, не

на отлично уже. Уже не на отлично, потому что выдавалась только стипендия. Стипендия 220 рублей была. Стипендия. Ну, карточки были, карточная система. Ну на карточки 400 граммов хлеба нам выдавали. Ну остальное, значит, мы питались там в столовой. Была столовая вместе университеты и универсалы были там, и политехнический, индустриальный тогда, институт был у них. У нас общее здание было столовой, вместе столовались. Нас… пятиэтажка у нас была общежитие, которое дали университету. Нас сразу же из пятиэтажки переселили. Пятиэтажку отдали под госпиталь. Нас переселили в двухэтажный деревянный дом с печным отоплением. Мы, значит, там эти голландки топили, и даже в них приходили вечером… как-то приходили… пришли вечером однажды, сходили в кино даже после занятий, пришли все голодные такие. Взяли в кастрюлю в этой голландке растопили там, поставили эту кастрюлю большую такую, по тумбочкам по всем пошарились, нашли где-то крахмал. Этим крахмалом заварили, вот и все… вся наша была вечерняя еда. Мы голодали в сорок… в сорок втором году особенно. Еще в 41-ом году сразу с осени ничего еще было, а вот 42-ой самый тяжелый был год. Все мы… все делали туда на… все на фронт отправляли, да и хорошо, что были еще люди, которые поблизости там жили, из деревень студентки некоторые, они съездят домой – что-то там принесут, и нас покормят еще вместе. Ну вот… а в этом нам варили супы из крапивы. И, вот такие вот деревя… ээээ… нет… эти… были… черепушки такие, глиняные, в них вот нам раздавали галушки вот в этой… в этом соусе… эээ… это не соус, а жидкость из-под… эээ… крапивы. И в нее, значит, галушки спускали. Ну так вот в одной порции две-три галушки. Ну как парню-то? И они сразу брали по пять-шесть порций, из них это воду всю сливали, и что-то немножко можно было утолить голод этот. В общем, 42-ой год был очень тяжелым. И у нас в 42-ом году даже, в 41-ом еще никто почти особенно в армию, там мобилизация везде прошла, а тут начали приглашать студентов… агитировать тоже. И некоторые уходили в армию, потому что тяжело было учиться. Ну и это… все это как-то… молодость! Все это мы легко переживали. Несмотря на голод, мы все-таки нет-нет выбирались в кино иногда и возвращались вот… таким образом… ну вот, кончился год… да! Меня… Мне тоже предлагали, у меня было желание тоже уйти в армию. Потом… там, конечно, всех нас осматривали, все… и у меня, видимо, такое уже малокровие или что там начиналось, не знаю, но мне сказали: «Нет, уж лучше, – говорит, – вы сдавайте экзамены, а в армию успеете еще!» Вот. И меня не при… не… не взяли, а некоторые жили девушки – ушли. Ну кто медсестрами

там или курсы, конечно. Так нас и в школе учили и медсестер… были. Я говорю, что нас всему… ГТО вот это вот – «Будь готов к труду и обороне» нам, нам все давали. Мы и бегали, и сдавали эти кроссы, и какие-то там это… в общем, что можно было мы, мы действительно могли быть полезными и в армии даже. Ну вот и кончился этот учебный год, и я возвращаюсь. Решила домой все-таки съездить. Эээ… родители, конечно, пожилые у меня, и я каким-то образом, не знаю даже… Мне особой помощи-то… я старалась на стипендию на свою учится. Это уже потом, когда в Иркутск перевела, тогда я тут еще и репетиторством занималась. В общем, уехала. Приехала домой, а отца нет. Дома одна мама. Брат, значит, с семьей отдельно живет. Ну что мне делать? Как мне быть? А сестра закончила, закончила Красноярский учительский институт, и ее распределили в какое-то там… в Красноярске в какой-то сосе-ер… или как ли там называется, в какой-то район. Ее нет здесь. Одна мама осталась. А его вторично репрессировали. Он должен был поехать в Енисейск сдавать полугодовой отчет. Это было летом. В июле уже я возвращалась. Вот. И он… сроки там были определенные, сроки. И вот к этому сроку надо быть, да. И он или не успел, или не мог, или почему-то, и ему сказали… предъявили ему, что… ну это они неправда, конечно! На него кто-то что-то там донес, конечно [нрзб]. И он уехал сдавать отчет, не сообщив коменданту. Все нужно было… везде подотчетность полная была. Не сообщив, что он поехал туда… он решил, что раз он в срок там сдаст, значит, его никто вроде не накажет. Его раз и все. И он уже не вернулся домой. Потом его… в Енисейск он поехал, да… из Енисейска потом его перевели в Красноярск, видимо, потому что мы ничего о нем не знали толком. Это я уже потом узнала о том, где он еще был после этого, это уже в девяносто… После девяносто первого года. В девяносто втором или девяносто третьем я уже… Я ездила в Красноярск, в ФСБ ходила там, все, в общем, добивалась реабилитации отца и семьи всей. Фактически мы оказывается четверо были репрессированы. И у меня даже в паспорте, который я там получала, какой-то зна… стояло какое-то на кра… на краешке паспорта, на второй странице, на последней странице метка какая-то, какое-то там это, что я дочь спецпереселенца. Потом, когда я… эээ… вернулась… да! Я год проработала. Меня мои учителя взяли к себе. Я говорю: « Ну я не могу маму оставить одну». И они меня взяли в качестве преподавателя математики ше… седьмых-восьмых классов. Или шестых-седьмых… кажется, так. Ну и я год проработала с ними вместе. С учите… с учениками с этими. Смеялась, конечно. Ну представляете – 18-летняя. А это был… э… первый семестр. Я пер-

вый семестр заканчиваю и перевожусь сюда. Приезжаю в конце… э… декабря месяца в Иркутск. Перевожусь на физико-математический факультет Иркутского университета.

– *У меня мама его же заканчивала*.

– Вот. Физико-математический факультет?

– *Ага.*

– Вот. И я здесь это… приехала. Правда, меня сестра встретила. У них двое детей, живут они, значит, вот здесь, на Коммунальном. Теперь это Канадзава. Муж у нее в госбанке работает. Она медсестра. Валя учится на юриста, старшая дочка. Юрий еще в школе учится. Двое детей у них. Ну и я где-то немножко пожила, с неделю, наверное… да. Потом думаю: что я буду жить? Они тоже в стесненных условиях живут. Я ухожу общагу… в общежитии мне сразу же дали, и я ухожу в общагу. Ну, общежитие, конечно, единственное было на 25 октября, первое наше университетское общежитие. На втором этаже, 21-ая комната. Нас шесть человек жило. Двое физиков, двое химиков… даже трое химиков и одна… у одной химички сестра на физфа… на физфаке училась. Вот нас в комнате шесть человек жили. Так я оказалась в Иркутске. Ну вот. Все потом эти годы я прожила в общежитии. До окончания. До 47-го года. В 47-ом году я заканчиваю университет. Жили мы тоже в очень сложных условиях, тяжелых. Нам на последнем курсе на… дипломы когда уже мы готовили, да… нам выдавали дополнительные карточки. Назывались ВГП и УДП. Ну мы их расшифровывали так : УДП – это «Усиленное диет-питание», сокращенно, а ВГП… что эт такое «вэ» то было? Ну мы расшифровывали, студенты, «Выдайте голодному пожрать». Это ВГП у нас было. А УДП – «Умрешь днем позже». Как-то я внучке своей рассказывала, она в инязе училась в свое время, она так смеялась. Говорит: «Ой, баба, я как-то рассказала, – говорит, – своим однокурсникам. Так, – говорит, – мы смеялись. Надо же, – говорит, – вы как придумали». Ну студенты всегда были смышленым народом. По-моему, во все времена они что-нибудь придумывали. Почитай любого… любую автобиографию, даже великих людей, они тоже, говорю, были веселым народом. Так, а я… смех всегда нас… шутки всегда спасали людей. В любое время, в любые… тяжелых особенно условиях, трудных условиях, может быть, даже. Ну вот, вот так вот я тогда познакомилась, значит, с Иркутском. Ну уже не стала ни с кем знакомится здесь, потому что у меня там… я… в школе я всегда была среди мальчишек многих, но у меня никто, как сейчас школьники увлекаются рано очень, а я никем не увлекалась из этих. Вот этот Витя Шиллер вроде мне предпочтение оказывал, но он был меня чуть пониже, и

меня это как-то, видимо, не очень привлекало к нему. А потом я уже пожалела. Думаю: почему я с ним не переписывалась потом… надо было где-нибудь просто так. Интересно просто узнать о своих одноклассниках. А я фактически всех одноклассников потеряла. С одним как-то встретилась, уже будучи замужем встретилась в Ессентуках случайно. Потом с другим встретилась на Аршане. Дочку надо было лечить, и сама подлечивалась на Аршане. И вот с этим, он юристом был, мы… и жил… и жил в Тайшете, а потом переехал сюда, чтобы двум детям дать возможность, дать высшее образование, переехали в Иркутск они. Ну вот с этим, это был выпускник из этого… их из Читы, его родителей, туда тоже сослали. Мы с ним вместе кончали, школу кончали вместе. Ну ему царство небесное. Тоже уже его нет давным-давно, лет пять уже нет, наверное, если не больше. Ну так что у меня одноклассников никого не было. Однокурсников у меня было совсем мало. Я в 47-ом году кончала, нас тринадцать человек весь физмат был. Закончили. Во время войны же никто не хотел, не мог учиться. Просто не могли учиться. А мы вот преодолевали эти трудности, раз уж мы попали в такую струю, видимо, надо было преодолеть. Теперь-то ты должен, должен до конца довести свое дело. Вот и мы… мы в колхозы… у нас ни одной… свободного лета не было ни одного! Мы в колхозы ехали… ездили. В Балаганске мы все лето проводили один раз. Это уже после второго курса. После третьего курса мы здесь какие-то обязанности тоже выполняли. А! мы строили… мы строили трамвайную линию. Все лето мы были использованы на трамвайной линии. Это я хорошо помню. Так, в 46-м году… В 44-м году я ездила на все лето, нас увозили на Байкал. В путину. Нас разместили около университета на баржу всех, причем интересно: еще в этом году эти карточки нам не дали, не выдали нам с… ни паспортов, ни наших, так сказать… Ни карточек, нам ничего не выдали, здесь все это почему-то. Нас всех организовали, увезли на этой барже на… до малого моря. В Хужире нас поместили. Большую компанию нас, тогда студентов университета, не только физики там были. Из физиков я не помню, чтоб кто-то из моей группы никого, по-моему, не было, я почему-то одна среди них была… может, только те, кто жил в общежитии… Вполне возможно, потому что большинство у нас были местные. У них все-таки были здесь… родители у них здесь жили, и они, естественно, жили по домам. А в общежитии… а нет, в общежитии две монголки жило. Бурят… одна бурятка, и монголка с ней жила напротив, в 23-й комнате. Вот мы с Агриппиной Савишной, мы вот две однокурсницы, мы ездили тогда. А остальных я физиков никого не помню. Нас

поместили в Хужире сначала, вечером на вышке разместили. На нас там блохи, муравьи – все-все. Мы никто почти не спал. У… наутро нас перевезли, значит, на этот… на материк сюда через малое море. А там…

– *Вы когда в Иркутск приехали, какие были первые впечатления о городе? Вам понравилось или не очень?*

– Не очень. Потому что Томск… Томск, он тоже красивый очень город. Во-первых, там университет был старше значительно. Там силы были очень мощные. В тот университет приезжали и ссылали очень хороших ученых из Ленинграда, из Москвы, из Киева и так далее. И тот университет был старейший университет Сибири. Он уже действовал как мощный сибирский университет. В него приезжали, поступали и из Иркутска и из других всех сибирских мест. И городов таких уже больших к тому времени, понимаете? Это все-таки на… уже средина этого ве… того века, девятна… э… двадцатого века была. А он же… ему же уже сейчас четыреста с лишним лет. Тогда как нашему Иркутскому университету всего девяносто лет исполнилось. Конечно, тот мощнее университет. Я потом даже стала жалеть о том, что я оттуда уехала. Но уже… стремилась вроде… ммм… ну, родственников встретить здесь. Да. А фактически они мне особенно никто не… не по… не помог уже… Единственное, вот старшая сестра Анна Пална была очень добрейший человек. Вот к ней я иногда из университе… из этого, из общежития… в общежитии было холодно. Холодно было в такие ночи, когда отключали свет в университете… В общежитии. И мы утром про… просыпались – обнаруживали корочку льда на блю… на вожже в блюдце, если оставалась вода.

– *Ничего себе…*

– Вот так было холодно. И я к ней домой, она жила… тоже жила, у ней был муж у ней был кузнец, а сама она на слюдфабрике работала. У ней было трое детей, у старшей сестры. Я приходила к ней, у ней… э… печка такая была с этим, с духовочкой небольшой, ну плита фактически была, кирпичная, конечно. И вот у ней, вот так вот это. Так я приходила к ней, ноги засовывала вот в эту духовку и сидела занималась вот таким образом, чтобы… э… хоть согреться немножко. А так вообще в к… под конец, вот мы когда кончали в 47-ом году, то мы на ночь (еще в 47-ом году!) и выключали свет на ночь, потому что надо было много энергии подавать на промышленные предприятия. Поэтому наше общежитие отключали. Так мы с Агриппиной Савишной, вот у меня она, мы не в одной комнате жили, а напротив, но она буряточка, царство ей тоже небесное, она и кандидатом стала под конец, и все, и в общем.

Ну… что-то такой был сильный склероз. Вот ее уже нет года четыре, наверное. Мы с ней, чтобы готовиться к государственным экзаменам, мы с ней ночевали в нашей лаборатории спектральной. На втором этаже в углу, в том вот углу, была спектральная лаборатория. Там был такой большой-большой стол стоял и стояли несколько этих спектрографов… в спектральной лаборатории. Вот мы… э… на этом столе с ней ночевали. Потом мы, значит, собирали свои эти… постельное белье и в урну для голосования прятали. Там же урна стояла в том же… в той же лаборатории. Вот таким образом мы готовились к сдаче государственных экзаменов. У нас обязательно был диплом, мы защищали, еще и госэкзамены сдавали. По физике сдавали и по философии, два экзамена сдавали. Это было в 47-ом году. Вот таким образом мы… мы… учились мы в очень тяжелое, сложное время учились. Мы пережили тут все: и военное время, да, и все тяжелые условия жизни в целом. А еще надо было учиться. Мы фактически что? Мы больше, конечно, в научке… э… в научной библиотеке. Фондочка мы ее звали. В фондочке мы больше занимались, конечно, потому что писать-то не на чем даже было. У меня вот осталась до сих пор – это тоже реликвия такая – на чем мы писали, на какой бумаге мы писали, бумаги не было, чернила у нас стояли на этих… такие вот непроливашки. Приходили на занятия, в них чернила замерзали. Мы даже в перчатках писали иногда! Холодно было! Очень было холодно, и в здании и в университет придешь на лекции – холодно! И в общежитии холодно. Ну вот так вот. Я вот у сестры у своей у старшей, она очень была… ну… мне за мать уже она приходилась, потому что у нас разница в 24 года была: она девятисотого года, я – двадцать четвертого. И она очень доброжелательный человек всегда была, мы всегда собирались у кого? Только у… у Анны Павловны. Она на Декабрьских Событий, 24 жила. На втором этаже, деревянный домик. Это раньше… раньше этот дом… это был не дом, а это был… ммм… для каких-то купцов там, значит, это типа сарая было все, но потом переоборудовали и жили… в квартирах жили люди. Вот так. Так что это… э… ну потом, конечно… она-то, собственно, там… она туда…. Оттуда никуда и не уш… не ушла. Она… мы там ее… оттуда, из той квартиры, и похоронили. А сын у ней работал на… старший сын работал на заводе имени Куйбышева. Он кончал машиностроительный техникум и работал. И вот он оттуда шел, сначала к ней заходил, потом шел домой, на Ямской у них была квартира, им дали от завода имени Куйбышева, его семье. У них двое детей, вот сейчас только дети остались, а их уже самих никого, конечно же, все-таки нет уже давно. Да и у ней… де-

тей-то у ней нет… это уже у меня внучатые племянники теперь только остались от нее.

– *А вот ваши дети, они тоже теперь в Иркутске живут или ехали отсюда?*

– Нет, мои дети все в Иркутске.

– *Тоже здесь остались?*

– Да, мы познакомились вот в 46-ом году, в 45-ом точнее, осенью. Очень много демобилизовалось мужчин, пришли после фронта. Это была осень 46-го года, даже 45-го. В 45-ом году. Их сразу приходило несколько. Возвращались они, чтобы продолжить учебу. Потому что вот, в частности, мой муж, вот Евгений Константиныч, он кончал тоже… физик по специальности и работал… э… был рентгеноструктурщиком в конце своей жизни, все пятьдесят лет потом отработал. Их на первом курсе… они не закончили кое-что даже недосдали, а в 41-м году, он в 40-м поступал, а в 41-м году их всех мобилизовали мужчин. Очень многих. Вот там есть перед… у нашего первого корпуса есть мемориальная доска тех, кто погиб на фронте. А им некоторым удалось… они счастливчики – им удалось вернуться живыми. Ну, в том числе вот Женя, Евгений Константиныч Васильев, он вернулся. Во время победы они еще воевали в Австро-Венгрии, занимали там разные… ммм… эти… отвоевывали разные эти пункты: в сехи… шехерва вот он там был, в Вене они еще были. Ну, одним словом, они еще во время дня победы все еще были на фронте. И он демобилизовался только осенью, чуть ли не в сентябре даже. Или в октябре… вот я сейчас точно вам даже не могу сказать, надо посмотреть, когда он… в какое время, но я с ним была не знакома. У него одна мать здесь была. Потому что он испытал тоже очень много в жизни. Он в 38-м году остался без отца. Отец у него работал на заводе имени Куйбышева, в строительной там организации какой-то был… ну тогда… э… тогда, в это время, завод имени Куйбышева представлял собой очень сильную организацию. Сюда же перебазировали во время войны потом, позднее… во время и до войны очень многие… э… восстанавливали его или не восстанавливали, а фактически создавали новый на… а во время войны, тем более в Сибири, очень много промышленности было перемещено в Сибирь. И вот… э… этот завод имени Куйбышева – это была мощная организация, очень мощная организация была. Они изготовляли драги для золотопромышленников, они ну… тяжелое машиностроение все Сибири, представляете себе? Чтобы создать… это был мощный завод с большим количеством… э… народа, которые там работали. Много там отделений было, ла… разных лаборато-

рий всяких, вот. И когда вот это в 90-х годах-то, все это разрушать-то начали, все предприятия-то промышленные, они же очень сильно пострадали, а тогда наоборот, еще шло создание, расцвет начинался можно сказать этого… этого завода. И в 38-ом году сразу двести человек с этого завода репрессировали. Кого отправили в Магадан, отправляли… может, и в Норильск. В общем куда-то на такие… ну… там же люди не ра… не… не сидели, их заставляли в жестких условиях работать. Почитайте того же вот, ну… тех, кто вышел из Магадана. Наши писатели туда попадали, артисты туда попадали. Сколько… даже удивляешься, что многие москвичи потом… теперь начали, вот в 89-ом году особенно много хороших произведений появилось. Все было запрещено, а в 89-ом… 88-ой, 89-й, 90-е, начало 90-х годов, вот в это время в «Науке и жизни», в «Юности» очень много произведений появилось. Гинсбургов там, и другие печатали о том, как проходила вот эта вот репрессия… эти проходили. Так вот двести человек сразу, представляете, как… э… этот завод обезглавили можно… это труженики хорошие были все. И вот часть из них были расстреляны, в том числе вот отец Евгения. Но я-то ничего этого не знала, конечно, до тех пор, когда не познакомилась потом с ним. А знакомились мы в основном до 45-го года, у нас, в основном, девчонки одни учились. Вот на нашем факульт… на нашем курсе тринадцать нас было человек, кончало, один-единственный парень был. И то он поступил не сразу, не сначала, а он после плена пришел к нам в группу – Алеша Федосеев. Потом он стал… он стал учителем и работал где-то в Слюдянке. Его в живых… его уже нет. И когда в 45-м году приходили в университет к нам парни, которые прошли войну, ой… это мы их как победителей всех встречали. Мы их принимали прямо-таки с распростертыми объятиями, можно сказать, всех. А они такие… они же прошли под лезвием… по острию, так сказать… э… меча. Они между жизнью и смертью находились все время там. Они не знали, что будут они завтра жить или не будут. Контуженные были, раненые приходили они уже. Ну вот, и в 46-ом году мы с ним встретились на вечере, первомайский вечер проходил у нас в университете. Это единственный у нас был первый корпус, все факультеты в первом корпусе были. Если твоя мама в это время училась или позднее… Она когда училась?

– *Позднее она училась…*

– Позднее училась… Когда она кончала?

– *Я даже не знаю. Наверное, в восемьдесят каком-то закончила*

– Ну это уже конечно! Тогда уже все факультеты уже разъехались по другим э… корпусам. А я-то еще училась, мы все вместе:

филологи у нас были… э… вот Трушкин – я его знаю – он жил… э… в общежитии в это время. Он в аспирантуре учился. Когда я кончала, он уже учился в аспирантуре и работал уже, по-моему. Он немножко старше меня был. Но я помню хорошо, что я однажды болела как-то, да… лежала в… что-то со мной было там… простыла или что-то, я не помню, он даже приходил к нам в комнату, и я вот запомнила тогда, ему имя мое что ли нравилось… ой, говорил, что Нина – это грузинское имя. Это не русское имя. Ну во всяком случае, навещал тогда. Ну я многих знала: Смирнова знала… этого… Марка Сергеева – все эти вот на моей, так сказать, памяти они прошли мимо меня в это время, когда и они работали в университете, и все, и, в общем, со всеми я с ними знакома, конечно. Знаю прекрасно этого… он… э… Смирнов, он любил очень анекдоты, у него даже книжечка была, где он заносил эти анекдоты, и он всегда ими сыпал. Так вот мы встретились в 46-ом… Встретились в 46-ом, и тогда я вот узнала, что он остался в восьмом классе без отца. Он уже с восьмого класса, можно сказать, начал трудиться. Он хорошо знал… он.. занимался в этом… Дворец Пионеров был, там всякие были кружки. Он прекрасно в это… э… знал физику хорошо, он умел паять, и эти все электрические, так сказать, проводки там… Все это он… все мог делать уже. И вот он уже, можно сказать, в девятом-десятом классе он уже… осталась одна мать с двумя детьми: он и сестра у него была, моего возраста сестра была у него. Он 22-го года рождения, вот. И они, конечно, в трудных условиях уже… их выселили из квартиры. Они на Милицейском жили – выселили. В это время очень много приезжало эвакуированных сюда, перед 39-м годом… в 39-ом году вот, помните, уже там начались уже эта… война уже в 39-ом была, и это… эвакуированных с запада пересел… привозили сюда и расселяли по квартирам. У них было вроде две комнатки, так вот в одну комнату, куда их выселили из той, они… там у них было две бабушки, отец был и у них р… и бабушки были и матери, и отца – с ними жили. И вот у них еще двое детей было, да. Третий, младший самый, рано очень умер: восьми мес… восьми лет… восьми месяцев… Первый ребенок у свекрови был… погиб. А на чем же… на том шло, как он уже закончил университет. Он, конечно… все парни, которые приходили, они были очень серьезными, потому что прошли школу жизни жестокую такую, да: и войну прошли они, и вообще вот морально они были, так сказать… но они оставались патриотами. Все они… э… Евгений, например… орден у него есть Великой Отечественной войны, и у него очень-очень много медалей, которые он… например, такие как «За отвагу» и «За боевые заслуги». Он считал, что

они важнее, чем даже этот орден, потому что они действительно были отданы, ну, за очень важные какие-то подвиги на фронте. Э… это фронтовые э… награды, это уже не… хотя даже в мирное время он тоже орден получил – «Знак Почета». Вот. Так что… тут ко мне тоже вот собирались, я тут кое-какие фотографии его со… хотели к следующему Дню Победы статью о нем написать. Ну это потом, ладно… я, в общем, не о себе больше, а тут вот я вам больше о себе рассказываю, а вообще я как-то о себе всегда… никогда не говорила особенно. Я считала, что он действительно жизнь прошел, про… прожил более… э… с большей отдачей для родины, чем я. Я… э… хоть боролась со всеми трудностями жизни, но я все-таки не воевала, не… не… оказалась… я в мирное время сюда… прожила: здесь над нами бомбы не взрывали, так сказать, военных действий не наблюдали непосредственно. Поэтому я как-то отдавала ему предпочтение всегда в жизни, что он у меня в семье герой, и он мне помог, конечно, своим вот отношением к делу, которое он после войны получил, занимался которым. Он действительно очень сильное влияние оказал на моих детей. Ну… а в общем-то, надо сказать, конечно, я не безучастна была, естественно, для своих детей. Я тоже труженица, я всю жизнь трудилась. Я проработала после ухода на пенсию еще шестнадцать лет.

– *А вы где работали?*

– Я – преподаватель.

– *Да?*

– Да.

– *Чего?*

– Физики, я же физфак кончала. Я преподаватель физики была.

– *А где вы преподавали?*

– Э… и можно сказать и математики в какой-то степени, потому что это две дисциплины нераздельные. Я в разных вузах работала потом. В школе работала. Я начала же репетиторством заниматься, как сюда попала, в Иркутск. Ведь надо было как-то выживать. Двести рублей стипендия – это же ничто! Эта стипендия – это деньги, которые давались для того, чтобы выкупить карточки, продуктовые карточки. Выкупить продукты, которые отпускались на продуктовые карточки. Вот это все. На них нельзя было что-то себе купить. Я фактически все почти, когда вот ездила, все попроменяла тогда на масло у этих иногда, у бурят там были, в Хужире, на… э… на то же мыло. Ну в общем… у меня фактически в одном чемоданчике все умещалось, все мое добро, которое носилось. Даже можно было туда пальто затолкать. Потому что ничего не было: ни подушки, ничего, абсолютно ничего своего не было. Вот. И

поэтому… поэтому те, кто приходил после фронта, они были победителями перед нами все равно. Мы их, можно сказать, боготворили. Я особенно тех, кто еще… они же с каким же рвением учились-то! Они же все отдавали себя полностью учебе! Они там всякими тоже… кто-то подрабатывал, наверняка, в это время, все… а я вот подрабатывала репетиторством. И, зная мое… да, кстати сказать, в 45-ом году, в январе, я в 44-ом сюда переехала, а в 45-ом, в январе, у меня мама скончалась в Енисейске. Брат уже переехал в Енисейск, и мама там скончалась. Я даже не могла полететь на ее похороны. Ни денег… зима… транспорта туда нет. А ехать это зимой это вообще… не представляю, как нас везли туда зимой, я никак не представляю себе. До сих пор мне вот это, непонятен этот путь, по которому мы уезжали из этого, из этой деревни Макарьево. Ну, до моего сознания я не могу это довести до сих пор. Представляете себе? Так вот… э… значит, репетиторство состояло в том, что… в это время у нас деканом был Иосиф Антонович Парфионович, он двадцать пять лет был деканом. Вот. Он знал наше положение, когда не только мы – все наши преподаватели в тяжелых условиях жили. Тоже карточная система была с продуктами, работать… они все равно были честными всегда преподавателями, и они все равно работали. Особенно вот запомнился, вот у нас был преподаватель астрономии, астрономии, он всегда приходил на лекции такой… в каком-то стареньком таком… даже в пальто лекции читали, потому что холодно было очень, и видно, что он голодный такой, бедненький, прямо-таки даже… Ну мы еще молодые, так нам проще это было пережить, молодым-то. А жал… с жалостью относились к некоторым преподавателям. Ну а я ходила, Иосиф Антонович меня устраивал даже, я ходила к ученикам, седьмой там или восьмой класс. Э… это были дети таких… э… то кэгэбэшников или каких-то, которые жили более или менее. Я приходила, занималась с ними, помогала разбираться, значит, в этих науках школьных. Так еще там иногда… меня, значит, это… приглашали обедать. Я с удовольствием, конечно… даром ходила, никаких денег не получала при этом. А вот так, что-нибудь из продуктов, что-нибудь… вот таким образом только можно было. Какие уж там деньги особенные?! Потому что тогда и мно… мало и платили-то всем тоже. Э… эти зарплаты были очень низкие. Это только какие-нибудь более богатые, они жили тоже на каких-нибудь неизвестных доходах, мне непонятны доходы эти. Потому что у нас был случай в шк… в этом… университет решил на (…) свое подсобное хозяйство организовать. Университет именно. Профсоюзы же тогда большое значение имели, мы все были чле-

нами профсоюза: и все студенты, и все… ну и вы сейчас, наверное, членами профсоюза являетесь. Вот. Так вот там раскорчевка пней шла, нас на неделю туда отправляли, причем кормили там – значит, мы могли сэкономить там за эту неделю. Мы купили на несколько наших карточек целиком булку хлеба. Ну, каждому 400 граммов при… резали же, когда выдавали по карточке, то резали – по 400 граммов выдавали, булку никак целую ты не купишь. Мы собрались всей комнатой – все, кто туда поедет, – и купили целую булку хлеба. И решили ее продать на рынке с тем, чтобы у нас были деньги какие-то еще на следующие покупки. И выпал этот жребий мне идти на этот рынок. Пошла я с этой булкой хлеба – вернулась ни с чем: ни с деньгами, ни с булкой хлеба. Меня взяли, можно сказать, арестовали, повели меня, значит, вот этот длинный был дом по Дзержинского-то стоит, вот в этот дом. Ну я с чистой открытой душой: студент бедный пришел продать булку, чтобы на эти деньги потом отоваривать эти карточки, а меня, значит, решили, что я спекулянтка, выходит. Да! Спекулирую хлебом! Спекуляция в то время процветала, конечно, обогащались те, кто был близко около продуктов. Обогащались еще как! Ой-ой-ой-ой! Ну вот. Ну и меня, значит, привели там… э… начали допрашивать, что, мол, вот, это что же вы? Как же вы до такого дошли? Да, значит… я гов… я им рассказала всю историю, почему я здесь оказалась и почему на меня… каким образом ко мне булка хлеба целиком попала в руки мне. Ну я говорю: «Не верите? Позвоните в университет! Я – студентка!» И со мной даже был, наверное, и студенческий билет, потому что иначе бы меня, наверное, и не отпустили бы. Я уже не помню вот сейчас этого момента, но я знаю, что меня провели по каким-то длинным там коридорам, в какой-то кабинетик завели. Я думаю: «Ну все… меня теперь, наверное, посадят!» Струсила, конечно. Но я попросила, вот так говорю: «А вот вы свяжитесь. Случай вот такой. Вы не верите мне? Ну выясните тогда». Меня, конечно, отпустили, но булку хлеба они забрали. Они же вот таким образом сами, эти… э… блюстители порядка, они сами таким образом обогащались. Меня отпустили, конечно, но я с этого времени… я говорю: «Вот видите, какая я торговка. Поняли? Теперь нет, я больше никогда не пойду ничем торговать, никогда не буду». Я никогда не торговала и не буду торговать. Ну, поехали. Нас там неделю-то прокормили все-таки, да, а тут уж дальше… дальше мы уже на свои двести рублей жили дальше. Вот такие у меня… со мной случаев таких было… ой… я приехала еще когда из этого, из экспедиции, там же нам все-таки платили деньги, все-таки это военное… задание-то было, военное! Исследовать, значит, это иска-

ли урановые руды, исследовали мы по военному заказу это, экспедиция была организована, и нам приличные деньги заплатили там какие-то, и хорошо нас кормили, отпускали много туда продуктов. Я приехала даже… это… поправившаяся, потолстела! Решила, что потолстела: у меня было единственное платье, которое вот тут вот на эти застегивалось, на… на крючочки застегивалось, а тут у меня была такая даже… это единственное у меня было платье, действительно, а тут у меня была такая, была вышивка, а тогда же очень много привозили из-за границы. На барахолке, барахолка была там вот на горе, где сейчас… э… центральный вот этот вот рынок около… вот в том вот районе… там же были просто… простые… простые домики стояли, частные домики. У нас одна, Костюхова, которая с нами однокурсница была, у них там дом был, недалеко от этого базара, базар это-то так и называли, даже не рынки, вот… э… и это, Иркутск был маленьким, не было ни одного… э… микрорайона. Вот это та (…) фактически была пустая, там же не было никаких строений: ни Октябрьского района не было…

– *Да?*

– Да! Тогда центр… вот он был очень уютным, небольшим, но вот этих старинных-то домов в Томске было много, причем они как-то там раньше начали ухаживать вот за этой стариной и сохранять. Вот у меня, даже когда я была у племянника, э… два года тому назад ездила в Томск, все-таки посмотреть еще на первый свой университет и побывать в Томске хотелось мне. Я побывала. Так вот у меня есть… э… этот… можно показать на этом, на телевизоре можно показать старый Томск: он был красивее, чем старый Иркутск даже.

– *Да?*

– Да! Поэтому я не… не скажу, что я сюда переехала, и меня что-то слишком, так сказать, большое… там уже театры хорошие тоже были… ну здесь хороший театр был уже в это время… э… наш этот… и мы во время войны сюда же приезжала опера… ммм… Киевская опера. Здесь долгое время они ставили спектакли. И вообще, конечно, как культурный центр Иркутск сохранял свою культуру. Этим мне нравилось… ммм… тоже, но мы очень многое делали для Ирку… для самого города, потому что все… ммм… связь была… ни троллейбусов не было, трамваев не было. Мы… трамваи мы строили, троллейбусы позднее потом уже появились, троллейбусные линии. Я очень хорошо помню, как мы укладывали вот эти… э… шпалы. Э… парни таскали вот эти вот рельсы, состыковку такую делали. Все это студенты делали.

– *Да?*

– Это бесплатная сила всегда была студенческая. Вот. А в больших вот таких заве… чтобы открывать какие-то месторождения – там в основном зэки работали. Вся советская власть построена на костях зэков. Все вот эти северные вот эти пункты большие – это все сделано на человеческих костях все. Но, с одной стороны, надо было раз… э… поднимать промышленность, развивать промышленность. Поэтому церкви в 30-х годах везде поснесли. Какой был тут храм! Это я уже не видела, а вот Евгений-то мой еще видел.

– На сквере Кирова, да?

– А?

– На сквере Кирова?

– На сквере Кирова.

– Да?

–Да.

– Ну вот мне тоже рассказывали, показывали там, большой был.

– Да! У меня есть, у меня очень много такой литературы есть, которая… э… есть полностью как раз вот этот… э… кафедральный собор этот. Он так назывался – Кафедральный собор. И… так история его, так сказать… а потом есть очень хорошая книжка у меня, выпустили… наш Медведев ее выпускал… э… «Иркутск в открытках» называется. Очень хорошая книга. Нет, книгу такую не читали? Ну вот, план тут города Иркутска, все. Вот такие… все эти вот, все в открытках, история Иркутска, так сказать.

– А вы вот помните, как сквер Кирова украшали на праздники?

– Да, украшали, конечно, всегда.

– Как украшали?

– Ну, я вот даже не знаю… сразу после войны-то. Я-то попала сюда, видите, как раз после войны, 45-й год фактически.

– И после войны не очень украшали?

– Не очень, не очень… а вот когда кончилась война, день победы объявили, мы все собрались, узнав об этом, около драмтеатра. Тут были… танцы организовали, все обнимались, все целовались кто как. Ой, как бы… все такие, все… такая была большая радость, конечно, что кончилась война, потому что мы же все надеялись, что действительно с окончанием войны мы все будем жить лучше, все будет, так сказать… Процветание будет, какое-то наступит, и стипендии должны повыситься, и, так сказать… ну этого сильно не произошло, у нас только на последних курсах, вот я в 47-ом году, я говорю, еще в 47-ом карточная система вовсю была, я вот этот ВГП и УДП-то получала как раз на пятом курсе, на последнем. Дипломникам только давали. А тут садили… просто было открытое место.

Тут кустарники в основном были. По бульвару был кустарник, кустарник рос. А вот недалеко от первого корпуса был… была решетка такая… решетки стояли, и там организовывался… танцы организовывали. Музыка играла, и мы ходили на эти танцы. Ну изредка, конечно, видимо. Часто мы как-то ни… мы… мы… мы во время учебы как-то, знаете, сильно мы не увлекались этим, да и некогда было. И надо было добывать себе и пищу, и знания.

– *То есть праздник вы не сильно отмечали, да?*

– Не очень, не очень сильно отмечали. Вот я и говорю, вот в 46-ом году мы начали- таки устраивать встречи. И то никаких у нас украшений не было, угощений тем более. Мы эти вечера проводили только танцы, рассказы, кто-то что-то воспоминаниями выступал. А чтобы эти застолья какие-то были – ничего подобного. Этого не было никогда. Вот мы на танцах с ним и познакомились, хотя он не очень-то любил танцевать и поэтому всегда со своими друзьями меня отправлял. А пошел, в этот вечер пошел меня провожать, а я договорилась, что я в этот вечер приду к старшей сестре, она жила на Декабрьских событий. И вот мы, значит, это… э… вечер был хороший, теплый, причем еще дождик пошел, и чуть ли мы не брели буквально по этому дождю. И вот в этот вечер мы с ним вот познакомились тогда. В 46-ом году на первомайском вечере. Ну первомайские праздники отмечались всегда. Но никогда застольев вот этих, студенческих, как сейчас вот мы встречаемся: вот 90-летие отмечали университета, 90-летие факультета отмечали – мы же все равно застолье обязательно организуем. Такого не было.

– *Не было?*

– Нет! Мы встречали новый год очень скромно. В общежитии мы как-то купили, по-моему, на шесть человек, мы пол-литра водки что ли купили, так у нас эта водка оставалась чуть не на весь год потом. Мы ни… ни… ну никто вот из нас чтобы курил, чтобы пил – такого не было никогда. Я не помню вот в своей жизни. И потом вот я когда, мы вот поженились, отмечали свадьбу, и то… колец у нас не было – не на что было купить. Даже… я удивляюсь даже, как они сэкономили на том, чтобы купить мне на платье белый материал. Я-то, я-то бесприданница, у меня ничего с соб… действительно вот этого чемодана, кроме этого чемодана, в который все мое достояние, все мои вещи выкладывались, не было ничего, а я уже два года проработала. Мы только в 49-ом году поженились с ним. Я в 47-ом закончила… это мы три года с ним вот так дружили, пока он учился. Он считал, что он пока не закончит… что ж на материнскую только эту… ну подрабатывал он уже, конечно.

Тоже вот… тоже ездил в экспедиции… в геологическую по Лене ездил в 46-ом году. Я в эту экспедицию – он в геологическую уехал, в экспедицию. Ну, в общем, вот так вот… все в трудах, все было в трудах. А я распределена была в Иргиредмет, я попала. Был тут у нас… тогда у нас преподавали из Иргиредмета, это был научный институт Иркутский цветных металлов, научно-исследовательский институт. И… э… у нас преподавали… Яков Давыдыч Райхбаум… по физике. Он спектральным самым анализом занимался. Вот нынче здесь проводилась конференция институтом геохимии – 150 лет появления спектрального анализа, как возник спектральный анализ в исследовании всяких разных элементов: химических, в том числе и много химических элементов было открыто, благодаря спектральному анализу и нашими, и заграничными там учеными. Вот я в 47-ом году попала как раз вот сюда. У меня… дипломную работу я у ми… э… у Погодаева заканчивала. А Арсений Степанович у нас рентген вел, Яков Давыдыч спектральный анализ, нас знакомили… И после распределения мы две… двое окончивших из нашего факультета попали в Иргиредмет: Костюкова Елена Семеновна и я. Сюда. Я еще тогда была Емельянова, по фамилии отца, Емельянова Нина Павловна, а потом, с 49-го года, я стала Васильевой, поменяла фамилию. Вот. А в 50-ом первая дочь у нас родилась. В 49-ом году он по окончании пришел в другую лабораторию, но тоже распределился в Иргиредмет. Распределили его, потому что он уже работал, будучи студентом, лаборантом работал у Арсения Степаныча в рентгеновской лаборатории там же. И вот когда мы с ним поженились, а я еще в общежитии жила, дали нам одну комнатку небольшую, так же вот одна кроватка, вот вторая кроватка стояла, и столик стоял у окна, и мы две выпускницы жили в этой комнатке. Еще в этом доме, 46, на 5-ой Армии жили еще две семьи. Мы, две студентки, и еще две семьи: одна семья занимала одну комнату, с ребенком они жили вдвоем, мать с отцом и с р… и бабушка у них была, четыре человека. И такую же маленькую комнату занимала химич… она в лаборатории химии работала, она с братом жила. Вот мы так три, фактически вот эти комнаты были, каждая… совершенно разные люди были и одна общая кухня. Вот. А когда я уже… мы поженились с ним, я отсюда уехала – другую сюда студентку подселили вместо меня. Сейчас вот мы с ней еще знакомы. Она в Иргиредмете потом так и… геолог она была, она так в Иргиредмете и работала, всю жизнь проработала, в минералогической лаборатории, хотя она сама геолог, минералогией занималась. Ну вот. В общем, у меня связи остались такие дальние, очень мало, потому… однокурс-

ников у меня уже никого нет, всех я проводила: кто уехал после этого, я уже больше не встречала никого. А самая главная моя подружка была вот эта… физик она была, буряточка. Мы с ней долго очень дружили, с Агриппиной Савишной Самбуевой. Но пришлось тоже проводить ее, и все…

– Ну а Вам не хотелось уехать из города? Из Иркутска именно куда-нибудь.

– А вот, вы знаете, когда Женя кончал, ему в Подольск давали один раз направление. Ну когда знакомились с его, видимо, делами, и ему почему-то туда направление не дали… ну он же тоже был сыном врага народа. Тогда считалось: это сын врага народа. В 53-ем году, после смерти Сталина… Вот в 56-ом году мать его добилась реабилитации полной. Тогда начали реабилитировать в первую очередь тех, кто пострадал в 38-ом году. В 38-ом же году очень много было расстреляно людей, сразу расстреливали. И здесь вот у нас на… памятник моему… мемориальную доску… на… в Пивоварихе там вот есть мемориал. Если вы никогда не были, то можете как-нибудь съездить туда. Съездить вам можно в наши дни: нас два раза в год туда возят, вот детей пострадавших. Мы объединены сейчас при музее города Иркутска. Э… там сейчас директором музея города Иркутска Ирина Ивановна Черновая. Она кончала наш университет, историк она по на… по специальности. Вот вы не знакомы с этим сейчас. Это было на… э… Чайковского, 5, он начинал действовать, этот… э… музей.

– А, нет, я была где-то на набережной. Там, да?

– Нет, на набережной нет этого музея. На набережной музей краеведческий.

– Ну да…

– На бульваре краеведческий музей. Рядом с фундочкой, с научной библиотекой университета. Напротив. И наш второй корпус тут. Вот. А наш первый корпус на Гагарина, 20. Там физмат сейчас – математический факультет.

– Вот у меня мама там и училась.

– Да, вычислительный центр там… остались… два факультета и вычислительный центр там. И институт теперь математики еще там, экономики и… математики и экономики, помоему, теперь называется. Он при математическом факультете выделился в институт, так же, как юристы: выделился юридический факультет, и юридический институт теперь еще есть. И тоже он на бульвар Гагарина вот есть, там, где у нас был хозяйственный… э… хозяйственный отдел в основном, а там теперь еще и эти, юристы, там тоже занимают. Так что вы по бульвару

вот прогуляетесь если, я-то каждый год… день почти гуляю по бульвару. Этим самым я поддерживаю себя, свое здоровье. И мы даже выходим очень часто туда на этот… надо мне вот сейчас поставить чайник, попью чаю с вами. Ну и что… ну вот так я вот… прожила я так. Репетиторством занималась, немножко подрабатывала, потом стали какие-то деньги подплачивать, да. Потом я… э… когда распределилась уже после окончания я стала получать первый… первый год… лаборантом меня назначили – восемьдесят пять рублей первая зарплата была. Представьте сейчас восемьдесят пять рублей себе. Что вы можете купить на восемьдесят пять? Вы даже полкилограмма творогу и литр молока не можете купить на эти восемьдесят пять рублей!

– *Так-то да… У нас даже стипендия больше.*

– Вот. Но мне повезло еще что? Мне в 48-м году зато… э… меня отправили на стажировку на месяц, в Москву в Гиредмет московский – институт редких металлов. Ну они всегда курировали, или даже видимо открытие нашего этого института было санкционировано. Ну вот видите, в этом… в этом взаимоотношении война способствовала переселению очень многих институтов и открытию дополнительных промышленных учреждений, заводов… э… после войны. Потому что боялись, что фашисты много… какую-то площадь там… эвакуировали целые заводы оттуда! Вот так возник Ангарск, так возник, скажем, вот даже вот этот… эти наши многие предприятия. Потому что они были эвакуированы оттуда. И старались в Сибирь, подальше от границы… вражеской, так сказать, границы подальше выселить, чтобы сохранить. А вот начало 90-х годов вдруг все вот это вот, раз упадок такой наступил. Вместо того чтобы восстанавливать их, сохранять рабочие места, у нас почему-то вот в ельцинское время, вот это вот произошло и привело нас к экономическому кризису.

Интервью
с Лидией Пантелеймоновной Поляничко
(1925 год рождения)

– Все, пошли. Поехали.

– Ну, родилась я в селе Бельск Черемховского района Иркутской области в двадцать пятом году.

– Так. Село красивое, да?

– Очень красивое село, расположенное на берегу реки Белой. Эээ… ну, дом наш прямо был на берегу реки напротив нашей протоки, потому что остров был… большой остров, такой лесной массив, огромные там тополя, и раньше там был завод, который пивоваренный завод. Ходил паром через реку на этот остров. Вот развалины этого сооружения, где был завод, еще до сих пор там стоят, каменные эти стоят постройки.

– Так. Вы там играли, да?

– Мы не играли, мы плавали. В праздники на этот остров, обычно Троица когда, люди туда на пикник отправлялись на лодках и там устраивали гуляния, в общем, ну и угощения там и прочее. Река Белая очень быстрая, глубокая. И наша протока вот такая была. Ну, как наша протока. Это с нашей стороны, мы перед островом прямо жили, почти в начале острова, а основная масса реки за островом там текла. Ну, детство было у нас… было прекрасное, замечательное. Купались. Все мы были хорошими пловцами. Прекрасно управлялись с лодкой.

– Ну, на речке, на берегу реки.

– Да, я, например, на шесте могла взять по течению, в общем толкать эту лодку. До бесконечности. Вот. Потом, значит, это…

– Какие воспоминания сохранились, так. Ну, как ваши родители?

– Как я в Иркутск попала? Ну, я училась в школе. У нас была семилетка тогда. 30-е годы. Вот была семилетка. Потом началась война. Потом я училась в Мишелевке уже после этой войны. Это… Ну, когда началась война… Всех их, конечно, мужчин забрали в армию. А остались женщины, старики и дети. В нашей школе много детей училось с заимок, окружающих наш Бельск. И эти школьники, они отправились в свои села, вот. В деревне и детей-то, в общем, осталось не так много. Было два колхоза, огромные колхозы. У них стада коров были, ну, огромные стада коров, нужно было сено, мужчин нет, вот. Нас детей, которым было по четырнадцать, по пятнадцать лет, направили на сенокос, на заготовку сена, вот. Ну, вот это было не сложно, в общем.

– Вы привычные к деревенскому труду, конечно. Для вас это было развлечением.

– Да, собственно говоря. Ну, это ново для нас, конечно, было. Ну, научились. Всему научились. Потом… и вот нас шесть человек детей, собственно говоря, мы там… район Большой Белой, потому что две реки сливались в одну – Бельск, они сливались… Большая Белая и Малая Белая, они сливались в одну, и вот тот район Большой Белой… Огромные там поля, сенокосные угодья, вот. И мы.. руководил нами старый-старый дедушка. К сожалению, я его забыла как фамилия, по-моему, Подрезов дедушка. Очень старый. И мы под его руководством косили сено, сгребали и потом делали стога. И вся эта площадь, огромная площадь, этой… Так у нас называлась Большая Белая. Все было заставлено стогами сена, накошенное нашими руками.

– Помогали вот так вот.

– Потом мы жали хлеба, машин никаких сельскохозяйственных в ту пору не было. Вручную, серпом жали хлеб.

– Да, тяжелое детство было.

– Потом убирали картофель, это все колхозное, все огромные поля, вот. Потом, когда я перешла в мишелевскую школу и уже должна была пойти в 9-й класс, нас с подружкой направили на станцию Белую, ну, на лесосплав, мы там, в общем… Ну, бревна вот по реке плывут и они в Белой в основном, в Белой там их, значит, останавливают и.. Ну, на какие нужды там… это было в мирное время. А тут война, это были нужды для фронта. И... Ну это... Вот мы там работали. Две женщины и мы с подружкой. Разрушали заломы. Заломы – это такие кучи бревен, которые плывут и, в общем, образуют огромную гору, кучу бревен, вот. В сентябре месяце и, в общем, в основном это, конечно, женщины разрушали, боялись, что эти бревна не поубивали нас. А мы их выкатывали на берег. В воде, целый день в воде, с утра до вечера. Это в сентябре, когда мы уже не купались обычно в реке, вода холодная, вот. Целый день выкатываем на берег, на шесты, потом поднимаем это бревно и несем на косогор к веточке железной дороги. Это. И еще два старика, мужчин, старые работали, но они где-то на островах там работали.

– Лидия Пантелеймоновна, это все с этим, ладно?

– Потом я закончила школу мишелевскую, вот, и поехала поступать в институт. Отец у нас в это время жил в Иркутске.

– Это год 44-й?

– Это 44-й год. Ну, у него была там маленькая такая комнатка.

– А в Иркутске он почему?

– А в Иркутске почему? Потому что он по годам в действующую армию уже был негоден, и его взяли как будто в трудармию. В трудармию – и он работал там. Ну, там выделывали кожи, овчину, вот. И вот он работал здесь. Напротив это… «Шубник» называлась артель. Артель или как это там называлась? «Шубник». Он там работал в «Шубнике», папка. Это на берегу реки, за церковью. Вот туда. В институт… вот оттуда я ходила в институт пешком, потому что машин никаких не было. С Марата, вот. Ходила в институт пешком.

– *В мединститут, вы поступили в мединститут?*

– Да, я поступила в мединститут. В 45-м кончилась война. Конечно, все ликовали, все, я не знаю, выражали… как это… ну, все поздравляли друг друга, обнимали, целовали. Вот это наш двор, а там все уже у нас были знакомые.

– *А где во дворе? В каком дворе? А, у отца, вы жили у отца?*

– Да, я у папки, конечно, я два года жила у папки и ходила в институт вот оттуда. Вот, где это сейчас памятник Колчаку-то, за этой церковью, туда дальше. Ну, училась в институте.

– *Какое было ваше студенчество?*

– Замечательное. Я занималась спортом, я вообще увлечена была спортом с детства, с раннего детства, еще в школе я занималась акробатикой. Маленькой в 1-м классе, я совсем маленькая, а там старшие были, старшие школьники мне, значит, в акробатический кружок. Тогда просто это было так, стихийно, что называется. И они, потому что я была такая видимо… мостики делала, стойки делала, и они меня взяли в это… Ну, когда они выступали, взяли в свой кружок. И вот… и я… поднимут меня наверх… «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!»

– *Это вы кричали, да? Ну, вы же легенькая, маленькая.*

– Это я кричала. Я маленькая, беленькая, белобрысенькая. Я себя считала ужасно страшной. Я ненавидела свои белые волосы.

– *Натуральная блондинка* [смех].

– Потому что тогда детей стригли, и вот у кого черная… Это волосы черные, головки такие симпатичные. А я… как новый русский. Я ужасно себя ненавидела.

– *Как отмечали праздники молодежь? Новый год?*

– Да я в школе... Ну, всегда я участвовала в каких-то кружках, это удавалось мне. Танцевальные разные. Всегда мы или в клубе, или в школе. Вот шла война, а у нас все время были какие-то вечера. Вот даже в нашей бельской школе, вот. Литературный. Потом просто вечера. Мы танцевали вместе с учителями, мы ходили, зна-

чит, взявшись за руки по кругу. А внутри круга кто-то или с акробатикой выступал, или плясал, или пел.

– *Или елка.*

– Елка – это обязательно. В каждом доме мы готовились к елке. Игрушек не было. Мы делали игрушки сами. Вот сидим, клеим, нам помогает мама, и папка помогает, клеим игрушки. Ну, в общем это... А в Мишелевке так там вообще. Там у нас уже такой акробатический кружок был, такой. А в институте, в институте я… Ну, видимо, преподаватель увидел. Преподаватель физкультурный увидел, что я физкультурница бываемая, и пригласил меня в секцию гимнастов. И я защищала честь института, и всегда я была победительницей. Мне даже, ну, материально, конечно, мне приходилось трудно, годы были тяжелые, вот. Преподаватель мой видел, что, ну, материально я нуждаюсь, так мне дали работу тренера мужской спортшколы. Это рабочая молодежь. И вот я была тренером мужской школы. И вот хоть и война была, а очень хорошо платили там за час работы, вот. А когда были соревнования, такие… ну, соревнования по всем видам спота, но у нас только был… Гимнасты, гимнасты все это делали. Допустим, по легкой атлетике бегут гимнасты, вот. По стрельбе соревнования – гимнасты. Я по стрельбе, когда с роду в руках не держала никакое оружие никогда, я первое место заняла. И по радио тогда это говорили, вот Лида Поляничко, значит, заняла первое место. Папка там с рабочими, он… Я пришла, а он говорит: «Лида!» А я уже и забыла… Отстрелялась и пришла. Он говорит: «Ты что первое место заняла?» А я ему: «Да ты что! Да не может быть!» Потом в институт пришла на завтра, меня девчонки все поздравляют: «Лидка, ой какая ты молодец! Надо же!» А потом я вот всю жизнь, я прекрасно стреляла, вот, это…

– *Так, Лидия Пантелеймоновна, значит…*

– Ну вот, я была гимнасткой, я ездила на соревнования в Москву, в Ленинград. В деканате меня всегда отпускали, потому что я училась хорошо, всегда я училась хорошо. У меня никогда не было там нелюбимых учителей или… Я всех учителей обожала, и они меня тоже.

– *Лидия Пантелеймоновна, а вот когда вы попали в Иркутск, не помните свои первые впечатления о городе?*

– Первые впечатления… ну я еще раньше была, когда я училась в школе, у меня тут тетя моя, мамина сестра, она жила в Иркутске. В войну эту, живую, вот она жила вот в этом доме… Карла Либкнехта и Тимирязева угол, вот этот дом, там сейчас аптека, две

аптечки на углу. Вот в этом доме. Вот у меня… всегда я еду мимо этого дома, когда… это у меня было знакомое место.

– *Так. Как украшали тогда на праздники сквер Кирова, главные улицы, не помните?*

– Ну, тогда же Иркутск совсем не такой был.

– *А какой?*

– Это сейчас вот что-то суматоха какая-то, вот. Люди… Такие толпы людей вот теперь, идут, как будто они все никто, нигде не работают. Это у меня такое вот…

– *Суета, много, многолюдно.*

– А машин… Это вообще ужасно. А тогда было тихо, спокойно, машин вообще не было никаких. Во-первых, война вот. Все какие там машины, все это было… Здесь, в Иркутске, ничего не было. Только на лошадях вот зимой с санями… на лошадях.

– *Много лошадей было?*

– Нет, очень-очень мало.

– *И машин мало, и лошадей мало.*

– Тихо. Спокойно. Везде ходили пешком. Вот. Ну самое любимое место в те годы – это кафедра, там, где я занималась гимнастикой, на Урицкого. Вот там вот.. Если с Карла Маркса идти по Урицкого, то по левой стороне такие огромные на втором этаже венецианские окна.

– *А это какое современное-то что там?*

– Современное… Магазин вот, где вот проход на Фурье. Вот проход на Фурье. Вот это здание подальше, вот это у нас был там гимнастический зал, на втором этаже. Это было после института, после занятий в институте.

– *Вы бежали туда?*

– Я иду в этот зал, там я занимаюсь, тренируюсь, а потом я вечером с 9 до 11 я занимаюсь с мужчинами в спортшколе.

– *Это потом вы готовили к Дню Победы-то? С этой школой? Парад-то?*

– Ну, школа… Школа… Ну, это война уже закончилась, это 47-й год, я учусь на 2-м курсе и… Ну тогда вот на спорт… Война, ведь была война. Вот в школе я училась… эвакуированные учителя из Ленинграда. В общем, замечательные, конечно, учителя. А спорт, пожалуйста. Мы спортом занимались, всякие кружки были. У нас даже вот было в Мишелевке кино «Чапаев», там баянист был, так вот он эвакуированный был в Мишелевку. И вот он нам игра… аккомпанировал нам на баяне. Ну, вот и институт, вот. На соревнования в Ленинград я в апреле месяце... поехала на соревнования в Ленинград. Обычно перед соревнованиями… Питалась я, конечно,

плохо, потом уже отец… Вот первые годы был отец, я жила у него, там было получше. А мама чем мне могла помочь? Она одна дома. Ей… Фая была грудная еще тогда… родилась в 40-м году. 35 грамм хлеба маме давали. Представьте? Ну, нам по 600 грамм. И мне перед соревнования давали… наше общество в меде… давали мне талоны в ресторан, подкармливали меня. Ну, а когда мы ехали на соревнования, у нас там были все продукты.

– *Пайки вам давали?*

– Да, с собой на дорогу давали. Там пайки, и там, ну, что-то, командировочные какие, с нами же кто-то ехал. Ну, наш руководитель какой-нибудь.

– *Так, Лидия Пантелеймонова, а как строился Иркутск, помните?*

– Ну, как он… в те годы военные он не строился.

– *А потом?*

– Строек тогда не было, это уже вот на четвертом, на пятом курсе я училась, вот. Я даже… наша группа, вторая группа у нас была… Вот отрезок пути от Ленина и до Степана Разина, вот этот участок мы прокладывали, шпалы там укладывали, все. Этот участок был нашей группы. Ну, по Горького, по Горького.

– *А как? Освобождали от занятий или после?*

– Ну, я уже сейчас не помню, как. Только помню, что мы там работали. Я, когда сейчас еду на трамвае, этот мой путь! я делала!

– *А что вы думаете о деревянных домах в центре города*?

– О деревянных… Ну, красивые дома, я, конечно… Вот сейчас вот строятся дома вот современные, деревянные дома, вот туда к Тимирязева.

– *К Тимирязева, да.*

– Ну, вы знаете там, ну, такие деревянные дома, где музей, музей там вот прямо по Энгельса и по Тимирязева, и тут…

– *Ну, в этом вы отличие, да, считаете?*

– Это вот красивые дома, мне нравится. А что старое-старое, развалившиеся дома, ну, хоть и считают их там, что это какие-то памятники вот, они просто не украшают, портят облик, да, портят облик.

– *А к переименованию улиц как вы относитесь?*

– Переименованию улиц… Ну, я как-то в это не вникала, но…

– *Вот переименовали что у нас? Пискунова, 5-й Армии. А к появлению новых?*

– 5-я Советская.

– *Да, 5-я Советская, ага.*

– 5-я Советская. Ну, по-моему, так в душе-то я отрицательно к этому отношусь, вот. Ну, может, и я старомодная какая, что привыкла вот, что это…

– *Ну да.*

– У меня, допустим, улица там 3-я Советская, там 4-я Советская, 5-я Советская… меня это вполне устраивало, вот. Видишь, сейчас-то они иначе и… Ну, кто это делают, наверное, знают, что они делают.

– *А новые памятники, например, Колчаку как вы относитесь?*

– Ну, вот лично я. Ну, нас ведь воспитывали, собственно говоря, не так, как сейчас вот. Что вот это все было связано с революцией, устройством, так сказать, советской власти, да? Что… как относиться к ним, что, допустим, Колчак, что он очень много погубил рабоче-крестьянской молодежи. Вот, в общем, был жестоким. Это там так мы…

– *Учили вас так, да?*

– Это так нас учили вот. И я, собственно говоря, в начале, когда еще собирались асфальтировать памятник, я отрицательно отношусь к этому. Ну, сейчас другие люди, все иначе вот, иначе воспитана молодежь, все, вот …

– *Другой взгляд на мир.*

– Другой взгляд на… Вот, может, так это и надо, вот…

– *Может так справедливо, да?*

– Да.

– *Так. Можете ли вы сравнить…*

– Ну, конечно, что это у церкви, мне это не нравится. Вроде, не то место, куда нужно было его поставить.

– *А помните ли, как строили ГЭС*?

– Ну, помню, а как же не помнить? Конечно, помню. Вот. Ну, так, собственно говоря, я ведь в этом участия никакого не принимала. Так строят, строят, строят, строят. Вот. И потом, пожалуйста… открытие, электричество. Конечно, это было прекрасно, вот.

– *А какие вот конкретно воспоминания? Как электричества не было и вдруг пошло*?

– Ну, почему ж? Электричество было. А как же? Электричество было, ну, как-то его стало больше, что ли… это же в хозяйстве, допустим, в хозяйстве Иркутской области, вот.

– *Ощутимо было, да?..*

– Ну, вот потом это Братская ГЭС. В Братск я даже была в командировках, когда уже работала я. Работа… Закончила институт, я была врач, меня направили работать в район Усть-Удинский хирургом, вот. Я работала там одна хирургом. Делала операции, вот. Одна. Вот вспоминала недавно, а вот сейчас это центр-то для детей строится, что там, говорят, что там хирургическое уже отделение.

– *Больница детская?*

– Да.

– *А вы там работали?*

– Нет. Я там не работала. Так я думаю… Боже, какое чудо. Вот родился, я в районе работала, родился ребеночек без заднего прохода. Он только родился. Кричит меня ночью. Вызвали, что хотели ему клизмочку поставить, а у него нет заднего прохода, вот. И что мне? Операцию. Обычно, чаще всего так бывает, что пройдешь промежность, клетчатку там пройдешь и откроешь, и тут кишочка вот. А тут я прошла, никакой кишочки. Вот. Какая-то петля там. Кишки. Какая, что? Неизвестно. Ребеночек только родился… Я ему чем могла помочь? Я ему делала лапаротомию. Под наркозом. Масочный эфирный наркоз – это ужасно. Вот. Потом это все не так ведь быстро, вот. Лапаротомию. Я ему ищу кишку, ну, исходящую кишку, вроде, нашла и делаю анус-претро-натуралис. В подвздошную, левую подвздошную область, вот. Это же разве не ужасно, а? Какое мое состояние? Что я могу, вот новорожденного просто зарезать, так сказать. Но я его не зарезала. Он поправился. Все. Вот. Он жил три года. Ему нужно было поехать в Иркутск уже на операцию, когда ему выведут кишочку в задний проход. У меня просто не было таких условий-то, чтоб я ему могла сделать. А сейчас-то, сейчас такие операционные! Такое освещение! А тут даже электричество не давали, только вот если ночью. Вообще никому не давали электричество. Но у нас уже, видимо, там была договоренность, что когда хирурги… хирург работает, то дают свет. Сейчас даже операции ночью. Вот. Это… Им нужно было ехать в Иркутск. Я все время об этом… наблюдала этого мальчика. Конечно, у него тут… бесконечные все. Семья очень большая, много детей, уход, конечно, отвратительный. Потом этот мальчик заболел простудным заболеванием, и он умер. Все, конечно, были довольны, что он умер, вот. Потом это… Никуда его… А с транспортом? Сейчас, пожалуйста, в Усть-Уду машины ходят, автобусы ходят вот, а тогда туда можно только самолетом долететь. Они никак не могли поехать. Вообще такое материальное положение, такая семья бедная, никуда они поехать, ни в какой Иркутск, конечно, не могли. Вот так.

– *Да.*

– Мне жаль было этого мальчика, что я принимала в этом вот участие.

– *Конечно, но они не поняли.*

– В общем, очень много и сложных операций. Вот одному мальчику… Ну, то, что эти лапаротомии разные, там грыжи, аппендициты. Это я вообще за операции не считала. Порой бывало и аппендицит где-нибудь под печенью или вообще сложности с ап-

пендицитом иногда. В той области, где ты оперируешь, там не окажется этой слепой кишки с отростком, отросток где-нибудь в другом месте. Всякое бывало. Это… Ну, вот там я работала. Потом я познакомилась там летом. На точку летчики обычно… Ну, они наблюдают тайгу. Кругом тайга там, конечно, вот пожары и прочее. Ну а так, допустим, вот нужно мне кровь больному послеоперационному, когда большая потеря крови, это… в санавиацию по рации, по рации заказывали, тогда же не было телефонов, по рации. Всегда привозили кровь. Всегда. Безотказно. Сколько я прошу, столько привозили крови. Сама все это я делала, переливала я, короче. Операции разные. Одному мальчику… Недавно я встретила женщину, вот видела, вот живет вот в том доме женщина. Она поздоровалась, так вот поклонно со мной поздоровалась: «Здравствуйте, Лидия Пантелеймоновна!» Я… ну, я считаю, что здесь все знакомые, вот. Все меня знают, вот, и я думаю, что все тут наши портовские работники. Я тоже поздоровалась с ней. Но я ее… в общем-то, не знакома с ней, вот. Она говорит: «Вы…» Я говорю: «Как вы поживаете?» Она говорит: «Лидия Пантелеймоновна, вы ведь меня не знаете. Вы, – говорит, – помните, вот вы делали операцию в Усть-Уде мальчику, Константинову». Четырнадцать или пятнадцать лет мальчику. Он попал в какую-то сельхозмашину, тогда машин-то не было, я не знаю, какая там машина была, что ему выкрутило руку, оторвало руку, правую причем. Правую руку в плечевом суставе, рука висит только на некоторых сухожилиях, и хорошо, что магистральные сосуды еще были целы, вот. Я ему делала ювелирную операцию пять часов. Наркоз и прочее. И под местное, и наркоз, и по-всякому обезболивала, вот. И я ему спасла руку, и я всегда хотела узнать, но он не из самой Усть-Уды, а из какой-то деревни, там его привезли, вот. Это очень сложный сустав, это, пожалуй, самый сложный сустав, потому что тут много этих нервных сумок слизистых, завороток и прочее. Я ему именно ювелирную, я прекрасно знала анатомию. Анатомию я, ну, как иначе-то? Хирургом работать и не знать анатомию.

– *Конечно, вы же хорошо учились.*

– Вот эти глоточные абсцессы, это где они там, можно разный нерв повредить и все, всякие разрезы там. Ой, чего только я не делала, что мне не приходилось делать.

– *А потом вы вернулись в Иркутск, после трех лет вернулись в Иркутск, да?*

– Теперь… Потом я вышла замуж. Вот познакомилась с Колей, со своим мужем, потом мы поженились, и я приехала в Иркутск, и работала вот в этой детской больнице, вот на Первой.

– *Матренинской.*

– Да. Ну, вот там няня работала, Устинья Ивановна. И вот мы работали вдвоем с Устиньей Ивановной.

– *Долго вы?*

– И тут, потом у меня ребеночек появился. Я тут долго работала, лет пять, наверное, работала. Потом я… Как я в аэропорт-то попала? А! Там должны были открыть хирургическое отделение, в аэропорту. Вот. И я… а им нужен был врач-хирург в лабораторию авиационной медицины. Пока я вот там работаю, а потом я буду хирургом работать, но я им там понравилась в этой авиационной медицине, и они приняли совсем другого хирурга. Когда это открылось, они приняли другого хирурга. Для меня это было просто ударом! И я тут потеряла место и, в общем, там хирургом. Я же уже привыкла! Меня в факультетскую клинику, между прочим, приглашали, вот.

– *А почему вы не пошли?*

– А я что? Жилья у нас не было с Колей. По частным квартирам. Я у них стала… [нрзб] был тогда, к вам врачом.

– *Факультетском?*

– Факультетский. Я… Ну, он меня вежливо, хорошо. В облздраве ко мне очень хорошо относились. Всегда, что нужно было мне, я в районе работала, все они мне. Там [нрзб]. Все дефицит тогда было, антибиотики только появились тогда, вот. Мне всегда это все облздрав давал. Вот… это… Ну вот, и, в общем, хирургическая деятельность моя, я стала квартиру требовать факультетскую-то, просить, что мне вот квартиру, нужно квартиру. А в то-то время квартиру. Господи! И так мы по частным квартирам, и Лешенька у меня родился. Все мы жили по частным квартирам. Ребенка своего я не знала куда… ни ясель, ничего, никуда не попадешь! Коля летал, это… И ребеночек, по-всякому я его р**о**стила… Ну, вот и стала я там работать, вот.

– *Всю жизнь вы там проработали?*

– И так я уже там привыкла, мне понравилось, вот. Стала работать. Там тоже работа своеобразная. Тут тоже нужно было наблюдать за здоровьем летчиков, я со своей стороны, хирургической, проверяла их в условиях полета, вот. Когда катастрофы вот, прыгала с парашютом даже… в тайгу.

– *На спасение?*

– На спасение. С самолета на лес прыгала с парашютом, у меня… тогда отличника флота, мне… Наградили меня знаком отличия аэрофлота. Ну так работала! И ездила очень много. Вот, допустим, летчика нужно в условиях полета проверить. Ну, или коман-

дир корабля, или второй пилот, чаще всего это командир корабля. Летала в Лениноводск, в Ташкент, в Москву. Это часто, тут специализация, то какие-то совещания. В Сасово, в Бугуруслан, летные училища. Вот здесь набирают, допустим, летное училище, там он еще раз проходит, в училище еще раз проходит комиссию, там уже московская комиссия. И там приглашают, нас приглашают. И вот меня из нашего управления, меня приглашали, глазного врача, вот мы летали в Сасово, в Бугуруслан, вот там проводили комиссию.

– *И до пенсии вы работали здесь, да?*

– Я, я не до пенсии работала. Когда произошла катастрофа с моим сыном, он уже был летчик. Он... Вот я ездила в Богоруслан, а Лешенька мой был там в Богоруслане, учился. Вот я все время туда ездила, каждый год.

– *На комиссию.*

– На комиссию я один раз туда ездила, там у меня уже знакомые.

– *А! К Лешеньке ездили.*

– Да, и квартира, и там отпускали его, чтоб он побыл со мной, вот. Закончил он училище, поступил в институт сразу, в авиационный институт поступил, в киевский. Здесь у нас филиал института. Он поступил. И вот случилась катастрофа, он разбился. Столкнулись два самолета, их сбил огромный самолет.

– *Прямо в аэропорту.*

– Прямо в аэропорту, при взлете. Эти на высоте 300 метров, тем нужно было пройти, не касаясь этой высоты. Взлетали… И эти взлетели, и те взлетели на тренировку. И они сбились, они нарушили правила полета. Ну, все это, конечно… И после этого все. У меня острая гипертония. Я сама не знала. Вот на работе хожу это: «Ой, голова болит. Ой, голова болит!» Тут терапевт говорит: «Давай-ка я тебе давление померю! Ты что постоянно за голову держишься!» А у меня 240 давление. Меня на носилки и в стационар, вот. И так все время. Мы в другом здании работали, поликлиника и стационар в одном здании, а мы напротив в здании работали. Это наша главная, эта… Тогда это была лаборатория авиационной медицины. Потом она стала просто ЛАМ, вот. И подчинялись мы в основном этим. И, когда мой сын погиб, у меня сразу острая, а потом у меня начался вот партиционный синдром, партицанизм, от того что гипертония там уже… Через годы… И мне дали инвалидность. И я ушла с работы по инвалидности… вот вторая группа инвалидности. Так я до сих пор. Ну, каждый день бегала на кладбище. Лет двадцать я каждый день после работы ездила на кладбище. И, глядя на меня, там другие женщины тоже так вот. Аксаментовы, у нее двое, дочь покойница была и сын, летчик. И она тоже…

– *Страшно, неизбывное горе, конечно.*

– Это никогда не забудется, до самой смерти. Я все время разговариваю с ним… вот эта фотография самая такая, что он вроде... немного времени…

– Потом Коля заболел, после гибели Лени, конечно, Коля стал болеть. Но он все еще летал, он долго летал… это. Коля был хороший летчик, потом он на пенсию пошел и все время болел, астма у него. И скоропостижно скончался в 95 году. Ну, теперь я одна, четырнадцатый год совсем одна доживаю свою жизнь…

– *Лидия Пантелейнмоновна, а было желание уехать из города когда-нибудь?*

– Никогда. Никогда. Вот Коле предлагали… Днепропетровск, в общем, какой-то на юге там город, по-моему, Днепропетровск. Вот он меня там умолял, что давай это, переедем туда. Нет, я очень любила свою Сибирь, свой Иркутск. Я его люблю Иркутск. Понимаешь? Вот я во Владивосток приеду там… Я… «Любимый Иркутск, любимый Иркутск». Все время эту песню пою, я вроде тоскую о своем городе. Ну, а сейчас-то город какой у нас стал! Такое строительство! Столько нового понастроили! Такие дома! Девятиэтажки! Тогда не строили девятиэтажки. В основном четырехэтажные были, пятиэтажные, вот. Вот, допустим, вот этот сейчас выстроили вот.

– *Девятиэтажный?*

– На 1-й Советской. Ну, он очень даже.

– *Да-да, Загоскина.*

– Ага. Тогда бы это не разрешили ни в коем случае! Самолеты тут летают, садятся и все. Аэропорт-то что? В черте города, можно сказать. Вот. Ни за что! Как им позволили это сделать, я даже вообще не знаю. Ну, я уже смотрю на это с авиационной точки зрения, потому что в основном я, конечно, много лет проработала здесь прямо.

– *В авиации.*

– Я всегда была на какой-то общественной работе. Вот в школе, в первом классе, там я уже октябренок. Октябренок. Звездочка у меня. Потом я пионер, в пятом классе я уже пионер. И мне дали уже группу октябрят, с которыми я занималась. Хотя я, собственно говоря, тогда еще не очень понимала свои обязанности, но я им все что-то всегда рассказывала, что-то всегда читала.

– *А любимое место есть в городе, Лидия Пантелеймоновна?*

– Любимое место. Ну вот, когда я училась в институте. Любимое место мне, конечно, мой спортивный зал был. И вот берег Ангары, где улица вот Карла-Маркса выходит к Ангаре туда, упирается в этот берег. Тут был вроде парка такого, вот это такое лю-

бимое… нравилось мне это место. Всегда там музыка, ночью музыка. Вот у меня дядя жил, иногда я у них ночевала, так вот я всегда слышала их этого парка, передалось из района у меня сюда, видимо, и у меня как-то душа вроде так заболит, что сейчас я уже не могу туда пойти. А так вроде я весь… все у меня в городе, все у меня любимое. Что, где я первые годы жила, вот на Ангаре. Там соседи, они давали мне лодку, я брала у них лодку, я через Ангару плавала. Там сейчас… все там застроено, где Иркут втекает, в Ангару впадает. Там сейчас все застроено, вот. А тогда там ничего не было, там было голое место. И я вот беру лодку, плыву туда, иногда со мной другие там дети, помладше, забираются, мы там загорали в Иркуте. Иркут же теплый. Мы там купались, загорали, и я там занималась, учила. Это…

– *А какой Иркутск вот по сравнению с другими городами?*

– По сравнению с другими городами… Ну, не знаю, я его люблю хоть какой. Какой бы он ни был, я его люблю. Иркутск. А так, конечно, Владивосток, наверное, покрасивее, потому что он на сопках расположен, потом к морю.

– *Да и потом современный он.*

– Современный. Порт, морской порт, вот. Красивый город – Владивосток. А какие другие города, ну, каждый по-своему. Например, вот я в Ташкенте была, в Лениноваде была вот. Там тоже горы, это… горы. Но там совсем другой климат. У меня это тяжело.

– *А как изменился климат вы заметили?*

– Климат? Да, конечно. Вот раньше были морозы. За сорок градусов. Сорок и за сорок, и с тридцати за сорок. Это постоянно почти, всю зиму. Вот даже всегда это взрослые… «Белочка по елочке попрыгивает, белочка от холода потрескивает, белочка по елочке попрыгивает». Вот были трескучие морозы, что вот деревья как будто трещали от морозов. Вот такие были морозы. Вот. Ну а сейчас? Да что ты?! Сейчас время. Небо-то не увидишь. Экология-то какая?

– *Серая.*

– Сейчас небо-то не увидишь, звезд на небе не увидишь, вот. Вот у нас еще дача была, так я там звезды видела. А сейчас небо бесконечно закрыто какой-то мглой. Летом и то мглой все закрыто. Дымной пленкой.

– *Да, один дым.*

– Конечно, изменился, ну, теплей, конечно. Зимы совсем теплые. Как раньше говорили: «Сиротская зима». Вот. Вот, что это? Ну, что это за зима без холода?

– *Да, интересно. «Сиротская зима».*

– В феврале уже капель. Тогда этого не было.

– *Март еще был зимний месяц.*

– Ну, конечно, так он и сейчас, ночью 20–22, сейчас уже третья декада вот, ночи холодные. А днем это подтаивает от солнышка, вот. Солнышко пригревает, и притаянки. А тогда даже вот я, у меня всегда работа была связана с командировками, мы летали вот в Бодайбо, в Киренск. Это… В Нижнеудинск, Чита, Улан-Удэ – это было все наше управление. Это, это было наше управление. Сейчас они от нас отошли, так сейчас и самолетов-то нет, летчиков-то не увидишь. А тогда был огромный. Допустим, вот Киренск, Бодайбо – это все наше управление. Братск вот. Постоянно командировки… это... Вот начинаются это… Рассказать о чистоте нашего города, что самый чистый он. Это вот теперь, сейчас. Это началось еще при Тишашине, когда он тоже заботился об этом, и наши улицы еще тогда стали значительно краше. Вот зелень появилась, газоны зеленые. Я всегда вот иду по Трилиссера и… вот это… любуюсь нашей улицей, какая она у нас стала. Раньше что-то все копали все, что, что-то с водопроводом, эти машины все. А сейчас, все так чисто, и иногда бывает утром, когда особенно рано идешь. Это я в больнице лежала. И там я из больницы приходила домой. И утром рано я уходила снова в больницу. Было тихо, спокойно, мало машин, и я восхищалась нашей улицей, вот. Ну, а сейчас, сейчас вот так глянешь на Иркутск – многоэтажные дома. Вот раньше здесь вот, в нашем районе, в районе Омулевского, 23-й школы, здесь больших домов вообще не строили, и было запрещено, потому что это была зона для посадки самолетов. А теперь смотрю – Боже мой! Какие высотные дома, девятиэтажки. Вот и самолеты уже не там летают, а смотрю здесь, над нашими домами. Ну, это мои ощущения, я все-таки к авиации имею отношение, я там столько проработала, вот. Ну и вот, что, собственно говоря, город стал чище, красивее. Это… И с тем, что было раньше, конечно, не сравнишь. У нас больших домов не строили, ну, потому что это… сейсмический район такой, что землетрясения бывают. Ну, в основном опасное для нас – это землетрясение, вот. Всегда надо быть на чеку! Я все собираюсь, думаю. Вот я приготовлю сумку на всякий случай, значит, положу туда консервы, одежду и еще что-нибудь такое, что очень нужно, документы, конечно, все, все, чтоб схватить и бежать. Но это я собираюсь уже много лет, и пока что я ничего этого не сделала. Ну так, документы в одном месте лежат. Важное, самое важное – это документы. Ну, а так, как строился город… Ну, я вот в институте, когда училась, это был, наверное, 40-й, так я уже на втором курсе, 46-й год, у нас стали строить трамвай-

ную линию тогда. И мы, студенты, в этом участвовали. Вот отрезок пути от Ленина.

– *Лидия Пантелеймоновна, вы это уже рассказывали.*

– Да?

– *Да. А что-нибудь другое помните?*

– Так, а что еще. Ну, так конкретно, собственно говоря, что вот мосты строились, конечно, я обо всем этом знала, и, конечно, это не могло меня не трогать. Безусловно, что это для нас делается. Вот Южный этот мост, Ангарский строили там. Ну, этот мост был всегда, сколько я тут живу, с 44-го года, вот этот мост был всегда. А новый мост, он еще недостроенный. Ну, сведения, так сказать, знаю, вот именно мои ощущения такого, конечно, хорошего отношения к этому строительству. Конечно, все это меня, безусловно, трогало. И что город наш стал такой, меня тоже это трогает, гордость у меня. Гордость. Вот я приезжаю во Владивосток и там рассказываю о своем городе. Они бывшие, Наташа вот, племянница моя, она бывшая жительница Иркутска, вот, хотя родилась она во Владивостоке вот. Я ей все рассказываю, они давно здесь не были, и всегда пою «Любимый Иркутск, середина земли». Эту песню, всегда ее напеваю.

– *А что вы им рассказываете о городе?*

– Какой он стал! Вот рассказываю Наташе, допустим, вот областная больница наша в этом, в Юбилейном. Какая больница! Что это уже лес почти что, что это уже, ну, в лес внедрились. И такое везде строительство, что города у нас почти сливаются уже. Вот. Ну, допустим, вот Шелехов, Иркутск, Ангарск. Что Ангарск-то совсем рядом здесь. Ну, и не говоря уже о ближних там. И Мегет, и Батарейная, Второй Иркутск – это вообще уже, можно сказать, наше все, вот. Ну а самое главное, конечно, Байкал. Я на Байкале, ну, много раз бывала. Мы ездили, раньше же была у нас машина, мы ездили, даже рыбачили. Ну, как удочкой ловили, и мой муж первый раз поймал это… наверное, омуля, что ли. Он так был счастлив, но омуль этот у него как-то выскользнул из рук и обратно упрыгал в воду! Это единственная рыбка, которую он поймал в Байкале, и та уплыла. Ну а другие там, наши товарищи, друзья наши, конечно, они там ловили, они даже уху варили на берегу Байкала. И здесь… в Листвянку мы ездили довольно часто, на пик Черского поднимались. Это много раз. Ну, восхищались, конечно, своим Байкалом, когда мы ездили, я как-то решила подняться, горы довольно высокие. Я забралась туда, на гору, ой, меня охватил такой восторг! Это вот с горы Байкал, и я его вижу, кажется, чуть ли не весь, ну, за горизонтом, конечно, скрывается. Мне хотелось петь

песни, рассказывать стихи! Это действительно, это мы, которые здесь обитаем на Байкале, а если люди, которые приезжают… Да как же можно не восторгаться нашим Байкалом! Ну и так мы много ездили, когда машины была, много ездили, я сама водила машину тоже, когда ездила без Коли, там народ, дети в основном, наши соберу, и мы поедем далеко-далеко. Иногда попадали во всякие ситуации очень сложные, это я попадала, конечно. Не очень опытная я была.

– *А как улицы украшали главные, помните, украшали? Сквер Кирова?*

– Сквер Кирова? Ну, так вот перед праздниками, особенно в Новый год, иногда выходили там, наблюдали. Ну, сейчас тоже ведь украшают, ну, сейчас-то вообще там и ледяные дворцы всякие строят и прочее, вот.

– *А раньше как?*

– А раньше. Ну, так конкретно я что-то не помню, чтоб там было что-то особенное. Ну, освещение, конечно, это. Может, все это было ярче, чище, вот. Ну, вот так конкретно, я, конечно, часто я туда…

– *Не ходили?*

– А теперь уж тем более не хожу и так, конкретно я ничего не могу рассказать об этом.

– *А про демонстрации и парады помните?*

– Ммм! Демонстрации – это обязательно! Когда я была студенткой вот… ну, мы… у нас… это… спортом занималась, гимнастикой. Ну и другими видами спорта тоже. Вот мы обычно, гимнасты… грузовая машина с опущенными бортами, ковер там какой-то постеленный, брусья стоят, и вот мы проезжаем по площади и изображаем всякие выступления. Потом так, когда нас много, готовим, в частности, я готовила упражнения с булавами. Вот по площади мы идем, большой отряд спортсменов, и упражнения с булавами. Тогда на спорт обращали внимания больше. Ну, сейчас это тоже начинает немножко разворачиваться. А тогда как-то я не знаю, кажется, все были спортсменами. Ну и... так… Ну а то, что вот каждый праздник – это подъем настроения. Демонстрации. Все мы обязательно идем на демонстрацию, собираемся, ну, там уже ближе к улице Карла-Маркса, все там собираемся. Наш, все аэрофлотские в общем-то. Мой сыночек тогда был, мой муж. Они, значит, с летчиками, а я со своими, со своей медициной. Вот все довольные, все веселые, улыбаются, проходим площадь, потом собираемся каждый там своей компанией и празднуем уже дома. Ну очень весело! Вот сейчас посмотри, праздник… сейчас не слышно, чтоб где-нибудь пели, чтоб где-нибудь пели, такая тишина. Все, вот после

демонстрации да вроде и людей-то не увидишь, все куда-то… Ну, прошли, бывает, что идут люди или со стороны там смотрят, а потом куда-то рассосутся, и никого нет, и тишина, и все, и это парад. А раньше праздники, тогда так праздновали праздники. Шумно, весело, с песнями, с плясками, вот. Я, в частности, сама я была организатором всяких компаний, вот и любила и потанцевать, и поплясать, и попеть с компанией. Все мы так. А Лешенька у меня так плясал, ужасно любил праздники. Я как-то состряпала торт, большие торты, высокие стряпала. И первый раз мы гуляли в компании у моих друзей, вот. Я прихожу домой, смотрю, торт мой разрезан вот так на куски, Леша сидит и пьет чай, значит. Я говорю: «Так ты зачем его так разрезал-то, ты зачем столько много кусков наделал?» А он говорит: «А что? Ты же не хочешь дома гулять! Ты куда-то пошла, у чужих людей гуляла! А сегодня ты здесь ничего…». В общем, так сердито, его возмутило, что у нас дома не будет праздника, вот. Ну, так вот. Ну, что тебе рассказать?

– *А как Победу встречали помните?*

– У! Ну еще бы! Мой отец, он был в трудармии, он уже по годам в действующую армию не подходил, вот и он работал здесь, в Иркутск, в шубнике. Это там кожевенный завод был и еще шубник. Мы жили в маленькой комнатке, окна выходили на этот шубник, на улицу Николаева. Вот где эта церковь, вот за церковью. Тогда все это было разрушено там. Церковь даже не работала, мы ее не церковь даже, а монастырь, потому что раньше там монастырь был, вот и монастырь, монастырь, мы живем в районе монастыря. Оттуда пешком я бегала в институт, медицинский институт, потому что машин, никакого транспорта в войну не было. А тут! Это было такое ликование, все целовались, обнимались, я не знаю, это было такое веселье, ну прямо неудержимое веселье! Хотелось вот именно танцевать! Обнимались со всеми! Там у нас одна семья была, парни там были воры какие-то, в тюрьмах они сидели, так даже с ними мы обнимались и цел… Это в нашем дворе, двор огромный у нас там был, и жителей было много, вот. Ну, вот так ликование такое ликование, радость, конечно, вот. Ну это было везде так, не только у нас. Ну, это вот мои ощущения, это было что-то, вот не знаю. Как будто что-то несбыточное, как будто что-то несбыточное, потому что даже вот к войне и то привыкаешь, ко всему. Ну, потом жизнь, конечно, налаживалась так. Я вот сейчас, ну, когда трамвай-то строили наша группа вот от Ленина и до Степана Разина. Это наша группа, вторая группа мединститута. Это был наш участок, вот мы там шпалы укладывали, ну, рельсы, конечно, не мы укладывали, но вот это шпалы чистили, копали, землю бросали, в

общем, вот это все делали мы. Я участвовала в строительстве. Сейчас, когда я еду этот участок вот, вот этот участок я строила.

– *А каким был военный Иркутск, помните?*

– Военный Иркутск. В годы войны?

– *Да.*

– Тихий, притихший. Нигде не услышишь, что машины. Редко-редко когда по улице пройдет машина, вот. Ну, вот я говорю, что я вот от этой церкви, ну, еще подальше, от улицы Николаева по набережной Ангары и до института я ходила пешком. И туда и обратно, вот. Спортом занималась. На Урицкого был наш спортзал. Это гимнастический спортзал у нас. Я из института на тренировку, а потом с тренировки я иду домой. Там у меня был отец, который работал в шубнике, и мы жили в маленькой такой комнатушечке. Маленькая комнатушечка, потому что маленькая кухонька, железная печка у нас стояла. Голодовали. Все было. Все было. Питание было очень, очень плохое. Я вот занималась спортом, так всегда, когда перед соревнованиями, мне давали талоны, это в то время давали талоны в ресторан. Подкармливали меня.

– *Вы это уже рассказывали.*

– Рассказывала. Ну вот так. А что я еще не рассказывала?

– *Как вы к Дню Победы готовили мужчин помните? Что-то такое.*

– Что?

– *Ну, к параду Победы готовили.*

– К параду Победы. Ну, так я что-то это не очень помню. Просто вот это у нас было. А что училась я, была студенткой. Вот это все в институте какие-то мероприятия у нас проводились. У нас был хор замечательный, в нашем институте. Патрушев был у нас руководителем этого хора. Спортсмены в основном сильные были в нашем институте. Ну, а так это общее. Мы устраивали танцы, наверное, все это было, я уже все перезабыла, подзабыла. Потом, если вот праздники какие, стремились поехать домой, чтоб картошечки привезти. А что из дому-то? Мама там была одна, одна была у нас коровка, которая мало совсем давала молока. И то это молоко нужно было сдавать. Обязательно, это каждый год. Определенное это. Сколько литров молока на каждую семью. И мы должны были это сдать. Так что, допустим, молочных продуктов на семью, нас вот три студентки. Я и две сестры, мы все погодки, мы все были в Иркутске вот, нам всем нужно было кушать, и нам всем нужно было домой, чтоб что-то оттуда взять. Картошечки, на станцию идешь, это двадцать километров пешком. Идем довольные, счастливые, молодые, веселые! И несем картошечки в основ-

ном. И все так студенты, так же мои подружки, так же ребята, которые… Ребята у нас учились из нашего Бельска. Это в Горном институте они учились, тогда эвакуированный из Ленинграда был Горный институт, политехнический. Он остался потом так, он у нас и сейчас, когда война закончилась. Вот ребята в Горном учились, так... Андрюша-то в каком был? Да, в Горном Андрюша был. Да, ребята все наши учились в Горном. И вот мы все студенты на выходные, не на выходные, а на праздники, потому что мы довольно далеко жили. Это на поезде нам нужно было ехать половину, а там пешком домой, вот. Ночью приедешь туда вот, а мама, конечно, у нее еще вот Фая, моя младшая, самая младшая сестра, она была грудная. Война, когда началась, Фая только родилась, грудной ребенок. Маме давали на грудного ребенка и, ну, чтоб она себя поддерживала, 35 грамм хлеба в день. 35 грамм представляешь? Это почти ничего. Конечно, она не пойдет, допустим, 35 грамм хлеба каждый день брать, а там накопит его, допустим, до булки, так она, наверное, целый месяц копит вот это вот. Картошка. Слава Богу, картошечка спасала. Ну и немножко молока. Зимой корова не доилась, вот. Конечно, это вот... А коровушке надо и сено, и дом, и дом там надо, дом у нас большой. Сейчас фотографию тебе покажу. Нас попросили просто, чтоб мы это сделали. Ну и я была неплохим спортсменом, в общем, потому что, ну, раз первые места я занимала, то, конечно. И вот меня попросили и двух моих подружек. Одна-то подружка, а другая просто сокурсница, вот.

– В 47-м году.

– Это в 47-м году. Парад физкультурников готовился в Москве и здесь у нас тоже, вот. И мы на стадионе целый день, с утра и до вечера вот занимались. Ну, там молодежь, в основном молодежь, участвовали все, наверное, с завода Куйбышева. Я была даже, мне давали подработать, ну, материально я, конечно, не очень жила. Я была тренером мужской спортшколы по гимнастике, это рабочая молодежь города была, и я их тренировала. Я такая маленькая, худенькая, тогда-то я вообще худенькая была. Вот и я готовила их. Там очень хорошо платили. Допустим, я до 9 часов сама занимаюсь, на своей кафедре тренируюсь, а с 9 до 11 я в этой спортшколе, а потом в 11 часов, это ночью, я иду туда, в предместье Марата. Вот так вот это. Ну и вот мы готовили молодежь к параду и потом парад. Прошел замечательно парад. У меня перед этим было тоже много всяких приключений, но это очень долго рассказывать, вот. И нам за это, что вот мы приготовили молодежь, все это прошло замечательно, сами мы вот на машине выступали, там это разные упражнения, нам дали путевки на Кавказ в лагерь альпинистов, в

Цейское ущелье. Вот раньше географии был, там даже картинка такая была – Цейский ледник. Потому что он расползается, в год сползает этот ледник на один, по-моему, метр. Так я по этому леднику ходила! Я по скалам там лазила! Там очень опасно, и восхождение мы делали, и мы альпинисты первой ступени. Вот. Значки были, не знаю даже куда у меня делся этот значок. Это было чудесно! Во-первых, мы кавказские горы, как раз в этот год было... Ой, как это? Камнепад! Камнепад! Это вот так вот река там Цейдон, она как раз от ледника, от Цейского ледника, и ледник – это конец ущелья, там уже, собственно говоря, такие огромные высокие скалы, ну, водопады там и вообще. Это было здорово! Высота там почти 2 500, высота там над уровнем моря. В лагере мы находились. У нас всегда было состояние эйфории. С высотой появляется у человека эйфория. Веселое такое настроение. Все улыбались, все. Такие были костры, какие костры мы там жгли, они в ущелье, подымается огонь высоко-высоко-высоко, прямо таким столбом, потому что ущелье тянет туда вот, вверх. Атмосфера разряженная. Танцы! Там, между прочим, зона, где все это… база. Мы-то что альпинисты, а там были альпинисты с большим стажем. Мастера Европейского… это спорта альпинистов. Ну, в общем, это... Вот такой еще момент у меня в жизни был, замечательный, в общем. Вся моя молодость – это спорт! Вот. Вот как-то. Ну, мы были молодые, потом, конечно, я уже вот спортом, меня всегда вот, допустим, награждают меня деньгами. Соревнования один раз были смешные. На коньках я кататься не умела, дома я каталась, когда река начинает замерзать у берегов, вот на одном коньке, и то этот конек делал двоюродный братишка, он старше меня, но он почему-то всегда меня предпочитал другим, делал мне, себе и мне конек. Он эту… Из дерева делал это.. Выстругает из дерева, потом проволоку протянет там, дырки тут просверлит, в этом дереве, ремень, значит, вденет туда. И вот мы на коньке на одном, мама не знала об этом, она бы мне уши надрала, потому что по заберегам река у нас Белая очень серьезная, быстрая. Две реки сливаются в Бельске: Большая белая и Малая белая. С Саянов эти реки текут. Наш район, ну, наш район, конечно, вот эти дома, вот что 23-я школа, и 23-й школы уже нет, все там разрушили. Вот эти все дома, они же тоже многоэтажные, магазины наши, раньше здесь же ничего не было, а теперь вот и…

– А что там было?

– А что там было? Дома простые были, низенькие дома, одноэтажные. Вот и посмотри, и тут магазин вот на Трилиссера, магазины, а на Омулевского сколько магазинов! Вот этот, вот высотное

здание выстроили тут рядом с этим, с Горбачевским. Горбачевский… Тоже Горбачев тогда приезжал, и вот тут строили как раз этот, ну, где магазин, и так его прозвали «Горбачевским». Горбачевский, и так до сих пор его зовут, ну, конечно, не молодежь, а уже мы, старые. Горбачевский. Вот. Ну, вот этот магазин, и много тут уже, ну, небольших, конечно, магазинов. Небольшие, но все равно нужные, вот. Ну, что вот, если я так вот район Трилиссера… Я в основном жила вот в этом районе. Вот район аэрофлотский. Тут были дома, частные, низенькие домики. У нас квартир не было, мы жили на частных квартирах. Я работала хирургом в детской больнице. Вот что на первых порах, вот. И в этом районе мы жили, тут не было больших домов. Тут были такие частные, низенькие дома. Даже некоторые люди, вот мы молоко там брали у них, коров держали. Даже держали коров. Это вот аэрофлотская, аэрофлотская, 2-ая Советская, 3-я Советская, вот Трилиссера теперь, вот мы в этом районе жили. Вот на 2-ой Советской мы тут жили у одной женщины много лет. Тогда Алешенька у меня родился, мы жили вот у Федосьи Андреевны. Мы с ней так друзьями были, она потом, уже когда вот мы, у нас квартира когда, она к нам в гости приходила. И тут еще у одной.

– *А когда большие здания начали тут строиться?*

– А большие здания начали строить. Ну, это уже, наверное, лет двадцать назад. Да, пожалуй. Только не в нашем районе. Я говорю, в нашем нельзя было строить, потому что тогда же у нас было три летных отряда! И еще отряды Улан-Удэ, Чита, отряды Нижнеудинск – это все наше было тогда Восточносибирское управление, вот. Сейчас летчика-то не увидишь на улице, сейчас совсем мало самолетов у нас здесь, в нашем Иркутске. А тогда-то были и ТУ-104, и ИЛ-ы летали еще, и ИЛ, и, ну, АН-24, АН-12 и все отряды. Ну и невзирая на легкую моторную авиацию, да. В начале были ТУ-2, маленькие самолетики, маленькие казалось, когда два пилота всего там. Ну, обычно пилот или заместитель. В районе я работала, так мне, допустим, я заказывала кровь в Иркутск, так мне привозят на этом самолетике кровь, вот больному.

– *Так где здания большие начали строить?*

– Начали большие здания строить, ну, выстроили вот, где Горсовет у нас. Облсовет… Ну, Горсовет. А это здание, где старый Горсовет был, ну, по Ленина же там, вот где банк – это все старые здания. Этот Горсовет и строили вот в... район Первомайский. Вот там строили дома. Пятиэтажки в основном, пятиэтажки строили вот. Теперь Юбилейный. Вот Юбилейный, он тоже начал строиться давно, как ГЭС построили, вот. ГЭС же сразу после войны. По-

строили ГЭС, потом стал Юбилейный строиться. И стало… уже теперь высотные дома, теперь посмотри, больница какая, областная больница какая! Я все восхищаюсь, мне она так нравится. Что эта больница. Лес же там все кругом, лес, а теперь посмотри, сколько там всего настроено. Все многоэтажные дома, большие. Академический, Академический, а там посмотри! И учебные заведения, и вообще! Вот. А тогда нет. Вот вокзал, вот там была по Гоголя, от улицы Гоголя, там у нас тоже одна спортсменка жила, Нонка Могилева. Там роща была над Ангарой, мы всегда в эту рощу весной, когда сессия, мы ходили с подружкой туда заниматься там, занимались. А теперь-то! Теперь этой рощи там и нет! А улица Гоголя… там одноэтажные домики были частные, одноэтажные. Ну, такая улица была аккуратная, светлая и какая-то чистая. Такие впечатления об этой улице остались. А теперь-то там посмотри, кругом многоэтажные дома, высотные дома. И улица какая-то совсем стала, кажется, неопрятная. Ну, она чистая сама по себе улица, потому что я сколько раз там на автобусе проезжала, а какая-то такая. А тогда она была такая светлая, потому что не было высотных-то домов, а сейчас темнота какая-то. Мне этот вот район не нравится. Вот этот вот Гоголя, Лермонтова, вот это вот туда. Не нравится! Ну, там вообще многоэтажные дома. Это. А вот в Юбилейном мне нравится этот район вот, сразу мост проедешь и туда дальше уже, где трамвай идет, вот там мне очень вот этот район мне очень нравится. Там знакомые наши, приятели там жили, в гостях у них были. Ну, и были пятиэтажные дома, а сейчас-то высотные строят. А сейчас дачи-то там какие? Вот я была на даче у своих родственников. Так там в лесу везде дачи, далеко-далеко-далеко от всех дорог. Туда ехать, ехать и ехать надо на автобусе. Там все везде дачи в лесу. Я даже была поражена. Я первый раз была там, но их дача сюда ближе. А то совсем-совсем-совсем прямо совсем в лесу все дачи. А место какое шикарное! Какая там красота! А Ангара наша? Это вообще чудо! Какая река, незамерзающая, прекрасная. Когда мы жили там за монастырем, мы плавали на ту сторону, лодку у соседей брали в нашем дворе вот и плавали на ту сторону загорать и учить. Руфа, моя сестра, приезжала. С Руфой и ребятишек полную лодку наберу, лодка большая, и мы переплываем.

Интервью
с Ольгой Васильевной Васюхиной
(1928 год рождения)

– Первый вопрос который я хотела бы Вам задать «Вы здесь родились или приехали сюда»?

– Нет. Я родилась не здесь, я родилась в Северном Казахстане. Город Петропавловск есть такой, в Северном Казахстане. Не на Камчатке Петропавловск, а Северо-Казахстанская область, там мои родители раньше жили и я там жила, а потом, а потом, потом родители переехали в Забайкалье, в город Сретенск, Сретенск – потом Букочача… И там вот мое детство прошло, в Забайкалье закончила я десять классов и поступила в Иркутский медицинский институт.

– То есть вы приехали сюда поступать в вуз?

– Ну нет, просто раньше, я не знаю что-то… какое-то великое переселение было и мои родители вынуждены были из Казахстана уехать в Забайкалье, и вот там мы жили, я там училась, Сретенск, потом Букочача. И там закончила десять классов, и приехала в Иркутск поступить в медицинский институт, и поступила и училась, закончила его. Не закончила – вру – я закончила здесь два курса и началась война.

– Я хотела еще уточнить, а родители у вас там остались в Забайкалье?

– А родители нет, они тоже. Да, они, да вот я уже теперь сама запуталась, забыла. Забайкалье, но потом, когда обстановка в стране как бы стала более нормальной, то родители снова переехали на свою родину в Петропавловск Северо-казахстанской области, ну, а я в это время поступила в медицинский институт, в Иркутский медицинский институт. Поступила в Иркутский и перевелась в Омский медицинский институт поближе к родителям, к родителям, и закончила в сорок шестом году государственный медицинский институт в городе Омске, лечебный факультет, и получила направление снова в Забайкалье, вот сюда, в Читу, в Читинскую область прииск Кручина. Там я проработала ну два или три года, вышла замуж, появился у меня сыночка Андрюша, и мужа перевели – он военнослужащий был – сюда в Иркутск. И в Иркутске я закончила медицинский институт – вот.

– А почему Вы выбрали именно этот вуз?

– А почему я выбрала этот вуз? Потому что моя старшая сестра тоже закончила медицинский институт в Иркутске, иркутский,

и я тоже. Как-то мы все сестры, и младшая моя сестра Нина, она тоже закончила медицинский институт, и мы как-то все вот полюбили медицину, и в том числе и я.

– То есть у вас семейное…

– Как бы да, в какой-то мере. Родители ну простые люди, мама была просто домохозяйка, а отец был паровозный машинист – вот моя семья. Как бы… вот отец вот, Василий Палыч Васюхин, Прасковья Кузьминишна Васюхина – это моя мама, старшая внучка Вика, Виктория Андреевна, – она врач, уже, она тоже врач – она тоже врач, ага, она тоже врач, живет в Москве. Она прилетает на две недели просто в отпуск сюда повидаться, раньше я сама ездила, а теперь уже... Это вот Юля, моя внучка, она живет в Австралии, в Сиднее. Вот теперь они приезжают зимой, потому что там зимы нет, и они хотят ощутить зиму, и поэтому они прилетают каждый раз зимой, и в этом году тоже приедут зимой.

– А вот у Вас внуки и дети в Москве живут, большинство. А Вы сами не хотели бы уехать? У Вас не было желанья раньше уехать?

– Вот желание было раньше уехать, например, в Москву, и у меня даже там работа могла быть мне. Мой муж ни за что не хотел ехать в Москву, он любит Сибирь, любит тот город, где мы живем, и ни за что… а так у меня работа там предлагалась, и в общем мы не поехали в Москву. Ну я не жалею, потому что здесь у меня и родители похоронены здесь, и как-то мы уже много лет живем.

– То есть здесь корни.

– Да, и корни уже, да, стали здесь, поэтому вот так вот и моя жизнь сложилась. Ну а дети… я не могу сказать, и внуки – они каждый год приезжают, вот…

– А им нравится Иркутск?

– Да, Вика же здесь родилась, она здесь закончила институт, закончила ординатуру, аспирантуру, и потом получилось так, что она должна была в МНТК работать, но на тот момент там не было вакантной должности, там, где она хотела работать. Нам предлагали другую специальность, она не захотела, говорит: «Зачем, бабушка, я буду менять специальность, если я хочу вот так?»

– Перейдем к тем годам, когда вы приехали в Иркутск.

– Ага.

– Вы поступили в вуз… Расскажите, какое у вас было студенчество.

– Ну видите, мое студенчество пришлось на военные годы, на войну. Ну немножко и голодное, и холодное студенчество было, но тем не менее это было самое счастливое время той поры, потому что… потому что ты молод и счастлив, и никакие проблемы тебя особенно не волнуют, и поэтому я вот. Ну видите что, я даже так. У

меня сестра моя старшая, вот, Августа, светлая память – она два года как умерла назад, она меня старше на восемь лет, она жила в Иркутске, и мы, естественно, все, ну и я в частности, тянулись к ней, и по ее совету я поступила в Иркутский медицинский институт. А когда началась война, то есть нечего… пить нечего, и мне пришлось, встал вопрос о моем переводе из Иркутского медицинского института в Омский. Почему? Потому что мои родители жили в то время в Петропавловске, это близко от Омска, и там была возможность приехать домой, продукты взять какие-то и… и питаться, и учиться, и поэтому я перевелась. Вот здесь профессор Хода, светлой памяти – он тоже недавно умер. Он… и он мне помог перевестись в Омский медицинский институт, и я заканчивала уже институт в Омске, но не жалею об этом, а назначение после окончания института получила в Иркутскую область, и снова вернулась сюда, здесь вышла замуж и ну и обрела свое место жительства. Ну а что… сказать? Ну я считаю, что студенческая пора – это самая счастливая пора в жизни. Почему? Да потому что ты, говорят, был молод, поэтому и это хорошо и счастливо. Ну а после того как я закончила и приехала в Иркутск, как-то вот меня разглядели и мне сразу: вначале я на участке работала участковым врачом и потом я стала организатором здравоохранения, была главным врачом вот Кировской. Если вы Иркутск знаете, то вот у рынка больница, я там десять лет проработала главным врачом, потом меня пригласили на заведование иркутским горздравотделом, в котором я проработала семнадцать лет, вот в горсовете. Не очень я хотела на эту работу, потому что это как бы отрываешься от сугубо врачебной деятельности, но тем не менее я проработала семнадцать лет, ну была организатором здравоохранения в городе. Вот, многие больницы в мою бытность были построены, введены в строй, и в общем я считаю: там развивалось, да вот…

– *Что – развивалось?*

– Конечно, конечно, конечно. Очень развивалось.

– *А государство поддерживало больницы?*

– Да, конечно, конечно, конечно, конечно… Строили тогда, вот. Частного предпринимательства в общем-то в то время не было, это сейчас вот уже сколько лет. Ну вот так я и работала. Ну работой была довольна в том плане, что я доработала до пенсионного возраста и меня еще оставляли на созыв. Созыв: каждые три года утверждали как бы на этой должности. Меня еще оставляли, но мне уже исполнилось пятьдесят шесть лет, и я категорически потребовала, чтоб меня освободили, и я ушла с этой работы, потому

что работа сложная, трудная, да мне уже пенсионный возраст, и я перешла на работу рядовую как бы и была много лет председателем медицинской комиссии по осмотру водителей автотранспортных средств. Вот, все шофера получают же справку у медиков, у врача на право вождения по здоровью, и я вот в этой должности проработала больше двадцати лет еще, уже будучи на пенсии. Ну а сейчас вот полгода не работаю, ну как сказать, теперь вот мне …эээ… как бы… я стала депутатом городского совета, теперь этот… и теперь на сессии прихожу, слушаю. Сделали меня почетным гражданином города Иркутска, вот такую медаль мне презентовали (очень красиво), я, правда, ее не ношу. Там большая, а тут еще вот маленькая, но я не ношу, не люблю я показуху, не люблю, но это вообще ценная, конечно, вещь. Да ладно, но а седня вот на встрече была в Кировской больнице. Я там… уже говорила, что я там десять лет была главным врачом, они меня не забывают и всегда приглашают, и седня они не всех ветеранов, но так, костяк, что ли, пригласили, обед там устроили. И в общем это самое… ну как бы общественную работу возобновить среди молодежи в больнице. Ну я не возражаю, я люблю людей, и, конечно, мы обещали главному врачу, что все это сделаем.

– А как это – общественные работы среди молодежи?

– Ну как бы… ну как бы, ну не общественную, ну как бы встречи с молодежью – вот, рассказывать, как мы работали, как надо работать, что бы людям было хорошо, как бы опытом делиться и так далее. Вот так вот. Главный врач этой больницы, он, правда, недавно, по-моему, года два всего, но он мне очень нравится, хороший организатор и к людям хорошо относится, и в больнице сделал много хорошего, так что… А эта больница мне, как говориться, родная, потому что десять лет тоже была там главным врачом, причем в очень трудные годы.

– В какие?

– Ну что делать… а какие годы? Вот такие годы: с сорок девятого года. Вот видите, у меня какой склероз-то, да и потом в пятьдесят… в пятьдесят первом, что ли, году меня назначили заведовать иркутским горздравом в сорок девятый, да… пятидесятый. Ой, ну сейчас я, склероз подводит, аха, сейчас. Чтоб Вам не наврать, очки здесь, а я их ищу, так вот моя трудовая книжка, да… так, зачислена работать в Читинскую… зав. врачебным участком. Вот это я начинала работать в Чите, назначена на должность… это в каком году? это вот в сорок шестом году, после окончания института, переведена, назначена на должность заведующей росздравотде-

лом в Чернском районе города Читы. Это там меня уже повысили заведовать росздравотделом, так в сорок девятом году освобождена от должности заведующей, вот я при…, по-моему, в это время приехала в Иркутск, зачислена в должность врача терапевта, назначена зав… заведующей Нагорной поликлиники (это раньше вот, где городская поликлиника сейчас, она раньше была, называлась Нагорной поликлиникой), вот я там тоже заведовала этой поликлиникой. Переведена в распоряжение горздравотдела на основании – это уже в пятьдесят третьем году, пятьдесят… в порядке служебного перевода на должность главного врача в Сталинской больнице (вот раньше эта больница, вот Кировская сейчас, ну вот на рынке, знаете эту больницу, она называлась Сталинской больницей), и вот в порядке служебного перевода меня назначили на должность главного врача этой больницы. И я там проработала с пятьдесят третьего года, ой, да, в пять… в январе пятьдесят третьего года в служебном… назначена на должность на эту, и потом меня уже утвердили заведующей городским отделом здравоохранения, да, горсовет, городской совет трудящихся. Это было в шестьдесят третьем году, в шестьдесят третьем году освобождена от должности главного врача Сталинского лечобъединения, в порядке служебного перевода назначена вот на должность заведующей горздравом, утверждена заведующей горздравотделом. Так, и дальше, а вот это шестьдесят третий год, да. А вот это какой год? Восьмидесятый? Да. Аха, освобождена от должности, вот считайте с шестьдесят третьего по восьмидесятый год. Сколько лет я работала? Семнадцать? Семнадцать. Освобождена, и потом я уже работала, ну здесь это за хорошую работу, там как бы, как бы выражали благодарность в связи с-с-с вводом комиссии шоферов. Это я уже вот на шоферской работе проработала больше двадцати лет, выдавала доступ к вождению автотранспорта шоферам нашим и вот отсюда и ушла, а это уже. Это с того года, да… и… и по январь, февраль, март, по апрель этого года, вот сколько лет у меня стаж работы – шестьдесят с чем-то лет. Можно с ума сойти, сколько я работала.

– *Вы были в Москве?*

– Много раз.

– *Как на Ваш взгляд, чем отличаются Москва и Иркутск?*

– Москва и Иркутск. Вы знаете, вот так откровенно сказать – я очень любила Москву и просто всегда хотела жить в Москве, потому что я вот, люблю вот это движение, вот это – масштаб, вот как-то все это интересно, суета. Да, а муж мой не хотел, ну я каждый год, каждый год я (вот только в прошлом году я не была в Мо-

скве и нынче, потому что у меня со здоровьем уже не все в порядке). И теперь уже говорю: «Ребята, сами приезжайте, я уже не ездок». Вот, и поэтому ну как сказать, Москва есть Москва: столица нашей страны, а Иркутск – столица Иркутской области. Ну во всяком случае вот у меня дочка Наталья, вы ее вот видели, она, например, говорит: «Я эту Москву ненавижу и не хотела бы там жить, а я люблю свой Иркутск, и ну более спокойная жизнь, более такая размеренная, чем там». Ну тем не менее вот москвичи, Вика вот уехала, она не жалеет и вернуться не хочет, а жить хочет в Москве, потому что те, кто уже вкусил этой московской жизни, они уже обратно вернуться не хотят. Ну не знаю, конечно, столица, там все интересно, все – а архитектура Иркутска… вот, за Вашу жизнь как она менялась и вот по сравнению с тем, как было раньше, как сейчас – ну что сказать, надо сказать, что в те годы все-таки материально жили хуже, и, может быть, и городу меньше доставалось. Сейчас как-то вот стали обращать внимание… вот Якубовский много делает как бы, сейчас вот особенно, вот в этом году город как-то преобразился, надо сказать, похорошел, вот центральные улицы (Вы заметили, наверное?), и в этом плане Якубовский очень много сделал, чтобы это произошло. Вот, но не знаю.

– *Как вы считаете, деревянные дома…*

– Ну исторические должны остаться. Вот исторические дома, ну а те, которые не представляют истории, то надо их заменить, наверное, более комфортными домами, и людям чтоб было… жилось получше. Ну а так у нас в Иркутске много домов с историей такой, поэтому…

– *Мне кажется, как-то нужно больше о них заботиться государству.*

– Тоже верно, тоже верно, но а у нас некоторые добравшиеся до власти миллионеры стараются снести даже исторически значимые дома и забыть, а построить какую-нибудь да лишь бы… да, да, да… лишь бы свои карманы набить. Ну, к сожалению, я не очень разделяю теперешнюю политику, но что сделаешь… какой жизни не будет, не знаю. Может быть, сейчас вот все-таки склонно наше и правительство вспоминать те годы, когда люди безвозмездно жили хуже, материально жили хуже, а старались сделать лучше для людей, для города и так далее. Ну сейчас как-то вот стали немножко в этом плане обращать внимание, ну а все-таки возродили этих миллиардеров… Откуда у них такие деньги? Из кармана трудящихся, вот и все. Я считаю, что это перекос большой. Миллиардеры… Куда ему эти миллиарды… Куда? Кому? Зачем?..

– А вот то, что улицы переименовывают. Как вы к этому относитесь?

– Ну вот исторически значимые, я считаю, не надо их переименовывать. Зачем? Ну а так, ну не знаю даже. Да, переименовывают.

– А можете вспомнить, какие улицы переименовали за Вашу жизнь? Те, которые Вы помните.

– Ой, у меня сейчас память такая, ну вот сейчас. Ну пока вроде массового переименования не наступило. Или наступило уже?

– Массового – нет.

– Нет массового, а отдельные. Ну не знаю, вот мы здесь живем, у нас прежнее название улицы Пионерский переулок в честь наших пионеров, вот, а другие улицы… Вот Богдана Хмельницкого… где мы живем, у нас все старые названия, и дай Бог чтоб они не изменились, потому что чем плохи эти названия? И потом, ну улица Ленина, уж Ленина, наверное, может быть, воздержаться: одно время же его и бюсты начали выбрасывать, и вообще историю как бы… так нельзя поступать …эээ… за границей так не делают люди. Ну я еще вот раньше, я очень много ездила за границу, была в Америке, была …эээ… где я еще была? В круиз ездила вокруг Европы. Париж, Дания, Париж …эээ… Лондон, да, Ло… ну я уже по порядку не эт… не говорю, ну и так сказать, в Америке была, в Америке я была в восьмидесятом году в составе союзной группы врачей. Встречались там с медицинскими работниками, были в госпиталях. Были… раньше же существовало общество дружбы американцев с нами – да. Дааа, да, да, ну теперь это все ликвидировали. И нас приглашали, и очень интересная была поездка по Америке.

– Как раньше праздники отмечали люди?

– Ну раньше особенно праздники… Как их назвать-то?.. Ну социальные - не социальные, а значимые для народа… То всегда были демонстрации.

– Расскажите поподробнее.

– Вот всегда были демонстрации, и я считаю – это очень объединяло людей. Мы собирались, …эээ… у всех было такое приподнятое настроение, а… собирались в колонны, потом проходили по маршруту … эээ... значит, с колоннами на площадь, там… значит, были наши руководители партии, правительства. Встречали, звучала музыка – ну очень интересно было. Это как-то вдохновляло людей, это как-то… а теперь это все ликвидировали и все это приглушили.

– А как вы считаете, почему сейчас такого нет?

– А спросите, спросите наших деятелей великих. А это так объединяло людей, это, это было прекрасное время, вот все кто, пусть даже мы материально, может быть, жили похуже или там не было, не ломились магазины или прилавки не ломились с еды какой-то, но тем не менее вот жизнь такая была насыщенная, интересная, и не знаю. А сейчас видите что? Сейчас все есть, но не каждый может купить это, к сожалению. Ведь многие, а особенно безработных у нас уже вон больше семи тысяч, в Иркутске, где-то я читала – безработных.

– А как украшали город в праздники?

– Украшали плакаты, призывающие там людей трудящихся, людей к… ну как бы к труду, к взаимопониманию, там …эээ… шли колонны, готовились специально и всегда берегли на следующий год там какие-то плакаты, какие-то транспаранты. И люди все прихорашивались, готовились к этому празднику.

– Песни пели…

– И когда – совершенно верно – и когда вот не сходил, там мало ли – заболел или что-то, так думаешь – потерял многое в жизни, потому что это было очень интересно: встречаться с людьми и с знакомыми, и незнакомыми, и было…

– И знакомиться, да?

– Да, и знакомились. Это было потрясающе хорошо, и люди были довольны. Я, например, с удовольствием это время вспоминаю. Ну еще говорят почему, да потому что ты был молод или я был молод. Ну это тоже, но тем не менее, конечно, конечно, конечно.

– А как Новый год вы отмечали?

– Новый год?..

– Да, раньше.

– Ну видите, раньше, я не знаю, правда, говорят, я была молодая поэтому, поэтому все-таки пела и как говорится… Ну вот всегда мы ставили елку, украшали, у меня и сейчас она вон в диване лежит, всегда елку украшали игрушками, там старались, там стол украсить, пирог какой-то испечь, еще там… сладости какие-то купить. Во всяком случае вот, может быть, в магазинах не было такого изобилия, как теперь, например, но если вы в любую семью зайдете, у них на столе был полный коммунизм, было все, абсолютно все, и надо сказать, что вот не было такого разделения между богатыми и бедными, все люди были как-то ну приближены друг к другу в этом, в материальном плане. Не как теперь – одни миллиардеры, а другому кусок хлеба не на что купить. Это, это как называется? И у нас ведь много безработных, много людей материально необеспеченных и живут на одной воде и хлебе, на хлеб,

слава Богу, хватает только. Я знаю многие семьи вот такие, к сожалению. Ну зато миллиардеров много теперь развилось, ну что еще мы будем.

– *Вот еще вопрос такой. Вы заметили, что со временем климат меняется?*

– Да, это заметили, да, такое — это верно, это верно.

– *А какие именно изменения произошли? Допустим, что было сорок лет назад?*

– Ну сорок лет – не знаю.

– *Холоднее? Теплее?*

– Ну может быть… Ну даже и не знаю, что сказать, ну во всяком случае вот сейчас снег выпал, у нас это вообще немножко необычно, раньше...

– *Аномалия?*

– Да, как то – весна, значит, весна уже, и снега нет эта… а тут вот по всей стране, причем и в Москве.

– *Неопределенность, да, какая-то?*

– Совершенно верно, совершенно в этом плане да. В газете, например, пишут, что это там сто лет назад или сколько-то лет была такая аномалия и теперь, видимо, это все, как говорится, цикличность какая-то в природе существует.

– *Все же в движении.*

– Да, совершенно верно, и мы висим где-то.

– *Мы тоже меняемся.*

– Да, конечно.

– *Еще, вы уже затронули эту тему, что вы когда приехали учиться, началась война.*

– Аха.

– *И как вы? Как до Иркутска дошла эта весть? Как ее здесь встретили? Как вы к этому отнеслись, то есть какие первые ощущения, первые мысли?*

– Ну это ощущение страшное. Началась война, моего брата, старшего – он на два года меня старше был – его забрали в армию, и он погиб на фронте. И мы это все… я, будучи студенткой, получила, вот похоронную. Вначале я во сне увидела, что вроде его встретила и как-то это, а потом я даже помню этот сон, что вот в Омск пришел поезд, стоит вагон отдельный, и там мой брат, и я чуть не на завтра получаю похоронную, что он погиб. Вот там фотография его есть, моего брата, – красивый Владимир – и так не пришлось ему пожить, и поэтому… Началась война, а раз война, значит, начался голод, и я всю войну училась, студенткой… И ну не сказать, что я там сильно голодала, но мы голодали, в общем-то

голодали, хлеб там, хлеб и вода – это основная была еда. Ну у меня, правда, родители жили в Токушеве, там недалеко от Омска, уже Петропавловский, а потом …эээ… у нас семья большая была, и у меня отец был очень предприимчивый человек: чтобы с голоду нас не уморить, он всегда находил работу какую-то выгодную, чтобы как-то семья имела кусок хлеба и так далее. Вот ну и я ездила домой, и там ну что-то мне то сухарей насушат, то еще там чего-то, и привозила им, и всей компанией в комнате богатели и… и, так сказать, делили все это между собой.

– *А вообще какое общее ощущение было? Какие мысли? О чем разговаривали люди?*

– Но все равно, все равно были веселые, молодые. Говорят да почему, так потому что, говорит, я был молод. Были молодые, и все равно у нас и девчонки на танцульки бегали и… и как-то веселили себя, и… и плакали, когда вот получали похоронные своих близких, родных и так далее, и недоедали, недопивали, и сдавали экзамены, и… и учились. Я всю войну вот училась. Ну хорошо, вот мои родители как бы жили вот в Токуше – это тридцать километров от Петропавловска. Отец предприимчивый был, в городе там сложно с работой, с едой, а он как-то переехал и работал, где можно было хлеб купить, как-то вот обеспечить семью, и в этом плане… Там я приеду, мама там сухарей насушит, еще чего-то, и привезу в институт, и всем нам в общежитии радостно, не голодно, ну вот так жили.

– *А какие предположения были на исход войны? На ход войны? О чем задумывались? Задумывались о том, что может случиться такое, что могли проиграть войну, и что тогда будет?*

– Ну как-то у нас, по-моему, таких мыслей не было, а всегда…

– *На победу настроены…*

– Всегда на победу настроены были, и Сталин, и все это… патриотизм был, конечно, высшего класса. И все, и студенты, и все мы… кстати, студенты, вот наш курс только не забрали, а тоже нас… должны были уйти в армию, потому что ну там получили какие-то навыки врачебные и можно было уже идти в армию, оказывать помощь раненым. Ну наш курс не попал, ну а многие студенты на фронт, и кто вернулся, а кто остался там.

– *А как вообще город выглядел? Наверное, опустошение было какое-то, да?*

– В какой-то мере, конечно, конечно, а потом вот когда закончилась война, там началась, на востоке, и через Иркутск целые эшелоны уже шли на восток: с Японией воевали.

– *Наверное, много же людей забирали, да?*

– У нас на курсе были только девчонки и три мальчика на курсе, три мальчишки, и то инвалиды, а все остальные мальчики, все были в армии, после десятого класса всех забирали в армию, всех под гребенку, так что в этом плане, конечно, очень трудное время было, и страшно его вспоминать. Ну что говорят? Почему там вы это… так я говорю, был молод, были молодые, но пережили, конечно, страшную войну, что говорить, голод, холод.

– *За новостями, наверное, следили всегда?*

– О, ну что вы! Только и слушали советское информбюро.

– *А потом, когда сообщили, что мы выиграли…*

– Ну это было ликование, это было такое… это был такой праздник.

– *Это, наверное, незабываемо.*

– Незабываемо, это все незнакомые люди обнимались, целовались …эээ… восхищались, я не знаю – это был праздник.

– *И как праздновали победу?*

– А вот так и праздновали, на улицах, весь народ высыпал на улицы – и млад и стар, все абсолютно, и все друг друга поздравляли и восхищались.

– *Сколько длилось это ликование?*

– Ну довольно долго.

– *Это все возвращались… Пока все вернулись, это все на месяцы затянулось, да?*

– Конечно, конечно. Нет, это был, конечно, праздник, великий праздник Победы.

– *А вы помните как… Вы в институте, да, были?*

– Да, в институте я была.

– *Как Ваш институт праздновал?*

– Ну победу тоже все студенты, и занятия отменили, и мы просто все восхищались тем, что вот это случилось. Это же… пережить войну, голод, холод… в институт мы ходили… на занятиях сидели в шубах, в шапках, потому что аудитории не топились.

– *Не отапливались.*

– Да, есть было нечего. Вот кипяточек вскипятят, там этот стоял. Как он? Не термос, а как он назывался? Бачок там с кипятком, вот и все. Из дома если привезешь сухари, там тюрю какую-то сделаешь, поел и вперед, и вперед. Так что было очень трудное время, но как-то не унывали, как-то верили, вот верили в победу, верили, ну был какой-то энтузиазм, я бы сказала – людской. Все, все для фронта, все для победы, все старались, и мы должны были, наш курс тоже, а потом вот когда уже война, как говорится, при-

тормозилась и наш курс… нам дали возможность закончить, но тоже мы на полгода раньше закончили институт.

– А как вы считаете, вот то, как сейчас празднуют победу… Это, наверное, какая-то малая часть от того что…

– Небо и земля.

– Совершенно верно.

– Конечно, ну и времени-то много уже прошло, сейчас уже молодежь-то ничего не помнит, просто так уже от стариков что знают, но тем не менее вот я бы сказала, что сейчас все-таки победу еще вспоминают и… и молодых воспитывают на… на этом, на патриотизме, на том, что наша страна непобедима и что надо ее беречь. А раньше мальчики в двадцать-восемнадцать лет шли на фронт защищать страну и оставались там, да и там оставались.

– Вы не устали?

– Нет, не устала. Давай.

– Вот и вы, наверное, были свидетелем, как строилась ГЭС. Вы помните?

– Ну вообще, конечно, помню, ну детали, может быть, какие-то уже и не помню, забыла, но помню, возглавлял эту стройку Бочкин. Вот я только забыла его имя-отчество и помню, когда было какое-то совещание, и меня посадили в президиум и рядом с Бочкиным, он был в таких кирзовых сапогах, ну почти во всей рабочей… такой мужчина, но он очень большим авторитетом пользовался в Иркутске, и он по существу вот возродил эту ГЭС нашу, но во всяком случае мы на воскресники ездили, и там улицы убирали, и какие-то эти работы вели, но как бы такие, общественные, что называется. Ну я не знаю, стройка была, конечно, весь город строил эту стройку, Бочкин был очень… пользовался большим авторитетом – начальник строительства этой ГЭС. Устраивались воскресники там… и чистили территорию и что-то, во всяком случае участвовали, народ как-то очень хорошо на это отзывался. И ну перекрыли, и были иркутяне счастливы, что расстояние же теперь было… объединили как бы с… с той стороны реки, и, конечно, это был большой праздник. Бочкин потом вскоре уехал отсюда, но пользовался большим авторитетом. Стройка была, конечно, грандиозная, долго строили, я не помню уже теперь, сколько лет ее строили, но строили долго, весь народ буквально… и воскресники, и ходили с удовольствием помогали строительству, скорейшему строительству ГЭС. Это же электричество, это прекрасно было.

– Как изменилась жизнь?

– А?

– Как изменилась жизнь? Как до и…

– Ну естественно, конечно, светло стало хорошо, удобно, и, надо сказать, платили раньше больше, а потом значительно снизилась цена за электроэнергию. Я теперь уже детали и не помню, конечно, сколько там платили и чего платили, но знаю, что в принципе это было здорово, да, ощутимо для людей в Иркутске. Ну а потом Бочкин уехал отсюда, ну и сдали в эксплуатацию, там уже новая администрация стала, и жизнь продолжалась.

– *Теперь у нас есть ГЭС.*

– Вот именно.

– *Замечательно. А вы когда сюда приехали, мост через Ангару уже же был, да?*

– Что?

– *Когда вы сюда приехали учиться, уже мост через Ангару был, ангарский?*

– Этот – да. Не было, был понтонный мост.

– *А вот расскажите, пожалуйста.*

– Был понтонный мост, и по нему ходить было очень даже страшно. Как-то я помню, я ходила по этому мосту, а потом построили вот этот мост. Это тоже было здорово.

– *То есть его строили при вас?*

– Да, да, да.

– *И как его строили?*

– Ну строили, конечно, мостовики: это специально люди, которые строили мосты вообще в стране, и в том числе в городе Иркутске, – но и когда построили, было ликование …эээ… когда встречали… и строители и… митинги были и … это было просто здорово, и я помню этот веревочный мост, вот как я Вам сказала, как он назывался.

– *Понтонный.*

– Понтонный, да, но потом его быстро убрали и…

– *То есть это как выглядит?*

– А?

– *Как выглядит веревочный?*

– Ну он как бы, как бы, вот я не знаю, по нему идешь и качаешься. Вот он такой временный, я бы сказала, этот мост, и, помоему, транспорт даже не ходил через… по нему, по этому понтонному. Я уже теперь в деталях не помню, но во всяком случае да. А вот помню, как строили этот мост, строили воскресники, устраивали и чистили территории и… независимо от того, кто ты – врач, или учитель, или еще кто, все ходили с удовольствием на эти работы.

– *Субботники.*

– На субботники, воскресники, да.

– Еще хотела спросить, есть ли у вас какое-нибудь любимое место в Иркутске?

– Любимое место…

– Или любимая улица.

– Ну любимое место у нас Ерши. Вот там у нас дача, и мы с удовольствием всегда, когда семья у нас была большая, мы туда ездили, отдыхали и работали, и в общем… очень хорошо время там проводили, обеды устраивали и друзей приглашали туда. А здесь, в Иркутске, ну не знаю… у нас тут квартира… так-то неплохая квартира. Это мой муж строил этот дом: он строитель был – да и здесь раньше была трикотажная фабрика, на этом месте. Потом она почему-то, ее снесли, и на этом месте вот мой муж, построили промкооперации (он тогда в промкооперации, такая существовала это… промкооперация, и он там работал главным инженером), и они построили вот этот дом, и мы сюда переехали, уже много лет живем в этой квартире, а теперь я осталась. Ну дочка у меня здесь, а теперь вот все разъехались, ну ничего, я стараюсь как-то себя, еще общественная работа, так бегаю то на заседания думы, то вот сегодня в больницу меня пригласили, где я работала раньше. Хорошо мы там тоже время провели. Ну стараюсь как-то веселить себя.

– Может, в молодости было какое-нибудь такое место, куда Вы часто ходили с друзьями, с подругами?

– Ну в молодости, что сказать-то. Ну мы за город всегда ездили, вот на дачу. Это у нас любимое место было.

– Это хорошо.

– Ага. Всегда за город ездили. Ну а потом много путешествовала, и поэтому я вот почти свои отпуски все проводила за границей.

– Вы считаете ритмы Иркутска? Они изменились? Раньше и сейчас?

– Ну в каком смысле ритмы?

– То есть раньше, может быть, было как-то более спокойно, чем сейчас, или…

– Нет, наоборот, я бы не сказала «было спокойно». Это же говорят, а почему Вам там было тогда лучше, так я потому что была молодая, вот, а так – ну не знаю. Сейчас, сейчас как-то, мне кажется, скучнее живут люди.

– Скучнее?

– Да, раньше было более.

– А вот как вы считаете – почему?

– Общение было, вот, а сейчас замкнулись каждый на своей квартире, каждый в своем углу, а раньше как-то общались больше и собирались чаще и…

– *Еще сейчас немножко.*

– Ну давайте, аха.

– *Так храмы разрушали, а теперь их восстанавливают…*

– Ну я считаю, что плохо делали, что их разрушали. Все-таки это история, и храмы, ну они уже испокон веков существовали, и… вообще возмутительно, что... их, конечно, и в советское время нельзя было рушить, и… Ну а сейчас восстанавливают, что делать. Наверное, надо, может быть, они… Я вообще не… не очень верующая и совсем неверующая, но я считаю, что бог должен быть у каждого в душе – внутри человека, внутри – и быть порядочным человеком, не обижать людей, не… не это, но это все в заветах сказано. Но кто молится, пусть молятся, ради бога, это, ну как говорится, свобода религии: хочешь – верь, хочешь – не верь, во всяком случае я тоже не осуждаю тех, кто верует, но во всяком случае храмы нельзя было рушить. Зачем? Это история, это и в советское время было много, чего не надо было делать, но что сделаешь, это история.

– *А памятники? Допустим, даже памятник Александру, вот где шпиль стоял. И его заменили на шпиль, а потом поменяли. Как вы считаете, такая перемена?..*

– Да, да, да, я тоже считаю, что это неправильно, неправильно, ну в свое время и цари были, и вон Екатерина, сейчас вон в последнем «АиФе», там вон прочитаете статья про Екатерину, но во всяком случае это все история, и надо ее, какой бы она ни была, ее надо уважать и считаться с ней, что было, это же все люди делали: одни – правильно, другие – неправильно. Сталин, Сталин, он лагеря устраивал, и невинных людей туда отправляли. Кто знает.

– *А вот памятник Колчаку открыли?*

– Кому?

– *Колчаку открыли. Как вы к этому относитесь?*

– Ну вот, а вот говорят, что (уже я читала о нем статью), что он вроде был такой праведный и так далее, но я считаю, что нельзя это делать. Извини, пожалуйста, потому что пришла… я уже два раза ей отсрочку давала, чтоб она не приходила.

Интервью
с Дмитрием Дмитриевичем Лебедевым
(1928 год рождения)

– Скажите, пожалуйста, для начала, вы в Иркутске родились?

– Нет.

– А когда вы приехали в Иркутск? Какие были ваши первые впечатления?

– Значит, в Иркутск я приехал с воинской частью из Махачкалы. Я служил в железнодорожных войсках. После войны, значит, был в Свердловске на службе, потом в Ленинграде, потом в Махачкале – девятнадцатая бригада. И оттуда девятнадцатая бригада железнодорожная прибыла в Иркутск в феврале месяце 1954 года.

– Расскажите, какие были ваши первые впечатления о нашем городе?

– Значить, когда приехал сюда, то впечатления мои были не очень хорошие… Во-первых, это была зима суровая, во-вторых, приехали мы в теплушках. Размещение моей семьи на частной квартире… На частной квартире, батьково, в доме или в квартире ли, четыре комнаты перегороженные дощатые, и в каждой комнате по одному-двое, а у меня было два сына, жена и я. А потом прошло где-то время, полгода, мы собрали домик сборно-щитовой в воинской части. Там я получил квартиру уже более-менее. О городе… Значит, ну… эээ… надо сказать, что в то время, когда приехали мы, впечатление было не очень. Но хорошо то, что люди были здесь и есть хорошие. Очень отзывчивые. Значит так. Не зная города, идешь по городу, спросишь – тебе расскажут, и даже некоторые проводят. В самом городе было, ну, немного предприятий, организаций. Город был серенький, имеется в виду, бать, его обустройство. Так что впечатление было у меня не очень. Но потом, когда уже начали мы действовать по строительству железной дороги на Слюдянку, по развитию путей и станций, по строительству отдельных домов в городе, я уже начал привыкать к этому делу, вот. И при увольнении в запас в 1962 году, в январе месяце, я остался со своей семьей здесь, в городе. К этому времени я уже жил в хорошем четырехэтажном доме, который мы сами построили. Вот такое первое впечатление. Ну, в городе, здесь не было еще микрорайонов, которые сейчас существуют. Имею в виду, значит, микрорайоны Синюшина гора, допустим, ее не было, не было Юбилейного, не было Солнечного. Все это со временем создавалось, и город со временем преобразовывался. В 1957–1959 году я был из-

бран депутатом иркутского Городского совета города Иркутска. В депутатском деле я занимался транспортом и связью. Но так как вот сейчас вот – Дума занимается конкретно… эээ… своими избирателями – тогда этого не было. Тогда это только занимались рассмотрением вопросов, никто не был закреплен по-настоящему за участками, и дела шли сами по себе, как говорят, так вот. Я поступил работать после увольнения в центр, в центральное бюро технической информации иркутского совнархоза. Девять лет я там проработал, занимался информационной работой, значит, предприятий, организаций, вот… научно-техническим обозрением. Потом переводом был в Дом науки и техники, э… старшим инженером научно-технической пропаганды. В мою задачу входило проведение семинаров, совещаний, конференций, межотраслевых выставок, межотраслевых… дни науки и техники стран народов демократии – все это я проводил. Поэтому я город хорошо знаю, и для города я делал выставки, для города делал я проведение семинаров по качеству продукции, эээ… по другим темам бывать… Вот в городе были предприятия: радиозавод, завод Куйбышева, карданных валов и другие, которые… эээ… я занимался пропагандой их технического прогресса. Они, бать, значит, эээ… что делали: давали нам информацию, мы ее перерабатывали и посылали с новыми предложениями по предприятиям, организациям не только Иркутска, но и области… и области. В городе к этому времени большая производилась работа по благоустройству. С приходом мэра города, или председателем городского совета, Николая Францевича Салацкого, которого он должность занимал восемнадцать лет, восемнадцать лет, началось активным образом благоустройство и строительство домов. Надо сказать, что в городе до этого времени в основном было жилье частное. Частные дома. Ой, некоторые дома уже были такие старенькие, развалюхи, ну а некоторые были… ну имели такое большое значение с точки зрения архитектуры и так далее. Вот этим делом мы кое-чем тоже занимались. Что у нас в городе было хорошо: что Николай Францевич Салацкий решил убрать заборы, заграждения, которые были на улицах города, и город делал такое впечатление, что все построено было на заборах. Разломали их, сделали хорошие проезды, сделали хорошие посадки, и город начал возрождаться. После Николая Францевича, после его ааа… освобождения от работы, на город был избран Говорин Борис Александрович. Он пробыл восемь лет на этой работе, и за это время он очень много сделал. По благоустройству. Дело его продолжил Владимир Викторович Якубовский. Ну, этот человек сделал очень и очень много. Он любит свой город.

И вот сейчас идешь по городу, смотришь и не узнаешь. Вот я люблю ходить по улицам. И в это время, когда хожу с одной… э… стороны улицы, смотрю на другую с другой стороны, на эту… красиво стало. Много построено зданий, много… эээ… культурно-бытовых, значит, эээ… учреждений. Радуешься. Свободные пространства на площадях по городу. Правда, когда я приехал сюда, транспорта было общественного мало, трамваи были старенькие, захудалые, вот. Но ходили они редко, вот… но мы ими пользовались. Автобусов было мало, ходили автобусы, но редко. Троллейбусов еще тогда не было, со временем появились и троллейбусы. Вот сейчас смотришь: и троллейбусы, и трамваи, и автобусы общественного пользования очень хорошо обустроенные, чистенькие как бы так… про… э… кондуктора если есть, вожатые культурные объявления делают. Все это радует, конечно. Ну вот так коротко. А давайте вопросы задавайте, я Вам расскажу.

– Вы говорили, что занимались организацией различных мероприятий. Может быть, есть такое, которое запомнилось вам как наиболее яркое, оставившее наиболее яркие впечатления? Вот именно мероприятие какое-нибудь.

– Ну, значит, во-первых, большие мероприятия… я сам был организатором. Это пути повышения производительности труда и, значит, эээ… развитие Иркутской области на пятилетку. Конкретно название если нужно будет, у меня оно дома есть это название. Мы проводили таких три больших конференции с участием Госплана СССР России и так далее. Это первое. Второе: мы проводили большие выставки в доме науки и техники, тогда еще не было Экспоцентра. Выставки промышленные – завода Куйбышева, завода, бмать, карданных валов, радиоприемника, вот… и другие, значит, выставки. Дальше выставки мебели областные, выставка товаров народного потребления, вот. И ряд других выставок, которые мы проводили. Это, конечно, способствовало популяризации передовых технологий и изделий. Это способствовало тому, что спрос у людей появлялся на наши предприятия, производящие товары народного потребления и так далее. Вот это мне запомнилось. Далее наше руководство проводило и проводит сейчас встречи ветеранов Великой Отечественной войны. В это время появился у нас… эээ… мемориал вечной славы – огонь. Тридцать пять лет тому назад построили, это все начал делать Салацкий, продолжил его Говорин. Большие мероприятия проводятся там ежегодно в День Победы, в День защитника Отечества, ну и другие мероприятия, которые мы проводим. Та часть за… э… зданием администрации областной благоустроена очень хорошо, набережная

красивая сделана. И все делегации иностранные посещают этот уголок, очень замечательный, чистый, красивый, бмать. Все это делается. Так не было вот на набережной памятника Александру Третьему, он появился в последнее время. Построен он за счет средств Восточно-Сибирской железной дороги. Вот. Там очень красивое место. Вот… и… э… обустроен хорошо очень остров Юности. Раньше он был, но там ничего такого не было из заведений. Сейчас там детская железная дорога, сейчас там… музей Восточно-Сибирской железной дороги, там культурно-развлекательные комплексы, рестораны и подобное. Все это радует. Недостаток в городе Иркутске тот, что у нас стало много транспорта эк… частного, легковых, и весь центр запружен ими. И это не дает возможности не только людям отдыхать, ходить по улицам, там наслаждаться, но и портит вид города.

– Скажите, может быть, вы помните, вот как в первые годы, когда Вы приехали, как отмечались праздники общегородские. Вы уже там упоминали День Победы. Может быть, Новый год? Молодежь как отмечала праздники? И как она отмечает сейчас, какая есть разница между этими народными гуляниями, так скажем?

– Ну, эээ… в первое время мы проводили такое… такие мероприятия вот городские. Участвовали ветераны в городе Иркутске, было их несколько десятков тысяч. Сейчас, в последнее время, их осталось единицы. Молодежь в то время не принимала участия в шествиях. Лет пятнадцать-двадцать тому назад это началось культивироваться. От Танка памятника вот идут по городу с оркестром и… эээ… молодые люди, учащиеся – все идут, все это праздник, конечно, так праздник, праздничное настроение у всех, вот. Ну и что еще сейчас можно сказать, что раньше не было в День Победы гуляний на площади Кирова. А теперь площадь Кирова благоустроена очень хорошо, на ней проводятся праздники, и молодежь со всем удовольствием, мбать, посещает эти праздники. В День Победы мы, ветераны, все школы города Иркутска охватывали и охватывали выступлениями. Там устраивали для нас чаепития. В городе практикуется прием у губернатора, прием у мэра, приемы у руководителей округов. Все это создает, конечно, уважение ветеранам, уважение… эээ… Великой Отечественной войне, памяти.

– Вы сказали про памятники. Как вообще вы относитесь к тому, что переименовывают улицы, например, те, которые были в свое время в Советском Союзе переименованы, восстанавливают памятники, храмы. Вот ваше к этому отношение?

– Ну что, памятники, храмы у нас хорошие, нужные. В последнее время появились памятники – вот Колчаку, благоустроенно все, что положено. Здесь его заслуги не как главнокомандующего, значит так, нашей России в то время, а как военачальника и даже ученого больше всего, фуй… Другие памятники у госуниверситета, участникам Гражданской войны подобные. Они сейчас поддерживаются, конечно, в состоянии таком, но не так, как было раньше. Что касается переименований улиц, то я лично не поддерживаю. Заслуги Советской власти, заслуги участников Великой, то есть… эээ… Гражданской войны – их не отнимешь. Там, где нужно было сейчас для ученых, для… деятелей науки, улицы появляются новые, вот и присваивайте им звания – это если нужно. Зачем же мы, батько… м-эээ… менять улицу – название Каландаришвили, допустим, на другую улицу название? Называется улица, была Большая и другие. А что она отражала? Ничего она не отражала. Правда, есть улицы, которые можно смело сменить выставки и их названия. Ну, это уже, мбть, дело Думы города.

– Вы сказали, у вас было два сына – они остались в Иркутске?

– ???

– Вы говорили, у вас было два сына, а они остались в Иркутске жить или уехали в какие-то другие города?

– Значит, эээ… один сын у меня… эээ по окончании Института народного хозяйства, значит, получил назначение в Якутск. В Якутске работал, оттуда уехал в Нерюнгри. В Нерюнгри работал заместителем начальника автоколонны, он был автомобилист по профессии, кончал этот самый институт. И там у… умер в возрасте пятьдесят пять лет… кхм… У него была дочь. Дочь находится в… эээм… в Братске вместе с матерью. У этой дочери моя правнучка. И у правнучки… Правнучка вот вышла замуж недавно. Эээ… дочь кончила техникум здесь авиационный, программист. Сейчас по своей профессии не работает: места нет. Второй сын кончал школу, десять классов, здесь в Иркутске, семьдесят первую. Женат, дочь кончала лицей тридцать шестой Восточно-Сибирской железной дороги. Там же закончил вот недавно мой правнук семнадцатилетний одиннадцатый класс, поступает в ваш Госуниверситет, на факультет физики, физико-технической специальности поступает. Жена у меня была медик, работала в поликлинике железнодорожной. Пять лет с половиной тому назад она умерла. Сын… кхм… Виктор работал на железнодорожном транспорте и работает. Главный энергодиспетчер. Кончал он институт политехнический. Его жена тоже кончала институт политехнический, вот. Она работает, значит, в… эээ… Восточно-Сибирской железной дороге на-

чальником вычислительного центра. Не начальником вычислительного, а вернее, так он называется, опыт работы пред… в общем, по линии вычислительной техники, а точно я не знаю… эээ… кем работает там она. Вот, а… эээ… внучка работает там же, при ней, на должности программист.

– А вы приехали из другого города и, вообще, видимо, вы видели очень много городов. Скажите, вот по сравнению с другими какими-то городами, чем отличается Иркутск, в чем его специфика?

– Ну я сейчас не могу сравнивать. Ведь я после войны был в Свердловске. Неплохой город. Потом в Ленинграде. Хороший город. Потом в Махачкале. Своеобразный город. Своеобразный, но в то время это было шестьдесят второй год, то есть не шестьдесят второй, а… эээ… сейчас скажу, сейчас-сейчас-сейчас, что-то у меня… значит, пятьдесят… сорок шестой… пятьдесят второй год. Вот, правильно. 52-й год. 52–54-й год. Нравилось мне там. Но очень жаркое, правда. Мы располагались на берегу Каспийского моря. Рыбой пользовались, отдыхали, как положено. Оттуда переехали в Иркутск, то есть в Иркутске здесь, в Пассажирском, жил, потом в Иркутске в Ново-Ленино жил, переезжал. Потом опять сюда переехал. Поэтому сравнивать город Иркутск… не могу. В Иркутске было население в то время триста тысяч, а в Свердловске, допустим, там было около пятисот тысяч. Свердловск был более благоустроенный, конечно, чем Иркутск.

– Вы сказали, что, когда приехали, была очень холодная зима…

– ???

– Когда вы приехали в Иркутск, была, говорите, очень холодная зима. Вот климат с тех пор в Иркутске и в области изменился? Вы как-то обратили на это внимание?

– Изменился, изменился

– Как? Как на ваше восприятие?

– Эээ… зима стала мягче. С… эээ… когда я приехал, была очень суровая до сорока и больше градусов. Ныне, вот сколько я помню, тридцать девять-тридцать восемь – это редко. Чем это объяснить? Это объяснить тем, что создалось рукотворное море иркутское. Кстати сказать, мы, военные железнодорожники, строили дорогу, вот, обходную и эвакуировали от Байкала до Иркутска затопляемый участок – железную дорогу. В это время началось уже два года и шло строительство нашей… эээ… электростанции, вот. И мы, мы, конечно, там субботники устраивали, помогали… ммм… этим в строительстве. С появлением ГЭС в городе стало чище. Так электрической энергии стало больше, котельные стали работать от электрической энергии. Появилась ТЭЦ-10, да? Нет. ТЭЦ-1. ТЭЦ-1.

Закрылись всякие… эээ… значит… эээ… местные ТЭЦ. То есть… эээ… котельные. Вот пример. Я живу на спортивном переулке, это около сада Парижской коммуны… живу. У нас была котельная своя дома. Тридцать две квартиры и котельная. Соседний дом – тоже котельная. Третий дом – тоже котельная. Задымленность, газы, грязь – все это было. Сейчас этого в городе нет. Поэтому я говорю, что сейчас я радуюсь. Я никуда не хочу уезжать. Никуда. Ммм… вот… мне предлагали после увольнения там… эээ… на Украине, вот в города ко… дорогой. А я остался в Иркутске. Потому что я полюбил Иркутск. Полюбил его людей. У меня в Иркутске квартира, мои ребята учатся – все это… ммм… давало мне возможность и дает возможность жить. Я дожил до девяноста лет, сейчас девяносто первый год идет мне, и хотел бы, чтобы хоть немножко еще повидать, что будет… с… но трудно сказать, что будет.

В разговор вмешивается председатель Иркутского городского Совета ветеранов:

– Дмитрий Дмитриевич пустил сюда глубокие корни, он уже осибирячился.

– Я это я… эээ…

Председатель Иркутского городского Совета ветеранов:

– Уже внуки и правнуки.

– Я сибиряк теперь… эээ… я… эээ… только так. Вот недавно Дума приняла решение о награждении меня почетным знаком за заслуги в развитии города Иркутска. 7 мая и это… эээ… июня… во время Дня Города, при открытии музея городского мне мэр и председатель Думы вручили этот нагрудный знак. Он небольшой, маленький, но это память мне за заслуги в работе в ветеранской общественности, и когда я работал в доме науки и техники и в ЦБТИ.

– *А расскажите поподробнее, как строилась ГЭС иркутская, что конкретно Вы там делали?*

– Что?

– *Расскажите какие-то подробные воспоминания о том, как строилась Иркутская ГЭС. О том, как работали на этом строительстве?*

– Ну дело в том, что Иркутскую ГЭС строила, как говорят, вся страна. Тут были всякие, значит, приезжие, вот… то бишь не иркутские, значит, граждане. Четыре года она строилась, и сказать о ее строительстве я не могу. Почему? Потому что надо было сам… самому в этом, как говорится, по-по… эээ… повариться в этом котле У нас такой есть Московский Петр Федорович – бывший председатель Областного совета ветеранов. Он был замсекретаря парткома, бюро парткома, он знает. Но много было неурядиц при

строительстве. Это… эээ… вот. Но все пре… преодолели. И сейчас это море и сама, значит, эээ… плотина… и ГЭС радует нас. Я несколько раз был на экскурсии в этом… в машинном отделении ГЭС. Работают отлично, дают нам… эээ… необходимый ток. Этот ток обеспечивает Шелехов, Иркут… Иркутский алюминиевый завод, шелеховский ТЭЦ-10 то же самое пользуются, ну и многое другое. Так что сказать конкретно я не… .эээ… не сумею.

– Вы говорили, что вам нравятся иркутские люди. А как вы видите вообще иркутян, что это за люди? Как они может быть изменились на вашем веку?

– Ну… последнее время особенно молодежь стала очень модно одеваться. Во-вторых, появились места злачные: рестораны, кхм… кафе. Молодежь стала их больше посещать, больше стала употреблять спиртных, пива. Это не очень нас, ветеранов, радует. С этим делом надо вести борьбу. Появились, как называют, эти…

В разговор вмешивается председатель Иркутского городского Совета ветеранов:

– Ночные клубы, там «Стратосфера», вы имеете в виду, наверное, да?

– Да. В общем, и… и… одобряю их появление, и вместе с тем и нет. Раньше у нас было в городе много столовых. В любое время я мог пойти на улицу Сухэ-Батора, или куда там бывает, заскочить, поесть и так далее. Сейчас сделали рестораны и кафе недоступные по… по цене. Только те, кто зарабатывает хорошо, могут их посещать. А молодежь – та идет и вечера проводят в этих заведениях. Появилась преступность в городе. Она не только в городе здесь, она везде в стране, в связи с тем, что вот эти учреждения, заведения питьевые потребовали для лю… людей больших денег. И вот они начали, бывать, грабить людей, раздевать, убивать. И вообще при советской власти тоже была преступность, но в меньшей степени, чем сейчас. Смотрите, сейчас что делается в каждом городе.

– Скажите, а вообще характер именно иркутян он изменился за это время?

– И да, и нет. Наше поколение, которое уходит, было больше благосклонно. Больше ведь было… эээ… терпимо вот ко всем недостаткам. Нынешняя молодежь, им давай сейчас подавай все, сразу. Но вот я говорю еще раз: люди хорошие и молодежь хорошая вроде в целом, и много делают, много участвуют они. А вот сейчас дай клич строительство какое-нибудь новое на севере, и туда больше поедут из деревни, с сел, чем из города.

– Вы говорили, что очень любите гулять по городу. Может быть, у вас есть какие-то любимые места? Какие-то знаковые, свя-

занные с какими-то событиями очень важными в вашей жизни, на которые вы постоянно приходите. Может, это несколько мест?

– Я не понял.

– Вы говорили, что любите гулять по городу

– Да.

– Может быть, есть у вас в городе какие-то любимые места, или какие-то знаковые, которые связаны с событиями очень важными в вашей жизни?

– У меня много мест. Первое место – это я отношу набережной нашей Гагарина. Там, где памятник Александру Третьему. Хорошее место для отдыха. На втором плане остров Юности у меня, на третьем плане, хоть и без отдыха, раньше были аттракционы. Парк Парижской Коммуны… где я живу. Сейчас там просто, как говорят, ну… уголок… роща. Хорошее место отдыха. Но ходят туда молодые люди, пьют водку, пьют напитки, все бросают, завалено, захламлено, не успевают убирать за ними. Не успевают убирать. Раньше были аттракционы в этом Парке Парижской Коммуны, их поснимали, сейчас там ничего нет. Ничего нет. Далее хороший парк ЦПКиО. Очень хороший парк. Хорошее место отдыха в городе. В центре – площадь Кирова. Ну и ряд многих таких мест, очень толковых. Появилось у нас красивое место – памятник Жукову. Он еще не закончен… эээ… вот к дню 65-летия там еще будет благоустройство, и будут памятники полкам, дивизиям сибирским, которые участвовали в войне. Красивое место, где захоронение на… э… этой… у кладбища, Лисихи, где спят наши ветераны, умершие в госпиталях. Это память. Хороший памятник, бывать. Памятник хороший. Где еще у нас? В общем…

[– Вечный огонь, мемориал][1].

– Что?

[– Вечный огонь].

– Ну это мы уже говорили. Это… эээ… вообще красивое место.

[– Там планируется бульвар Ветеранов].

– Туда идут, туда идут все делегации иностранные, туда водят сейчас… эээ… свадебные церемониалы. Вот город красивый становится.

[– Там набережную будут совершенствовать, туда до Ушаковки и за Ушаковку в бетон одевать].

– Ну вот если получит город к юбилею 2011 года деньги, сделают набережную еще лучше, красивей. А что там будет? Там это… бетонные будут все убраны… двухъярусные уровни будут к Анга-

[1]В разговор вмешивается председатель Иркутского городского Совета ветеранов.

ре. Красивая решетка будет. Короче, будет место отдыха. Она сейчас красивая, а… но будет еще лучше, мбать. И вообще, надо сказать, что администрация города Иркутска во главе с Владимиром Викторовичем – он мужик толковый – любит город, любит людей. И поэтому я уверен: если он еще успеет, он сделает еще много.

– За пятьдесят лет город, конечно, сильно изменился, тут уж говорить нечего. В лучшую сторону изменился.

– Может быть эти места связаны с какими-то вот вашими личными воспоминаниями, с какими-то событиями очень важными в вашей жизни? То есть что-то такое знаковое в городе?

– Я не знаю, что тут сказать. Какие важные для меня события? Я очень много работал, будучи в доме науки и техники, вот. Организовывал приезд для иностранных гостей по городу Иркутску. На Байкал возил. Это я десятки раз, там… На Байкале я, так сказать, в доме отдыха в этом, я отдыхал, лечился, бывает, в свое время. Там моя супруга лечилась. Там прекрасное, конечно, место. Ну передали его, санаторий, ФСБ, делегации ездят. Там построили новые, значит, мес… мес… как это называется?.. эээ…

– *Корпуса*

– Что?

– *Корпуса новые.*

– Корпуса, да-да. Все это делается для экскурсоводов. Для экскурсий дело. Там хорошее сейчас обустройство МЧС.

[– База в Николе].

– В Николе. Мы там… туда были на экскурсии… ветераны ездили. Очень хорошая… быт, установка… обустроено. Так что таких знаменательных слишком бы нет.

– В заключение нашей беседы, скажите в чем вы видите будущее нашего города? Какие-то предприятия, которые на ваш взгляд наиболее важны сейчас и которые должны в городе развиваться? В чем будущее города? Культурные, может быть, центры?

– Вы знаете, ведь с перестройкой наши предприятия многие погорели, ликвидированы. Карданных валов нет завода, Куйбышева, считайте, нет – там один какой-то цех работает.

Интервью
с Людмилой Григорьевной Молодцовой
(1929 год рождения)

– Сначала давайте познакомимся! Я вот иностранка, я учусь на филологическом факультете. Сейчас у меня к вам некоторые вопросы про историю нашего города. Как вас зовут?

– Меня звать Людмила Григорьевна Молодцова.

– Хорошо. А где вы живете?

– А? Мой адрес? Точно мой адрес?

– Ну, примерно, да.

– Город Иркутск, проезд Амурский, 14, квартира 18.

– Значит, вы корневой житель, да?

– Я родилась в Иркутске.

– В каком году вы родились?

– 5 декабря 1929 года.

– О, значит, вам уже восемьдесят.

– Мне было 80 лет 5-го декабря.

– Ой, у вас был?

– У меня был шикарный а… юбилей. Это мне подарили. Все родственники, друзья там, там были у меня все родственники, и даже сын с семьей из Москвы прилетал, были внуки и правнуки, и невестки мои замечательные, был коллектив мой, были друзья.

– Были ученики?

– Ученики были, да. Мне было очень приятно, что так много людей пришли меня поздравить с этой огромной датой.

– Да, это же… А значит, вся ваша семья в Москве, да, живет?

– Нет, это не семья. Это старший сын у меня живет в Москве. Вот он тоже сюда прилетал, но вообще… я ведь считаю себя самым счастливым человеком [смеется], потому что жизнь – это счастье. А если вокруг меня столько людей, значит, самая счастливая.

– Да, мне тоже так говорят, когда все-все друзья там.

– Да, конечно. А, ммм… работаю я… счастье мое было бы не полным, если бы я не работала в школе № 1.

– А вы давно уже здесь работаете?

– Я здесь работаю 32 года.

– Ой, такой очень долгий период.

– Всего у меня стаж 60 лет, и 32 года я работаю в этой школе.

– А вы где учились там раньше?

– Училась я тоже в Иркутске. Я родилась в Иркутске и никуда не выезжала.

– *А никуда не выезжали?*

– Никуда не выезжала. Я, единственно…

– *Все здесь?*

– Да, я, единственное, на 22 года выезжала в город Ангарск, но меня отправляли работать. Когда город Ангарск… эээ… построили, нужны были новые кадры, и вот меня туда отправили директором школы. Я там… эээ… работала, потом я вернулась сюда и мечтала вернуться в Иркутск.

– *Скучали по Иркутску, да?*

– Да, конечно, потому что моя кровная родина. Я вернулась сюда и вот 32 работаю в Первой школе.

– *А в каком году вы закончили университет? Вы не помните? Помните?*

– Что закончила?

– *Университет.*

– А… в 1953 году.

– *Хорошо. И сразу в этом университете, да, работали?*

– Нет, сразу в школе работала, в 23-й.

– *23-й, и у вас после университета появились какие-нибудь шансы в других городах работать? Или вы сразу решили…*

– Нет, а дело… потому что я, когда работала в 23-й школе, у меня стаж уже был приличный, потому что я до университета работала в школе.

– *Как бы практика, да, в школе?*

– Работала я в школе, и поэтому меня в 1956-м году, 57-м, нет 56-м, однако, меня отправили в Ангарск директором школы.

– *А, понятно.*

– Вот. И я работала там, проработала вот 32 года и… но вот сюда.

– *У вас какие-нибудь сравнения между Ангарском и Иркутском есть? Или нельзя так сказать?*

– Почему нельзя сказать? Первоначально, когда я уехала в Ангарск, мне было очень интересно там работать, потому что новый город.

– *Все-все новое...*

– Все было новое, и я там была 4 года. Ой, 4 с отзыва… депутатом городского совета. Я депутатом была Городского совета, то есть занималась именно в комиссии по делам несовершеннолетних и… ну, занималась самодеятельностью, занималась становлением города… ну, хорошо было, хорошей работа была, интересная была работа, но было очень много.

– *Но все- таки…*

– Да, но все равно мне хотелось вернуться в Иркутск.

– *Все равно это же родная кровь.*

– Во-первых, у меня родственники все были в Иркутске.

– *И сын с сыновья, по-моему, тоже?*

– Сыновья, да, все были в Иркутске, поэтому я хотела вернуться в Иркутск. У меня эээ... сын, один сын, старший мой сын ...а... все сыновья мои закончили Благовещенское танковое училище, Высшее Благовещенское танковое училище.

– *А это где находится?*

– Это нах… город Благовещенск на востоке.

– *А, значит, не здесь, да?*

– Нет, они закончили это Высшее танковое училище, и были направлены… Старший сын в Германию был направлен. Двое средних, младших, были направлены в Бердичев, на Украину.

– *Значит, уже никто не хочет здесь остаться, да?*

– Не то что не хочет – отправили их, не спрашивали. Вот после Германии сын вернулся в Иркутск.

– *А он здесь работал, да?*

– Здесь он проработал 16 лет. Он военный. Зде... здесь он работал 16 лет, и его снова отправили в Москву. Сейчас он у меня живет в Москве.

– *А у вас какие-нибудь, когда-нибудь есть желания…*

– Поехать в Москву? У меня никаких желаний нет, но у моего сын всегда они были.

– *Да, у меня родители…*

– И поэтому он постоянно меня уговаривает, чтобы я все-таки переехала в Москву, но я ему категорично сказала: «Я никуда отсюда не поеду». В этот раз, когда он улетал после моего юбилея, он сказал: «Мам, но хоть в воскрес... хоть летом приезжай!» Я говорю: «Ну, надо смотреть».

– *Да, но здесь, в принципе, все есть.*

– Здесь… город, город наш, я считаю, что столицей… столица Сибири, Восточной Сибири. Да, Иркутская область… Город интересен тем, что у нас и театр есть, и концертный зал у нас есть, и цирк у нас есть, и кинотеатры у нас есть, и стадионы у нас есть, у нас все есть, то есть для того, чтобы развиваться молодежи, у нас все есть. А самое главное, что у нас, надо сказать, база культурная очень высокая. Понимаете? Когда приезжают артисты к нам, то они все благодарят нашего слушателя за культуру, то восприн... да.. зритель очень... зрителю очень благодарны все, кто приезжает в Иркутск, но у нас есть такая звездочка Мацуев.

– *Мацуев....*

– Да, его мир... весь мир знает… пианист.

– *Он здесь?*

– Пианист. Он закончил у нас, значит... эээ... музыкальное училище и был отправлен в Москву в консерваторию. Закончил там, и он сейчас занимается развитием куль... музыкальной культуры эээ... между Россией в целом и Иркутском. Вот у нас три фестивали были уже Байкальских, назывались фестивали. Вы, наверное, слышали, да?

– *Да, я слышала.*

– Вот, и приезжали к нам самые лучшие оркестры, а приятно то, что наш бывший ученик не только любит свою родину, но он приносит пользу всем, живушим на нашей земле. Вот, это уже приятно.

– *А он был… вашим учеником?*

– Он учился в начальной школе у нас, а закачивал одинадцатую школу.

– *А...*

– Одинадцатую школу он заканчивал. Ну вот, на предпоследнем концерте, когда я у него была, он сказал, что а... мой дом, мое детство, моя Родина начинается с Ленина 4. Это улица Ленина номер 4 дома, в котором он живет. Вот это уже очень приятно.

– *Да, это же...*

– Это очень приятно. Недавно Мариинский у нас был здесь оркестр. Филармония Марии... Мариинс… Санкт-Петербурга. Они проездом в Японию, останавливались на один день в Иркутске и дали два концерта. Один из них был благотворительный.

– *Вы все... во все ходили…*

– А как же? Попасть невозможно, но кое-кто все-таки попадает туда при желании, потому что спрос очень большой у зрителя, очень большой. Ну... эээ... у нас, когда ставили Колчака... наш Театр имени Охлопкова, к нам приезжал московский заслуженный артист Тараторкин, потому что в Москве он играл в Колчака и у нас он здесь тоже играл Колчака. Разве это не подвиг? Наши артисты Охлопкова в октябре месяцев… в октябре или ноябре, точно я не помню, по-моему в октябре, в конце октября, были на конкурсе артистов в России и получили…

– *А он занял место...?*

– Занял первое место. И получили эээ... статуэтку. Какая-то там статуэтка, им дали. Разве это не заслуга наших опять же, наше... наших труженников? Даже в области искусства, то есть… а все потому что слишком требовательный наш зритель. Если зритель будет нетребовательный…

– *Они не интересуются, то…*

– Конечно, тогда и театр будет работать на низком уровне. Так у нас высокий уровень. А Музыкальный... Музыкальный наш театр!Какие у нас голоса, какие у нас спектакли шикарные!

– *Да, здание тоже красивое.*

– Была там?

– *Я была один-два раза.*

– Ну… ну даже один раз, и то можно сделать.

– *Даже иностранка, да.*

– Да-да, впечатление должно быть очень хорошее. А... я... в какие же годы? Сейчас скажу, по-моему, в пятидесятые-шестидесятые годы у нас в стране в Советском Союзе очень была распространена японская музыка. Вы японка или корейка?

– *Я вьетнамка.*

– А, вьетнамка. Японская музыка была, и надо сказать, что у нас наш, наш, наши... а... вот слушатели все очень любили эту музыку, все очень любили эту музыку.

– *А поскольку это восточная культура...*

– Да, каз... казалось бы, да? А весь Союз пел эту музыку. А какая была мелодичность, какая гармония была, какое исполнение было певиц. Это же чудо было.

– *А японцы, они сюда приехали, да, в Иркутск?*

– Но они приезжали, да, то есть я хочу сказать, что наши люди в области культуры, конечно, очень высоко развиты, вот. У нас всегда полные театры. У нас нет такого, чтобы артисты без зрителя выступали. Такого у нас не было, всегда полные театры. Сейчас у нас… мы готовимся к юбилею. 1861 же наш город... эээ... наш основан... основание, да, Похабовым. И мы сейчас к юбилею готовимся. У нас очень много сейчас... эээ... восстановлено зданий жилых, улиц, скверов, парки... это где фонтаны новые появились, то есть у нас летом так красивый город, зеленый город.

– *Да, летом особенно красивый город, а сейчас...*

– Да, а зимой сейчас морозы начались.

– *А в этом году так странно, очень холодно.*

– Разве? Ничего еще не холодно, ничего еще не холодно у нас, 40 градусов бывает, так что у нас еще не холодно.

– *Но да, летом красивый город.*

– Красивый, да, даже снежный он – красивый город, но, конечно, сугробы кругом, слов нет, когда идет сильный снег, сразу не успевают убрать его. Но... у нас очень… человеческий фактор, что у нас очень много личных машин, больше, чем рассчитано улиц города. И поэтому у нас часто пробки на дорогах.

– *Да, у вас система транспорта…*

– Она не рассчитана на такое количество машин, да. Еще трамвай большой такой. Соверш... совершенно верно.

– *В Москве уже нет трамвая, по-моему.*

– Наш, видите, наш город старинный, купеческий, старинный город, а потому... эээ... улицы были узкие, расширить их практически невозможно, потому что дома стоят.

– *Никто не хочет уехать.*

– Дома стоят. У нас единственное… вот... эээ... улица Карла Маркса. Как она была…

– *Самая длинная, да?*

– Самая длинная, да. Она раньше называлась Большая. И вот губернатор Трескин наш, но это еще в 18 веке, он... эээ... запретил за черту ставить свои дома. И у нас Карла Маркса, то есть это Больш... ну, Карла Маркса сейчас у нас вот, улица ровная-ровная, вот так идет. Как от Набережной, от памятника Александру Третьему, так до самого конца она идет прямая, потому что в свое время губернатор сказал: «Если будете вылазить, отрежем по... эээ... часть дома». Вот такой был строгий приказ. Да, такой был строгий приказ. И все почти здания у нас сохранились до настоящего времени. Построены они были, конечно, благодаря меценатам – нашим купцам, особенно нашим золотопромышленникам... эээ... которые ассигновали деньги на строительство. И дома все каменные, потому что у нас был пожар в тысяча восемьсот.... тысяча восемьсот семьдесят каком-то, сейчас точно не… по-моему, семьдесят восьмом... и... у нас...

– *Большой, да, был пожар?*

– Да, и... но это вот в середине 19 века. Часть города выгорела, потому что город… в городе было очень много деревянных зданий.

– *Да. Изба, да, называется?*

– Да. И часть его была выгорена. И после этого был губернаторский приказ: только в центре города строить кирпичные дома. И вот они до сих пор стоят. И деревянные до сих пор стоят.

– *Да, до сих пор стоят.*

– Которые, которые...

– *Рядом с многоэтажным...*

– Совершенно верно, потому что какие-то старые дома отнесли, а деревянные… они тоже в 19 веке. Они ведь не сегодня построены, не в это время, а в 19 веке построены. Они все еще стоят.

– *Да, еще стоят.*

– Совершенно верно, потому что... эээ...

– *Это же культурная часть города.*

– Конечно, а потому что у нас есть деревянные дома, которые представляют себой историческую ценность, и их не трогают.

– *Это в центре, да, города?*

– Да, в центре города все это у нас.

– *Но это ценности, конечно.*

– Так, ну что еще сказать... рассказать?

– *Ну, так, вам очень... мне вообще интересно слушать.*

– Интересно слушать, да [смеется].

– *А можно еще про это...*

– Про что?..

– *Так, город когда основан уже есть. А кто был основателем*?

– Похабов. Иван Похабов.

– *Похабов. Он же губернатор, да?*

– Нет. Он же... острог был. Он построил острог. Острог, вот где сейчас стоит у нас... эээ... Вечный огонь. Вот это часть, вот это часть. Да, вот эта вот часть Иркутска занимал острог, когда пришел сюда Иван Похабов в 1861 году.

– *Кстати, вы историю преподаете, да?*

– Да.

– *Вообще очень хорошо знаете...*

– Но, я преподаю 20 век [смеется]. И кругом была тайга. Здесь тоже была тайга. Все тайга была.

– *Домов, по-моему, нет.*

– Никаких домов не было, только был острог, никаких домов не было. Зверя было полно всяко разного, потому что тайга, да. И у острога были очень высокие стены, и были башни, с которых наблюдали, чтобы ворота были заперты, чтобы не проник ни... к... хищный зверь туда, то есть и кругом. А постепенно, да, постепенно начало… острог на и... так оставался. А за острогом постепенно начали расширять территорию и создавать улицы, дома, церкви, и постепенно увели…

– *Значит, Иркутск – это молодой город, да?*

– Но какой же он молодой? Триста пятьдесят лет ему.

– *Да, а быстро он развивается, по вашему мнению?*

– Вы знаете, конечно, после Великой Отечественной войны какое-то было затишье, потому что с нашего района, то есть Иркутской области, на восстановление городов, в которых в [нрзб] год было разрушено все, городов западной части России. Вот туда поставлялся из Иркутска кирпич, железо, стекло, лес на строительство. И поэтому, конечно, в Иркутске было замедленное строительство. На себя уж не хватало. Но потом начал город отстраивать, например, в сорок восьмом году, в 1948 году, сорок де-

вятом году был заложен город Ангарск. Там… туда были привезены после войны нефте-… тру.... но оборудование нефтехимического комбината. И город начал строиться в 1949 году. И надо сказать, что в кратчайший период времени, я считаю, в кратчайший период времени было выстроено 16 заводов, но назывался, назывался он. Ну-ка подождите, «Комбинат 16», он так назывался.

– *Комбинат 16?*

– Да. Были построены заводы, которые были засекречены, в Ангарске. И город начал развиваться, и теперь, конечно, где-то вот до девяностого, до Перестройки, вот до тысяча девять… вот до девятьсот… тысяча девятьсот восемьдесят пятого года Ангарск очень хорошо развивался. Две... эээ... сорок две страны он оснащал своим... эээ… своей продукцией. А молодой ведь город. А город Шелехов у нас. Вот я сейчас Шелехов не помню, когда начали строить. А алюминиевый завод, он же давал ценнейший металл опять же стране. Вот город Братск у нас. Но это все послевоенные города построили.

– *И все они в Иркутской области?*

– Вокруг они... эээ... в Иркутской области. И, конечно, все они вокруг Иркутска. А электростанция, Братская ГЭС, Братская, да, Усть-Илимская ГЭС, теперь наша Иркутская ГЭС.

– *А когда наша Иркутская была построена*?

– Ой, это да, я не помню, я боюсь уже вам...

– *Это давно уже?*

– А?

– *Давно уже?*

– Но, по крайней мере, Иркутская ГЭС… ой, где-то в начале пятидесятых годов ее построили. Сейчас просто не помню, сейчас я… в начале пятидесятых годов построили. И надо сказать, что потом закольцевали все вот электростанции. И поэтому ток-то шел не только на Иркутскую область, он шел и на Красноярский край, и дальше, то есть... эээ... электроэнергия иркутская.

– *Какую большую пользу приносит?*

– Да. Но Братская, конечно, очень мощная электростанция, очень мощная электростанция. И наша даже Иркутская электростанция… Было, конечно, очень много посевных площадей затоплено, потому что... эээ... водохранилище было, но это естественно, водная же электростанция. Немножко, по-моему, обмелела Ангара, потому что когда поднимается с… выпускается в воду она вроде, становится… становится полноводнее, то перекрывают. Все понятно, это технический уже, но вода все равно у нас очень чистая,

очень чистая, но холодная, потому что она идет с Байкала, очень. У нас на Байкале в августе бывает где-то восемь градусов вода.

– *Даже самое лето, да?*

– Да, самое лето +8, +9, больше не бывает.

– *Вы знаете, наши студенты же летом, они хотят купаться там, на реке, но не решаются они, больше пяти минут не могут.*

– Да, конечно, конечно. Это же надо… У меня, правда, внучка тоже купается в Байкале в августе, но это очень холодная вода, очень холодная вода, но и в Ангаре, конечно. В притоке у нас Ушаковка, Китой – эти, конечно... эээ... реки теплые. Куда. Эти теплые реки, а Ангара – холодная вода. Но самое главное, чтобы она была самая чистая. Вы знаете, на Байкале, когда начинается весна, начинается, тает лед. И он тает не сверху, а он тает снизу.

– *Точно?*

– Да, он тает снизу. И вот когда вот так вот… поднимаешь вот так вот льдину, вот так вот поднимаешь льдину, она состоит из мелких каранда... как будто бы карандашей, трубочек таких, вот трубочки друг другу. И все и прозрачные. Какая красота! Красотища! Со звоном рассыпаются вот эти прозрачные сосульки. Очень красиво! И замерзает у нас Ангара и Бай... Байкал тоже снизу, не сверху. Снизу поднимается вот это, вот эти вот льдины образующиеся, и они зати…сковывают вверх. Вот это тоже особенность нашей воды. Но на Байкале я, правда, не знаю, где конкретно, но я знаю, на Байкале лед иногда доходит до четырех метров, а может быть, больше. Но самое главное, что когда вы на льду стоите, смотрите вниз, то увидите, как плавают рыбы.

– *Такая прозрачность?*

– Такой прозрачный лед! Лед очень прозрачный, очень.

– *А вы сами видели, да?*

– Видела, я поэтому вам и говорю. Вот и льдины и так брала в руки.

– *А это зимой вы были на Байкале?*

– Нет, это уже где-то в мае месяце, когда уже… ну, в апреле, в мае, когда уже таять начинает лед. Вот тогда вот плывет льдина небольшими кусочками. И вот мне сказали: «Попробуйте, поднимите!» Холодно, мерзнут, конечно, а когда ее вот так поднимаешь, вот какая красотища! Вот такая особенность нашего Байкала.

– *Интересно, по-моему. Нам повезло, что есть Байкал, да? И привлекает больше туристов.*

– Во-первых, Байкал… эээ... У него там же очень много рыбы, причем уникальная рыба, чистейшая рыба. Экология, конечно, прекрасная, но, конечно, БЦБК наш сбросы делает и все равно портит где-то экологию Байкала. Ну, борется наше правительство,

чтобы очистительные сооружения поставили на БЦБК, а дело все в том, что БЦБК же ведь в то время поставили, потому что очень нужна была бумага. И там почти все население работает на… на этом комбинате, и если его закрыть, значит, практически надо выселять все население куда-то… значит, надо все… перепрофилировать этот завод. Но правительство составит вопросы, и я надеюсь все, конечно, будет, будет когда-то.

– *Когда-то решится этот вопрос*.

– Так. Ну, что еще вас интересует?

– *Еще это. А вы знаете, какие-нибудь новые строительства будут в ближайшее время в нашем городе?*

– Строительства в нашем городе? Жилье у нас. Вопрос у нас с жильем очень серьезный, потому что население у нас растет, да. А у нас жилья не хватает.

– *А когда будет миллион человек?*

– Ой, миллион. Я не знаю, это будет…

– *Чтобы метро было.*

– Далеко, ой, нескоро, нескоро. Миллион у нас будет нескоро, потому что для этого нужно, чтобы развивалась хорошо промышленность.

– *А разве здесь не развивается? Здесь... ну, много полезных ископаемых.*

– Полезных ископаемых очень много, а промышленность развивается слабо у нас, конечно, потому что у нас очень многие закрытые. Очень много закрытых у нас заводов. Они устарели, и механизм устарел, и здания устарели. И поэтому у нас очень много заводов закрыли.

– *Вот, например? Можно мне названия какие-нибудь?*

– Ой. Радиозавод закрыли, закрыли завод «Эталон», закрыли завод Куйбышевский, закрыли завод...

– *Даже я их не знаю.*

– Конечно, не знаете, потому что там сейчас совершенно другое назначение. Со временем, конечно, все это будет подниматься, потому что... эээ... просто население должно быть… должен быть рост населения. А раз будет рост населения, значит, будут… и потребуются рабочие места. Раз потребуются рабочие места, значит, будут открывать предприятия.

– *Ну, надеемся, конечно.*

– Но, конечно, конечно, будут. Ну а что у нас… я тебе говорю: жилье у нас сейчас, строительство, но у нас сейчас мост…

– *Новый мост, который через…*

– Новый мост открыли, да. Причем, в обе стороны открыли, а развязок еще нет. Развязки…

– *По-моему, только по одной стороне.*

– Сейчас даже по одной еще идет? Что-то... возможно, что вторую сторону еще не открыли. Что-то я…

– *Но как-то у вас строительство медленно идет*.

– Но, медленно в этом отношении, потому что денег нет. Деньги же у нас же, видите, у нас, во-первых, мерзлота, у нас же климат суровый, значит, строительство же… эти же подземные работы, они же очень дорогие.

– *По-моему, только летом да работают...*

– Нет, но зимой строят, конечно, те дома, котор... где фундамент заложен уже и идет поверх фундаментное строительство.

– *Это же легче, конечно.*

– Конечно-конечно. Но так я вам даже не скажу, по-моему, пока я что-то не слышала, что-то грандиозное начали у нас строить.

– *А, да?*

– Но не знаю, лучше, лучше не отмечайте, потому что я не в курсе. Я не хочу заниматься фантазией. Потом, говорю, сейчас вот вопрос с мостом у нас, и развязки… Развязки, потому что с моста тоже съезжать куда-нибудь надо. А какая это должна быть развязка, как именно? А не знаю, у нас дорога должна… А, подождите, нет, я вспомнила! Знаю, у нас вокруг Иркутска дорога строится, чтобы... эээ… грузовой транспорт у нас не по городу ходил, чтобы объезжал город. Об… я знаю, дорога строится. Теперь у нас планируется…

– *А у вас есть подземные?*

– Подземных у нас нет дорог. У нас... эээ... планируется новый аэроп… аэропорт…

– *А по-моему, у вас новое здание есть, уже было рядом со старым...*

– Аэропорт. У нас новое здание есть, но у нас совершенно на новом месте, это за Ангарском. За Ангарском должны быть. Между Ангарском, Иркутском и, по-моему, Баклашами. Там должен быть у нас в будущем очень мощный, который будет принимать все самолеты, строит... аэродром.

– *Знаете, какая интересная новость! Потому что мы хотим прямым полетом во Вьетнам.*

– Да, будет у нас, но я не знаю, на сколько это будет рассчитано, потому что планируют одно, во время строительства какие-то другие… Но планируется новый аэропорт у нас, новый аэропорт.

– *Это хорошо. А еще какие-нибудь парки там, церкви там?*

– Церкви у нас. Вы знаете, а у нас, в основном, церкви… эээ... на пожертвования граждан строятся.

– *А которые люди дают деньги?*

– Да, да. Конечно, государство дотирует… эээ... такую-то сумму. Но, как правило, у нас... эээ... идет за счет народа. У нас восстановили Харлампиевскую церковь вот на 5-й Армии. Разрушили…

– *Раньше была, да, уже?*

– Там была церковь. Харлампиевской называлась церковь на 5-й Армии, но она была разрушена. В ней был склад, библиотечный был склад. Потом были какие-то другие церк...

– *А это от пожара, да? Или другие причины?*

– Но она, по-моему, у нас была просто от времени, от времени уже ветхая, а сейчас она восстановлена.

– *За счет денег…*

– Восстанов... но постепенно все это, все годами, восстановлено годами. Даже купола позолочены у нас на… Восстановлена колокольня центральная.

– *А это где?*

– А это, когда вы пойдете вот в ту сторону по 5-й Армии, это до улицы Свердлова надо дойти, но вы увидите. Вы когда пойдете с той стороны, с той стороны, вы увидите вот эту новую церковь. Вот. Но видно, что она новая, потому что купола золотые, играющие кресты. Увидите. Вот новую церковь… у нас здесь восстановлена. У нас церкви в районах новые поставлены. У нас новая церковь построена на территории Ивано-Матренинской больницы детской. У нас есть больница еще, построена купцами Иваном и Матреной. И это муж с женой.

– *А кто они были?*

– Они купцы были, купцы они были, ну да, были известные купцы. И вот… вот они построили эту больницу. Сейчас эта больница расширена, надстроена. Пристроено новое здание. И плюс там стоит у нас небольшая церковь. Вот ее тоже, наверное, года третьего у нас открыли. Совсе... совсем недавно. Рабочее… у нас новая церковь тоже построена. Старая церковь там восстановлена. Церкви у нас восстанавливаются повсюду, где они были. Вот повсюду церкви у нас восстанавливаются. Дело в том, что, вы понимаете, вот я наблюдаю, может быть, я ошибаюсь, но я наблюдаю что? Вот, люди вроде вот в бога не верят, однако приняли крещение.

– *Почему-то да? Все равно принимали.*

– Вы понимаете, вот у меня вот такой вопрос, то есть они постоянно не ходят, например, в церковь. Приняли, а постоянно не ходят, но в праздники они идут. Церковные праздники они отмечают.

– *Все жители, что ли?*

– Но, конечно. Вот все жители, понимаете? То есть какая-то часть только жителей, которая... эээ… ну, как вам сказать, а которая, ну, не считает, что ли, своими обязанностями ходить. Все-таки человек, который свято верит…

– *От души верит.*

– Да, человек, который свято верит в бога, он, естественно... эээ… бывает на каждых молениях и– в праздники, и не в праздники, все равно бывает. А есть основная часть. Но вот Крещение будет, например, 19-го января. Уже на озере, вот в Солнечном, будет обязательно сделан... купальница будет сделана, и люди будут купаться. В январе месяц, вы представляете?! Это же, это же представить страшно. Это представить страшно, а люди купаются. Люди купаются.

– *Потому что они верят.*

– Потому что они верят, они верят в то, что если они купаются, вот в жизни будет этот год прекрасный, без болезни.

– *Чистенький будет.*

– Чистенький будет. Совершенно верно. И еще у нас почти все население в этот день берет святую воду.

– *Это только в Иркутске или?*

– Ну да, это... ну, я думаю, что во всей России, а в Иркутске, да, точно. У нас все церкви, церкви... эээ... бесплатно отдают святую воду. Ты придешь, хоть с чем... Хочешь с ведром приходить, тебе нальют. Но люди еще приходят, естественно, с бутылками небольшими там, но какая-то емкость небольшая. Но вот я, например, в прошлом году сама тоже ходила. Обратила внимание: самая большая емкость пятилитровая, но, правда, но, правда… а там же есть на пожертвование церкви. Есть, значит, стоят... эээ... но как их назвать, даже я не знаю, но тоже какие-то емкости. И люди на пожертвование церкви бросают какую-то сумму денег, а берут воду. Но некоторые ничего не опускают в эти емкости, а воду берут. То есть я хочу сказать, что святую воду берут все. И причем и вот из той емкости, вот как купальница сделана, и, значит... И в церквях, это можно же проследить, в церквях очень много народу, потому что каждый стоит. И очень четко организована вот эта вот… эта раздача вод. Но у нас, вы знаете, у нас церкви есть сейчас во всех городах, не только в Иркутске. Церкви есть во всех городах, поэтому во всех городах в Крещение берут воду. Что интересно, я сама, наверное, убедилась, хотя я это есть… всю жизнь был… я историк. И что я уже уяснила для себя, что это, видимо, в это время природа, сама природа, видимо… какие-то выступают изменения химические, какие-то биологические изменения в природе, пото-

му что да, да, сама ведь земля же, она тоже имеет прослойки из камня и песка, и... но различные же ведь есть прослойки у земли.

– *А кстати, здесь были какие-нибудь землетрясения?*

– Были землетрясения, были, конечно. И вода, поэтому она принимает совершенно другие, ну, элементы, что ли. Вот вы знаете, я брала в прошлом году воду, принесла ее, поставила, но, правда, в темное место, в шкаф поставила, в кухонный. Она у меня год простояла, вот как она была прозрачная, так она прозрачная стояла. А ведь обычная вода всегда начинает цвести, начин... появляет какие-то пленки, и воду выбрасываешь.

– *Это вы с Ангары, да, принесли воду?*

– Да. А если вот в Крещение брать воду, она простоит целый год и ни... никаким образом не изменится.

– *Так только в Иркутске, что ли?*

– Не знаю, не знаю, в Иркутске или… но это я сама убедилась, это я сама убедилась. Да, еще скажу. У меня была ученица. Девочка отличница, закончила с золотой медалью, но вот что-то стала болеть, болеть простудными заболеваниями. И когда она мне сказала, что она купалась в проруби вот в Крещение, я была в шоке. Я говорю : «Таня, как ты догадалась? А как мама тебя пропустила?» Она говорит: «А мама ничего не знала». Она с друзьями туда, она с друзьями туда приехала, надела купальник, вышла, 3 раза окунулась, вышла из этого прорубя, и уже сразу накинули на нее, конечно, и полотенце, и воду теплую дали, и одежду. Они садились в машину. Она целый год не болела. И она мне сказала: «Теперь буду купаться каждый год». Я говорю: «Ты с ума сошла! Ты же даже в бассейн не ходишь». Я говорю: «Вот какое купанье!» Но я не знаю, вот нынче пойдет или не пойдет. Вот такой даже пример.

– *А вот я вот…*

– Землетрясение вы говорите? У нас вообще по… вот по нашей, что ли, системе, у нас самое уязвимое место – это Байкал.

– *Вы знаете, в других городах, если мы снимаем квартиру, иностранцы, то они сказали, намного дешевле, чем в Иркутске, потому что здесь очень надо, но трудно, чтобы строить дома, может быть, здесь землетрясение...*

– Да, и здесь скальная, скальная порода. Очень тяжело строить. Вы знаете, вот у нас было в последний раз, очень было серьезное землетрясение.

– *Я помню в прошлом году.*

– В прошлом году. Совершенно верно, 28 августа у нас было землетрясение... эээ… по-моему... эээ… что-то от шести до восьми баллов у нас было. И у нас...

– *Вы чувствовали?*

– Ну как же, конечно. Я в это же время, я в это время вместе со всеми историками города находилась в здании на Синюшиной горе, в школе. И когда началось землетрясение, то школа начала трещать, стекла начали трещать, и мы, конечно, все быстренько покинули здание. И вот когда мы от здания отходили, то мы шли по земле и чувствовали ее колебание. Ну, мы отошли, конечно, от здания, но это было… очень быстро землетрясение прекратилось. Разрушения, по-моему, не было. У нас в городе разрушений, по-моему, не... не передавали, что у нас какие-то были разрушения. А вот в квартирах кое-что было. У меня, например, упал большой портрет. У меня есть метровый портрет моих сыновьей. Когда они закончили военные училище, я сфотографировала, метровый был портрет. Он у меня стоял на пианино, и от того, что было, я живу на шестом этаже, он у меня упал. Когда падал, то с пианино уронил две хрустальные салатницы, они разбились. В стенке все двери были открыты, но вещи не упали, посуда не упала. Она подвинулась к краю, но не упала, но дверки все были, дверки все были открыты, когда я пришла домой. Я, честно говоря, когда открыла дверь, думаю: «Интересно, что у меня там» [смеется]. Но вот так вот, ясно, что потери небольшие. Мой дом десятиэтажный, и тем не менее он выстоял. Штукатурка в коридоре на лестничной клетке посыпалась, а трещин не было. А дом десятиэтажный, вот.

– *Это тоже проблема.*

– Конечно. Ну, потом нам все быстренько покрасили, побелили, замазали, так что все было нормально, то есть, по-моему, разрушения не было. Но народ, его эвакуировали и до четырех часов дня вообще запретили входить в здания, боялись, что будет второй толчок.

– *А это каждый год у вас?*

– Почему каждый год? Нет, не каждый год, но толчка второго не было. А если был, то был такой, что мы не заметили. Вот так вот.

– *Это же природное явление. Что нам делать?!*

– Это природное явление. Да, это природное явление. Перед этим было землетрясение, я даже не помню когда. Ну, большой перерыв был. Большой был перерыв. Тоже землетрясение было. Но… эээ... по России землетрясение… в... эээ... которо…

– *Еще страшнее.*

– Конечно, даже разрушаются дома. Но особенно вот на Кавказе, на Кавказе. В средней Азии были тогда, сп... сп... у нас здорово, но это средняя Азия.

– *То есть то, что в Сибири, то есть какие-нибудь недостатки?*

– Вы знаете, что в Сибири дома проектируют, учитывают колебание все-таки природное и, видимо, рассчитывают очень хорошо, потому что у нас ни один дом не разрушен землетрясением. Я не слышала в сводке, что у нас где-то разрушен был дом. Это, это уже… эээ... похвала для нашей службы инженерной. Так, так, еще что вас интересует?

– Мне так интересно. Так, время у нас еще есть. Вы мне, пожалуйста, рассказывайте про систему образования нашего города.

– Система образования?

– Я, когда я захотела в России учиться, я выбрала сначала Москву или Петербург, но мне сказали, в Иркутске это, ну, образование хорошее. И здесь тихий город, можно получить хорошее образование.

– Вы знаете, конечно, Москва и Пет... Санкт-Петербург – это столицы нашего государства, и естественно, что все города России работают на этих два города. Это все понятно, но если… эээ... в Петербурге, в Санкт-Петербурге в Педагогическом институте пользуются учебником, написанным Владимиром Мейеровым, преподавателем, но его сейчас нет, он уже умер, написанным преподавателем Госуниверситета, кафедры русского языка и литературы.

– Здесь?

– Да, он работал на кафедре русского языка и литературы университета.

– Нашего Иркутского?

– Да, конечно, конечно, нашего Иркутска. И когда ему было семьдесят лет, а я была на его юбилее, потому что мы с ним учились в одной школе. И когда я была на его юбилее, то приехала его студентка, которая преподаватель в Санкт-Петербурге в пединституте, и она сказала, что мы пользуемся учебниками, написанными Владимиром Мейеровым.

– Так что у нас фундамент.

– Так что, да. Это уже, это уже что-то. У нас в городе был Ходос, не… нейрохирург. Умер он, но я не помню, года, наверное, пять, может быть, побольше… тому назад. Клиника у него есть, факультетская клиника на улице Гагарина имени Ходоса Это был тоже невролог не только всего Советского Союза, но и его труды даже были известные и заграницей. Но про кого еще? Про кого еще?

– Вампилов.

– А?

– Вампилов.

– Вампилов наш.

– Распутин.

– Да, Вампилов наш баклашинский парень. Учился в населенном пункте, закончил наш университет, теперь известен тоже всему миру. Погиб, правда, глупо, но что сделаешь, тоже природа.

– *Талантливые долго не живут.*

– Талантливый. Ну, поехал за рыбой на свой день рождения, лодка перевернулась, потому что шторм начался на Байкале, и все. Вот теперь кто еще у нас? Сейчас я вам скажу. У нас много... кино...

– *А есть из вашей школы кто-нибудь?*

– Из школы нашей? Вот сейчас, конечно, сложно сказать. Директору бы, конечно, было проще сказать. Я знаю, что из нашей школы вот сейчас девочка, девятиклассница, девятиклассница была в Омске на соревновании. Они заняли командное третье место, а она получила мастера спорта. Вот если вы на нее посмотрите... вы на нее посмотрите, вы ни за что не поверите. Маленькая, худенькая, но когда она выступала в Китае, она привезла нам пленку, как она в Китае в прошлом или в позапрошлом, что ли, году выступала, тоже они заняли... эээ... серебряную медаль в командном выступлении, а в личном у нее, по-моему, золотая медаль, но у нее столько уже медалей, она везде уже выступает, но это же будущее Иркутска.

– *Да, конечно.*

– У нас, знаете, у нас много. Мне трудно сейчас говорить о спортсменах, потому что я как-то не очень так слежу за спортсменами-то, но у нас очень много выдающихся олимпийцев. У нас была... эээ... наша иркутянка. Она на олимпиаде, она получала золотые медали, в мире у нее золотые медали, но она разбилась в Москве, когда был гололед сильный. Ее привезли на... эээ... в аэропорт. Сейчас я фамилию постараюсь… Костина. Костина она. Это фигурист нет, подождите…

– *Фигурное катание?*

– Нет, она не фигуристка была. Легкой атлетикой она занималась. Вот тоже наша иркутянка

– *Это точно будущее Иркутска...*

– Конечно-конечно. Ну-ка, про кого еще вспомнить? Наш знаменитый Вырупаев. Но я не могу говорить вам просто про всех спортсменах, потому что я говорю, я не в курсе. А вот из нашей шк*олы.*

– *И артистки, какие-нибудь артисты?*

– У нас, не, вы знаете, у нас… Я не помню сейчас фамилию этой девушки, но она у нас училась, у нас кончала, школу закончила, наш Театральный иркутский, работала у нас в Музыкальном театре, а потом уехала в Москву. И у нее другой… фамилия другая теперь, и я, естественно, не знаю. Единственное, что я вам еще могу

сказать, вот сейчас, на 5 декабря, я получила от своей ученицы, она здесь у нас училась, вот видите, могу вам подарить, она мне посылала. Она поддержив… она сейчас продюсер программы телевизионной «Вести-Москва».

– *Она тоже здесь училась в университет?*

– Она училась. Нет, она училась в Иркутске Она закончила у нас в Иркутске, уехала в Москву. И сейчас она там продюсер «Вести-Москва». Вот она мне послала, ведь кто меня помнит. Вот вам календари, могу вам подарить календарь. Так, это Рита Караулова, Лида, вернее, Караулова.

– *По-моему, здесь университеты тоже хорошие.*

– Да, знание, конечно, у нас знание, конечно, очень хорошее, и вы знаете. Но насчет качества знания по университетам, это, конечно, вам кого-то другого надо спросить [смеется]. Вот, но я знаю только одно, что в нашей школе каждый год выпускают с хорошими знаниями учащихся. У нас даже вот там стенд был, сейчас я не помню, с какого там года. Как только появились золотые медали, то у нас каждый год не менее шести золотых медалей. Вот я выпустила, ребята на 4 курсе сейчас. Значит, 4 года тому назад я выпустила 11 класс, у меня было 6 золотых медалей. 6 человек закончили с золотыми медалями. Хочу сказать, что качественность школы очень работает, знание дают очень хорошее. В прошлом году у нас была комиссия очень авторитетная. Представители комиссии были из Братска, из Ангарска, из Шелехова. Это люди, которые независимые, которые принципиальные, хорошо знающие. Они составили очень хорошую справку по нашей школе, что у нас хорошее качество знания. И уроки, и уроки у нас, конечно, надо сказать, на высоком уровне идут. У нас очень много в школе, по-моему, от десяти или двенадцати отличников народного просвещения, коллектив стабильный, коллектив стабильный. Правда, к нам ходят все время молодые, мы их пытаемся учить. Горе еще в том, что сейчас молодым сразу подавай большую заработную плату. Учительство никогда не получало большую заработную плату.

– *Ну, это не совсем...*

– У нас всегда, у нас всегда отставало, потому что мы же будущие производители товаров потребления, поэтому к нам немножко снисходительное какое-то отношение. Наши производители забывают, что для того чтобы занимать высокие посты, надо пройти начальную школу, и среднюю школу, и высшую школу. И надо подумать, кто их поучил читать, писать и считать. Но они, как правило, считают нас, как видимо, средним классом, потому что мы работаем на будущее.

– А только в Иркутске...

– Не только в Иркутске, а все учительство я имею в виду. Потом только мы видим результаты, когда человек уже становится специалистом, профессионалом, а пока вот только учим вот писать, читать и считать [смеется].

– Нет, но мы все равно уважаем вашу работу.

– Конечно, вот и вы прошли по школе, вы увидите, что даже в сложное время, когда денег дают очень мало…

– А это о каких годах?

– Я говорю, по школе по нашей прошли, говорю, но знаю то, что все равно наша школа хорошо оборудована.

– Но об этом уже ясно, да.

– Знаете, да? Мы получили президентскую премию тогда и сразу организовали 2 класса компьютерных у нас. На каждого ученика компьютер. То есть я хочу сказать, у нас вот только единственный класс не имеет евроокна. У нас вся школа имеет евроокна. У нас подвесные потолки. У нас… у нас очень хороший родительский комитет ежегодно. Они меняются, но они друг друга дополняют. Вот нынче, нынче родительский комитет решил, что в коридорах надо поставить евроокна, чтобы было тепло, и поставили, сдавали деньги все родители.

– Но здесь, по-моему, люди очень не жалеют деньги, чтобы получить хорошее образование.

– Вы понимаете, дело все в том, что они делают для своих детей. Или их ребенок будет мерзнуть в школе. Вот смотрите сегодня! Во всех классах вы были, было очень тепло, даже жарко, а в этом было немножко прохладно, потому что старые окна. А родители хотят, чтобы дети у нас все всю зиму, морозы, дети ходят в сменной обуви. У нас очень тепло в школе, а это благодаря родителям. И потом, наши дети, причем даже, вы знаете, в кофточках приходят, в рубашках приходят, потому что жарко очень.

– Простите, что вам надо прекратить, потому что у нас время еще, вот еще у нас вопросы. Как вы думаете, в будущем Иркутск будет развиваться как промышленный город?

– Безусловно. Безусловно, будет промышленный, потому что у нас… у нас есть сырье, которое надо перерабатывать, не только продавать, но и перерабатывать.

– Это в Иркутской области?

– Да, в Иркутской области, конечно, в частности, в Иркутске. Поэтому...

– А какие заводы, чтобы...

– Но это я не могу сказать. Это уже [смеется] наше городское уже управление знает, но думаю, что будущее Иркутска у нас, конечно, станет промышленным городом. И вообще Иркутская область была промышленной областью, и она и останется называющейся промышленная область. У нас найден газ, вы знаете? У нас нефть найдена.

– *И золото, по-моему, тоже.*

– И золото у нас есть. И довольно много у нас золота. Алмазы у нас есть. У нас богатая область природными богатствами, поэтому все это будет развиваться. Закончится кризис, а все это...

– *А кризис...*

– Но у нас сейчас, я вам скажу, вот даже сейчас все: «Кризис, кризис», – а, видимо, живем...

– *Хорошо, да?*

– Хорошо живем и не бедствуем. Да, как и во всех. У нас есть население, которое за пределами среднего класса. Есть. Но это же проблема государственная. А опять взять, вот смотрите, Владимир Владимирович Путин он особое внимание, я считаю, что особое внимание уделил пенсионерам. Ведь это люди, ведь это люди вот – труженики прошлого. Они создавали города, они создавали промышленность, они создавали могущество страны, вырабатывая различны… различную продукцию, которая шла не только на нашу территорию, но которая шла далеко за границы. Теперь они пенсионеры, но они живые люди. Они хотят, вы понимаете, они хотят читать книги, а книги дорогие, а на что купить? Они хотят ходить в театр, то есть это люди то... эээ... с высокой культурой и потребностями культуры. И, конечно, было время, особенно при Ельцине было время, когда пенсии были очень маленькие, и люди не имели возможности позволить это. А сейчас вы посмотрите, видите, вот с 1 декабря повысили пенсии. С января тысяча девятьсот, простите, 2010 году опять повысят пенсии. Теперь видите, что он сделал опять? До, в советское время, то есть у нас до советского времени, до девяносто первого года будут зачислять, пусть один процент, это же, это же оценка заслуги человека в прошлом, поэтому я считаю, что государство просто особое внимание стало выделять пенсионерам.

– *Пенсионерам и молодым...*

– И молодым, да и молодым тоже уделяет. Посмотрите, рождаемость, например. Сейчас уже, по-моему, триста двенадцать, что ли, у них за второго ребенка. Было двести пятьдесят тысяч. Двести пятьдесят было тысяч, а сейчас? А это же единовременное пособие, но это же огромная сумма. Сейчас, по-моему, триста двенадцать.

Может быть, я ошибаюсь, но за триста это точно, то есть опять Владимир Владимирович думает о том, что надо...

– *Надо развивать...*

– Надо поддержать молодежь. И потом сейчас квартирный вопрос с молодежью решается тоже: вот эти ипотеки, все прочее, какие-то социальные помощи, то есть обратили внимание на молодежь Это тоже много значит Теперь для того же… поступить в институт тоже какой-то особый процент, где-то, по-моему, до двадцати процентов бюджетных мест, то есть тот, кто не может платить по коммерции, пойдут бесплатно на обучение. Будут и стипендию получать

– *Так очень хорошо.*

– Это же тоже правительство этот вопрос тоже решает

– *Это то, что касается образования, как и промышленности.*

– Конечно, так же В промышленности нужны рабочие руки, причем профессиональные рабочие руки. И поэтому государство уже обращает внимание. Сейчас вопрос ставится еще и о том, что у нас стало очень мало, например каменщиков, плотников там... эээ... но... электросварщиков.

– *Но это конечно проблема: ископаемых полезных много...*

– Да, надо добывать их, надо их обрабатывать И в связи с этим сейчас тоже уделяется большое внимание, во-первых, колледжам, чтобы они готовили этих специалистов и чтобы люди выходили с уже профессиональными навыками работать, то есть опять государство это… на это обратило внимание И потом вот ЕГЭ. С одной стороны, ЕГЭ – это очень сложный период, когда мы переходили, потому что вы понимаете, программа расходилась с вопросами по ЕГЭ Но это же для чего? Опять чтобы с любого уголка нашей России человек может поступить туда, куда он хочет Будет хорошо заниматься, будет самостоятельно индивидуально работать над собой, получит хорошее знание Значит, он может поступить любой институт.

– *Мне интересно, люди, они хорошо учатся, но они не хотят в Москву, в Санкт-Петербург, а именно здесь, в Иркутске, учиться.*

– Вы знаете, у нас в Политехническом институте, по-моему, 7 тысяч студентов.

– *Да, там же много*

– Очень. Это только один университет, а у нас сколько институтов-то? То есть я хочу сказать, что... Но вот в прошлом году, например, многие наши институты проходили... эээ... проверку, что ли, на качество знания. Каждый должен был доказать, что он действительно учит студентов очень грамотно. И вот я знаю, что наш

пединститут он выдержал экзамен Он сохранил право института педагогического.

– *Но естественно, народ культурный...*

– Нет, но это зависит от… это же проверка была очень серьезная А все институты выдержали Ведь в этом главное это. И поэтому у нас ни один институт не закрыли.

– *И наших новых еще много.*

– Да, новые открываются. Да, еще новые открывают, то есть это говорит о том, что качество народного образования хорошее. А другое дело, как относятся студенты к этому. Видите, некоторые студенты… эээ... но мои... это моя точка зрения, некоторые студентки, студенты, может быть, не оценили доступно свои способности и поэтому заканчивают иститут очень слабо. Потому и получился профессионал слабый. Но если он, как сказать…?

– *Сосредоточивает...*

– Да, если он все таки может анализировать себя, то есть заниматься самовоспитанием, то он естественно будет пополнять свое знание самостоятельно. Для этого достаточно у нас литературы, достаточно у нас консультационных пунктов, куда он придет консультироваться, и поэтому это зависит от самого человека, но в основном мои, вот мои учащиеся, но почти половина поступили одновременно, поступили во второй институт.

– *Здесь?*

– Да, в Иркутске. Поступили, вот понимаете, они же со мной разговаривают… они поддерживают со мной связь. А я их спрашиваю: «Но как дела?» И вот они приходили меня поздравлять с юбилеем, первым долгом я их спрашивала. Я всегда им говорю: «Так, пропуск в мой кабинет». Это зачетная книжка. Он у меня плачет, плачет: «Прозвенит звонок, заходи!» Но это шутка, конечно, игра, своего рода обязанность. Он идет ко мне, он уже думает, а как он отчитается передо мной, хотя я просто классный руководитель. Вот, и вы понимаете, вот почти половина моих детей учится сейчас еще во втором институте. Я спрашивала, вот они были тогда, я их спрашивала: «Вот ребята, но вот вы финансисты». Но вот они в Байкальском университете учатся. Я говорю: «Вы финансисты, вам зач... зачем на юридическом факультете учиться?»

– *Вот, но сейчас молодые люди, они хотят… вот еще много учатся.*

– Вот именно, а вот она и говорит: «Для того чтобы знать законы хорошо, то есть надо юриспруденцию знать. Я финансист, но я должна знать юриспруденцию. Мне не надо идти к кому-то консультироваться. Я сама знаю». Уже закончила, понимаешь?

– Да, ну, так мы надеемся на молодое поколение.

– Молодые более требовательные к себе, и это прекрасно.

– И город будет быстро развиваться с их помощью.

– Конечно.

– А вот последний вопрос, очень простой. А вы любите свой город, да?

– Конечно-конечно. Я даже в Москву не хотела ехать, ни в молодости… В молодости у меня подружка. Когда была война Отечественная, и с Киева людей отправили сюда, в Иркутск, но не только с Киева, но в частности, их с Киева. И вот эту девочку, Женю Петроченко, с семьей отправили к нам, в Иркутск, и поставили к нам на квартиру. У нас были две комнаты: в одной комнате мы живем, другую комнату им отдали. Но такое было положение, все, у кого есть лишняя жилплощадь, а у нас, мы жили две, нас двое было, и мама была, трое нас было, и вот поэтому нам поставили на квартиру вот эту семью. Вот, с тех пор, это с сорок второго года, мы с ней дружим до настоящего времени.

– Она очень хвалила Иркутск?

– Она, она сейчас… ей… в Киеве, тоже 80 лет. Она мне… как… написала письмо. Это она мне пишет, что… «Так хочу посмотреть, как изменился город Иркутск, но ты же понимаешь, с моим здоровьем я, наверное, не смогу доехать. А потом возможности нет. Билеты же очень дорогие, вот, но ты мне расскажи, расскажи!» Вот я ей каждый раз пишу, какие у нас новые дома, какие новые парки у нас. Но уже все… Каждый раз я ей понемножечку пишу, и она мне каждый раз говорит: «Ты мне бальзам на сердце… мне посылаешь». То есть вот… я что хочу сказать, что люди, которые… Но сколько? На четыре года она прожила, но не четыре, а три с чем-то она прожила, а память...

– Еще сохраняется.

– А память об Иркутске еще сохраняется, конечно, очень большая.

Интервью с Верой Гавриловной Верхозиной (1931 год рождения)

– Вера Гавриловна, расскажите, где вы родились, в каком городе?

– Родилась в Тайшетском районе, вот. Была без родителей… ни отца, ни матери нет… ни отца, ни матери. И воспитывала меня тетя, вот… С тетей случилось несчастье, и мы с сестренкой остались двое на попечение судьбы. Вот.

– А сколько лет вам было?

– Где-то было… сейчас скажу… может, 14–15 лет, вот так. Но меня поддержали учителя школы. Району выдавало на меня как на сироту 20 рублей или 200. Не помню уже, какие деньги там были, и школа тоже выделяла там что-то. Меня подкармливали, спасибо еще ученикам, которые зажиточно жили все-таки, что-то имели: тоже прихожу в школу, а у меня в парте куски хлеба наложены, кто какие кусочки принесет… Таким образом я закончила школу, только так вот. Очень хорошо помню своего учителя Эпова Льва Петровича – математик он был, всегда поддерживал меня очень, в смысле морально, вот. Следили за мной, чтобы я только ходила в школу, вот много раз хотела бросить, в няньки пойти хотела или как-то, но учителя не давали, прямо вот такие умницы были учителя, да и вообще народ тогда совсем другой был: болели душой за людей, за своих учеников. Ну таким образом, когда я окончила, документы взяла и бесплатно доехала до Иркутска, где у меня была тетя вторая, еще одна тетя в Иркутске. И я приехала в Иркутск.

– И сколько вам лет тогда уже было?

– Ну лет 18 или 17, вот так что-то.

– А когда приехали, помните свои первые впечатления о городе?

– Первое у меня было такое впечатление… Я, конечно, сама добралась пешком с вокзала на улицу 5-ой Армии, вот. И сама заявилась: ну прихожу, встала, стою, а на меня тетя аж руками всплеснула… руками… ууу… Поглядели на меня: раздета, разута, вот… на голове тоже ничего хорошего нет, половина шали рваной какой-то, в общем, кошмар, конечно, вспоминать прямо невозможно. Но это… приняли меня, правда, хорошо, особенно дядя принял – тетин муж, вот. Меня обласкали, одели, обули, как могли, вот, и тут же начали, значит, меня знакомить с Иркутском. Вот утром покушала, налаживают мне в сумочку или ридикюль – что уж там было, я забыла уже – и налаживают мне бутербродик какой… Иди куда глаза глядят, говорят, и знакомься с Иркутском, и до ве-

чера не приходи. Дня 2–3 они меня… так делали, это я помню хорошо. Я помню, пошла что-то от рынка пошла, а рынок, там раньше Колхозная улица была, там и Областная библиотека была, там, на Колхозной улице.

– *Которая Молчанова-Сибирского, да?*

– Да-да, вот эта вот самая библиотека была там, она Областная так и называлась, по-моему, вот. И я бродила-бродила, читала, какие улицы как называются, что примечательного на какой улице, вот на Колхозной библиотеку я запомнила и рынок этот, рынок назывался Колхозным… И дальше что говорить или хватит, достаточно?

– *Да нет…*

– Тогда про поступление сейчас я расскажу, а там меня… Тетя мне говорит: надо ее на бухгалтера, а тогда бухгалтерские курсы были в почете, были на бухгалтера… Бухгалтерские курсы, а там 7 месяцев, по-моему, примерно учились, хотели отправить, а меня это не интересовало, я тогда уже… У меня голос красивый был. Я маленькая, меня с третьего класса возили со школы, возили на все фестивали. В шубу завернут, на сани меня посадят и повезут меня на фестиваль в самый город, и вот я уже как-то к пению пристрастна, вот мне легко давалось это все, вот. А я, когда мне тетя сказала, что я на бухгалтера пойду, я не возразила, конечно, но была недовольна. Мне бы что-нибудь такое с музыкой связанное, тогда и музыкальная школа была, была она. Ну и тут возвращается мой брат как-то быстро, с армии-то комиссовали его, он где-то на востоке воевал, а убежал на войну сам. Ну врал, что ему больше лет, а он был с 26-ого года, еще не подлежал, как говорится, а все равно убежал. Ну и его там выучили радистом, ну и потом, когда он приезжает тут, и опять консилиум собирается, куда меня, как говорится, определить учиться… на бухгалтера или на это… А он так сказал: «Раз она хочет петь, то пусть поет, надо что-то такое подыскать». И начали искать, куда определить, какие есть музыкальные школы, хоры, хоры. И как раз открывается культурно-просветительское училище, набирают, уже учатся все эти все учебные заведения, учатся, а это только открылось… В октябре началась… и я туда как раз пошла, он меня прям за руку привел, он меня постоянно за руку водил, я для него была ребенком тогда, он меня, как говорится, без ума любил, потому что нас там осталось-то… Я да брат – родные души. И вот он меня за руку в это культурно-просветительское училище, и меня там посмотрели, все документы приняли, а уже экзамены там все сдали, уже все… все приняты вот, а я с опозданием, но начали проверять. Тогда только одаренных принимали: кто-то там прочитает, кто-то там споет,

спляшет и так далее. Чтобы это все умели в какой-то мере, а я и плясать была не промах, чечеточки могла, отбивала. Чечеточница была. Но начали проверять. Когда я только стала петь без музыкального сопровождения… У меня голосок был как колокольчик, у молоденькой, они безоговорочно все: «Вы студент наш». И не стали у меня экзамен принимать больше, я без экзаменов вот начала учиться, я в Культпросвете. Раньше оно Культпросвет было, а сейчас оно училище культуры и искусств на Некрасова, а тогда оно то там, то там оно было… все его гоняли, не было определенного здания. Вот я помню, последний раз, когда я уже кончала, так вот на Карла Маркса было, где театр, драмтеатр, рядом вот училище было, я там кончала , а потом уже его перевезли сюда.

– *Вот студенчество ваше каким было?*

– А?

– *Студенчество ваше каким было?*

– А студенчество… Мне дали общежитие, первый раз дали общежитие возле вот этой библиотеки, там, на Колхозной, там здание, и нам там дали, мы все были студенты, и жилья… ни у кого жилья не было своего. Современные настоящие иркутяне, почти что их и не было, как вернулись эти с армии, войны, так их в первую очередь принимали и все вот таких вот с периферии больше принимали, потому что это было училище больше районного звена, по району нас отправляли вроде как. Ну и вот так и жили. Стипендия у меня, да… там у меня еще стипендия была повышенная, не как во всех училищах, техникумах. Техникумы были раньше, техникумы, училища, наше училище было на высоте, чем… что оно было партийного характера, и поэтому у нас у всех стипендия была выше. Если все 18 рублей получали, а мы 20. Два рубля большое дело было. Ну что, мне помог брат, устроился он сразу в экспедицию, в экспедиции работал, хорошо получал и мне высылал тоже, мне и платьишки купил, и что-то одеть, и пальто купил – пальто этих… как их… мальчиковое вроде, в общем, что можно было, то и купил, одел, как говорится, расширил мне гардероб.

– *Куда в экспедицию он отправлялся?*

– А?

– *Куда в экспедицию он отправлялся?*

– Он в Мамско-Чунском районе был в экспедиции, а потом я получала зарплату вот здесь, на углу у них было управление, на углу Карла Маркса. Помнишь, может быть, прихватила – в окнах камни лежали, всякие разные камни?

– *Нет, не помню…*

– Не захватила, наверное. Ну а там, где ткани на углу сейчас, там что-то перебухтили, ой, сейчас там ничего, что было, нету, ничего нету. Смотришь, и как-то неприятно, дико… вот.

– *Может, тогда расскажете, что где было на Карла Маркса, например?*

– На Карла Маркса я так точно не скажу.

– *Примерно… что запомнилось.*

– Ну что на Карла Маркса… Хорошо, могу описать тебе Парк Парижской Коммуны, он сейчас там наверху, в Свердловском районе.

– *Заброшенный он сейчас, по-моему.*

– Нет, он раньше так звучал – отдушина всего города, все туда, и студенты, и такие… все туда, как говорится… там отдохнуть можно было, а сейчас там площадь Гагарина, кажется.

– *Не знаю…*

– Что-то такое там. У входа все время духовой оркестр играл, и начинали с вот этого вальса. Ворота открываются, и сразу оркестр играет «В городском саду играет духовой оркестр, на скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест»… И вот бегали сюда, а у нас денег… шибко-то не разбежишься… ну и мы дырок понаделали, чтоб пролезть, все равно пролезем, никто никого не боялся, чтоб столько хулиганов – не было такого. Идешь по городу и не боишься – что в час, что в два по городу. Один раз к брату пошла, а он на Марата жил, в предместье Марата, так я пешком отсюда иду ночью к нему, и ничего, и никто.

– *Спокойно?*

– Спокойно. А если по Большой идешь, то тебя всегда милиционер встретит, поздоровается. Вот такое вежливое отношение было к людям, вот. Пели, ходили по городу спокойно, как в деревне. Поют женщины, молодежь, и мы тоже пели ходили, когда я уже играть начала маленько, поучилась в училище-то маленько и уже играла все эти песни знакомые, иду, играю, а они поют все, так за нами народ шел и милиция сопровождала. Идут за нами следом: пойте, пойте, пожалуйста, даже так было дело вот.

– *Да…*

– Ну что, так все магазины… так и стоят, так же в эти магазины и ходили. Вот это-то все сохранилось, предприятия, которые были, сохранились, кинотеатр «Гигант» там…

– *Сейчас «Художественный», наверное.*

– Нет, «Художественный» с этой стороны, а «Гигант» с этой, его построили при мне… строили.

– *А, его уже нет…*

– Уже нет.

– *Что-то я вообще не помню такого…*

– Ну я давно не была, не хожу туда… Построили новый кинотеатр, что-то я тоже не обратила внимания.

– *Ну ладно, не помните, так не помните…*

– Вот предприятия сейчас не знаю… Управление геологическое там, или нет, или вообще его нет, да не может такого быть, вот должно быть… Ну что тут упомнишь, когда перемесили все.

– *Конечно, зато вы, наверное, помните, как праздники отмечались: Новый год или День города…*

– Ой, Новый год отмечали так. Когда уже я кончила или здесь работала – я и в деревне поработала – отправили меня в Оек. Ты знаешь, он где? В Хомутово едешь, только подальше. Вот там в Дом культуры меня отправили, ну мы там здорово прозвучали, хорошо. Сразу наладили всю молодежную, как говорится, работу, вот. Сразу кружки пооткрывали, я тогда… нас выучили все бальные танцы, и преподавали бальные танцы. Тогда же запрещались все эти линдочки, да это все фокстроты, ну вот с вальса начинаешь, и все эти ты сам, как говорится, ведешь вечер. Вот сама же играю. Директор мне попался тоже баянист, мы с ним на передышку… Раньше же ничего не было, вот этих вот всяких приборов, это же потом нам дали проигрыватель. Вон у меня стоит времен совдеповских, ой, мы тогда на пятом небе были, что хоть что-то. Ведь так устанешь, возьмешь на плечи три часа, немножко передохнешь, минут пять-десять, и вот опять начинаешь. Массовик, я, худрук и директор. Вот три нас было. И вот массовик начинает объявлять. Играть… кто что мог.

– *Кто что мог.*

– Кто чему научился. Ну и потом за мной заухаживали парни, я уже в возрасте. Я в 50-ом году окончила, уже мне 20 или 19 было. Девятнадцать, по-моему. Да вот, ну и там замуж вышла за отца Славиного, двоих ребятишек настрогали… вот… дочь умерла… употребляла шибко много. Ну ладно. Это не пойдет, это ты еще пересматривать будешь.

– *Ну там посмотрим.*

– Это я зря сказала, наверное…

– *Да вырежут, наверное, еще же потом будут редактировать.*

– Да конечно. Ну вот, вот такие делишки. Потом я сюда приехала, и это дядя мне тут квартиру присмотрел. Он был человеком очень почетным здесь, в Иркутске, и сюда меня затащил: вот давай в город, в город переезжай. А там, в Оеке, когда я работала, там был секретарь по организации совхоза, и все. У него жена была там эта… немецкий язык преподавала. Я, видишь, еще забываю все.

И захотелось ей на мое место, видите ли, в этот Дом культуры. А мне-то какая разница, где работать: везде работала хорошо, нормально. Вот. Ну и вот здесь получила я квартиру, у дяди тут знакомые, кстати, как он назывался… как мэр города он был. И это он дал мне квартиру. Он мне звонит, сам звонит, что вам каждый день квартиру выдают, что вы не идете? Сказано идти – значит, идти. А я говорю: «Так я работаю». Как до чего была привязана к работе, как бы вроде ответственность какую-то чувствовала. Я же работаю, ну он меня и отчихвостил: «Идите к заведующей и говорите, что так и так». А она: «Ты что не говорила! Давно бы уже сходила, мы что, тут не посидели бы что ли». Вот такая штука… Ну что еще тебе рассказать такое…

– *Вот. А как, например, улицы в день праздников украшались?*

– Ну улицы, конечно, украшались, также шары были. Вот первые года-то нет, первые года были не шары, а больше флажки, вот такие… Чувствовалось, чувствовалось, что праздник. А вот новый год, я помню, мы дома… застолье, помню, у всех буквально, а потом мы выходили на площадь Кирова, кто поблизости, конечно. Не сказать, что прямо приезжали только те, кто поблизости, а у меня квартиру-то дали вот тут вот, на Декабрьских Событий ведь тут, на углу, ну и вот туда…

– *Там елку ставили.*

– Всегда. Не было случая, чтоб не ставили. Вот садят меня на саночки с музыкой и поехали. Я встаю посередке в три ряда или в два ряда, люди вот так вот оцепляют, и поем, а петь-то… Все песни знали раньше, пели все, а сейчас никто не поет, не слышно, чтоб по городу кто-то прошел и пропел песню.

– *Нет такого. Редко такое может быть, очень редко.*

– И еще посчитают, что ненормальные.

– *Ну да.*

– Это точно. А мы пели в любом месте, в любом, как говорится, где бы какое мероприятие, предприятие – мы все пели, пели и пели, а народ за мной тянулся. Я играю сама и сама пою… и подаю, и тональность… и все это всем присутствующим. Они схватывают, и всем весело, и всем хорошо. Вот… ну и вот так вот на этой… И горки там также были, и на горках катались, и там и Снегурочка. Снегурочка… все время, сколько помню, все время ставят. Нынче что-то не ходила, не смотрела.

– *Тоже была.*

– Да?

– *Да*

– Да они всегда ставят с Дедом Морозом, а делали изо льда или из снега. Из… а делали, делали, в основном, из снега, а потом уже как-то стали возить лед… Из чего-то делали, теперь уж не знаю… Даже как-то из фанеры ставили как-то… Беднота, видно, была или что… Но это один раз только такое было – в основном из снега, а потом стали уже лед возить.

– *А с какого года примерно стали из снега ставить?*

– В первых годах, когда я приехала, из снега.

– *А потом почти сразу из льда?*

– Да, почти сразу. Потихоньку-потихоньку стали лед возить, но я бы не сказала, что лед давно стал. Лед он недавно… Стали возить где-то в 60-х… в 50-х –в 40-х не было такого.

– *То есть до 60-х из снега лепили?*

– А?

– *Получается, до 60-х из снега лепили, да?*

– Да.

– *А вот День города как праздновали?*

– День города… У меня еще где-то газетка сохранилась про День города… вот. Ну как… Ну так же собирались люди где-то еще, как-то все хорошо было, тихо, без шума. Я не знаю, не помню, чтобы в мои молодые годы кто-то, где-то, кого-то, чего-то подрались бы или чего… Вот как-то приходит человек, а ты разговариваешь с ним, как будто сто лет его знаешь, и никаких драк шибко не было, я и не видела, чтобы шибко драки были. Может, и были где-то, а так нет вот.

– *А собирались где? Тоже на сквере?*

– А?

– *Собирались где? Тоже на сквере?*

– Ну, так на сквере все праздники, на сквере были.

– *Там и концерт какой-нибудь проводили?*

– Обязательно, обязательно. Я вот недавно… лет пять-шесть тому назад тоже пела, даже фотография где-то есть. Вот на сквере пели. Ну я не знаю, чего еще-то рассказать, чего там еще у тебя по плану…

– *Так… Были в других городах, попутешествовали?*

– Еще как!

– *С гастролями ездили?*

– Еще как! Вот почетная грамота за командировку, я и там организовала…

– *Кружок?*

– За лучший вагон оформленный, так. И кто концерт даст лучший, так. Мы встречались: ленинградцы едут, и мы едем, иркутяне. Останавливаются поезда, и встречаемся, и тут же концерт:

они дают, и мы даем. То мы поем, то они поют, то пляшем и так далее… И все это организовала я, организовывала, вот, видишь, какую дали бумажку…

– *И как вам другие города в сравнение?*

– Ой, конечно, никакого сравнения, никакого сравнения.

– *Иркутск лучше…*

– Теплее… Теплее… Свой потому что. А конечно, по архитектуре… конечно, больше старые города, старинные города нравились. Вот и в Чеченской Республике, и по Северному Кавказу тоже ездила. Вот. Но до того не понравилось: серо, мрачно, эти так и смотрят, какую… кого… девку утащить и так далее. Стоит где-нибудь остановиться, и начинает сразу же соблазнять уже… вот такие штуки.

– *Неприятно.*

– Ага, неприятно. Я не рада, что туда ездила, лучше б еще посмотрела чего. Вот. А то весь Северный Кавказ посмотрели. Их вот… вот… «Лейся песня». А на «Лейся песня» 3-е место взяла, вот сейчас вот, сейчас было недавно.

– *А, да.*

– Среди певцов-профессионалов. Вот я ж не профессионал так-то специально…

– *Ну вы молодец. А как проводился этот конкурс? Он иркутский же, получается?*

– Да, он иркутский. Все пели, по очереди вызывали и пели. Вызывают, и поешь, потом подытоживают.

– *А не знаете, с какого года начали проводить?*

– Да я что-то в первый раз… в первый раз проводили, а может быть, и было, кто его знает…

– *А какой это был год-то? Второй, да?*

– Ага, второй год.

– *Второй. Совсем молодой, получается.*

– Ага, молодой совсем, но раньше были хоры… Это было каждый год, это каждый год везде проводило… А вот это в первый раз, вот удостоверение, что я наставник молодежи.

– *А расскажите, за что получили.*

– Сейчас я вот это могу рассказать, и вот этот диплом, почетную фотографию мне дали, уже я ее обрезала. Что к чему, что мне надо было… Неважно… Не всякому дают почетную фотографию, а мне, между прочим… Уже сколько лет не работаю, а все время, кто встретится, говорят: «Ты еще висишь на этой, там, на этой Доске Почета». Вот. И я все зайти посмотреть… и никак не могу… то заболела, то еще что… всю жизнь. Ударник коммунистического тру-

да. Тогда всем ударники выдавали, у твоей мамы тоже, наверное, есть, или тогда они это не делали…

– *Мне бабушка как-то не говорила никогда.*

– Да. Профоргом всю жизнь была, вот всех, всех выделяла. Вот я уже, как говорится, вот тебе наставник молодежи, я профоргом работаю, каждого поощряю. Вижу – хорошо, если что-то плохо, а я вкрадчиво войду, поговорю. Сейчас-то я говорю и запинаюсь, то у меня дыхание сбивается, то сюда не идет, вот. А тогда же язык был подвешен нормально, вот. Подбираешь, подбираешь молодежь, куда кого поставить работать, с заведующей советуешься. Мне как-то заметили, что все меня слушаются, заведующая и попечительство, и давай уже на область читать доклады… меня и везде… а отказываться как-то неудобно… нехорошо.

– *А что за конференции проводились?*

– Читательские конференции и конференции по работе, вот еще что такое эстетическое образование. Расскажи мне, вот я читаю целую лекцию. Вроде знаешь, а рассказать не расскажешь…

– *Да*

– Ну так, в трех словах.

– *Да…*

– Вот такая штука. А как это в пьянство вдались сколько раз, эти медики-то, они же любители выпить. Ну еще как, особенно медсестры имеют эту водочку, вот… спирт, вот… Тоже мне бороться пришлось, вот.

– *А Вы кем работали?*

– Я педагогом работала.

– *Где?*

– Ну педагогом в детских садах, яслях, вот… с детьми. А персонал-то молодой, вот с ними тоже, и с персоналом тоже начинаешь тоже… вот тоже так же во что-нибудь вовлеку, вот. Там тоже среди них проводила что-нибудь по работе. Вижу: что-нибудь у них хромает, преподают ребятишкам, хромают. Не так маленько, дети не понимают… Я говорю: «Ты им наоборот скажи, они тебя поймут». Она: «Ой, и правда!». И вот такие вот мелочи… Везде хожу и в конце тему, которая хромает, ее раскрываю. У меня где-то полно этих всяких… как его… чтобы показать и рассказать вот и вот в таком разрезе, и тут мне дали диплом этот наставника молодежи, мэрия дала, вот.

– *В 81-м, да, получается?*

– Вот уже не вижу, уже не слышу, глухая, старая, а куда денешься… а время идет, года идут…

– *Зато какая у вас жизнь яркая была.*

– Ой, у меня яркая, вообще яркая… Боже мой, где я только ни была, у всех у начальников играла, у всех начальников… Вот этот, который построил…«Ангара»… этот…

– *Гостиницу?*

– Ну, на углу – «Ангара».

– *Да, гостиница.*

– Гостиница. Это построили. Год-два прошел, и все… Меня пригласили играть. Там собралось… это… А пригласили медики… медики и педагоги. А потом так тоже пришлось идти, так знаешь, как я уставала, как уставала… Я не снимала этот музыкальный инструмент, а сейчас вот попробовала играть, и вот… как вот, говорю, останавливаюсь. Так и игра такая же идет, потому что ничего не сделаешь, но хоть нынче немножко одыбала хоть, а то с полгода тому назад я вообще… Вот когда я позировала, Александра Федоровича подвела. Когда я упала буквально, заболела, ну и только говорить… подвела его… переживала… вот и после этого я кое-как, даже имя не могла свое вспомнить, вот как.

– *Что с вами такое случилось?*

– А?

– *Что случилось?*

– Сердце… Кровь, видимо, не поступает в мозги, почему сейчас и задыхаюсь, наверное, и не отошла от задыхаловки… Теперь чувствую себя совсем не так… Зрение не то, зрение упало, в очках-то этих плюс два. Я хорошо видела, а теперь вот плохо вижу… Вот такие делишки… Документы вот даже вот… Меня когда выбрали… Чего меня всегда приглашали… У меня мандаты есть, вот. Ну что могу сказать, что я Иркутск люблю, это мой родной город. Мне не надо… ни Москва, ни Лондон, ни Париж. Ничего. А я люблю свой город. Правда, я сейчас не очень уважаю эту насыщенность, аляпистость. Чему меня учили: чтоб аляписто не выглядеть, а они заляпали Иркутск, а они аляписто сделали, такую аляпистость сделали, что смотреть невыносимо просто.

– *Значит, Вам все-таки не очень нравится, как выглядит сейчас Иркутск?*

– Нет, никак не нравится, вот… потому что тут тоже надо понять, конкуренция… Всем надо работать, штат расширять, объявления, объявления эти везде… Одно объявление, потом еще на него еще объявление… Да едрить твою палки! Вот так, как сейчас одеваются, даже мне не нравится: все одеваются в джинсы, в штаны оделись… тоже мне не нравится, вот… Но всему свое время…

– *Удобно просто…*

– Я никогда не надену и не смогу надеть брюки, чтобы ходить в брюках – не могу, я могу вот длинное платье, но в платье я тоже по городу не пойду, а в помещении, если куда-то прийти… я с удовольствием надену платье, но не штаны. Вот это нас коммунистическая партия учила так, чтоб быть скромно одетым.

– А помните, как в принципе город строился, там мост ангарский?

– Вот этот при мне строили, ангарский который.

– Ангарский.

- Да, при мне строили, видела, помню, теперь вот этот мостик строили в Марата, когда едешь, мост вот этот… мост. Я ползала по нем, обходить это надо через Карла Маркса и по мостику там задрипанному. Через него надо, чтобы в Марата попасть, так… А мы ползком, ползком, так вот по этим переходили… вот так мы и переходили. Помню… что помню… помню, школу вот эту строили, что еще, что-то еще было… не обращала внимание, а… цирк, цирк помню.

– Тоже строили?

– Тоже строили – это хорошо помню. Потому что я по молодости любила бегать в цирк, только знаешь, где цирк был…

– Где?

– Вот едешь, где церковь, церковь наверху, вот там, вот тут внизу был цирк натянутый.

– Натянутый…

– Да, ну материалом таким.

– Как шатер?

– Ну да.

– Получается, как шатер был?

– Да-да, как шатер, как шатер. И помню, вот этот же недалеко бегали, бегали в этот цирк, вот, с удовольствием бегали, вот. Но там жить, видимо, невозможно было, потому что они определенное время были… и они уезжали. Так долго, как сейчас эти приезжают, не было. Сейчас есть, где расположиться, а там нет шибко. И потом номера какие-то совершенно… видимо, привозили зверей, но не так много, видимо, это недоступно было. Вот, значит, помню, как цирк строили. И потом я в этот цирк несколько раз ходила, как только построили. И потом перестала ходить.

– Почему?

– А не могу, не могу, когда они наверху это… там… кувыркаются. Там в шатре-то было не так высоко и не низко… как-то сердце не заходило, а тут не могу – страшно. Я вот не могу смотреть на эти страхи: у меня до того аж сердце заколет, что только вот-вот… Ну что еще… Драмтеатры любила очень, я ходила очень часто… Так ходила, что если только куда идти, то только в драмтеатр, вот.

И мне нравилось: там по круговой идешь, потом заходишь и видишь театр. А билеты-то брали на балкон, а вот музкомедию я както не любила.

– Да, я тоже не очень-то…

– А почему… Не потому, что музыка мне не нравилась – она мне нравилась, а тогда работал… Ты, наверное, не помнишь… Нет, наверное.

– Нет.

– Конечно. Жибинов. Жибинов. Он, этот Жибинов.

– А кем он работал?

– Актером.

– Актером.

– Актером, ага. Но, может быть, там еще чем-то работал… Но как актер играл безукоризненно… играл он. Прямо был на высоте. Но я вот как увидела, как он это… ой… отвратило сразу, ага… И потом слышу через некоторое время: оказывается, он мальчиков насиловал… и много. И один мальчик вырвался успел, а куда он вывозил их… на какую-то дачу, видимо. И там у него еще подельник был. Вот, в общем, однажды с матерью мальчик… шли, и он, этот мальчик, увидел этого Жибинова, ну ему лет 7 или 8, может, учился уже, может быть, и учился, потому что и вот он рассказывал… и вот он матери: «Мама, а вот этот дядя…» Так и так… А они так перепугались, родители, что мальчик-то пропал, но и быстро… не успели, как говорится, милицию-то поднять, он же прибежал, этот парнишка, и вот он убежал и все рассказал… И действительно, захватили, захватили… и все. И ты представляешь, что когда за ним пришли менты, он и застрелился, вот. Или повесился, или застрелился, я уже сейчас не помню, но мы ходили к ним домой. Его выставили у забора: кто может, мол, прощайте, но мало было народу, мало было, а как любили его все… кошмар какой-то. Вот и… все-таки… и на грузовую машину поставили его и пошли… Долго там стояли, долго разговаривали, узнали, что эти собираются, родители… Нет, не родители, а жена и дети сразу уволились – она тоже была актриса – и уехали отсюда, а как после этого здесь жить…

– Да и не дали бы так спокойно жить…

– Ну и вот его похоронили, как собаку, если можно так выразиться, вот так и вообще, вообще так он прозвучал… Это высота была городская.

– Что спросить…

– Посольство монгольское было… Там наш садик был, я в садике работала. Я как работала: и в садике, и в яслях играла. Это… музыку преподавала детям маленьким, а что там… «Чижик-

пыжик» сыграл, да и «Во поле березка стояла». Ну во всяком случае, все нормально было, по плану, ну вот в этом вот здании – по архитектуре это очень красивое здание… А потом этим отдали, Монголии, посольству, и нас – раз… и расформировали. И я в другой садик пошла… садик. Так, обычно подрабатывала, а в яслях работала, да и у меня все документы у них были. А подрабатывала я в других детсадах, ну что вот еще построили… Вот где этот колхозный был рынок, теперь вот, видишь, что там понастроили, вот хорошие помещения, и опять же…

– *То есть рынок тоже был сначала палаточный, а потом построили, а вот не помните, когда построили?*

– Ну нет… Я так не помню, но не так это давно… Не так это давно построили… Ну, пускай, где-то 20–25 лет назад, не больше… Теперь так… Тебя, может, еще и не было.

– *Нет, не было.*

– Вот.

– *Производство какое было?*

– А?

– *Производство какое было в Иркутске, заводы всякие?*

– Заводы… заводы… вот Куйбышевский завод звучал, ой-е-е-й… За мной там парень ухаживал, когда я еще училась, а он учился в этом училище, где там самолеты делают, да.

– *В Авиационном.*

– Да, в Авиационном, в Авиационном техникуме он учился. А я в Культпросвет училась. И вот он меня по площади на лисопеде катал. Так я потом увидала, что… него, как ел хлеб… не надо мне его и все… Что у него в зубах хлеб застрял, я от него отказалась. И вот он придет за мной, а я от него под кровать прячусь, под кровать. И девчонкам говорю: «Скажите, что меня нету». Он ходил-ходил, да перестал ходить. А потом через несколько лет у меня уже дети были, у него были – он директор Куйбышевского завода… Вот те на, во, говорю, промахала, промахала… Ну какие… Слюдфабрика была, сейчас ее почему-то не слышно. Я вот недавно что-то вспомнила, и сейчас вот, пожалуйста, я вот была… Меня диктором туда взяли, но потом… «Мало, – я говорю, – какая это зарплата?» Вот, но там диктором, видимо, чтоб объявлять что-то…

– *А чем занималась Слюдфабрика?*

– Слюду щипали. Ты видала хоть когда-нибудь слюду?

– *Да.*

– Вот такой вот пласт.

– *Я только в камнях видела…*

– В камнях… в камнях это не то, а то вот большие пласты. Могут и такие, и вот их до того ножечки источены, что вот их… они щипали, ну там, видимо, что-то еще было, какое-то производство слюды или еще чего, не знаю. Ну во всяком случае, Слюдфабрика называлась, вот. И вот сейчас я ее не вижу, этой Слюдфабрики. Может, она втихаря работает… Что-то я ее не вижу. Здесь вот недалеко, где-то здесь, или туда, или сюда, где-то на Карла Маркса, или здесь, в этой стороне, не помню… Да, здесь по городу где-то какие-то предприятия… еще… чаепрессовка, но она и сейчас здесь есть, да вот хлебзавод. Где чаепрессовка, большой чайник стоял отделанный. Как-то один раз мимо проходили, там… где если б позировать шла, так вот по этой улице и идешь.

– А они чем занимались?

– Чай фасовали, видимо, делали чай, смешивали один с другим, ну, она очень славилась. Я от чаепрессовки работала в детсаду, где-то тут вот был детсад, я во всех садах играла, вот. Я постоянно воспитательной работой занималась и воспитателем работала, заменяла. Воспитатель болеет – кто идет? Педагог работает, вот. Ну что, какие еще предприятия были… Ну Энерго как было, так и есть. На Сурикова баня знаменитая была, сейчас ее уже нету…

– А что за баня?

– О, баня… Мыться ходили с веником, а баня номер… какой-то я забыла уже, забыла… ну под номером она была, вот. Но это была знаменитая баня.

– Чем?

– А нет, какое-то название было… Какое-то из прошлых лет еще… Как бы дореволюционное имя человека. А в революцию отобрали это здание, но так и оставили баней. Вот, видимо, у хозяина она потом называлась что ли… но не вспомню я уже, но все мы ходили все-все, абсолютно до единого.

– А чем она…

– Все абсолютно до единого, то с веничком идут, то так собирались, собирались буквально толпами… Вот идешь в баню, идешь… Пошли мы, идем… Через час идем все, вот так подсобрались и пошли вот.

– А чем она знаменита-то была?

– Там все: и души, и можно… и попить, и поесть можно, в общем, все условия: газировку пить специально ходили, там отменная газировочка была. Вот я сейчас вспоминаю: на каждом углу почти что была газированная вода, привозная, в этих… в этих… накрытые от жары, с кранчиками. Подошел в любой момент, захотел пить, а сейчас попить негде… Стоит бочка, так это за этот ста-

канчик платишь чертову уйму денег, чтобы напиться – дорого. Очень дорого. Даже тут… а тогда ерунда – попить газировочки. Тогда это ж одно удовольствие, и по карману не бьет, а тут сразу бьет по карману: сотню возьмешь и не поешь хорошо, как говорится. Ну что еще… Вот это мне очень нравилось.

– *А на какой улице она находилась?*

– А?

– *На какой улице она находилась?*

– Везде… везде.

– *Нет, баня.*

– А, баня.

– *Да.*

– Баня находилась… Знаешь… вот какая улица… не знаю… сейчас не вспомню. Или набережная – там сразу есть… и Ангара видна, где Энергосбыт, там, где Сурикова, вот. Там потом, там переулок есть – вот там. Ну еще какие были… вот это газировка мне нравилась, а почему бы и сейчас не сделать везде… оставить попить… каждый подойдет и попьет. Я еще частушку-то пела: «У кого какой миленок, у меня мастеровой: возит он тележку с газированной водой». Это типа тележки было, вот. И стаканчики были, а в основном-то, где кранчики отводили от помещения, там вот устанавливали, чтобы водичка текла, чтобы помыть стакан. Два стакана стоит: помоют стакан, и пьешь. Холодный, вот… ну сколько тут вот этих стаканчиков, можно ведь и в этих стаканчиках подавать. Ну что еще… я глазами хожу ищу… чего, какие предприятия были… Ну та больница так и есть как бы.

– *Ивано-Матренинская?*

– Нет, это…

– *Я что-то про детскую подумала…*

– Ивано-Матренинская как была, так и есть на Советской, а детская поликлиника на Карла Маркса, так она и есть вот, а там что… вот. А Вампилова этого убрали, да что-то там другое…

– *Памятник.*

– Нет, этот театр, театр Вампилова, на углу же был, его не сразу и назвали Вампиловым.

– *А как его звали?*

– Детский театр вот.

– *То есть на углу Ленина и Карла Маркса.*

– Да, а потом его назвали Вампиловым, вот. А сейчас его перенесли, где музыкальная школа, музыкальный театр был. Вот этот Жибинов и работал там, вот. А потом этот музыкальный театр перевели, где построили… так… А вот этот… Вампилова… в музы-

кальная школа… ой… в музыкальный театр, вот… А здесь они что-то сделали на углу, черт его знает, тут театр был.

– *Они там сделали магазин.*

– Во, везде магазины, магазины, магазины… Боже мой… Все продают, никто не покупает, так раньше говорили… Денег мало было, а сейчас все богатые ходят, вот, что еще бы… что еще… Ничего… Вот мы с ней недавно прошли, и она хорошо помнит, где что было тут, она говорит. Как я не люблю это все.

– *Подруга ваша?*

– Ага, как мне это не нравится все… Переделали мало, как говорят, но вот где бракосочетание, тоже строили что-то или подстраивали, но не было его там поначалу, бракосочетания этого, а сейчас опять не поймешь чего…

– *Его, по-моему, опять вернули, что-то такое, что-то такое слышала.*

– Может быть. А вот кинотеатр «Пионер» знаешь?

– *Нет.*

– Ну вот рядом с бракосочетанием.

– *Знаете, я там так давно была…*

– Дак, мне кажется, что там что-то опять нагородили, а это был «Пионер», кинотеатр «Пионер», мы там выступали. Сначала выступили, и потом кино нам показывают, вот. Теперь и ни для детей, ничего не осталось, ни для стариков. Я вот сейчас бы, я сходила куда-нибудь, чтобы там старушки собрались, какой-то там капустник бы сделали, вот чтобы люди собирались, пришли, посидели, посудачили – нету ничего. А вот эти начинали офицерский клуб, тоже по Большой улице, только выше туда маленько. Вот, причем, они по первости начали для пожилых, собирали в специальный день, устанавливали танцы: старичок приглашает старушку. Потанцевали, и все веселые, веселые, как говорится, а сейчас я что-то не вижу, все убрали, вот. Раньше отпускали деньги на это дело, предприятие отпускало, мэрия, вот, чтобы насобирать…

– *Видимо, свернули финансирование…*

– Ну что еще…

– *А улицы, помните, как назывались?*

– Ну знаешь, это я вот тебе сказала, что вот Колхозная – вот эту помню.

– *Карла Маркса – Большая.*

– Карла Маркса – Большая.

– Так, а 5-ой Армии так и называлась, как называлась, так и называется, ага.

– *А Ленина, по-моему, Амурская называлась…*

– Ленина…

– *Улица Ленина Амурская же, по-моему, была…*

– Нет, ничего подобного я не слыхала о том…

– *Да*

– Нет… Так что Ленина, по-моему, и была… когда я приехала, вот, Ленина, куда ж Ленина уберут. Ленина и Дзержинский… эти все… сейчас я вот читала в газете, хотят это какие-то улицы переименовать… Убрать, а то, говорит, нашими душителями, говорит, названы…

– *Ну и вы как относитесь к тому, что они изменить хотят?*

– Не все, не все…

– *Вы, так сказать, не со всеми согласны…*

– Я согласна, даже так.

– *Ааа-а, то есть вы за?*

– Да, сменить, конечно, зачем вот это вот… И если оставить старые названия, если эти люди достойны были в свое время – это надо все же изучать, если достоин, то его и оставить. Назвали бы по старинке… А наша, знаешь, как называлась?

– *Халтурина, да.*

– Вот прочитай вот тут вот.

– *Да, я знаю.*

– Не запомнила.

– *Что-то Медведник… Медведникова…*

– Ага, что-то такое.

– *С медведями связанное.*

– Надо еще разок пройти прочитать… и запомню. Знала вот и забыла… не Медвединская ли, нет…

– *Не знаю. По-моему, Медведково… как-то, что-то такое.*

– Ну вот, и зачем этот Халтурин сдался… Это все душители были… Дзержинский на кой черт… Первый душитель. Улица Ленин… зачем… Ленин – это первый был душитель, он людей называл букашки: «Чем этих букашек больше передавите, тем лучше». Я вот читала книги недавно о Ленине, вот… вот такая штука. А раз мы букашки, то что это мы улицы должны называть, на него молиться, раз все люди букашки. Вот постепенно Сталинград уходит же, все это Волгоград так и остается. В Волгограде я была, стояла я там внизу, в лесу. Мыши там живут, ой… Много городов я объездила, много. И вот я в Одессе была, панораму, диораму видела. Ходили мы, в каждом городе двое суток были. В каждом городе двое суток, вот. На поезде, вот. Днем возят нас по городу, знакомят, а вечером уже сами собираемся праздновать.

– *А как в Иркутске проводились демонстрации?*

– Ой, как все любили, ой, как все любили!

– *И парады…*

– Ой, это вообще что-то! Это самые великие были праздники: 1 Мая и 7 Ноября. Вот. В это время парады были, только вот в эти два дня в году. Народу очень много: народ идет, пляшет, поет, играет. Боже мой! Кто во что, кто во что… И выпивали, выпивали, но маленько. Пьяного… пьяного никогда, вот, не видела. И я всегда ходила на парад, всегда уже, знаешь, когда наши идут, всегда говорят за кем. Вот, например, за Слюдфабрикой, вот, допустим, за Слюдфабрикой… Мы вот… сколько там… вот тоже аккордеон возьму и пошла. Вот и пошли. Такая штука. Ой, нравилось мне, ой, нравилось! Демонстрации эти очень нравились. И там же выступление было, и там выступают, когда колонны проходят уже все, то объявляют, объявляют это все, поздравляют. Специальные люди стоят на трибунах, а там, глядишь, уже кто в уголочке собрался, кто-то и наяривает уже как может… танцует… то еще что. А танцевать вальс, так это все идут и танцуют, вот весело было, весело было очень. Я, между прочим, советскую власть люблю. Я любила и люблю до сих пор. И сожалею, что она ушла. Но, конечно, виноваты партийцы заевшиеся. Они испортили все. Если бы, как говорится, не хамали, хапали и не дрались бы за эти чины, то можно было б, можно было б с такой властью жить, вот. А то начали делить, а сейчас, а сейчас еще хуже: каждый клочок земли уже все, уже купленный. Вот мы сейчас живем, а земля уже купленная, у кого-то кто купил, если не купил, то государственная. Наш дом, мы хозяева этого дома, а земля не наша – это разве можно так…

– *Ну, так сделали…*

– Это беспорядочно… это… я не знаю… как можно так… И каждый знает, что земля каждого… два метра, больше не будет, все умрем, и куда хватать?!

– *Да непонятно, куда они это все хватают…*

– Коттеджи настроят – ну ты сделай по уму, сколько тебе надо, как надо, я считаю, что квартира должна быть, ну и небольшая дачка должна быть, чтоб отдушина какая-то была, ну а зачем там хоромы-то наяривать, строить. И потом, заборы – рукой не достанешь, и собаки… что к чему… вот конечно, сами воры, и у них воруют.

– *А еще у нас…*

– А?

– *Я говорю, еще у нас климат меняется сейчас…*

– Климат, конечно…

– *Да, каким он был вначале?*

– Ой, заметно как, очень заметно. Вначале, что ты… потому что, считай, а машины эти, машины гадят все, а мусор этот… я не знаю… куда весь этот мусор девают. Надо же какую-то переработку думать, делать, ведь мы загадим всю землю. Вот сейчас по телевизору показывали… Видела, нет? Как в какой-то деревне по всей улице вот такие кучи навалены.

– *Кошмар какой…*

– Ужас какой-то, страшно смотреть. А земля, она должна дышать, вот. Она же живой организм, эта земля, а мы ее так гадим. Вот тебе и меняется природа, вот… что она меняется, потому что мы с вами делаем… вот он стоит и пыхтит, а я должна дышать так.

– *Очень «приятно»…*

– А ведь дерево тоже живое, оно тоже этим дышит, я по первости-то ела тут грибы, а сейчас боюсь.

– *Так конечно…*

– Боюсь собирать.

– *Опасно.*

– А?

– *Опасно.*

– Ну меня Слава заругал, как узнал: «Ты что, – говорит, там все металлы сейчас от машин остаются». Вот тебе и природа, природа меняется, то есть климат совершенно меняется, если раньше 2–3-4 машины проедет, как я на Декабрьских жила, а ведь теперь вереницей идут, одна за другой едут. Вот так у меня ребятишечки еще маленькие были, так когда идет дождик, по лужам от дождя бом-бом-бом, хлеп-хлеп-хлеп – побегает и ничего, нормально, а сейчас-то пробеги-ка, вот. А нынче-ка, посмотри, ночь холодная, днем жарко. Нынче особенно как-то погода… Нынче что-то. Ну и не зря это к 12-му году, может, и у нас быть… и землетрясение, и там уже видела? Как смотришь, ой! И цунами, и землетрясение, и чего там только нет. Самолеты падают… и наводнения… и они уже это лужами называют, когда по деревне река течет… это что-то, это что-то… Раньше этого как-то не было почему-то… Потому что было более-менее спокойно. Ой, и раньше как-то печи топили, здесь печи топили. В Иркутске мало домов было, мало благоустроенных. Пятиэтажки вот пошли, они это… девятиэтажек не было, пятиэтажки пошли первые. Были двухэтажки, трех-, но двух-, как говорится, уже были пятиэтажки пошли. Но это все дома-то были деревянные, да всякие разные, и везде печи были, везде. И мой дядя был, которые меня приютили, он был знаменитый печник, у него даже документ такой был: высокой квалификации печник. Вот так вот. Так он это… так я к чему это хочу… так это я к тому, что мусор-

то раньше-то сжигали в каждом доме, столько не было мусора, а сейчас, ты посмотри, вообще: все контейнеры завалены, за один день завалят. Я вон всегда по три тюка выношу, а куда… мне же негде… была бы печь… я бы в печке сожгла… Вот какая бумага или чего, вот и экология, она быстро меняется, экология меняется и климат.

– А вот когда было холоднее… Зимы холоднее раньше были, чем сейчас?

– Как сказать… Вот они и холоднее, они были иной раз, но иногда и теплые были, но этот мороз, этот холод совершенно иного…

– Качества.

– Да. Совершенно по-другому влиял на тебя. Даже приятно. То ты придешь, а щеки разрумяненные, а ты весь сияешь от этого холода, понимаешь…

– Да.

– А сейчас наоборот: ты как сосулька. И у тебя лицо, как говорится, уже не румяное, а какое-то черное и так далее… Вот в чем дело. А все почему? А потому, что все эти машины вереницей ходят. Снег из-за них черный, а в нем сколько гадости, в этом снеге. Попробуй пройди. А раньше, бывало, выбежишь на улицу босиком и ууууу… Это когда мы гуляем, выпиваем или что еще и – оп, побежали, побежали в снегу… это… побаловаться. Мужики-то особенно баловались, ходили. Снег белый, всегда белый, чистый. Этого снега не боялись, а сейчас попробуй, наступи-ка.

– Да.

– Даже в обуви наступишь, и обувь сразу… вот и получается.

– А лето какое было?

– А?

– Лето какое было?

– Лето вообще всегда теплое было. Вот я не знаю холодного лета, всегда хорошее лето, теплое. Всегда куда-то выедешь или чего, нормально передохнешь, что сказать, что оно, лето будет плохое, даже и дождь идет, брызгает чуть-чуть, мы берем сеть-бредень…

– Это что?

– Бредень.

– А это что такое?

– Рыбу ловить. Идем на речку и берем один с одного краю, другой с другого и идем. Вот по сих пор, по сих пор идем… ага… и тащим этот бредень. И заворачивай, заворачивай. Я, допустим, стою. Но я не себя имею в виду. И с этой стороны кто-то заворачивает, заворачивает. И на берег сразу ведро рыбы. Пошли, почистили, поджарили, яйцами залили – это же прекрасно. Это все чистое.

А сейчас рыбу достать невозможно, а достанешь и не знаешь, можно ли ее есть или нет. Кошки даже не жрут ее. Это только человеку есть.

– *Ангара раньше теплей была что ли?*

– Нет, Ангара… всегда ходила… Вот как бы вроде окунусь, но заплывать я боялась. Потому что может и снести, и все, что угодно.

– *Да, течение приличное.*

– А так не боялась. А Ангара всегда холодная была, сколько я помню. Всегда это… всю молодость свою. Тут же рядом, пойдешь, 72-ая школа, тут рядом… и спускаемся вниз, и обязательно, обязательно спустишься вниз. Вот ребятишек приведу сюда, в 72-ую школу, где они учились, и обязательно спущусь и помочу ножки. Вот. Если главное, какая-то она вот такая, вот сразу обрыв.

– *Резкий обрыв.*

– Да, резкий. А если где найдешь, то боишься, что туда скатишься, и вот обязательно, обязательно лицо там, руки, ноги – понятно, что помочишь.

– *И напоследок расскажите про какое-нибудь любимое место в городе.*

– Любимое место в городе… Раньше у меня Большая улица – в городе было у меня любимое место. Это если я по Большой улице не пройду, то день, как говорится…. Я скучаю… мне обязательно надо вздумать, или хлеба купить, или еще чего. Ну вот. А сейчас я даже и не знаю… я любила вот это место… но его все пообрезали… вот… А я люблю, когда зарослей много, кустов…

– *Деревьев.*

– Да, деревьев… и чтоб солнышка чуть-чуть попадало… и скрыться можно было, я не скажу, что я площадь Кирова люблю – нет. Просто уважаю. А чтобы тяга была – нет, абсолютно нет.

– *Понятно.*

– И раньше она так не очень, чтобы я к ней… Такое ощущение, наверное, что это вроде как священное… не затаптывай… Вот в таком вот… не близко к сердцу. Уважение… дань уважению, вот в таком разрезе.

– *Понятно.*

– Вот не знаю, что больше сказать…

– *Спасибо Вам тогда.*

– Да не за что. Что-то наболтали, наболтали, но не знаю.

– *Рассказ-то интересный, хороший.*

– Ну, что-нибудь выберешь, да?

– *Конечно!*

Интервью
с Розой Александровной Никитиной
(1931 год рождения)

– Можно начинать, скажите, где вы родились.

– Я родилась в городе Тайшет Иркутской области.

– А в каком возрасте переехали в Иркутск?

– А в Иркутск я приехала в десятилетнем возрасте, когда только переехала сюда, и началась война. Я училась в четвертом классе, я очень хорошо помню этот день, когда началась война. Как будто это было вот совсем недавно вот.

– И какие воспоминания первые были о городе?

– Ну, конечно, город вначале произвел очень такое впечатление. Ну, Тайшет – это знаете, это же такой районный центр. Это большая деревня. А тут вдруг оказались в Иркутске, где, ну, во-первых, тут странно было: улицы мощенные были булыжниками такими, не было никакого асфальта. Карла Маркса – это большая улица, была сделана проезжая часть деревянными кубиками, вот такая вот такая она была вся, а остальные – такие более такие центральные улицы были вот эти вот булыжные мостовые. Ездили на лошадях, пролетки цокали, так: «Цок-цок-цок-цок». И очень мало вообще, по-моему, машин тогда были единицы, и то только грузовики. По-моему, вот, ну много народа – большой город, значит, такие магазины. В общем, конечно, впечатление произвело большое. Но тут началась война. Все мужчины ушли на фронт. И вот эти все четыре года военных были, конечно, очень тяжкие. Да и послевоенные годы тоже. Во-первых, все же шло для фронта, все для победы. Ну постоянно что-то с мамой вязали, отправляли посылки: носки, варежки. Представляете, вот такое вот… переписывались с фрон… этими. Даже я помню, письма писал какой-то боец, благодарил за эти посылки. Кисеты шили, отправляли. Туда табак. В общем, маленькое что-то такое… это сейчас кажется, такая мелочь – раньше же ничего не было. Вообще. Школы тогда были отдельно – мужские и женские, я училась в женской двадцать шестой школе. Наша школа вот здесь в это время войны была занята под госпиталь, а мы учились в бывшей церкви, которая возле памятника борцов революции. Представляете себе, где начинается парк, вот в гору поднимаешься, там стоит памятник борцам революции и рядом церковь старая. Вот наша школа была в этой церкви. Женская двадцать шестая школа. Нас звали монашками. И вокруг это Иерусалимское кладбище – нынешний парк. Тогда это

кладбище было обнесено забором деревянным, потом забор весь растащили на дрова, и стояли памятники. Шикарные мраморные памятники – такие красивые, большие. Потому что это кладбище было давнишнее – еще дореволюционное. И все это сохранялось, и все это. И вот наша школа стояла прямо, а вокруг – это кладбище, вот это кладбище. Это только потом, после войны, когда я уже пошла в десятый класс, госпиталь эвакуировали. Убрали, и я перешла в нормальную двадцать шестую школу, но она все равно тогда еще была женская, потом уже только объединили опять мальчиков и девочек, а так мы учились раздельно. Ну и в годы войны, еще что помнится – хлеб выдавали по карточкам, на иждивенцев, по моему, двести пятьдесят, что ли, граммов или четыреста…. Я уже теперь не помню. Карточки такие бумажные, там числа, значит, ставились. И моя задача в семье была отоваривать эти карточки, то есть ходить за хлебом. У меня однажды украли из кармана все карточки на всю семью в начале месяца. Вы можете себе представить… А мечты были тогда – вдоволь хлеба поесть. Ну вот, мы страдали от этого все ужасно. Носить было нечего. Я помню, у меня были ботинки на деревянной вот такой вот подошве, на толстой, и свиная кожа к этой подошве была прикреплена гвоздями с такими шляпками большими. Вот зимой ходила я в школу в таких ботинках, потому что другого больше ничего не было, в магазинах были пустые просто полки. Булка хлеба на базаре там. Ну рынок, конечно, был в центре города, где он и теперь, он, конечно, был не такой, был страшный весь, загаженный. Вот там что-то, конечно, можно было купить, если были деньги, вот. А у нас такая была семья… у меня два старших брата и младший брат, и один работающий отец. Мама не работала – всегда была с нами. В те времена так было и принято. Ну вот… а война… когда… когда кончилась война, я тоже помню очень хорошо этот день. Такое было счастье. Я училась в седьмом классе. Все высыпали на улицу – радости столько. И вот стоят инвалиды. На костылях, безногие, без рук, ну всякие. Все там забинтованные. Все-все кричат от счастья, плачут, обнимают друг друга, целуют. Отменили все занятия в школах, открыли бесплатно все кинотеатры для радости молодежи. Мы ходили… Тогда только же девятое мая было – только-только начали распускаться листочки, и мы всем классом ходили целый день. Бродили и радовались, что наступила победа.

– А *следующие годы как уже отмечали?*

– Ну, а следующие годы, всегда каждый год же отмечалось. Но уже, конечно, послевоенные годы были тоже еще тяжелые. Еще несколько лет сохранялись карточки, выдавали по нормам хлеб,

потом уже как-то появились коммерческие магазины. В этих коммерческих магазинах появилось масло, колбаса, мясо, но это цены были, конечно, сумасшедшие. И в те годы, если, ну я не знаю, кто мог купить себе такое… позволить, но не обычные рядовые люди… вот отец у меня был служащий, но он работал в Обисполкоме, тогда у нас такая семья. Он, два брата – студенты старшие, младший брат у меня утонул. Погиб. И я закончила школу в сорок восьмом году и собиралась поступать в филологический факультет университета. У меня всегда было очень хорошо с литературой, русским. Я все писала сочинения, кроме пятерок, никогда не получала. Отнесла документы в университет, уже подала заявление на филфак. Потом вдруг в один день, в один день я решила, что нет, я буду врачом. Ну что филология… в лучшем случае это я буду преподавать где-то русский и литературу в школе. Не хочу… журналистов… факультета журналистики тогда не было. Ну чем бы я еще могла заниматься… пользы никакой, а вот врачом… да, я принесу какую-то пользу. Я пошла. Вот я пошла, забрала документы из университета, принесла в медицинский. Конкурс был в те годы, уже большой был конкурс. Ну, и все. Я сдала почти все на пятерки. Не помню: не то по физике, не то по химии у меня была четверка. И поступила на лечебный факультет. А подружка моя не прошла по конкурсу – поступила на санитарный факультет. Туда как-то было меньше требований. Ну вот и первые годы учебы в институте тоже было тяжело. Все учились и работали. Стипендия была. Вот у тех, у кого не было троек – стипендия была двадцать рублей в месяц. Представляете, учеба была… Мне первый курс почему-то очень трудно дался. Как вспомню эту анатомку… эти трупы. Это все, конечно, производило впечатление не очень… но потом привычка наступила. И все это вошло в колею. Потом как-то уже пошла учеба легче, я стала получать одни пятерки, получала повышенную стипендию, это уже не двадцать рублей, а тридцать шесть. Ну и вот, ну и город, в смысле, город стал преображаться тоже. Во-первых, стали убираться… деревянные тротуары же были везде на улицах. Они стали убираться, стали делаться из асфальта. Булыжные мостовые эти тоже стали убираться, потом появился в городе трамвай. Появились автобусы. Раньше же пешком ходили, вот надо было идти через мост. Там, предположим, на ту сторону. Никто, даже никаких проблем не было. Все собирались и шли пешком. Никакого транспорта вообще общественного не было. Никогда. Представляете, трамвай появился – какая радость. Три копейки билет. Я помню, мы все девчонки собрались и поехали прокатиться. Ну как же, трамвай появился. Одна линия всего была вот. В…

потом… ну и автобусы появились. Как-то и машины стали появляться. Город стал больше озеленяться и строиться. Раньше город кончался на Восьмой Советской. Вы знаете, где Восьмая Советская или Волжская? Вот Волжская улица, и дальше домов не было . Все, там уже были пустыри. Эти колхозные картофельные поля и все. На той стороне вообще ничего не было – была деревня Кузьмиха, и там стояла церковь. Все было пусто там, представляете. И это все вот потом, в послевоенные годы… велось такое строительство, а потом уже ГЭС построили. Но ГЭС построили, это я уже, по-моему, институт кончила или нет… что-то даже… я не помню в каком году ГЭС построили. В каком же году-то… ей отмечалось пятьдесят лет… не так давно. Короче, все постепенно, конечно, так преобразовалось в лучшую сторону. Ну театры работали все время. И во время войны, и после. Я была театралкой заядлой и не пропускала ни одного спектакля. Откуда-то находила билеты, стоили же дешево тогда. Откуда находились деньги на билеты… и постоянно все спектакли и всех артистов я знала… и все ходила, смотрела. Ну, вот это вам интересно – это надо вам рассказывать все…

– Конечно, интересно.

– Ну вот потом, а каждое лето в институтские каникулы я работала, чтобы заработать какие-то деньги и купить себе что-нибудь из одежды. Потому что я кончила школу, у меня было одно единственное платье. Я его выстираю, опять на себя. И в этом же платье в институт поступила, а потом вот я ездила работать пионервожатой в пионерские лагеря на все лето. Во-первых, там кормежка и зарплата. Потом как-то работала в приемной комиссии института: сидела, принимала – тоже какая-то зарплата. Родители у меня эти деньги, конечно, не требовали, но я могла пойти купить себе ткань на юбку или на кофточку, и каким-то образом немножечко себя, так сказать, принарядить. Вот… потом, в более старших курсах, я уже работала медсестрой, ну и что еще про Иркутск…

– Вот как отмечали праздники: Праздник молодежи, Первое мая?

– Ну вот… да это еще были вот такие праздники – Первое мая и Седьмое ноября. Мы все ходили на демонстрацию, и как это было здорово – вот вам не передать! Это было… вот у нас в крови. Мы же были воспитаны-то как? Мы же были воспитаны коммунистами. «Ура» и «Да здравствует» и все «За». И вот эти праздники, вот эти вот парады, демонстрации – мы обязательно шли всем институтом, у нас был свой оркестр, мы все несли флаги, транспаранты – мы по улицам проходили очень длинный маршрут и обязательно останавливались. Пели, танцевали – у нас такая была радость. Кто шел с гармошкой, кто с гитарой, кто просто так. Кто

там… Мужчины там где-то в подворотнях немножечко выпивали, но так, чтобы пьяные – не было. Не было. Тогда мораль была намного выше. И нравственность. Такого, как сейчас, не было. Вот… и эти вот эти вот демонстрации. В эти праздники очень так запомнились, и вошло в привычку… это… если ты не пошел на демонстрацию, значит, нету праздника. Вот. Ну, а Новый Год там, еще какие-то вечера в институте проводились. Конечно, хор был. Я ходила все шесть лет в хор. Пела в хоре институтском. Он тогда занимал первое место среди вузов. Руководитель хора был Патрушев – такой знаменитый известный очень музыкант. И мы, значит, пели. Ну, в основном, патриотические песни: «Слава великому Сталину!». Про комсомол, в общем. Вот такое, в основном, ну и какие-нибудь еще другие. Но, в основном, все патриотические только. Вот и наш хор занимал первое место среди всех хоров вузов, среди вузов тогда.

– А как город украшали вот в праздники?

– Ну город… везде вывешивались флаги… везде, на каждом доме… эти лозунги: «Да здравствует Сталин!», «Слава великому Сталину!» – это еще до его смерти. «Слава КПСС», или тогда… подожди… партия… а не КПСС была. Просто партия. Вот это вот все вывешивалось, и на каждом доме, кто хотел, мог повесить флаг. Вот так украшался город, ну а на Новый Год всегда на площади ставилась елка, и там делались горки. Никаких этих ледяных скульптур не было, а горки были. И мы всегда всей компанией ходили там ночью. Ну, Новый Год встречаешь же компанией – мы ходили там, катались на этих горках… ну вот… а потом… после окончания института, мы с мужем остались в ординатуре. Есть аспирантура, есть ординатура. Мы остались не в аспирантуре, а в ординатуре – тогда были трехгодичные эти циклы такие. То есть ординатура готовила врачей более высшей категории и готовила заведующих отделениями, то есть я уже закончила, вот я бы просто кончила институт и поехала работать. Я бы практически… ну рядовым врачом просто была, а тут… когда закончила ординатуру, я уже все оперировала… я уже все умела, я много знала, и поэтому мне было не очень трудно работать одной. Когда мы после ординатуры поехали в Братск… Братск тогда гремел на всю страну… он только начинал строиться. Великая стройка, как называли, страны. Мы туда приехали, у нас уже был сын… четыре года ему было… и как окунулись в эту работу, так и все… Муж у меня хирург, а я глазной хирург, я офтальмолог-хирург, была единственная оперирующая на весь город, район и близлежащие районы. Я из операционной, можно сказать, там не выходила, но я ничего, я была вот

такого же веса, как вы – маленькая, тоненькая такая. На каблуках… и простоишь в операционной ночь и потом еще день работаешь. Только приду домой, так там потом дочка появилась – так она скорую помощь звала маминой машиной, потому что я не успею прийти домой – за мной уже приехали. Там кого-то с выбитым глазом привезли… ну, в общем, а муж вообще из операционной не выходил, можно сказать, потому что он был общим хирургом, он все оперировал, травм было очень много. Ну, представляете, строительство… причем мы приехали когда мы застали там еще палатки… и застали… вот так прямо посредине поселка… обнесенный колючей проволокой лагерь условно освобожденных, то есть там заключенные строили, но почему-то они свободно… они их выпускали на день, а вечером они в определенное время приходили, возвращались на поверку, их проверяли, и почему-то мы их не боялись… Правда они после зарплаты устраивали такие… эти… попойки, такие там разборки, что вовсе из операционной мы не выходили. Потому что они там переламывали друг другу головы и ноги… и ноги, и руки… вот. Потом, правда, эти лагеря убрали куда-то, вынесли за город, прямо из центра, убрали оттуда. Ну тоже вначале там было все неблагоустроенное такое в Братске… грязь, вот. Так по улице идешь… колея от машин прошла, и по этой колее идешь… если навстречу идет машина, то надо уступать дорогу, вот так по колено ступить в грязь… Было ужасно… вот вам трудно себе представить, наверно, да… как это так можно было…

– *Тут по щиколотку-то грязь уже…*

– Да-да, мы ходили все в сапогах, невзирая на сословия, потому что иначе было просто невозможно… вот… Ну а там, в основном, была молодежь, очень много строителей инженеров было из Москвы, из Ленинграда из Одессы, и у нас была даже там такая компания молодежная. Мы там и ходили на лыжах, и на каток, и в лес ездили, и, в общем, как-то… но это было редко, но все-таки удавалось это делать… ну потом, значит, сначала больница была такая… ужас… бывший барак заключенных – печки топили дровами, больные ходили, лежали в валенках – это тихий ужас… Я когда пришла после клиники, а тут я была в ординатуре в глазной клинике – это же Альма-Матер. В общем, считается, моя… а туда я попала… Господи, вот так вот… коридор барака, значит, тут больные лежат всякие, и простыней отгорожен уголок – это называется «предоперационная». Руки мыть – там стоял бочок с водой и мы там мыли руки за этой простыней, потом шли в операционную оперировать, представляете, и все сейчас вот это вспоминается… ну… в общем… как какой-то… я вам не скажу, что с какой-то горе-

чью, обидой, наоборот, как какой-то светлый праздник. Потому что… а проблема была с питанием, Господи, мы приехали, когда в магазинах там стояли, значит, крабы, печень трески и шампанское – мы в жизни не знали вкуса ни крабов, ни печени трески и больше ничего не было – ничего.

– Вечный праздник…

– А зарплата была шестьдесят рублей врачебная. Потом нам говорят: «Бывает базар… бывает… идите… там продается картошка». Мы сходили на рынок, купили ведро картошки. Ну что-то я не помню, одна зарплата на это ведро картошки ушло… ушла. А квартиру нам дали… освободили, там была больница в этом доме, и нам освободили, значит, двухкомнатную сразу квартиру – этих больных вывезли оттуда и нам дали эту квартиру. Сколько я ее отмывала от грязи и от всего… причем, значит, конечно, там не было ни водопровода… туалет, правда, был, но выгребная яма просто… а воду возил… возили на машине – цистерна подойдет с водой, а у меня ни ведра, ничего нет… я с чайником выйду, налью там, а холодно – зимой минус пятьдесят – это же были актированные дни, ну мы-то все равно работали, а рабочим отменяли… разве можно, в пятьдесят градусов застывала слюна, если плюнешь, то упадет эта самая ледяшка на землю, представляете?! Птицы падали – замерзали.

– В чем ходили?

– В шубах в таких, телогрейках, в стеганках, в валенках, ну вот, потом нам построили больницу. Сначала деревянную – мы так радовались, но все сами ходили там мыли, тоже готовили, потом каменную построили больницу. Там я сначала… у меня больные лежали на базе хирургического отделения, потом я открыла свое глазное отделение… даже чисто… это самое… ну, профессионально поделили все отделения – сделали как полагается, вот. А потом уже вообще сделали больницу по последнему слову: стекло, бетон и металл. Там лифт был, централизованная подача кислорода, ну, в общем, для нас был это праздник, было так здорово, мы так в Братске… мы поехали… вот я ординатуру, туда муж меня уговорил, я не хотела ехать, а нас оставляли здесь, в городе. Мне было место в клинике и там на кафедре, а мужа тоже сразу предлагали быть детским хирургом, заведовать отделением, нет, поедем, поработаем самостоятельно. Ну вот приехали, поработали самостоятельно. Вместо трех лет – десять. Потом он защитил диссертацию, его пригласили сюда, в институт, на кафедру хирургии, а я забросила там диссертацию. Правда тему брала… но двое детей, круглосу-

точная работа и, в общем-то, не только это характера не хватило – силы не хватило.

– *А здесь как уже начали?*

– А?

– *Здесь, когда уже сюда приехали, как здесь начали?*

– А сюда когда приехали, сюда мы приехали… в каком же году-то… дай бог памяти… ой… муж приехал в шестьдесят девятом, я в семидесятом – не было квартиры. Ну, родители-то здесь жили, но все равно, квартиру нужно было. Потом, пока он добивался квартиры, потом приехал за мной – хрущовку нам дали здесь. Ну и сразу тоже работа. Я в областной больнице работала сначала, а потом меня уговорили в детскую больницу пойти заведовать отделением, организовать отделение. И я так до конца проработала в детской больнице заведующей глазным отделением. Очень много оперировала, а вот теперь уже давно на пенсии, а муж еще работает, а муж доцент кафедры госпитальной хирургии в институте. Сын то же самое. Хирург, доцент кафедры госпитальной хирургии. Вот. Дочь заведует глазным отделением в областной больнице.

– *Династия у вас.*

– Муж у нее профессор, хирург. Жена у сына – гинеколог-онколог, внук – хирург, работает в отделении экстренной хирургии. Женя, наш маленький Женя, маленький – метр восемьдесят шесть, баскетболист. Ну вот, у нас династия целая. Там даже вон книжка есть, выпущена про нашу династию – не только про нашу, там про все династии, в том числе нас. Ну и сейчас, конечно, город преобразился, город стал красивым, особенно, конечно, центр. Еще периферия вот эта вот… когда едешь где-то по окраине, еще, конечно, оставляют неприятные впечатления. Там и грязь, там тротуаров нет, там мусор валяется – это неприятно. А центр прекрасный: набережная – это бульвар Гагарина, она раньше набережная Ангары называлась. Это все теперь из кладбища иерусалимского сделали. Прекрасный парк. Все памятники снесли, там только остался памятник декабристу какому-то и писателю… сейчас-сейчас вспомню… кому… Загоскину. Писателю и декабристу Оджеву, по моему, вот на этом… в парке два старых памятника остались. А мы еще помним это кладбище, я помню кладбище, мы так и называли. Сбегали с уроков, ну бывало всяко же в школе, вот. Вот так вот оказывается, так быстро пролетела жизнь.

– *Не зря ведь пролетела. Очень даже плодотворно…*

– Да, плодотворно.

– А *строительство понтонного моста? Что-нибудь можете про это сказать?*

– Про строительство понтонного моста… что-то я ничего не знаю… знаю, что строили, а что… как… не могу сказать…

– *А вот строительство, собственно, ГЭС…*

– Это да. Да-да. ГЭС строилась тут все на моих глазах – это все было здорово. Все это так изменилось, конечно, и там такие поселки выросли на той стороне… для строителей ГЭС… потом построился город Шелехов. Его не было… алюминиевый завод построился… потом в Байкальске этот злосчастный… этот целлюлозно-бумажный комбинат… теперь только вот запретили ему работать, а то он сколько отравлял Байкал… Вот это все на наших глазах строилось… что еще тут строилось… да, в общем-то, а сейчас все эти заводы, которые раньше работали и коптили город. Куйбышевский завод был большой… теперь там «Фортуна». Вот здесь вот завод карданных валов был – большой завод «Радиан» и еще какой-то завод. И вот раньше, знаете, мы раньше ходили на лыжах за город в охотничьи дачи – это вы знаете, где они… это в Рабочем. Вот так вот ведь шли через весь город пешком с лыжами, предместье Рабочего наверх и туда… там, где тайга – поднимаешься, там горы. И вот там мы накатаемся, а потом, когда нужно спускаться в город – города не видно, смог, все дома закрыты, потому что было печное отопление. Город-то был деревянный, и все топили печи углем, и вот спускаешься после лыж. Днем целый… накатаешься… и прямо страшно – спускаешься, какой-то… я даже не знаю, ну вот смог, наверное, как будто грязное облако какое-то тебя окутывает. Вот так было. Ну, а потом завод… завод Куйбышева – вообще был строен неправильно. При строительстве должна учитываться роза ветров, то есть откуда чаще дует ветер. Трубы в этом направлении не нужно ставить, потому что выхлопные все газы, все на город – вот это все. Этот завод так… четыре здоровенные трубы, и вся эта копоть падала на город – невозможно было так. По улице пройдешь, заходишь домой, моешь руки – уже черное моется. Эти шторы если повесишь, их хватало на десять дней, они моментально делались черные, саженные… и мы дышали все вот этим воздухом… город, по сути, же… стоит в яме. Когда сверх… когда смотришь вот так… съездите туда на эти охотничьи дачи – там места изумительные и весь город как на ладони видно, весь он стоит в яме.

– А *что вы скажете о деревянных домах в центре города?*

– Вот такие, которые уже вросли в землю, я считаю, их надо давным-давно убрать, которые портят весь вид. Ну, я понимаю, можно сохранить такие, где там сохранилась деревянная вот эта роспись, какие-то там украшения, наличники, ворота, но которые

можно как-то подремонтировать и подреставрировать. А те, что вросли в землю, зачем они стоят – я не знаю… и кому они нужны – это надо убирать, а улицы все как меняются названия. Вот эти улицы раньше были… Первая Красноармейская, Вторая Красноармейская – до Шестой Красноармейской. Вот так вот. Ленина, потом начинались Красноармейские вот так вот. Вот так вот шли, короче, до рынка, а наверху вот эти улицы назывались Солдатскими, а не Советскими. Потом они быстренько советскими стали называться: Первая, Вторая, Третья – так… но тут тоже потом их стали менять почему-то… Трилиссер… кто он такой?

– *Чекист…*

– А… чекист. Потом следующая улица называлась Бронштейна. Оказалось, это фамилия Троцкого, имени Бронштейна… я забыла уже. Ну, в общем, очень много улиц переименовали. Причем, хоть бы там название улицы, оно… хоть бы объясняли кто это… в честь кого эта улица названа… ведь никто этого не знает.

– *А вот хотелось когда-нибудь уехать из Иркутска, вообще насовсем?*

– Вы знаете, даже была возможность – муж был в Москве, ему предложили там остаться в институте эндокринологии. Он мне оттуда звонит – предлагают остаться, я говорю – соглашайся. А жить где будем, а как? А у меня здесь охота – он получил почетное звание охотника раньше, чем заслуженного врача. И потом народ в Москве мне не нравится, он говорит, не будем переезжать. Потом второй раз предлагали Новосибирск – был такой известный профессор Мешалкин – хирург-сердечник, сердце оперировал, и вот там тоже у меня муж был у него, тоже предлагал, мне предлагали в Ростове место… Ну была возможность, но мы не захотели отрываться от родной земли.

– *Это повлияло то, что Иркутск такой хороший город, или то, что вот там было негде как-то?*

– Да-да.

– *Вот вы, получается, жили в Братске. И сравнивая с Иркутском…*

– В смысле?

– *В смысле общего какого-то впечатления?*

– Ну, когда мы жили в Братске, мы были молодые, нам все было хорошо, нам ничего не надо было, вот. Ну и, конечно, потом… когда уже, так сказать, там были достигнуты все пределы, возможности Братска исчерпаны, и поэтому и переехали сюда. Может, сразу, через некоторое время ему предложили быть главным хирургом области, он очень известный хирург, но вот теперь-то, конечно, работает ассистентом, ой, доцентом на кафедре… но уже,

конечно, он оперирует еще до сих пор, несмотря на возраст. Но уже, конечно, не так много, в общем, пора уже, наверно, увольняться, вот.

– *Но вы все-таки не пожалели, что тогда, в этот день решили пойти именно в этот институт?*

– Да, я никогда… я очень любила свою специальность. Очень люблю до сих пор… ну представляете, у нас есть такие операции. Вот на операционный стол ложится слепой человек, совсем незрячий, я его оперирую, а под местной анестезией, без наркоза же взрослых оперируют. Это детей в наркозе оперируют, а взрослые, только сделаешь анестезию и оперируй. Боли не чувствует, только чувствует, что что-то делают. И он мне тут же после операции говорит: «Доктор, я вижу ваши руки». Представляете, какое это… ну как вам сказать… удовлетворение. Вот оттого, что ты возвращаешь человеку радость жизни… и сколько было таких людей, которые просто на меня потом молились – это я уже хвастаюсь. Ну, просто, конечно, было… люди благодарные, потому что… ну или совсем слепой сидит, или вдруг, раз и стал видеть. Опять. Снова. Ну я, конечно, ездила много, училась в Одессе. Тогда Одесский институт Филатова, вы, может быть, даже слышали, нет? Там я училась на отделении пересадки роговицы. На рабочем месте была в Москве, в центральном институте усовершенствования врачей нам надо периодически… врач постоянно должен учиться… много нового, постоянно что-то новое, постоянно мы были завалены медицинскими журналами, газетами всякими, литературой – сейчас у меня дача завалена этими журналами, всякой литературой. Не знаю, куда девать, вот. Постоянно надо было учиться. Постоянно новые открытия, постоянно новые какие-то операции.

– *Болезни новые.*

– Да-да. Это же надо все знать.

– *У меня тетя с дядей хирург и педиатр.*

– Да, кто?

– *Они не здесь живут. Тетя – ей дали звание лучшего педиатра района, вот, но не захотели деньги выделить на то, чтобы она прилетела – там дали премию ей три тысячи, что ли, там на какую-то бытовую технику, дядя – хирург главный района нашего.*

– Да, так что вы имеете, так сказать, немножечко отношение к медицине.

– *Знаю, да. Постоянно тетя с дядей ездят сюда на сессию.*

– Ну вот, у меня вон там вот есть, что я почетный член этой больницы… у мужа там вон почетная грамота губернатора, у него есть ордена, причем такие большие ордена, трудового красного знамени, там дружбы народов, такие весомые. Потом, много вся-

ких разных мелких – отличники здравоохранения, а раньше были еще, знаете, такое движение ударников коммунистического труда. Вам не передать, что это было! Это мы каждый должны были взять на себя обязательство, что ты должен вот за этот год сделать, что освоить нового, что там это… у меня всегда были потом уже ученики там молодые и так далее… Вот помимо меня, я-то заведую отделением, другие, что может взять… какие на себя повышенные обязательства санитарка, скажите мне, лишний раз подать судно больному?! И вот вы знаете, меня это всегда бесило. Приходит комиссия проверять, вот эти вот все бумаги, обязательства, протоколы профсоюзов производственных собраний – это все они приходили проверяли. И если у нас все в документации нормально, то передовое отделение. А никто не спросит, хватает ли у нас лекарств, есть ли у нас аппаратура, делаем ли мы все, что надо. Никого это не интересовало. Интересовало только вот эти вот бумаги – меня всегда это бесило, я просто не могла.

– *Бумажка всегда важнее…*

– Да-да, это вы что, все это записываете?

– *Конечно.*

– Да вы что, это меня посадят.

– *Нет, думаю, уже нет. В связи с вашими заслугами не посадят. А что вы можете сказать в качестве заключительного слова об Иркутске?*

– Ну, я люблю Иркутск. Это мой родной город, как здесь у меня и школа, и институт, и Альма-Матер, собственно. И у меня тут и родители жили, и все. Друзья здесь и работа – все здесь. Так что Иркутск я, конечно, очень люблю и желаю ему процветать. Только уж очень медленно все это ремонтируется, вот эти улицы, вот эти дома не сносятся – это же много от чего зависит: от мэра, от нашей администрации городской. Ну смотрите, какие свалки кругом – это же тихий ужас.

– *Какой-нибудь дворик и все там завалено.*

– Да-да-да. Это же антисанитария. Это же вообще, я не знаю, а сколько в городе… ну когда вот начинаешь говорить об этом, сколько наркоманов, сколько алкоголиков, сколько бандитизма, сколько воровства, сколько грабежа, сколько убийств. Это сейчас видно по всему миру такое, по всей стране, но вот это огорчает ужасно. Все мы вынуждены сидеть на задвижках, если ехать на дачу – надо обязательно сдавать квартиру под охрану, потому что неизвестно к чему ты вернешься – вы же знаете, как это. Вы живете с родителями?

– *Нет, я не местная.*

– А вы откуда?

– *С Мамы.*

– С Мамы. А здесь живете где?

– *Снимаю квартиру с подружкой.*

– Вдвоем однокомнатную квартиру снимаете, а сколько вы платите?

– *Десять тысяч.*

– Десять тысяч – это еще по-божески. С человека или вдвоем?

– *Вдвоем.*

– Вдвоем – это вы нормально еще устроились.

– *Но это уже наша третья квартира.*

– Да, ну это где, вы говорили, где вы живете?

– *На типографии.*

– Возле типографии, вот тут на Первой Советской. Да, вон, оказывается, вы откуда… с Мамы… а кто там у меня был на Маме… ну, у меня муж-то, конечно, знает там всех хирургов… была знакомая, однако… давно уже приезжала с Мамы. Лечился мальчик какой-то, короче, я не помню… и помню в командировке не была, а так. Вот я когда работала в Областной больнице, мы часто ездили по району в командировки – не из всех районов люди могли приехать в Иркутск, не было денег, чтобы сделать операцию. И вот мы ездили бригадами – оперировали прямо в районах. Я помню, в Тайшет я приезжала два года подряд с операционной сестрой. Ну там есть врач-окулист, но она не оперирует, подбирает больных, укладывает их в больницу, я приезжаю, смотрю их и оперирую – так один раз за неделю я там сделала семнадцать операций. Второй год тоже что-то, тоже что-то очень много, а потом еще, я забыла вам сказать, вот я когда была в ординатуре, мы занимались ликвидацией трахомы, вы не слышали о такой болезни? Это был кошмар… трахома – это такое вирусное заболевание глаз, от которого люди в сорок лет слепли и считали, что это ниспослано богом, вызывается вирусом, вызывает резкое воспаление слизистой оболочки внутри глаза – там разрастаются такие зерна, потом лопаются, постоянно течет гной, на месте лопнувших этих зерен образуются рубцы, веки заворачиваются внутрь и ресницы трут по глазу и образуется бельмо. И человек слепнет. Так вот этой трахомы было, вы себе не представляете, весь бурятский округ, вот этот Усть-ордынский – у всех поголовно была трахома. Я пока была в ординатуре, мы ездили по борьбе с трахомой месяцами, там вот несколько раз, целый месяц я там прямо езжу из улуса в улус, этих больных трахомой смотрю, ставлю, значит, их на учет, учу лечить, тут же делаю выдавливание – сколько я дела операций по испра-

лению этих заворотов – это вам не передать. Но мы все-таки добили ее, ну поголовно вот среди бурятского населения была трахома. Также среди них было очень много туберкулеза. Они очень многие курили вот с таких вот лет. И женщины сидят, трубку, это самое, курят, а какая у них была грязь… я просто… я не могла летом… а они же в юртах… они же переезжают с зимников на летники… у них огородов никаких нет, зелени нет, пасутся одни овцы – вот они все едят мясо. Мальчик грудной лежит, сосет кусок мяса вместо соски. Мух… ребятишки все рахитичные – вот с такими животами, с кривыми ногами, я у них попросила полотенце – они мне дали, как «носки Василия Ивановича». Стояло это полотенце от грязи, я у них есть не могла. Ну, как вот получается, вот русский-то чисто любит. Фартук… она вытирает нос, она вытирает свои, значит, эти гноящиеся глаза, она вот так задирает этот фартук, берет стакан, вытирает стакан этим фартуком и наливает мне в него чай, в этот стакан, говорит: «Русские-то чисто любят».

– *Как вот эта трахома передавалась?*

– Она передавалась от человека к человеку. Вот поспит на одной подушке, второй ляжет на эту подушку – заразился. Рукой потер себе глаз, вытерся полотенцем, здоровый вытерся этим полотенцем – захватил. Потер себе глаз – заразился. Бабушка ходит с этой трахомой, у нее фартук – внучат вытирает, поголовно у всех, сколько… в се кричат: «Нондоктор приехал». По-бурятски «Глазной врач». Ребятишек из-под кровати вот так выволакивают. Я, значит, беру этого мальчика или девочку ногами вот так вот голову зажимаю чтоб руки освободить – иначе ведь не даст посмотреть. Сестра держит его руки и ноги, я держу вот так вот ногами голову и смотрю ему глаза. Он орет истошным голосом, но что делать. Вот так. Это было ужас какой, сколько было много трахомы – поголовно. А завезли эту трахому из Египта сюда в Россию. И она раньше вызывала заболевание половых путей, а потом оттуда занесли в глаза.

– *А там что было?*

– А там тоже развивались вот эти вот зерна. Лопались, все гноилось, кровоточило, все там сморщивалось – тихий был ужас. Вот я застала это время, когда здесь было много трахомы среди бурятского населения. Вот они все жили богато тогда, там же были у них… золото было свое, там какой-то был у них рудник – они все в золотых этих каменьях в ушах у них тоже золото, а грязь… я у них там голодала. Я есть у них не могла. Я покупала яйца, у хозяек варила, но я потом уже на них смотреть не могла. И вот там, где есть столовая, ходила, или в магазине консервы покупала, а у них я не могла есть. А однажды я попала на свадьбу бурятскую, а у них

такой обычай – наливают в один бокал, там чего они наливают, я не знаю, и каждый из этого бокала, вот сидящий за столом, должен пить. Я сижу, вся сжалась, думаю, господи… что же делать… Как, думаю, мне это избежать этого… а если ты не выпил – ты злой враг. Самый первый враг хозяина, представляешь?!

– *И как выкрутились?*

– Ой, как-то выкрутилась. Но я что-то, по-моему, так губы сжала, туда подставила… этот ужас я не помню. По-моему, только в одной бурятской семье было чисто, потому что он и она были фельдшеры. И было у них чисто, но трахома у них была. Даже однажды остановилась, не было медицинского пункта в каком-то улусе, в самой, так сказать, культурной семье – учительской. Всех пересмотрела, мне приводили всех, а они еще не торопятся, вот: «Чай попью, коров подою, потом приду». Я всех пересмотрела, потом давайте и вас пересмотрю, и у учителей, у всех оказалась трахома. Так вот назначалось лечение, если не было медработника – выделялась колхозная медсестра. Ей, значит, я оставляла список, учила делать массаж, как закладывать мазь – я все это возила, привозила с собой эту мазь и учила лечить трахому. Ей ставились крестики, за это платили трудодни – вот так я вас еще соблазню в медицину перейти.

– *Нет, два года отмучилась, нет.*

– Ну, а что… нравится?

– *Сложно, конечно, сложнее, чем в некоторых, как рассказывают подружки, но…*

– Ну, там вам столько много надо знать…

– *Читать очень много…*

– Очень много надо читать – там всю эту историю… боже ты мой, ужас. Ну и потом кто из вас будет?

– *Я вообще не планировала, конечно, преподавать там или что-то такое. Думаю, журналистами нас берут, работать чаще, чем журналистов*.

– Вакансии есть.

– *Не знаю, я вот устраивалась внештатным, правда, журналистом, наверное, можно устроиться, мне кажется. И на телевидении тоже – корреспондентами. У нас много кто выпускники работают корреспондентами, ведущими на телевидении, на радио.*

– В общем-то, работа интересная, мне это нравилось всегда. Вот я почему и собиралась на филологический факультет в свое время. Ну, а потом нет, я нисколько не жалею, что я стала врачом.

– *Это конечно, стольким людям помогли!*

– Я правда, я нисколько не жалею, потому что… ну какое-то получаешь удовлетворение. Раньше же у нас такого не было. Это сейчас все молодые врачи, шаг сделал – плати, шаг сделал – деньги давай. У нас же такого не было: все делалось на чистоту, никаких, абсолютно никаких взяток, никаких денег, ничего. А сейчас уже такого поколения нет. Ну еще есть, которые вот немножечко помладше нас, а молодые сейчас все испорченные идут, может, я и не права… что все… но вот скольких я знаю… Сын у меня ведет занятия со студентами, студенты… хирургический поток, он мне говорит: «Мама, знаешь, в операционную не загонишь». И что из них будут за хирурги, скажите – не хотят ничему учиться, не хотят… зачем поступили?

– *Зачем учатся…*

– Так надо их выгонять. Попробуй, выгони. И вот приходят. Через мои руки очень много прошло молодых, и сразу видно – будет толк из этого человека или нет. Вот сразу видно. А особенно из медучилища, приходят девчонки, им надо следить за больными, помогать как-то, быть в палате там, прибраться, что-то почитать в детской, особенно больнице, поиграть с ребятишками – вот сиднем сядут на стульях в коридоре, пока я не выйду – так и будут сидеть. Я их там гоняла – ужас… как ничего им… ну ничего не надо. Ну зачем шли. Шли бы торговать на базаре семечками – меня вот это вот просто поражает.

– *Хочу вам сказать спасибо за интервью, очень интересно!*

– Я много, может, лишнего наговорила.

– *Уже ничего не вырежешь.*

– Как?

– *А так вот.*

– Нет, я не хочу, чтобы все было.

Интервью
с Иваном Алексеевичем Панчуковым
(1931 год рождения)

– Иван Алексеевич, скажите, пожалуйста, что Вы думаете об Иркутске в целом?

– …на концентрации кадров, подготовка кадров. Это, считайте, все вузы, техникумы, различного рода курсы подготовки кадров, повышения квалификации, вот, то есть он становится кадровым центром, вот. О чем, к сожалению… правда. Якубовский однажды хорошо так сказал о том, что все-таки областной центр, вот. А потом это концентрация культуры, это областной Драматический театр, Музыкальный театр и так далее, и так далее. Подготовка кадров – то же самое, по культуре, вот. Это, получается, центр спортивной жизни области в целом, то же самое идет концентрация. И концентрация кадров лучших по области: отбираются, идут, допустим, в областные управления там и так далее, в руководство области, так далее, то есть вот в этом плане, конечно, Иркутск звучит хорошо. А потом само месторасположение Иркутска – Байкал. Это ж великое дело – Байкал. Вот рвутся люди, значит, в Таиланд там, Канарские острова и прочее. Ну, вот я был в Египте, в Индии был, Шри-Ланка, в Японии был, в Монголии был, в Европе был, но краше моего края нет [смеется], тем более Иркутск. Значит, я учился с пятьдесят первого года по пятьдесят пятый в Иркутске в пединституте. Это самые лучшие годы моей жизни, если уж так откровенно сказать. В этом году сто лет иркутскому пединституту. Сразу окунулись вот в такую активную, можно сказать, жизнь, самостоятельную, вот. Я с первого курса начал работать. Вначале лаборантом кабинета физкультуры, а потом, с 1 сентября второго курса ШРМ №16, преподавателем физики, все три года проработал, вот. Был заместителем секретаря комсомольской организации института, вот. В хореографическом кружке, на спортивных состязаниях. Ну красивый. Туристские походы… Вот чем хороши туристские походы? Байкал. Вот так я ходил по Байкалу, по Байкалу. Это же прелесть, ну нет, ну нет нигде такого. Вот мне, понимаете… Ну, вот в Европе в Германии был. Вот тоже там возили по паркам и так далее. Ну что же, там каждый листик помыт, вот. Там все подобрано, везде эти, скамейки, домички и прочее. А у нас же, как вот в фильме «Сказание о земле сибирской», вот. Дикая. Седая. Вот. Ну, вот немцы приезжали во главе с первым секретарем Карл-Маркс-Штадтского обкома, у них как-то по другому называется, но

обком это. Вот мне предложили составить программу возить. Ну. поскольку я там был, думаю, ну не удивим, тем, что, значит… эээ… все благоустроено и так далее. Думаю, покажу дикость. И в вертолетах повезли в охотничью избушку, побыли там, рыбу половили, потом на Байкал, по Байкалу проехали. На обратном пути, значит, сели на хребте, где зеленый-зеленый, ну, я так называю, альпийский луг. Чистейшее озеро, и снег в июле месяце. Вы знаете, вот честно говоря, вся делегация балдела самым настоящим образом. Это же вот именно наша сибирская красота, вот. И, допустим, в студенческие годы я любил театр музыкальной комедии, вот. Постоянно ходил. Для меня… Из села поехал, я с Нукутского района приехал, вот. Ну, это было… сама декорация, музыка, это юмор, это песни, это танцы… Ну, чувствуешь себя там исключительно, вот. А потом, когда стал работать, вот познакомился… Мы оба были членами, кандидатами в члены обкома партии. Загурский Николай Матвеевич, вот. Ну, познакомились, и он однажды попросил, что у него есть желание с театром проехать вниз по Лене до Якутска, вот. Ну, мы организовали это дело. Дали теплоход, с рестораном, они со всеми так до Якутии, как бы, ехали. Побыли в Киренске, в Мама, Бодайбо, Ленск, значит… эээ… Мирный, Якутск, вот. Все это дело бесплатно. После этого у нас очень большая дружба была. Какой праздник, какого торжества, они с концертами к нам приезжали, вот. Мы когда приедем… Вот даже на партийной конференции были, значит… Насидишься целый день, вот… А мы сразу шли в Театр музыкальной комедии, там как-то всегда места были, вот. Там же все… Даже глаз отдыхает, вот! И…

– *Красиво там было?*

– Да. Вы знаете, мы очень дружно жили, даже после его смерти. Однажды попросились к нам. Значит, мы дали АН-24 пассажирский самолет, АН-26 грузовой, они со всей атрибутикой к нам поехали, два спектакля привезли, один детский, другой для взрослых. Я его хорошо запомнил – «Когда казаки плачут». Вот. И они у нас почти неделю прожили. Во, потом, когда прощальный, значит… Ну, там же много народу, около сорока человек было, вот-вот. Мы им всем подарили тельняшки речные, тельняшки моряков. Ну, так на прощальный вечер в ресторан хореографическая группа вся пришла в одних этих тельняшках. От души хохотали, весело, это какое-то доверие. Ну, понимаете, вот так. Вот с точки зрения, может быть, вот именно распространения культуры, вот. Областным центром Театр музыкальной комедии… областной был. Да мне вообще нравится

Иркутский театр! Я смотрел в Новосибирске, в Перми, в Улан-Удэ, вот, но всегда считал, что наш иркутский театр лучший.

– *А там внутри как было оформление?*

– А вот… эээ… Сейчас театр Юного зрителя… приятно было. Нормально, зал хороший, вот. И места, что партер, что эти, ложи… Там ложи были, вот. Ну и артисты. Сам Загурский, его жена, заслуженная артистка Коми АССР, Песковская. Вы, наверно, не захватили, да? Ммм… Прелесть! Все любили, вот.

Эти соцсоревнования, лыжные… Я увлекался лыжами.

– *А где они проводились? Тут где-нибудь?*

– Здесь.

– *В Молодежном, наверное?*

– Нет, это Кайские горы.

– *Это там, на Синюшке?*

– Да. Ну, Синюшкина гора, там еще не застроено было, вот. Рядом со стадионом «Локомотив», значит. Там даже на стадионе «Локомотив» мы раздевались и по лыжне шли, вот. Там же был небольшой трамплин, значит, тридцатиметровый. Там же слалом, слаломная горка.

– *Это там, где сейчас парк Парижской коммуны?*

– Да, парк с правой стороны остается, а мы с левой стороны там. Там оно низко, сейчас почти все застроено, вот. Ну и, как ее, топь?

– *Падь?*

– Падь, да.

– *Это вот вниз, к Смоленщине?*

– Да. Ну и стадион «Труд», по конькам. Ну, баскетбол, волейбол обычно в разных спортивных залах. У нас в пединституте хороший спортивный зал был. И очень прекрасный актовый зал был, вот. Ну, студенты жили, конечно, весело. Весело жили, да. Я вот всегда считал… Я вот по этому случаю выступал, я говорил, что для меня это самые лучшие мои годы, вот. Независимые… Ну вот материально немножко, может быть. Я работал, поэтому мне легче было, а ребята-то жили туговато, конечно, но все равно могли на кусок хлеба деньги не дать, а в кино дадут [смеется].

– *А сколько тогда было кинотеатров?*

– Ну «Гигант», «Художественный», «Пионер».

– *«Баргузин» еще не открыли?*

– «Баргузина», по-моему, не было еще. Вот три кинотеатра. И «Хроника» была еще. Напротив «Гиганта».

– *А «Гигант» это…*

– Кинотеатр. Вот на Карла Маркса гастроном большой.

– *Первый.*

– Первый гастроном, правильно. Вот там «Гигант», и напротив «Хроника». Там документальные фильмы, ну, бывали и художественные фильмы, вот.

– *А студии кинохроники не было еще тогда?*

– Пожалуй, она там и была. Я сейчас… Я четыре года тут живу, четвертый год живу, поэтому… не сразу ориентируясь. Изменилось много, конечно. Этого левобережья-то практически не было. Небольшой городочек был железнодорожников, а остальное застроилось, конечно. Не узнать.

– *Так это изначально для железнодорожников строили?*

– Ну, конечно, конечно.

– *А центр города сильно изменился?*

– Ну, особо так, конечно, не изменился, но… Тротуары были деревянные, вот. Эти даже, машины… Где дорога была выложена такими деревянными блоками, что ли, вот так. А ни бетона, ни асфальта не было, вот. Ну, лошаденочки ходили.

– *Еще были лошади?*

– Были, да. Вот трамвай появился тогда первый. Ну, при мне строилась ГЭС иркутская. Как раз самые годы стройки. Ангарск строился. Ну, Ангарск все еще был все вот эти двухэтажные дома, построены юрты большие, палатки, вот.

– *Вы принимали участие в строительстве ГЭС, может быть, подрабатывали?*

– Нет, нет… Ну, единственно на городских каких-то субботниках, вот. Вот, допустим, однажды у моста Ангару затерло, и вся вода пошла по городу. Зимой. И все замерзло. И вот мы выходили, прямо институтами выходили и долбили этот лед, чтоб трамваи пошли. А так в основном, конечно, селу помогали. И на картошку, и на капусту, и на уборочные, и на посевные ездили, вот. Ну, я любил туризм. Я каждое лето на Саянах был, Мунку-Сардык поднимались три с половиной тысячи метров. Это ж места, это ж Кавказ! Сибирский Кавказ! Вот сейчас я в школах бываю, значит… Они говорят, что мало стали заниматься туризмом. Ну как не знать Саяны? Это же прелесть! Иркут, это речка. Она там делится: Белый Иркут, Черный Иркут, вот. Белый Иркут начало берет… ледник под Мунку-Сардыком, вот. А по этой речушке поднимаешься, прямо по камням идешь, среди камней вода текла, вот. А потом где-то тридцатиметровый обрыв, вот. Поднимешься там. Там озеро, и сразу начинается ледник, вот. На вершине то есть Мунку-Сардыка… Мы взяли с собой дрова, разведем костер, чаю попьем… Куда там! С колен не могли подняться – ветер! С одной стороны снег пробрасывает ветер, а с монгольской стороны – жаркий такой ветер. Вот

тогда гремел завод Куйбышева, это основная, можно сказать, промышленность была.

– *А какие-нибудь праздники, городские гуляния устраивали?*

– Конечно, были, что Вы.

– *И украшали улицы?*

– Иллюминаций не было, но были, конечно, транспаранты, вот. Праздники, ноябрьские праздники, особенно, конечно, майские праздники. Есть у меня где-то там студенческие фотографии, вот. Песни… Свои поэты, иркутские поэты, писатели, композиторы. Даже мы специально разучивали песню нашего композитора и на демонстрации пели.

– *А как ходили?*

– Ну, в основном ходили так: от вузов, от, значит… эээ… предприятий… потом в общую колонну собирались, ну, где-то в районе Карла Маркса, общей колонной потом выходили на Ленина и шли на площадь Кирова, вот.

– *А такой традиции, как, например, встречать рассвет у Вечного огня, не было?*

– Ну, Вечного огня тогда же еще не было.

– *А Вы не помните, как его сделали?*

– Ну… Я помню в каком, значит, мы его стали строить. Я уж не помню, какой год это был, вот. И оно одновременно почти получилось… Иркутскую область наградили Орденом Ленина за достижения в экономике, вот. И появился Вечный огонь, вот. Дежурства школьников… но это уже близко к этому было… Ну а годы войны… Я приезжал не раз… Тяжело жили, конечно, что Вы. Хлеба не купишь. На рынке продавали лепешки, в основном картофельные, и сверху мукой, да. Да и ту лепешку у тебя отберут. Голодные же, все голодные, что Вы. Почему и вышел закон… Вот сейчас осуждают этот закон, после войны, значит… мелкое воровство. Ожесточили законы, там, значит, за ведро картошки могли посадить. Невозможно было, потому что действительно это вот мелкое воровство выросло в такую проблему, вот. Я говорю, лепешки отбирали. Я думаю, года три этот закон действовал, а потом отменили. Когда порядок навели, вот. Когда более-менее зажили, питались, конечно. Вот для нас тогда Ангарск был местом, где мы закупали продукты… студенты. В послевоенные у них обеспечение было отличное.

– *Лучше, чем в Иркутске?*

– Лучше, ну что Вы, никакого сравнения! Вот… У нас студенты были… я жил… Петя Куклин у нас в комнате жил, мы с ним заказывали продукты и сами ездили, вот. Ну, в основном же, конечно, дешевые продукты брали.

– В Иркутске, наверное, в основном на рынке брали?

– На рынке. Ну, на рынке чем хорошо было? Мясо это достаточно много бывало, очень много рыбы бывало, омуля очень много. Омуль тогда был… Сейчас какая-то мелкота пошла, а там крупный омуль, соленый привезут. Вот возьмешь соленого омуля, картошки наваришь… Все и завтрак, и обед, и ужин.

– А рыбу прямо в городе, вдоль реки, не продавали?

– На рынке. Так не продавали. Ну, пожалуй, порядка больше было. Госуниверситет уже был тогда, мединститут, горно-металлургический институт тогда назывался этот, сейчас который вот на нашей стороне технический вуз… Политех, да. Он назывался горно-металлургический, в основном выходили горняки там, нефтеразведки, геологи, вот. Этот назывался финансово-экономический институт народного хозяйства.

– А студентов всегда так много было?

– Ну, прилично. Наша армия была достаточно большой, достаточно большой… Ну вот, потом, допустим, в Якутии я был, в Магадане был, на Камчатке был, вот. Ну, везде выпускники пединститута иркутского, везде! Вот даже в Якутии в какую-то деревушку приедешь – иркутский пединститут [смеется]. Только появился тогда институт иностранных языков, но он уже работал. Ну, город вузов, тогда все-таки считался таким в Восточной Сибири. Это мы сейчас сдали позиции, а мы тогда считали, что Иркутская область – самая лучшая область! Мне вот, например, Новосибирск не нравится, вот.

– В Иркутске лучше?

– Для меня было лучше. Вот сейчас что-то Красноярск хвалят, Новосибирск хвалят, а нас все ругают. Ну, стадион наш… У нас тогда очень уж славились конькобежцы. И причем достаточно много было студентов, которые участвовали и во всесоюзных соревнованиях по конькам. Славился мединститут, госуниверситет, но особенно коньки были развиты в мединституте и пединституте. И почему-то всегда отличались девчонки [смеется. У нас чемпионки области учились – Галя Сердобольская с Тайшета, она, по-моему, тогда уехала. Ну, а мы были непобедимые. Стрелки наши славились. Я хорошо помню: тренер Хлебников по всему Союзу гремел.

– А тир был там же, где сейчас, на Поленова?

– Нет, тир был под ТЮЗом, на углу Ленина и Карла Маркса. Этого не было, спортивного комплекса не было. Стадион «Труд», стадион «Локомотив» был и стадион «Динамо». Он у нас славился на весь Советский Союз. Там трек… Дорожки были сделаны из бруса… брусчатка, то есть… эээ… лиственница… Брус такой, вот

так он ставился [показывает], поэтому твердый, и прокат там был лучше, поэтому много рекордов Союза сделано… здесь добились. Ну, я этим не увлекался, я мало бывал там. А вот баскетбол, волейбол… Настольный теннис только пошел, появился.

– *А где тренировались?*

– У нас на Транспортной был спортзал. Это на берегу стояло здание, оно сейчас что-то с выбитыми окнами стоит. Хороший спортивный зал у нас был. Там учились историки, литераторы, а мы на Желябова. Жили в общежитии на Перовской, двухэтажное деревянное здание.

– *То есть такие общежития были, поменьше, чем сейчас?*

– Да. Ну, для нас это… Хоть туалет на улице, но все равно. Это студенческие общежития. Мы однажды решили, значит, утреннюю зарядку проводить прямо в общежитии. Подъем в 6:30. А я был заместителем секретаря комсомольской организации. Как поднимать? Не будешь же бегать. А была сирена такая пожарная: крутишь – она воет [смеется]. Меня девчонки однажды чуть не избили [смеется]. Одна села у окна, сидит… «Ванюшка, что ты делаешь?! Я же со своим лохматым в пять часов рассталась!» [смеется)]Это праздники... Вузовские спортивные соревнования – это праздники были самые настоящие, вот. Со всех вузов… Были отдельно вузовские соревнования. Ну, пожалуйста, самые большие вузы города там и были. Ну, мы весело проводили.

– *Как вы считаете, сейчас деревянные дома сносить надо?*

– Ну, требуется уход. Вы понимаете, вот я был в Японии. Там все стараются делать из дерева. Вот строят дома, я бы сказал, бетонные дома, но изнутри они отделаны деревом. Мебель вся деревянная, этой химии нет, практически нет, вот. И почему мы не уважаем, так сказать, свой строительный материал? Требуется уход. Ну, может быть, он более пожароопасен, вот, но финны же делают домики, чудесные домики… общежития делают, жилые двухэтажные дома… Вот мы… У нас в Усть-Кутском районе «Куйбышевск-нефть» работала на добыче нефти. Они вахтовым методом… На ТУ-104 прилетали, вертолетами развозили, и вот они базу, материально-техническую базу, и базовые поселки строили вот из этих финских домиков, но они благоустроенные, красивые, удобные, практичные. Надо – разобрал, надо – собрал, вот. Вот, допустим, Братск, Падун. Сам Падун. Ведь очень много там было построено. Двухэтажные деревянные дома. Но они-то выглядят, сейчас даже выглядят приятно, потому что ухаживают, подкрашивают. Я бы, например, если б мне предложили на выбор, я бы в деревянный пошел. Запущенны в Иркутске дома эти, запущенны.

Видимо, махнули рукой, привыкли к этим каменным домам. Вот в любом случае, если деревянный дом хорошо построен, землетрясение для него это ж и не проблема. А вот эти дома… некирпичные… вот… Краснодарцы строят дома, блок-комнаты. Вот у них, допустим, отдельно сделано на заводе кухня, зал, спальня и так далее. Все ставят, разбирают, собирают и живут, но они менее устойчивы, у них срок службы – пятьдесят лет, а потом что делать? Вот особенно вот эти дома. Кирпичный дом хоть стоит он, сто лет простоит, а эти дома… панельные, да… пятьдесят лет. Потом же надо менять! Там же на металле все собрано. А металл ржавеет, гниет, а потом… Я во Втором Иркутске здесь… У меня сын жил в панельном доме. Зимой – холодно, летом – жарко, невозможно, невозможно жарко, душно даже! Так прогревались.

– *А когда в основном начали панельными застраивать?*

– Панельные дома они пошли в период… с появлением Хрущева. Вот тогда малогабаритные вот эти дома пошли. Вот я здесь жил, у меня сейчас сын живет и внук живет. Ну, прямо через речку. Ничего так комнатки, маленькие, кухонька маленькая… низкие… Больше жилья надо было строить. Вот и…

– *А быстро застроили вот этот берег?*

– Ну, я думаю, что быстро. Я мало бывал. Правда, мы часто ездили, но в основном в центре же находились, вот. Левый берег быстро вырос, очень быстро. Ну, областной больничный центр. С таким скандалом, с таким шумом он строился! Тяжело строился. Видите, в Сибири все дороже, поэтому неохотно идут. Почему сейчас политика пошла, значит, жить там, а ездить работать сюда, в Сибирь. Ну, с Куйбышева летали на ТУ-104, вот. И работали в Усть-Кутском районе, на севере. Считали более выгодным, чем строить жилье и создавать соцкультбыт там. Ну, вот школа, допустим, в Усть-Куте стоила дороже, в два раза дороже, чем в Иркутске, в два раза… Больничный комплекс – в два с половиной раза дороже, вот. А эксплуатация еще дороже. Поэтому развитие сев… Почему сразу бросили… эээ… новые русские север бросили, все, города бросили, потому что дорого содержание, а вахтовый метод более выгодный. А потом, и люди же стремятся… Вот геологи… Вот то, что на Байкальском форуме шла речь о газе и нефти, это же в основном Усть-Кутский, Катангский и Киренский районы… Месторождения нефти и газа, вот. Геологи, бурильщики-геологи… Ну, у них там свои поселки, временные поселки они строят, брусовые. Но они сами-то жили в Братске, особенно много в Иркутске, Ангарске – везде квартиры были. А туда вот на сезон на этот ездили. Они получали колесные пятьдесят процентов, то есть строители получали, а они

получали полевые. Северные получали. Поясовые получали. У них более, чем в два раза, зарплата была выше. Конечно, выгодно. Сейчас если нефтяников искать, они все сидят в Иркутске. Те, кто открыл все эти месторождения нефти и газа. Или те же бамовцы, вот. Мостотрест девятый, который строил БАМ… Он здесь, вот на этом берегу. По Лермонтова построили офис, построили себе великолепные квартиры, вот… и живут! А зачес на север-то? Там и холода, и труднее… Ну, я так по себе не могу даже сказать, вот. Там три комплекта теплого белья у меня было. Я сейчас вообще даже и не смотрю на них.

– *А климат изменился? Стало теплее?*

– Здесь теплее, чем на севере, конечно, разговоров нет. Это прежде всего, конечно, иркутское море. Оно в любом случае получается как хранитель тепла, пока лед не станет, поэтому здесь теплее, значительно теплее.

– *А по сравнению с тем, как в Иркутске раньше было?*

– Холоднее было раньше, холоднее. Холоднее было. Ну, бывало до сорока градусов. Ну, на севере, допустим… я вот… пятьдесят четыре, пятьдесят шесть градусов. Там же… Вот даже на строительстве БАМа… Японские экскаваторы… Как-то сорок градусов… Пойдут работать – ковши рассыпались, металл не выдерживал.

– *Как встречали Победу? Вы в Иркутске были в это время?*

– Нет. Я учился в 7 классе. И как раз 9 мая, даже не девятого… по-моему, девятого. В школу пришли утром и на весь двор: «Победа!» Ой, что творилось! Собрались сразу все, почему-то и родители, и дети, и учителя, все собрались в школу, плачут, значит, вот. Сразу такое… митинг там… вот… Разошлись все, деревня загуляла. Слушайте, победа – это ж… Ну, для нас, мальчишек, это победа. А нашим родителям… это ж конец войне. Это же… Понимаете, вот сейчас мы, конечно, правильно чествуем участников боевых действий, вот. А вот миллионы людей, солдат погибли. Вот есть долг. И в чем суть долга оставшихся в живых? Это ж оставшиеся семьи, это матери, это жены, это дети… Или мы говорим, поем в песне: «Нам нужна одна победа, одна на всех, за ценой мы не постоим». А кто заплатил? Солдаты погибли. Ну, как это одна мать говорила: «Мой сыночек закопан в братской могиле на чужбине». Вот. Кто заплатил-то? Матери. Когда солдаты вернулись… первые годы войны… Они вот очень, я бы сказал, тепло называли женщин, у которых погибли сыновья, братовья, мужья, солдатками: «Вот солдатки», «Не смей обижать солдатку!» Это просто был как лозунг. Я однажды даже слышал, как один сказал, там, значит, что-то обидели солдатку, вот: «Шапку долой! Когда перед тобой стоит

солдатка!» Ну, действительно… И до сих пор не могут забыть своих сыновей, кто остался в живых. Много осталось в живых… матерей. Это же цена – жизнь! Вот не одна ведь мать говорила всегда: «Лучше бы я сама пошла с автоматом». Ждать… Эти письма ждали, что Вы… А эти похоронки! Это же военной сети нести почтальону эти похоронки. Ну, вот у нас была, недалеко от нас в деревне жила. Ушел муж в сорок первом году, старший сын, младший сын, вот. В сорок первом же году пришла похоронка на мужа, потом на старшего сына, а потом пришла похоронка на младшего сына. Почтальон вот зашла к женщинам, говорит: «Я боюсь идти, пойдемте». Все вместе пошли. Она, как увидела их, сразу выскочила. И мама мне рассказывала, вот. В сугроб, говорит, села, поседела, говорит, сразу, вот в кровь рвет волосы. Ну, все трое погибли! Какая теперь жизнь. Ей почти 50 лет, новые семьи, что ли, создавать? И потом, с кем создавать-то? Мужики-то остались там. Вот поэтому я вот материнский завет никогда не забуду. Это тяжело досталось женщинам, это кошмар, это такая трагедия! Вот. Ну, что такое сын погиб? Последний сын погиб или единственный сын погиб… Вот одна как раз… я тогда учился, это год, годовщину Победы справляли. Я пришел из школы. Ну, сидят там. Я вот на квартире жил. Хозяйка – вдова, муж погиб. Ну, собралась, значит, группа, сидит. Там один солдат. И он что-то тоже раскуражился на жену, мол: «Я кровь проливал, значит». А одна, значит… Я хорошо знаю, что она на заводе работала. Она сидит говорит: «Ты живой? Живой. Сиди и радуйся. А мой сынок закопан в братской могиле на чужбине. Побыла бы на могилке, выплакалась бы, выговорилась, может быть, и было легче. А так каждую ночь жду его». Вот… Это… Не дай бог войны! Что Вы… Сейчас что-то бряцают оружием, вот. Ну, прямо так и пахнет войной! Не дай бог! Ну что мы, пацаны… Я… Лет тринадцать мне было, меня посадили на конную жатку. Вы не представляете, что такое конная жатка. Жали хлеб. В 6 часов поднимали нас, бригадирша тоже молодая дивчина была, недавно умерла. Поднимет нас, мы плачем, едем, позавтракаем… так называемый завтрак… Поедем. И вот до ночи жнем. Приедешь, перекусишь, и вот в ночную смену или скирдовать, или молотить хлеб, вот. Часов до трех, до четырех поработаешь, значит… Уже в телеге уснем. Там нас в общежитие. Ну, жили на полевом стане. Вроде только уснул – тебя уже поднимают. Мы этого дождя ждали вообще как праздника. В дождь не едешь. О, это… Я говорю, что… вот сейчас праздновать будем… мне мама говорила: «Это наша победа. Одним – радость и счастье, а другим… беспощадно оголила боль и страдания людей». Действительно ведь… Ну, что такое – солдата встречают

одни, а ей некого встречать. Вот это сегодня не понимают. Это трагедия, народная трагедия – война. Сто тысяч, более ста тысяч раненных было в Иркутске. Все школы… Ну, много школ было занято под госпитали. Я один год учился здесь, в Иркутске. Мама приехала, здесь стала работать, а я ходил… Как школа-то называлась? Она на улице Ленина, рядом со стадионом «Труд». Пятнадцатая. Я там учился. Ну что, дров нет, угля нет. Этот уголь купишь… Дома сидели в тулупах, голодные… Поэтому мы главный тост, который поднимали в честь победы, – «В честь Победы, и чтобы не было войны». У меня математика пошла. Я в шестом классе учился. Там заслуженная учительница республики работала, невысокого роста так, в пенсне. Ох, жесткая, строгая-то. Вот после нее у меня математика и пошла. Сорок третий, сорок четвертый год, однако. Тяжело жил народ, но одолели! Ну, на Сталина нынче навалились. Если б не так, не этот человек, не знаю… Можно сказать, что он держал в руках страну. Суметь создать промышленность, которая производила вооружение, за два года. И причем перевезти с запада сюда, успеть перевезти… и начинать выпускать, и сделать лучше, больше, чем по всей Европе немцы делали… это… Это подвиг народа, что Вы.

– *Ведь в нашу область многие заводы перевезли?*

– Ну, конечно! Авиационный завод, он у нас работал, Куйбышевский работал, вот. Ну и потом, деньги собирали на танки, танки выпускали.

– *А Вы не помните, как ставили «Иркутский комсомолец»?*

– При мне это было, конечно. Но я не видел, когда вот поставили, единственное, потом заезжал. Ну Т-34 же поставили, это как раз эти новые танки, которые пошли, которые выиграли войну. Или те же «Катюши», те же «СУ», которые наш завод производил, истребители Сухова, «Яки». Мы превзошли во всем. И на земле, и на небе. И по человеческим ресурсам, и материальным ресурсам. Или что, плохие полководцы там были?

– *Не хуже наших, видимо.*

– Ну, конечно! Почему и столько погибших. Ушли мы от Иркутска! [смеется]

– *Ну как всегда бывает в беседе: начнешь про одно, затем про другое. Вы начали говорить, что со строительством областной больницы проблемы были.*

– Ну, с деньгами у них тяжело было. Мало давали, конечно. Я почему… открылся… вернее, это дело испытал на себе. Я в Москве был у зампреда Совмина России. Я Усть-Кута «пробивал» больницу. Ну, там же рядовые все решают. Ребята, которые из строитель-

ного отдела Совмина России, они раздували… Они мне дают мои же, мной подготовленную бумагу, и говорят: «Пусть зампред напишет любую резолюцию – рассмотреть, оказать содействие – какую угодно». Ну, я зашел к нему. А как раз мы плавательный бассейн пробивали, мы ж в Усть-Куте плавательный бассейн построили. Значит, он говорит: «Тебе что надо? То надо, другое надо». Я говорю: «Вот, напишите резолюцию, я еще в Москве поживу, я похожу. Рассмотреть или как угодно». Он написал: «Рассмотреть». Выхожу – эти ребята там стоят: «Все, Иван Алексеич, больница тебе будет!» Оттуда прилетаю, еще в аэропорту мне депутатские говорят: «Тебя Кравченко ищет», – председатель горисполкома. Я ему звоню. «Ты приезжай! Машина есть?» Я говорю: «Есть». «Приезжай». Захожу – у него злость, злющий такой. «Ты что там ходишь?!» Я говорю: «Что такое, Юрий Александрович? Я ж для Усть-Кута просил!» «Ну да, они в счет областной больницы тебе деньги дали!» [смеется]

– *А Вы с какого года сейчас живете в Иркутске?*

– С четвертого.

– *А все остальное время на Севере?*

– Сорок лет я на Севере. Ну вот, я в пятьдесят пятом окончил, уехал в Усть-Кут. И так…

– *Как Вы относитесь к новым памятникам, например, к памятнику Колчаку?*

– Отрицательно. Кто такой Колчак? Сибирский вешатель. Мы осуждаем Сталина, а Колчака возносим. А потом, ну, какие величайшие заслуги перед Россией у него есть? Сказать: «Талантливый военный был»? Его партизанские отряды разбили. Не регулярные воинские части, а партизанские отряды. А почему партизанские отряды поднялись? Потому что колчаковщина в Сибири – это самая жестокая попытка подавления. Поэтому я, конечно, против, вот. Ну, памятники, может, и надо какие-то ставить. Там шпиль заменили, там, может быть, старину что-то вспомнить, но не рушить же! Одни рушим, другие ставим. Ну, для чего это? Ведь нигде так не делают. Единственное, вот, религиозные, так сказать, фанатики, вот. Там, допустим, мусульмане буддистов разрушают памятники, вот, или православные… Но это там уже фанатики. А тутто чего? Вот сейчас мы уже возвращаемся к истории, вот. Есть у Пушкина: «Дикость, подлость, невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим». Абсолютно, я, например, с ним полностью согласен. Дикость это, вот. А мы умели жить, мы умели строить. Сейчас вон комсомол подняли все-таки. Я вот был здесь на торжественном собрании комсомола в связи с 90-

летием. В Братске я был. В Братске с амии принимал участие губернатор, вот. Он же прекрасно там выступил, что молодежь, комсомол который была… Вам же что преподносят: революционная часть молодежи, безграмотные, 2–3 класса образования в лучшем случае, и вообще безграмотные. А не ту, которую после войны была. Тут-то уже была грамотная, мы имели высшее, среднее образование, а потом выполнили средний всеобуч в школах. Это ж непростое дело, это ж очень сложная работа для учителей, вот. Иркутская область выполнила сколько строек! Один БАМ! Это три тысячи сто двадцать пять километров дорог. И причем БАМ строился так: сразу станции, эксплуатационники, прекрасное жилье, прекрасные условия. Там такие поселочки построены! На всем трехтысячном протяжении. Электрофицированы по последнему слову техники, науки и техники, можно сказать, вот. Мы его осуждаем. Или же Братск, Усть-Илимск, Саянск, Усолье и так далее. Это же стройка, это же сделано руками людей. Ну, хорошо, коммунисты плохие там, вот, хотя все это под руководством коммунистов было, вот. Но люди же строили, народ строил. И вот он выступил, он же прямо назвал: «Всесоюзный ленинский комсомол». Вот. А потом сама фигура Ленина, понимаете? Ведь комсомол, он действительно живой был. Недостатков много было, что-то не так делали, что-то не этак делали, значит. Но он делал, он старался, он трудился. И причем вот даже мудрость, молодежная мудрость… Я вот приводил школьникам пример такой. Приехали на Всесоюзный… эээ… посланцы XVII Съезда комсомола. Триста человек. Выехали они с Москвы. Сто пятьдесят поехали к нам, а сто пятьдесят уехали в Тынду. И вот… они в 74-м приехали… В 76-м году состоялся Слет посланцев XVII Съезда комсомола в Улан-Удэ. Когда делегация собралась, мне говорят вот: «Там образовалась семья, у них родился сын, они с собой берут сына». Я говорю: «А сына-то зачем берут?» Ну, четырехмесячный. Везти в Улан-Удэ, вот. А потом, когда слет открылся, его вел Витя Лакомов, это командир этого отряда. Он сказал, сколько человек прибыло, сколько, значит, у нас осталось посланцев XVII Съезда комсомола. «Сегодня на слете присутствуют…». Называет имена. «Образовалась семья. Они приехали со своим четырехмесячным сыном». Зал взорвался, понимаете, взорвался самым настоящим образом! Я сижу и думаю: «Вот век живи – век учись». Это же чистейшая, так сказать, житейская мудрость: семья, дети. А что нам надо? Что нам надо? Вот. А потом она поднялась, с ребенком стоит, взволнованная такая, радостная. Зал-то бушует в честь ее! Ну… Ну это же символ вечной жизни на земле! Женщина с ребенком прекрасно просто смотрит-

ся! Тем более такая вот взволнованная стоит. Я сижу и думаю: «Вот она мудрость-то, житейская простая мудрость». Вот. Любовь, семья, дети, а что плохого? И пусть вот в таких условиях там, на БАМе. Вот поэтому надо вот… Я бывал в школьных музеях. Ну, ребята собирают, понимаете? Собирают материалы прошлого. Это самые объективные люди. У них политиканства вот этого нет. Обязательно, значит, советскую власть или людей там, которые строили, созидали, создавали вот, крыть надо, грязью обливать. Они собирают настоящие материалы самых настоящих людей. Вот музей как раз был в той школе, где я учился в семилетке, значит, в той деревне. Вот эта бригадирша Тоня. Молоденькая была, ну, лет, наверное, 19–20 ей было тогда. Бригадир полеводческой бригады. И вот она в этом музее пишет: «Вот я для того чтобы определяться, созрели зерновые, не созрели зерновые, я шла вот к такому старику, такому старику вот. Вот мы вместе определяли, когда начинать… Мои помощники… Вот школьники 12–15 лет». И называет по фамилиям, в том числе и моя фамилия там была, вот. Вот это объективность. Нет политиканства. Политиканство не должно все осуждать. Мне вот сейчас, допустим, иногда… Путин правильно делает уклон… Вот было так в Советском Союзе, почему у нас сейчас такого нет? Поэтому… с точки зрения исторических памятников… Надо знать, кому ставить, допустим, чему ставить, ну и сохранять старые, которые есть. Вот Лужков любит Дзержинского, он поднимает вопрос: «А там памятник ему снесли». А Дзержинский же навел порядок такой же, особенно после революции такая преступность была. Навел порядок. Навел порядок! А мы не можем! Мы не можем! Я сейчас боюсь за своих правнуков. Ну, правнучка растет, мы с ней очень дружим. Я боюсь за нее! Украдут, изнасилуют, или еще черт-те… Ну, нет никакой уверенности, никакой гарантии. Надо брать из прошлого то, что есть хорошее, лучшее.

Интервью
с Юлией Борисовной Флоренцевой
(1931 год рождения)

– Где вы родились?

– В Иркутске, улица Касьянова, 3. Я дома родилась, Свердловский район.

– Вы выросли в городе Иркутске? Расскажите про свое детство, каким оно было?

– До войны очень хорошее, абсолютно безоблачное, но во время войны, конечно, к нам приехали эвакуированные родственники с Белоруссии, очень много. И все было. Но, в общем, все равно можно считать , что благополучно.

– Расскажите побольше. Как в детстве раньше время проводили? В городе же росли, а не в деревне.

– Ну, конечно, у нас был дом и сад большой, поэтому я из сада не вылазила. И потом я очень много читала, играла с ребятами на улице бегала и училась вот в этой школе, лицее, вот где железнодорожный лицей, на горе-то, с башней, теперь железнодорожный лицей. Я в нем училась 10 лет.

– Воспоминания о тех детских временах? Побольше расскажите, пожалуйста.

– Самое хорошее – это книга. Семья у нас очень хорошая была, интеллигентная. А читала я очень много старых книг, которые оставались еще от дедушки и бабушки. Литература старинная, я выросла на такой литературе. Я очень много читала. Ну, играла, конечно, с ребятами. Ну, я одна в семье была ребенок. Это до войны было, конечно. И училась я хорошо. Баловалась, очень непослушная была. Ну, интересовалась всем, конечно, как все дети.

– Скажите, ваши родители, они тоже с Иркутска или откуда-то из другого места?

– Отец у меня в Листвянке родился, в семье врача. Дедушка врач был. Отец родился в Листвянке, потом они уехали в Евпаторию. Ну, в общем, он сибиряк. А мама родилась в Гомеле, в Белоруссии. И она с трех лет в Иркутске. Они были гимназисты. Учились в гимназии. Отец был агрономом. Мама была по части ветеринарии.

– Как им в Иркутске жилось? Они считали, что это их родной город?

– Ну, в общем-то, конечно. Но мама вообще… она не любила Сибирь. Она всегда мечтала вернуться в Белоруссию. Ну, мы же здесь жили. Отец сибиряк. Их семья все сибиряки. И он Сибирь любил очень. Любил охоту, рыбную ловлю. Он вообще вот такой

был. У нас вообще предок по отцу был монгол. По отцу. Очень далекий, в 17 веке, он был монголом. Был сын хана, и в общем, он крестился в православную веру, поэтому уже все наши предки, начиная с конца девятна.. семнадцатого века, да?, в начале восемнадцатого века… их уже царь утвердил фамилию Флоренцев от слова флор – цветок по-латыни. Потому что вот прадед был наш очень цветущий, вот так предание, да?, гласит. Очень яркий такой. Дал фамилию Флор… Флоренцев, у нас нет однофамильцев. Так оно и осталось. И я не меняла ее, и все их дети , вот так было у них, вот такой обычай, что все мальчики, которые рождались в семье, становились священниками, а все девочки мужья…женами священников. Это было вплоть до моего родного деда, Александра Николаевича, который сначала тоже был в священническом этом, потом ушел в медицину. Вот с тех пор… это был 1900 год. Он кончил университет в девятисотом году.

– *Какой университет он закончил?*

– Томский.

– *Томский?*

– Томский, да. Томский университет. Тогда в Иркутске не было еще.

– *Чего не было?*

– Университета ещё не было в Иркутске.

– *Медицинского?*

– Вообще никакого не было.

– *Вообще никакого университета?*

– Университет создан в 1918 году. Вы что, не знаете? Ваш университет создан Колчаком в 1918 году. А до 1918 года университета не было. До революции был Институт благородных девиц, где вот физический факультет ваш и математический, вот там. А в 1918 году был уже университет, где уже был медицинский факультет. А в 18-м уже был университет и в нём же был медицинский факультет. А где-то в 1934, по-моему, или 1933, я точно не помню, уже стал медицинский институт. Вот такая вот…

– *Получается, вот у вас дети ваши тоже в Иркутске, да?, живут?*

– Конечно. Да. Дочка – историк. Окончила университет ваш. А сын у меня строитель, он живет не здесь – а тут, в Глазково, живет. Не здесь, а в вот этом вот предместье живет. Он у меня строитель.

– *То есть живет в Иркутске? И нравится? Все родное?*

– Нравится. Я-то вообще тоже Россию больше люблю, хотя родилась в Иркутске, но все равно, куда мы денемся? Мы здесь выросли, у нас здесь родители похоронены. Мы здесь учились, конечно. В общем, все равно, конечно, мы любим… все эти церкви, что были разрушены. Я, в общем, довольно прилично знаю, конечно, где что было.

– Ну, я, конечно, всё это у вас ещё спрошу.

– Давайте, Леночка. Как вам удобнее.

– Значит, вот, детские воспоминания и нынешние реалии? Можно вот что-то сопоставить?

– Ну, в общем. Неплохо. Неплохо. Неплохо. Я вот считаю, что неплохо. Я очень люблю свою профессию, что вообще очень важно. И я думаю, что неплохо. Но что-то хуже стало. Я бы, например, хотя я не сторонник советской власти, но вот эти пионерские сборы, лагеря детские я бы не отменяла никогда. Это плохо было сделано.

– Значит, сейчас для детей делается меньше?

– Очень плохо. Просто плохо. Потому что мы, конечно, играли в игры в человеческие. А сейчас-то детям негде ведь поиграть. Это плохо. Да, потому что у нас какая-то урбанизация идет, и вообще все для машины и бог знает для кого. Вот у нас же, вы шли, видели, сколько домов? Это сколько людей живет. Сколько детей! Вот такой маленький кусочек – детская площадка! Что это – хорошо?! Это очень плохо! Я, правда, в лагерях была 2 раза только в войну... в пионерских, после 4 класса и после 5 класса. Это же бесплатно было. И, в общем, конечно, это было лучше. Что-то было лучше, что-то было хуже. Как так вот… резко нельзя сказать, все остальное… Как в школе… У нас школа очень хорошая была. Учителя были очень. У нас даже были еще бывшие гимназисты. Я же ведь давно. Мне-то лет много. Конечно, это были высококультурные люди. Чтоб детей обзывали, я такого не помню! Или чтоб мы учились в войну, заметьте себе. В войну же в нашей школе госпиталь был. Мы учились в деревянном корпусе там, на площ… на Тургенева, в 3 смены, потому что эвакуированных было полно детей, учились в 3 смены. Я не помню, чтобы у нас дети мыли классы или окна, или что-нибудь. Уборщица была всегда. Не было этого. Моды этой не было. Конечно, и город такой большой не был. Это тоже надо… Вы тоже восточный человек. У вас тоже внешность восточная.

– У меня бабушка с Забайкалья.

– Я вижу, ага.

– Я, кстати, не зна дажею, какой я национальности, в принципе, потому что по папиной линии татары, по маминой хохлы и там русские.

– Но, в общем-то, мы все смешаны. Я вас понимаю, потому что в моей семье только русский – это мой родной дедушка Никанор Александрович Александров и был… конечно он был… который жил в Гомеле и на железной дороге работал. Все остальные литовцы, немцы, поляки и вот еще монгол. Вот тут ещё монгол запутался.

– Сейчас чисто русских людей вообще, в принципе, нету.

– Вообще нету, ага. Вот дочка у меня наполовину немка, отец немец был.

– Ничего себе!

– Не говорите! Всё намешано. Ну что ещё, Леночка?

– Вот расскажите, каким было студенчество? И почему выбрали этот вуз?

– Я хотела быть врачом с раннего детства, как дево… как дедушка. Да, да. И я училась в медицинском, на лечебном факультете. Очень! Я вот считаю, что я институт кончила шутя, потому что я очень люблю медицину, всегда любила, интересовалась и сейчас люблю. Вот мне лет-то много уже. Я уже работаю давно. И работаю здесь, в этой больнице, близко, никогда не жалела, что я врач, потому что, в общем-то, я считаю вообще, что литература, история и медицина – это самые такие дисциплины огромные. Правда? Которые все охватывают. Так что хорошо, что вот… У меня там, кстати, внучка учится на 4-м, что ли, курсе. Двоюродная внучка. У вас на филологическом, но она тоже там не шибко учится хорошо.

– Расскажите побольше про это учебное заведение, в котором вы учились?

– Мединститут наш вообще блестел. У нас были очень хорошие педагоги, очень! У нас были профессора даже вот с мировой славой некоторые. Вот мой учитель. Я невропатолог. Мой учитель профессор Ходос. У него ведь и до сих пор мировая слава, потому что к нам приезжают сейчас. Конференции у нас, и все бывают у невропатологов. Из-за границы приезжают профессора очень такие видные. Из Германии, с Франции, из Италии и все. Они же все учились по учебнику нашего профессора. Да, у нас школа, школа очень, у нас профессора очень сильными были, очень. Ну, сейчас, конечно, не то, все измельчало. Уже те все ушли. Не потому что я была молодая там или все, не поэтому, а объективно совершенно. Вот той культуры, которая была, теперь нету. Конечно, есть хорошие доктора у нас. Я по своей специальности сужу, вот, что у нас, конечно, очень хорошая школа медицинская и хирурги. У нас очень много знаменитых врачей вышло, то есть наш мединститут, конечно, звучал, безусловно! Безусловно! То есть медицинский институт я только с очень хорошим чувством вспоминаю.

– А вообще учебные заведения в Иркутске вы считаете на уровне? Вот как? Как были тогда да и сейчас, вот именно обучение?

– Вы знаете, Лена, тогда ведь в мою молодость было всего, значит, мой институт, был Горно-металлургический институт и

был Финансово экономический университет. Потом иностранным языком [нрзб].

– *Это год получается какой был, когда вы учились еще?*

– В 55-м, я кончила, в 55-м я кончила. Горный, конечно, был очень даже престижный, ваш университет всегда был престижный, но тогда был один корпус вот этот на Набережной, где сейчас математический и физический. Вот там был Институт благородных девиц до революции. И последняя директриса этого Института благородных девиц. Она была жена губернатора тогдашнего, была пациенткой моего деда, потому что он был врач ухо-горло-нос, дедушка мой. А у нее с голосом были проблемы, как у всех педагогов. Она сама преподавала, очень такая дама была. Вот они там жили, где Белый Дом, вот тогда был дом генерал-губернатора. Там они жили, и дедушка ездил туда, смотрел ей горло, и она к нему ездила в больницу. Так что это были люди, в общем. Я думаю, было многое лучше, то есть культура была выше, безусловно, безусловно, потому что сейчас понимаете, Лена, я, конечно, мне трудно судить. Я по своей профессии сужу. Но вот ваш университет, вот Нинка у меня училась. Она заочно училась. Она всех профессоров хвалила, всех. Вот исторический факультет, другие я, конечно, не знаю. Но университет, конечно, звучал, университет звучал. Ну, мои с класса много учились в университете, литераторы. Подруга моя была, литературный кончила. Тогда… не знаю, как сейчас, но историко-филологический тогда назывался факультет, да? Сейчас у вас просто литературный.

– *Просто филологии, факультет филологии*.

– Тоже факультет филологии.

– *Они называются факультет филологии и журналистики.*

– Ага, и журналистика. Ну, тогда этого не было, я могу сказать, что было и тогда хорошее, и сейчас хорошее. Нельзя сказать, что было ой-ой-ой, а сейчас все плохо, нельзя сказать. Во всяком случае, вот то, что мне дочка рассказывала. Я сама многих знаю, у меня многие лечатся, очень культурные люди, и врачи всякие есть везде.

– *В любой профессии есть хорошие.*

– Конечно, и юристы, и все. Это у вас юридических-то два факультета, да? Там вот как в Академгородке? Там тоже юридический факультет?

– *Да*

– Ну, они какие-то с разным уклоном, да?

– *Если честно, юридическим не интересовалась*.

– А больше вам что все-таки нравится, литература? Ну да, литература у нас даже…

– Нет, журналистикой мы в принципе не занимаемся. У нас две разных специальности: филология и журналистика.

– Ну, понятно, ага.

– Вот, значит, такой вопрос: были ли у вас какие-нибудь увлечения, такие, может, сильные, которые переросли во взрослую жизнь?

– Ну, я всегда книги очень любила читать, всегда любила литературу очень. Меня даже в школе хотели в Литературный институт в Ленинград отправить, но медицина победила. Потом я очень люблю искусство, люблю музыку. Я люблю поэзию, я много чего люблю, много. Я очень люблю природу. Мне очень жалко, что вот это все рушится. Деревья и кусты, и цветы. Все очень жаль и, в частности, Байкал.

– Тогда такой вопрос: вот что вы думаете о деревянных домах в центре Иркутска вот?

– Надо сохранить не все, может быть, но, что хорошее, надо сохранить. Думаю хорошо о них. Мне их жалко.

– Ну, вы считаете, что в них своеобразие Иркутска?

– Конечно, безусловно, это же история наша, это история, потому что вот эти улицы, вот все, которые сейчас. Первая Красноармейская, потом идет Лапина, Грязнова, там это Байкальская, Киевская, Литвинова. Это же были солдатские казармы. Тут Иркутск-то был до улицы вот этой. Карла Маркса сначала вот эта вся шла. Как канава там была, а за ней вот эти все кварталы были, казармы, солдаты. Почему солдатские называли до революции улицы-то эти. И там же много старинных домов. Кое-что нужно оставить, нельзя же все сносить-то. Ну, может, не все, но что-то надо оставить, нельзя же все разрушать.

– Ну, вот вы считаете, что вот этими домами Иркутск отличается от других городов?

– Ну, вообще в каждом городе есть старые дома, но все-таки что-то… своеобразие есть какое-то еще Иркутска. Какие-то остались живые, кто-то там жил, в общем, беречь надо историю.

– То есть вы считаете, что их нужно как-то отреставрировать? И еще вот такие идеи есть, что хотят сделать музейными их, эти дома.

– Это очень хорошая идея, очень хорошая, да очень.

– Ну, те дома, которые хотят, в которых не жили знаменитые люди, их хотят вот как-то убрать, а вот и оставить небольшую как бы область такую.

– Ну, чисто вот музейные, да? Ну, вообще идея хорошая, но я, так сказать, я против. Меня-то вообще кто слушает? Ну, так если спросить меня, то, конечно, что-то нужно оставить. Может быть, что-то и

не надо, но вот то, что не около Карла Маркса. А вот под горой Иерусалимской, там вот эти подгорные. Там вообще история сплошная, там надо все оставить. Там очень красивые дома есть. И вот здесь в нашем районе есть очень красивые дома их, Герцена. Если идти по Набережной выше, там несколько домов, все в кружевах, в резьбе. Ну, как же их убрать-то?! Это же грех, так мое мнение.

– А как вы относитесь к переименованию улиц?

– Я хочу, чтоб их переименовали все по-старому, все. Вот моя улица была Большая Александровская в честь Александра. А вот эта улица моя, где сейчас живу, – Маяковского. Ну вот, потом… вот ее обязательно нужно оставить. Ну, пусть она будет Профсоюзной, но написать, что это Большая Александровская. Ну что? Профсоюз – это же серость. То есть, когда она длинная очень, она шла через рощу, вот где роща звездочка, знаете? И она шла до самого, где уже там стройка этого, Политехнического, вот там она кончалась. Это была очень длинная улица, Большая Александровская. Это история. Потом улица Терешковой, я за свой район говорю. Терешковой была улица Кругобайкальская, единственная в мире, которая шла вокруг Байкала, дорога сейчас. Ее нельзя было переименовывать. Пусть Терешковой бы назвали что-то. Это тогда комсомольца коммунисты макаронной фабрики, когда Терешковой. Это при мне все было. Мы же… я Нинку рожала в ту ночь, когда Терешкова рожала свою дочь. Родились они у меня в одну ночь, наши дочки, вот я помню это все прекрасно. Была Кругобайкальская, это раз, потом Вокзальную надо было оставить. Ну вот, Челнокова, 20, наша больница. Ну, кто такой Челноков? Революционер? Или там он герой? Да дай бог, у нас столько новых улиц. Пусть бы она была Вокзальная, и Маяковского была Понтонная, потому что был мост-то понтонный, знаете? Такие понтоны, такие как паром вроде, но они стояли низко над водой, и улица была Понтонной, это история, правда? А в городе сплошь, во-первых, там сплошные евреи, которые делали революцию. Я против них вообще всегда была. Ну, Большая на Карла Маркса. Она была Большая улица, да Ленина. Была Волжская, она сначала Морская была, потому что дорога к морю, к океану. Вот не надо было переименовывать. Сейчас вообще уже и много, что и вспомнила. Студенты работают и все, и даже видели, написано улица Декабрьских Событий, а в скобках Ланинская. Там Ланины-купцы были, которые строили там дома и все. И, конечно, надо было оставить. Можно оставить. Не надо уж коверкать так все, да, ну вот, написано… Урицкого… она была улица Пестеревской. Пестерев был купец, у него аптека была собственная. Это, в общем, благодетели были,

они же строили город, они же строили. Вот, вот такое мое мнение, то есть я против перемен. Ну, сейчас я уже пробовала, у меня ведь много журналистов и знакомых есть на эту тему говорить. Говорят, нет денег. Я говорю: «Послушайте, дорогие мои, у меня архитектор города учился». Я его загнала в угол. И я говорю, и после революции, когда все голодные, босые были и ни одной крошечки не было. Это были деньги – переименовывать. Вот это все: Урицкого, Литвинова, Ленина, Свердлова. Они все головорезы, они головорезы. Конечно, я против [нрзб], меня и так уже таскали тут.

– *Ну, просто считают. Даже сейчас хотят какие-то маленькие, более маленькие улицы переименовывать, а которые большие, вот говорят, что затраты там, чтобы прописку менять.*

– Да, я за это, но пусть под названиями, скажем, указывают Литвинов. Ну, они же были что-то… и деятели, конечно. Они не все были плохие. Были, в общем, люди хорошие. Да. Или Энгельс, Энгельса улица есть. Это бывшая Жандармская, там Жандармерия была. Вот пусть Энгельса, а внизу написано, кстати, уже кое-где, уже ведь есть так, внизу написано Жандармская. Потому что историю назад как-то карпить, люди-то ведь и не будут знать прошлого, так видеть даже они будут. Кто они будут, ничто не знать?

– *Ну, конечно, ведь даже интересно все-таки. Я вот не знаю, вот тоже смотрела, что раньше улицы, оказывается, по-другому назывались, а сейчас все.*

– Конечно, я-то хорошо знаю все улицы и все буквально. Я вообще там все… Во-первых, мне приходится бывать в разных местах, как врачу, меня возят, везде я бываю. И смотрю, есть. Переминают: Ланинская улица, Ланинский рынок. Ага, значит, люди знают, что это была Ланинская улица, верно? Ланины были купцы, они много сделали для города, как бы там ни было. Это никуда не денешь, правда? История есть история. А то, что наш район Свердловский, ну что Свердлов, что он сделал? Ммм?

– *Хм, не знаю.*

– Он вообще Аптекман, он Аптекман, его фамилия настоящая Аптекман. И пусть бы он аптекой заведовал. И надо ему? Это революционеры, в общем-то, может, идея и была хорошая, но ведь сколько крови пролилось. Я против поэтому. А вообще наш район, вот этот вот, был бы Глазковский, потому что его знают уже многие, что это Глазковы. Потому что Глазковы и Могилевы строили. Глазковы были купцы, а Могилевы казаки. Они строили здесь, когда стали заселять Сибирь. Сибирь же заселялась и все. И вот то, что мы. Дедушка мамин, вот дедушка. Они приехали на лошадях из России строить дорогу. Дедушка дорогу строил. Вот, может, по му-

зею-то знают, когда столетие музея-то было, они меня пригласили, я рассказывала, там все фотографии, вот. И начальника дороги, и всех, кто строил. Они все в музее краеведческом, там, угол Карла Маркса и Набережной. Я им рассказывала, что дедушкины документы я все отдала в музей. Все его ордена и все такое. Тут я с дедушкой снята. Вот я с дедом сижу, вот я тут только институт кончила. Ну, а дедушка уже, конечно, был… ему за 80 здесь, царство небесное. Дедушка во у меня был! И вообще предки вот были, потом из России переехал, да? Он, ну, ему нравилось в Сибири, ему нравилось, он приехал. И он говорил, что в Сибири. Только говорит, молока не было, этого, птичьего. Все было, кто работал, то все имел. И когда строили они дорогу, это был 1895 год. Платили золотом, жалованье золотом получали, жили очень хорошо, землю давали сколько угодно, бесплатно. Вот сейчас мне говорят наши… у нас же есть тоже время. Я-то знаю историю, то, что мне рассказывали старики. Землю давали, сколько хочешь, поэтому у нас был очень большой сад, где вот я родилась. Дом большой дедушка построил и все, конечно. Ну, все снесли, потому что все строится, ну, там поликлиники железной дороги… большая. И мне дали вот эту хату за дом с садом, так что еще мне повезло, могло вообще ничего не быть. Но то, что знаю, давали. Это же Столыпинская реформа была тогда… то сколько хочешь. Вот этот весь район наш, он весь заселен бывшими железнодорожниками, они же имели деньги. Они строились, сады были. Он был весь цветущий, весь. Вы-то молоденькая, и даже дочка моя этого не помнит. Вот наш квартал был, вот наш квадрат, вот этот вот, тут был. Соседи – это все железнодорожники, это по маме моей [нзрб]. Розова вот. Это центр были и сады. Там была пасека, пчелы, сад цветет, все, это так красиво!

– *В городе пасека, пчелы?!*

– Пасека была, да.

– *Ничего себе!*

– Очень красиво было. Сейчас какая пасека? Сейчас пчелу-то не увидишь. Ну, я понимаю, что прогресс. Я не против прогресса. Он должен быть, но нельзя все рушить, нельзя.

– *Это природное все, историю.*

– Да, тем более что старые дома, вы говорите. Вот старый дом, у его история. Он говорит за себя. Ну ладно, у меня вот дом хороший. Вот этот дом еще при Сталине начали строить. Дом хороший, он построен хорошо. А вот эти дома, вот эти бетонные? Это же безликое сооружение, он ни о чем не говорит, вот как их строили, это мы уже тут жили. Тут у нас во дворе сад был, там был садик.

Это все разрушили, это при мне уже было здесь. Ничего не жалко, а вот мне жалко, я не могу.

– *Да, конечно.*

– И церковь вот здесь была, вон, где лицей вот этот наш, вот стоит лицей, на горе.

– *Какой лицей?*

– Ну, лицей, вот вы шли мимо, башня-то! Вы же шли мимо. Пойди, покажу, вон, вон на углу видно большой с башней. Там на углу красное здание видите? Это школа моя, она достроена, потом ее достроили, вот эта башня. Так вот это как раз моя школа. Вот здесь, значит, улица Маяковского, да? И вот здесь, вот здесь была церковь, деревянная, маленькая, вся в резьбе, деревянная, как домик игрушечный, да? Меня бабушка водила в эту церковь, я помню очень хорошо. Она сгорела, когда я отучилась в 9 классе. Она была вся в резьбе, вся, как игрушка. Сначала был какой-то сад, естественно. Вот вам пример того, что нельзя, это же истории, это был модерн. Это над… у… на… 3 дома всего, вот у нас в районе есть вот этого стиля, деревянные. Одно целое стоит вот на моей улице, в самом конце улицы, там сейчас санэпидемстанция, железная дорога. Очень красивое здание, деревянное, все в резьбе стоит. В мое детство там был кожный диспансер. Это я помню. И эти дома, конечно, они неповторимы. Вот в них заходишь, там свой дух, понимаете? Я вот это чувствую очень. Вообще хожу по многим, я же врач, я бываю везде. Вот в старый дом зайдешь, в нем душа есть. Это квартира, это казенное, это все казенное, хотя у меня квартира хорошая, я ничего не скажу. Хорошие у меня соседи, хорошие, нормальные люди. И вот так к старикам придешь. Вот этот домик чистенький, там у них все чистенько. Ходики эти ходят. Я вообще старину люблю, надо беречь это, чтоб последующее. Ну, вам нравится, скажем, это нельзя всех-то под один. Мне нравится такой, вам нравится другой, Нине моей нравится вообще третий, но что-то общее должно быть. Беречь надо, вот есть фотограф в городе – Борис Дмитриев. Вы, наверное, бываете на выставке, не слышали? Вот он как раз занимается старинным, вот этим зодчеством Иркутска. Старый Иркутск, все у него очень, бесподобные фотографии. Вот он такой борец за это, за старину, за это. Я его хорошо знаю, это мой друг. И я тоже согласна полностью, что все-таки не надо, конечно, так-то вот… это не трогай, это… это крайность. Или давай, ребята, все снесем и поставим бетонный гроб здесь, правильно? Но стройте вот, но можно же деревья-то сохранить, нельзя же так рушить все. Вот когда тут разгружали эти все материалы, приехали вот эти дома строить. Ведь они прямо вот на деревья все

вот это. Я вообще не могу! Березу эту, я не успела охнуть, шел этот бульдозер, или что, махом. Эта береза, мы на нее так любовались! Ну нельзя так делать! Это варварство! Вот это мое твердое мнение, не как врача, просто как человека. Конечно, мне жалко Иркутск, мне жалко то, что сохранилось вот все. Это я считаю благодаря тому, что архитекторы, есть журналисты с совестью, которые болеют за это все. И вообще остатки какие-то есть людей, врачей, интеллигентов, просто людей, которые это все жалеют, иначе бы все разрушили. И не потому что люди злые, а потому что у них ума нет, нельзя же так действовать, верно?

– *Да.*

– Надо что-то беречь. И вот тот квартал весь. Это все еще деревянное. Все это старое. С тех… все дома старые, и школа наша старая. Она же в 1916 году построена, школа в войну, Первую мировую. Надо сказать вам, тогда вообще много что в Отечественную войну построили. Все для фронта было. Я же училась в школе, помню, а вот в ту войну, в Первую мировую были построены эта школа, потом на Гоголя 80, там музыкальная школа, училище. Та школа в пятнадцатом году построена. Очень красивое здание. В городе несколько таких зданий, которые строились. Одиннадцатая школа построена во время Первой Мировой войны, так что и делалось, моя дорогая.

– *Вот расскажите мне, пожалуйста, как отмечала праздники молодежь, ну вот раньше?*

– Раньше лучше было. Во-первых, в парках. Вот этот парк, что у нас тут в городе, на Набережной всегда играл духовой оркестр. Мое детство… всегда был духовой оркестр вечером, вот даже в войну был оркестр. А уж на праздник вот, День Железнодорожника, там 1 Мая, 7 Ноября, музыка всегда была. Ну, были танцульки, конечно, были. Я сама ходила, на танцы ходила, и все, конечно, были. Были и драки… и были… и драка, и все было. Но было лучше, не потому что я старая, а потому что так было. Наркотиков таких не было, поножовщины такой, как сейчас, не было. Вот я вам говорю, вот я училась в войну, когда было три смены в школе. Я не помню чтоб, во-первых, нас никто никогда не обижал, хотя казалось то, мы уж тоже хулиганы, я сама дралась. Вот чтоб вот так обозвали ребенка или его стукнули, как вот сейчас бывает. А дети почему распустились? Потому что они пример видят. Они хорошие дети, сами-то про себя, правда? Вы студенты, вы тоже стремитесь к чему-то хорошему, верно? К красивому, и все хотят жить. Нормальный человек хочет, чтоб все было хорошо, не хочет разрушать, верно? Тем более литература – это же гуманная профессия и

журналистика. Это все очень хорошо. И я вам желаю от души всего хорошего. Пускай все остается целое. Вот тот мост, как съезжаешь, вот около вашего университета, вот здесь были детские площадки вокруг домов. Сейчас посмотрите, гробов этих наставили, ну это, потому что скупают землю. Это очень плохо. Раньше купцы зарабатывали. У них деньги были заработанные трудом большим, потому они и жертвовали на благотворительность, а сейчас краденые. Вот я работаю всю жизнь, у меня 54 года стаж. 54 года работаю на одном месте. У меня и категории, и квалификации, и все. Я не могу себе пальто купить позволить. Вот все, что у меня осталось, вот шкафы, книги – это все старое, все от предков. Эта люстра, ей больше ста лет, это все старое. Единственное, мы вот телевизор купили, ну вот, стол компьютерный, то, что она работает.

– *Честные люди – бедные люди*.

– И мы не можем, потому что мы зарабатываем. И сын у меня работает, но только-только. Поэтому кварталы покупать и все, я, конечно, против. Я не против богатства, ради бога, но надо же и совесть иметь. Ты захапал, так ты людям-то хоть дай маленько. Для города, но ведь никто не пожертвует.

– *Ну, сейчас бизнесмены ничего не жертвуют для города, это раньше.*

– И вообще никому!

– *Ну, раньше, наверное, было такое, что в культуре, что, если ты богатый, ты должен что-то сделать для города.*

– Сам бог велел.

– *Да, что делиться.*

– Да, вот дедушка мой работал в частной больнице, это вот где сейчас курорт Ангара, в нашем районе туда, по 2-й Железнодорожной. Там теперь курорт Ангара. Главный корпус, вот это была благотворительная больница для хронических больных. И дед мой в ней последним врачом и директором ее так был. Назывался… должность врач-директор. Ее содержали купцы Медведниковы. Я эту историю очень хорошо знаю. Дедушка, бабушка была акушеркой, она помогала ему в медицине и детей. Все учились в гимназии. Гимназии платные были, учили языки, музыку, танцы там. Это все платное было. Я могу 8 человек содержать? Я врач с большим стажем, я себя еле содержу! Вот вам и разница. Большая благотворительная. То есть там понятия не было, что какая-то зарплата, или что один раз в полгода дед ездил в управу, у них банк был. Получал то, что положено для больных. Бесплатные больницы были, штат там жил. Там вот эта территория большая, курорта. И там домики еще остались до сих пор. Где жил штат, обслуга, санитарки.

Но раньше санитарки не назывались, назывались сестры милосердия, сиделки. Там батюшка был. Там церковь была, была церковь, все было. Отец как рассказывал мне, что, конечно, кофе, говорит, со сливками по праздникам только пили, а в обычные дни с молоком, но они учились в платной гимназии. Это было очень дорого раньше, музыке учились, ну, что они все очень образованные были. Я работаю сто лет, стараюсь день и ночь. Я больных вообще не оставлю. Я еле-еле свожу концы с концами, потому что у нас в медицине и в культуре, все отобрали. Поэтому это не то неравенство, которое было до революции, потому что купцы вот. Любой дом старый возьми, это все купцы жертвовали, любую церковь. Ведь церковь построили на какие деньги? правда? А сейчас они что, сейчас вот такое мне рассказывали больные, ну, у меня же отовсюду люди лечатся, что 2 или 3 детских дома под Иркутском содержат бандиты на свои деньги. Значит, у них больше совести, чем у этих дельцов, представляете?! Ну, не знаю, правда это или нет, но это я слышала несколько раз. Зря болтать не буду. Надо жалеть народ. Жалеть надо. Вот смотрите, кто жалеет природу, собак, вот там кошку, дерево, куст. Вот он гуманный человек, он и дом старый пожалеет. Я не говорю, что надо все развалюхи прямо хранить. Это крайность. Другая крайность, если дом хороший, если у него есть история, кто-то там жил, какой-то человек, который заслужил в городе… да что-то он, его конечно надо сохранить. А улицы, да пусть они остаются. Эти и Ленина, и Маркса, и все, но пусть внизу напишут, что улица Морская или Амурская. В мое детство она еще Амурская была, верно ведь?

– *Верно.*

– Но вот все переименовывали. Вот что-то услышит какая-то обезьяна, уже она переименовалась. Ну, кто тебя спрашивал-то, ты людей-то хоть спроси! Но не знаю я, Леночка, может я это…

– *Ну почему?*

– В другую крайность кидаюсь.

– *Я считаю, вы правы в какой-то мере. Вообще в большей даже мере, я думаю, потому что историю нужно хранить.*

– Да, иначе ничего не сохраним. Вот около меня улица этого обрыва идет вниз, сюда, к роще, вот это Оглоблинская была. Сейчас она Румянцева. Оглоблин Василий Васильевич был главный инженер дороги, когда ее строили в 19 веке. Вдруг она в мое детство была еще Оглоблинская, вдруг она ни с того ни с сего стала Румянцевская. Вот я даже… кто живет, я говорю. Это же Оглоблинская была, они не знают, потому что они ничего не знают. И самое худшее я вам, Лена, скажу, что людям это неинтересно!

– *Да.*

– Я говорю, но вы же живете здесь, вот я больным говорю: «Вот как эта улица называлась?» Вот Герцена сейчас. Герцена – это набережная, вот на нашей стороне, не знаю, сколько вы там лет живете? Родилась. Ей под девяносто. Ну как она называется Герцена? – Герцена. Я говорю: «Да не было Герцена, 100 лет бы его не видели. Вот здесь до революции вашего Герцена она была просто Набережной». Вот вам и все, то, что они старые, они говорят: «Ну что? Зачем?» Это нельзя этого делать. Нет, я человек горячий, я против.

– *А расскажите мне побольше, как отмечали праздники. Вот Новый год, например?*

– В основном дома гуляли все, но елка всегда была. Вот в нашем парке на площади. Во всех магазинах были очень красивые елки, очень красивые.

– *Настоящие?*

– Да настоящие, но искусственные же не так давно пошло, настоящие елки. На площади елка была, во всех больших магазинах, вот где детский этот мир теперь на Урицкого и угловой там магазин. Были там же с дырой потолки двухэтажные. Елка была до верха. Меня мама водила, мы всегда смотрели. И в нашем вот здесь парке елка всегда была. Все гуляли дети, горочки все это, снеговики, очень было хорошо на площади. Площади в моем детстве не было, не было, там пустырь был. Это уже потом сделали вот эту… теперь искусственные. Я понимаю, конечно, что елку жалко и все такое. Хорошо было, но город-то ведь меньше был намного, намного. Город очень вырос, вот, он за последние 50 лет, я вам скажу, как вот я уже работаю, это немыслимо, как он вырос. Он вырос за счет районов Юбилейного, Солнечного, вот этот, этого самого. Как он? Лисихи. У нас тоже вот здесь, на Синюшке. Это мое детство, это все лес был. Очень конечно продвинулось, вот этот прогресс, но прогресс, он, с одной стороны, хорошо все. Ведь должны же люди жить, и все такое. С другой стороны, нельзя так природу уничтожать, нельзя! Природа за себя мстит! Больных-то сколько.

– *Да.*

– Вот вы что. Это не просто так. Это, во-первых, душу иссушает, сердце студит, как говорят писатели, да? Это нельзя делать этого, природа должна быть, но, может, все можем уничтожить, тогда что делать-то будем, что будем делать? Я даже… и все. Я в «Аист» обращалась, я же беспокойный человек: «Вы вообще-то имейте совесть, вы что? Все вырубаете действительно, жить-то мы как будем? Ну, давайте все вырубим, будет гола земля!»

– *Наверное, нужно как-то больше садить, да, деревья?*

– Конечно.

– *Все равно место есть, есть свободные территории.*

– Да, конечно, главное, Лена, посадить да не вырубить потом. Вот у нас вот этот парк, вы шли мимо на Маяковского-то, да? Вот он до революции этот был, этот самый циклодром, то есть был трек для велосипедистов, велосипедисты. Там соревнования были все. Циклодром и назывался. Потом уже после революции это был сад «Локомотив» железнодорожный. И кстати был большой порядок, там очень хорошо, а последние годы вот парк там – Некруполь. Там же захоронения доисторические. Он весь вот в таких вот буграх, это древние могилы. Роща Березовая. Был стадион вот этот, бывший циклодром, да? Ладно, сделали еще один стадион, то есть вот эта часть сада, вот та, выходит, северо-западная, да? Все деревья вырубили. Зачем нам три стадиона?! Там кто играть-то будет? А один такой стадиончик, такой дикий. Ну, дайте вы его ребятишкам, пусть они мяч гоняют, ведь им же вот мальчишкам надо это. Нет, не пускают, надо за деньги только, вот что очень плохо, вот это очень плохо, вот такого не было раньше. Уж ребята ходили, играли в футбол этот, пинали. И в этих… на коньках катались. Ну, давали коньки за какую-то мизерную плату на прокат, если своих не было. Да каток же заливали всегда. Сейчас нет, все очень дорого. Вот этот корт на Карла Маркса видели? Теннисный корт там?

– *Да.*

– Вот там очень дорого.

– *Я даже сама хотела очень сильно.*

– Очень дорого.

– *Хочется попробовать, все равно денег нет вообще.*

– Ну откуда деньги-то? Нет. Это ваш?

– *Нет, ваш.*

– Нет, это мой. Праздники хорошие были, лучше, чем сейчас.

– *А вот день города как отмечался? Расскажите.*

– День города очень торжественно, вот когда было трехсотлетие, по-моему, да? Да, мы даже ходили, очень хорошо было. Вот гуляния были, и фейерверк был. Все было хорошо, было очень-очень торжественно. Но трехсотлетие я помню хорошо. Это какие-то 50-е, что ли, годы были, или 60-е, я уже не помню. Мы ходили тогда, ну, у меня еще дите. Ну, Нинки не было, сын был маленький. Мы ходили на площадь, гуляние было, красиво было. Музыка играла всегда, оркестры были. Куда оркестры-то подевали. Вот заведут эту ерунду. И ту даже… вот это… этой самой и то не могут завести, ведь тишина. Одно время вот эта дискотека, это на Юности была, но, видимо, все-таки что-то писали люди, потому что

жить было невозможно, до утра это бум-бум-бум. Это же ужас, но мы же тоже танцевали, и музыка была, вот это очень-очень полная, полная бездуховность. Это во! Это ума чугей, твоя понимай нету.

– *А вот какие там вот парады были?*

– Парады были.

– *Выступал кто-то? Знаменитости какие-то, может, приезжали, какие-то там, нет?*

– Но были, наверное, но я не видела, я вообще-то не любитель этих всех вещей, конечно, приезжали. Но вот, когда было столетие дороги, я вот это помню. Были, приезжали те, кто строили, кто остался в живых, конечно, да. Правда, министра самого не было, был замминистра. Мы ходили на столетие. И паровоз шел вот так. Мы ходили рано утром. Ну, не рано, а часов в 11. Было же открытие памятника вскоре Александру, как раз в это время. Он же дорогу-то подписал строить, и вот тогда улицу назвали, вот эту, Александровской, почему еще Малая Александровская, она теперь Фурманова, там у аптеки маленькая такая улочка. Конечно, было торжественно, и оркестр был, и народу. Ой, много было народу-то, ликовали все, конечно, выпили, естественно. А на дне города, конечно, приезжали, из Москвы приезжали все. Кто, я не помню, ну и так далее. Обком же был и вся эта партия, и все, все были, конечно, и театрализованное представление, и в театре были спектакли. Все было, конечно, было. У нас вообще театр очень хороший, в Иркутске очень хороший.

– *А вот расскажите вот тогда, вот как раньше дело обстояло с театрами, кинотеатрами, может, цирк там с развлечениями?*

– В детстве моем цирк был. Вот приезжал «Шапито», вот, насколько я помню, вот где церковь Крестовоздвиженская, это угол Седого и Тимирязева, ну вот, церковь стоит, ну вот, на этом самом, белая церковь стоит на углу, как трамвай останавливается. Вот это Крестовоздвиженская. Так вот, под ней тут плато такое небольшое. Тогда же не было трамвая. Вот здесь цирк был, такой переносной – «Шапито». Приезжал Дуров, я Дурова вот помню самого, этого… основателя этой… Очень красивый цирк был, я очень любила. Цирк приезжал целый год. Потом, где сейчас рынок, рынок, он и был там тоже, цирк был. Приезжал там, располагался, так что цирк был. Кино? Кино было лучше.

– *Почему?*

– Тогда кино было кино. Это был торжественный, теликов же не было, шли, во-первых, в больших кинотеатрах, перед сеансом всегда певица пела на эстраде. Так было красиво, и шли, как на праздник, вот в это кино. Вот Художественный, кино «Гигант», где

вот сейчас «Стратосфера» клуб. Это до революции частные были кинотеатры. Вот они были до революции. Потом кино «Пионер» было очень хорошее, где сейчас, по-моему, ремонт, это в конце Карла Маркса, туда. Вот это кино «Пионер» было. Я во все ходила, у нас вот рядом «Клуб» был, вместо него вот эти дома грохнули. «Клуб» сожгли. Вот это все построили, «Клуб» был с 1915 года, очень хороший кинотеатр был. Ну, по районам. Я… там в Марата «Предвестник» был, кинотеатр очень хороший, где мы там были несколько раз. Хороший был, и были картины, очень хорошие были картины, свои очень хорошие. И импортные эти вот самые, трофейные были фильмы. Вообще, конечно, безусловно, было несравненно лучше, чем сейчас, несравненно.

– Сейчас просто все подряд вообще пускают, любой фильм, там, кто хочешь, снимет, сразу в кино.

– Да.

– Сейчас кинематография вообще, я даже разочарована жутко, я столько посмотрела там фильмов, 5 подряд, все новинки.

– Ну и что?

– И ужасно вообще, мысли здравой, какой-то мысли нету, морали тоже нет, даже детей водят. Мне не о чем даже обсудить.

– Причем артисты хорошие играют, но им кушать-то надо. Их понять можно, им же тоже кушать надо, верно? Ведь какие артисты прекрасные. Вот эти даже сериалы, прекрасные они идут. Мы, конечно, их не смотрим, но иной раз так глянешь случайно. Полная пустота, полная. Очень хорошие артисты и поставлены, и все. Пустота полная. Но им кушать-то надо, они с голоду помрут, они и так гроши получают. Не знаю я, к чему это приведет. Ничего хорошего, так же и театры. Но вот мы в театр ходим, правда. Не часто, но в этом году мы были раза три в театре, в Драматическом с дочкой. Во-первых, молодежь играет очень хорошо, и публика хорошо встречает, вот потому что люди тянутся к хорошему. Потом мы ходим в Органный зал. Вот был, поляки приезжали, был очень хороший концерт. Их так встречали, я даже вот порадовалась за этих поляков, что они приехали, бог знает, откуда… с программой. У них старинные музыкальные инструменты, старинные песни, и они все в старинных одеждах. Девушки эти три зашли, у них всех такие волосы светлые, старинные это платье, как ангелы прямо зашли. Они так хорошо выступали, их было 7 или 6 человек. Им так хлопали, задарили цветами, что вообще не характерно для сибирского народа. У нас народ, в общем-то, не шибко по этому. Их встречали. Вот мы с дочкой были, нам моя полька знакомая устроила билеты. Просто я порадовалась, очень был хороший кон-

церт. Потом у нас филармония, у нас же артисты хорошие. У нас люди вообще хорошие, но вот какая-то дьявольская рука. Вот хотят сделать что-то хорошее, я не знаю, как будто черт руководит. Или вот, ей богу, вот даже у нас в медицине вот хотят сделать хорошее мероприятие, но поворачивается это все такой ерундой, что потом оказывается все расстроенные, все устали, все ничего не получили, все разочарованы, хотя идея была великолепная. Вот так же в кино и в театре. Артисты очень хорошо играют, особенно молоденькие девочки, мальчики, ну, видела выпускники же театрального училища, да? То есть вообще могло быть на очень высоком уровне, если бы кто-то руководил. Сейчас хороший режиссер в Драмтеатре. В этом новом театре я раза 2 была всего. Он мне почему-то не нравился, какой-то холодный. В общем, театральная жизнь ведь Иркутска очень была большой. Раньше, до революции, у меня была книжка старая, как было раньше. Да мне и родители рассказывали, приезжали ведь певцы из Италии, приезжали на лошадях. Как они доезжали, я не знаю. Из Италии, из Франции, откуда только ни приезжали. Певцы вот эти итальянские знаменитые были. Нежданова приезжала, Собинов приезжал из Петербурга, все на лошадях. Так и им платили-то как? Золотом, потому что все это дело финансировали купцы. Наши вот дадут сейчас? «Черт, он когда «Шарманку-то» будет петь. Знаете анекдот, да? Такие бабки заплатили вот бизнесмены, это привела жена на концерт Баскова. Когда-то говорит: «Шарманка-то будет?» Это опера была. Такие бабки заплатили. То есть вот [стучит по столу]. Но у них деньги, недаром так говорится, что лишь бы недаром так везется, что лишь белыми клад дается, а нам не дается.

– *К сожалению.*

– Да? всем надо бегать, чтоб вот этот репортаж сделать.

– *Ну почему?*

– Ну, ничего, Лена, надо оптимистично смотреть.

– *Мне самой это интересно, мне очень интересно на самом деле.*

– Молодец, все будет хорошо, главное желание.

– *Так, давайте еще вопрос.*

– Я думаю, что свет будет. Рассвет в этом большом деле.

– *Да, наверное, я тоже так считаю, что будет лучше.*

– Я думаю, будет, потому что все-таки люди стремятся к хорошему.

– *Будем надеяться на лучшее и будем делать, а не говорить.*

– Конечно, и дай бог, дай бог.

– *Главное чтоб делал кто-то.*

– Каждый должен делать свое дело, вот положено вам учить, вы учите. Чтоб каждый делал свое дело, как следует, тогда все будет хорошо. И не браться за то, что ты не умеешь. Я вот что не умею, не возьмусь ни за что, ни за что, потому что я знаю, что я буду [стучит по столу] вон там, а здесь я нужна, меня ждут люди, значит. Делай то, что люди просят. Вот так и в любой профессии, мне кажется. Как Пушкин писал: «Спешите делать добро». О, великие слова он сказал, он сказал. Спешите делать добро, глупостей много. Может быть, знаете, Лена, даже не так зла, как глупостей.

– *Да.*

– Глупостей, а глупость, к сожалению, оплачивается очень хорошо.

– *Расскажите, пожалуйста, как украшали Сквер Кирова и главные улицы, какие украшения были?*

– Ну, вот таких цветов, как сейчас, чтоб поставили вот на этих штуках, не было. Это потому что года три, да? Когда вот на столбах на фонарных. Вот этого не было. Ну, что сами, конечно, флагами украшали, флаги были всегда.

– *Подождите…*

– Потом вот, когда было 60-летие победы над Германией, было факельное шествие, очень было красиво. Мы ходили, факельное, то есть темно, и все с факелами. Огромная процессия откуда-то шла, через площадь, вот здесь. Очень красиво, это было позже одиннадцати, темно уже было. Было факельное шествие. Я один раз в жизни видела, ну, у причала с шарами, цветами, цветы несли. Все было красиво. Демонстрации красивые все были.

– *Ну, не как сейчас, да? Сейчас как? Вот вы ходили вот на праздники на какие-то?*

– Ну, последний раз мы ходили на площадь с дочкой, когда вот День Победы.

– *В прошлом году?*

– Нет, года три назад. Фонтан, конечно, это фонтан же ленинградцы делали, у нас вот этот, на площади ленинградцы из Ленинграда приезжали. Конечно, фонтан открывается, все освящение, но… Флаги там всякие, лозунги. Всякое это, что вот я считаю, очень плохо сделали со Сквером Кирова, что у нас очень много деревьев убрали. Вот этот дендролог выступала, я бы его застрелила, но она, конечно, не сама это. Ей, видимо, указание было. Посадили вот такие веточки. Вот ведь они оголили всю площадь, люди же сажали. Красивый Сквер был. Я против, я против, абсолютно против.

– Вот, а теперь расскажите, пожалуйста, как строился Иркутск, ну вот, про что-нибудь масштабное. Может, вы, вы не принимали участие в каком-нибудь строительстве или, может быть?

– Нет, как же вам сказать-то. Вообще строился он в мое детство и в мою молодость. Вот во времена Сталина дома все очень хорошие. Вот наш дом как раз. Вот самые хорошие здания, которые были после войны. Это все, вот это сталинская, называемое «сталинское барокко». Вот эти дома очень хорошо все сделаны. Это все строилось, а вот когда начались хрущевские времена. Вот эти дома никудышные, вот эти хрущевки, вот эти крохотные квартирки. Кто это придумал, я не знаю. Наверное, премию схватил большую, я бы его расстреляла, вот, с моим характером. Потому что до этого строили очень хорошо, добротное все было. Все эти хрущевки, они сделаны как попало, а после хрущевок стали еще хуже строить. Сейчас очень плохо строят. На вид вроде да. Вот я во многих этих домах была, меня к больным приглашали, там уже ступеньки валятся. Уже. Это 10 лет еще не прошло, да? Я еще сказала тогда, бригадир ко мне приходил тут по поводу памятника вот этого. Я говорю: «Знаете что, вот 10 лет не прошло, у вас уже ступеньки обваливаются, а у нас говорю, между прочим, все целое». Я говорю, он говорит, ну вот, мол, время и все. Я говорю: «Римский водопровод три тысячи лет уже работает». Он говорит: «Как римский водопровод?» Я говорю: «Вы почитайте, они работают». Ну, в общем, конечно, я считаю плохо строят. Стоит много-много, ну, что-то и хорошо, конечно. Богатые вот, кто заказывает, дома очень красивые же, видели, да? Прямо терема, все вот эти коттеджи. Все равно, это нельзя считать строительством города. Мне кажется, плохо стали строить, плохо, как попало.

– А вот расскажите, пожалуйста, про ритм жизни Иркутска. Как раньше был? Размеренный, суетный, какой сейчас?

– Нет, размеренный не был.

– Не был?

– Не был размеренным, суета была, суета, и сейчас вообще сумасшедший дом. Но сейчас из-за машин, конечно, сейчас, как сказать, вам основная трудность, что очень много машин, потому что, во-первых, дышать нечем. Машин страшно много. Но тут же ничего не сделаешь, это во всем мире так, да? Но если там следят хоть как-то за дорогой, ну вот, на ту улицу следит, чистят все тут. Ездит тут эта штука и все. У нас же покоя никакого, никакого покоя. Никакого, мы живем на трассе. Утром каждый день пробка. В 4 ряда машины. Пока это все проедет, ну, чего хорошего-то? Но тут мы ничего не сделаем, ничего. Но надо хоть сделать-то, что мы можем сделать, правда? То, что можем. Вот эти мосты, вот этот мост, ко-

торый сейчас строили, вот который там перед плотиной, ну, его за сколько уже времени строят, и все еще только одна сторона работает, потому что деньги крадут попросту. У меня лечатся люди, которые работают на этом мосту, строители. Им же просто не платят. Ну а кому платить-то тогда? Ну как, ведь они варят! Слесари, токари. Это же тяжелая работа, ответственная. Вот этот мост через Ангару, который был спущен в 1935 году, в 1936 ли, не помню, его спустили на 1-е мая, я не помню этот мост, но я помню, что мы были с родителями на демонстрации, и меня поразила высота, потому что понтон-то низкий был. Он висячий же мост, да? Вот он был запроектирован в 1913 году. Проект уже был. Если б не война и не революция, было запроектировано 3–4 моста через Ангару, давным-давно все бы у нас было, потому что строили, конечно, бесподобно. Вот это здание школы нашей, вот тут на рынке есть детская музыкальная школа. Теперь вот еще одна школа. Это на века построена больница, вот где дед мой работал. Там построено на века все. Там все как следует. Так уже строить теперь вряд ли будут. Инженеры не те и все это. Какой инженер? Ну, вы видели эти дома? Это идиот строил, идиот. Они как попало налеплены. Ну, дом тут наш, дом так дом. Он человеческий, и потолки нормальные, и двери нормальные, и окна нормальные. Это в 55-м году, вот я кончила институт в 55-ом году, и под Новый год он сдался. А вот те все дома, частные, они, конечно, старые, все дореволюционные, они простоят долго, они крепкие. Вот беречь их надо. Ну, не хочешь сносить, ну, сделай там что-нибудь! Детский сад хороший, детишкам что-то, чтоб у них что-то было, ничего для детей нет.

– *Для детей, мне кажется, сейчас вообще ничего нет.*

– Вот так вот, видели, у нас? Вот наш дом, и там 6 домов. Детей же море! Вот такая детская площадочка. Вот такой вот, величиной с мой стол, песочница. Неужели нельзя больше было сделать? Они там друг на друге эти малыши сидят! Безобразие! Потому что все воруют. Я считаю, что это, не знаю, как отцы города, но наш район отвратительный. Вот я бы им все сказала, жалко, что они мне не попадаются.

– *Да, жалко.*

– Но они железные. Вот это мы с вами, а они вот так стряхнутся и через 2 минуты забудут, потому что вон ездят в Грецию, в Турцию, в Анатолию куда-то, на Канары и куда угодно. Ему на этот Иркутск наплевать в высшей степени. И не только ему.

– *А мы живем здесь.*

– Да, а на нас на всех. У нас даже сейчас в больнице даже компота больных лишили, все сняли! Дают вот только-только. Я вот

нынче была на обходе. Я говорю, ребята, а вы что на обед-то даете? Ну, первое, второе. А на десерт что? Чай. Я говорю, а что компота уже нету? Ну, мы вот так, резюме такое. Что, конечно, что-то стало лучше, безусловно, но что-то стало намного хуже. И отношение к детям, я считаю, отвратительное. Во-первых, им негде поиграть, во-вторых, им абсолютно негде собраться. Им… негде мальчишкам этот несчастный футбол попинать, то есть заботы о детях, конечно, нет. Ну, если б вы знали, что еще в детских больницах делается, вы бы поседели.

– *Не знать бы!*

– Да! Не дай бог вам знать этого. Поэтому я на месте отцов города немножко бы подумала. Не только о празднествах, но и о буднях тоже.

– *О людях надо думать.*

– Конечно, ну вынести плакаты, оркестры, цветы. Это все можно. Это ведь все делают люди с удовольствием. Люди-то это… ведь хорошие у нас. Люди хорошие сами по себе. А руководство плохое. Я сужу по культуре и медицине, очень плохо дело.

– *А вот вы помните, как строилась ГЭС?*

– Конечно.

– *Расскажите ваши воспоминания о строительстве?*

– Конечно, помню, когда я кончала школу, это был 49-й год. Были первые вот эти огромные машины, которые везли это, ехали туда и насыпали, вот это все ж только началось. Все это помню, конечно, прекрасно. Обещали залить электричеством всю Сибирь! А сейчас без конца свет гаснет.

– *Да?*

– Конечно, у нас вот в прошлом году, вот в том, в 2008-м в сентябре гас свет. В сентябре гас за неделю 18 раз. Я звонила вот ТВ, ту самую администрацию. Я вот вообще не люблю ни жаловаться, ни что. Я вот вообще озверела. Я говорю: «Между прочим, выбора на носу! Вы бы подумали в горсовете, что народ очень недоволен». У всех плиты, у всех даже поесть негде. Маленько-то, а сейчас вроде получше стало. Строилась, конечно. Я даже знала главного инженера этого строительства. Мы с ним вместе в клинике лежали, вот дядька был, вот такой! Западник, конечно, ну, оттуда приехал. Ну, конечно, во-первых, строили с большим энтузиазмом, народ был очень хороший. Потом там сделали медсанчасть для них же, которая… до сих пор больница существует, там, на берегу залива, очень хорошая больница, вот, что тогда построили. И она была, как больница ГЭС. Вот я там иногда бывала, консультировала, ез-

дила, вот сейчас она существует. Там очень красивый сделали ремонт, очень красивый.

– *Рассказывали, про ГЭС рассказывали.*

– Да, про ГЭС. Конечно, это вообще была стройка великая. Но и там и несчастных случаев было много. Есть такая книга «Ангара» Франса Таурина, вы ее возьмите в библиотеке. Я ее читала. Он, Таурини, вообще-то литовец же. Это Таурини. Или латыш ли. Франс Таурин «Ангара». Она очень хорошо написана, вот как раз там вся история строительства ГЭС и все, все, все, и там все правда. Она очень хорошо написана, от всей души. Я его видела, этого Франса Таурина. Они приезжали же, все тут были. И, конечно, там принимали, было очень торжественно. Мой отец тогда был замректора университета те годы. И даже где-то фотографии есть. Где он там с целой делегацией, народу много. Ну, строили-то здорово, конечно. Вот эти огромные машины, я такие впервые в жизни видела. Они вот шли там по Гоголя, вот так. Мы, девчонки, все побежали смотреть. И вся эта беда шла перед первым мая и туда. Вот эту улицу Гоголя подняли. Чтобы тракт был и все, и, конечно, много там напортили, но, в общем, конечно, стройка века была. Конечно, великая вещь была. Все равно она на благо сделана.

– *А у вас, может, там знакомые строили или?*

– Ну, я уже не помню. Теперь не помню, сколько лет прошло. Нет знакомых у меня. Вот главного инженера помню. Анатолий Иванович, фамилию не помню. Он лежал в клинике у нас. Нишумаев. Нет, вру. Нишумаев. Это был главный инженер в Ангарске. Как же его фамилия была? Жалко моего брата нет в живых. Мы тогда все вместе в клинике были. Брат мой лежал с пневмонией. Вот этот Анатолий Иванович, главный инженер, здоровый такой дядька, очень симпатичный. И Нишумаев – главный инженер вот этой всей ангарской нефтехимии, и я, и еще один доктор – мой друг, молоды. У нас был клуб там. Мы там медсестер. В общем, у нас вечером клуб был там. Мужики вот такие были. Коньяк, конечно, пили. Ну, я-то не пила, они-то лакали. Как же его фамилия-то была, Анатолий Иванович. А я ведь помнила, кто был главный инженер, ГЭС строил. Очень дядька такой видный. Бабы там бегали за ним со страшной силой в клинике. Вот такой, очень интересный, который эту ГЭС строил не первую, рассказывал нам. Ну, все, это когда впустили эту платину. Вот это море Братское, Иркутское. Конечно, помню.

– *А вот расскажите, какие важные производства были в то время в Иркутске*?

– Завод Куйбышева очень блестел, вот. Тяжелого машиностроения завод, завод Куйбышева. Потом макаронная фабрика,

это уже пищевая промышленность у нас вот здесь. Потом, что же еще было? Конфетная фабрика, ну это уже там пищевая промышленность. Трикотажных две фабрики было. Химчистка эта там вот такая большая. Это ж тоже фабрика химическая. Потом слюдяная фабрика большая была, очень престижная такая вообще, слюдяная, а?

– *После войны все производства?*

– Нет, они до войны были, до войны. Что же еще-то было? Чаепрессовочная фабрика тоже, сейчас нету. Ничего сейчас нету.

– *Ну, сейчас все импортное, мне кажется.*

– Сейчас ничего нету. Потом станкостроительный завод был. Назывался он «Автотракторная деталь». Вот этот завод был, где вот Советская улица идет, вот Иерусалимский парк. Знаете Иерусалимский, да? ЦПКиО – вот это Иерусалимский. Вот от него идет часть Советской улицы. Вот здесь вот сейчас там рынок. Вот здесь был завод «Автотракторная деталь». Я там консультировала еще, в медсанчасти. Ну, сейчас ничего нет, сейчас ничего нет. Куйбышева… там все, там Фортуна теперь, да? Очень завод был престижный. Он начался где-то в 30-е годы. Ну, там работал друг моего отца. У них и дома были, у них был очень большой клуб, это был. Самое крупное предприятие было, завод тяжелого машиностроения. Ну, сейчас ничего нет. Слюдяной нет, машиностроения нет, макаронки нет, чаепрессовочной нет. Какая же еще у нас была фабрика? И мелких тоже нет, и крупных нет, и ничего нет.

– *А сейчас никаких производств крупных, что ли, нет?*

– Нету. Может цеха какие-то где-то есть маленькие. Так фабрика валяной обуви была. Это было в районе, в начале Байкальской, да? В начале или Байкальской, или Партизанской. Ну и ателье всякие там, мастерские. Это все было. Он там главным инженером. Гарбуз Николай Афанасьевич. Очень такой талантливый человек. Они наши соседи были, почему я очень хорошо это помню. Ну, это престижное было очень предприятие, очень престижное.

– *Много народу, наверное, работало?*

– Много, много, очень много. Большой завод был. У них огромный был Дом культуры с шикарной столовой. Мы еще тем свадьбу правили нашего главврача. Были нас, это… Шикарная была столовая. У них все службы были, дома были, у них все было. Свой там у них, по-моему, даже свои дома отдыха были, и пионерские лагеря у них были свои там. Большое было предприятие.

– *Тогда, наверно, и проблем с рабой тоже не было?*

– Никаких, никаких. Вот проблем с работой никогда не было, пожалуйста, только работой! Никаких.

– *Если можешь, то работай.*

– Да, никаких проблем вот этих никогда не было. Эти проблемы пошли, пожалуй, вот за последние 20 лет. Что сейчас вообще, ну, рабочих нет, ну как? Куда людям? Слюдяная фабрика – это бла… Очень серьезное производство, потому что слюда-то только, вот в Слюдянке, в Сибири. Там были свои ясли, свой детский сад, свой дом отдыха, своя поликлиника. Теперь вот это вот, рыбфлот наш, речной флот. У них своя больница была, я в ней еще консультировала у них, свои были дома отдыха. Пароходство все, Сибирь и Ангары, и Байкала. Все это входило туда. У них очень было престижно все, и дома у них свои были. Вот Чайковская улица-то. Там на половину геологи построили, а на половину – водники. Сосновская экспедиция, геологическая. Очень ладная эта экспедиция Московская была. Она и сейчас Москве подчиняется. Ну, сейчас остатки жалкие. Это единственная экспедиция у нас в стране, которая работает с ураном. Очень богатая была организация, очень престижная. Мы и сейчас их смотрим, вот остатки этих, кто там остатки жалкие. Я знаю историю создания очень хорошо, потому что мой дядя младший, он был геолог, академик, он один из создателей был этой экспедиции. Это создавалось… где-то 47-й, 48-й год после войны. Очень дома вот они построили здесь вот, недалеко от нас. Я их знала многих, там очень хорошие люди, много москвичей. Но что осталось от этой экспедиции? Жалкие остатки. Вот сейчас, конечно, мы их смотрим сейчас вот, профосмотр там проводим. Но им велели, значит, искать старые кадры, привлекать, потому что, оказывается, уран-то весь разокрали, продали не туда, куда надо. И надо как-то это восстановить. Уран только в Сибири есть. Но вот началось вот все, то есть мы сначала рушим, потом, ну понимаете…

– Пытаемся…

– Это я вот знаю точно, это меня никто тут не подведет, потому что я все знаю точно. Потом что еще было? Сейчас я вспомню, вот это была аэрогеодезия, съемка, это аэрогеодезическая съемка. Это на Декабрьских событий, в самом начале улицы, около Ангары. Там помещается в старой церкви сейчас. Там от них рожки да ножки остались. Церковь, правда, целая. Там даже сделали купол, все там. Гимназия православная для детей, для маленьких, ну, где-то 7-го класса, что ли. Там моей парикмахерши дочка учится, почему я знаю, очень хорошая гимназия, по старому образцу сделана и там преподаватели из вузов у них работают, ну, совмещают. Потом что же еще-то было? Как вам не наврать. Слюдяная была, что там. Лесозавод – огромное было предприятие. Оно и сейчас есть. Это лесопильная там. В общем, мебельная и еще это… около. На слиянии Иркута с Ангарой вот этот вот отрезок. Ну, тоже сейчас оно

все, как это называется? Выскакивают слова, когда захватывают-то. Приватизированное, вот, приватизированное, все это приватизированное, хотя вообще лесопилка. Все это революционное еще предприятие было. Потом нефтебаза очень большая, тоже на берегу Иркутска. Нефтебаза эта еще работает, потому что нефть-то нужна, машины же надо заправлять. Что же еще-то? Геология, вот эта в городе сеть, нефтегеология, тоже была по нефти. Очень богатая организация геологическая. Тоже, по-моему, рожки и ножки остались. От всего рожки и ножки. Что ж еще-то было? Институт микробиологический был. Вот, где ваша библиотека, Белый дом, да? Где идешь, вот тут забор такой, где там во дворе вот теперешний отель, а этот дом строили, когда [нрзб] рождали. И вот тут старинное здание, где там клуб написано ресторан, не Ермак, а погоди, как же назывался ресторан? Там угол 5-ой Армии и угол Карла Маркса. Вот это был Институт микробиологии, эпидемиологии. Очень старый, он начался еще в первые годы советской власти. Моя тетка там была замдиректора по науке, у меня тетка врач была тоже. Вот если бы она видела, что сейчас там бар «Ефимыч», во, бар «Ефимыч», то она бы, наверно, упала сразу. Ну, с другой стороны, я довольна, что там купили, что там бар, это все, что здание сохранят. А здание очень старинное это. Это здание было купца Телева, до революции очень богатого мецената, который очень жертвовал много на Иркутск, очень богатый, богачи были. Этот институт полетел, там от него ничего не осталось. Там во дворе вот такой кусочек остался. Там прививки делают, вот эти энцефалитные, еще там что-то. Вот такой кусочек, они буквально выживают. И еще есть корпус. Как в аэропорт едешь, туда вниз, вот так, где делают гамма-глобулин, который лечит людей. Вот это все, что осталось. Противочумный был институт, очень большой он был. На 3-й Советской он сейчас, в здании... Здание очень хорошее. Их было четыре всего в СССР, этих зданий. Борьба с чумой, туляремия и все, у нас нет теперь ни чумы, ничего, чума у нас сейчас ездит в джипах и в этих, Мерседесах. Я даже знаю создателя, у меня есть документы. Даже могу историю написать этого института, но поскольку я вообще писать ненавижу, вообще ненавижу писать. Бумажки не переношу совершенно, то писать ничего не буду, я лучше расскажу. У меня есть книжка по истории этого института, и как его посадили этого директ… создателя. И вообще лучше на эту тему не говорить, расстроишься. Профессор Скородумов его создавал. Да, это был очень престижный, очень престижное заведение для борьбы вот с такими страшными инфекциями. А если что случится? Вот чисто эпидемическое, все сдохнут,

потому что у нас все разрушено. Это одни разговоры, что у нас борьба. Борьба есть только на бумаге. Даже если будет простая вспышка дизентерии, вот простая. Летом жара, никто руки не моет перед едой детишкам. На базаре покупают, даже в лучшем случае о подол вытерла и дала детю. Я сама видела сколько раз. Бескультурье жуткое. Тоже не знаю, что будет. А вот эта нефтебаза, которая на берегу Иркута. Вот там затон, где корабли стояли. Она тоже старинная. Там старинное здание очень. Что же еще-то было? Работали же люди все, работали. Вот чаепрессовочное очень большое было учреждение. Там остов, стоит скелет, ну, там купил кто-то. Там что-то сделают. Там, кстати, рядом Институт экономики и права, новый теперь, в новом здании. А вот этот скелет – остаток вот этой фабрики. Нас туда водили, когда мы санитарию, гигиену питания изучали в мединституте, у нас была туда экспедиция студентов. Мы туда ходили, нас там чаем угощали. Было очень хорошо. Это, в общем, лучше было, во многом что-то лучше. Со студентами, считаю, лучше было.

– А вот расскажите о вашей работе? Кем работали? Как долго? И вот ваши обязанности? Что входило в круг обязанностей?

– Ну, я врач-невропатолог. Работаю в клинике всю жизнь.

– В одной?

– В одной, консультации…

– А где поликлиника?

– Вот здесь вот, рядом, Челнакова, 20 – адрес. Официальный адрес – Челнакова, 20. Около вокзала. Ну, я, значит, это, я веду прием, я хожу по домам, ну, езжу. Меня возят сейчас-то, вот когда тяжелые больные. Потом у нас есть больничка небольшая, я консультирую там, кого надо там. Ну и так, где, кого просят и частная работа.

– А вот как долго вы работаете?

– 54 года у меня стаж.

– Это получается, вот вы во сколько лет пошли работать?

– 54 года.

– Нет, во сколько? Сколько вам было лет, вот вы начали работать?

– 24 года было. Вот я кончила институт, мне 24 года. Сейчас мне 77. Работаю я все время. Ну, я немножко в Ангарске работала, но чуть-чуть. Потому что я вышла замуж за геолога тогда. Мы уехали на край света с ним. И потом я уже в отпуск, в эту поликлинику поступила и так в ней работала. Так что работу я люблю! Была я на низовой работе, самой нижней, на рядовой и осталась на ней.

– А вот как раньше деятельность ваша протекала? И как сейчас? Вот как об устройстве? Вот как было, так и осталось вот?

– Хуже стало.

– *Почему?*

– Потому что у нас бесконечные переделки везде, везде бесконечные переделки и очень много бумаги, навалили столько бумаг, что по сути дела на больного уже денег не хватает. Ну, это я вот говорю, а вообще-то я стараюсь увиливать. Честно говоря, от бумаг стараюсь, но не всегда это удается, потому что писать-то все равно надо. В общем, во многом хуже стало. В больнице у нас хуже стало. У нас урезают деньги все время, больных кормить нечем по сути дела, медикаментов почти нет. Хотя больнички.

– *А раньше как вот с этим дело обстояло?*

– Лучше было, лучше, да.

– *Государство выделяло деньги?*

– Конечно, конечно. Так наше местное здравоохранение, они должны об этом заботиться. Наш департамент, наш этот самый областной департамент. Теперь министерство называется. Ну, стало министерство, стало еще хуже, так же, как в культуре. Все так же.

– *А вот как началась война?*

– Ну, вот это я помню хорошо. Мне десять лет было, я как раз девчонкой. Мы бегали, гуляли, играли в классики или в скакалку, не помню. Но я слышу, родители мне говорят. Вот по радио сказали, что война началась, вот это я помню. День был хороший, ясный.

– *Получается, в военное время вы в Иркутске были?*

– Конечно.

– *А какой был военный Иркутск?*

– Грустный. Во-первых, все крупные учреждения, школы, институты были отданы под госпитали, под госпитали. Тогда же после войны построили институт травматологии и ортопедии. Он построился специально для раненых. Вот наша школа, все крупные школы и большие учреждения, все отданы были для раненых. И врачи, конечно, были все мобилизованы. И мои родственники были мобилизованы. Ну, дядя был на фронте, а тетка была с погонами. То есть они, врачи, все были мобилизованы тогда. Ну, я-то в школе училась. Ну, школа, я очень хорошо помню, школа была переполнена, потому что здания были все под госпитали.

– *А вот, а еще что-нибудь о военном Иркутске? Ну, такого особенного?*

– Ну, что было? У нас экзамены были с 4-го класса, вот я помню хорошо, что мы экзамены сдавали с 4-го класса. Пусть немножко, но каждый год были экзамены. И всех отличников, после сдачи экзаменов, был пикник на Иркуте, на речке, и нам давали вот по такой булочке в подарок, в общем, ну весело было, мы же дети бы-

ли. Но в лагеря… в основном детишек в лагеря устраивали, потому что, что хоть мы неплохо там в общем жили. Но у нас еще приехала родня из Гомеля. И дом был полон народа. И отец, и дедушка на дороге работали. Мой дедушка машинистом тогда был. А отец был главный зоотехник железной дороги сибирской. Мы его не видели. Его на войну не взяли, у него же туберкулез был тогда. Поэтому он меня пристроил на 2 раза в лагерь, куда я совсем, нет, хотела. Ну, в лагере было хорошо, следили за нами. Вот не так, как сейчас. И я бы сказала, для войны нас неплохо кормили, неплохо, вообще люди имели совесть. Вот имели, жалели как-то детей и людей жалели. Вот такого безобразия, безразличия… может, это война была, но вообще народ изменился, конечно. Вот такой эпизод. Я хлеб получала в городе, у нас были талоны железнодорожные. И я ездила на коньке зимой, на первом коньке в город. Это вот сейчас, где аптека, угол Литвинова и Дзержинского, здесь была. Сейчас там аптека, а тогда был гастроном большой. Вот там почему-то и хлеб получала по талончикам, ну, это я классе была в пятом, наверно. Мне лет 13 было или 12, не помню. Мне стало плохо, очередь большая. Я потеряла сознание, это вот я хорошо помню. Меня подняли, получили мой хлеб с талончиками. И дядька, пожилой человек, меня провожал до самого дома, в Глазково. И никто ничего не взял. Вот это было, вот этот эпизод я помню очень хорошо. Дома я, конечно, ничего не сказала, естественно, чтоб родителей не расстраивать. Дедушка в поездке, отца вообще дома не было, ездил все время по жд. Мама с работы пришла, я ж не буду ее расстраивать. Наши уже тогда, по-моему. Да, они уже наши эвакуированы. И квартиры, им дом вот здесь всем. Да вот еще что интересное расскажу. У меня одна тетка приехала из Ленинграда, из блокады, вот их вывезли по дороге жизни, по льду озера Чудского, да, да! Это был 44-й год, еще блокада не была снята. Вот она рассказывала, тетя Шура. И я это помню. Родители рассказывали, когда этот поезд шел от Ленинграда до нас, то на всех станциях их встречали и брали домой к себе. Вот сейчас возьмут?

– *Вряд ли.*

– Да. Всех. И вот тетя Шура приехала. И еще там с ними. Они все, конечно, тощие, как воробьи, все были, одни глаза вот такие, да. Их лечили и в больницу помещали, и заботились. И хотя вообще-то у самих ничего не было. Относились очень хорошо, вообще их все жалели. Вот это я помню хорошо. Потому что тетка рассказывала, и, ну, она у нас прожила долго здесь, и умерла здесь тетя Шура. А родственники уехали в Ленинград, сразу после снятия блокады. И наши родственники тоже. Вот бабушка моя родная, как только освободи-

ли Белоруссию, она тут же уехала. Говорит, я буду в земле жить и воду только пить, и хлеб есть, но в Сибири не останусь. Она терпеть Сибирь не могла. Я тоже Сибирь не очень люблю. Но мне жалко Иркутск, жалко. И вообще мне жалко людей, а в России мне больше нравится. Видать, мои гены там больше, чем азиатские, хотя монголов я люблю. Я почему-то очень хорошо отношусь и к монголам, и бурятам, очень хорошо. Вот они мне вроде как родные. Хотя во мне не видно, ничего нету?

– *Нет.*

– Правда, отец у меня брюнет был, он черноглазый был. И что-то было в нем такое, он очень оружие любил, вот. Ну, конечно, им не пользовался, он просто его любил. Он любил ножи вот эти, чтоб у него кинжал был охотничий, чтоб все это было, это. Вот это была кровь какая-то восточная. Ну, все бывает. Вот у вас же сразу видно…

– *Что?*

– Что-то маленько есть. Ну, это у вас, это даже придает вам пикантность.

– *Ну да, наверное.*

– Придает пикантность. Девушка красивая.

– *Ммм, спасибо. Расскажите, пожалуйста, как встречали Победу?*

– Ой, это было прекрасно. Это, во-первых, был очень хороший солнечный день. Было очень тепло, это я перешла в 7-й класс. Это был май, была очень хорошая погода. Я тогда в детскую столовую ходила, тоже под железнодорожные. Нам дали блинчики с вареньем в честь праздника. Да, конечно, народу тогда не было ведь столько в городе, как сейчас, но все обнимались, все целовались. Конечно, это, да. По углам гармошки. Всем вот такое ликование было, конечно. Ну, что я помню по своему району. Я в город не ходила тогда-то, конечно, допустим. Очень, конечно, было. И радио это, и песни играли, и музыка, и все. Все, конечно, были счастливы.

– *Музыка раньше сопровождала.*

– Музыка кругом была, и были оркестры духовые. Вот музыка всегда была. Ну, радио как, были же репродукторы на улицах, де большие. И радио в квартирах, тарелка вот такая черная. Ее поставили, мне было лет пять. И я не помню, чтоб радио ломалось когда-то. Никогда не ломалось, а сейчас без конца ломается. Ну, вот музыка, вот эти оркестры духовые всегда. Я, как вот заиграют духовой оркестр, это мне детство сразу. Всегда в парке вечером в этом, и вот в городе была музыка летом. Она, конечно, украшала город.

– *А вот какими тогда были демонстрации и парады? Ну, вот вы рассказывали.*

– Красиво было, красиво. Цветочки, да, на майскую демонстрацию все с цветочками. Лозунги эти, портреты несли. Красиво было, в общем. Мы тоже ходили. Я даже лозунги рисовала, когда в институте, я рисовала неплохо. Нас освобождали от всех занятий. С одним мальчишкой мы учились. Он рисовал хорошо, я похуже. Нам давали целый практикум, чтоб мы только вот эти штуки рисовали. Ну, мы учились хорошо, нам и так ставили. Вот и мы ползали с ним. С Юркой Шкетовым рисовали вот эти. Это было очень важно тогда. Мало кто умел, и педагоги нас от всего освобождали, только чтоб вот это. И эти вот демонстрации ноябрьские, тоже красиво было. Очень много было народу. Мы все ходили. Ну вузов тогда что было? Медицинский университет, Горный и вот Финансово-экономический. Потом уже Иностранный сделали, это позже был Институт иностранных языков. Теперь он тоже университет, а вот самый был, конечно, большой. Потом ИВАТУ – это военное училище летное тоже.

– Говорят, его сейчас, по-моему, то ли закрывают, то ли куда-то, ну, там говорят.

– Ну, сейчас переводят, Институт авиации хотят. Ну, в общем, я не знаю, что там будет. Вообще аэропорт, конечно, аэропорт привели уже в хороший вид. Это я институт кончала. Это был 53–54-й год. Это очень престижно тогда было. Там много домов построили. Вот там хорошо было тогда очень. Вот это было хорошо. Ну, не хапали тогда, как сейчас-то, о людях думали.

– А вот расскажите, как изменился климат, вот.

– Климат сильно изменился. В мое детство, в юность были сильные морозы. Был резкий климат, и вот такого не было, что вдруг вот такое. Ну, конечно, всяко было. Были и тоже теплые зимы, но в основном, конечно, изменился климат. Он изменился после того, как вот хранилища водные стали, из-за этого.

– Теплее стало?

– Да, он стал мягче и, может быть, в чем-то хуже, лучше, я не знаю. Ну вот, когда в институте училась, то очень холодно зимой было.

– А вот летом, осень, тоже холодно было?

– Лето жаркое было.

– Жаркое?

– Лето было очень жаркое. И осень, в основном, всегда хорошая в Сибири, в основном. Весна нет, весна холодная, вот сколько помню. Помню, что отец мой рыбачить любил. Вот потому что реки были чистые. И отец мой, он вообще любил очень рыбалку и все, когда время было, конечно. Лодка у него была, и они с дедушкой… Ну, дедушка просто, как подсобный, он не любил ни рыбалки,

ни что. Но они просто вместе. И они вот таких вот ленков вылавливали, тайменей. Где сейчас таймень-то в Иркуте? Да там хоть кто сдохнет. Там же все эти заводы, все это спускается в реку, вот. А все это было.

– А вот было ли желание уехать из города?

– Нет! Нет. Этого не было, нет. Чего не было, того не было. То есть желание может у меня и было. Потому что я вообще Россию люблю. Дубы я люблю, каштаны, я люблю яблоки антоновские. Мне там все родное. Но желание уехать у меня никогда не было, потому что родители здесь. У меня здесь институт. У меня вон потом работа. У меня дети тут. Но мне в голову это не приходило, честно говоря.

– А вот были ли вы где-нибудь еще, кроме Иркутска? И вот каков Иркутск по сравнению с другими городами?

– Грязно немыслимо. Грязный. Конечно, была. Я была во Владивостоке. Я была в Москве. Я была в Гомеле. Я была в Вятке. Я была в этом самом, в Шклове, в Витебске, в Белоруссии. Там вообще чистота и красиво, там все в цветах, и там народ другой!

– А в Улан-Удэ не были? В Улан-Удэ тоже говорят…

– Нет, не была. Читу я проезжала только. Я там была на практике, недалеко от Читы. Но а во Владивостоке я была проездом. Мы с мужем, когда ехали в партию геологическую, мы там жили неделю, пока пароход не пришел. Вот Владивосток вообще мне понравился. Но это зима была, в общем, я шибко-то его не оценила.

– Ну да.

– Да, ну, конечно, я считаю, грязнее Иркутска нет города. Это вообще безобразие. Ангарск всегда чистым был. Он и сейчас чистый, Ангарск.

– Вот интересно, а почему так?

– Ну, у нас как попало, потому что он, во-первых, построен без всякого плана. Стихийный, как Москва. Вот как упал, так и все. И не знаю почему. Ну, у нас все-таки грязный город. Может, знаете почему? Например, вот, в частности, Белоруссия, она вся на песке. Вот там дождь прошел, можешь идти сразу в туфельках. А у нас глина.

– В Улан-Удэ тоже же…

– У нас глина вот, глина – это все. Пока тут все не будут замощены улицы, вот так и будет. А кто их мостить-то будет? Их не собирается никто мостить.

– А может, Иркутск чем-то лучше, в каком-то плане, других городов? Но вот, может, он чем-то выделяется таким, вот что хорошего?

– Но вот в нем много чего исторического все-таки. Все-таки это город с традициями, потому что, что я была в Гомеле. Гомель

он ведь весь был уничтожен во время войны при бомбежках. Там по сути дела кое-что только осталось в центре, а за линейный народ, как вот наш вот этот район, такой же деревянный. Там тоже железнодорожников много. Он, конечно, почти такой же. Только там чище и сады кругом. Сады, цветов много и все. Вот сама историческая суть, конечно, вот здесь больше. И потом народ у нас другой. У нас в Сибири все-таки лучше народ.

– *А чем лучше?*

– Он какой-то более такой открытый, более честный, чем там. Они хитрые, западники. Они хитрые. Как вот то, что я знаю. Но, конечно, Гомель, конечно, вообще, как торт свадебный, против Иркутска. Он очень красивый.

– *По красоте?*

– Правда, он очень пострадал сильно после Чернобыля. И родня тамошняя, там все уехали. Кто умер, кто уехал. Иркутск мог бы быть, если б за ним следили. Он беспорядочный очень.

– *Понятно. А вот я вот еще не спросила, как вы относитесь к сносу храмов, а теперь их восстанавливают?*

– Абсолютно отрицательно. Абсолютно. Храмы сносить – это грех. Вообще разрушение церквей, памятников – это варварство, вандализм. И вообще это… я против абсолютно. Я знаю все церкви, какие были, у меня фотографии есть. У меня был один дед священник. Я, конечно, я против этого. Я вообще против разрушения всякого и памятников. Стоит этот Светлов и пусть стоит. Стоит Ленин и пусть стоит. Это вандализм! Память. Это наша история. Поставили, пусть стоит. Хотя вон Ленин стоит на месте Кирхи немецкой, и очень мне ее жалко, эту церковь протестантскую. Ну что сделаешь? Поставили, пусть стоит. Потому что, если мы начнем убирать, мы будем теми же варварами, которые были в начале революции. Поставили, пусть стоит! Зато памятник, он должен стоять, правда?

– *Да.*

– То есть я абсолютно против, абсолютно, абсолютно. Еще раз скажу, потому что это вообще это было. Это было преступление.

– *Храмы сносить – это, мне кажется, вообще ужасно.*

– Это преступление. Даже немцы так не разрушали, как мы сами. Вот Гомель весь разрушили, а замок князя Паскевича со всеми церквями там никто не тронул. Хотя Гомель был весь сожжен по сути дела, потому они храмы-то берегли все-таки. А у нас, видимо, как вот этот собор, который на площади. Это мне было три года тогда или два года, когда его разрушили. Мне же люди рассказывали, старики, что творилось тут. Как люди стояли на коленях и плакали все, а собор рушили. Четвертый в мире был по кра-

соте и величине. То есть это не то что, это даже не преступление, что-то знаете, ну вот даже Герострата переплюнули. Против я, я вообще против сноса. Пусть стоит, поставили, пусть стоит. Люди трудились, это труд людской. Скульптор делал, вот того же Ленина, да? Гранит везли, бог знает откуда. И пусть он стоит, и Ленин, и царя восстановили. Слава Богу, спасибо железной дороге. Потому что это столько разговоров было об этом восстановлении. Мы на открытие ходили. Я очень рада. И памятник я знаю тот старый, фотографии же у меня есть. Он очень хорошо сделал, очень хорошо. Первый был памятник, сделал тот же самый скульптор, который делал памятник Крылову, дедушке Крылову. Скульптор Бах, немец сделал. Вот он делал царя первого. И вот эта статуя, тетка рассказывала. Она валялась, когда ее сбросили. Она там валялась в листьях. Вот как листья упали, но тетка-то в городе жила, она как раз тогда в вуз ходила и видела же все это. Долго лежала эта статуя прямо в листьях, потом исчезла.

– *Ужас.*

– Он сделал очень хорошо, в точности сделал копию, молодец.

– *Но вот памятник Колчаку сделали.*

– Да, очень хорошо, что сделали, мы ходили на открытие. Да, мне он… хороший памятник. Понравился он мне. Потому что ну хоть как-то загладили преступление свое. Хоть как-то, это радует, потому что все-таки он был и ученый, и адмирал. И вообще жаль, что он, конечно, не стал правителям. Значит, судьба такая. Конечно, это очень хорошо, что сделали, хороший памятник. Пусть стоит.

– *А вот расскажите вот самое любимое место в городе, какое у вас? Может быть какие-то воспоминания…*

– Вот, пожалуй, что самое мое любимое в городе место, это все-таки, где Мединститут мой и где сквер вот этот, который остатки остались, где памятник царю – вот это мое самое любимое, где вот этот институт, ой, этот музей Сорго. Вот это место. Вот тут вот, где не знаете, наши никто не знает, я вам скажу. Вот стоит университет ваш старый, здесь на углу институт, вот этот музей Сорго, ну где там башня, все вот это, обсерватории там все. Так вот здесь, когда закладывали в 1858 году, закладывали Институт благородный девиц. 58-й год был, да? Здесь посадили рощу. Елки, ельник был огромный, был ельник. У меня фотографии есть, вот где это. Хоть бы одно дерево уцелело, все вырубили, все! Ну пускай, ладно, хоть Сорго был уже, пускай бы. Но пусть бы хоть лес-то остался, ели, которые вообще с трудом растут в городе. Это ж преступление. Но этого никто не знает. Большая была еловая роща. Исчезла. Конечно, я против, я против. Баба-Яга против, я за дере-

вья. И ваш вот этот дом губернатора, это же был купца Сибирякова дом. Очень красивый, и он чудом сохранился, чудом. И, конечно, вот это место, где вот этот дом губернатора, вот это место я люблю в городе. Вот мне это нравится, там вечно толпы, ходят все, но это место, пожалуй, любимое мое, и еще мне, знаете, что нравится? Где, вот где теперь остатки завода Куйбышева. Это сейчас улица, по-моему, Сербской революции, да? Вот эта улица, которая к Ангаре идет. Она была до революции Шалашниковская. Вот эта, где вот все, вот это место, где вот это Куйбышевские остатки. Это был парк, большой парк, который строили арестанты, там был театр летний, там был пруд. У меня фотографии есть. Вот и здесь был старый дом генерал-губернатора, деревянный. Вот это место я тоже люблю. Я там редко бываю, но люблю его. А вот это место, оно мне какое-то родное. Вот это мои любимые места. Но и здесь у нас, где больница вот дедушкина, где спуск к Иркуту. Это тоже я люблю, там остатки леса, там хорошо.

– Вот, а вот расскажите мне, вот самой даже интересно, какой раньше транспорт был, как передвигались люди?

– Очень плохо ездили, автобусов было мало, трамвая еще тогда не было. Трамваи стали строить, я начала десятый класс. Да, по-моему, так и было. Вот только от вокзала, да, от вокзала. И, по-моему, вот до рынка, вот эта линия. Потом стали строить по Декабрьских событий, это я уже была в институте, потому что мы были на воскресниках. Там вот в гору уже, где вот в гору идет эта трамвайная линия, к Советской. Вот это уже мы там работали, на первом курсе я была или на втором. Вагоны были хорошие, красивые. Потом нам прислали чешские автобусы с очень красивыми сиденьями, бархатные такие. Так, конечно, наш народ высококультурный все это перерезал, все это ободрал на автобусах. Трудно было с транспортом, я весь институт пешком ходила. Трудно было. И последние годы хорошо стало, маршрутки стали, вот такси стали. Проблемы были с транспортом больше. Потом повели трамваи, вот это уже Академгородок, все вот при мне строилось еще. Я уже работала, когда Академгородок строили, да. Вот Академгородок, Институт земной коры вот, ну, это уже после. Это уже были большие учреждения, научные. Улица Карла Маркса, где сейчас вот это кино Художественное. А вот тут магазины все, а вот это идут с нашей горы, [нрзб] на горе, вот с горы, тут вот церковь у вокзала, я вам просто подарю это, у меня это копии, я вам подарю на память.

– Спасибо большое.

Интервью
с Юлией Александровной Поповой
(1932 год рождения)

– Так. Мои родители из Забайкалья. Всю жизнь проработали в лесной организации, и из Читы в тридцать пятом году их перевели в Иркутск, в Иркутск работать. Так… так, тред назывался Востсиблес. Это в тридцать пятом году. Мне, значит, было где-то около трех лет. Я родилась в тридцать втором году. Детство… А, родители мои кончили, ну как сказать? Политех лесной в Забайкалье, в Чите Второй. Там тоже две Читы, но я там давно уже не была, вот. И работали все время в этой организации. Потом уже Востсиблес стал, по-моему, Трестиркутсклес. Уже переименовали. Это тридцать пятый год был. В тридцать восьмом году отца у меня арестовали. Так. Шестого января. Репрессированный. Тяжело вспоминать. Так. Оказались в Иркутске, остались ли, что? Дети в Иркутске… Как ваши…

– *Вы в Иркутск как попали?*

– Вот. Нас двое с сестрой. Сестра сейчас живут в Томске. Но отца реабилитировали. Он десять лет просидел, но это вам не надо.

– *Ну.*

– Это вам не надо. Осадок у меня тяжелый остался. Отец… мама по характеру замкнутая, серьезная, строгая, а отец у нас веселый был. Царство небесное им обоим. Они умерли. Всегда с нами играл, шутил, и мне мама даже сразу не сказала, может, Тамаре и сказала, она постарше все-таки, в первый класс пошла, что это… его арестовали-то. Но я помню, все было разбросано, но это вам не важно.

– *Так вы расскажите, как вы в Иркутск впервые попали вот.*

– Как я в Иркутск попала? Так я и говорю, в тридцать пятом году с родителями.

– *Вот. А помните первые впечатления.*

– Первое впечатление об Иркутске? Мы жили на Набережной два. Где сейчас устроилась Кузнецовская больница. Там снесли теперь и наш дом, и еще ряд домов. Так вот, знаете, это вот наша Набережная вузовская была два, а отсюда мастерская. Теперь здесь бульвар Гагарина и улица, по-моему, Кожова. А, не, Мастерская от парка. Мы катались с той горки. И первое впечатление было в Иркутске, когда зашли мы в эту квартиру, она была угловая. Дом вот так стоял. На второй этаж. Тома… такие были промытые стекла… она как подбежала, так так лбом и ударилась. Бабушка

рассердилась наша, мамина мама, шлепнула ее. Она говорит: «Я думала, нет стекол». Ну, слава богу, она не порезалась так шибко. Я испугалась, подошла, посмотрела. Ну, какая в три года, уж как она туда не упала? Мое было такое первое впечатление, что настолько эти стекла были прозрачные, что даже непонятно, что стекла это или не стекла. Это мое первое впечатление о городе, вот. Такая маленькая была. Потом, что мне очень понравилось, не знаю, может старожилы и помнят, там, где теперь дамба, на остров Юности… вот… ее же не было. И вот эта вот дорога, эээ… наша, как переходить от дома, как бы к ангаре. Воду же мы с ангары брали. Здесь был вал небольшой. Небольшой, может, метра три такой вал. И его перейти, ну, там Ангара. Вот туда, значит. Когда туда пошли, настолько чистая вода, такая она чистая. Кто там раньше уже, ну, до нас дети же были, бросали монетки и мы смотрели. Очень глубоко. И бросали крышечки от консервов. Она идет, идет, и ее далеко видно. Я хотела как-то раз – ну, вода чистая – крышечку эту забрать. Крышечку. Я туда упала, меня кто-то вытащил из мальчишек больших. И сказали, что не надо. Это очень глубоко. Я до дна же не достала. Но тогда еще выбрано не было так. Это, значит, тридцать пятый, тридцать шестой год, может быть, это был, вот. Меня вытащили оттуда, слава богу, и сказали... Стояла, полоскалка на ангаре. Вот. Квадратная. Там же полоскали белье. Такой трамплинчик был, вот. Это мое второе впечатление. Что очень глубоко и достать со дна ничего не можно. Что могу еще сказать об этом нашем районе. Да, вот от дамбы сюда примерно, где сейчас вот эта Кузнецовская. Ей же сейчас сделали навес, этой больнице областной… областной. Вот. Тут, эээ... как сказать, ну вроде мостика что-то было в Ангару. И там я до сих пор вот спрашиваю у кого, тут человека четыре у нас старых, что там. Или аквариум был, или загорожено было. Туда мы ходили за рыбой. И вот этот мужчина вот этим сачком черпал рыбу и нам в кастрюльку давал. Или это омуль был, или это… как вторую называют у нас рыбку-то? Серебристая такая. В общем, рыбку оттуда в кастрюльках мы носили домой. Сами же мы ловили для кошек широк. Они вот такие.

– *Маленькие?*

– Нет. Такие вот большенькие, головки большие. Или широколобки их называли. На палку вот вилку и стоишь, и поймаешь, вот. Теперь, где вот эта вот дамба идет, здесь вот тоже вот, как сейчас, ну, как горка туда к Ангаре, да. Да, раньше она большая была. Зимой мы с нее катались на санках, но видно уже перед войной, а может, в первые годы войны. Вот этот самый аквариум, фа-

нерки эти разобрали, на этих фанерках мы катались с горки. А вот на этот остров, его конским звали, он был пустой, нет, трава росла.

– *Который Юность?*

– Юность. И туда переплавляли пастись коров и лошадей, а пастушок играл на рожке, и туда они плыли все. И он верхом на лошади переплавлялся, а где водичка вот так серебрилась, можно было пройти пешком. Идешь вот такими зигзагами и до острова. Вот этот арочный мостик построили, да. Сейчас его украсили както. Его, по-моему, построили годов в шестьдесят третьем или шестьдесят втором. Его же не было, а дамбу ту еще поздней, потому что с Ангары-то там ничего не осталось. Но еще, как сказать, раньше в годы войны здесь же был гортоп, где теперь стадион «Динамо», знаете? На берегу. «Динамо» раньше был в рабочем, и там была детская железная дорога, которую перевезли сюда.

– *На Юность.*

– Конечно, я здесь благоустроенная. А вот я не помню. Помоему, с внучкой я там была. Внучке четвертый десяток. Так тогда там, не знаю, сколько километров, ну, такая Ушаковка грязная, мусор кругом, минут десять надо было туда и обратно проехать на этой… по железной дороге и потом она уже здесь давно, эта железная дорога. Ну, сколько там? Ну, наверное, лет десяти нет. Наверное, нету. Перевели железную дорогу. Тоже не было. И здесь был гортоп. Бревна с Ангары выкатывали на лошадях. Такие большие бревна были. Не знаю, сколько метров. Вот так вот лошади идут. Тут бревна тащат, тащат, тащат, потом вытаскивает, потом, значит, на дрова. Там волосогрызки на бревнах вот такие. Куски большие. Вот, знаете, этого нет уже. Внучка моя, даже дочке полста лет, мы же делали и гербарии, и коллекции вот эти… спичечные коробочки, ватку туда положим, этих волосогрызок. Так их склеивали. Вот. Бабочек. Какие стрекозы были громадные. Вот такие. Летали по берегу. И потом я помню, что здесь этот гортоп куда-то, видно, маленько сдвинули. А потом была какая-то пристань на баржах. Привозили очень много бутылок всяких разных, видно, для аптек. И маленькие баночки такие, и бутылочки. Вот. Это детство. У моей сестры подруга, Клава Кириллова. Вот этот дом еще лет пять стоял, это был мастерской, только если отсюда идти с правой стороны, и у них был огород. Ангара заливала. И у них корова была. И вот он вмораживал в столб эти большие жерди, делал, по-моему, три или четыре, и на санках, значит, мы могли кататься вкруговую там на этом льду. Ой, вообще, конечно, детство это интересно. Школа была двадцать пятая на Мастерской. Там я кончила первый класс. Теперь мы вот наверху. Рита, мы там про-

ходили года два назад. Мастерская не Мастерская, школа была три класса и четвертый класс – Учительская. Мы год отучились, началась война. И нас перевели в восемнадцатую на Коммунистической, туда, на горе. Недавно вспоминали с Ритой. Надо же, с этой, с Набережной, мы туда, значит, пересекали Третьего Июля. Она пока еще Третьего, наверно. А может, тоже новая уже. Третьего Июля – продолжение Ленина. Туда, к протоке, где сейчас мост новый, мост. Там же была лесопилка, завод.

– *Этого я не знала.*

– Так а вы где будете знать? Вот. Лесопилка. И туда ходили в эту школу. Такой случай я помню. Ну, электричество, видно, все-таки было, но давали его, наверное, мало. А потом, может, его и не было. Мама строгала нам лучинки, это не то, что мой правнук. Ну, хоть подобрался. Длинные, вот такие, наверное. И мы с лучинками утром вставали, зажигали. И вот, что надо в школу, собирали, что, значит, освещали. Спички выдавали. Все тогда по карточкам было. Вот сколько-то спичек и там зажигалочка такая, чиркать, а она быстро кончалась. Мало, видно, серы-то было. А в войну этот французский гимн, забыла, как он называется… «Вставай, проклятьем заклейменный». Ночью играл и утром. Бабушка уже у нас умерла, и, когда гимн заиграл, мама думала, что это утро, а это была ночь. Я не помню с десяти до часу. Быстренько меня, значит, одели и отправили. А я училась, по-моему, в третьем классе, да. И вот иду, народу никого нет. А зимы-то ведь холодные были в то время. Ну, никого нет. Ну, пересекла я эту Третьего Июля, подымаюсь туда в гору и слышу – кричат. Кто кричит? Вроде меня. А потом уже не помню, как мама поняла, что это ночь, и они с Тамарой побежали меня…

– *Искать.*

– Домой звать. Еще спать надо, а меня, значит, отправили. Видно, часов не было. Или, может, потом были у нас часы с гирьками. Подтягивали. Сейчас таких нету. Нет, появляются, но очень красивые. А раньше ходики подтянешь, гирьки. Детство было такое. В пионерский лагерь нас отправляли. Были профсоюзы, но профсоюзы это сейчас не знаю, есть – нет. Где вообще сейчас не знаешь, что такие есть. В пионерский лагерь, конечно, старались отправить, чтобы… там все-таки же кормили. Вспоминаем с Ритой. Не то, что сейчас вот пионерские лагеря. Она и говорит: «Слушай, а где мы жили в Тальцах? Или это клуб был, или это школа». Я ж говорю: «Ритка, наверное, это клуб был, потому что…». Вот как сейчас помню, вот такой вот, ну, как сказать, большое помещение и стояло две печки. Она-то, десять лет было, еще возила за собой

братишку пяти лет, маленького. Так всю жизнь детей все р**о**стит. Вот за этой печкой один отряд, за этой печкой другой отря, здесь третий. Все в одной комнате, а тут, видно, типа сени, что ли, веранда ли была. Спали вожатые отдельно. Так какой-то закуток вот. Ну, конечно, туалеты все на улице. Но у нас были качели, на которых мы могли качаться. Ходили мы… крапиву рвали, суп нам варили с крапивой, а… с черемшой. Ну, все-таки же нас кормили. Ой…

– *То есть это в Тальцах, да, был?*

– А?

– *В Тальцах?*

– Да, в Тальцах. Это где теперь что? Деревянный город.

– *Да.*

– Только знаете, деревянный город, он как бы подальше и с левой стороны. А это было с правой. Ну, если бы сейчас я поехала, может бы, и вспомнила. Куда уж там ехать? Вот просто так вот детство вспоминаем. Ну, вожатые, как обычно, хорошие. Только там вот что запомнилось нам: за крапивой мы далековато ходили, картошку полоть ходили. Поле картошки было, а за картошкой крапива росла, и, в общем, пустырь. Вот это вот, как сказать, эээ... матрацовки дома брали, наволочки ходили набивали соломой и матрацы, подушки и там у кого, ну, типа одеяла, пододеяльник. Все соломой набивали и лебеду рвали. И мы дома тоже и лебеду рвали. Вот на берегу Ангары крапиву рвали. Ну, как видите, такой экологией не страдали, как сейчас. Не успеет родиться, уже вон этот эколокоп какой-то и аллергия. У всех, не у всех. Вот. Ну, что о детстве сказать? Кончила семилетку. Между прочим, я считаю, ну, может, и другие считают, знания учителя давали нам крепкие. Вот я семилетку кончила, вот он в лицей пошел, он девять классов. Так я эту математику, что вы за семь классов… Царство небесное всем учителям. Какие учителя-то были! Таисия Кирилловна Аршинская. Она двойки не ставила. Посредственно, плохо, очень плохо, хорошо и отлично. У нас же такие были оценки. Вот я что внучку, что этого правнука… Так говорила: «Выучи условие задачи. Если ты расскажешь мне, мы разберем задачу. Значит, плохо не поставлю. Если условие не можешь рассказать, значит плохо». А очень плохо – это единица. Так я теоремы помню и задачи помню. Вот он в девятый класс ходил, я еще алгебру и геометрию, как говорится, за него решу. А потом заставлю его, караулю, и рассказывать. Так мне, слава богу, уж к восьмидесяти. Вот. У нас учителя были… Нарышкина Ольга Алексеевна по физике. Тоже я считаю, что вот этот запас. А по немецкому Фелицата Николаевна. Так Рита университет кончала когда, говорит: «Я пришла сдавать, она по травкам, по

цветочкам. Кто она? Не знаю. Она… это… у меня спросили, немецкий надо было сдавать, что, значит: «Вы у кого учились?» Она говорит: «Фелицата Николаевна Тейфель». Все. И на том дальше спрашивать не стали. Она же с нами ставила концерты, Фелицата-то Николаевна. Мы какие-то стихи учили. А вот елки, он что в девятом учился, что в лицее. А теперь же не учат. Теперь же ничему не учат. А вот это не вредно? Сейчас мне пошел. Я, говорит, пошел пинать в футбол. Запинался. Ну вот, ну, чего еще это детство? Все детство, детство. Да. А дальше школа. Так, после школы, значит, что было? После школы мы подрабатывали на обувной. Тоже это подружка была, царство небесное, шнурочки вдевали, заготовочки на обувь штамповали, вот. Теперь там тоже ведь магазин около цирка-то, тут же обувная фабрика была.

– *Да там же недавно все переделали.*

– Да как недавно? Там же теперь базар, а до этого что было? Тоже торговля. В общем, кругом торговля, кругом торговля. Вот. Там мы работали летом на работу. Потом в техникум я поступала лесотехнический, я его не кончила. Два года. Потом замуж вышла, потом уехала на целинные земли в нашей области. Это, знаете, между… сейчас локуты новые, а мы работали… эээ..… потом МТС. Вот. Эта степь лунгинская. Я не знаю, название сейчас у ней сохранилось. Это какой год-то был? Пятьдесят четвертый. Шестнадцатого марта нас отправляли. А работала на рылейном. На рылейном, что был у Базарова. Вот видите, как. А теперь здесь кругом манежи. Эээ… как-то знаете, Таня, зайдешь, сердце екает. Жалко. Жалко завод. Вот. Ну ладно, с рылейного, значит, целина. С целины приехала… Что я еще хотела? Да, наша бригада первый этот год не заняла первое место. Алтайцы опередили. А какие там солончуки-то были! Ой-ей-ей. Вот пятнами эта соль. Правда, буряты нас не любили. Там столько ягоды мы перепахали. И сердились, и гнали. Были, в основном, вот наша МТС. У нас были с рылейного, с Куйбышева завода. Люся Колокольцева, она где-то секретарем работала, не помню. И ангарские ребята. А, как сказать… такой, как рабочий класс Черемховских, приехали позднее, наверное, нас на полмесяца. Но они, не знаю, как теперь на вашем языке, в наше время их называли «блатные». В больших кепках такие, злые. Одного парня у нас там зарезали. Не знаю, спутали, не спутали. Черемховцы. Ну, работали. А работали первый год. Что мы делали? Первый год пахали, пахали мы эту целину. Гоны большие были. По семь километров. Другой раз два гона не успевали сделать туда и обратно. Степь. Сутками работали. А второй год, значит, пятьдесят пятый, пятьдесят шестой, мы заняли первое место. Пшеницу я ви-

дела первый раз такую золотую, тяжелую, по семьдесят два зернышка в колоске. Ну, конечно, это ЦК премировало нас всех, ВЛКСМ. А зачем разрушили комсомол-то? Не комсомолка?

– *Нет.*

– Я не знаю. Пионеров убрали, комсомольцев убрали. Это же ядро было все-таки. К чему-то стремились, вот. Потом, я когда приехала сюда, что опять у меня было? Так. Это целину прошла, а потом работала, работала на великом Автотрактородеталь. А когда она… потом переименовали, а теперь-то дорогой рынок на первой советской.

– *Новый рынок его теперь.*

– А, новый рынок. Он, правда, чистый, но он дорогой, дороже нашего, что здесь-то.

– *Ну, вот я не была ни разу, но слышала, что его называют Новый рынок.*

– Новый… новый. Ну ладно, кто умеет, тот так и живет. Это женщина, что они здесь рестораны, что они здесь базар делили.

– *То есть получается… Вот вы помните какое-нибудь такое место в городе, которое не изменилось? Вот.*

– Какое место не изменилось в городе? Кузнецовская больница, значит, расстроилась. Центр наш тоже изменился, разве краеведческий музей стоит на месте? Скверик сделали прекрасный у Драмтеатра, его не было. И если какие годы взять? Это сем… восемнадцатая школа. Стадион отстроили. Он горел. Мы в пятом классе учились. Он тут давно уже стоит. Он же был деревянный.

– *Это «Труд»?*

– «Труд». «Авангард» он раньше был.

– *Да?*

– Да. И он горел. Горел он или весной, или осенью, потому что было тепло. Я помню. Мы, школа на горе, вскочили. Шел дым. Горел стадион. Но это так прикинуть, это который год-то был? Я уж теперь не знаю. Ну, где-то, наверное, после войны он горел. И отстроили вот новый стадион. Кино «Художественный», правда, сделали раздевалку, но потолок-то не смогли, видно, восстановить. Придешь до сеанса-то. Какой потолок-то! На потолке-то чего только не было, Очень красивый потолок. Он был художественный. Там и ангелочки были, там и небо, там этот свет. Вот сидишь, смотришь, пока это кино-то начнется. «Художественный». Что тут не изменилось? Этот дом, наверное, на десять лет старее нашего. Моложе, надо сказать. В кинотеатре «Пионер» я не знаю, что сейчас там. Там, наверное, ничего теперь нет. Я вот правнука водила, наверное, лет пять назад. Не знаю, что смотрели. «Левшу», что ли.

Потолок там уже, как наши делали там пионеры все. Там уже ничего не было. Там кругом эти автоматы игровые. Только вот лестницы эти были, остались, а как кино нет. А «Гигант», он не «Гигант». Как его звать-то теперь? Кино-то где, ночные клубы-то. Вот напротив «Хроники». А вы хронику тоже не знаете?

– *Я не знаю. «Баргузин» там, может быть.*

– «Баргузин» – это у вас там, на Советской. Ну, сравнительно тоже старый театр. А вот тут, ну, как сказать-то? Это где музей природы. Вот здесь, на Карла Маркса, знаете?

– *Да-да-да.*

– А вот рядом кинотеатр там. Я не знаю, как его зовут теперь.

– *Ну, там есть теперь какой-то «Дон Отелло». Совсем новый кинотеатр. А что там раньше было?*

– В общем, там ночной клуб. Там идут… кинотеатр… кино. Вот ходил, говорит, «Тарас Бульбу» смотрел. Билет, говорит, по сто пятьдесят рублей. Я говорю: «Ну, вам без этого же, крутые». И это, это было кино «Гигант». Знаете, ну по Карла Маркса же вы ходите. Что дальше там идет? Я не знаю. Их, знаете, так много. Я даже удивилась. Вот шла, как-то думала, зайду в молочный, куплю что-нибудь. А когда перешла… шла оттуда с базара от цирка, смотрю, а там кругом ювелирные магазины.

– *Все очень быстро, конечно, сейчас растет.*

– Я так удивилась. Думаю… ну, я, правда, редко туда выхожу: «Ну, как же так? Вроде, недавно была в этом углу». Так вот, что я хочу сказать. Старые люди вам могут тоже подтвердить. Вот это кино «Гигант»… эээ... при входе такие Геркулесы были. Держали землю. Их несколько штук было. Это земля. Такие красавцы. Ну, тут у них это замотанные, конечно, одеялами. А когда в «Гигант» зайдешь, то подниматься на балконы… по краям стояли такие вот богатыри с мечами, такие красивые. Мы даже лизали. Проверить, правда, что там ток или неправда. Ума-то не было. Но все же перестраиваются. «Гиганта» тоже как такового нет. А напротив, вот где немецкий теперь этот кафе или как его назвать. Это было с угла кино «Хроника». А сейчас я там тоже не знаю, что там. Типа игрового, что ли. Тоже не осталось. Ну, что старое вот в нашем краю? Театр, слава богу, стоит. ТЮЗ. ТЮЗ старый, который угол Карла Маркса и Ленина. Вот этот Вампиловский. Наверху профсоюзы всякие были. Вот Музкомедия старая, напротив фонтана. Я помню, раньше почему-то называлась кож – коллективная, наверное, организация рабочих. Надо было зайти. Библиотека была. Вот мы заходили в эти двери, проходили какой-то темный коридор, это, наверное, теперь филармония. Это я так думаю. Отгорожена. И там

была библиотека. Ориентируетесь, о чем я говорю? Вот. Теперь Вампиловский театр считается. Это старая музкомедия . У нас же нету еще такого театра-то… ну, сейчас может и будет… оперного-то. Все же с Бурятии приезжают, вот. А это была Музкомедия. Артисты прекрасные. Мы с соседкой сегодня их… стояли… вспоминали. Вот. И филармония вот на Дзержинского. Вот, вот это вот, вот этот угол. Это я помню, мы заходили вот в эти и сюда проходили по какому-то темному коридору, и здесь была библиотека. Детские книжки брали. Еще я помню, что вот именно вот напротив Музкомедии старой стояли типа остатки от ворот. Такие вот, как столбы. Даже голубоватого цвета. Потому что мы жили-то на Набережной. Мы сюда ходили. Вот этот «Янтарь» магазин. Может, вы когда-нибудь в нем бывали? Его звали «Красенький», потому что он кирпичный. А где фонтан, здесь звали беленький. Деревянный магазинчик. Его все время белили. Его звали Беленьким. Сюда ходили. Так… а если идти… там трикотажки уже нету тоже. Кругом магазины. Ну, кругом. Я не знаю даже, что тут у нас. Вот сколько мы здесь живем-то? Уже полста лет. Но а где жили? На Подгорной. Когда… эээ... с Набережной дали дом, квартиру. Так там Шанхайка. Я удивилась. Там вообще ничего нету. Там же, там были?

– *Да.*

– Дома-то эти все рушили под этот самый, что в пятьдесят… каком? четвертом году. Примерно в пятьдесят четвертом. Сделали вот лестницу в центральный парк. Центральный парк знаете?

– *Да.*

– Но парашютную вышку убрали. Здесь «Чиполлино» теперь, детский городок. А вот мы, когда жили на Подгорной, бегали смотрели. А какие склепы-то были красивые! А гробы доставали. Почему… я помню, пятьдесят четвертый год… вот где центральные ворота. Отсюда с правой стороны достали цинковый гроб. И когда открыли крышку, там крест был, и вуаль так вот цветочками выложена. Под этой крышкой столько было денег царских. Ну, конечно, всех нас отгоняли. Милиция была, увезли. Памятники были прекрасные. Только один остался, Загоскину. Вот эту церковь реставрируют сейчас. А в ней в годы войны была школа двадцать шестая. А вот эти большие все школы, вот тут вот Институт народного хозяйства. Он как? Байкальский теперь. Это же все было госпиталями занято. Все большие школы и институты на… на… что? На площади Кирова стояла деревянная трибуна, где проходили демонстрации.

– *На праздники?*

– На праздники, да. И мимо трибуны тут стояли, значит, наши представители городские. Горсовет где. Там теперь, по-моему от института, что ли, эти корпуса. В годы войны там же эээ... заводы были, эвакуированные с Москвы. Горный институт там был. У меня сестра Горный кончала. Ну, когда уже война закончилась. Потом же их опять в Москву все увезли вот эти здания. Стоят они, как сказать, давнишние. Очень старая школа одиннадцатая. Знаете?

– *Да, знаю.*

– Она сейчас расстроилась. Расстроилась, но я скажу. Эта школа… Хороший там коллектив, хоть я и не училась. Но директор был Дриц. Она и в наше время славилась против первой. Первой. Ленинская звали. Вот. И когда вот этих малышей, семнадцатая сломалась, так он их в четвертом в пятом классе там они арендовали учительскую. И когда в ту школу вот за малышней за этой мы пришли, знаете, как небо и земля. Как Москва и Ленинград, когда я была полста лет назад там. Спокойствие, чистота. И какое-то, знаете, такое ощущение доброты. И дети не бесятся. И учителя спокойные, и дети спокойные. И большие, и маленькие. И я так вот про себя подумала: «Как она была в годы войны, после войны. Значит, коллектив все-таки сплотился. Благодаря Дрицу». Ну, что тут? А тут вот снесли, хорошие дома построили. Это ж обкомовский дом. И тот обкомовский, а это – «Дом лесника». А отстроенных вот, а тут были такие эти крепкие здания. Я в ночь работала, приходила. Я не могла спать. Стенобитные эти орудия стену не могли пробить. До того такие крепкие. На углу был радиокомитет, но его же убрали. Теперь, слава богу, хоть на Горького место у него есть. Дом-то расстроился. Ну чего у нас? По Третьего Июля, туда к Ангаре теперь новый мост. Там все снесли. Только маленькие домишечки остались. И в гору идет улица Коммунистическая. Там тоже теперь я не знаю. Но у нас телевышка-то сколько? Она, наверное, где-то в конце пятидесятых телевидение-то у нас появилось. Да?

– *Наверное*.

– Где-то так. Перед шестидесятыми годами, годами. Потому что я помню, приходили мы в гости к одним. Экранчик маленький был у телевизора, а у меня дочке было, наверное, годика два. Значит, лет сорок назад. Так что телевидение-то не очень у нас такое. В годы войны у Драмтеатра у нас была большая карта, очень большая и рупор черный по карте, отмечали, как наши войска двигаются. Значит, народу всегда много было.

– *Конечно, все смотрели.*

– Смотрели. И в театр много народу ходило, и в кино. Много ходили, а сейчас пусто в театрах, и вещи не всегда такие. А эту Музкомедию… Сколько она у нас отстроена? Я не знаю. Ну, наверное, лет пятнадцать есть нету. Новый-то театр музыкальный, его начали строить, потом заморозили. Надо вот у артистов спросить. И вот эту старую Музкомедию, артистов туда перевели. Я много наговорила? Вы ничего не запомнили?

– *Нет. Все хорошо. А вот я хотела спросить, а город вот по праздникам, значит, украшали, да, раньше?*

– Город?

– *Да.*

– К праздникам украшали.

– *Как украшали?*

– Флаги. У каждого двора на праздники флаги вывешивали. Шаров же не было тогда, а шарики на макулатуру давали, вот. Ездил этот, сырье-то возил, собирал. Старые газеты, книги там, что такое. И шарики давали. По-моему, будильник раз дали одному мальчишке. Что-то он много притащил всякого, и вот этот на лошади ему будильник, так как он мальчишка. Ну, новый город строится. По Подгорной там вот эээ... «Эталона» тоже нет. Я на заводах работала, оттого мне как-то жалко все это. О Куйбышеве вообще что говорить? Там в пятьдесят седьмом, я уж в своих детях попуталась, только в заводуправлении было тысячи человек. Там сколько тысяч-то работало. А сейчас? Зайдешь. Все эти краны по углам загнаны, кругом эти бутылки с водкой, с вином, бог знает с чем. С тряпками. А вот не подумали же наши правители. А сколько у нас людей-то погибло хороших-то? Они же спились потом. Вот даже на нашем заводе, а на карданах. Все сократили. Даже девчонки. Вот я туда пришла, года полтора назад что ли, вот мне говорят: «Слушай, сходи, погляди, какой туалет у нас. Тебя бесплатно пустим». Я говорю: «Я не хочу туда идти, я вижу, что чисто, красиво». Кому даже оставалось два года до пенсии, три всех эта новая директорша, не знаю, как там говорили, что, вроде, она, как сына своего ставит, а руководит она, всех убрали заводских, и куда им было деться? У всех семьи, дети. А работы нет. Работы-то нет. И вот я удивилась. Как-то увидела одного мастера нашего. Я его узнать не могла. Я так удивилась. С ним проработала больше четверти века, он говорит: «Ты приглядись в меня хоть, приглядись». Я говорю: «А что так?» «А что, – говорит, – делать-то? Одна дочка замуж собирается, вторая в институт. Не знаю, попадет не попадет. Жена болеет. А я, – говорит, – на работу не могу нигде устроиться». Вот что сделали.

– *А вы как праздники отмечали?*

– Ой, праздники?! Да я и завтра пойду. Я люблю и… и ноябрь и этот самый май. Конечно, девятое мая и говорить нечего. На демонстрацию идешь – это общение.

– *Конечно.*

– Это радость. Ну, кто там выпивает, мужчины могут куда-то отойти. Ну, ведь такого хулиганья-то не было.

– *Как сейчас.*

– Ну, надо, эту еньку ли спляшут, ли калинку, ли тоже коллективно спляшут. Играет оркестр. Радость, радость. Вот я, например, сейчас мало собирается народу здесь, все равно иду. У меня сестра пишет, она хоть сейчас с тросточкой: «Я, – говорит, – не могу, чтобы не выйти и не сходить, не посмотреть. Это же праздник».

– *Конечно.*

– Общение. Это не сходить на демонстрацию. Я считаю, это два дня-то потеряно. Ну, за два часа-то демонстрация пройдет. Я вам сейчас больше скажу. Я вот посмотрела на воскресник и на это самое, на выбора. Сестре написала: «Слушай, Томка, когда мы были маленькие, тоже ведь выбирали». Нас куда-то возили на машинах, детей. На бортовой куда-то в гору. Наверное, к школе какой-нибудь для нас был… какой-то уголок для детей. Пока родители там ходили с этими бюллетнями, дети… мы что-то строили из кубиков, что-то мы там ползали маленькие. Побольше – какие-то книжечки были цветные. Мы были заняты. Сколько мы там были? Может, полчаса. Сколько там это? Вот. Но сейчас же вот эти выбора, музыка и то не играет. Вот на заводе же тоже были выбора. Через проход идешь, уже слышно. Музыка играет. И так же воскресник. Выйти там на полтора, два часа, а уже настроение какое. А сейчас нет. Таня, согласитесь, ведь раньше песни тоже хорошие были.

– *Да, конечно. Даже они…*

– Ведь там тоже обо всем пелось: и о любви, и о природе, и о родине. И с кого-то пример надо было брать.

– *Потому что их до сих пор слушают, поют. А… Да, а песни, которые сейчас, вряд ли их будут слушать через много лет.*

– А я вот Хиля послушала, так я душой отдохнула. Приятный певец, правда?

– *Да*.

– Ну, я Баскова, Баскова тоже люблю. Ну, это что? Кобзон, Магомаева там жалко, допустим, что умер как голос. Извините, Пугачеву я люблю слушать [нрзб]. Сейчас, говорят, тоже под банк сделают.

– *А там что?*

– Нашу лечебницу-то для взрослых... Будет среднеазиатский банк, говорят. Ну, может быть, и будет. У людей, стало быть, деньги есть. Ну, пусть делают банки. А кругом сколько это… ммм… золотых вещей продают. Вот я смотрю, вот иду по Карла Маркса. Вот раньше же Большой она была улица-то, и до сих пор ее так и по-старому-то Большой зовем. А вот этот вот переулочек Хасановский. Вот от газовой колонки и дома актера Хасановский улицы, начиная от Первой Красногорской и даже Литвинова. Все это были Красноармейские – Первая, Вторая, Третья, Четвертая, Пятая, Шестая. Советские – Первая Советская и Вторая Советская. Там роддом был, а теперь… а теперь что там? Больница тоже расстроилась. По правой стороне больница, а по левой там разрушенный дом. Была туберкулезная больница. Большой четырехэтажный дом. Ну, что-нибудь построят же, раз это самое. Ну а чего их по-разному называть? Улицы-то? Вот она Русиновская была, потом ее Коминтерна назвали, потом она стала Байкальская, а рынок-то Русиновский. А улица Байкальская.

– *А, понятно, почему рынок.*

– Все-таки вспомнили, что когда-то это… ну, тут улицы. Ну, сейчас вспоминать их. Тут и Ланенская была. Вон все же они. Пестеревская теперь. Как сказать? Кто-то мне рассказал: написал родственникам письмо, и улица сменилась. Они говорят: «Ты куда-то переехала?» «Да никуда. Улицу только по-другому называть стали». Так что у нас не знаю даже. Ну а центр… Ну, бульвар Гагарина хороший сделали.

– *Памятник.*

– Вот. Здесь немножко, маленько вправо, да… Институт. Институт… как? Металлов-то, металла. А, бог с ним. эээ... значит танцплощадка была справа, а здесь сад. Тоже была и комната смеха. Вот этот карусель, что в центральном парке, отсюда этих его слонов взяли. эээ... комнату смеха туда, на ту сторону «Локомотив» был сад, теперь он Парижской коммуны называется. Все меняется.

– *Да. А вот дома деревянные в центре у нас стоят.*

– В центре у нас я не знаю деревянных домов-то, у нас тут не осталось. Вот по какой же? По Второй Красноармейской, что ли? Или по Лапина? Деревянный дом вроде оббили и… как даже два этажа, вроде, мезонина что-то. Как памятник Иркутска. Остается. И вот это по какой? Так сейчас это улица-то у нас 25 Октября. Или Седова. Два дома, два музея деревянных, да. Вы проезжаете, видите. Я там не была. Вот как к церкви. 25 Октября… идет улица Седова. И Амурская, Амурская – это Ленина. В конце-то. Она как раз, да, Амурская, Седова, 25 Октября. И туда выше. Так вот здесь вот, ко-

гда к парку идти вот отсюда или ехать. Вот здесь два деревянных дома стоят. Музеи. Их реставрировали. Они теперь оббитые, деревянные. А в общем-то, деревянных у нас и не осталось. Их не реставрируют. Они все разрушенные. Вот здесь вот на Марата улице дом со львами. Не были? Это писательский дом. Вот он старый-старый. Когда-то слепые дети жили. Ну, наверное, куда-то их перевели. А теперь там доска, что писательский дом. А больше деревянных-то домов, это надо по Третьего Июля. Там был садик с правой стороны. Сейчас я не знаю, что там, какая-то организация. Отсюда идти справа, а слева только остались деревянные дома. Так их, наверное, и не будут. Под горой потому что. Вот по Третьего июля так вот идти, и здесь деревянные дома в гору.

– *Мы там недавно были.*

– А на углу, я не знаю, там магазин есть, нет. Был хлебный магазин. Там дядя Сеня торговал. Что-то говорили, что он обвешивает. Я уже не помню. Раньше, знаете, как хлеб резали? Такая, как дуга, была. И вот он резал хлеб. И все, когда общались, ну, сколько-то там же мы брали, и вот все говорили: «Опять обвешал». Дядя Сеня такой крепкий мужчина был. Мы с этих горок катались, жили там на Набережной. Что вот эта Мастерская идет от парка. Поновому называется. Деревянных домов-то здесь где искать? Только вот там остались. И вот по этим Красноармейским. Так тут расстроились. Тут на Литвинова этот самый, как его звать-то? Ну, военные-то наши, милиция это. УВД расстроилось. Ну, дом быта стоит вот на Урицкого. На углу Круглов расстроился, кондитер наш знаменитый. Знаете его?

– *Нет.*

– Конечно, у него это, ну, как сказать? Кондитера хорошие, он сам кондитер, вот. Но сын у него, конечно, в три раза дороже, чем он. Таких вот… смотрю, третий этаж коммерческий дядька стал. Наверное, моложе меня, год на два. Вот. Но он грубит. Я за грубость его не уважаю. У него как-то пришлось мне поработать. Уборщицей. Я видела, как он девочек обижает. Нехороший мужик. Вот. Может он и шлепнуть, и дернуть, и оскорбить. Ну, какой руководитель, елки зеленые? Если ты относишься так. Хотя у самого две девочки. Ну, сейчас, наверное, уже замужем.

– *А вот если сравнивать ритм жизни людей. Вот как вот раньше. Ну, чувствовалось, наверное, по городу, что… Вот сейчас, мне кажется, все куда-то торопятся, вот как вот, это чувствуется?*

– Ну, смотрите: я люблю утром выходить и смотреть, когда народ торопится. Они идут, они нужные. Они идут на работу, они идут в школу. Ну, как идут. Но знаете, мне раньше казалось, может,

сама работала, мы больше торопились. Еще ведь раньше заводы-то все гудели и фабрики. Куйбышевский так: «У-у-у». Потом: «У-у-у». И уже знали с восьми утра, в семь утра, в полвосьмого. И все, значит, торопились, торопились. Сейчас так не торопятся, не торопятся, потому что знают, все равно опоздают, придут, запустят. И как, как это сказать-то? Я даже не знаю, как сказать. Но… Мне, мол, дочь сказала как-то: «Вы жили энтузиазмом». А вы, говорю, чем живете? Да, был энтузиазм. Да, мы хотели, мы что-то, к чему-то стремились, мы что-то ждали. Ну, вот сейчас я гляжу на своего правнука. Бог простит – пустые люди. И что ждет это поколение? Это рабы. Я приветствую всех, кто учится. Еще кто учится, кто подрабатывает, допустим. Я не хочу сказать, что плохо иметь много, нет, почему... Ну, если, как сказать, вам не понять меня. Вот мы старье. Вот как мои родители, они знали, работать надо. Это надо для государства. Это стимул жизни. Мы радовались больше праздникам. А вот это вот, я про себя говорю, ни про кого, про свою семью. Это откупается. Зачем это? Я сказала маме… Это правнук… Мама на той стороне живет, это не важно. Я сердилась, что когда он приходит, он в лицее сейчас на первом, включает телевизор. Что он лежебокий такой. Книги мы не читаем. А зачем их читать-то? Нет, ну, чего читать-то в них? Вот Рита говорит: «Слушай, а чего ты обижаешься?» Мы хоть знали героев войны там, Зою Космодемьянскую, «Молодую гвардию», что-то мы учились, мы как-то стремились. Я вот своему положила эту «Молодую гвардию». У меня вон там вон все эти книги лежат. А для кого я их берегла-то? Вот, вот, вот племянник приезжает роман-газету…

– Вот вы говорили, что помните, как строилась ГЭС. Помните?

– ГЭС? Да. Ну, сколько туда самосвалов увезли. Это гальки вот этой всякой, как сказать, ну, бетона, бетона. Заливали. Там же много всего, много. Это был, наверное, год пятьдесят четвертый, пятьдесят шестой. Вы не были? Там… когда мало же работает. Это на заводе, на карданах работали. Нас туда не отпускали, что там кардан, он же вращает кардан эти турбины. Вот. И там, где сейчас вот эта, ну, контора самая, тут стояли и туда повыше бараки, где жили рабочие, которые строили эту плотину. Это самое, когда ее открывает, тогда здесь в Ангаре тоже вода поднимается, идет. И там Иркутское же море. Вы не были же еще нигде? Ну, лето будет, наверное, туда пойдете. Только будьте осторожны, потому что там все выбрано. Если не плаваете, надо учиться, хорошо плавать, потому что там такие глубины. Все это со дна же брали. И вот эта дамба. Ну, а там народа-то мало, там в то время, по-моему, три или пять человек всего работали. Кругом же кнопки, кругом же кнопки.

Ну, сейчас там рядом церковь какую-то эти, олигархи, построили. Не знаю, не помню кто. Ну, наша ГЭС, мы торжествуем. Но Братская больше. Братская же больше.

– *Ну, наверное.*

– У меня вообще есть книжечки об Иркутске. Только старые. Сейчас мне их искать, наверное, долго.

– *Нет, да не надо.*

– Ну, я могу дать.

– *Да нет, спасибо. Мы, наверное, так с вами. А вот если вернуться еще к ну…*

– Телецентр у нас тоже где-то годов в пятьдесят шестом строился.

– *Да, мы говорили уже. Я хотела спросить. Вот мы как-то это пропустили. Про Великую Отечественную Войну, а вот победу вы помните?*

– Хорошо помню. День был яркий, солнечный. Мы в школу пришли, и нам сказали, что учиться не будем, и все побежали. Бесплатное у нас было кино. У Нины Двориковой, они во дворе жили, это возле Областной больницы. Отец вернулся с фронта, у него не было одной ноги. И когда мы забежали, он сидел и плакал. У них комнатка вот половина этой была. Вот так вот марля была, висела. Так кровать Нинина, а так, значит, матери с отцом. Здесь вот столик и какой-то самодельный диванчик, что ли. Не помню, как его звали, и когда мы забежали и сказали, что кончилась война, он так за голову схватился. Он так плакал сильно. Нина говорит: «Ну, ты же вернулся, ты же вернулся». Он только плакал, он ничего не говорил. Потом побежали в кино. Побежали вот в этот «Гигант», где языками лизали богатырей, думали, будет током нас бить или не будет. Ну, током не било. Вот. Бесплатное было кино, даже мороженое продавали. Такие кабиночки были голубенькие, и в них такие бочонки стояли. Мороженое эта выдавливала. Ну вот, допустим, спичечный коробок, да. Вот так вот. По семьдесят пять копеек сливочное, по-моему, молочное – пятьдесят копеек. Такие цены были. Деньги-то менялись же все время. Даже нам бесплатное дали мороженое. Ну, ребятишкам. Вот. День был хороший, солнечный. И мы весь день хлестались, кто куда мог. Кто значит… Большие в этот на Гагарина, в Парижский сад. Значит, тоже вход был бесплатный. Раньше надо было в сад зайти – три рубля, а на танцплощадку оттуда ворота – еще пять рублей. Платно было.

– *А вот демонстрации же были, парады там?*

– И демонстрация была, народ был. У нас же еще, я не помню, это какого года. У нас же стоял военный округ. Потом его перевели в Забайкалье. И вот, значит, на демонстрациях вся эта техника бы-

ла военная. Народ стоял, а отгоняли народ. Кругом натянуты веревки, и на лошадях военные… И вот, когда, значит, народ все поближе посмотреть, а народу было много. Вот это проходили площадь и сюда шли вот к Третьему июля. Вот. Это вот все, все, все, все стояли люди, смотрели. И вот когда эта лошадь встанет на дыбы, значит, народ вроде отпрянет. Как только отъехала, опять все на дорогу, опять все, значит, смотрят. Хороший праздник. С праздником вас, сейчас праздник. Физкультурники разные номера делали. Значит, футболочки были, как сейчас помню, тоже мы ходили, школьники, белые воротнички и трикотажные красные футболочки. Так нас, знаете, эээ... перед парадом-то дрессировали на стадионе. Все школы собирались. И по таким этим, ну, участочкам упражнения вольные делали. Ну, а которые уже такие, как физкультурники-то были настоящие, так они уже и фигуры перед трибуной.

– *Гимнасты.*

– Гимнасты, да. Хорошее время все-таки. Радостное.

– *А вот нам сейчас как говорят: «Климат меняется».*

– А климат меняется.

– *Да?*

– Очень изменился. Вот в войну вот этот вал, что я говорила. Воду брали с Ангары. Ой, лед большой был. Наверное, такой. Потому что мы вот поварешкой, что суп черпают, вот туда вот, ну, дети же, далеко-далеко черпали воду в ведро. Кто-то же проруби делал. И пока мы до дому несли, вода замерзала. Вода замерзала.

– *Холодно.*

– Домой принесем. Еще бабушка была жива. Вот мы этот ледок с Томкой собираем. Она отшлепает нас обоих. Я не знаю, почему тогда, я не помню таких болезней, чтобы мы болели. Этот ледок мы ели. Он прозрачный-прозрачный. Холодно было. И, ну, однажды… у нас же хорошей не было такой. Но все равно телогрейки были, и очень хорошо. Они ватные, на брюке карманчики. Шили рукавички. А я теряла, теряла. Бедная моя мама. Она мне в пятом классе на веревочки…

– *На резиночки*…

– Их сделала, чтоб я их нигде не оставляла. Холодно же. А делать-то было не из чего. Я как-то, уже старая была, и говорю: «Ну как так? Я по сто лет ношу вещи. Ну почему у нас в войну ничего не было?» Мама говорит: «Так вот то, что было, это надо было ходить, менять у колхозников на картошку». Колхозники тоже приезжали. У них тоже не было тряпок-то, и вот, значит, на эти тряпки они давали картошку. Ну, картошку там, морковку на работе когда выдавали. Помню, иной раз вот такую эту, репку мороженую, дали. Много-много в сетке. И мы пекли ее. Голод же был. Это только подумать.

Сколько надо было накормить нам солдат. И столько здесь работы, еще столько детей. Детей же еще везли, пострадавших от бомбежки. Они были даже душевнобольные. В Кузнецовской больнице. Многие дети мочились, а мы-то тоже дурачье. В щелочки заглядывали через забор. А матрацы вынесут летом на солнышко, так вот поставят к забору, а мы так в щелочки заглядываем. Наказывали их, бессердечные тоже были. Крапивой. Ну, там назовут кого-то. «А, значит… Ты опять. У тебя мокрый матрац!» А как самолет лети, они прятались. Они прижимались к дому. Такой дом длинный был, ну, типа барака. Там не знаю, кто был. И они прямо… ступеньки три или пять… и по ступенькам и туда. Ребятишки разные такие, такие, такие были. Ну потом, не помню, кто-то умный нашелся, нас настыдил и сказал, что эти дети… У них и родители погибли, и дома поразрушились, и прочее, и прочее. Наверное, Мироненко добрая была. Одна дочка у них. Вот, значит, дал… или стряпали, или может купили, типа каких-то пряничков вот таких вот. Такой мешочек. Зоя Пенчукова. Жива? Нет ли? Зойка: «Идите, – говорит, – и ребятишкам скажите, что это им гостинцы. Как они обрадовались. Мы через забор перекинули, все рассыпалось, они собирают. Их там, наверное, человек двадцать было. Эти пряники. И тут самолеты. Они опять все прижимаются к этому дому. Но не пускали их, видно, в дом-то летом. И там, значит, сильно они боялись вот этого самолета. Конечно, что хорошего, видеть эту бомбежку.

– А вот у вас было когда-нибудь желание уехать из города?

– Вы знаете, у меня такое желание… Конечно, такого не было. Из Иркутска уехать не было. Это вот сейчас другой раз я думаю… Так бы вот не глядела на своих детей, но люблю своих кошек. А когда они еще вместе сидят...

– Это вообще да…

– Мне вот… Сдохну, куда вот мои кошки? Они же… Вон какой Сенька у меня. Прямо барон настоящий. Но он и Зою тоже любит, обнимает. Вот. Не было. А почему не было? Я не знаю. Я здесь прижилась. Как же я с трех лет. Считай, это мой город. У меня же здесь много знакомых. Я же училась, а потом вот эта вот Набережная, Мастерская, Третьего Июля. Мы веселей жили. Не было асфальта. Земля… Сейчас же не знают дети, даже внучки, вот в «Лунки» играть, никто же не играет в эти «Лунки». Никто не играет в «Свечи», никто не играет в «Беговую». Не играют в «Сыщиков-разбойников». А им где прятаться-то? Негде. Негде. А там же земля. И играли и большие, и маленькие. И в «Прятушки» играли. А сейчас и игр-то таких нету. Между прочим, это скакалка. Мы скакали и крестиком, и метелочкой. Так москвичи к на привезли, вот кото-

рые заводы переехали. «Часики»: двое крутят и прыгают. Вот это вот они к нам сюда привезли. Оттуда приехала. А таких игр-то, я говорю, тогда вот внучке луночки сделала, говорю: «Играете и потом кто-то не уйдет». Мечом вот ложбили мелкие камушки или мелкие стеклышки в луночки. Сейчас же нет таких игр. Классики чертили, бросали стеклышко. В «Запинашки». Это уже надо было камушек плоский. В Ангаре раньше были белые камни, как яйца. Такие, такие, всякие. Вот чиркнешь, с них искры летят. А сейчас же нету. Сейчас же кругом тина. Только вот это вот плавают наши, с хвостами-то, как их звать-то? Забыла. Крысы-то водяные. Ондатры.

– *Ондатры*.

– Они живут там вот эээ... на той стороне у них домик, где вот сейчас построили железную дорогу. Вы там не были? Там такой прекрасный вокзал. Они же сейчас там учатся, дети. Будет время, вот девятое мая. Это ребятишек бесплатно катают. Вы можете тоже туда прокатиться. Вы молодые. Какое прекрасное здание там отстроено. И как, ну, их на занятия-то, конечно, зимой автобусом отвозят. Холодно. А там и часы. Они же бьют. Вот сходите-ка, посмотрите, какая красота. Конечно, там, в Рабочем, в упадок пришла железная дорога. А здесь-то какая красота. У них музей есть.

– *Она цветная, по-моему, все так украшено*.

– Знаете, очень хорошая. Вот я хочу сказать. Эти крысы-то живут под тем островом. Они когда сюда плавают, они тоже рыбу едят. Они сюда приплывают. Я рыбачить-то… Вот видите, какой он высокий, ему шестнадцать лет… Рыбачить-то я с ним же ходила сюда. Это сейчас меня не надо. Надоела я ему. Так что это по городу походить… А остров какой разросся! Насадили сколько этих насаждений. Да где-то в шестидесятых годах это появился остров наш. Вернее, его сделали островом Юности.

– *Мост, да, сделали туда?*

– Нет, это… Вы не были никогда на Юности?

– *Была-была.*

– Вот здесь вот арочный мостик такой.

– *Да-да-да.*

– А тут вот протока, да. А с той стороны дамба. А туда далеко пройти – там спасательная станция. По острову. А сейчас пароход-то не ходит? Нет, он не ходит. Он, по-моему, только до острова, что ли. Вот эта «Звездочка». А то до плотины ходил. До самой плотины. Когда плотина закрыта, а когда открыта. Так что у нас…

– *Есть где погулять.*

– Да, можно погулять. Город, а новый город отстраивается. Как от парка выйти, где вот этот новый рынок. Вот он – новый

базар, а вот напротив был «Эталон». Завод. Ну, сейчас там тоже мебель, что ли, продают. Вот этот. И вот за «Эталоном» там даже на каком-то здании… ехать в порт… написано: «Новый город». Какие там прекрасные здания. Такие красивые здания. И крыши-то у них куполами, и эти, как их, балконы или лоджии. Такой красивый город. Ой, очень красивый! Но однажды, что я там была? На это… Александра Невского. Там улица идет от Подгорной. Там за Шанхайкой, тот край далекий, и где была конфетная фабрика, угол Партизанской и Подгорная, Горная. Подгорной на углу. Тут когда-то я жила. Угол Подгорной и Партизанской так, как … Мой … У моего мужа отец работал в войну. Погиб. Председателем этой конфетной фабрики. И вот я оттуда шла и хотела посмотреть, что же там стало? Ну, месяц ли два назад. И когда я вышла вот на эту Партизанскую, то этого дома уже нет. Он все время был зелененький, одноэтажный. Этой фабрики, конечно, нет… конфетной. Конфетная где-то в другом месте, по-моему, в Маратах что ли. А на заборе написано, написано… Ой-ой… Сесть в покойниках. Забыла. Ну а я, как пойду там, посмотрю. Мы еще с вами встретимся, вы мне позвоните. Мне после девяти вечера звоните и надо долго. Я, если там салюты, не слышу, вот. Ой. Вроде… эээ..... Глубже… кладите трубы. Не ешьте покойников. Вот в таком духе. Я шла и говорю: «Слушай, ты пройдись туда». Он далеко не ходит. Что за слова? Что они значат? Ну, большими буквами это писали, конечно, строители. И там четыре или пять слов. Я забыла счет. Я говорю: «А что покойников-то беспокоить?» Нет, раньше-то вот этот парк Иерусалимский, это кладбище, это же Иерусалимское кладбище. И оно спускалось сюда на Подгорную и до этой Шанхайки. Вообще город наш интересный. Оттуда вот эта вот сейчас церковь, которую реставрируют у входа. Вот видите, Таня, если так посидеть, поговорить. От нее идет подземный ход. Я уже теперь не помню, откуда ходы идут. Или от Драмтеатра. Двенадцать ходов за наш мост. Или откуда? И там такой эээ… Писали в газетах. Такой подземный ход... Это я все Сашу туда отправляла. Он же в Иркутске родился. Вот. Историк. Что там тройка могла проехать. Но там школа была в годы войны, потом там вроде училище искусств. Делали художников. Вот. И там сторож говорил. Там наверху стеклянный потолок был. Мы заходили, значит, что… ну, и мол, вроде, по-моему, он сейчас ушел этот сторож, ему не так страшно. Двери там хлопают, хлопают. Но какая-то дверь и в эту никогда не открывал. Что там делать? Ну, вроде, как вниз ход. И вот когда этот вниз-то пошел, то узнали, что там подземный ход. И он идет очень далеко. Но, по-моему, где-то до половины так Подгорной. Может,

оттого про покойников и написано на той стене-то, что докопались до покойников. Кто их знает. Ведь сейчас так-то, так-то тоже не кладбище. Ну, центральный парк это же тоже кладбище.

– *Да? Я и не знала.*

– Иерусалимское, вот. Эти красивы памятники вывезли в Лисиху туда. Здесь какие памятники-то были! А какие склепы красивые были! Вот. Что там тройка лошадей могла пройти. Вот по этому подземному ходу. А дальше было все завалено. И там уж рыться не стали. Здесь только стоит памятник одному Загоскину. Ну, ему портрет сейчас сделали и так такой вот. Вот в Иерусалимском. А вот рядом, где с той стороны сейчас там? Это зоопарк или как? Лось, говорят, есть. Еще что-то. Вот с той стороны, да. А вот где теперь это здание, это было райком комсомола… Октябрьского. Так вот на этом месте и вот от кинотеатра «Мир»… А место есть, нет… сейчас нет у кинотеатра, я не знаю.

– *Но я не слышала.*

– Кукольный театр, по-моему, теперь, а был кинотеатр «Мир». Здесь было еврейское кладбище. Оно к русскому так было. Но у них русское уже было заброшено. А у них довольно добротное. И у них сторож жил в таком хорошем доме. Такой. Двери, эти ворота… железные. А когда все это разрушили, еврейское кладбище. Вернее, забор, заборы такие же были. Вот. То это, мы туда бегали. У них такие красивые склепы были. Очень красивые. Не знаю, шили золотом или бронзой. Все это сверху донизу, как одеялами, окутанные и в два-то ряда… В общем, очень красивые. Куда этот склеп? Ну, наверное, они увезли на свое кладбище туда. На Лисихинское. А тут вот построили театр «Мир». Дальше. Вот как раз отсюда, как от парка, где этот театр, до Советской – это все было Еврейское кладбище. Оно примыкало к нашему, к Иерусалимскому. А вот в каком же году? По-моему, сороковой или сорок первый. Где стоят эээ... Памятник борцам революции. С пулеметом. Но почему-то его стали красить. Это был камень. Красная такая глыба. В сороковом году, по-моему. Там похоронен даже председатель Иркутска. Я все хочу посмотреть, так, для себя, вот как бы в том углу, потому что мы тогда через этот эээ... парк, он был деревянным, досками так еще оббитый, ходили к девятой школе. Там знакомые жили. И в это время были похороны. И когда мы подошли, то сказали, что там, по-моему, председатель. И там уже, когда там жили на Подгорной, мы часто, теперь уже бабушками, девчонками бегали смотреть. Такая плита была. Еще в сороковом году, значит, его хоронили. Ну а теперь уже шестьдесят, семьдесят лет. Но все-таки там летчик погиб, который летел через… куда-то, когда пропеллер

ставят, когда одну тумбочку ставят, без конца меняют, меняют, меняют. А вот этот камень покрасили. Он крашеный. И этих Каландарашвили с пулеметом и, по-моему, три или четыре около его бойца тоже все выкрашенные.

– *Да, я видела*.

– Ну, там могилки. А кто там уж остается, неизвестно. Ну а сейчас парк уже забором обносится. Вот много-много в Иркутске. Ну, куда ехать с Иркутска-то?! Москву я не люблю.

– *А где-нибудь были вы еще, кроме Иркутска?*

– Была. В Москве была. Мне посчастливилось. Видела Мавзолей Ленина и Сталина в пятьдесят шестом году. И, между прочим, на май Сталина вынесли. Стоял уже-то большой портрет Ленина и Маркса. А тетка говорила, что, вроде, ну, что там, ну, наверное, там же… туда не впускали-то, что в три часа. Ну, тогда давали такие билетики. Ленин, Сталин был. А теперь, наверное, Ленина вынесут.

– *Да, все спорят.*

– Нет. Я в какой-то газете, вот Саша тоже вырезку, не помню в каком городе, но тоже у нас же. Неразумные все-таки. Это наше поколение таких вырастило детей. Налогом обложили, землю под Ленина… В каком-то городе, я не помню. Сейчас же кругом налоги. Такой заголовок – «Ленина обложили налогом». Стоял, стоял, стоял, слава богу. Это сколько? Восемьдесят лес. С двадцать четвертого года, да. А теперь понадобилась земля, значит? Денег у государства нет, так хоть с кого-то брать налог надо. С кого брать-то?

– *А вот Иркутск вот он какой по сравнению с другими городами?*

– Иркутск… А с другими городами я не знаю. Мне нравится город Ангарск. Он чистый, он молодой, где-то с пятидесятых годов. Молодой город. Он чистый. Наш город стал грязный. Грязный. Жалко его. А почему он грязный? Я не знаю. Почему молодежь-то такая неблагодарная? Ведь это же, я не знаю, намусорят, убирают дворники. Вот она приходит в четыре, в пять утра. Вот тут вот. Ну, посидели, стоят, мусорят. Ну, бросайте вы вон в мусор. Ну, хорошо, можно в мешке оставить. Ну почему все кругом раскидывать-то? это еще в центре так, а подальше-то ведь город грязный. Город-то грязный стал. Раньше вот эта большая, я не знаю, докуда Ленина, и была выложена такими чурбашками деревянными. А я что-то не помню, что в войну машин-то совсем, видно, мало. После войны… И когда их меняли, ну, когда меняли, ну, наверное, после войны, то положили такие булыжники. Может, до войны. А товар возили на лошадях. Это, значит, с той стороны на лошадях возили эти в ящиках, запомнилось, чай. А мы отдирали эти золотинки. Это сейчас много. Отдирали эти золотинки, бегали. Ну, еще, видно, всякие

товары. Лошади тяжеловесы такие, ноги у них лохматые. А где подцепимся и прокатимся, вот. И потом у них же эти, копыта-то, подковы, подковы. По камням катятся эти булыжники. Почему я думаю, что это в первые годы войны, потому что мы эти булыжники собирали домой. Капусту солили. Бочки большие, придавливать надо было капусту. Бабушка была жива. Умерла она в первый год войны. Почему я и говорю, что это, значит, перед войной. И кто-то же придумывал. Наверное, с Ангары же эти камни большие навозили. Потом эти камни убрали. Так. Эти камни убрали. И тогда чего было? Долго они, стало быть, были. Стали асфальтировать. А! Трамвайная линия-то у нас в каком? Сорок седьмом году. Мы же ходили на воскресник, школьники. В сорок седьмом. Отец в сорок восьмом приехал. Значит, до него пустили трамвай. Работали на этих линиях японцы. Проводили все это. Значит, черная работа. И, как обычно, школьники помогали. Школьники, студенты. В колхоз тоже школьники, студенты. Учились с октября. И вот это лошадей все жалели. Вот наши бабушки там, кто был… что эти бедные лошади. Искры летят из-под копыт. А эти камни, значит, были, а до этого деревянное было. А, вот, что хочу сказать. Когда вот мы жили на Подгорной, и там эти японцы прокладывали дорогу-то, а у моей приятельницы, подружки, царство небесное, у них была корова. И вот один японец поднялся и попросил воды. Ну, вот так вот подумать, посидеть, еще что-то вспомнится.

– Я хотела спросить, есть любимое место в городе?

– В городе любимое место все-таки есть и остается Иерусалимское кладбище. Там где-то с двенадцати лет. Там, как… Сейчас, ой, я проезжала мимо. Там же деревья-то убрали. Все поспилено. Поспилено. Там теперь пусто. Хотя туда еще приходят люди. Вот, наверное, родительский день был, наверняка, где-то на могилках, хоть все разровнено, цветочки да лежат. До сих пор еще кто-то остался. И… этот остров. Конный остров, как его зовут. Конный остров. Хоть там сейчас и эти, как сказать? Кафе, кафе и прочее. Все-таки когда мы и пешком переходили, но тогда Ангара была, ну, как сказать, не выбранная. Снизу-то гравий-то… ведь это же с Ангары снизу возят. Там очень глубоко сейчас. Туда не дай бог попасть. Там и воронка может быть.

Интервью с Галиной Михайловной Костромитиновой (1933 год рождения)

– Итак, где вы родились?

– Так, родилась я в Усолье Иркутской области, вот, там работали у меня папа и мама. Папа, он работал секретарем райкома, а мама была врачом, по-моему, при сользаводе. Вот они после этого перебрались: папу направили в Нерчинск, там мы немножко пожили и затем перевелись в Читу. Вот. Папа в Чите поработал немножко, ну и его, как многих тогда в свое время работников партийных, забрали. Потом мы с ним с тридцать девятого года не виделись, вот, его, правда, не расстреляли, как многих, но сослали, и в сорок шестом го… сорок седьмом году он умер от туберкулеза легких. Вот это что о папе. Мама в Чите проработала всю жизнь практически после этого. При этом она очень волновалась, что ее тоже могут забрать, как тогда многих забирали жен, вот. Но ей тогда сразу же сказали, из облоно позвонили и сказали, что продолжайте работать. Она была зав детской поликлиникой. Ну вот так и проработала детским врачом в Чите. Работала вначале просто детским врачом, потом открыла больницу, была заведующей детской еще больницей дополнительно, а потом, в сорок четвертом году, ее отправили в Москву, так как в Чите было очень… в Читинской области было очень много туберкулеза. Ну это ничего. Вот-то ее отправили в Москву учиться на фтизиатра детского, она вот закончила там курсы, приехала и организовала кабинет фтизиатрии детской, педиатрии… фтизиатрии и проработала до пенсии там. Работала вначале при детской поликлинике, а потом при областном тубдиспансере заведовала детским как раз отделом. Открыла детский санаторий туберкулезный и тоже там заведовала еще, кроме того что вела занятия, и последние годы она так работала зав метод кабинетом по детскому туберкулезу, вот. Немножко, когда открыли мединститут, она немножко даже читала первое время, там у них не все были врачи, и она немножко читала, немножко о детском туберкулезе.

– А как вы в Иркутск попали?

– Вот после, так как мы закончили с сестрой, обе учились в Чите, то после окончания у нас там был только пединститут в то время, вот, и поэтому мы обе поехали в Иркутск, тем более что у нас здесь вся наша родня живет, все мамины братья-сестры – все здесь, в Иркутске. И мы с ней поехали: вначале я первый год, в

пятьдесят втором году, приехала, в пятьдесят третьем приехала сюда сестра. Вот я поступила на химический факультет госуниверситета, а сестра на следующий год поступила на математический, вот. Здесь мы обе закончили, сестра осталась сразу же работать здесь, в университете, на кафедре математики ассистентом, преподавала. А я уехала в Читу, так как я здесь болела сильно и мне надо было с мамой жить, вот, и в Чите я проработала три года в мединституте, преподавала химию – аналитическую химию и физхимию еще, отдельные растворы были, вот. Ну а после этого я уже приехала сюда. Через три года я приехала сюда, и меня пригласили на кафедру аналитической химии – вот сюда, в госуниверситет. Это еще у нас был старый корпус, вот, и я туда, значит, поступила в аспирантуру. Но, к сожалению, по своей болезни я так ее и не закончила, но проработала после этого сорок лет на кафедре… при кафедре аналитической химии в химических лабораториях. Вот у нас был институт физико-химической… хим… вначале был, потом у нас стал институт нефтеуглехимический, семьдесят второй год, вот я там и работала, но большую часть я, конечно, проводила на кафедре аналитической химии, значит, все мои работы шли по кафедре аналитической химии. То есть я работала вместе с ними по их тематике, вот. Ну что тут еще сказать? Значит, по моим работам, конечно, есть и статьи, есть авторские свидетельства. Вот у меня направления были… Вначале… Первое у меня в Чите… у меня… я работала по йоду и фтору, и у меня за три года… у меня вышло две статьи в Чите по содержанию йода и фтора, в Чите и затем в городе Балее. Вот. И вот я как раз выступала на конференции в Улан-Удэ, и там были представители кафедры аналитической химии – вот меня вот после этого они и пригласили к себе, чтоб я продолжила. У нас здесь другая одна работала тоже по йоду и фтору наша преподавательница, мы ее очень любили в свое время, – Ирина Ревокатовна. И вот она после этого вот как раз защитилась по этому по… и своему, и использовала даже немножко мой материал, я ей это… Мы же тогда работали по читинским озерам еще, и потом ей было интересно сравнить с городами, вот.

– А почему вы выбрали именно этот университет?

– Университет… ну, видите, в чем дело. Во-первых, в свое время мама, когда здесь она жила, здесь, в Иркутске (она иркутянка, и вот все наши родственники иркутяне), вот она – как раз его открыли в восемнадцатом году – ну а она поступала где-то… уже закончила в двадцатые года, и она поступила в университет на мединститут. Там было меньше, конечно, факультетов. Она поступила в мединститут, ну, правда, заканчивала она уже мединститут, их в

тридцатом году отделили, и она последний год училась уже в мединституте. Ну и потом, конечно, у нас, ну что, самый престижный, по-моему. Это заведение, оно, по-моему, и сейчас еще таким же числится, несмотря на такое обилие всяких дополнительных университетов, я считаю, что это все-таки самый такой у нас университет, самый престижный в Иркутске.

– Когда вы приехали в Иркутск, вы помните, какие у вас впечатления были о городе?

– Ну видите, в чем дело – что я в Иркутске уже до этого была, с бабушкой сюда приезжала. Во-первых, тогда она нас сюда привозила, мы еще были маленькие с сестрой, в тридцать девятом году. И затем я с ней приезжала сюда в сорок седьмом году. Поэтому я, конечно, уже Иркутск помню немножечко с тех времен. Потом я приезжала сюда с экскурсией: нас посылали, лучших учеников школы, сюда прислали – в Иркутск и на Байкал, это уже был девятый класс. После девятого класса вот я сюда приезжала, ну и, конечно, мне очень хотелось сюда: по сравнению с Читой это было прямо… очень такой большой-большой город казался, хотя, несмотря на все, я, конечно, Читу очень люблю. Она меньше, но она как-то в котловинке: кругом горы, и весной всегда они покрывались раньше багульником – не знаю, как сейчас, – и было так красиво. Вот, ну а тут мне очень нравится, и, конечно, тут… ну и потом, я говорю, что это родной как-то город, вот. Я вот… мы сюда приезжали вот, по-моему, даже остальные как-то так вот, может, а я вот всем показывала, потому что я уже была перед этим, и я могла где-то куда-то сводить, вот. Еще перед этим, как раз года за два, за три, нет, даже больше, потому что приезжала с бабушкой, а она меня водила по всему городу, она мне показывала, где у нас кто жил. У нас же вот сейчас… я, конечно, когда занялась родословной нашей, я сейчас могу точно сказать, кто где как жил, а тогда бабушка меня тоже провела по всем этим местам, но это было, как говорится, не совсем подтверждено: это просто были бабушкины рассказы, вот. Она вот показала дом на улице Сурикова – большой дом по тем временам это, конечно, был, по-моему, двух- или трехэтажный… двух-, кажется, этажный. Это был дом купцов Сизых, а наша фамилия Сизых все-таки по линии маминой, мама Сизых была. Вот она сказала, что это дед… дом наших предков, это прадеда, нашего прадеда дом был, вот который… они в дальнейшем… я сейчас точно не могу, по-моему, в тысяча семьсот… восемьсот, по-моему, восьмом году продали русско-американской компании – такая, помните, была? Вот, правда, Шелехова в то время не было, он уже умер, но они тоже состояли в команде Шелехова и строили,

по-моему, дом даже с помощью вот этой команды, ну, с помощью этой русско-американской компании они этот дом… И вот в дальнейшем они этот дом продали – вот бабушка мне показывала этот дом, я его видела. Никто, между прочим, из нашей родни, которая даже жила здесь, в Иркутске, не знали об этом. Как-то вот, ну, им никто не рассказывал – это бабушка знала, а уже более старшее поколение уже не знали… это младшее, наоборот, младшее поколение уже как-то не знали или, может, не придавали значения. В то же время как-то было не так уж важно, кто там были твои предки – все это вот в последние годы, уже лет двадцать так, стали люди задумываться все-таки, а кто и что, откуда ты пришел, правильно? Я, наверное, не по порядку иду?

– А… ну вот ваше студенчество, вы здесь провели все свои студенческие годы? И как отмечала молодежь праздники?

– Ой, вы знаете, это было просто исключительно – вот я вот до сих пор вспоминаю все демонстрации, вы знаете. Вот я не знаю, как, почему, вот как-то сейчас относятся как-то вот, что демонстрация – это что-то не очень хорошее, а раньше это, вы знаете, это как-то нас поднимало, собирало всех вот так: мы знали свой курс, ну, свой факультет, а тут мы собирались всем университетом, вот, собирались в колонны… других институтов, и вот мы пока стояли, пока ждали, чтоб пройти, мы ведь оббегали все, со всеми встречались. Вот у меня много было друзей: моя подружка поступала в мед, поступила в мединститут. Даже муж сейчас, когда он учился в горнометаллургическом институте, да, с ними мы… они тоже бежали все нас искать, вот потому что мы были… он тоже всегда был в нашей компании, и мы всегда все-все собирались. Тогда же вот, говорю, в самом университете… вот я нечасто виделась со своими одноклассниками, которые учились на других факультетах, потому что мы в разное время учились: в одном корпусе же тогда было все было, и поэтому мы не всегда встречались. Ну вот на историческом, на филологическом учились мои, на юридическом – это все были мои одноклассницы, нас сюда приехало несколько человек, и только вот одна со мной вместе вот училась на химфаке моя подружка. Мы с ней так дружили со школы, и мы так с ней вместе учились на химфаке, вот. Ну… а… и вот эти вот демонстрации, они, конечно, очень много нам давали, и взять… Ну, я говорю, вот недавно меня попросили найти какие-то песни, и я просмотрела пятнадцать… у меня сборников стихов, и столько я там нашла песен, которые мы тогда пели, и вот знаете, просто я с таким удовольствием их снова все перечитывала. Я вот сама одна не пою так вот, но, когда вот мы все собирались, то, конечно… у меня вот даже

есть фотографии – там, где вот, например, мы стоим под аркой перед нашим… вот все… химический факультет написано или где госуниверситет написано, и мы там тоже стоим. И фотографировались вот, а потом у нас раньше было очень много своих вечеров: у нас были курсовые вечера, чего, по-моему… даже групповые были вечера, курсовые были, и бывали факультетские. Ну вот у нас есть один факультетский вечер, вы слышали, наверно, о нем, да?, «Химик» называется. Вот вы знаете, он же до сих пор… он нынче отметил свое шестидесятилетие, вот в прошлом году, в декабре, – он всегда бывает перед Новым годом. Это ведь ведется эта традиция еще с конца сороковых годов – уже практически никого из того времени не осталось из преподавателей, кто создавал этот вечер, и вот он идет, вот вы представляете, как?

– А что вы на этих вечерах делали?

– На этих вечерах, во-первых, каждый курс, это что было раньше, каждый курс готовит свой сюрприз, то есть какое-то свое выступление на жизнь факультета, или курса, или в целом университета – раньше можно было и целого университета, потому что мы были в одном корпусе. Сейчас, конечно, это чаще всего бывает, где выступают, о своем курсе что-нибудь или о своем здании. Вот у нас одно время оно было немножко в плохом состоянии, наше здание, и вот вечно его критиковали это все эти курсы. Ну и там выступают преподаватели тоже – вот я нынче была в декабре месяце, я была на этом шестидесятом вечере химиков, и, вы знаете, я была в восторге: так хорошо было поставлено все. Вот раньше у нас это проходило все в старом здании университета, у нас там был большой зал – это семидесятая аудитория была. Одно время даже у нас это было с такими, как говорится, ну, с небольшими чаепитиями. Значит, на третьем этаже выставлялись столы во всю длину коридора (там большие коридоры, широкие), и бывало такое, значит, после выступления и там, значит, между где-то танцами и этим, значит, у нас было еще чаепитие, вот. Ну вот даже я могу про это, и у нас обязательный вот за все выступления… у нас обязательно призы, и вот этот приз, вы представляете, приз – коробка мандаринов – сохранилась до сих пор за первое место. Вот наш курс в свое время два раза выигрывал; один раз мы, правда, мы были на третьем курсе, и был еще пятый курс, и вот нам разделили первое и второе место, значит, между нами как раз разделили оба эти места, и, значит, мы поделили как с пятым курсом: нам за остроумие, а им за красоту. У нас было что-то такое… немножко именно о собрании что-то студентов такое, что-то мы выступали обо всех наших преподавателях… такое, а у них была типа

шахматной игры – тогда такие красивые костюмы были, это было вот. И второй раз на пятом курсе тоже получили первое наш курс, вот. Ну вот если сказать о нашем курсе, то это вообще был исключительный… вы знаете, мы до сих пор встречаемся. Вот когда… года уже, наверное, два года тому назад это было, сейчас, скажу сейчас, у нас какой? Девяносто… то есть в две тысячи седьмом году мы отметили пятидесятилетие окончания, то есть мы через пять лет встречаемся. Каждые пять лет наш курс встречается. У нас встреча всегда запланирована, это уже днем, где-нибудь часа в два, около первого корпуса университета, потому что мы кончали там, ну а потом куда-нибудь идем. Всякое у нас бывает… бывало. Иногда мы у кого-нибудь… у кого-нибудь дома могли встретиться, иногда вот мы с… я и Григорий Шпейзер, это у нас он до сих пор еще работает, у нас он завлабораторией, вот, и мы с ним вместе в свое время работали в ИНУСе при… у него при химическом факультете… договаривались, там была турбаза по Байкальскому тракту, недалеко от Патрон, шикарно это… Раньше там была лаборатория, у нас был преподаватель, он был одно время даже ректором нашего университета, Бочкарев, он по гидрохимии работал, он там изучал Байкал, изучал Ангару… его работы, вот, и у него была большая лаборатория там, и потом из этого здания вот сделали, ну, типа небольшой такой турбазы. И вот мы два года подряд, две встречи подряд где-то вот так через пять лет собирались там – там очень хорошо было, конечно, на берегу, представляете, залива, вот. Один раз мы собирались здесь, в ИОХе, – тоже хорошо было, там тоже у них хороший нам предоставили тут зал и все. Значит, тоже мы собирались курсом, а последний раз мы собирались… около первого корпуса есть, по-моему, какое-то маленькое кафе летнее – по-моему, «У НЛО» или что-то такое… или «Я жду НЛО», вот так как-то… вот мы там встречались, то есть собрались, посидели там хорошо до вечера, потом прошлись по Ангаре по набережной… В этом отношении, конечно, у нас курс, может быть, ну, не единственный, потому что есть еще курсы, которые собираются, но, я считаю, что очень хороший в этом отношении курс.

– А скажите, вы помните, как выглядел город во время праздников? Ну, украшения там, что-нибудь.

– Ну, во время праздников, как всегда, конечно, кругом флаги. Тогда было очень мало, конечно, шаров – этого почти не было в наше время, но в целом было, делали мы сами… делали всякие, знаете, веточки, украшали: и цветами делали, и делали просто какие-нибудь на них… делали ленточки такие цветные. Иногда, если не было цветной бумаги, даже раскрашивали их, все это. Ну, ко-

нечно, это было очень приятно: все какие-то такие были в приподнятом настроении, вот я говорю, вот так вот, и оркестр. Что мне нравилось, так это обилие оркестров. Сейчас же ведь оркестр практически не услышишь нигде, а раньше, вот представляете, играет оркестр: у того института играет, у того института играет, – и всегда танцы, потому что, пока все ждут, немножко пройдем – опять остановились, опять потанцевали, походили, все это вот. Мне это очень нравилось, вот мы даже с мужем иногда вспоминаем это, вот. Значит, в одно время мы заканчивали с ним.

– Вот вы знаете, что в центре города очень много деревянных домов. Вот вы как думаете – это своеобразие города или они нарушают общую картину?

– Ну, к сожалению, их сейчас становится все меньше и меньше, но мне кажется, что это вообще-то создавало и создает сейчас, где есть возможность, такую несколько своеобразную красоту. Вот недавно как раз тоже показывали Томск – там очень много было шикарных купеческих домов, особняков – и вот тоже говорят: землю скупают, сносят эти… и вот сейчас, правда, стали подавать жалобы в томское управление там это, в мэрию, чтобы все-таки этого не делали. Я думаю, что и у нас тоже очень жалко, когда сносят, вот, но, с другой стороны, есть и дома, которые, конечно, уже только портят вид города. Вот вы знаете, едешь вот по Седова, да, и как-то вот – мы вот жили на Седова, когда вот я вышла замуж, муж там жил – и смотришь: некоторые дома уже такие, уже они прямо почти окнами вросли в землю. То же самое вот на Дзержинского, даже быстрее, на Тимирязева, на Дзержинского и так уже много снесли, вот. Но, с другой стороны, очень жаль, потому что, например, я до сих пор не могу, мне так жаль: у нас была в свое время усадьба нашего прадеда на Киевской – это от Дзержинского второй дом как бы так получается. Вот, и мы там, вот когда учились, мы там жили, там жила, оставалась в этом доме. Правда, уже не в полном, конечно, доме, а ей там оставили, по-моему, две или три… две комнатки – это мамина сестра младшая. Значит, в свое время прабабушка наша в тридцать, по-моему, втором году дом этот сдала городу. И вот была эта у них большая усадьба, там у них было… и, как говорится, и каретное было, и для лошадей было там все, и домик был для прислуги – он так оставался, этот домик, долго оставался там. И этот дом был очень довольно-таки в таком хорошем состоянии, но какая-то организация решила там строить дом. При этом рядом был шикарный дом двухэтажный деревянный через забор. Вот, а тут главное, очень было жаль сад. Прабабушка у нас когда-то там, когда они строили эту усадьбу, посадила

все деревья, которые есть вокруг Иркутска, она все деревья высадила там. И вот там был садик один прямо за домом, и у нас был из большой комнаты выход в сад в этот, дверь. Конечно, было чудесно: мы там всегда занимались весной, когда готовились к экзаменам, там лавочки стояли и все это. Ну а… тут все это, конечно, снесли, и вот там были еще где ворота когда и около ворот въезд был, были посажены два тополя – одно в честь рождения нашей мамы, а одно в честь рождения маминого брата, и в центре был посажен один тоже тополь, ну, это видно из тех, которые выжили, маминого второго брата. Вот интересно, вот эти два тополя, они так и росли вверх как бы, а тот где-то раз вскоре разделился на две, и вот, значит, он как-то вот, мамин этот брат, он именно был и сюда ближе, к этой родне, и вынужден был подчиняться той родне… своей жены родне. Как-то вот, знаете, даже такое символическое – это интересно очень. Вот, и вот тополя эти сохранились: во дворе остался вот этот тополь моего дяди Ростика, и вот мамин, и дяди Володи тополя – они еще так растут там, правда, и другие тополя их уже догнали, которые стали большими, но все равно, если подойти вот поближе – и увидишь, что эти более толстые, это более ранние тополя, вот. Ну, и конечно, там была еще вот до две тысячи седьмого года… вот раньше там была каретная, а наверху там был этот сеновал – и вот это здание сохранилось. Все снесли: дом снесли, маленький дом снесли, потом там остальные все эти постройки там, ну, их там много, построек всяких таких. Ну вот, все снесли, а из этого сделали жилой дом, из этого помещения – оно большое, двухэтажненькое зданьице такое, и вот оно сохранилось. И вот я очень жалею, что мы не сфотографировали дом в свое время, хотя вообще-то кто-то говорит, что его же фотографировали, когда были молодыми мы, а вот это вот здание я сфотографировала, успела, пока там еще шла стройка, его еще не снесли, успела сфотографировать я – у нас осталась такая вот фотография. Это все-таки вот память об усадьбе именно нашего прадеда, вот, и вот этот тополь я сфотографировала, который тут, во дворе. И мне, конечно, вот это вот немножко жаль, хотя, может быть, и не очень он бы выглядел сейчас, кто знает? У него выходили, по-моему, три или четыре окна на улицу, но… мне очень жаль вот тот дом, который стоял здесь следом за нами. Это был шикарный дом, конечно. Сейчас он стоит во дворе, его перенесли просто во двор, когда строили этот обычный, вот это блочное здание. И вида, конечно, никакого, все эти блочные здания. Вот сейчас строят, может быть, и симпатичные дома, вот едешь когда вот на трамвае там, да, от рынка – там целые улицы застройки новые, они более-менее так

уже оригинальны, а это, эти обычные все наши блочные дома – ну что, они ничего, конечно, не дают. Поэтому жаль, конечно, бывает… не знаю, вот сейчас будут делать съезд с моста, будут уничтожать улицу Третьего Июля – там, наверное, будут сносить все эти дома, потому что там должна быть большая развилка, вот. Ну вот мне, конечно, уже сейчас это не так важно, но там когда-то был дом вот на углу Красной, по-моему, Казак… по-моему, улица, да, она сейчас называется, улица, по-другому как-то… нет, это вот улица Третьего Июля – это, когда Ленина расщепляется на две улицы – на Седова и на Третьего Июля, – вот здесь угол будет, да, вот она, по-моему, сейчас называется Красного Восстания, по-моему, улица, вот, а там вот, где мединститут, здание мединститута, а напротив было здание… так вот тут было, была усадьба нашего прадеда. Но ее давно очень снесли, и вот я ее в сорок седьмом году, когда мы с бабушкой здесь были, бабушка мне ее показывала тоже, ну показывала, то здание это показывала, потом показывала она еще одно здание на Третьего Июля, где жил его брат тоже, вот. А работал наш вот прадед… он вначале работал в типографии Синицына – здесь был такой, у него была большая тогда типография, а потом, когда он решил оставить свое дело, он часть, значит, дела своего передал нашему прадеду. И у него была типография. Ну и там даже, по-моему, по-моему, было два или три отдела, там книжный еще отдел – за «Гигантом» здание было, двухэтажное было здание. Потом вот его… и вот оно очень долго было там, и вот даже мой брат двоюродный, он, когда был школьником, они жили не так далеко от этого места, они жили на Пролетарской, и он говорит: я, говорит, вот запомнил, что когда ходил там в «Гигант» там дворами, то там на двери… еще, говорит, даже было видно эту… висела «Типография А. А. Сизых» – это наша. Заведовала типографией его жена, Анна Александровна Сизых, по мужу, значит, она, а он… как бы она была владелицей этой типографии, а он был издателем в этой типографии, вот, издателем и распространителем. Ну, я этого уже не видела, конечно, сама, когда вот я приехала сюда, я как-то не видела это, не помню это совсем уже на дверях таблички этой, а вот братишка вот это помнит, хотя он нас младше, но он жил здесь, он поэтому, конечно, он бегал там, его, может быть, поразило, что Сизых – он сам Сизых. Вот поэтому, может быть, он, даже не зная тогда еще вначале, что это дом нашего прадеда, его просто поразило это. Вот, и… потом это здание, тоже его немножко разобрали, и сейчас там, по-моему, трехэтажное сделали большое здание вот на основе того здания – у меня вот есть уже… ну, когда оно было тоже вот опять-таки… у нас не оста-

лось фотографий его до этого, а мы уже его сфотографировали, когда оно уже… его стали разбирать, и так пустые окна. А сейчас надо сфотографировать, это, конечно, уже трехэтажное это новое здание, которое построили, но основа-то все равно осталась та же самая у этого здания. Вот видите, сколько мест связаны здесь, в Иркутске… нет, у нас вот так, где вот снесли нашу усадьбу, там сейчас живет в этом панельном доме моя двоюродная сестра, потому что их оттуда выселили тогда оттуда – и потом им дали квартиру там, когда дом построили, им дали квартиру. Вот так и живет, там жили ее родители, вот мамина сестра с мужем, а сейчас она там живет, сестренка. Ну вот вообще, говорю, мест вот у меня, связанных с Иркутском, очень много, я вот даже отмечала вот: вот написала тогда я статью, а потом спохватилась, что я, оказывается, многого еще там не указала, где что. Я там, по-моему, только в основном указала улицу Карла Маркса и Ленина, вот, и вот там вот, конечно, интересно, где кто что работал из нашей родни, кто где учился вот… и взяла еще, по-моему, набережную. Но я вот не помню, набережную я полностью указала или нет. Тогда надо посмотреть как-то эту статью внимательнее, и указала ли там, ну, где-то, конечно, я дописала, что у меня в университете отдельная статья, потому что чем университет этот характери… здание университета… у нас там училось и работало шесть поколений в нашей родне. Вы представляете, шесть поколений! Вот где-то еще в тысяча восемьсот девяностых годах там учились две наши родственницы: вот бабушка моего мужа, они в институте благородных девиц учились – и она, и училась еще… одна наша родня была, был здесь, в Иркутске, врач Бессонов очень знаменитый в свое время, такой врач был, и его… жена вторая, Анна, как-то ее, забыла отчество, Лейбович, – она тоже училась в свое время здесь, а сам Бессонов одно время работал как бы, ну, одним из врачей в этом институте, и вот тогда вот Анна Лейбович как раз влюбилась в него, потому что он, значит, был импозантным таким мужчиной, и вот она влюбилась, и через много лет она вышла за него замуж, когда у него умерла первая жена, она вышла за него замуж. И, ну, она вот воспитывала как своих детей, так и его детей от первой жены, она, конечно, была такая исключительная женщина, вот. А сейчас мы очень дружим с его внучкой, с Натальей Николаевной Михайловой, вот. При этом мы с ней, вы знаете, вот когда я была маленькой, когда в тридцать девятом, потом в сорок седьмом году бабушка меня водила к ним в гости, в тридцать девятом я еще помню самого Бессонова Николай Николаевича, такого… они жили на Дзержинского, они снимали там дом в свое время, ну, потом их потес-

нили, когда мы были, их, конечно, потеснили в этом доме… вот Дзержинского тридцать семь – это здание до сих пор еще стоит, очень симпатичное здание, там вот они… и это, я вот помню его: большой такой, с бородой, дедушка такой, очень интересный дедушка, тем более, у нас как-то дедушек не было, рано умерли, а тут, значит, дедушка. Я вот помню: он меня на коленях держал, а почему-то сестренка побоялась сесть ему на колени. А второй раз, когда мы были, его уже не было, но вот с его женой мы, конечно, виделись тогда. И потом вот позже, когда я уже жила здесь и мама сюда перебралась, мы пошли к ним в гости, потому что все-таки это она наша родня: вот бабушка наша и вот бабушка Наташи – они какие-то сестры были, мы до сих пор еще не можем установить, или двоюродные, или троюродные – мы не можем установить еще, хотя и она занимается родословием, и я занимаюсь родословием, но… И она это помнит, что ее бабушка всегда говорила: вот моя сестра была, и моя бабушка говорила, что к моей сестре пойдем, но как-то мы в то время не вдавались же в подробности вот, и вот Наташа помнит, что она такие имена вот… всегда упоминала Сабинка вот, Ростик вот это, Мария – это Сабина, это мама наша, Ростик – это мой дядя, и Мария – это моя тетя, о них чаще там вспоминала. Вот Наташа запомнила эти имена даже с детства, представляете? Вот, ну и я узнала, что там были, и вот мы с мамой пошли, а они уже переехали, и мы потерялись тогда вот так, и вот совершенно, вы знаете, неожиданно – это было, по-моему, в декабре две тысячи третьего года – моя двоюродная сестра, она занималась родословием, Марина Ростиславовна Сизых, она занялась после выхода на пенсию родословием и была на заседании, и вот пришла новая какая-то женщина, и что-то вот так упомянула, и, значит, что она Михайлова, и все… и мы как-то, ни Марина, ни… и упомянула, что я, говорит, что могу рассказать о своем деде Бессонове… Марина говорит: ой, а кто это такой, а какое отношение вы к нему… а Марина, оказывается, училась вместе с ее братом Володей Бессоновым, и вот она, ну, они разговорились – и так мы встретились снова с этой нашей родней, вы представляете, какие бывают случаи интересные – и вот мы до сих пор вот так с Наташей и дружим, и ходим вместе с ней на заседания родословия, потому что Маринка умерла, и она… вот как бы я переняла у нее, я вот до этого не занималась этим сильно, а тут я просто продолжила ее работу. Ну и вот, конечно, я стараюсь все подобрать, кто что кому… ну, у нас большая, очень большая родня. Здесь у нас вот, если по мужу, это у нас здесь Черных, и Черепановы еще здесь иркутяне тоже, ну а вот у нас, у нас основные фамилии тут Костро-

митиновы тоже, Сизых наши, Черкашенины – это все наши все иркутские фамилии. Вернее, Костромитиновы – нельзя сказать, что… они из Канска, это мы уже установили, все, мы писали с Наташей в Канск, потому что у нее тоже… у нее бабушка из Канска, и, наверное, там вот, наверное, наши линии переплетаются, ну это надо ехать самим работать в этом. Ну ни она, ни я, конечно, уже не в состоянии ехать, а… пишут мало очень, и дорого. Из архивов ну вот нам, правда, прислали, вот прислали о нашем прадеде и о его детях, о нашей прабабушке и ее братьях – когда они родились, что все это… у нас есть, как говорится, его жена, все вот это прислали из архива, и то ладно. Вот.

– Скажите, а что вы думаете по поводу того, что сейчас переименовывают улицы? Ну вот, например, Ленина хотят в Амурскую переименовать.

– Вы знаете, я не знаю даже, как к этому отнестись: мы, с одной стороны, привыкли к этим названиям уже, да, мы выросли на них, правильно? Но, с другой стороны, мы между собой часто называли их старыми именами. Вот, например, Карла Маркса – мы еще в студенческие годы говорили: пойдем побродим по Большой. Вот вы знаете, вот в наши годы даже мы так говорили: пойдем побродим по Большой; там собирались все институтские, гуляли всегда по этой улице – мы так и говорили, вот. Амурскую… ну тоже как-то я привыкла от бабушки, понимаете, у нас, конечно, очень много бабушкиного. Мы жили в Чите, и бабушка жила с нами – почему у нас наши родственники, которые жили здесь, в Иркутске, меньше знали и о нашей родне обо всей, и как-то вот где что расположено, где кто жил, они знали меньше, чем мы с сестрой знали, будучи в Чите. Значит, нам бабушка все время об этом рассказывала, и, конечно, она говорила Амурская, Нижняя Амурская, потому что там жили… жил ее… родители ее мужа, и она там, значит, одно время жила нем… правда, немножко совсем, но, во всяком случае… вот у нас есть бабушкино приглашение после венчания, они венчались в Крестовоздвиженской церкви, и вот у нас есть такая маленькая эта, ну, бумажечка, которые они рассылали с приглашением после венчания на чай – как раз на Нижнюю Амурскую, вот. Потом они больше-то, конечно, жили они на… там, конечно, много, большая семья была у бабушкиного мужа: у него было, по-моему, пять братьев еще, – а бабушка была одна, и поэтому, конечно, там они жили потом на… в то время на Солдатской, и вот мы тоже эту улицу как-то… ну Солдатская, Красноармейская мы ее тоже привыкли, хотя при нас ее переименовали в Киевскую, вот, ну мы так и как-то до сих пор считаем: Первая Красноармей-

ская, Вторая, Третья, – и вот даже в разговоре до сих пор так они у нас идут – правда, не Солдатские, но Красноармейские, вот. И у нас тоже родня еще тоже живет, тоже наша одна, она жила на Пятой Красноармейской, вот она сейчас живет рядом с гостиницей «Ангара», но мы всегда, когда с ней разговариваем, она говорит: вот у нас на Пятой Красноармейской, она не говорит, что это на Богдана Хмельницкого, она говорила: вот приходил тот-то туда приходил, и всегда упоминает Красноармейскую… видите, это очень такое сложное, конечно, понятие – отношение к названию, вот. Ну а то же самое, а взять вот Дзержинского. Какой ее назвать – или Арсенальной, как она была одно время, да, или Графа Кутайсова, там даже, как-то раз иду и смотрю – вывешены и то и другое название, ну это же смешно.

– *На Ленина так же.*

– Вот. Ну на Ленина там только Амурская она.

– *Нет, там Ленина есть.*

– Нет, Ленина есть-нет, я говорю, что… а тут сразу два старых названия – так, спрашивается, какое брать: или Графа Кутайсова, или брать Арсенальную, вот. Тоже, вот вы знаете, поэтому я говорю: очень-очень-очень сложно. Вот тут как-то… молодежь, они считают, что надо назвать старыми названиями – такими, какие там были, а для нас, хотя мы, как говорится, может быть, и ближе к тем временам, но все равно мы как-то так… мы уже жизнь прожили при этих названиях, правильно? Вот, поэтому вот я, например, у меня муж, он всю жизнь прожил практически, ну, не всю, конечно, а прожил на Седова, и ему взять – это как Верхнюю Амурскую или Среднюю Амурскую… она, по-моему, она Амурская, Среднеамурская, правильно, и Нижняя Амурская… как-то ему уже это немножко не это. Седова – Седова она и есть, вот. Конечно, очень много тут всяких было больших таких неточностей: вот когда мы жили на Седова, то этот скверик небольшой тут напротив Крестовоздвиженской церкви, и там вот стоял камень, что это место для постройки памятника декабристам. Оно никакого отношения к декабристам, это место, не имело: здесь было лютеранское кладбище, в этом месте, какое отношение декабристы к этому имели, непонятно. А долгие годы этот камень там стоял – огромнейший такой валун, и вот там было высечено это. Хотя декабристы жили совсем в других местах, вот. И конечно, очень жаль, когда вот такие старинные здания… если вдруг будут уничтожаться, вообще страшно.

– *Ну а что вы думаете по поводу того, что сейчас берутся за реставрацию и восстановление памятников и храмов?*

– Ну, вы знаете, я считаю, что это просто необходимо, если есть возможность, все-таки историю нужно поддерживать. Вот я сейчас, ну, как говорится, не то что я… не скажу, что я увлеклась, но я с большим удовольствием читаю… вот сейчас есть вот, выходит подборка каждую неделю – «Монастыри», вы не смотрели? Видели эти журналы, да? Вы знаете, как интересно их читать. Вот у меня они все есть, да, последние как раз вот тут у меня. Вот видите? У меня сестра их покупает – вот видите, у меня все они составлены, вот два… до какого… до четвертого почему-то, тут пятый и шестой не вставлены – остальные, значит, уже вставлены – там специальная корочка продавалась. Ну я вот только прочитала до, по-моему, сейчас читаю восьмой, наверное, потому что тут девятый, и десятый, одиннадцатый, ага, восьмой сейчас читаю. Ну интересно, вы знаете, как они создавались, почему именно на этом месте они создавались – вот меня это очень всегда интересует. Ведь не просто так они там возникли, правильно? Ведь что мы знаем: вот я раньше была, знала в Москве только этот Новодевичий монастырь – просто мы туда ходили с экскурсией, да, в Киеве когда была, значит, нас водили в Киево-Печерскую лавру, вот поэтому мы были там – еще до восстановления. Это было очень давно, где-то в начале шестидесятых годов, так же в Новодевичьем, тоже мы… бывает где-то в те годы. А тут сразу читаешь и смотришь, как их восстановили – это же вообще здорово. Я считаю, что и тут надо, конечно, что-то восстанавливать. А вот посмотрите: ее же не было, этой часовенки на Лисихинском кладбище, а как люди довольны, что она там есть. Там же вот у нас у многих там есть могилы их бабушек, дедушек, и они туда ходят, и, конечно, очень приятно, что туда можно зайти и как-то, знаете, отдать какую-то дань – кроме того, что ты пришел к могиле, но еще это… Это просто, я считаю, что это для человека, для его души это необходимо. Вот не все, конечно, у нас и верят, не все крещеные, правильно, вот, но это просто необходимо, вот. Ну а насчет памятников вот – вы видели эту книжку? Нет, она в очень маленьком экземпляре вышла – шикарнейшая книга, вы только посмотрите ее. Здесь все это выпустила у нас одна наша сотрудница – не сотрудница, наша… член общества родословия, она создала эту книгу. Это, конечно, большая работа ее, и, я считаю, Наталья Сергеевн,а вы знаете, просто провела огромнейшую работу: у нее все, знаете, по районам все разбито, по всем улицам здесь собраны все-все… памятники, все мемориальные доски. Я ее даже проверила: я говорю, а есть ли наши, говорю, которые около нашего университета, есть ли которые у Политехнического. Все есть, все. Она говорит: да вы что, не

верите мне? Я говорю: вот. Вы знаете, это исключительная книжка, конечно, вот я взяла ее специально почитать, мне вот ее надо сдавать – вот я вот на следующей неделе поеду снова на наше заседание родословия, мне ее надо будет сдать. Вот посмотрите – это вообще просто…

– Да, красиво.

– Мало того, что красиво, – это главное для.. вот представляете, для детей, да, которые вдруг займутся историей города. И такую книжку взять в руки, вот я… у меня есть внучка, ну, такая – не родная, а сестры внучка, я вот ей показала, она вот делала доклад в прошлом году о… на исторических этих чтениях-то школьников – о гербах, по-моему, Иркутска. А сейчас она, по-моему, решила что-нибудь на нашу женскую линию нашей родословной, и вот она у меня взяла то, что я написала, оттуда чтоб кое-что выбрать. Чудесная книжка, правда, вот я говорю, прямо ее… вот такие книги надо везде иметь, я считаю; ну и выпустили ее в очень небольшом количестве – и то благодаря нашей администрации. Есть, конечно, книжка, вы ее, наверное, тоже… вы ее видели, есть книжка такая «Иркутск», тоже очень хорошая книжка, – вот она вышла, по-моему, в конце прошлого года, в прошлом году где-то вышла, вот. Но это не моя вот, а это у нас нашего общества… она подарила в наше общество, Наталья Сергеевна, эту книжку, а та книжка… нам подарили уже в этом в нашем музее. За активную работу в нашем клубе «Встреча» мне сделали такой подарок, мне, сестре тоже. Вот, ну, мы стараемся конечно для музея что возможно сделать, ну, кое-какие вещи туда-сюда носим – вот старинные какие бабушкины вещи всякие, то вот Костиного деда я туда отдала столик и кресло. Они их там реставрируют, сейчас тем более это необходимо для нового музея. Конечно, новый музей, конечно, прекраснейший: там паркетные полы, там так отделаны стены, там такие люстры висят, залы огромнейшие. Мы там вот только были, собирались: у нас было двадцатилетие нашего клуба «Встреча». И вот мы… нас там собрали – там еще ничего не было выставочного, но вот нас туда собрали один раз – семнадцатого, ну, пока там, в дальнейшем мы будем там, наверное, собираться, или там мы еще собираемся иногда в доме Рогаля. Вот в этот раз, в эту среду, мы будем собираться опять в Доме Рогаля, значит, там сейчас идет пока пополнение всех стендов, все это, и им, конечно, очень много работы. Но мы там уже были – чудесное здание, оно и снаружи очень красивое такое, отделали его прекрасно, при этом от него несколько там еще филиалов сделали, по-моему, сколько-то домов еще. Вот где-то здесь нету сейчас поблизости, а то бы я вам пока-

зала… выдали такие проспекты об этом музее, вот, а до этого мы всегда собирались или в Доме Рогаля, или на Чайковского, но начали мы собираться, вот клуб «Встреча», еще тоже на Халтурина же – напротив Дома Рогаля, там раньше был домммузей Кирова. Вот мы в этом здании, в маленьком деревянном здании, но нас было мало тогда, нас где-то собиралось человек двадцать, ну, потом стало двадцать пять – тридцать, и вот нам уже стало тесно, и тут дали здание новое – его отстроили вот. Его отремонтировали, и мы стали собираться в новом здании на Чайковского, ну а потом, когда открыли центр Рогаля, мы стали еще там тоже собираться иногда. Мы собираемся раз в месяц – каждая вторая, по-моему, среда каждого месяца. Но вот я говорю, что, конечно, вот… ну, может быть, это здание страшненькое там, тоже оно маленькое такое, но все равно это какое-то историческое значение имеет, правильно? И хотя тут напротив как раз Дом Рогаля – уже шикарное, красивое такое здание, там и мастерская его, и все это, но это… А в родословии мы собираемся… в доме в библиотеке Молчанова – это тоже на Халтурина, это угловое здание, вы его знаете, да? Вот там собираемся мы, очень оно старинное такое здание очень. И вот самое интересное, что у меня есть, – открытки этого здания прошлого века, там был штаб военного округа, как раз где работал мой прадед Прасковий… Прокопий Степанович Черкашенин. Вот он там, он, значит, начал от казака и дослужился до подполковника в этом здании – это который жил на Киевской. Вот я и говорю, что у меня два прадеда, которых я прекрасно знаю, да. Вот, и если вот только о его отце у меня есть немножко – о Прокопия Степановича, то там вот у меня есть еще дальше, даже до прапрадеда есть, моего прадеда… был купец Сизых вот Андрей, а это вот его два сына были потом нашими городскими головами одними из первых: первым был Сибиряков, потом был наш, один из наших, значит, как бы он нам тоже… прадед нашего прадеда, и потом его брат еще был через несколько… через, ну, там же по три года были там, тоже был городским головой Иркутска. Вот поэтому, конечно, для меня Иркутск – это вообще роднее некуда, когда здесь столько-столько… я уже вот… мы нашли, вот сестра, она не дошла до этого, она… в последнее вот я ей говорила, что у нас были, но я-то это знала с бабушкиных рассказов, а она искала по… в архиве, и она считала, что из казаков, Сизых из казаков, потому что Сизых казаков очень много – здесь целые деревни были Сизых, казаки Сизых, а я говорю: нет, наши, говорю, из купцов. Ну я-то это знала, а она все, а ей надо обязательно доказательства, она человек такой очень была… Ну, она вот закончила с отличием Горный ин-

ститут, это был первый выпуск геофизиков, она закончила как раз в пятьдесят четвертом году, и вот ее с мужем и еще вот как раз этого Володю, родню нашу, тоже их отправили даже в Германию, первые геофизики были, и их отправили в Германию на работу. Вот они там проработали немножко, потом вернулись, Володя там оставался еще долго, потом он уехал на Украину, а Марина-то с Сережей вернулись сюда, в Иркутск, и здесь работали. Они вначале преподавали в техникуме геологическом, потом Сережа перешел в Политех, а Марина в дальнейшем работала в Земной коре. И там она была ученым секретарем, потом, она была человек очень такой педантичный в этом отношении: ей надо обязательно, чтоб было доказательство. И самое обидное, что вот незадолго только до ее смерти вышла книжка, где были перечислены все городские головы, значит, с самого начала, потому что вот городская дума, она была создана в тысяча семьсот, по-моему, восемьдесят седьмом году, вот, ой, тысяча семьсот… правильно, тысяча семьсот восемьдесят седьмом году, а когда стали городские… голова стали избираться только, по-моему, с тысяча какого же… семьсот девяностого, кажется, – так, как я говорила, первым был Сибиряков, Михаил Сибиряков, потом, значит, уже наши. И вот когда она вот увидела вот это, это было уже незадолго до ее смерти прямо, она говорит: Галя, ведь ты была права. Я говорю: так вот ты знаешь, я-то ведь это знала. А я, говорит, даже как-то ведь даже никогда, говорит, и не слышала от папы ничего об этом, вот, знала, что вот дед, что он не простой, что он с образованием, все это он дал своим детям, высшее образование, у него трое закончили в Петербурге. Университет вот наш дед как раз закончил там в свое время, и двое учились в Томском университете, вот видите как, то есть непросто так это. Он, как говорится, будучи здесь издателем, вот, но в то же время он был три срока в городской думе в это же время – это уже это было, это был уже конец тысяча восемьсотых годов, вот он до самой своей смерти был членом городской думы здесь и отвечал за учебную работу, как там написано, за учащихся и учащих. У него, значит, так написано было о нем вот в книге, и отвечал он еще за… ну это больше, конечно, по своей работе, как печатник, он, значит, очень дружил с настоятелем Крестовоздвиженской церкви, и, вот когда вот он умер, Марина нашла в газете напечатанное выступление настоятеля о нашем прадеде. Как он хорошо о нем отзывался, какой он был человек душевный, как он много сделал – и для церкви, что он издавал их литературу значительно ниже стоимости и в общем еще что-то такое в своем, значит, в своей типографии – вот такое все. Вот, ну а потом Марина

нашла в нашей библиотеке университетской (я ее называю нашей, потому что все-таки я тоже из этого университета, она-то не относится), вот она попала в наш… в Белый наш дом, и она нашла там по списку сто пятьдесят девять книг, изданных в его типографии, вот. Интересно ведь это все, правда? Я вот, правда, рассказываю больше о родословии, чем о… том, что вам, может быть, надо, но немножко я все-таки о ваших… на ваши вопросы отвечаю тоже ведь.

– Конечно. Так, а вы можете сравнить ритм жизни – каким он во время вашей молодости был и какой вот сейчас?

– В смысле студенческий?

– Ну ритм жизни вообще.

– Ну вообще ритм да. Ну тут за это время, конечно, всякое бывало: и был более активный, и менее активный – были, было время. Тогда вообще ничего не делалось для города… я, конечно, немножечко… тут хотя его и восхваляют, но я не очень хорошо вот отношусь к времени, когда создавал Салацкий, когда был он и его, я забыла, по-моему, Павлов в то время был архитектором. Вот эти стояли ноги столько лет – ужас, не могли их убрать, это же страшно, центр города. Я говорю… что говорить о том, что убирать довольно-таки симпатичные некоторые резные дома, и их убирали ведь тогда, а вот это стояло, и еще где-то тоже – у него какая-то такая была манера строить такими… Но в целом, конечно, и тогда тоже что-то делалось. Но а вот сейчас я считаю, что наш мэр Иркутска вообще взялся немного все-таки за наш город – и посмотрите: вот в прошлом году как симпатично он выглядел – такой цветной был весь, приятно было, и стали, конечно, вот эти тротуары стали лучше делать все. Мы-то привыкли, еще когда мы ходили, у нас были деревянные тротуары на наших улицах. Ну, может, тогда по центру было уже асфальтировано немножко, а чуть вбок – сразу же вот, даже от Карла Маркса, и то – уже идешь по деревянным тротуарам. Мы же вот на Киевской жили, совсем близко от центральных улиц, и вот ходили по таким деревянным тротуарам, вот, но при этом жизнь, ну, я не знаю, мне вот кажется немножечко, что вот молодежь, она, по-моему, скучнее как-то живет. Я вот сужу даже по своему внуку. Он в школе еще учится, в десятом классе, и вот мне кажется, что, может быть, я не знаю, там другие, может быть, и лучше как-то, веселее, но я бы не сказала, но у нас же здесь еще есть школьники – я бы не сказала так. Ну, он увлекается, конечно, и спортом сейчас, конечно: вот он футболом увлекается, тут у нас сноубордист вот мальчик – он сейчас уже поступил вот, учится в… ну в этом, как называется… в Байкальском университете, вот. Но тоже вот как-то… я вот не вижу, чтобы у них вот

были вот такие вот… вот они вот собираются где-то, причем это обязательно им надо идти только куда-то в этот, в какой-нибудь «Мегаполис» или еще там. Их, значит, собирают с них деньги и ведут их классом туда – ну что это? Мы собирались, я говорю, всегда – ну и в школе, и потом в университете, мы же собирались как-то вот отдельно и всегда веселились, и у нас было очень весело, и в целом у нас, ну, это я не знаю как-то… может быть, сейчас то, что вот телевидение и интернет, поэтому они, по-моему, меньше ходят в библиотеку. Для нас в свое время библиотека была – это у-у-у, и мы вот считались среди других студентов самыми такими, потому что у нас была самая шикарная библиотека, вот, так что мы могли там что-то брать, что-то просматривать там все это, все новейшее, все это всегда. И потом, я вот говорю уже, я вот в последние годы… я, конечно, перестала ходить даже в библиотеку: во-первых, это далеко от меня, вот… А пока мы жили на Пятой Армии – там муж тогда получил квартиру от Иргиредмета, там вот эти два дома иргиредметовские на Пятой Армии есть, ну и это, мы там жили, а потом, ну, мы жили с соседями, и потом нам на размен дали… нам сюда, мы получили здесь квартиру, а они получили квартиру на Маяковского двухкомнатную, так что, конечно, это шикарно было, после того что у нас там две комнаты было и у них одна комната была, и мы здесь получили трехкомнатную, и они получили двухкомнатную – это, конечно, шикарно получилось, вот. Ну я как-то после этого уже реже стала бывать в библиотеке. Тоже может быть, что телевидение тут стало отвлекать. Во всяком случае, вот я говорю, я сейчас вот, ну вот я не знаю, конечно, я сейчас в центре редко бываю, днем в основном – и днем этот народ бежит куда-то, бежит-бежит, а вот я вот не видела… как вот мы вот ходили гулять: мы всегда… позанимались, пришли домой, покушали, позанимались к следующему дню и пошли или по Большой, или по набережной гулять, вот. А сейчас как-то, я не знаю, гуляют так или нет – ну так, чтоб ну где-то часов с семи вечера. Гуляют, да? Ну это уже хорошо все-таки, что народ все-таки продолжает вот, а то днем, я говорю, я смотрю: только несутся, вот если я бываю днем в городе, куда-то все несутся-несутся-несутся. Вот так тоже, ну потом еще это, конечно, обилие этих машин – прямо невозможно, я говорю даже вот, я в университет часто, ну как сказать, может, раз в месяц, а иногда и два раза в месяц заглядываю сюда в свое здание – в химический, на химфак, вот, и я там бываю или на кафедре, на которой я работала, или в лаборатории, в которой я последние десять лет работала (это уже при кафедре неорганической химии), до этого я тридцать лет работала в лабо-

ратории при кафедре аналитической химии, а тут, значит, уже при кафедре неорганической химии я работала последние десять лет: у нас сократили количество людей, – меня оставили, ну и сказали, чтобы тогда я работала по той тематике. Ну я все время я поддерживаю с ними связь, и они со мной, главное, поддерживают связь; вот это самое главное – чтобы с тобой поддерживали связь. Мне и звонят, приглашают во всяком случае на праздничные дни, на дни рождения, я всегда у них бываю, но зато и дальше, когда я устраиваю свое день рождения, я тоже приглашаю и с кафедры, и с лаборатории людей. Вот в прошлом году вот у меня было семидесятипятилетие – я пошла в университет, договорилась, что можно там провести в столовой эту мою дату. И, значит, были там вся моя… я смогла пригласить свой отдел сразу же, потому что даже тут, дома, я не могу всю пригласить, чтобы было, как говорится, и наше поколение все – а у нас, у меня очень много двоюродных братьев и сестер, – и их детей сразу же. Не все, конечно, бывали: то одних пригласишь, то других, – так тоже где тут особенно развернешься? А тут я всех пригласила: все вот наше поколение, и следующее поколение я все пригласила, и пригласила из двух лабораторий там – из лаборатории гидрохимии и из лаборатории неорганической химии, и с кафедры аналитической химии, где я вот работала раньше, – и у меня было много народа на этом дне рождения. Так что вот видите, как… поддерживается все это, ну, опять-таки это не все: вот у меня вот у сестры такого как-то… они, бывает, ну изредка встречаются вот она со своими. Их тоже, правда, приглашают, но их приглашает чаще всего вот дирекция, и опять-таки из-за чего? Потому что она работала в Институте железнодорожного транспорта, а они своих работников все время поддерживали как-то, вот. У нас этого, конечно, нету, это надо отдать должное, что, конечно, наша… наш ректорат как-то о нас забывает, о всех его пенсионерах, вот потому что вот даже… как-то в прошлом году было девяностолетие университета. До этого как-то мне давали пригласительный билет, давно очень, а тут даже… ну хотя бы позвонили поздравили бы, сказали: ну извините, но мы билет не можем дать, потому что народу очень много, – нет. И даже… Но я, конечно, не обиделась сильно, потому что даже из кафедры, по-моему, там была одна только приглашена, и все. Народу, конечно, я понимаю, что народу очень много в университете теперь: сейчас же намного больше стало и факультетов, и вся, вот… Но мне вот нравится, как сейчас сделали, это благодаря, конечно, наверно, нашей новой… новому, как сказать, новому факультету, преобразилось наше здание; оно было довольно-таки такое захудалое. В

свое время ведь хотели вообще сюда все переносить: ну, большую часть зданий хотели именно сюда, успели построить только одно здание, и все. И там библиотеку стали строить – и она до сих пор торчит, наверное, уже разрушается вся, стены там какие-то стоят – их видно отовсюду, главное, уже в течение, наверное, лет двадцати, если не больше, потому что мы переехали сюда в тысяча девятьсот семьдесят втором году – в это здание из первого корпуса. И вначале, конечно, было очень хорошо: мы свободно так жили, все прекрасно было, – а сейчас у нас этот сервис и реклама отнял большую часть помещений у всех кафедр наших химических, но один вот он все благоустройство… конечно, коридор сейчас очень хороший стал. Вот, ну а что еще такого вот вам, какие еще у вас вопросы есть такие?

– А вы можете что-нибудь рассказать о строительстве ГЭС?

– О строительстве ГЭС, да, ну вот тут мы как раз недавно вспоминали об этом, в свое время… вот я училась, по-моему, на первом курсе, да, а… Лиля Ефимовна, тогда она уже училась на третьем, наверное, курсе или на втором, вот так где-то, она старше меня была, когда училась… мы работали агитаторами на этой стройке. Вот в этом месте, где вот сейчас мы вот живем, здесь же были бараки все, здесь это место занимали бараки огороженные такие, страшненькие все, и в этих бараках жило много-много: там они делились на маленькие комнатушечки, вот много приезжего… приезжих людей здесь жило, в этих комнатушечках все. И вот в свое время, значит, создали бригаду агитаторов сюда, и вот я попала в эту как раз бригаду. И вот мы недавно как раз с Лилей Ефимовной об этом вспоминали. Латышева, это жена нашего бывшего директора института… так, на чем мы… о чем говорили-то? А, о бригаде. Вот, и вот мы ездили, нам вечером подавали, знаете, вот типа… вот эти черные такие вот такие были машины закрытые – вот, как сейчас показывают, в таких возили арестантов, вот это типа этого, там и лавки такие были. Мы садились около университета и ехали туда, ну мы старались, что могли: выпускали им стенгазеты, делали им всякие сообщения, и вот я сама лично помню, что я однажды везла патефон с пластинками… и беседу о, по-моему, сейчас скажу, по-моему, о Шопене – я делала как раз это сообщение. У нас был вечер, посвященный Шопену, и я с этим материалом как раз и там ехала, тоже сюда, на это строительство, но потому что мы в самом строительстве, конечно, не участвовали. Просто вначале, когда мы еще… я первая в первые времена, дни то есть, в первые года, первый или второй год ездила еще по старой железной даже дороге – потом ее перекрыли и открыли линию

вокруг, круговую такую, а тут первое время мы даже еще тут ездили – все эти Кузьмихи, Лисихи, это все, и здесь была линия еще. Вот, и вот тут вот были вот такие вот эти бараки, и вот мы сюда ездили, делали им всякие сообщения – о чем угодно, значит, учили их и танцевать, помню, и каких только мы им бесед не проводили; вот Лиля Ефимовна тоже вспоминала: что она им только ни делала. Мы старались в каждую комнату зайти, в каждой комнате что-то сделать, там мы даже, кто-то из наших учил их вязать что-то, по-моему, вязать что-то такое или вышивать, привозили даже нитки, кто-то привозил ведь это. В общем все – кто что мог, чтоб только как-то их немножечко приподнять вот так. Всякие там были, конечно, но мы вот… как-то раз надо было перейти из одного корпуса в другой, мы даже почему-то боялись, страшно было: темно так между этими корпусами, бараками этими, – и нас сопровождали всегда они, но они радовались, когда мы приезжали к этим рабочим, они радовались, вот. Ну вот я говорю, посильную такую помощь строителям – ну это не помощь, конечно, но поддержка какая-то такая духовная, это им эта поддержка это была от нас, студентов госуниверситета, вот.

Слушай, мы как раз вот недавно совсем, может быть, месяц тому или два, даже, наверное, месяц тому назад мы с Лилей Ефимовной вспоминали об этом, как мы ездили, бывает такое. Она тоже потому что в родословии, и мы, когда встречаемся, начинаем что-нибудь вспоминать о нашей учебе или еще о чем-нибудь. А что интересно, вы знаете, меня поразило, что вот даже с моего курса очень многие занялись своими корнями, и я вот уже сама лично читала… две книжки изданных, это воспоминания, это Клавы Захвалинской и… ой, как же вторая-то у нас, забыла, а, Оксана Кожевникова – она вот тоже о своих всех писала, и Клава Захвалинская, а эти Захвалинские – это были очень известные тогда здесь, в Иркутске, фамилия тоже. У нас преподаватель был Захвалинский, вот, это ее дядя, он вел химию тоже, вот. И мама у нее тоже, родители ее были, я-то о них слышала до этого еще, потому что они, оказывается, они учились еще с моей мамой вместе в одно примерно… в одних… одни и те же годы были, ну они еще все друг друга тоже знали так же, как мы знали старше и младше себя курс. И мама тоже их знала – Захвалинских и Дубовик. Так что видите, как интересно переплетаются судьбы: сначала родители, а потом мы так сталкивались, вот.

Ну вот я не знаю, что еще сказать про строительство. Ну конечно, это было большое событие, потому что в свое время, вот на первом-втором курсе, мы ходили зимой на лыжах через Ангару.

Ангара вставала тогда… где-то она, значит, в декабре, и, значит, на втором семестре мы уже после каникул ходили через Ангару: перейдем, и вот, где сейчас Политех, мы здесь катались на лыжах. Были пустые места здесь почти, такие горки такие, и вот мы здесь сдавали здесь лыжи, и проходили лыжи все это, вот. Ну а потом все, как только построили плотину, Ангара перестала. Ну вот проработала я в том здании с шестьдесят первого по семьдесят второй год – в первом здании университета. Я приехала и так и осталась при кафедре аналитической химии – и вот вела… у меня была вначале тема по кембрийским отложениям, это… определение щелочных металлов, как раз тогда только-только началась пламенная фотометрия – вот я первая как раз собирала прибор пламенный фотометр, на кафедре аналитической химии читала лекции по пламенной фотометрии для преподавателей и для студентов, учила их работать на этом приборе – это у меня большая работа была очень по этому, но защититься я не смогла, потому что, когда время подошло к защите, я, как всегда… я заболела сильно, и мне врачи сказали, что никаких защит, ничего мне не положено. Вторая тема у меня тоже была интересная, это была первая у меня тема, вторая тема у меня была, я потом, закончилась когда у меня та тема, я перешла на редкоземельные элементы. Это очень интересные элементы. Вот у меня как раз по этой работе вот есть два авторских свидетельства даже, кроме статей имеются даже два авторских свидетельства, вот. Потом, я порядком уже проработала по этому вот ареалу, у нас как раз многие защитились по редкоземельным элементам, даже Кириллов защитил докторскую, который у нас был руководителем нашей группы, там работали, значит, и преподаватели с кафедры, и я тоже – вот нас несколько человек, человека два или три работало по… ИНУС, мы тоже под его руководством работали на этой кафедре, на кафедре аналитической химии. Мне ж чем нравилась работа: что мы одновременно могли иногда… и вели, нам давали группы – и мы вели группы, занятия вели, вот. Потом как-то раз я даже читала лекции пятому курсу: целый курс прочитала о комплексных соединениях как раз –это читал Кириллов вообще, а тогда он уехал как раз на подготовку докторской. Читала я пятому курсу эти лекции, вот, а так очень много у меня было дипломников, у меня, помню, было где-то порядка… пятьдесят с чем-то, по-моему, курсовиков я провела, и пятьдесят два дипломника у меня было по всем моим вот этим… и по редким щелочным элементам – это литий, рубидий, калий, цезий, стронций, то есть этот, цезий, рубидий – вот это редкие щелочные, а, я уже сказала рубидий, ага. Литий, калий, натрий, цезий

и рубидий, вот так – эти элементы щелочных. Ну а тут, как вы знаете, может, помните со школы, да, редкоземельные – это пятнадцать элементов, стоят в одной клеточке, лантаноиды. У меня была тема очень интересная, это уже, как говорится, я писала с высшим образованием, уже работала по золоту, платине и осмию, тоже работы у меня были тоже по неорганической химии.

– *Ну а вы можете что-нибудь рассказать о строительстве моста через Ангару?*

– Об этом или о том?

– *О том, который там, на Маяковского который.*

– О том, да, ну вы знаете что, мне, конечно, о нем говорить очень трудно. Почему? Потому что, во-первых, его строили в тридцать шестом году, в тысяча девятьсот тридцать шестом построен он был. Меня тогда здесь не было, мы тогда жили еще в Нерчинске, вот. Но я немножко помню старый понтонный, как говорится, понтонный мост, почему, потому что мы как-то, когда с папой ехали из Усолья туда к… он маму сюда привозил, так как маме надо было на стажировку, она приезжала сюда в больницу в детскую, и тогда мы чуть с моста с этого не съехали, и вот я вот это вот запомнила, что он, когда мы вылезли, вот я вот это помню, уже поздно вечером было, и так страшно мне это было: он немножко как бы даже чуть подкачивался, мне показалось. Вот тут вот… ну а этот мост, вот я говорю, что я его любила очень – мы даже в свое время по нему просто ходили, никогда… вот столько раньше по нему ходило народу – те, которые оттуда, из центра, шли сюда, в Глазково, или из Глазково туда, или на вокзал. Мы же ходили пешком, поэтому у нас даже с мужем тогда осталось такое приятное впечатление очень: мы однажды были, гостили у нашей… у моей тети, она жила тогда на Спортивном переулке, и вот мы у нее побыли и потом шли через мост, и как раз шел снег – так красиво. Мы так прогулялись тогда хорошо, так что, видите, какое хорошее воспоминание осталось, но… об этом мосту очень хорошо знает, вот я вам говорила про свою родню, Наталья Михайловна… Наталью Николаевну Михайлову. Оказывается, в числе строителей этого моста был ее отец, и у нее сохранилось вот такой большой альбом – все моменты строительства этого моста. Сейчас это… этот материал помещен, по-моему, даже на одном из сайтов – вот она это поместила и статью об этом небольшую. В прошлом году ее внук делал сообщение, вот тоже она говорит, на детской этой… о своем деде и о строительстве этого моста, так что они, конечно, ближе к этому. Это очень интересно, конечно, было. Но так для нас это, конечно, был основной мост такой, тем более что

мы ездили постоянно в Читу – все пять лет. Обратно вот в Иркутск, и в Читу все время же ездили, и чаще всего мы ходили пешком в то время, хотя потом и трамвай ходил, но как-то нам нравилось ходить по нему. Сейчас мало по нему ходят. Изредка так едешь и смотришь: один так, два человека где-то так идут. А раньше шли прямо толпами, особенно с вокзала.

– *А что вы можете рассказать о военном времени?*

– О военном времени – тут очень, конечно, трудно.

– *Если тяжело, то…*

– Да нет, это не то что, я бы не сказала, что это очень тяжело, но, во-первых, прежде всего у нас в Чите служил мой дядя, вот, а потом и второй мой дядя тоже служил – мамин средний брат и младший брат мамины, они служили под Читой. Вот они бывали у нас все, ну а как мы жили, видишь, это очень-очень было трудно. Мама у нас работала одна: папы же не было уже, я говорила, что его забрали в тридцать девятом. А еще бабушка с нами жила – это, представляете, маме надо было работать, чтобы прокормить еще трех человек. Работала, мы ее не видели иногда целыми сутками, потому что она… у нее детская поликлиника, детская больница была на ней в годы войны как раз в самые, особенно начало войны. И еще обязательные были дежурства на скорой помощи, но эта скорая помощь была как… там у них лошадка, по-моему, была, и вот они на лошадке ездили. И, значит, там она ночами дежурила еще, потому что днем она никак не могла… там некоторые врачи могли где-то хотя бы с полдня там это дежурить, а она могла только уже ночами дежурить там, поэтому мы маму очень редко видели, но особенно тяжелый был вот, по-моему, сорок второй – сорок третий год. В это время боялись, что начнется… или сорок, по-моему, так, ага, боялись, что может напасть Япония – и вот тут было очень такое у нас, повышенное такое боевое… боевая готовность: мы все ходили с противогазами в школу, все с вечера обязательно было… затемнение, то есть чтоб нигде никакой щелочки, ничего не было. И вот нашу бабушку даже привлекли дежурить, ей выдали… она у нас бабушка такая была вся очень, я говорю, про бабушку, конечно, надо было отдельно рассказать, но это сюда не относится, она ходила зимой: у нее такая шляпка фетровая была типа, вот как они назывались, таблеточки, ну вы, может, вы видели, вот, знаете, курсисток тогда показывали, – и вот у нее такая была, потом, значит, у нее было такое пальто, полупальто такое, такое под каракуль, – ну конечно, все это уже было еще с дореволюционных времен у нее. И палантин был красивый: он был черный такой, какой-то тонкой шерсти, там была подбивка светло-

желтая, что ли, или такая кремовая, и был оторочен он со всех сторон лебяжьим пухом. И вот она вот ходила вот этим паланти-ном, так и вот, и ходила всегда в светлых сапожках, в то время не у всех такие были раньше, а тут ей выдали, помню, этот белый армейский тулуп, откуда-то шаль ей дали, валенки ей дали, и вот она вечерами часа два… ей прикрепили, по-моему, несколько кварталов больших – это она вечерами ходила и проверяла, чтоб нигде не было, не нарушена была светомаскировка. Вот она была у нас такая бабушка боевая очень, вот, и она ходила дежурила вечерами поздними вот где-нибудь иногда… там иногда даже долго задерживалась, иногда раньше приходила, если все нормально, раньше возвращалась вечером, вот. Ну у нас… все вот мы жили, у нас была… дом такой был… как сказать, коридорная система – вот он был коллективный коридор, у нас было семь квартир. И почти в каждой квартире были дети, родители у всех работали – с самого раннего утра до самого позднего вечера… возвращались там, у нас у двоих, по-моему, работали в штабе округа мамы. Отцов ни у кого уже здесь не было: были или на фронте, или либо служили в частях вот, и тут один, по-моему, был дома, летчик был, но он всегда практически все время проводил на аэродроме, так что тоже здесь только мама была и дочка. И вот всех нас собирала бабушка – у нас была комната тридцать шесть квадратных метров, у нас была самая большая комната в этом доме, ну в этой коридорной системе, и у нас был большой круглый, огромнейший круглый стол – это нам досталось просто все от одного архитектора, которого в свое время тоже забрали, а нас выселили из обкомовской квартиры вот в эту квартиру. Вот у нас там-то был большой хороший это все, а тут, когда папу-то забрали, нас туда переселили. Ну, мама выбрала эту квартиру из-за того, что здесь рядом было, практически два квартала до ее работы, до детской поликлиники и до детской консультации, где она работала, вот. Ну и вот, и вот бабушка нас всех собирала, вот бабушка была одна на весь коридор, и вот мы все сидели делали уроки, или рассказывали сказки, или бабушка нам читала вслух что-нибудь. И вот до сих пор, вот я говорю, тут как-то я была в Чите, ездила и с кем-то встретилась из наших старых соседей, и вот они вспоминали, что я была большая сказочница, я выдумывала сказки всякие – про войну, или про что-нибудь такое, или, наоборот, какие-нибудь старинные такие, что-нибудь про всяких принцев, еще что-нибудь. Говорят: как ты могла выдумывать-то все это, – я говорю: я не знаю, как я выдумывала, почему-то вот. Ну вот, и вот мы сидели где-нибудь у кого-нибудь, в другой комнате у кого-нибудь соберемся там, но вот занимались мы все-

гда вот у нас за нашим столом, бабушка у нас сильно следила… ну конечно, что… почерк вот у нас у большинства плохой стал. Ну отчего у нас будет хороший почерк? У нас же не было тетрадей, у нас вот… мы еще в первом классе, я еще немножечко в тетрадях писала, я помню, у меня были тетради – первый, по-моему, второй даже еще класс, начало второго, а потом уже писали на газетах так, между строчек, потому что негде было особенно писать. Вот или бабушка какие-то бумажки нам, у нее были какие-то, это я не помню, откуда она… может, приносили эти откуда-нибудь с работы – наши соседи, и она линовала их на… просто так линии делала, и мы писали, вы представляете? Конечно, ну что это дети, вот… но были и у нас праздники. Вот мне как раз исполнилось… в сорок третьем году мне исполнилось десять лет, и у меня был большой праздник: мне, я не знаю, видно, где-то на этом, на колхозном рынке где-то бабушка с мамой купили овес, расколотили его и сделали нам овсяные прянички, постряпали, и купили еще мак и сделали маковые конфетки с сахаром. Ой, что вы, опять-таки этот мой день рождения вспоминают… несколько человек вот из моих старых соседей, потому что мы все это никогда не видели. Тогда вот это был у меня только такой вот… сестренка говорит: а у меня такого дня рождения не было. А вот у меня как-то раз вот был, ну, десять лет было, видно, тяжелое время такое очень было, и вот бабушка нам такое сделала, и вот собрала нас. А им подкопить… тогда же выдавали тоже этот… тот же сахар давали только по талонам, понемножку все, и вот она вот копила все это именно, и они, значит, мне такое сделали, я говорю, вот так. Но вообще было, конечно, мы играли хорошо очень, у нас было интересно: мы играли на улице прямо, машин же не было практически, тогда мы играли в лапту на целый квартал, носились. Это же вообще была исключительная такая для закалки игра: там же надо было и быстро бегать, и уметь мяч подать с помощью этой палки – это же очень… Мы играли в выжигало, играли в прятки, при этом тоже на целый квартал, прятались в нескольких дворах, вот так что это… А зимой, конечно, играли в снежки тоже, строили крепости из снега, вот. А так, ну что, а так было очень, конечно, тяжело в целом. Если взять испытания, совсем ходили кто в чем. Вот уже я училась уже в шестом классе – это уже, конечно, было, наверно, после войны, так или нам… какой-то оно типа дерюжного материальчика, мама где-то получила по талонам, и нам с сестрой сделали серенькие такие пальтишки, а у мамы еще до войны, еще когда папа работал, у нее была полудошка беличья эта, ну она уже сносилась у нее вся, и вот там из кусочков выбирали, и вот нам сделали воротнички, шапоч-

ки так отделали этим мехом и муфточки нам сделали – ой, мы такие нарядные ходили, что вы. Из беличьего такого серенького пуху у нас такое было, главное, с муфточками – это же вообще. Ну потом, конечно, бабушка старалась нас одеть в каком отношении – она шила сама, там из всяких кусочков она шила очень много. Вот чем она, конечно, подрабатывала: она шила всем знакомым. Конечно, они кто что могли: кто какой-нибудь кусочек материальчика, где-то у них там осталось что-то, – вот они все это отдавали бабушке, и бабушка нам всякие такие делала комбинированные платьишки или блузочки, что-нибудь такое, вот. Ну это, конечно, была большая такая подмога маме. Бабушка, я помню, такое красивое она одно делала платье – оно, помню, креп-жоржетовое темно-синее было, и она его вышила гладью, у него здесь веточку эту винограда на плече – ой, как было красиво. По тем-то временам это же вообще казалось – такая красота, тем более у нас у мамы-то вообще ничего не было, мама ходила вообще страшненько часто одета. И она вот, помню, когда поехала в Москву, и там толком не в чем было ходить, а там у нас тоже родня: папина младшая сест… то есть не папина, а нашего деда младшая сестра жила в Москве. Мама вот к ней, значит, заходила, и та маме подарила костюмчик: он ей был мал самой-то уже, она немножко, видно, располневшая была, а это у нее лежало у нее давно, а мама худенькая такая была. И вот она маме подарила этот костюмчик. Мама приехала тогда, помню, из Москвы в этом костюмчике – это вообще было: черненький такой костюмчик, а тут еще ее наградили как раз значком «Отличник здравоохранения» – это всего на всю область дали, по-моему, пять значков – и вот маме в том числе, «Отличник здравоохранения». И вот мама на этот костюм прикрепила его и ходила так, там еще было. Мы так гордились так вот, мама – это же вообще. Ну а бабушку у нас знал… по-моему, знала вся Чита, потому что единственная такая бабушка, которая так ходила: в школу она всегда ходила, вот, на все наши собрания родительские, потому что маме некогда было, а у нас бабушка всегда заменяла, у нас всех учителей знала, все учителя ее знали, вот. И даже вот позже уже потом… она, когда она умерла, мы учились еще, вот приезжали летом. Встретишь кого-нибудь – ну, у вас бабушка, она исключительная, она… Она вот закончила, я вот как раз это пропустила, когда мы говорили о городе, да, бабушка… Училась, вот, начала заниматься в детском саду – тогда только-только незадолго до этого открыли детский сад, это был единственный детский сад в то время в Иркутске. Он был построен на улице Амурской – вот там, где сейчас, вы знаете, есть такое здание с бассейном, уг-

лубление напротив Художественного музея, вот в этом месте стоял детский сад, так он, вы если посмотрите открытки, вот где, вот в книге Медведева или вообще где-нибудь попадется открытка этого детского сада, – такой красивый, резной, резное здание. И вот бабушка ходила в этот детский сад. Ой, у них там чего только не преподавали! Значит, и иностранный язык, и русский, значит, и литературу, и математику, и, ну обязательно, конечно, Закон Божий, и вообще много очень, и в частности даже там была физкультура у них. Вот и у нас даже есть фотографии бабушкины, где она в этом костюмчике физкультурном, в котором они там занимались. Я вот сейчас вам не могу показать, потому что я только что их передала вот. Приходила ко мне племянница с внучкой-то, и она готовит вот доклад – и я отдала эти все фотографии им. У нас все бабушкины фотографии с трех лет до… практически до пятьдесят первого года, за два года до смерти, вот ее последние фотографии – все ее фотографии у нас есть. Интересно, она вот эти все эти фотографии возила всегда с собой. Едет, ну жила она у нас, едет в Иркутск – она берет их с собой, и вот она к нам приезжала в Нерчинск – она их возила с собой обязательно, она всегда все, всегда все возила с собой: фотографии своих родителей и свои все фотографии. Вот так, они зато у нас сохранились, к тому же еще фотографии, которые были здесь, в том старом доме, многие потерялись вот… и вот бабушка училась, значит, вначале в этом детском саду, потом она училась в Хаминовской гимназии, поэтому для нас этот детский сад, конечно, был, и потом мы его видели, этот детский сад, – его перенесли на зады Харлампиевской церкви на улицу Горького, вот мы его и видели. Сейчас он, конечно, уже не такой красивый, но там до сих пор, по-моему, еще детский сад тоже, вот. И вот на Пятой Армии есть Харлампиевская церковь, а по Горького туда немножко в глубине там вот это здание, его перенесли уже в тридцать каком-то году вот, в тридцать восьмом, кажется, так, его перенесли. И вот бабушка ходила в этот детский сад, долго там, по-моему, у них, а потом она уже перешла в гимназию в Хаминовскую, и потом в этой Хаминовской гимназии учились и бабушкины дочери, и потом училась уже наша сестренка Маринка, но это уже была Первая ленинская школа. Вот сейчас она, по-моему, считается, ее назвали теперь сорок второй… семьдесят второй школой – обидно очень, потому что вот Лиля Ефимовна, она тоже кончала эту Первую ленинскую школу, это была лучшая школа женская тогда, это женская была школа. Тогда мы же учились в разных школах: я вот первые два класса училась с мальчиками, а потом заканчивала уже женскую школу. А вот во время войны, вот мы

как раз говорили об этом, я, между прочим, перескакиваю тут… нас в школу, у нас была школа новая, как раз ее построили где-то в тридцать, по-моему, шестом или тридцать восьмом году в Чите, к центральной площади как раз она выходила, окнами на Чайковского улицу, построили ее там, и… Ну и я поступила там туда в эту школу, при этом поступила как: я сбежала из детского сада, у нас детский сад тоже был на Чайковского же, где-то пробежала два квартала, сбежав, и сама пошла записываться без документов, без всего, пошла записываться в школу, а как раз началась война только. Я испугалась, что мама забудет, значит, меня записать. Ну а мама-то… меня спросили: где мама, – ну я вот сказала, что в детской поликлинике, а у нас детская поликлиника как раз там полквартала от школы была. Маме позвонили, и мама тогда пришла, вот. Ну вот я там даже и не училась там, потому что ее сразу же забрали под госпиталь, вот, а нас, всех школьников, перевели довольно-таки далеко от дома. Эта школа была рядом с нашим почти домом, близко, а тут нас перевели очень далеко, по-моему, в девятую… кажется, там девятая и вторая школа – две были школы рядом, нас туда поместили к ним. И вот мы ходили утрами, представляете, с противогазом идешь туда… да, это, значит, было сорок первый – сорок второй, сорок второй – сорок третий, мы когда ходили с противогазами, нас учили спускаться – значит, там было, когда, значит, подавали тревогу, нас учили, как тогда быстренько строиться и выходить, чтобы попасть в бомбоубежище. Туда, значит, делались такие тоже… вот как это, вырывали-то, ну типа не окопа, а вот такие траншеи, ага, до бомбоубежища до самого, там, где устраивали, были, и вот мы шли по этим траншеям – аккуратненько все классы. Начинали с нас, с малышей, потому что мы как раз тогда младшие были классы, и вот. А нам выдавали тогда, помню, тогда голодно, уже сразу же почти стало голодно, и вот нам выдавали на завтрак вот такой кусочек хлеба, там, знаете, из морковки было сделано, типа такого. Ну чуть-чуть поджаренная она слегка была, свежая морковка, – вначале просто была свеженькая морковка, а потом, видно, она уже стала не очень хорошая – нам, значит, ее чуть-чуть поджаривали и ложили на кусочек хлеба. И вот мы это не съедали ее в школе – несли домой, чтоб дома с чаем попить этот кусочек хлеба. И вот, а на нас нападали вот эти из той… там школа эта была девятая, там мальчишки все на нас нападали, так мы как ходили? Мы шли и несли по два портфеля – девчонки, а наши мальчишки нас окружали вот так со всех сторон, чтоб на нас не напали – вот так мы шли, значит, потому что мы жили в центре самом, а это было довольно-таки далеко от

нас. Порядком кварталов надо было идти. И вот мы так вот шли в центр. Утром нас провожали еще там, ну бабушка нас провожала многих, нас всех собирала, всю нашу ораву – кто там учился в первом, кто во втором, кто в третьем классе – она нас всех вела, а обратно, значит, мы вот так ходили классами, потому что на нас нападали те, потому что они тоже были голодные тоже, и вот чтоб отобрать у нас завтраки наши. А что это там, конечно, было… но для нас это было такое, что мы могли принести – вот я шла тогда и думала: вот я сестренку угощу. Она еще тогда была в детском саду, вот. И вот… а я стала рассказывать, по-моему, об нашем… кто у нас первое все поколение, я вам стала, по-моему, рассказывать, да и забыла. Так вот, там первые самые учились, значит, две наших, родни наши, значит, Костина бабушка и бабушка Натальи Николаевны, вот, значит, там Черепанова была Мария Евгеньевна и Анна, по-моему, как же она… Анна Семеновна, кажется, она была Кимкорст, вот, ну и вот. И, главное-то, там работала бабушкина тетка: вначале она работала надзирательницей в детской при лазарете, а потом вскоре она где-то через год, по-моему, перешла учительницей рукоделия и воспитателем. И она там вот проработала, по-моему, с девяносто третьего года, с тысяча восемьсот девяносто третьего до самого разгона этого училища, это где-то уже, ну, этого института благородных девиц, она не покидала этих своих воспитанниц, потому что, ну, часть, конечно, детей – те, которые были иркутские, – их забрали, а многие же были приезжие откуда-то – их сюда доставили, а попробуйте вот… где-то в пятнадцатом, когда была уже война шла, вот в пятнадцатом-шестнадцатом, так где-то год, по-моему, в семнадцатом полностью их уже оттуда выселили, из этого здания, вот. И она там вот жила все годы, сразу же она там жила при этом, при институте благородных девиц. Вот они тоже, вот я о ней немножко тоже писала и в той, и в другой статье. И когда рассказывала о нашем городе, и когда рассказывала о это… об этом здании, там у меня так было, как он называется, даже статья… «И больше века длится связь». Потому что это был вот конец тысяча восемьсот девяностые годы, когда те учились двое и когда работала бабушкина Зиновья Степановна, Черкашенина, она там работала. Вот после этого, значит, уже в двадцатые годы там училась мама, вот я говорила, и там училась мама и тетка Натальи вот Николаевны, тоже этой Бессоновых… Бессоновы две сестры, они учились там тоже, но они учились на социальном факультете. Закончили, они были экономистами, работали, вот, а… Позже уже, где-то уже в тридцатые годы, тоже поступил туда учиться… тоже наша родня, Арсений Александрович Колокольни-

ков, вот я не знаю, если вы просматриваете газету, «Восточно-Сибирскую правду», иногда там бывают вложения «Ступеньки», детская вот газетка такая, и вот там его внук как раз написал о своем деде статью. Он нынче заканчивает школу, наверное, собирается поступать, по-моему, наверное, скорее всего, наверное, на филологический, потому что у него именно статьи есть об этом… это Колокольников уже, но тоже наша родня, вот. И вот он поступил, по-моему, проучился два года, и началась война – он ушел на фронт и вернулся только в сорок шестом году и закончил университет, физмат. Физик он. После этого, значит, там же учился… училась с сорок первого года, была она эвакуирована была из Белоруссии, студентка еще, она поступала, она поехала в Москву поступать, а в Москве там уже нельзя было поступать, и, значит, она приехала, здесь у нее была какая-то родня была, и она приехала в Иркутск и здесь поступила, и у нее тоже… его жена потом она стала, Раиса, вот Колокольникова тоже, она тоже, и они вот потом работали в Иргиредмете оба после окончания университета и затем преподавали, оба, по-моему, доценты были, в Сельхозинституте физику. Вот я не помню, по-моему, он был даже завкафедрой одно время там, в Сельхозинституте, Арсений Александрович, вот. Это, значит, уже тридцатые, начало сороковые годы, дальше он… в пятидесятые годы поступили мы уже: сначала поступила я – на химфак, сестра поступила на математический, Наташа… Наталья Николаевна поступила на физический, – то есть вот мы уже в институте учились в пятидесятые годы. Вот закончили университет – это уже у нас, значит, получается четвертое поколение, да, потому что первое – это были те, старшие наши, наши бабушки, там потом, значит, были наши мамы, потом вот наши братья, сестры старшие, ну тут брат в смысле только… и потом, значит, мы вот уже в пятидесятые годы, потом училась внучка, значит, первая, а вернее дочка вот Арсения, вот она поступила одна, и вторая вот… и одна-то вот, Наташа Колокольникова, она до сих пор еще работает после матери. Это вот пятое поколение и шестое поколение – это наши вот, сестренки двоюродной Маринки, вот о которой я говорила [нрзб] закончил тоже, тоже физмат, тоже закончил уже в две тысячи четвертом году. Вот видите как, это уже шестое наше поколение, которое относится к тому корпусу, которые учились в том корпусе, и вот Наташа до сих пор там вот работает, сестра, правда, ее Галя умерла. В общем, она работает, они обе математики были, притом одна очень такой… вот Галя-то, она была такой важной в математике, она большой вклад внесла именно в развитие математики нашей, в нашем университете, вот.

– Ну давайте, наверное, последний вопрос.

– Так давайте, какой?

– У вас какие-нибудь есть любимые места в Иркутске?

– Любимые места… я очень люблю набережную. Вот знаете, когда-то там был чудесный парк, там играл, ну и сейчас, говорят, там летом играет оркестр, вот. И, значит, приходить туда всегда… мы жили когда на Седова и на Пятой Армии, мы всегда ходили туда гулять, и даже, вот когда мы были студентами, мы туда ходили – там же заливались аллеи в свое время, и мы катались там на коньках в студенческие годы, вот. Потом там была рядом, как раз почти напротив нашей этой библиотеки, была лодочная станция. Мы иногда даже, вот это можно сказать сейчас, что мы даже сбегали с лекций, чтоб покататься на лодке, весной особенно, когда только немножечко это… потеплеет, мы с удовольствием, конечно… Вот это одно из первых таких моих мест, ну, я люблю вот Академгородок – мы здесь уже давно живем, я считаю, что это одно из самых красивых мест сейчас в Иркутске, потому что здесь очень следят… за то, чтоб была зелень, чтобы была чистота как-то, здесь стараются, конечно, всяко бывает, но во всяком случае стараются.

– А вы как считаете, набережная сильно изменилась?

– Набережная – сильно, она стала какой-то более такой… ну вот левая часть от Карла Маркса – там еще как-то более спокойно, а тут это уже… ну все равно хорошо, все равно я люблю туда ходить. Вот пока жили на Пятой Армии, я всегда ходила с сыном туда, мы всегда сидели там. Даже вот сидишь на этих ступеньках, чтоб смотреть на Ангару, – это же вообще просто такое… сейчас все это от нас далеко, поэтому мы, конечно, туда сейчас редко ездим, но иногда все-таки стараемся выбраться. На остров Юность, конечно, попадали тоже так в свое время. Раньше там вообще ничего не было, а сейчас все-таки там можно как-то немножко тоже иногда и отдохнуть, и все. Ну вот раньше я любила ходить на Иерусалимское кладбище. Мы даже туда ходили заниматься иногда, ну мы жили когда на Киевской, там близко было – и вот весной туда уйдешь, там даже забирались на деревья, и сидели там, и там учили. Там было спокойно все, хорошо так. А потом вот, мы уже заканчивали, когда там вдруг устроили эту танцплощадку, а потом эти вот аттракционы устроили сейчас… конечно, все это там будет запрещено – это было бы, конечно, здорово все-таки, там потому что могилы наших предков. Бабушка в свое время, конечно, показывала – сейчас я не найду там ничего, а там все наши прадеды, наши все эти похоронены на этом кладбище. Она меня водила, вот Марина говорит, я вот меньше все это знаю, потому что ты же, гово-

рит, с бабушкой, ты каждый раз… ездила ты чаще, она тебе показывала. А раньше тогда очень любили… а потом мы стали когда приходить, там как-то стало слишком шумно, там эта детвора со своими этими каруселями, со своими этими, но в то же время мне нравилось вот там прокатиться на колесе обозрения, что можно было посмотреть опять-таки на весь Иркутск. Как-то вот, вы знаете, с высоты-то это, там все-таки, там тоже высокое место же, так получается, да еще тут поднимаешься. Это вот самые такие, вот я говорю, у меня набережная, конечно. Мы все собирались там, это как-то вот и сейчас, вот когда, вот я говорю, собираемся, мы обязательно потом пройдемся по набережной; если даже мы где-то в другом месте собираемся, мы потом приезжаем на автобусе, нас привозят тоже, да, я говорю, когда… мы обязательно соберемся всем курсом и обязательно пройдемся, потому что набережная эта наша была, поэтому в наши времена она же была не асфальтированная, ничего там. Вот дальше вот туда даже там были и рытвины, и все, да дорога-то была ужасная, по-моему, там. Мы вот ходили когда на вокзал, чтобы ехать в колхоз, – так ужас: идешь по этой набережной, и там так прямо вот такая грязь осенью, это ужас. И бревна валяются, и все что угодно. Но все равно это как-то была вот, ну а… несмотря, она оставалась красивой набережной, там была такая, такие беседки были красивые, потом их снесли, было вот напротив университета. Ну вот там мы там… там была хорошая, типа там летней библиотечка была, мы там туда ходили тоже, ну и на танцплощадку мы туда ходили, потому что как-то там было все хорошо. Ну и она тогда была быстрее, ближе к центру танцплощадка была – прямо с набережной почти, то есть с этого, с Карла Маркса почти попадала на нее там, вот. Ну и сейчас тоже, конечно, она все равно она красивая, красивая она очень даже. Там хорошо насадили деревья, все это. Это уже все это благоустройство было, когда мы… начали… жили мы в это время на Пятой Армии когда, тогда все это начали там они благоустраивать все так: уже тогда сделали спуск к Ангаре так красиво, конечно. Ну вот так-то особенно я не могу, ну вот около театра я вот раньше больше любила, там был раньше этот садик, около Драмтеатра, намного лучше, а сейчас какой-то он… там, по-моему, повырубили очень много, больше сделали, по-моему, скамеек, но как-то он стал менее уютным, вот. А раньше вообще Драмтеатр… я люблю, конечно, раньше часто-часто ходили, в студенческие годы мы так часто ходили в Драмтеатр, у Кости работала там тетка. Ну она, как сказать, была, ну типа контролера или что-то, так это так она нам часто доставала контрамарки. Поэтому мы старались на все спек-

такли попасть туда, вот. Но, поскольку могла, она всегда, конечно, приносила, чтоб это… пропуска давала нам, и мы ходили, мы с Костей дружили с первого курса, ну вот, а потом… А поженились-то уже поздно, потому что я болела сильно, я целый год не училась – четвертый курс как раз я пропустила, потом, значит, снова вернулась в университет, закончила, хотя маме написали, что едва ли я проживу пять лет. Дали справку даже ей, а я ничего, закончила. Закончила – и вот уже сколько живу, вот. Наоборот, в Читу вернулась и так благодарила там профессора одного, у нас был, потому что мама, когда меня увезла отсюда после больницы, ну я там пожила-пожила лето, а к осени-то хочется сюда, в университет, вернуться. И мама меня сводила к этому профессору, и он сказал: пусть учится, не запрещайте, говорит, ей. Потому что мне сказали, что мне учиться дальше нельзя уже будет. Здесь врачи из этого, из факультетской клиники, когда меня выписывали, сказали, едва ли я смогу учиться дальше. Они не то что сказали, что нет, нельзя, но сказали, что едва ли я смогу, а он сказал: пусть учится, – и вот я приехала и закончила университет. Но самое интересное – ведь я закончила как бы на год позже своего курса, а я со своим курсом все время, потому что все равно сближают первые курсы, они как-то больше сближают людей. Потом уже у нас там особенно, не знаю, как там у других факультетов, а у нас дальше там потом идут… было там, например, идет органика, высокомолекулярники, аналитики отдельно – уже расщепляется группа, и поэтому они часто просто говорят: да ты ж была просто в другой группе. У нас еще большинство было органиков, в то время была модной органика. Ты-то была, говорят, в другой группе. Правильно, я, говорю, была аналитиком, только на год, говорю, позже, но я с ними дружу больше, чем с тем курсом, с которым я кончала. И вот мы сейчас вот все время перезваниваемся вот нынче; перед Восьмым марта мне одна из Читы позвонила и говорит: Галя, я уж не буду всем-то звонить, ты, говорит, поэтому всем-всем позвони нашим, поздравь всех наших, всех наших девочек с Восьмым, говорит, марта. Ну и я тут всем тут звонила – это, считайте, у меня целый вот список, да, вот в моей записной книжке. Там у меня там написано так: кафедра аналитической химии, лаборатория неорганической химии и мой курс. А вообще я дружу, конечно, с тех пор еще, ну правда, уже осталось всего два человека, с кем я переписываюсь, – это мои одноклассники. И вот в этом отношении я человек очень активный: во-первых, я люблю получать письма и люблю посылать письма – это сейчас это такая редкость, вот, но как-то вот… И вот я стараюсь, конечно, поддерживать тоже со всеми своими: и вот одно-

классницами, и однокурсниками, ну, наших одноклассников уже как-то я… часть растерялись, с кем меньше дружила. У нас вообще был маленький класс: мы заканчивали – у нас всех новеньких брали в параллельный класс, а наш класс шел… до этого, у нас тут до, по-моему, восьмого класса… у нас был один класс, или до седьмого там, до восьмого… стало два класса, и вот, потом всех новеньких туда, а нас так и оставались, знаешь, а у нас были… большинство-то там же, Чита же это военный, дети, там дети военных были, они часто уезжали, и поэтому нас в классе все меньше и меньше становилось, просто разъезжались они: кого туда перевели, кого туда перевели из военных. Вот у нас поэтому заканчивало всего двадцать, я не помню, мало нас – двадцать один, что ли, человек. Но вообще класс был тоже дружный, мне везло на это: и класс дружный, и курс дружный очень. Знаете, я, ну считаю, что и кафедра очень дружная, и лаборатория дружная. Мне, правда, в лаборатории прямо сказали: Галина Михайловна, это, говорят, благодаря вам, еще говорит, мы такие дружные, говорит, стали в лаборатории, они как-то до этого, видно, были менее. А я, видно, привыкла, что все дружат всегда, что все очень должны быть такие, вот, поэтому мне везло вот на такое, что… Ну вот я сейчас чайку налью.

– *Хорошо, Галина Михайловна, спасибо вам большое.*

– Я, правда, вам столько многого наболтала, а посмотрите – уже третий час. Ужас.

Интервью
с Тамарой Андреевной Полетаевой
(1935 год рождения)

– Так… Ну как? Надо представиться, наверное, да?

– *Да.*

– Значит, я Полетаева Тамара Андреевна, уроженка города Иркутска. Только на короткое время я выезжала из своего города, а так со дня рождения по сей день я проживаю в нем.

– *А когда вы родились?*

– Сейчас будет [шепотом]. Так что с этим городом связана вся моя жизнь. Здесь и семья моя, здесь и дети мои, и внуки. Мой любимый город – это Иркутск. И моя любимая улица – это Вторая Красноармейская. Сейчас она называется Лапина, а была до этого еще Вторая Солдатская улица. Вот эта улица начинается от Карла Маркса и упирается в улицу Тимирязева. Как раз в то место, где на возвышенности стоит Крестовоздвиженская церковь. До некоторого времени, пока нам не выстроили капитальный цирк, каждое лето цирк открывал свои гастроли. Там как раз под этим холмом стоял цирк с полотняной крышей. На зиму эту крышу убирали, а весной, когда начинались гастроли, эту крышу опять натягивали. Ну, надо сказать, место очень веселое, потому что наша усадьба почти вплотную примыкала к этому цирку. Так что церковь звонила, собирала граждан на богослужение, а цирк звал к себе бравурной музыкой… Выходной марш такой есть, когда начинаются все представления цирковые… Вот... На углу нашей улицы стояла тумба. Вот сейчас снова эти афишные тумбы везде стоят, только они не круглые такие вот, как раньше, а такие ребристые… Как показать-то… Если в разрезе, то эта тумба будет вот такая вот…

– *Угу.*

– Разрезать, да? А раньше такие вот деревянные делали, круглые… большие такие… и вот на эти тумбы наклеивали афиши. И первая литература, которую я читала, была как раз вот эти афиши… Очень большие были буквы, понятно все было.

– *Угу.*

– Вот. Значит, родилась я 17-го мая 1935-го года. Значит, завтра у меня день рождения, вот. И родилась я на этой же улице в роддоме, который своим углом выходит на Карла Маркса, напротив кинотеатра «Художественный». Там был раньше только роддом. Посуда там была старинной, еще до революции. Там такие чашечки, например, удобные приносили на первое, на второе, на третье, посу-

деночки такие были и с этим… с подносиком еще. Очень удобно, уже не ошпаришься, не опрокинешь ничего. И через 24 года ровно в этой же палате у меня родился старший сын. Вот какая связь. Таким образом, я пуповиной с этим городом связана. Так… вот на этой же улице и сейчас… и я уже не помню, в каком вот году, открылось монгольское посольство. Вот как раз на квартале, который от Дзержинского до Карла Маркса идет. Ну, еще чем характерна моя улица? Там находится дом Шубиных. Шубин – это купец. Построен он, этот дом, очень давно, и после революции он начал как-то хиреть, никто за ним не присматривал, хозяева очень часто менялись, продавали его, дарили и так далее. В общем, история печальная у этого дома. А сейчас такой вид у него: ставни закрыты и он обгоревший весь, его разорили… этот, как его… ворота, да?

– *Ворота, да.*

– Так что туда ходит, кто захочет…

– *Угу.*

– Туда мусор ссыпают с близлежащих домов. Вот поэтому я, когда гуляю по этой вот улице, часто бываю, и у меня сердечко колотится, потому что очень много воспоминаний связано с этой улицей. Так, еще что? По праздникам 1-го Мая и 7-го по нашей улице техника шла на парад. Представляете? Танки шли. Грохот был страшный, и вся округа, и вся ребятня собирались смотреть на эти танки. Даже грохотало жутко. Так. А это вот… Вот усадьба.

–*Угу.*

– Вот церковь.

– *Угу.*

– Вот цирк, вот Тимирязева, это Вторая Красноармейская, это Седого, она идет наверх.

– *Угу.*

– Да, мимо церкви. Вот наша усадьба, это забор, который отделяет вот эту усадьбу, вот ворота, вот это калитка была. Вот по квартирам, значит, вот в этом доме я жила, деревянный дом с кружевами.

– *Угу.*

– С большими окнами, с наличниками такими красивыми, вот эта усадьба вся еще сохранилась, все три дома стоят. Вот в этом доме в подвале мы жили. И то у нас было светлее, чем вот здесь. Правда, правда! Потому что ничего не загораживалось, домишки-то маленькие, солнца много было, так… Значит, ну, теперь, наверное, надо рассказать о том, как появились две эти улицы, да?

– *Мг, да, да.*

– Значит так. В 1931 году... Наверное, надо еще немножечко истории, да? В общем, так, моя семья до войны состояла, значит,

дедушка, бабушка, четыре дяди, семья одного из дядей, мама, я с братом – двенадцать человек у нас было.

– *Угу.*

– И всего 18 квадратов. И вот на эти 18 квадратов двенадцать человек. А приехал дедушка в Иркутск в 1929 году из Увалей. Здесь такое село большое. Наступила коллективизация, стали насильно загонять в колхозы. Состояние жуткое было, друг друга предавали, расстрелы без конца были, и поэтому у дедушки еще ребятишки маленькие были, шестеро детей, всего четырнадцать было детей, но вот восемь из них умерло, кто в младенчестве, кто в детском возрасте. И вот они приехали сюда с детьми. И вот я эту историю не знаю, как именно они эту квартиру получили. Я помню, что дедушка работал в какой-то организации по сельскому хозяйству. И вот эти все квартиры, вот эта вся усадьба принадлежали сельхоз технике.

– *Угу.*

– Вот, видимо, он получил по этой линии. Так.

– *Угу.*

– А вот это, вот это дом, в котором я жила. Это со двора, значит. Это вход в подвал, вот это вот.

– *Угу.*

– Это лестница на чердак-то, значит... Трое жили. Одна квартира, вторая, третья, но они... Это как называется-то? Коммунальная квартира. Они под одним номером, но три комнаты занимали разные семьи, вот. А как вам план срисовать или как?

– *Это вы вырисовывали, да?*

– Да, я рисовала.

– *Ну да, я срисовать могу, могу…*

– Потому что у меня…

– *А, сфотографировать могу*.

– А! Так это вообще будет здорово. Так… Так, еще… Еще про улицу надо, нет?

– *Да.*

– Ну, по-моему все, больше примечательного ничего нету. Значит, про дом рассказала, посольство, Шубиных… А у меня в основном про усадьбу. Про моих соседей.

– *Угу. Расскажите про свое детство.*

– Угу. А вот это, этот же вот дом.

– *Угу.*

– Только уже поквартирно. Вот жили тут Турмины, Чуриловы, а вот это портниха жила. Я была совсем маленькой еще. Они после войны сразу переехали. А вот это подвал. В подвале жили две се-

мьи. Вот это четвертая квартира, а в третьей мы жили. Вот одна комнатка, вот вторая, вот это кухня. Вот тут все есть. И вот двенадцать человек жили.

– *Угу.*

– Вообще как сельди в бочке. Четверо детей. Так…

– *Скажите, какие воспоминания о детстве сохранились?*

– Ага, сейчас я все найду… Ну, во-первых, я очень любила ходить в цирк. Мне нравилась дрессура.

– *Угу.*

– Но у мамы не всегда были деньги, чтобы дать. Я пристраивалась: какую-нибудь тетеньку поплотнее, покрасивее, потолще выберу…

– *Угу.*

– И, значит, с ней рядом, с ней мимо контролеров пройду. Где-нибудь присяду, смотрю, вот. Вот, когда война началась, мне было шесть лет всего. И в городе появилось жулья очень много.

– *Угу.*

– Очень много. Карманники эти, воры-домушники… Мы никогда не закрывали свой подвал.

– *Угу.*

– Вот взрослые уходили, ребятня где-то носилась, и никто ничего не крал. Когда началась война, понаехало это жулье, невозможно было ничего вывешивать на улицу.

– *Угу.*

– Все тащили. Забирали из квартиры. Ужас один. И вот однажды у нас, значит, вот это вот... в последнем доме, ладно. Вот я там рисовала, вот этот дом на улицу выходит. Вот так вот один и… и третий… Тут, значит, две семьи жило, сюда вот окошечки выходили, сюда вторая семья, а вот здесь вот была, знаете, такая комнатка. Ну, вот в ней жить можно было только летом, ну, вот сараюшка, только чистая была, да?

– *Угу.*

– Вот эту вот комнатку дали одной эвакуированной семье. Мы-то путем с ними даже не могли познакомиться. Женщина ходила всегда хмурая такая, голову свесит. Платком забинтована голова. Даже не повязана, а как-то забинтована. Таким каким-то серым платком. И все она торопилась, торопилась и туда, и обратно. И была у нее… Да, сынок у нее был лет семнадцати, мальчик такой же хмурый. Мы потом Слоном его прозвали. Просто он как-то ходил вот так, по-слоновьи. Вот. Ну, ребятня на язык-то острые. И девочка лет пяти. Тоже звали Тамара. И вот однажды, когда эта женщина уходила куда-то на работу. Видимо, и не закрывала на

замок, не вешала никакой висячий. А просто вот петлю накинула, петлю накинула на этот гвоздь, а сюда она щепочку вставляла. И вот эта девочка играла, играла она, видимо, значит. На кровати тряпье было набросано. Она, видимо, сидела на этом тряпье. И детскую маленькую печенку, видимо, решила зажечь. И, в общем, она чиркнула, у ней все это загорелось. И, в общем, она сгорела. Все на работе. И поэтому, в общем, она задохнулась. Так… Вот это, значит, воспоминание, да. Теперь, значит, ну, в это же время, в общем, все перестраивалось. Появилось много разных у нас мероприятий эвакуированных. Вот, в частности, макаронная фабрика. Вот завод Куйбышева эвакуированный был, да? Ну, много разных. Знаете что? Если хотите про войну вот почитать, я вот набрала книг. Можно выбрать.

– *Хорошо.*

– Вот. Вы потом посмотрите. Так. Ну, и что, значит, появились новые виды искусства, что ли. В общем, стали шить у нас унты для летчиков из собачатины. Но для этого собаки нужны, а их по городу развелось много. Что же люди голодали. Детям есть нечего было, а тут еще животину кормить. Их всех выпускали, они бродяжничали. И вот организовалась артель по ловле собак. Значит, частенько стал ездить к нам фургончик такой. Этим фургончиком управляли два мужика таких противных. Руки заскорузлые, под ногтями грязь. Ужас. Сами не умывались, что ли. Одежда на них аж коробом стояла от грязи. Противные на вид. Ну, как пьянчуги вот наши, эти бомжи. Да еще хуже даже. Эти-то хоть сытые, а те-то голодные были. Ну и вот. Они приезжали на фургоне. Лошаденка-то... прямо ребра все аж видно было, старая такая, голодная. Останавливались, значит, высматривали. Если собаку замечали, у них такой огромный сачок был на палке, и они за этой собакой. Половили они здорово. И вот однажды этот-то фургон остановился возле наших-то ворот. Дело было летом, днем, ребятня на улице. А они же гавкают, их же там полно, их же всяко разно колыхает, потому что дороги-то какие были. Это сейчас асфальт, а тогда слова-то такого не знали. Ну и вот. Мы выскочили все, услышали, что собаки то лают. Со дворов-то выскочили. И смотрим, значит, фургон остановился. И два мужика выходят. Один-то на козлах сидел, а второй-то я что-то не знаю, откуда появился. С огромным сочком. Ну, мы сразу… что они будут там делать. А тут собака такая небольшенькая выскочила из подворотни. Они за ней. Она шмыг в ограду. А пока они гонялись за этой собакой, мы открыли щеколду и выпустили всех собак. Ну, а потом, значит, те выходят с собакой, а тут ни одной нету. А они тогда получали… С каждой собаки по-

лучали какое-то вознаграждение. Так. Еще… Еще что. А вот средний дом, смотрите. Вот, двухэтажный. Вот это трубы. Вот здесь две семьи жило. А здесь одна. Между прочим, у меня в газете в мои года шесть публикаций было… Вот как раз вот здесь тетя Шура жила. И она рассказывала про поросенка, которого продали, а он сбежал, через речку перепрыгнул, к старым хозяевам вернулся. Это вот брат мой. Вот тут как раз эта ограда вот тут стояла. Это мы сами посадили деревья. Вот тут штакетничек этот стоял возле этого дома. Так… Еще случай был. Время-то голодное было. В детских домах все переполнено было. Видимо, голодали ребятишки. А потом отношение-то ужасное было. И вот из детского дома сбежал мальчик. И он два дня прятался на чердаке вот тут возле трубы. Вот. Вот тут прятался. Ну, ребятня-то все разузнает. Мы потихоньку, значит, лазили туда, ему это, хлеб носили. Ну, и уговаривали его, что вернись, кого это… чужим ты не нужен. Там хоть крыша над головой есть, все. Ну, и вот, а взрослым мы никому не рассказывали. Только один у нас – Борис Мороз доложил отцу. А тот противный такой, гад, чтоб в армию не идти, взял ногу сломал себе. Это можно выбросить. Там можно стереть?

– *Да.*

– Я это сказала, чтоб какая-то связь была, почему отношение такое. Его не любили все от мала до велика. Ну, и он позвонил в милицию. И его утащили. Плакал, как он плакал: «Дядя, тетя, не гоните меня!»

– *Рассказывал, почему сбежал? Плохо там было, в детском доме?*

– Ну, я уже не помню. Ну, отношение плохое было. Сейчас вот все-таки более ли менее все. И одевают их, и обуваю, а все равно им плохо. Плохо. Так… Вот он выдал мальчика этого. Это вот Крестовоздвиженская наверху. Она угол Ленина и Седова занимает. Вот как раз с этим местом связано воспоминание… К нам с дарами ходят только… Значит, дело было так. Вот сейчас напротив этой церкви на углу Ленина и Тимирязева стоит большой дом.

– *Угу.*

– А напротив пятнадцатая школа как раз. Знаете этот район. Да?

– *Да*

– Так на месте этого дома было несколько домов. Одно и двухэтажных… Ну, тихо, ты! Он любит ее! Ой, что делается, ой, что делается! Но те дома, которые выходили на улицу Ленина, они такие добротные. Ну, хорошие. Ну… Вот сейчас я вижу, просто купеческие. А я ходила по воду, вот где рядом с пятнадцатой школой была парикмахерская «Россиянка». Знаете, да?

– *Ну, представляю примерно.*

– И вся округа пользовалась этой водой, нигде ни колодцев никаких, ничего не было. Вот эта только единственная водокачка. А я любила ходить с коромыслом. Это сколько дорог… Четыре дороги я должна была пересечь. Я вот так повернусь… Вот. И однажды я и иду, смотрю, прямо на тротуаре мужчина сидит. Такой изможденный весь, худущий, глаза печальные-печальные. Тут к нему женщина подошла, что–то стала ему говорит, а потом достала из сумки кусочек хлеба, отломила, и ему дала. Он хлеб-то взял. Только до рта донес, и все – помер. Тут народ сбежался. Ну, а я заплакала. Да пошла по воду. По воду или за водой – как правильно?

– И так, так можно.

– Потому что я… помню, что мы по этому поводу спорили. Я училась, знаете, у кого? У Ольги Августовны, вам что-нибудь говорит это имя? Это жена Марка Сергеева. Поэта нашего. Так что… Как вот уехать отсюда, а? Такие корни у меня.

– А вы никогда, да, не хотели уехать из Иркутска?

– Нет! Что вы! Я по своей работе была в Москве, в Питере. В Одессе, в Севастополе, в Иркутской области я все крупные города объездила, все крупные поселки, но нигде лучше моего города нету, нигде. Вот ходишь, да, все вроде смотришь – красиво. Все. Вот знаешь, что приехал на десять, пятнадцать дней. Все это надо пойти посмотреть, все пережить, запомнить. Нет, душа рвется и все, хоть знаешь, что в семье порядок. Не. Лучше земли моей вообще нету, что бы ни говорили. Так… Еще из детства, да, надо? Так… Это тетя Дуся про поросеночка рассказывала… Так… А! Еще вот воспоминание жуткое. Это связанное с репрессиями. Мой папа был репрессирован 1938 году в Киренске. Получилось как. Он – член КПСС, с 1929 года, а до этого был комсомольским работником, а еще раньше служил в Первой Конной армии Буденова. До двадцатого года. Вот. Был в этой армии. И был. Значит, как сказать-то… в разведке. Их там пацанов набрали. На них же не обращают внимание, бегают да бегают. А они зыркоют все это. Потом докладывали. И вот однажды. Значит, они попали в засаду. И их убивать не убили. Но шампурами их избили, и отправили обратно. Так… Еще что… А… Что-то нить потеряла…

– Если про детство закончили, можно про студенчество рассказать. Где вы учились?

– А, сейчас, сейчас, сейчас, сейчас, сейчас. Ну, со школой связаны у меня хорошие воспоминания. Пришлося мне обучаться в нескольких школах, потому что все крупные школы были заняты госпиталями. И вот моя тринадцатая школа, которую я все-таки закончила, была занята под госпиталь. А сама школа тринадцатая

занимала помещение театрального училища. Знаете, напротив центрального рынка, двухэтажное кирпичное здание?

– *Представляю, где.*

– Вот. А школа сама чуть подальше. А школа сама около института Химии. Рядом как раз улица Тимирязева идет. Вот. Значит, начало учебного года я запомнила почему. Меня в школу провожала бабушка. Было прохладненько. Она на себя-то одела жакетку, а мне-то какую-то кофтенку дала. Пришли мы в эту школу, нас выстроили во дворе, и вдруг начался дождь. А я эту кофту потеряла. Пока ходила по двору – кофту потеряла. И вот я помню – бабушка меня поставила к себе спиной к животу, эту куртку на меня почти всю накинула, и вот мы с ней стояли. А директриса, значит, кого куда направить, кого на первый этаж, кого – на второй. А потом, много лет спустя, я в этом здании работала. Оно было уже не школа, а Институт усовершенствования учителей, и я была заведующим кабинетом математики. Вот. Связи какие, да... Так… Еще что… Ну, вы говорили. Что там какие-то любимые места, да?

– *Ну, какое в городе любимое место?*

– Вот. Ну, у меня немножечко больше одного. Значит, ну, во-первых, Набережная. Раньше она называлась не Бульвар Гагарина, а просто Вузовская Набережная. И на ней не было памятника этому Александру Третьему, а была на этом месте вообще только вот этот один остов. Но вот это… сохранили вот оградочку-то. Но зато вот от дороги, вот этот бульвар был отделен решеткой. Вот сейчас-то трудно представить ее, да? А там довольно большое пространство. Значит, от Белого Дома и до водной станции это все было вот так огорожено, красивая решетчатая ограда чугунная. Еще до революции она была построена. Вот. А внутри напротив белого дома возле самой воды была танцплощадка. Туда вход был платный. Ну, студенты же народ всегда был бедный. Всю жизнь общие массы всегда были бедные, потому что у них потребностей много было, расходов много было, не всем помогали. Вот. А экономить они не научились, не умеют. И поэтому они на танцплощадку всяко разно изощрялись попадать. Так администрация что делала? Во-первых мазали дегтем вот эти самые решетки, ограду. Ну, мазали хитро, не снаружи, а, допустим, внутри. Вот идет, значит, эта решетка. Вот это снаружи. Там, где мои пальцы – это снаружи. А они вот с внутренней части, вот тут промажут, ее же не видно. И потом деготь же черный, и ограда черная. И лезет парень, девчонка. А тогда очень модны были светлые тона, такой белый, голубой, светло-розовый. И вот приходит на танцплощадку, и весь бок… Потом, значит, как они изощрялись. Там работала лодочная

станция, ребята брали напрокат лодки там на час, на полтора, и зарабатывали. Возили за копейки девчонок. Так… Мне представить на бумаге легче, чем сказать иногда. В общем, вот берег Ангары. Вот так вот тычки понаделали. Ну, как называют это? Колья. Колья поставили и опутали их колючей проволокой, но тоже парни нашли какие-то щипцы, дырку проделали. Да. Вот. В общем, так… Ладно, танцплощадка. Рядом с этой площадкой был бильярд большой. Наверное, были в этом Баргузине, там видели, какие бильярды, нет?

– *Угу.*

– Вот и там также стоял. Между прочим, вот сейчас как раз вспомнила. До войны у нас был бильярд, я не знаю, как он у нас оказался, но настоящий старинный красивый бильярд. Покрыт зеленым сукном. Вот это я чудо помню как. Ножки, не поверите, вот такие вот точеные. Они откручивались. И вот как только начиналось лето. Вот этот бильярд из кладовки выносили в ограду. Что народу собиралось! Ужас один! Самая знаменитая усадьба. У нас постоянно был народ. Так. Еще мое любимое место – это площадь. Кирова. Когда-то она была знаменитой. Там и ярмарки проходили, и называлась она Тихвинская. На ней вот этот собор стоял. У меня все документально. Я ничего не говорю… Это вот такой был собор. А сейчас на его месте серый дом. Это вот книга вся о нем – об этом соборе: как строили его, какие деньги давал. Оказывается, ни копейки не дало правительство. Это все на народные деньги строилось, все… дома призрения, церкви, все это. Все купцы. Все купцы делали. Вот смотрите-ка, какую красоту уничтожили. Вот посмотрите. Так… Можно говорить, да? Ну, следующее – это площадь Кирова. Чем она замечательна – что это как центр города, как сердце притягивает народ. Там и разные гуляния, и разные празднества были. Сейчас преобразовали. Она такая красивая, уютная. Скамеечки, фонтан работает. Вот.

– *А как раньше украшали ее на праздники?*

– Украшали? Ну, знаете, ее особенно не украшали. Там временную трибуну строили, а все украшение в руках несли: эти плакаты, транспаранты, портреты, значит, цветы, шарики. Вот так. Причем обязаловка была. Студент если не пойдет на демонстрацию, его даже могут до сессии не допустить. Такая строгость была. Некоторым домой надо было съездить. Что-нибудь привезти из продуктов, из одежды. Отпрашивались, петиции писали, по какой причине. Ой, строгость какая была! Даже в школе вот не придешь, так тут загоняют вообще. Вот. Так что мы дисциплину знали. Дисциплину мы знали. Ну, я про Вторую Красноармейскую, свою родину, говорила. Ну, а как менялся город… Вот Вторая Красноар-

мейская, она почти не изменилась. У нас ведь дома строятся так, что дом-то не на одной улице расположен, а на двух, иногда даже на трех. Вот этот жом, возле которого умер мужчина, напротив Крестовоздвиженской церкви, он же на трех улицах расположен – Ленина, Тимирязева и Красноармейская, Первая Красноармейская. Все остальные-то переименовали. Вторая Красноармейская сейчас – Лапина. Третья – Грязнова. Четвертая – Киевская. А Шестая Советская… Я забыла, как Шестая-то теперь зовется. Ну, а бульвар Гагарина, конечно, преобразовался здорово. Там водная станция теперь богатая, потом кафе появились, ресторанчики. Бильярд исчез, танцплощадка исчезла, но зато чисто стало. Теперь можно ездить по дорогам, не прискакивая. А раньше то как ездили! Ой! Меня когда везли в больницу… Это я сейчас скажу. В сорок втором году двадцатого числа мы с сестрой пришли на Иерусалимское кладбище. Знаете такое, где находится, да? И сидели мы под березкой, играли, а потом на другой день меня укусил клещ. Он оказался энцефалитным. У меня температура была сорок один градус. Меня едва спасли. Так вот. Меня везли на лошадке. Скорая помощь в виде иго-го была, да. Везли, значит, меня, всю душеньку растрясли. Тут еще в центре мощеные были улицы булыжниками. Булыжники… такие круглые камни. А есть еще дробленый камень. С блестками. И огромные глыбы взрывом, в общем, раздрабливали крупные камни. А их потом дробили на мелкие. А ими потом выстилали дорогу. Сам камень черный, и такое впечатление, что через мясорубку несколько раз слюду пропустили, и потом связали с этим камнем. Понимаете, как? Вот такое представление у меня осталось. И вот этими камнями и булыжниками была выложена улица Карла Маркса. И еще кусок от набережной до… где сейчас памятник Ленину стоит. Там какой Азиатский банк-то… Сейчас поликлиника № 2, а до этого был Азиатский банк там. Но перед Азиатским еще какое-то слово. Забыла. Вот до этого здания вся дорога была выложена чурочками. Это деревянные такие вот кубики просмоленные. Такие дрова! Чудо! Значит, дедушка по какой–то надобности был там. И дорогу эту ремонтировали – убирали эти чурки. И ложили вот этот булыжник. Он прибежал домой, говорит: «Томка, скорей пошли дрова запасать!» Дело то было летом. Какая-то тележка у нас вдруг оказалась. Мы с ним бегом-бегом с этой Красноармейской. Ну, там, в общем-то, недалеко. Это что, мы, значит, мимо Крестовоздвиженской церкви, по Ленина сворачивали. Там памятника то не было. Там стоял… сейчас … кирха, кирха стояла – немецкая церковь. Где-то у меня была фотография. Вот. Стояла кирха. И мы мимо этой кирхи… Рабочие вы-

брасывали эти чурочки, а мы скорей подбирали. Прибежали, выгрузились, опять пошли. Мы до того устали с дедушкой, но зато дрова-то какие хорошие. Как они горели, просмоленные, представляете. Так. Еще что. Ну, наверно, пока все. А… еще школа, да? Я начала. Ну, тут невозможно без лирического отступления. Тут еще и переживания, и воспоминания. Значит так. Значит, пошла в школу я в сорок третьем году.

– *Как брат у меня.*

– Что-то перебили меня.

– *Пошли в школу в сорок третьем году.*

– Было голодно уже, шибко голодно. Все запасы подъели, неоткуда взять, нечего надеть, нечего поесть. Ни учебников, ничего нету. Мне тетя подарила, значит, непроливашку. Такого понятия не имеете, да? Это вот такая, значит, чернильница. Если ее разрезать, вот тут вот дырочка. Вот тут пером макали в чернила, она не проливалась. Если долить до половины, она не проливалась. А если чуть побольше, она может проливаться, когда опрокидывается. Подарила мне ручку с пером. А учительница французского языка, она жила над нами, подарила мне тетрадь. Вот меня так собрали в школу. Ну, потом мне пришлось перейти. Эта тринадцатая школа была слишком переполнена. Что же? Много эвакуированных детей оказалось, да. И поэтому меня определили в тридцатую школу. Это надо было ходить далеко. Сейчас я вам скажу, где эта школа находится. Есть такая улица Софьи Перовской.

– *Угу. Знаю.*

– И на этой Софье Перовской есть чужой рынок, который называется… Шан…

– *Шанхайка.*

– Правильно? Чужой? Чужой. Из этого рынка директор был, здесь недалеко жил, так его убили. Да… А я с его дочкой знакома. Так… На Софье Перовской. Там я закончила четвертый класс. В Пятый класс меня записали в двадцать шестую школу. Это напротив центрального рынка. Школа эта старая, построена еще до войны. И однажды, вот Господь, говорят, есть. Правильно – есть. И однажды, между двумя сменами, с первой смены дети почти все ушли, а со второй еще не пришли, провалился потолок. Представляете. Почти целый этаж обвалился. Ну, сейчас отремонтировали ее, снова этих детей обучают там, а то приходилось им везде распределять. Ну, закончила я все-таки тринадцатую школу. Была школа женская. Вот, значит, до войны, до войны были все школы смешанные, ни мужских, ни женских не было, а во время войны

почему-то сделали так. Так. Еще что… Ну, может еще что накопится, встретимся. Я могу вам литературу дать.

– *Может быть. Еще про студенчество расскажите? Вы же в Госуниверситете, сказали, учились, да?*

– А, да. В пятьдесят третьем году поступила на физмат.

– *Почему именно туда поступили?*

– А куда?

– *Почему так решили?*

– А… Ну, во-первых, математику я любила. Во-вторых, мне очень везло на учителей математики. Я все понимала, что они говорили. По физике я не все понимала. Вот я, например, хоть меня… убей Бог мою душу, я не знаю, что такое этот… как… Вот даже не могу вот запомнить термин. Значит, сопротивление, сила тока, напряжение. Я только получила из-за того, что зубрила. Не понимала и все. А химию не любила из-за того, что у нас… В общем, многое зависит от учителя. Вот какое впечатление он произведет, как он к тебе отнесется, так и предмет будешь любить. Ну и вот. А перед экзаменами у нас химию вела Евгения Алексеевна… Ой… Ну, больше пятидесяти лет прошло. Это дуршлаг уже. В общем, она нас собрала, сказала: «Кто будет на физмат поступать, приходите ко мне». И я пришла. Все что-то испугались, а я пришла. И она мне рассказала, какие ошибки встречаются вот на экзаменах, достала журнал «Химия в школе». Ну, по всем предметам издается такой журнал. И она прямо вырывала листочки: «Обрати внимание на это, на это». Я ведь на пятерку химию сдала в университет. Вот я, да, учла все. Я потом пришла, ее поблагодарила. Она говорит: «Теперь будет у нас хорошее отношение». Сдавала я экзамены хорошо. У меня ни одной тройки не было ни в аттестате, ни во вступительных экзаменах. На аттестат зрелости сдавали мы восемь экзаменов. Сейчас ЕГЭ один, то кричат: «Ой-е-ей!» А мы почти все предметы сдавали, причем экзамены сдавали мы с четвертого класса. Значит, по русскому это диктант был и по арифметике. Потом в пятом классе тоже. В пятом изложение уже. Изложение и по арифметике задание, вот. А в шестом уже биологию сдавали. В седьмом уже литературу, географию, биологию и еще что-то такое. А в университет я тоже много сдавала. Смотрите, математика письменно, устно, зачем-то сочинение, химия, физика, иностранный, вот. Шесть зачетов насчитала. Больше там. Семь было.

– *Литература, наверное.*

– Вот, литература. Вот зачем с математикой, с физикой там литература? Мучили только. Ну, зачислили меня, проучилась я пять лет, и направили меня, рабу божью, в Бурятию, но я там не-

долго прожила. Условий не было. Работать-то мы желали, нас устраивало то, что на берегу Байкала, но не устраивала обстановка. Там, во-первых, уже негде было работать. Там единственное место было – это железная дорога. А железную дорогу уже электрифицировали. Там было все население… Как раз мы попали под перепись населения в 58-м году. И там оказалось, в городе Бабушкине живет меньше народу, чем в самом захудалом селе, а все руководство там, поэтому все руководство перевели в Кабанск. А Кабанск – это село. Всего было две школы. Одна железнодорожная, а вторая обычная. Вот в ней я работала.

– А вы учителем работали, да?

– А?

– Учителем работали или...?

– А, ну да. Я же диплом получила. Учителем работала. Я учитель математики. Вот. Ну, потом оттуда мне пришлось уехать. Я испугалась. Там передо мной в декрет пошла учитель физкультуры, и не сумели ребенка принять нормально. Он умер на руках у докторов. Я испугалась. Испугалась. Поеду сюда, и все. А сюда приехала, мама говорит: «Куда ты поедешь. Оставайся». Меня не хотели увольнять никак, пришлось на хитрость идти. Я пришла в управление железными дорогами, положила пачку на стол. И пошла. Вышла во двор, с меня течет молоко. Тут управитель-то вышел. Вы, говорит, ее скорей выписывайте, она молоком исходит. У меня все платье было мокрое. Ужас! Платье голубое, молоко белое! Ну, это, конечно…

– Да. А расскажите еще, как праздники праздновали, Новый год там отмечали, День города?

– День города… Да, знаете, я домоседка сейчас. Я все в доме. День победы я даже дома просидела.

– А раньше… Ну, во-первых демонстрация была. Мы собирались к девяти, к полдевятому мы уже все, как штык, были у университета. Потом колоннами шли, как нас распределяли. Мы так это, знаете, скромно мы жили. У нас этих не было, ни дискотек, ни гульбищ не было. Слова-то такие новые мы не знали. Так что у нас скромно. Ну, часто у нас те, которые здесь жили, приходили в Институт к ребятам. У нас интересные беседы проходили, рассказывали друг другу о том, где жили, в каких условиях, чем занимались, песни пели. Да, кстати, я всю жизнь чем-то занималась. Во-первых, нельзя было ничем не заниматься, потому что была вся работа культурно-массовая поставлена, во! Дворцы работали, клубы работали, всякие кружки. В школе у нас было столько кружков. Вообще выбирай. Танцевальный, драматический, хоровой.

[– Андрей Михалыч в хоре пел][1].

– Ну, у меня вообще Андрей Михалыч затычка на все виды. Его когда на каторгу отправили, он золото добывал, людей лечил, лекарил, еще там, бог весть, чем занимался. Жизнь заставляет.

– Ага. В школе, значит. Я попробовала себя вообще в разных видах деятельности. Пока не открыла талант [смеется]. Ой, я не могу! Значит, художественной гимнастикой я начала заниматься. Мужчина у нас руководитель был. Ему не понравилась моя осанка. Он выгнал. Ну, я просто говорю так, сказал: «Ты не подходишь, девочка». Потом драмкружок. Ну, я что-то маленько походила, мне не понравилось, ушла, сама ушла. Декламация была у меня. В конце концов, я пришла в хор. И в университет я, когда пришла, тоже сразу записалась в хор. И еще записалась в драматический кружок. Мне понравилось. Мне дали роль профессорши. Ой! Одели на меня халат, значит, этот парик седой. А руководил знаешь, кто? Венгер. Наш народный артист. Так что вот вырви меня или вышли куданибудь, сумею я прожить? Ни за что. Так и погибну. Так, еще что? Ну, и все, наверное. Ага! Вся группа моя пришла смотреть спектакль, а назывался «Размолвка». Когда я грим-то сняла, вышла к ребятам, они говорят: «Что ты врала, что ты выступаешь? Мы тебя не видели». Я говорю: «Ничего себе! Два акта провела на сцене, они меня не видели!» Ну, а мне что-то, значит, это, морщинки нарисовали, да этот парик такой вот на мне. Ну и вот. Меня не видели. Ну, программка у меня сохранилась до сих пор. Воспоминания, что… Так… Ну, что, значит, можно, что сделать? Просмотреть мои воспоминания, да. Слушайте. Я же про Карла Маркса улицу вам ничего не рассказала! А! У меня даже книжка есть! Вы посмотрите! Это все я, наверное, завещаю музею. Да, Музей города Иркутска скоро открывается. Это не тот, что на Чайковского 5. Там закрывается. А завод Куйбышева знаете где?

[– В Рабочем].

– *В Рабочем?*

– Какое рабочее!? Автовокзал. Куйбышевский завод-то.

[– В Рабочем. Давайте поспорим. Я-то знаю. Я-то сама рабочевская].

– При постороннем не будем ссориться.

[– Я говорю, что рабочевская].

– Вдруг мы в рукопашную пойдем, и не знаю, кого она защищать будет.

[1] К разговору присоединяется еще один человек.

[– Это в Рабочем Куйбышевский].

– Это не важно.

[– И Декабрьских событий там есть. Я знаю. Все знаю].

– Ну, Декабрьских событий сюда ближе.

[– Ну да, и по туда, и по сюда одинаково идти].

– Про Карла Маркса… Вот сейчас вот этот музей будет возле завода. Вот там, где памятник стоит этому Куйбышеву. Ой, какая красота, все под старину сделано. Нам бахилы дали, пройти чтоб… Заказали шторы старинные. Ой, какая красота! А светильники, Господи!

[– А там памятник, кажется, стоит].

– А, этому. Куйбышеву.

[– Я знаю. Я была. Проезжала].

– Ой, какой-то он маленький!

[– Какой маленький?]

– Памятник-то.

[– Памятник-то нормальный].

– Много лет назад я его видела, он больше был... Вот это я. Загородили меня эти женщины-то. Видите, как шторы-то, а пол-то какой! Это паркет настоящий.

[– Это какой настоящий! Это не настоящий паркет!]

– Настоящий.

[– Это стелют вот под паркет. Это не настоящий].

– Старинный особняк.

[– Это как же его стелют-то… Линолеум?]

– Нет, не линолеум.

[– А вы трогали, что там нормальный пол?]

– Нормальный. Все, нормальный. Это под старину все делается. Так… Так вот я, Катерина, говорила вам, поликлиника номер два-то. Вот Русско-Азиатский банк. Русско-Азиатский. Вот сейчас поликлиника №2 там. Напротив нее кирха стояла немецкая. Ее снесли. Вот. Вот это здание, оно тоже на две улицы. Вот это Ленина улица, это Карла Маркса. Когда-то это здание занимало только два этажа. Свой статус меняло много-много раз. Это сначала было реальное училище, потом Институт народного хозяйства, или Нархоз, потом была академия. А сейчас Байкальский институт чего там… права, что ли. Дальше идет детская поликлиника. Потом дом печати. Вот глобус огромный, наверно, видели, да? Его, вообще-то не различишь сразу. Такой скромненький. Так… Изменилось очень место, где кинотеатр «Гигант». Вот этого помещения не было. Зато здесь стояли два атланта. Два огромных. Вот такие шары они… стояли, держали. Какая красота была. А еще поближе к Набережной кинотеатр «Художественный». Вы когда-нибудь там были, в нем?

–Да.

–Ну, это как центр студенчества сейчас. Ну и часто нас, стариков, приглашают. Мы смотрим бесплатно кино там. Так вот, потолок там был расписан. Илья пророк на тройке лошадей по небу скачет. Так специально приезжали люди, чтобы только посмотреть на эту картину. А мы, значит, ребятишки, как только звонок, гурьбой в зал. Красота была, не смогли восстановить. Что они там сделали, потолок был нормальный. Разговоры шли долго-долго. Что–то даже проклинали тех, кто этим делом занимался, потому что все разрушили. Дело было так, как мне рассказывали, как я запомнила. В общем, что-то там на крыше случилось, ну и что-то там накапало маленько. Ну и надо было сразу там это все ликвидировать. А там пока материал, да пока то да се… Да по-русски авось да небось, да? Видимо, дело дошло до того, что стала штукатурка отваливаться вместе с этой картиной. Ну и ничего не сумели сделать. Так. Мастера-то всегда есть. Только надо найти, надо приголубить, надо привести, надо что-то ему сделать, правильно? Вот. Какая жалость. Так, что еще? Так. Художественный музей вот по Карла Маркса. Так. Напротив, почти напротив этого музея, нет, чуточку наискосок от этого музея старинное здание. Значит, на одном углу был магазин «Лена», на другом углу книжный магазин, а посередине спорттовары. Занимала организация Отдел Народного образования, к которому я принадлежала. Сейчас вот этот Отдел народного образования перевели в бывшее здание Института усовершенствования учителей на... Как называется улица, бывшая Доронина?

[– А я откуда знаю? Я там не жила. Только в Рабочем].

– Она выходит на площадь Кирова, там, где вот этот стоял, долгострой-то. Ну, как? Три столба огромных стояли. Сейчас их взорвали. Нету. Ленина, 14 – это мэрия, правильно? Так вот, между мэрией и зданием следующим дорога шла, и там вот этот стоял гигант на трех ногах, долгострой.

[– Ладно…]

– Да. А вообще-то интересно узнать, что за улица то. А напротив вот этого дома Института усовершенствования учителей находится здание партийной… Что-то с партией связано. Там библиотека партийная, там зал для конференций, там как раз проводили презентацию книги Венгера. Я была. Он мне на память написал. А вот этот дом – швейная фабрика, в которой мама работала. А напротив – бюст Ленина. Знаете? Да, вот это место. А рядом там к цирку дом – обувная фабрика. Цирк. Фонтан. Вот сейчас там преобразовали площадь. Каких животных нет! И пони, и верблю-

ды, и лошади, причем карета, как у Золушки, тыква-карета. Карету сделали в виде тыквы большой. И белая лошадка возит ребятишек. Ой, так интересно. Но дорого.

– *Сколько?*

– Ой! На пони проехать вот так кружочек – пятьдесят рублев.

– *А раньше цирк какой был?*

– А цирк полотняный. Я говорила вам, он как раз стоял на горе. Нет, под горой. На горе-то Крестовоздвиженская церковь, а под горой-то полотняный цирк. И он как раз выходил на Вторую Красноармейскую. Прямо вот она его протыкала. Вторая Красноармейская. А рядом с этим цирком эти… типа конюшен были. Ну, там медведи эти были разные, обезьяны, тигры. Приезжала к нам артистов тьма тьмущая. Так… Ну, что ни дом, то история. Вот вся улица Карла Маркса, бывшая Большая улица, она застроена вся вот такими домами. Причем очень мне нравится, что эту улицу любят все, причем не только рядовые иркутяне, а руководство. Как ее преобразовали! Все дома отремонтированы, покрашены, дороги отремонтированы, гладкие, чистые, ухоженные такие. Я вот, когда туда попадаю, я стараюсь как-то побольше пройти, чтобы мне посмотреть.

– *Пара вопросов еще, и пойду. Еще хотела спросить, как Победу встречали. Вы помните?*

– Это незабываемо вообще. Тут даже своих слов не хватает, тут стихами надо говорить. Ну, во-первых, перед этим… за несколько дней до Победы случилось так. Сейчас, одну минуточку. Я всегда волнуюсь. В общем так. Вот в этом среднем доме, там я его показывала, две квартиры внизу. В одной квартире жила женщина – тетя Шура. И был у ней сын. Тетя Шура Сурова. И был у ней сын Юрий. Ну, чуть постарше меня. У них отец воевал на фронте. И вот однажды они получили приглашение прийти на почту за посылкой. Мы все испугались. Собрались, значит решать, что делать. Она говорит: «Я боюсь идти». Потому что кроме писем и извещений-похоронок мы ничего не получали. Никто. И тут вдруг она посылку получает. Кое-как ее уговорили, сопровождающего дали. Она принесла эту посылку, боится открывать. Вытащили ее на улицу, поставили на скамейку, открыли. Значит, сверху лежала какая-то газета. Вот я прямо все помню. Мы эту газету убрали. Смотрим, что-то розовое, а это оказалось платьишко. Красивое розовое платьишко. А он, муж ее, накануне писал, что выменял, ну, «махнем, не глядя» было. «Выменял, чтоб ты на мыло там у себя променяла». Ну и это. А под платьишком что-то зелененькое. Вытряхнули, а это гимнастерка вся в крови и пробита дырка. Что тут

началось! Как заголосила тетя Шура! Наши женщины плакать начали. Смотрим, калитка все время шлеп–шлеп. А это люди вой слышат – заходят. А на другой день такая же история повторилась. Напротив дома… Дом двухэтажный, деревянный, он и сейчас стоит. Там крылечко… Вход был не со двора, а с улицы. И вот на этом крылечке женщина сидела. А мы бегали ребятишки, играли, внимание не обращали. Ну, сидит да сидит. И вдруг она как завыла! Как завыла! И сразу же народ, какой был, окружили ее. Оказывается, она похоронку получила. А нам эти похоронки доставляла женщина по имени Мария. Ну, мы все ее считали пожилой, ну, как она была пожилая, нет. В общем, вся такая седая, морщинистая. А вот руки у нее были красивые, без морщин. И вот как только она выходила с почты, третье было почтовое отделение у нас. Вы знаете, где оно находится третье почтовое! Знаете? Вот на это почтовое отделение улица Красной Звезды выходит. На Карла Маркса которая… Вот. И как только она выходила на нашу улицу, собаки ее провожали от первой калитки до последней. Как они орали на нее! Ужас один! А с соседнего двора, с тридцать первой усадьбы, собака аж на крышу запрыгивала сарая и оттуда так злобно на нее лаяла. Потому что вот они чувствовали. Когда она уходила, такой вой стоял. Похоронку-то… Вот дружно как жили – все вместе плакали и радовались. Ну, а тут, значит, это… Когда узнали, что победа, ой вообще! Все, кто был дома, все собрались в ограде. Там откуда-то стол появился. А только скамейка стояла. Смотрим, значит, одна тарелка, вторая тарелка, бутылка, значит. Ой! Вообще! Обнимаются, целуются все. Даже вот этого Евгения и то поцеловали.

[– Какого Евгения?]

– А вот там у нас злодей один был. Ой, как он меня шпарил однажды! У него сынок заедало был. Ужас один. С ним нельзя было играть, потому что он как-то исподтишка делал все, некрасиво вел себя. Все время лупил моего брата. А брат на три года меня младше. Ну, сколько? Мне семь лет, ему четыре. И вот все время плакала от него. И вот как-то раз добралась и ему поддала. Он в рев да домой. А дома на беду мою отец был. А на земле такая вот палка лежала. Знаете, березовая она. Не то, что твердая, а гнется. И вот за мной погнался. Я вокруг этого среднего дома-то.

[– Это кто? Отец погнался?]

– Его, его отец – дядя Женя. И со всего маху-то как по спине, как шваркнет этой самой палкой-то, а она бьет очень больно. Больнее, чем другой величины палка из другого дерева. Ну, и я споткнулась, упала. А в это время бабушка вышла. Она увидела все

такое дело, подскочила, а он уже второй раз замахнулся, и удар то пришелся ей по плечу. А у ней четверо сыновей на фронте воевали. Он, видимо, когда пришел домой-то, осознал все это, ой. С этой лестницы, мы же в подвале были, он на четвереньках прополз перед бабушкой на коленях, умолял, чтоб она его простила. Его бы посадили. А тогда расстрел был. Запросто. Да, да. У ней четверо воюют, а он ее тут уродует. Ой, она болела долго, у нее рука болела. Дедушка-то испугался сам. Уговаривал бабушку. Он ее Карыма почему-то звал, на татарский манер. Переводится – старуха.

– *Как?*

– Карыма.

– *Победу как праздновали? Салют какой-то, что-то было?*

– В городе-то? Не, у нас совсем недавно салют стали это… А до этого ничего не было. Да праздновать то стали совсем недавно. Этот день просто отмечали в газетах, в журналах, да даже выходным он не был. Тут где-то у меня была заметка об этом дне Победы. Указано было, когда начали праздновать. Так что… Ой, воспоминания… Только начнешь что-то, какое-то слово тебе что-то как толчок даст. И я решила закончить. Потому что это нескончаемо.

– А *вы когда написали заметки?*

– Я написала больше года назад и отдала в музей, чтобы они распорядились, как… будут они печатать или прошнуруют мне. Четыре месяца прошло, пришла – они найти не могут. Вот я испугалась! Я была, знаете… Я заболела, честное слово… Ой, однажды они меня обрадовали, звонят: «Тамара Андреевна, мы нашли! Нашли!» Я уже не спрашиваю, что они нашли. Ну, и вернули мне их, я еще доработала. Тут, значит, у меня… Вот такими билетами бабушка обклеила горницу. Дедушка работал в Заларях пожарником… и два месяца Временное правительство ему не плотило деньги. Однажды он пришел и принес мешок денег вот таких. А они куда годились-то!

[– Старые!]

– И еще у меня есть старинные деньги – екатеринки… все прочее. Ладно, я вам разрешаю, вы посмотрите. Может, что понравится, надиктуем там. Вот это литература, а вот это – моя родословная. А нет… Это родословная моего супруга. Ну, в общем где-то у меня должна быть…

– *Так. Когда строили ГЭС?*

– Нашу ГЭС… Я училась в университете на третьем курсе. Правильно, второй, третий курс, по-моему… Вот так. И в одной группе со мной моя училась подружка… Училась Тамара Терехина. И у ней двоюродный брат был. Она меня с ним познакомила. И мы стали

встречаться. Ну вот. Он работал на строительстве ГЭС. Мы шефствовали над этой стройкой. Каким образом? Во-первых, мы часто выезжали с самодеятельностью, вот. Потом, мы помогали физически. Случилась авария, там, значит, чтоб вот этот мост-то построить, надо было Ангару повернуть немножко, да? Вбок. А для этого, значит, надо было выскрести что-то, яму какую-то, да, а с другой стороны насыпать, вот. И когда вот эта дамба была готова, стали отсасывать воду. Огромные такие насосы стояли. Я была там. Видела их. Жуткое впечатление. Из нескольких труб рвется вода со скрежетом с таким, с ревом. И вот там что-то случилось, прорвала что-то. И почти сухое это дно все залило. А были морозы, все это замерзло... И вот… А технику туда загнать было невозможно.

[Телефонный звонок].

– Поговорить не дадут. Вас слушаю. Алло [разговаривает по телефону].

– Это бывший экс-супруг.

– *Угу.*

– Живую рыбу, говорит, привезу. У меня аквариума нет [смеется]. Так… Значит, выезжали мы с самодеятельностью… И вот, значит, ребята скалывали этот лед вручную, а мы на тележки, на тачки грузили и увозили в другое место. Вот так. Дети остались в Иркутске. Младший сын служил под Москвой в кавалерии. Зовут его Игорь. Игорь Валентинович Полетаев. Вот. Видите, какие у него перекрещенные сабли и подкова. Вот. Служил в кавалерии, снимался в кинофильмах. Вот. Старший сын у меня служил на границе с Китаем. Зовут его Павел Валентинович Полетаев. Танкистом был. Значит, у нас как бы это… эстафета. Старший мой дядя… Ой, он не старший… Подождите… Почему это старший? У меня четыре дяди. Дмитрий артиллеристом был, Константин служил на границе с Китаем, Георгий водил Катюшу, а Павел танкистом был. И вот мой Павел тоже служил в танковых войсках. Досталось ему жутко. Как раз эти китайцы все время нарушали границу. Несколько раз вырезали заставы полностью. И однажды с танков сняли всю видеотехнику. Ой, это, наверное, не надо. Это так, для нас. Вот, ну, еще что, значит, у младшего сына одна дочка, она уже закончила Институт железнодорожного транспорта. У младшего, ой, у старшего сына, значит, старший сын Володя, 27 лет ему, у него уже дочка есть, вот. И Катерина, моя внучка, ей исполнилось семь лет, она нынче идет в школу, вот. Живут они недалеко от меня. Младший сын на том берегу, да прямо напротив. А старший сын напротив «Баргузина».

– Угу. Вот еще вопрос. Как вы относитесь к переименованию улиц? Вы говорили сегодня, что переименовывают улицы. Вот. Как вы к этому относитесь?

– Ну, вот тут… Ну, у нас, видите, вот эта политика... Несерьезно к ней относятся у нас, как попало. Такое впечатление, что наложили в корзиночку разных записочек, да с наименованиями. И вслепую запускают туда руку и разбрасывают. Так же у нас случилось с номерами в Солнечном. Вот дом здесь построили третий номер, а вот здесь в начале пятнадцатый стоит. Вот так вот. Все вразброс. Сейчас… первое время я не могла никак найти нужный адрес, все тыкалась то туда, то сюда. У кого не спроси, один туда посылает, другой сюда посылает. Так, ну, что я, вот, например, согласилась бы, чтоб Большая Карла Маркса улица, как была бы Большая, так и осталась. Историческая улица, большая такая, купеческая, интеллигентная такая. Этот Чехов сказал, что Иркутск интеллигентнейший город. Ой, какой умница. Так. Ну что… Я бы некоторые улицы, конечно бы, переименовала. Ну, я не могу сказать точно, вот какие… Не знаю. Это дело очень серьезное такое. Но Иркутск никогда в жизни не переименую. Ой, нет, это же милый город. Ну ладно, наверное, хватит на сегодня.

Интервью
с Галиной Михайловной Владимирцевой
(1937 год рождения)

– Владимирцева, в девичестве Козина. Родилась в городе Иркутске в 1937-м году, в январе. В Иркутске жили мои родители, и я осталась в Иркутске.

– *Помните ли первые впечатления о городе?*

– Ну, детство мое протекало в Иркутске. Папа у меня был репрессирован, и я находилась в детском доме. Воспитывалась в детском доме, который находился в предместье Марата. Ну тяжелое детство было довольно-таки в том плане, что к нам относились очень плохо. Мы были детьми врагов народа. Ну, отсюда все и остальное. Так. В школу я пошла в городе Иркутске. Меня уже взяла бабушка, папина мама. Ну а потом мама вернулась уже, тоже проблемы были из-за папы. Так. О своем детстве в итоге, о детстве можно сказать очень только (Игорь, пожалуйста, не шуми, оно мешает)… детство прошло у нас все-таки хорошее, счастливое, как мы его тогда называли. Очень интересное, радостное, потому что каждое лето отдыхали в пионерском лагере. А там время проводилось очень интересно. С нами занимались педагоги.

[– Там тебя обзывали всякой…].

– …Ну это когда в детском доме была, само детство было тяжелое, потому что я была как дочь врага народа. Ты мне не отвлекай, не перебивай. А детство прошло все-таки в советское время намного интереснее, чем оно проходит сейчас для детей, так я считаю, потому что с нами занимались воспитатели. Ну не воспитатели, а пионервожатые. Действительно, люди, видимо, призваны были по своему духу. Ну по своему, видно, влечению заниматься детьми. И очень много нам давали, многому нас обучали, много нам рассказывали. И с детства у меня, видимо, тоже появилась любовь и тяга к детям, работать с детьми. И когда у меня мама вышла второй раз замуж, и родился ребенок, брат мой, я посвятила себя воспитанию своего брата. И действительно, я была у него как наставница. Даже были такие моменты, когда он спрашивал разрешенья не у родителей – у отчима и мамы, – а у меня, можно ли ему пойти погулять или можно ли ему что-то делать. И это переросло вот у меня в будущее. Я закончила педагогический институт, проработала в институте в методическом комитете и вышла на пенсию оттуда. Вот так вот – старший лаборант методкабинета политехнического института. Вот так я и проработала, в 58 году я

вышла замуж, поменяла фамилию Козина на Владимирцева. В настоящее время мы с мужем уже отметили золотую свадьбу. У нас двое детей, которые тоже остались в Иркутске, живут здесь. И работники госучреждений оба. И внуки тоже у нас работают, учатся в Иркутске, тоже госучреждения у них там.

– Дальше еще что? Что сопоставить от детских воспоминаний?

– В город мы влюблены оба, и я, и мой муж. И сколько много мы ездили по бывшему Советскому Союзу, и по современной России. Где бы мы ни были, нам все время тянет в Иркутск. Город мы свой очень любим, очень дороги здесь многие у нас места. Юность наша прошла как-то, гуляя по паркам города Иркутска, очень много мы ходили по музеям, были заядлыми театралами. И дети у нас тоже. Так сын у нас вообще был театрал, ну дочь намного меньше: уже тогда как-то падал статус наших театров. Так что еще можно. Очень много-много мы посетили, конечно, и музеев, посещали и до сих пор посещаем, и приучили к этому уже даже внуков наших. Внуки наши знают наш город очень хорошо, знают, какие есть музеи, сколько их там и что каждый музей значит, о чем значит каждый музей.

– Как раньше молодежь отмечала праздники?

– Ну я считаю, что очень весело отмечала, не было таких пьянок. Не было, когда мы собирались, ну как бы стержень был веселья у нас, то есть все придумывали. Вот мы жили тоже с мужем, когда поженились, и уже даже у нас ребенок был, собирались молодежь нашего возраста. Так у нас мужчины даже вытворяли так: ботинками потолок накрасят, и как будто бы ходили по потолку. Общая кухня была. На общей кухне большой-большой стол, и там собиралось больше двадцати человек. Каждый из дома нес, кто что может: это в общежитии же. Дети наши в комнатах спали, чтобы не разбудить детей. Ну а вот молодые мамы-папы, а отмечали, очень было весело. Вот так, и розыгрыши были, больше придумывали по детским сказкам какие-нибудь, всякие костюмированные были. И в общем до сих пор поддерживаем встречи и отношения с теми, с кем мы жили в общежитии. Вот. Уже прошло больше сорока лет и все. Вот. Так считать, даже больше сорока лет как жили в общежитии и вот мы встречаемся так.

– Как строился Иркутск?

– Вот я помню. Муж у меня не иркутянин, хотя родились мы в одном роддоме с ним. Ну а потом его родители – отец геолог, мать врач – они жили, ну ездили, как геолог, по приискам. И поэтому он в Иркутск, уже приехал в Иркутск, когда поступил в институт. Вот так вот. А как строился Иркутск, я помню. Я помню, как строилась

трамвайная линия. Строили ее японцы пленные, а мы были вот ребятишками. Наша школа №13 пролегала как раз по переходу по улице Тимирязева. Там строилась трамвайная линия. И вот мы все бегали, смотрели на этих япошек, нам их до того было жалко. Мы им что-то какие-то кусочки хлеба носили, давали. Ну они довольно-таки так приветливо с нами разговаривали. Ну мы тогда совсем не понимали, что такое плен, потому что все-таки город-то наш не воевал, и мы не видели такую войну. Ну, хотя испытали уже тоже многое – так-то.

Что?.. А! Деревянные дома в Иркутске. Я, например, благоговею перед этими домами. У меня такое ощущение старины всегда. Ну как-то, ой, во мне что-то выливается в то, что это какая-то красота, сделанная руками людей, что это вот настолько одаренные люди могли создать ну такие кружева вот этих домов и построить сам дом вот из этих бревен. И что построено это все так, что они до сих пор стоят, но мне кажется, что они настолько разбросаны по всему городу. И вот сейчас администрация города желает как-то объединить эти все дома в одном месте где-то бы. Я это только приветствую. Все дома, я считаю, что ни в коем случае не надо, надо сохранить именно деревянный Иркутск. И вот что муж, что я были во многих городах, и деревянного такого города вот я нигде не встречала, как наш Иркутск. И я просто благоговею вот за то, что в нашем городе есть такие вот дома. Ну рада такому и думаю, что надо сохранить, конечно, это именно, это именно отличие Иркутска от других городов. Вот именно деревянный купеческий город. И по этим домам видно: зажиточный такой и добротный. А потом очень много эти дома говорят о том, что настолько люди были добрые: вот они строили эти дома, и они отдавали тепло городу. И не только деревянные, а и каменные. Вот Князевладимирская церковь, построенная братом и сестрой, и отдана городу. И до сих пор эта церковь, вот ну одна из самых-самых, вот которым я отдаю предпочтение с мужем. Там и крестились, и дети наши, и внуки наши крестились, и мы вот как-то поклоняемся дальше.

К переименованию улиц отношусь очень плохо. Мне кажется, надо было бы сохранить те названия улиц, которые были даны еще нашими предками, потому что наименование – это как имя улицы. Значит, оно что-то символизировало. А когда начали переименовывать, то во времена советской власти, теперь опять по-новому мы возвращаемся к старым наименованиям, то это какую-то путаницу вносит и разбой немножко, и не знаешь, как отнестись к этому. Я очень хорошо помню какие-то останки, если

можно так сказать, Московских ворот, вот где когда раньше выходит конец улицы Декабрьских событий, состыкуется с Ангарой. Вот здесь был причал. Вот я его хорошо помню, потому что мы с мамой ходили, в ванне носили белье и полоскали вот в Ангаре. И берег Ангары был сваями такими укреплен. И вот с этих свай мама полоскала белье вот в этой Ангаре. Конечно, вода очень холодная такая, студеная, но наша Ангара самая лучшая, вроде бы так кажется для нас чистой. По тем-то временам, конечно, была чистейшая вода. И вот там, я помню, вот-вот остатки вот этих вот ворот. Ну смутно помню, конечно. Ну вот когда-то мне мама рассказывала об этом.

Появлению памятника Колчаку я, например, приветствую. И не только приветствую, я его… вернее, приветствуем не так, как восстановили как бы адмирал Колчак, а приветствую, что это был знаменитый географ, который дал для… ну нашей для России, для нашей Родины очень много полезных вещей. Потому что он очень много путешествовал, много открытий сделал. А поставили памятник как только адмиралу Колчаку, хотя и как и адмирала… Я вот тоже фильм смотрела про Колчака адмирала «Колчак», ну и мне понравился этот фильм. Я считаю, что его однобоко показали со стороны как военачальника, а надо было бы показать его как географа. Тогда бы люди к нему отнеслись по-другому, не все же знают много о жизни его.

Так. Ритм жизни. Раньше был спокойный ритм жизни, мы все успевали, все планировали. И все-таки плановое хозяйство и плановая жизнь наша… она успокаивала людей, она не гнала их куда-то в загон, в закутки, а, размеренная, она шла. И люди не были так суетными вот этими, была уверенность в завтрашнем дне, да, была уверенность в завтрашнем дне. И вот именно, что не были суетными, то есть мы все планировали. Вот даже и мы, поженившись, на что нам было рассчитывать? Ну вроде бы только на свои стипендии. Жили, и нам хватало. Ну у него, мужа, как у горного… на горном факультете самая высокая была тогда стипендия. А у меня стипендия 22 рубля была по тем временам или 220. В общем и у него 500 там с лишним. Нам хватало. И потом родился у нас ребенок еще. Мужа по направлению: он окончил институт хорошо – и его по направлению отправили в Магадан, 700 километров севернее Магадана с предоставлением жилплощади (это очень много значило в те времена), и мы поехали туда, потому что мы приехали, и нам сразу дали жилье. Комната у нас была благоустроенная, большая. Это было шикарно. Но у нас заболел тяжело ребенок. Я с

ним вылетела через год срочно. Ну через годик он так заболел, к годику, и там эпидемия была на прииске. Но мы были это 700 километров севернее Магадана еще, в поселке Сусуман. Вот. И я с ним вылетела сюда, вернулась тут к родителям, а мужа только отпустила потом Москва. Ему пришлось еще полгода отрабатывать тогда, потому что тогда после института отрабатывать. И потом уже с разрешением, ну справка в том что, ребенок… ну его везти нельзя было больше в северные условия, по этой справке и Москва разрешила и мужу приехать сюда. И вот. Когда сюда тоже, сначала он работал в гидрошахте инженером, а потом встретил заведующего кафедрой, которую он кончал. И тот его пригласил на должность преподавателей. И так он до сих пор вот доцент кафедры горных машин и рудничного транспорта в Политехе, работает до сих пор, хоть и пенсионер. Вот. Ну и вот так вот. Ну и мы, когда приехали, вот заведующий кафедры нам сказал, что… ну нам с родителями жить уже не хотелось, мы хотели жить одни, и он нам сказал в общежитии комнату. И мы восемь лет прожили в общежитии, пока потом получили квартиру, потом другую. Ну потом мы уже… менялись квартиры, обеспечивая детей. То одного, то другого. Нас это устраивает – двухкомнатная.

Так. Какие важные производства были в то время в Иркутске? Я, например, помню, что в Иркутске у нас была своя обувная фабрика, которая обеспечивала обувью. Пусть она не итальянская, не какая-то германская, а была наша обычная, иркутская. Но она была добротная. И не очень богатые люди, даже и в достатке люди могли покупать именно эту обувь и одевать. Дети были обеспечены обувью капитально. Никогда мы не мучились ни с чем, и мы сами всегда нормальные туфли покупали. И не было… не гнались за этим западом. И я считаю, что зря, что ликвидировали и потеряли мы вот эти вот производства, как обувную фабрику, в Черемхово чулочно-носочную. Потом у нас была трикотажная фабрика: тоже мы ее потеряли. Но и много так сказать было фабрик, которые обеспечивали и рабочими местами жителей нашего города. И поэтому люди были как-то спокойны. Вот именно, как муж говорит, уверенность в завтрашнем дне, что вот у них есть рабочее место, будет аванс, будет зарплата. И планировали, что купить в этот раз, что купить в следующий раз. И будучи даже мы молодыми, тогда это как-то было принято и удобно, мы покупали все в кредит, когда начинали вот жить. Мы все покупали в кредит, и от зарплаты прямо на работе высчитывали определенную сумму. Нам хватало. Мы каждый год куда-то ездили с детьми. Сначала с

одним ребенком, потом с двумя детьми мы каждый год ездили везде. И мы побывали во многих городах. Мы были и в Москве, и в Прибалтике в нескольких городах. Мы были в Казахстане. Мы были на Востоке. Ну и на Украине. Мы много объездили, потому что билеты были дешевые, доступные, получали отпускные. Ну к этому немножко где-то подкапливали и ехали. Ну хорошо. Не гнались ни за какими границами, и нас они не устраивали на юге, сколько и хорошо было. Я думаю, что это было лучшее, спокойствие было, и стабильность была.

Как изменился облик города? В какой-то степени город мне нравится наш. Он красивый стал, очень много каменных домов, которые строятся тоже по современному стилю: то один дом так построен, другой дом так построен. Но будучи в Ангарске, вот мы обращаем внимание – там у него [мужа] брат живет, мы туда часто ездим – в Ангарске строительство больше нравится, потому что там нету одной серии домов. А вот квартал – одна серия, квартал – другая серия. И город красивее смотрится вот этими вот каменными домами, а не то что как серия масса одни. А у нас все-таки еще нет такого, у нас какие-то застройки немножечко не так. Но и наш город сейчас стал все-таки грязный, хоть каждую весну и весь город выходит на уборку территории, но тем не менее город у нас грязный все же. А я вспоминаю вот наш… у нас были субботники, город приводили в порядок. А потом народ как-то берег этот порядок этого города. Было почище, и ну вроде бы мы как-то не сорили, и не хотелось. Правда, вот как мне сын все время тоже говорит, что каждый уважающий себя никогда не бросит билет на пол. То есть это уже говорит о воспитании самого человека. Ну может быть, он и прав, конечно. Такое вот.

Ну кем я работала? Я уже сказала, что я была методистом. Ну во время работы я много тоже там меняла. И как менялся сам институт. И в этом плане работалось.

Ой, как началась война, конечно, я не помню. А вот как она закончилась, я помню. Где сейчас магазин «Алмаз», там тогда в этом здании было геологоуправление. И на этом здании находился репродуктор большой, большой, большой, большой. И вот когда была Победа, вся улица Карла Маркса, ну тогда она еще все равно Большая улица называлась, собрались там вот на углу вот этой вот Красной звезды и Карла Маркса, вот у этого репродуктора. Люди плакали, обнимались, танцевали, играла музыка, и ну, короче говоря, настолько было весело. Мы были вот детьми, это 45-й год. Мы были детьми. Я уже у мамы жила после… из детдома меня

уже забрали, и ну мы тоже вот там были, ликовали. В общем, было очень радостно, народ ликовал, что Победа, Победа, Победа.

Какие были в то время демонстрации и парады? Это уже мы сами захватили, во-первых, вот работая в институте, ну муж был обязан со студентами всегда ходить на все демонстрации. И мы ходили с детьми, и это был тоже великий праздник. Мы ходили 7 Ноября и ходили 1 Мая. Это был праздник, праздник вот для души, для общения, для… весной… вот весна. Ну как-то вот к этому готовились, дома сначала все это к празднику. Потом мы шли на демонстрацию уже, ну коллеги там, вот наши друзья семей. Эти друзья. После этого мы… обязательно первого мая мы после демонстрации переплывали уже на пароходике через Ангару на эту сторону, и у кого-то мы собирались. Нас была такая небольшая, но группа семейных, где мы. Дети росли вместе, и мы дружили и дружим до сих пор. И вот так вот. У кого-нибудь мы собирались и отмечали этот праздник. И тоже были и песни, и пляски, и дети нам… у меня очень много сохранилось детских газет, которые дети выпускали нам… газеты с праздником там, с текстами. И вот пока они нам что-то там готовят и концерты, можно было застолье. Было интересно, и потом с удовольствием. В три часа транслировала Москва уже парад на Красной площади. Мы садились все к столу, и это была уже традиция: смотрели московские парады. И уже застолье у нас, значит, ну было. Вот так вот. И дети все это помнят. Было хорошо, это было интересно, это была семья. То есть дети были при семье, и семья знала, где дети, чем заняты. Они не то что под опекой росли, но они были под надзором, они не были беспризорными, где-то бегали играли и там еще чего-то. И вот слава богу, что у всех наших друзей выросли очень приличные, достойные граждане нашей Родины и нашего города. И тоже занимают приличные всякие там посты. И работают, и нет у нас ни тунеядцев, ни таких каких-то.

Никогда не было желания уехать из города. Хотя вот мы даже после направления, после окончания института по направлению мы уехали на Север, и проработали там. Тоже там обзавелись и друзьями, и были условия жизненные. Но в то время еще не было такой мысли, что можно уехать из города. А вот уже потом, когда мы ездили туда-сюда, и можно было переехать в другой город жить. У меня, например, никогда такого желания не было. Меня всегда тянуло обратно в Иркутск. Мне хотелось ходить по нашим улицам, что я и до сих пор делаю, потому что у меня две подруги, правда они похоронили обе своих мужей, у нас наш вроде как муж

один остался на всех, но мы очень часто встречаемся. Потому что мы дружим с первого класса, это 60 с лишним лет мы встречаемся, мы ходим по городу. И каждый раз выбираем себе новые маршруты. И вот по старым улицам Иркутска одного, других улиц, другим улицам. Вот так вот. Мы встречаемся и восхищаемся городом. И в общем-то нам сквер, Набережная нравится, как она теперь оформлена. Сидим иногда на скамеечке. Я очень довольна, что восстановили обелиск Александру III. Я считаю, что он заслужил этого не потому, что он тоже был… много сделал для Иркутска. Он открыл вот эту вот дорогу нашу на Восток. И в общем-то есть заслуги его. Вот так.

– Ну что еще? Какое самое любимое место в городе?

– Самое любимое место в городе, наверное, наш Студгородок, в котором мы прожили 40 лет, после как в общежитии, да потом квартира в Студгородке. Так что вроде бы наш микрорайон, он самый родной, такой доступный. Хотя дети сейчас раскиданы по Иркутску. Ну тоже ездим. Вот. А так… Ну, сквер Кирова, тоже я его помню еще и старым, когда там только деревья высаживали, когда деревянная трибуна там у нас была. Ходили. И студентами мы ходили на парады через… мимо деревянной трибуны. Ну а потом вот уже все по-другому стало. Ну а так что еще? Ну и все, наверное. Больше-то. Какое самое любимое место, с чем связано… Ну и все, наверное. Дни сейчас другие. Да нет, наверно весь Иркутск. Я люблю, например, очень много. Особенно я люблю старый Иркутск. Когда мы ходим вот с мужем, мы где бываем, где есть старые вот эти дома и старые постройки, я … останавливаемся. Мы всегда разглядываем, смотрим. Очень интересно, во всяком случае. Ну и ходим по музеям города.

– А на 9 Мая были тоже демонстрации?

– Нет, на 9 Мая демонстраций не было. Но вот в одно время, когда были юбилейные даты 9 Мая, то проходил военный парад. Вот. Техника военная, она проходила тоже, по улице Ленина проходили. Ну вот такое вот было. И 9 Мая вот еще было: ветераны войны ходили от танка «Комсомолец», вот этот на 1-ой Советской. И пешком шли до Вечного огня и возлагали вот там эти ленты вот, эти памятные. Ну а как-то… И вот люди, вот эти ветераны войны, вот они шли демонстрацией. А вот для жителей города такой демонстрации вроде бы не было. Ну военная техника вот эта же проходила, были выступления военной техники.

– А смена климата? Вы как-то ее почувствовали?

– Ну почувствовали. Я вот вспоминаю свое детство. Ну муж вот тоже вспоминает: были сильные, студеные были морозы. Зи-

мой было холодно: во-первых, мы всегда, конечно, ходили в валенках, ходили в рукавицах и укутанные, одни глаза у нас торчали. Ну мороз был такой. Вот именно мороз был. Сухой, хороший мороз. Укутаешься, и тебе все нормально. А сейчас сырое это все. Идешь, это не мороз, а сырость какая-то, спина мокнет. И уже недомогание получаешь, потому что вот и простывают, видимо, люди, и адаптации организма нет это как таковой. Лето было сухое, но жаркое. И в мае уже солнце грело так, что можно было загорать даже. И детьми мы бегали уже в легких платьях, загорали. А сейчас и летом тоже влажность повышенная. Это как на Востоке мы были когда, тоже так идешь, и весь мокрый. Прямо по тебе все течет и плывет. Ну заметно, что климат сильно у нас изменился.

Ну и строили иркутскую ГЭС, когда я училась в Институте. Нас студентами гоняли, ну гоняли самым настоящим образом. А как? Долбали мы лед, долбили лед на дне котлована вот этого, я помню. Он же… там вода. Ангара замерзла, и вот долбали этот лед. Еще не было этой ГЭС. А ГЭС уже где-то в 60-ые годы построили. Вот так. Мы были потом… Ну я помню, ну как Ангара вставала, ну вот льдом покрывалась. Вот это тоже помню, как через Ангару ходили. И я помню даже однажды, как у меня брат пошел, а я с сыном ехала в трамвае и увидела: он с той стороны чуть ли не на середину Ангары вышел. Мы выскочили из трамвая у Планетария, и я бегом бежала и кричала: «Леня, Леня, Леня, Леня, вернись!» Потому что дальше там уже полынья. И ну то есть ребята вот ходили. Ну он был еще пацан тоже. Так вот. Ходили. Ну и так. Ну и вот такое вот.

Что еще мы помним? Ну дороги, конечно, в Иркутске у нас отвратительные. Машины все разбиваются. И не зря наши шофера возмущенные, что платят всякие налоги, а дороги не ремонтируют. Потому что едешь – одни канавки, канавки. А если еще под дождь… после дождя проезжаешь, то это вообще все разбитое. Потому что в этих… канавки – вода. И не зря возмущаются, что у нас дороги, конечно, очень плохие. Сравнивая дороги, вот муж был в Чите, был в Благовещенске, он говорит, там дороги вот отличнейшие, хорошие. Ну мы были вот, по Казахстану тоже дороги все очень хорошие. Ну в Иркутске дороги, действительно, только на этих, на лошадях. На этих… на пролетках ездить. А я ездила на пролетке. Я помню, как у меня была операция. И меня из больницы забирали. Мне ходить нельзя было. Ну нога была повреждена. И мама нанимала вот тогда лошадь. Это вот такси или что – пролетка? Вот меня на лошади привезли домой, что я… такси тогда еще не было. Тоже помню, захватила, и захватила вот. Между…

перед драмтеатром и между Управлением железной дороги, вот там вот было булыжником выложено… вся дорога. Вот сейчас керамикой выкладывают, которая год стоит, и тоже от нашей влаги она плывет и ползет. И выбивает и тоже эти колдобины. А там был булыжник деревянный такой. Вот. И как лошади ехали вот эти

– *Булыжник только каменный бывает.*

– Ну каменный, каменный. Каменные эти большие камни вот эти вот такие были. И лошади вот едут и цок-цок, цок-цок. А мы после 10-го класса ходили туда вот на Набережную. Там собирались все десятиклассники. И узнавали друг у друга, какая же будет тема, какая будет контрольная по математике и там так далее и тому подобное. И весь город, молодежь, десятиклассники, все собирались всегда там. Тоже это была какая-то традиция города. Вот. Выпускники школ вот собирались именно там. Ну а сейчас не знаю. Там десятиклассники собираются по кафе. Все ночь пьют. И под утро только домой идут.

– *Вот вы были во многих городах. В то время Иркутск в… чем выигрывал или чем-то уступал другим городам?*

– На то время он, может быть, ничем не выигрывал. Просто выигрывал нашей памятью к нему, нашей любовью к самому городу. Поэтому вот где бы мы ни были, мы восторгались. Вот мы были в Алма-Ате. Нам очень понравилось там. Ну вот я, например, люблю Москву. А Москву люблю тоже по старине. Вот я люблю ходить в Москве по закоулкам, где старина. И с дочерью вот ходили во все вот эти старые церкви. Ну мы с мужем там много тоже и монастырей, и эти все вот обходили. И Даниловский, и в Загорск мы ездили. И тоже вот это тоже что старое. Вот это, от чего мы идем, от истоков наших. Предки вот это все восторгались. А муж, не любит он в Москве жить, сколько мы уже там жили. Вот были, ему там не нравится. А я-то, вот я бы с удовольствием в Москву поехала. Тоже вот походить, побродить. Но вернуться в Иркутск. И вот Иркутск… в Иркутске почему-то вот такое ощущение, какое-то спокойствие вот. Оно давящее сверху. Но давит именно вот этой… спокойствием таким равномерным каким-то. Мне кажется, ну раньше было спокойнее еще от того, что пошел в магазин, ты уже знал, что магазин – ну все для дома, там строительные, хозяйственные вещи. Сейчас, конечно, рыскать приходится по магазинам. Эти бутики, бутики, бутики. В один зайдешь, в другой зайдешь, и ничего не купишь. Вот это нервирует как-то – разобщенность вот этих вот магазинов. И вроде их так много, и ничего не купишь. А остальное-то все. Вот допустим, старый Иркутск. Он спокойный

вот. Идешь, знаешь – вот в этом месте это… аптека, вот тут обувной магазин, тут магазин одежды, тут продовольственный. И оно спокойнее это все было ну и это же все нравится. Допустим, в той же Москве нравилось потому, что там тоже же так было, а теперь-то оно во всех городах так уже. Ну все равно тянет всегда в Иркутск, где бы мы ни были. Вот мы в прошлом году ездили в Алма-Ату с братом, ну с его собирались семьей. Мы раз уже тоже побыли там. Сколько мы прожили? Около месяца. И уже тянуло домой невозможно – вот домой, домой… Приезжаешь в Иркутск, вот кажется, и воздух другой, люди другие все какие-то, улыбаются. Хотя мы отметили, вот мы ездили: много лет тому назад в Казахстане не очень приветствовали русских, вот мы приезжали, и они к нам довольно-таки не грубовато, но с пренебрежением к нам относились, русским, а вот уже мы ездили в 5-м году, в 6-м году мы были, и вот в прошлом году, в 8-м году мы были – уже совершенно по-другому относятся к нам. Во-первых, там почитание пожилых людей. Вот заходишь в транспорт, сразу соскакивает молодежь и уступает тебе место. Это отмечаешь. Вот у нас такого, конечно, нет. Вот зайдешь в автобус, вот я, например, теперь подхожу, захожу, вернее, в первую дверь. Теперь все у нас заходят и выходят и тут же сидят, такая толчея. И вот сидят на первых местах. Даже молодые, они вот, они не видят тебя, а я тоже в таком, видимо, возрасте, что я подхожу и говорю: «Уступите мне место, мне надо сесть. Я стоять не могу, у меня… ноги больно». Правда, вот когда обратишься-то, молодежь встает, но сама не встанет. А вот в Казахстане все по-другому. Там не… вот даже тебе помогут войти, помогут выйти. И в этот момент к тебе в сумку никто не залезет. А у нас, если помогут войти и выйти, то и из сумки успеют вытащить. Понимаете, уже вот так вот. То есть вот совсем другая молодежь у них. И отношение к пожилым у них подняли на высоту. Пожилых не только казахов, но и русских очень много. И вот отношение такое вот у них, ну вот такое вот. Ну а что еще? Ну вот в том же Ангарске и то к пожилым относятся более приветливо. Вот мы иногда не на машине, а так вот ездим, городским транспортом, то тоже вот там в трамвае или куда-то, пожалуйста, пожалуйста, проходите, садитесь. И вот такое движение какое-то, а в Иркутске вот этого нет. Потеряли вот это вот уважение к живому человеку. И еще и вовсе даже. Ну а так… Тянет в город. Люблю, видимо, свой город. И в общем-то не хотела бы ни в какой другой город уезжать.

– А как вы считаете, как лучше: когда сквер был с деревьями или вот сейчас, когда его поменяли?

– А вы знаете, вот в прошлом году, когда мы с подругами пошли. Ну мы с мужем зимой еще ходили, смотрели когда вот там… мне, например, понравилось на сквере. Вот в прошлом году было оформление. Вот это, наверно, надо было бы вот так: такие стенды с описанием, такая-то церковь там, то-то, то-то, то-то в таком-то году была построена или сделана. Вот я считаю, для того, чтобы люди лучше узнали Иркутск. Вот эти стенды надо делать надо вот на сквере. Вот это было, мы вот прошли, все прочитали, но не все это запоминается сразу. Надо буклеты, видимо, такие выпускать, вот надо продавать вот такую продукцию. Вот такие открытки делать, но обязательно с описанием, что было раньше и сейчас. Чтобы было сравнение, а не то чтобы вот даже есть вот такая вот улица по-старому вот. Вот есть описания. Ну вот мне, например, подарили книгу… ой, про Иркутск вот. Ну она в малом тиражом выпущена, но мне подарили вот ее в нашем обществе репрессированных людей. Нет… это у меня все про Байкал. Современный центральный рынок был. Были эти, как их назвать-то, ряды были. Ряды вот как в деревнях. Вот Вам-то лично, может быть, знакомо, потому что в деревнях просто ряды деревянные стоят и небольшие навесы вот общие на эту сторону торговли. Не помните, не понимаете? Как? Ну как бы это объяснить? Ну вот так вот один ряд торговый и другой ряд торговый. Тут стоят продавцы, а тут проходят покупатели и тут, а это вот место закрыто крышей деревянной. Ну навес, просто обычный навес

[– Вот как сейчас на рынке на улице].

– Ну, как на улицах, вот такие. Ну вот в деревнях вот. В поселках-то вот, где мы бывали, такое было. Вот я помню такой рынок. Или был просто вот такой… как бы крыша деревянная. Эти вот с этой стороны, с этой стороны – все под стеклом было. А там как бы павильон. Вот заходили с той, с этой стороны, и вот торговали молоком, торговали рыбой. И я помню, что я в 10 лет, меня мама отправляла. Я покупала рыбу свежую, то есть она настолько была уверена, что рыба была свежая. И я, как ребенок… мне она доверяла, я могла идти купить эту рыбу и вот маленького брата кормить, там готовить ему, потому что мама работала, не была. Молоко мы покупали тоже так же, мясо там. Ну вот мама мясо покупала уже. Не я то есть. Вот такое. Вот такой рынок я помню деревянный и тут же этот колхозный рынок с полом, где торговали картошкой, ну таким. Ягодой как таковой никогда не торговали почему-то. Хотя, наверняка, были у кого-то сады же свои, но, видимо, настолько мало было этих кустиков, что они только себя обеспечи-

вали. Но зато в магазине продавались всегда в баночках всякие варенья, которые тоже можно было. Повидла, которые покупали и ели безбоязно. А сейчас… Потом я вот этот рынок, я хорошо помню. Это рынок нашего детства. И тоже деревянные. Это закрытый был рынок, вот под стеклом, видимо, для местных, а вот для приезжих… из Узбекистана приезжали сухофруктами. Все зиму всегда были сухофрукты на рынке. Мы покупали набор компотов этих сухих там. И они отдельно… можно было отдельно эти всякие покупать фрукты сухие и мороженые. Мы покупали. И помню – ну я была озорной… я очень, я очень девчонка… и помню, мы в школу ходили именно через рынок. Вот. И покупали мороженые вот такие яблоки – и в портфель. Кармашек такой у портфеля был. Могли днем. И вот приходили в школу и на перемене вот этими яблоками мы кидались. Я была октябренком комсомольской организации. Каждый… была стенгазета, где меня нарисовали: стоя на окне, и я кидаю, значит, этими яблоком. Вот эти вот те две мои подружки, мы, в общем, все вот такие были. Нас продернули хорошо в газете. Для нас это тогда, конечно, было… очень много значило.

[– У них же школы женские были].

– Да, мы же кончали женскую школу, еще не объединенную, одни девочки учились. Ну и вот такие вот хулиганистые девчонки мы. И вот одна из нас кончила с отличием, с красным дипломом мединститут. И всю жизнь проработала преподавателем в медучилище. А вторая, значит, в речфлоте проработала вот уже всю жизнь. И вот мы так остались верные дружбе нашей. Ну вот такое потом. Это второй рынок я помню. Тоже вот такой же вот открытый, но уже не стеклянный никакой, а просто лотки такие. Ряды открытые были. И третий рынок, я помню, это было уже здание одноэтажное. Ну такое вот если сейчас можно назвать вот как строительные магазины на Софье Перовской есть, где торгуют стройматериалами. Когда вот такого типа был длинный, длинный, как барак. И туда заходишь. Вот там был рынок. Прилавки были. И потом уже вот этот именно рынок снесли. И вот на его месте построили вот этот Торговый Комплекс. А не тот рынок, который сейчас рынок торговый – овощами там, фруктами и молоком, и всякой этой мясной продукцией. Это построили ну от силы лет 10 тому назад. А может, и того меньше. Само здание. Да нет, наверно. Но оно красивое, конечно, очень удобное довольно-таки. Вот. А Торговый Комплекс, строительство Торгового Комплекса… смету на строительство этого Комплекса моя мама ездила в Москву утверждать, как инженер-строитель она. И вот она ездила в Москву

за подписью. Вот. На разрешение строительства этого Торгового Комплекса вот этого. Но это уже тоже было, сколько лет уж мамы, 10 лет нет у нас. Вот такое… Ну рынок мне нравится наш. Он и красивый, он удобный, обширный. Ну а может быть, только от того, что их очень много… Это старый центральный рынок. Потом вот новый рынок, где радиозавод раньше был. И ну вот такие же рынки вот есть в Первомайском, на Ботанике тоже. Нам вот с мужем, мы чаще всего туда, ближе мы сюда. К дочери едем, и всегда заезжаем сюда. Ну то есть рынки вот эти вот очень удобные. Во всяком случае, в каждом микрорайоне. Только в Студгородке нет такого рынка. Вот у нас здесь нету ни магазина, ничего. Вот такой раньше Студгородок. Это сам по себе студенческий городок, полно студентов. И настолько было спокойно, хотя вся была молодежь. Они ходили, и песни пели, и гуляли здесь. Ну все общежития были заняты студентами. Под каждый факультет было свое общежитие. И мы никогда ничего не боялись. Даже из города, помню, поздно едешь, даже не было мысли, что на тебя кто-то нападет, и тебя кто-то ограбит, или с тебя сорвут серьги, или сорвут там цепочки или что-то. Сейчас тот же самый Студгородок… вот я, допустим, вот когда с подругами, мы встречаемся летом, то ладно – светло. А вот зимой в 6 часов уже темно. Меня всегда вот муж встречает. Или вообще на машине дочери, сына кто-нибудь меня привозит домой. Я боюсь идти по своему Студгородку, потому что тут безобразия уже идут. Ну а они, безобразия-то, по всему городу. Куда ни сунься, везде вот неспокойствие. Вот это, конечно, совсем. Ну и вот это такое. И вот это такое вот неблагоустройство нашего Студгородка. Это нету торговых таких площадей хороших. Жителей-то у нас здесь все-таки много, и нам бы необходимо такое вот – базарчик или базар, рыночек. Но вот такое вот. Ну что еще про рынок сказать. Что еще? Лучше спросите меня.

– *А в годы Вашей молодости преобладал общественный транспрот, да?*

– Да. Только потому что… ну, машины у нас вот… у Игоря был друг, а у этого друга был друг, а у этого друга был дядя профессор. Вот у него была машина, у этого профессора. Но это, что он ее приобрел под 50 лет, потому что он проработал в Китае инженером. И вот заработал какие-то деньги. Он приехал, он мог себе позволить купить «Волгу». Вот у него была «Волга». Это было событие. А вот так вот, чтобы молодые преподаватели… Ну естественно, машин не было. И у нас первая-то машина появилась.

[– У преподавателей, у студентов сейчас у всех].

– Нет, сейчас-то. Я говорю, у преподавателей… не все могли себе позволить. Я говорю вот даже, как и мы-то, такие преподаватели, и то только где-то лет в 40 могли, допустим, приобрести, вот, в частности. Так и мы даже, а сейчас-то вот как у него студенты такие приезжают и на каких крутых машинах, так-то есть это уже, а тогда только вот трамвай, автобус, ну, троллейбусов тоже не было. Троллейбусы, ой… в каком же году пустили троллейбусы? Ну, не помню, не суть важно. Не помню, но к какому-то юбилею у нас пустили. 67-й год, да, однако. Или 77-й, или 67-й. Это, значит, 17-й год: 50-летие, видимо, советской власти. К 50-летию, наверно, советской власти пустили у нас троллейбусы. Вот так. Наверно, было связано с чем-то. Вот. Вот такое. Ну, в общем-то, было приятно, конечно, что появились троллейбусы. Вот. А так автобусы. И мы обходились… Больше, видимо, ходили пешком. Но вон, когда еще с ним дружили, он меня провожал домой. А потом, я жила около завода Куйбышева, он оттуда шел пешком в Студгородок. Он жил в общежитии. И пока шел домой, они… их собиралось тут около моста. Один оттуда, один оттуда парень… молодые. И уже к общежитию к часу ночи человек 15–20 набиралось. Все по одному, по одному, и вот так, ну все они шли же пешком в то время через мост этот, да все вот так вот. Когда вспоминаем, что вот как встречались. А сейчас уже такого нет. Компьютеры, конечно, загрызли. Я против вот этой новой техники, микротехники. Хотя обладаем всем. Я не сторонница, у меня…

[– Сказал президент: «Без компьютеров мы не сможем преодолеть кризис»].

– Кризис. Вот так что все.

[– Это нам, когда учились в университете, было как не философия… научный коммунизм. Там говорит: «Если не знаешь научного коммунизма, никогда инженером не станешь». Так что вот научный коммунизм, чтобы стать инженером. Надо знать научный коммунизм].

– Вот так вот.

– *Еще что Вы можете сказать, допустим, о развитии аэропорта?*

– Ну, аэропорт… на наших глазах он уже менялся несколько раз. Был сначала вот старый комплекс, где теперь. Даже не теперь, а международный стал. Тогда хватало того. И мы на Север, кстати, улетали, именно тогда строительство нового аэропорта было, и мы улетали со станции « Белая» с военного аэродрома. Вот самолеты уходили. Мы улетали тогда оттуда, а прилетели с Севера, когда уже новое вот это здание было. Ну а что с новым? Все по-

современному строят. И то, что таможня там, и этот очень длительный проход, и проверки эти все – это, видимо, в связи с обстановками все. Это никуда не денешь. Нравится – не нравится. Ну вообще, строительство вот эти стеклянных зданий мне не нравится. Но это современный. Вот Алма-Ата почти вся такая. Новые микрорайоны. Вот мы в прошлом году летом были в Алма-Ате, там практически все прямо вот так вот офисные здания. Причем они многоэтажные. Вот они все зеркальные. Это вот как у нас сейчас угол Маяковского и Гоголя. Тоже вот эта железная дорога, вот такие здания зеркальные. Ну, и аэропорт точно такой же зеркальный вот этот. Ну это уже, видимо, не от нас, не от градостроителей, это зависит и от современной… Просто деньги туда впулять. И я считаю, что не то, ну а так-то…

– В молодости летом Вы гуляли. А зимой Вы как развлекались?

– А зимой мы вот даже с мужем, будучи уже женаты, мы ходили на лыжи и ездили… куда мы, Игорь… где? В Большой Луг или куда-то, мы ездили в Рассоху или куда-то. Вот тогда были выходные дни. Выезды вот на лыжах коллективом, ну просто вот, ну допустим, при Институте объявление, что вот выезжает вот.

[– Электрички такие].

– На электричках. Ходили вот такие люди с лыжами. Ну, как бы вот такие. Мы ездили и катались на лыжах. Вот ходили на лыжах зимой. Но потом много… Ну я вот увлекалась коньками, каталась на коньках. Муж в хоккей играл. На каток ходили тоже вот кататься. И детей… Ну вот старший-то сын у нас как-то более подтянут. С нами везде так. А вот когда уже дочь появилась, там немножко мы так, ну просто гулять как бы ходили. Ну мы, допустим, в Новый год, мы уже на площадь не ходили, а 1-го января, это была традиция, идти обязательно на площадь, смотреть елку, потому что там были снежные постройки и …ой, простите…Елка была высокая, красивая, украшенная цветными лампочками. Ну не то, что сейчас – каркас и натянут синтетику. То есть это все и… Но у меня очень много фотографий. Где-то есть даже что вот там ледяные постройки были, допустим. Ой, по Сурикову, что ли. Это генерал Топтыгин, медведь-то едет. Вот там лошади и медведь сидит в санях. В общем вот такое. Ну фотографировались даже. То есть мы гуляли всегда и гуляли по городу, но, кроме как площадь, не оформлялись другие нигде. Вот сейчас оформляется около где поликлиника 2. Это около улицы Ленина. Там стоматологическая какая-то частная клиника есть. И вот там, в этом во дворе, между 5-ой Армией и улицей Ленина, вот дворик. Может, обращали вни-

мание? Там очень красивая… всегда тоже постройки. Ну, нравятся. И с подсветкой. И в этом году, ну там прямо целые замки строятся, красиво. Потом в этом году около бракосочетания на сквере Декабрьских Событий, вот там тоже были постройки, и очень красивые. Ну то есть сейчас администрация всему этому много внимания уделяет. А тогда сквер Кирова только оформлялся. Но постройки никто не ломал. Вот они так все каникулы всегда стояли. И дети ходили на санках кататься, сами, без родителей. Никто их не сшибал, шапки ни у кого не воровали, никого никто не бил и катались вот с этих горок. Спокойно было. Родителям было спокойно.

– А Вы можете вспомнить… вот фонтаны. Они когда построены?

– А фонтаны… фонтаны… вот на сквере Кирова фонтан я не помню, когда он, конечно, задействован, когда он был пущен. Но раньше фонтана там не было. Потом там был фонтан деревянный такой. Как ни каркас, а… ну ограждение деревянное было внутри. Не знаю там… что там было. Может быть, этим, асфальтом, как это бетоном. А вот так. Но были фонтаны, вот на Карла Маркса Дом железнодорожников стоит, тридцатый, там два фонтана было. Двор-то был закрытый, этой, решеткой… такой был закрытый. Туда, кроме как жильцы, вроде бы никто и не ходил. Вот такое закрытое дворы были. Вот там два фонтана было. Вот этот фонтан на сквере был, потом, когда около телеграфа и нового здания цирка, там тоже был небольшой фонтанчик такой. Но он что-то когда не работал. Потом построили вот Дом профсоюза. Вот когда построили, тоже фонтаны сделали. Ну теперь это бракосочетание. Там вообще каскад целый фонтанов сделали. И на Ленина сделали около Дворца спорта тоже фонтан. А больше-то вот таких фонтанов и не было нигде вроде бы. Вот за эти.

– То есть на Новый год, Вы говорите, в городе только елки были, то есть никаких гирлянд? Ничто для украшения улиц не покупалось?

– Нет-нет-нет. Тогда не было гирлянд. Гирлянд вообще не было. Это же все Китай. И это же Китай вот привез оформление. Но мне нравится. Если вот когда зимой идешь, и вот эти цветные гирлянды висят красиво, приятно. Где оранжевые, где синие, где зеленые. Как-то нарядность какая-то вот от этих гирлянд. В общем-то это неплохо, видимо, теперь оформляют. Но наверняка этих всяких хозяев бутиков, их просто, наверное, обязывают свою территорию как-то приукрасить и убранством этим. Ну что еще? Масленицу вот я помню, мы помним вместе. Масленица была в

Москве-реке всегда там. И вдоль вот, начиная от улицы Ленина до сквера Кирова, ой, не до сквера Кирова, до бульвара Гагарина вот этот промежуток, вот район, где драмтеатр, вот здесь такие столы стояли длинные, самовары кипятили и тут же блины вот делали. И народу было немерено, и все покупали эти блины, все, все ели эти блины. Ну и в том числе мы ели, покупали, и детей водили, потом как-то вот на бульваре Гагарина делали вот Масленицу тоже. Там ну еще тогда памятника не было Александру, там стела эта стояла, вот тоже там на той-то Масленица проходила. Но всегда это было каким-то весельем. В общем-то, это нравилось. Люди вот с удовольствием общались, выходили из домов для того, чтобы вот пообщаться вот, повеселиться. Песни пели и танцевали, и гармошки играли. И в общем-то, это было… И в центральный парк, вот там тоже, мы вот туда с внуками всегда тоже ездили. И они такие активные, маленькие вот наши внуки, которые… одному было 2 года, второму что-то было… ну, 3 года. И помню, там музыка заиграла, арена, и мы их туда оставили. Они там так отплясывали. И одна женщина подошла ко мне и еще сказала, что Ваших детей надо музыкой увлекаться, заниматься, потому что у них есть данные. И у нас вот один из внуков занимается вокалом, а внучка, 5 лет, занимается музыкой. Вот так вот. С того все началось тоже. Это младшая наша. Ну вот так все пошло. Чулочно-носочная фабрика в Черемхово была тоже местная, считалась большущая. И прекрасные были чулки, носки. Мы это все носили. В Усолье у нас была швейная фабрика. Да и у нас тоже швейная фабрика была…

[– Да как они назывались-то?]

– «Вид», видовские. Швейная фабрика. Это для женщин – халаты, платья вот эти ситцевые, все это. И мужские костюмы – все это шилось свое. Но если привозилось где-то там московское, что оно не акцентировалось на этом. Потому что все это было свое, это добротное, прошито было хорошо. Потом у нас пимокатная фабрика была, катали валенки. Это тоже иркутское было. Потом обувная фабрика, вот где теперь «Манеж» вот этот стоит. Там обувь тоже. Она не супер-пупер была, а как дочь у меня говорит «супер-пупер», но обувь, в которой можно было ходить. И приличная обувь была. А детская-то обувь – она вообще была мягкая. Пусть из свиной кожи, но она добротная была. Но и хромовая была. И она была непропускаемая, влагоотталкивающая. Ну и это все недорого было. Это все было недорого, это все можно было купить. Потом что у нас еще? Ну не было этих… шуб всяких и мутоновых, и нор-

ковых, которые вон с Китая попривозили. Но у нас шили пальто. Были ателье, и шили пальто. И ходили в этих пальто тоже так же. Ну во всяком случае, но завод Куйбышева – один производственный… промышленное такое, которое выпускало драги на весь, на всю Россию, на весь Союз, это он один такой был на весь Советский Союз. Драги одни выпускал только завод Куйбышева. И сейчас они до сих пор, драги еще… до сих пор эти драги работающие. Вот на Северах они еще работают, эти драги. Но запчасти, запчасти вот до сих пор тоже несколько цехов – всего 600 человек на заводе Куйбышева вот сейчас работают, которые вот запчасти выпускают, допустим, по определенным заказам, индивидуальным заказам предприятий. Вот они снабжают их, а сам завод – вот «Фортуна», где только тоже только торговля. Ну что еще? Какие такие промышленные? Радиозавод у нас был, который выпускал несчастные динамики, радиоприемники. Они в общем-то обеспечивали. И я помню патефоны… а вот проигрыватели вон у нас еще. Тоже детям когда-то покупали пластинки сказки слушать. И вот до сих пор они. Дети выросли на пластинках. У меня вот целый арсенал пластинок, и все это храню, потому что еще и до правнуков все останется. Вот. Радиозавод выпускал. Ну что еще? У нас какие производственные большие были? А, самолетостроение. Ну оно и сейчас во Втором Иркутске еще держится вот во всяком случае. Фармфабрики тоже вот… фармацевтическая в Усолье была. У нас здесь фармфабрика была и лекарства были без подделок всяких. Мы их покупали. Мы знали, что ими можно пользоваться, можно было употреблять, лечиться. А теперь одни же подделки. Фарфоровая фабрика вот, Мешелевский в Усольском районе тоже выпускал посуду фарфоровую. Пусть она не китайская. Да и сейчас китайская-то посуда вон какая дрянная. Но когда-то, может быть, в 18-м, 19-м веке. Да. У нас тут тоже есть Хайтинская посуда. Так. Хайта выпускала вот фарфор. Вот я тебе покажу, остатки у меня есть. Вот блюдечко, на свет посмотрите, оно прозрачное. Вот оно. Вот. Прозрачный фарфор. Это вот Хайтинская фарфоровая посуда. Это мне от свекрови досталось в память. Сколько лет, а сейчас… а сейчас-то что – китайское вот это все. Что еще? И какие бы дороги ни были плохие, мне очень хочется, чтобы дороги были очень хорошие, потому что мне жалко и нашу машину (и у меня, и у детей машина), и всех шоферов, которые мучаются с нашими дорогами. В Иркутске наладить дороги. Вот. Сейчас хотя вот в Иркутске появилось освещение, вечером едешь, и улицы освещены. А буквально, может быть, 5–7 лет тому назад едешь по темному Иркутску.

Это кусочек только когда проезжаешь, плотина была освещена, и кусочек вот в Академгородке был освещен. А так вот по всему только темному городу едешь. Это было вообще ужасно. Иркутск, который обладал ну довольно-таки дешевой электроэнергией по сравнению с другими городами, и мы были в темноте, и улицы вот наши. У нас вот здесь вот темнота. Не было. Но сейчас вот и у нас тут уже освещение есть. И во всяком случае город стал ну светлым таким. Ну через один столб. Но все-таки едешь, уже какое-то освещение. А то вообще в потемках ездили. Вот это хотя бы радостно.

– А день города раньше праздновали, концерты были какие-то или ничего не было?

– Были. Мы с мужем были, День города отмечали. Сколько тогда было?

[– Мы отмечали, еще 300 лет было].

– 300 лет, да? Мы тогда были на площади. Ну я не помню. У нас же Костя уже был.

[– В 61-м году 300 лет].

– В 61-м году. А, нет, Котьки еще не было у нас. Ну, короче говоря, папа, он имел такую возможность достать нам билеты. Вот мы с ним ходили на стадион «Труд», тогда он назывался. Ну, он и сейчас стадион «Труд». И вот мы с мужем туда ходили. Приезжали артисты, я уже не помню, кто из… конечно. Ну, и какие-то по тем временам знаменитости были, кто-то приезжал. По-моему, Ладынина тогда была. Вот она из «Трактористов» там есть. Она на лошадях едет, ну как эта… в колеснице-то в такой. Не «Трактористы» – «Кубанские казаки». Из «Кубанских казаков» она играла эпизод вот этот. И вот она тоже так по этому, по стадиону ехала. Ну а мы аплодировали. Владимир Трошин приезжал тогда, выступал. Это вот именно вот мы были, сидели на трибунах. Был большой-большой концерт вот прямо на стадионе. Народу, конечно, было тьма. И обратно мы с мужем, уже когда пошли все домой, ну в том числе и мы пошли. Такой проливной был дождь. Это было что-то! Вот. Ведро опрокинули. Мужчины все вот так закатали брюки до сих пор, женщины сняли обувь, и в том числе я тоже босоножки несла в руках. И по Карла Маркса все шли – хлоп-хлоп-хлоп-хлоп. Прямо вот так вот было воды. Вот. Это вот как раз было тогда. Это, это вообще было что-то тоже вот такое. Ну, запоминающееся. Ну, весело тогда тоже было. Ну как-то праздновали вот День города. Это вот трехсотлетие вот мы отмечали города, вот на стадионе «Труд». Ну это-то был такой праздничный концерт. Я не знаю, может быть, он не один день был, но на одном из них, вот на

таком мы присутствовали. Очень даже нам понравилось. Понравилось. Ну и чаще всего по городу мы ездим, конечно, на трамвае. Как-то было доступно и трамваев было много. И они, не то что долго их не было, а вот раз, раз, раз.

[– И билет стоил 3 копеечки].

– Да, билет 3 копеечки. Ну и там. То, что было, хорошо как-то было. Каждый хотел в своем доме иметь свою библиотеку помимо библиотеки, которые были в городе. Вот в том числе Галина Игоревна. У нас тоже были стеллажи такие большие и книг было очень-очень много. Ну, читали мы много, и я, и муж много читали. Потом для сына у нас была подводка: вообще все словари были. Все. И технические, и юного натуралиста. а у нас до сих пор где-то есть журналы юного натуралиста. И очень много мы периодики выписывали, читали очень много мы. А потом, ну со временем, вот сейчас осталось вот в два ряда тут книги. Ну только такие, к которым вроде бы душа настроена. Так что с ними расстаться не хочется. А с остальными книгами… мы очень много на дачу увезли.

– Книги, они не были такими дорогими, как, допустим, сейчас?

– Да, они не были такими дорогими. Ну, хотя мы тоже очень много денег тратили. Вот я сейчас все время говорю детям, я говорю: «Зачем столько денег потратили мы на книги, когда можно было те же деньги тратить на путешествия?» А мы их тратили на книги. Вот. А сейчас уже у молодежи вот нет такого, такой заботы, чтобы в доме была библиотека. Вот средний внук у нас, дочь даже – у нее так, небольшая библиотека. Но которое мы еще им там подарили, уже подборку делали. А Настя говорит: «Мама, зачем я буду ему делать дома библиотеку, вот как ты нам делала, когда он в библиотеку идет и берет все, что ему надо? Или в Интернет садится и в Интернете вообще весь материал найдет и почитает то, что надо». Может быть, и права. Может быть, это и лучше, что теперь это все так, а не по-другому. Так что вот. Ну вот не знаешь.

Интервью
с Еленой Ивановной Говориной
(1937 год рождения)

– Значит, где вы родились? Если не в Иркутске, то как вы сюда попали? Ваши первые впечатления о городе?

– Родилась я в Аларском районе… это поселок Елен… как ее там. Там у нас была шахта Забитуй… за Черемхово.

– Недалеко, да, здесь?

– Ну, за Черемхово, там так-то не очень далеко. А как сюда попала… значит …эээ… подружка моя… А как она сюда попала, я не знаю. Потом приехала на каникулы и сказала: «Я поступила, значит, на мясокомбинат… ФЗО. Там так хорошо (главное, мы послевоенные), там кормят». Главное, кормят.

– А что такое ФЗО?

– Фабрично-заводское училище, или ПТУ, как сейчас называют. И вот я потом с ней и приехала сюда. Ну вот жила там в общежитии.

– Это, получается, вам сколько лет было?

– Пятнадцать.

– Вы уже работали в пятнадцать лет?

– Приехала в пятнадцать лет.

– Да.

– Только исполнилось, в апреле вот исполнилось пятнадцать. Я уже приехала где-то в мае сюда. Ну, набор как бы в сентябре, но в это время … эээ... мы там что-то убирали, что-то стирали там прямо, в этом, в общежитии… это… ну, что нас заставят, то и делали, что… что-то убирали. И вот, чтоб нам до сентября как бы прожить, вот мы там так и жили.

– А вот ваши первые впечатления о городе, как?

– Ну, в город мы сразу-то и не попали, в город. Город… Поселок Жилкино. Во-первых, автобусы ходили маленькие очень редко. А потом на что ехать, потом мы же… Нам …эээ… стипендию, помоему, пятнадцать или десять ли рублей нам платили, потом мы уже поехали в город. А то и пешком ходили.

– А сколько идти надо было?

– Ну от Жилкино до города – не знаю. За час, однако, и не дойдешь. А тогда капрон стали только продавать. Купили капрон, пошли в город. Ой, да как обморозились! Поселок Кирова – встали вот так вот. Когда встали уже так, ноги отошли маленько.

– Это когда было? Была осень, что ли?

– Зима. Зимой. Зимой пошли, ну, деньги получили. Нас даже в городе, нам одежда была, значит, нам спецодежда: телогрейку, шапку-ушанку… и кирзовые ботинки. Вот мы так пошли. А потом уже стали покупать, там тапочки … эээ... парусинные такие …эээ… парусинные продавали беленькие и их же… там уже… на танцах в таких пошли.

– *А в городе на танцы*?

– Нет, у нас в Жилкино. У нас там было три клуба, по-моему, в Жилкино, там. Как же мы ходили? Ну, в город пойдем? Это далеко все же… и это… На автобусе-то и не уедешь. Автобусы маленькие, столь народу было.

– *В город зачем ездили?*

– Посмотреть, поглазеть.

– *Что такого запоминающегося? Вот первый раз в городе – что такого было? Может, какое-то событие?*

– Главное, большие дома, дома большие и…

– *А архитектура? Вот сами дома красивые были тогда? Это, получается, какой год был?*

– Пятьдесят второй, пятьдесят третий. В пятьдесят втором приехала, пятьдесят третий год, да. Ну потом-то мы уже ознакомились, конечно, мы чаще стали ездить. Ну что нам бросилось? Таки молоденьки девчонки, да, конечно, главное, что вот дома большие…

– *А то, что там люди? Вот такой же поток людей был?*

– По-моему, меньше было. По-моему, меньше, чем сейчас. Я уже и не помню, и даже и не знаю, как и сказать.

– *Вот значит… Расскажите про свое детство. Каким оно было? Вы же не в Иркутске, да, были? И как вообще? Ваши родители в Иркутск ездили?*

– У меня папа здесь воевал, вот.

– *В Иркутске?*

– Да… Ой, Колчака гнал… ооо… в Ново-Ленино.

– *В Ново-Ленино? Ой…*

– А сам-то нет, это… ну… Кто был здесь? Конечно, не были. Сестры-то не были здесь – далеко. Если у нас самое далекое – это до Черемхово доехать, если в город что-то надо, к врачам или что-то там это, в Черемхово там. А чтоб в Иркутск… Это такой считался большущий город. Ну кто туда поедет? Никто сюда не ездил, нет.

– *Понятно…*

– Я знаю, что вот по документам, знаю, что папа здесь воевал. Вот он как рассказывал, и он очень давно умер, конечно. Вот рас-

сказывал, что вот здесь вот …эээ… В Ново-Ленино. Вот станция Ново-Ленино. Вот там вот гнали Колчака. Это вот я только запомнила и все…

– *Так.*

– А потом с родителями же мало… Мама умерла, мне десять лет было… И сразу пошла работать в няньки.

– *В няньки?*

– В школу надо было идти. Не в чем. Не в чем идти было. Вот заработала себе за лето на коленкоровое платье. Белый материал такой коленкоровый. Вот мне сшили, в школу пошла.

– *А вы сколько классов закончили? В какую школу ходили?*

– Я… Кончала-то я уже здесь, работала и училась, а там… Сколь? Четыре класса всего кончила. Четыре, по-моему, да… Четыре класса, и приехала сюда работать. Во-первых, в школу пошла поздно, не в чем идти было в школу… А здесь, в школе рабочей молодежи, уже вечером… днем работала, вечером училась.

– *Понятно. Расскажите про ваше студенчество. Почему вот вы выбрали то место, где вы учились? У вас выбора не было, как-то направили вас?*

– Нет. Когда набор был у нас, набор на мясокомбинате, так в основном принимали (это послевоенные годы же были), принимали детдомовских. Ну а я хоть… Я была без родителей, не считалась детдомовской, я там в родне жила, у тетки жила, там у сестер жила и это… считалась как бы домашняя… Ну и когда прие… Нас собрали всех, вот уже стали по цехам распределять. У нас бойное, значит, кишечное отделение и колбасное отделение. Ну там, мальчишек в слесаря… Ну вот нас собрали. Кто куда хочет. А мне подружка-то говорит: «Ты иди в колбасный». Там, говорит, и сытно, и это и хорошо. Ну ладно, вот. А я маленька така вот я. Инструктор сидит и говорит: «Ну… ну вот куда ты хочешь? В какое отделение хочешь?» Я молчу. Стыдно сказать, на уме это… колбасный. Самой стыдно так. Стою и молчу. Потом она говорит: «Ладно, я ее к себе возьму». Потому что я маленькая, если идти, значит …эээ… там ну... в другое отделение, я сильно маленькая. Она: «Я к себе ее возьму». Формовка колбасных изделий. Ну вот так она это… меня взяла, и я там начала работать.

– *А вот обучали Вас долго?*

– Ну год мы оттачивали. Год. Конечно. Потом у нас как бы выпускной, выпустили нас. Там как раз общежитие новое выстроили в Жилкино. Нас распределили по комнатам, по четыре человека мы жили. Вот жила, пока замуж не вышла.

– Ой, замуж вышли? Рано?

– Нет, мне двадцать два года было, я вышла замуж.

– А Вы в общежитии жили и работали, да?

– Ну конечно. Работала, училась в вечерней школе… И на танцы некогда было бегать… Во-первых, отработала смену, значит, в школу. В среду, значит, мы в школе… не учились мы в среду. В субботу, воскресенье на танцы охота. Потом хочется в кружки какие-нибудь ходить. Тогда же кружков-то сколь было! Я везде успевала. И в драматический кружок, и в спортивный этот… в школу ходила, в общем, везде. Я не знаю, сейчас вот удивляюсь, как я везде все успевала. Ну ни одного дня свободного нет, и на танцы охота, и... это… и погулять с ребятами хочется… В общем, всяко было.

– То есть везде себя пробовали, да?

– Да… Везде.

– А было у Вас какое-то такое занятие, которое Вы любили, с детства, прямо с молодости, и сейчас вот оно у Вас даже? Чем-нибудь таким увлекались сильно-сильно?

– Сильно? Да я бы не сказала. Я почему-то вот думала: или я буду как бы… вот детей воспитывать почему-то или я …ээээ… вот хотела… или торговать вот… Не то, что торговать, а вот на весах, главное, мне нравилось вот. Вот мы играли там, делали весы …ээээ… Вот эта вот у меня была мечта. Какая мечта? Как в пятнадцать лет попала на мясокомбинат, а там нам некогда было, мы же работали, мы взрослые. Ээээ… В няньки пошла, корову доила, сама от коровы это… чуть видна, корову надоить надо… ээээ…. А я у которых жила… Они… У него умерла жена и ребеночек еще был. Вот мне пришлось… и все стирать, а сама достать не могу. Там вот все вручную, это сейчас машины стиральные, а тогда ни… не было, вручную стирали, кипятили белье …ээээ… школа недалеко была. Со школы перемена большая, я бегу домой… ээээ… чтобы это… кровать застелить. Вечером же этот хозяин придет, чтоб не ругал хозяин… хозе… И это, картошки там что-то почистить. Ему же надо ужин сварить и все. На большой перемене. Мне некогда было ни на елку, ни куда ходить, как это остальные ребята все делали. Какая там мечта была…

– Получается, только работали на мясокомбинате, да? Больше нигде?

– Нигде больше… Нигде не работала… Даже у нас вот на мясокомбинате была сезонная работа. Это… в основном осенью. Вся большая вот, а по десять часов мы работали это… в это время… И вот когда свободное это… от работы время, других вот, кто с про-

секторов это… отправляют, то… эээ… там бытовое… ну куда-нибудь. Да. Потому что людей занять же надо, пока забоя не было. А меня почему-то никогда никуда. В пирожковое. У нас было пирожковое, мороженое было отделение. Их туда, а меня… почему я – не знаю. Ну, я всегда оставалась на своем месте.

– *Говорите, праздники не отмечались, да? Но все равно, наверное… Вот как молодежь тогда праздники отмечала? Там Новый год, День города. Был такой праздник же?*

– Тогда я не помню. А взрослая уже была и… эээ… это… ну, я уже взрослая была в этот момент, меня приглашали это… эээ… Парад там был… это… в городе… и это… праздник такой это… это было. А по молодости я не помню, что там…

– *Дня города как такового… Праздник: был он или…?*

– Я даже… Не знаю, был или не был, я даже не помню этого…

– *Наверное, значит, не такой он был и…*

– Может быть, не в таком масштабе, как сейчас справляют. Может быть. Может быть, взрослые были, не знаю. Вот не знаю, я просто не могу сказать, не помню даже.

– *А вот сейчас, вот были вы на Дне города, празднике?*

– Да… Да… Семьдесят лет. Ну сейчас что ж нас не пригласят, конечно, пригласили.

– *Это, получается, в каком году было?*

– Ну как раз мне семьдесят лет исполнилось, мясокомбинату семьдесят лет исполнилось, и городу нашему семьдесят лет исполнилось. Вот в один год это все было. Ну и это сейчас приглашали… как же мы. На площадь Кирова, там мы это… отчетное это… и в ресторан нас приглашали, и с Совета ветеранов, ну мы же, нас приглашали.

– *А вот как празднество проходило? Помните?*

– Что, что проходило?

– *Празднество как проходило? Пышное было, там парад какой-нибудь? Понравилось Вам? Выступал, может, кто-то?*

– Вот был праздник. Вот я не помню, почему нас это… всех орденоносцев… всех собрали, и мы вот по площади… А вот какой праздник был, я не помню… вот этого я…

– *Может, День Победы?*

– Нет.

– *Нет?*

– Не День Победы… Почему нас… мы это… на репетицию ходили, по площади проходили. У нас вот …эээ… Народ вот этот весь – орденоносцы… Вот какой, я уже не помню…

– Ясно.

– А праздники справляли. Мы тогда неплохо справляли праздники. Я была …эээ… ходила, самодеятельность и… меня избрали членом правления клуба. Мы организовывали этот… праздники. Ну елку там, это… И отвечали каждый это… Ну, кому у кого какое поручение было. Конечно, Новый год – это такой праздник. А этот… 7 Ноября ли, 1 Мая – это демонстрация, это как обычно. На демонстрации. Ну, самый хороший у нас праздник всегда был День пищевика. Это мы уже справляли, конечно, на всю катушку, когда клуб у нас был. Это в клубе нас собирали. Вот сколько я проработала, и столько раз я была, всегда меня приглашали, это... на этот праздник. Было очень весело. Ну, приглашали, и артистов приглашали и это…

– Таких знаменитых каких-нибудь артистов помните? Не знаю… Лев Лещенко какой-нибудь приезжал?

– Нет, не Лев Лещенко… А вот… Какой-то праздник был вот… А я тогда еще только в фазанке была, однако вот. Или триста… Сейчас будет сколько лет, триста?

– Триста.

– Пятьдесят, значит, было. Это нет… Двести пятьдесят, что ли, справляли. Тогда …эээ… приезжали эти… «Тихий Дон»-то вот игра… играли. И они на конях по площади… Вот это вот… Было… Лещенко? Нет, не помню я Лещенко… Может быть, и были. Не на всех же бывали праздниках. Тогда я молода была, может быть, не приглашали тогда-то.

– Там как устраивали праздники? Демонстрация, показ, артисты песни пели, а там танцы, да, тоже устраивали?

– Демонстрации по площади проходили и все. По площади. Какие там это…

– А вот, помните, как тогда сквер Кирова украшали, главные улицы как украшали? Украшения какие-нибудь были красивые, там что-то?

– Ну тогда как-то мы меньше ездили. Такие… Даже вот не знаю. Не украшали… Что там – флаги, насаждения… Это как обычно. Там всегда красиво. А на Кирова всегда красиво.

– Гулять там любите? Как вы сейчас – там редко бываете?

– Ну почему? Конечно, я люблю, мне нравится. Я приезжаю, похожу. Вот мы с внуком ездили. Походим, посмотрим там. Фонтан вот сделали, когда это мы смотрели, ездили. У Вечного огня мы вот это с мужем еще ездили 9 Мая. К Вечному огню там это… ко-

нечно… Сильно за сердце все …задевает… Купим гвоздик и поедем. Ну тогда больше ходили, чем сейчас, конечно…

– *Вот как строился Иркутск? Не застали ничего такого, построек крупных таких?*

– Вот … эээ... Вот что я могу сказать… Я еще это… в ПТУ была… И строили ГЭС… ГЭС. И нас возили на экскурсию вот этот смотреть этот кол… котлован. Вот это вот нас возили тогда. Такой глубокий, они только в начале строительства этот котлован это нам все показывали.

– *Значит, вы не участвовали в строительстве?*

– Ну нет, конечно.

– *А может, ваши близкие, родные? Не участвовали в строительстве?*

– Нет. Близкие и родные пошли по моей линии только. Здесь моих-то никого нет. А только от меня уже вот… эээ… это сын, ну… Он на авиазаводе, как отец. Дочь сейчас на мясокомбинате… Ну она госуниверситет закончила… физика. Закончила в то время, когда, как назвать это… застойные времена, что ли. Она как раз в это время была беременна, пока она в декрете была, ее сократили. Тогда же вообще законы такие: никто никому не подчинялся. Когда вот эта перестройка-то началась. И она осталась вроде бы ни с чем. А потом в детсаду поработала до декрета. А пока в декрете была, ее сократили. А потом что, ребенок маленький, а я работала – кто будет водиться? Ну вот она в детсад пошла, маленько поработала, а потом уже… На мясокомбинат. Сейчас мастером работает. У нее высшее образование, физику закончила…

– *Так. Вот что вы думаете о деревянных домах в центре города? Считаете, что они подчеркивают своеобразие Иркутска, или… это их отличает от других городов, или они нарушают облик города?*

– Ну, может быть, это и история. Может быть, это и история, конечно. Ну если бы за ними следили, что вот это, они бы не рухлели. Может быть, и ничего, а вот… Едешь вот по этой Бытовой… До того рухляди уже …эээ… нижние окна в земле. Ну что в них красивого-то сейчас? Я не знаю.

– *То есть вы считаете, что их либо реставрировать надо – или вообще убрать?*

– А что их, отреставрируешь? Ну что с ними сделаешь, когда они вот уже все в земле?.. Эти кружева… если и… Ну они так же не сделают, как это было… Я… я не знаю, я …эээ… они… не так красивы и облик это дают, это…

– *Наоборот, надо что-то новое, да, застраивать?*

– Что-то, конечно, для истории можно бы оставить… Ну а тут я не знаю, люди, я говорю, подоконники прямо с уровнем, с землей почти. Ну что это? Подвал. Сырость, наверное, и все. Я считаю это, если бы их хотя бы внутри вот сделали, чтоб ну что-то вот сделали …эээ… Например, какой-то кружок, или что-то такое вот еще, чтоб люди-то не жили там, а жить…

– *Как музеи, да, сделать их уж тогда*?

– Да.

– *Уж тогда раз история, то…*

– Ну это э… Может быть, как бы сверху это все это… А внутри-то я не знаю. Я не строитель, так что я могу судить…

– *Вот. А как вы относитесь к переименованию улиц? Что раньше так назывались, сейчас так, или Вам все равно?*

– Мне так, например, не нравится. Во-первых, люди это как бы привыкают уже, может быть, неправильно давали это названия улиц. Вот живым – да. Люди… Живой человек – и дают это имя… эээ… улицы этого человека. Это, конечно, он еще себя не показал в конечном-то… что с этого человека будет… Не знаю, но мне не нравится. Во-первых, это и затрата такая. Во-первых, улица эта – и документы по этой улице, и паспорт, например. Вот, например, у меня это… я там-то вот это… паспорт, а тут это, улица меняла, сменилась. Это же все надо менять. Не знаю, я, например, не согласна с этим, чтоб менялись улицы…

– *Как вы относитесь, значит, к сносу храмов? Когда вот их сносили?*

– Вот это отрицательно, конечно.

– *Конечно*…

– Пусть у нас церкви не было вот… Ну вот, когда я помню, маленька была, у нас одна старушка жила с дочерью вдвоем. Вот она нас всех крестила… К ней зайдешь вот в дом, сейчас, может быть, даже в церкви этого нет, что у ней было. Такие эти, она как святая у нас была. И мы верили это, ну… Мы верили вроде бы это. Какой-то запрет на что-то было… Ну не знаю, конечно, это… Ну я против, например, что вот сносили… Очень даже против…

– *Вот появился новый памятник, да, Колчаку. Как вы относитесь к тому, что памятники вот новые поставили?*

– Кто знает. Как я вот скажу? Мой отец… эээ… вроде бы с ним это… дрался, да. А теперь вот на него молиться надо, на этого Колчака… Вот что думали? Если уж он был плохой, значит, плохой, если он был хороший, почему его считали плохим?..

– А вообще вот хочу спросить про ритм жизни Иркутска. Я спрашивала уже, каким раньше он был? Вот размеренный такой, более спокойный и какой он сейчас, чтоб сравнить, как… люди сейчас в городе? Ритмы жизни. Как все – быстро или медленно?

– Быстро сейчас.

– Сейчас очень быстро?

– Конечно, быстро. Ритм такой… сумасшедший.

– В Москве, только в Москве еще больше.

– Москва. Я первый раз была в Москве, ой, как она мне понравилась. Изо всех, где я была, мне Москва прямо это… А сейчас что-то такое говорят о Москве. Я много туда ездила, я была и членом ВЦСПС… И это… каждый квартал туда ездила, каждый. В Москве-то я часто была. На трех съездах была в Москве, так вот это… сильно она мне понравилась. А сейчас вот давно не была, говорят, такая грязная стала, мне даже не верится, что грязная стала…

– А вот как раз такой вопрос у меня. Вот вы где-нибудь еще, кроме Иркутска, были? И каков Иркутск по сравнению с другими городами? Вот он лучше, хуже, что, как?

– Больше всех, больше всех мне понравилось в Японии… Такая чистота. Может быть, и мы не были там, где грязно, может быть. Я не знаю. Но где мы были, такая чистота… Если… Если вот дом построен, например, коттедж или кто-то вот что-то построил, чтоб около дома уже все было. Они выносят горшочки со цветами …эээ… Если погода плохая или, например… на ночь они могут заносить. Они отвечают за этот участок. Они купили. Они отвечают за этот участок… Вот у нас сейчас появились, смотрю, мусорные эти мешки. А там два раза в неделю, значит, вывозят. У них таких ящиков нет, как у нас, – мусорки. А вот все запаковано. И вот в определенный день, значит, они к дороге подносят, все завернуто, все. Машина едет, собирает. А таких мусорок нет. Ну это чистота, это чистота…

– В российских городах, в каких-нибудь были еще, кроме Москвы?

– В Ленинграде я была.

– Вот как там?

– В Ленинграде… Ну… Мы летом были… Ну мне не сильно почему-то понравился… Только вот, конечно, такое впечатление, вот … эээ... что после войны… Там вот эти памятники даже, кто-то зайдет там, он так музыку, кто-то вот как похоронная впомогат… ну… вспоминательная. Музыка там вот, солдаты, ну там люди в бронзовом… ну эти… каменные они. Ну такое, что невозможно… вот это равнодушно… вот это… А так что-то вот я не знаю. Что-то и мага-

зины мне не понравились. Может быть, сейчас по-другому? Это уже сколько время прошло… В Одессе была… Где я еще здесь была в нашей России?.. Ну, в Москве, в Ленинграде, в Одессе… А Узбекистан тогда наш был. В Узбекистане была…

– Вот все-таки про Иркутск. Он по сравнению с Москвой, например, вот он блеклый? Какой он?Вот Москва – это Москва, да, а Иркутск, он…

– Ну, Москва есть Москва. Ну что Иркутск. По нашим меркам Иркутск, Сибирь, как …эээ… как раньше она была… Сибирь – это… в ссылку сюда это… отправляли. Ну, сейчас же он современный, красивый город. У нас вот улицу каждый день метут, ее прямо любо смотреть. Машина прошла – вот чистота, видела же? Такая чистота. Сегодня уже одна машина идет и метет, вторая это собирает, это взади идет, прям удивительно, чистота.

– Раньше такого не было?

– Конечно, не было. Конечно, не было, а сейчас такая чистота, так вообще любо смотреть. Даже бумажку не бросишь. Стыдно, как же.

– Раньше-то можно было?

– Когда грязно-то, можно, сейчас – нет.

– Хотели бы, например, чтобы больше растений росло, там какие-то парки, может быть, чтобы – или нормально?

– Насаждения бы, конечно, тополя вот эти, может быть, у нас вот на втором этаже болото. Оно, может быть, и полезно, потому что он как бы высасывает вот эту лишнюю воду. Жилкино вот, где я работала, оно стоит тоже на болоте. И вот там мы сажали, нас обязывали даже, не то что обязывали – как мы к… были комсомольцы. И мы сажали там, парки это, и сейчас вот идешь, так где деревья – это же я садила. Это же вот запомнила, вот это дерево я садила, а оно вон какое выросло. Вот Курейка еще есть у нас вот …эээ… в Жилкино идет. Так, вот там Курейка такая, речечка маленькая это… Там как бы отдых был. Мы там все засаживали. Ездили поливать и садили. А сейчас она что-то пересыхает и… Никто не ухаживает. А мы тогда вот на мясокомбинате работали, мы там ухаживали…

– То есть раньше более бережно относились, да?

– Я думаю, да. Своими руками все садили и, конечно, бережно. Потому что я сейчас меньше куда-то хожу уже. Уже и пожилая, и меньше это… хожу. Ну что-то хорошее делают – уже приятно. Ну вот не делают вот люди-то, а делают как бы …эээ… или ЖЭК это делает, или кто это… А вот как воскресников-то этих я не вижу, чтоб вот рабочие вышли, вот там ямку выкопали, что-то посадили

или что-то убрали. Вот я сейчас не вижу этого… А мы делали, все рук… своими руками… Вот перед комбинатом, все как …эээ… перед праздником. Все, всех из цехов выгоняли, не выгоняли, я уж так говорю это… и все чистили, чистота. Красили, белили, все, чистота, прям любо смотреть. А сейчас дворники это делают. В то мы делали воскресником, сами. А если сам сделаешь, так это…

– *Добротно, и потом сам…*

– И, да, вспоминаешь, что вот я это сделал.

– *Свое как-то вложил в устроительство.*

– Да… Душу свою вложил и, конечно. И как-то и по-другому смотришь, что это ты сделал… Вот в огороде же посадил вот что-то и наблюдаешь, как оно растет, как оно это… Радуешься каждому распущенному листочку. Так же это дерево посадил, ты за ним наблюдаешь, ты смотришь, ты же его не сломаешь…

– *А вот какое послевоенное время было? Какие важные производства были в то время в Иркутске? Строительства какие-то велись, такие крупные, что-то так развивалось? Тогда же все равно только возрождалось, получается, все, ставили на ноги сами.*

– Я вот все хочу сказать, вот Жилкино, где я вот действительно работала, и это там столько было предприятий.

– *Вы хотели рассказать про Жилкино, там…*

– А, про это. Там столько предприятий мы насчитывали, так больше десяти. Двадцать ли предприятий там было. Это крупные. И мелькомбинаты, ну заводы, мясокомбинат как вот …эээ… там, база …эээ… военные склады там, ну в общем что, все это… А сейчас почему-то убрали все…

– *Убрали?*

– Не знаю… Это сейчас совсем мало. Ну вот мясокомбинат стоит там, красуется, хорошеет с каждым годом.

– *Так это пищевая промышленность?*

– Да, с каждым годом это… хорошеет. Вот посмотришь, даже цеха, такие ж там красивые, все там клеточка. Ну сейчас есть возможность, все и в продаже есть это. Все обделано, так хорошо.

– *А военная-то промышленность, она…?*

– А что. А здесь что? Здесь вот авиационный завод в основном. Ну вот обувная фабрика была, ее же сейчас нету.

– *Фабрики закрываются?*

– Закрываются. Вот почему – тоже не знаю.

– *А почему не знаете?*

– Не знаю.

– *А как тогда?*

– Не знаю ничего…

– А как тогда объяснить почему? Сейчас, может быть, то, что из-за границы привозят все? Наверное, вот как ту же обувь, да? Вот даже, получается, китайский рынок, там же сейчас люди покупают, потому что дешевле, да?..

– Ну дешевле, зато… Дешевле… Качество-то какое. Вот раньше, вот раньше …эээ… вот китайское продавали, ну, может быть, не ширпотреб, а когда это производство, это хорошее, но качество было. Вот у меня сколько вещей было китайских, так и его не износить, а красота-то какая была… Это в то время.

– Китайское?

– Китайское. Вот верблюжье одеяло китайское. Ой, сколько… Недавно, наверное, только выбросила …эээ… такое махровое… такое красивое… Вещи. Хоть вещи, хоть кофту ты возьми, хоть что… вот. Про обувь я китайскую не помню.

– Это, получается, они в магазинах продавали или тоже вот так рынки были китайские?

– Нет… Нет, это в магазинах.

– В магазинах?

– Ширпотреба этого не было вот как сейчас вот, валом это все, китайское…

– Понятно.

– Ну Куйбышев завод, ну это тогда это, все… послевоенное время, все это работало, а сейчас и его отменят.

– А Куйбышевский завод, это что там производилось?

– Ну станки.

– Станки?

– Станки…

– А вот вы не помните… эээ… строительство моста через Ангару?

– Нового моста?

– Да.

– Ну помню, конечно. Ну а что, его строили-строили. Давно ли он работает-то, этот новый-то мост?

– А помните ли вы понтонный мост через Ангару?

– Ну при мне-то его не строили, вот еще был мост …ээээ… где мы вот около ПШТИ…

– Это что такое?

– Вот где курорт сейчас «Ангара»… там, значит …эээ… железнодорож… ну как бы… Сейчас железная дорога там проходит и еще был мост …эээ… где вот машины ходили. Вот машины ходили. Там раз мы и опрокинулись в автобусе. Я была депутатом областного

совета и поехала… эээ… в этот… на сессию. И наш автобус перевернулся, гололед был. И вот у меня рана осталась эта, насквозь проткнутая… Это… Вот тогда и погибшие были, конечно, и сотрясение мозгов было… А я это… А мне лишь бы не опоздать на сессию… Ой, приехала, себя не вижу, а потом увидела, чулки все грязные, ну, перевернулся. Три раза вот так вот перевернулся автобус. Там крутизна такая и это… А я потом несколько лет не могла на автобусах ездить. Уже забылось, забылось это. А сейчас вот его же нет, сделали другой, новый мост. Сейчас-то мы едем, ездим из города-то, сейчас другой сделали. А там рядом железная дорога еще. Там еще вот сейчас едешь вот в Иркуте, вот эти еще торчат там какие-то, остались после того моста… Это при мне уже вот этот новый мост выстроили вот, что сейчас мы ездим …эээ… это….Потом второй мост вот в Жилкино, который идет, это уже это на моей памяти-то уже здесь строили…

– *Сейчас вот про работу еще мне расскажите. Какая специфическая деятельность была на производстве? Вот о вашей работе расскажите. Кем работали? Как долго? И что входило в круг ваших обязанностей? Может, что-то тогда, когда еще начинали работать, было другое, чем сейчас вот производство?*

– Ну когда я работала, у нас ну что… это предприятие уже выстроили так …эээ… Вот война как раз началась. Ну, вот это предприятие, где делали все для фронта, они только… эээ… стали… эээ… цеха… эээ… восстанавливаться… Это ну что это… ой, мысль потеряла…

– *Все началось, производство…*

– Ну и тогда и станков таких не было, и вот эти станки, их больше делали вручную. Вот, например, фарш. Вот… стоит у нас шприц. Шприц называлась наша машина. И мы все вручную туда насаживали. Представляешь, выше головы это, надо нам туда, и еще надо так утрамбовать это вручную кулаком, чтоб не было воздушных пространств, чтоб в колбасе потом не было воздуха. А сейчас-то все это …эээ… автоматика. Сейчас автоматика. Сейчас даже и это… близко этого нет. У нас все сейчас новое. Таких шприцов даже не осталось, все вручную. Во-первых, вязали вручную, руки… Шпагатом же вязали. Все были, чуть ли не до кости были прорезаны этим …эээ… Живого места не было. Столы каменные. И вот ногтей не было, вот все время руки работали до того быстро. Я раз кино видела про себя же… И не поверила, что так могут руки работать... ну и это… А сейчас стоят только вот… Эти сосиски вручную вот крутили…

– Грамот у Вас много…

– Да, что же мне. Для того и работала.

– Вот это у вас книжка, как вы выпустили?

– Это… вот в тридцать седьмом году мясокомбинату. В тридцать седьмом году мясокомбинат только открылся вот… А я… Как раз я родилась. Вот семьдесят лет было мясокомбинату и мне семьдесят лет. И вот я пришла в комбинат, комбинату только пятнадцать лет было, и мне пятнадцать лет было… И, конечно, оборудование-то… это… все… все… мои колбасы с моей бригады… А где-то не тут, однако, сосисочники. Хотела Вам показать, не тут, наверное… Как сейчас автоматы работают… Только стой вот, следи и все… Это вот на съезде в Москве было… Это диплом ВДНХ. Участник ВДНХ… Все правительственные поздравления… от министров от всех…

– Это все по работе, да, у вас грамоты?

– Это все по работе. Все по раб… А откуда? Я как на одном месте проработала, так и… все. Откуда у меня еще должно быть? Я на одном месте работала… Не знаю …эээ… где… Где-то я хотела показать… как сосиски делают… автомат… не помню…

– Я выключила, пока вы искали. Расскажите, как изменился климат? Как? Другой тогда была погода и сейчас?

– Сейчас теплей, по-моему, стало.

– Холодней тогда было?

– Холодней. Во-первых, зимы были очень холодные… Ой, раз было… за сорок, однако… И вот мы в Жилкино едем, и вот воробьи вот так замерзшие, или, может быть, током их ударило, или… на проводах сидят, и все замерзшие вот так вот валяются. Ну это …эээ… были, конечно, холода. А сейчас кого… Тогда мы в валенках ходили, а сейчас кто в валенках ходит? Почти никто. В сапожках, и ничего. Ну сейчас почти выше тридцати-то и не поднимается. Ниже… тридцати… А тогда сорок – это только так было.

– Одевались-то тепло, чтоб не замерзнуть?

– Ну а что же. Валенки – это уже все носили. А каки тогда шубы-то были, боже мой! В телогрейке ходили, да это… шалью закутаешься…

– А вот у вас было когда-нибудь желание уехать из города?

– Нет.

– Нет? Не было вот? Всегда тут хотели, да, быть?

– Всегда. Никуда я не хотела. Я до того здесь прикипела, прям прикипела, вот никуда не хочу. Вот даже, даже вот сейчас… даже вот …эээ… меня куда-то поехать, отдохнуть, и то не хочу.

– Нравится здесь, да? Родное уже все?

– Уже, конечно, сколь лет прошло… Никуда не хочу.

– А вот какое у вас самое любимое место в городе? Вот с чем-то связано? В молодости, может быть, вам одни места нравились, сейчас какие-то другие нравятся, места именно в городе?

– А в городе где? Вот только сквер Кирова, а… А везде дома стоят. Ну стоят дома, да стоят. От них жарой это… накалится за день, а так где? Ну вот мы ездили, конечно, на Юность мы остров ездили… эээ… Помоложе-то были мы, туда ездили, отдыхали.

– Там тоже тогда вот как…

– Ну сейчас на Байкал мы ездим… Ну вот летом нынче это, вот прошло лето, мы ездили туда, сын меня возил. Путевку брал. Ну там отдыхали прям на Байкале так, так хорошо.

– А вот Юность тогда, да, уже? А там вот как, изменилось что-то или?..

– Ну я… Вот сейчас-то не была там, конечно. Ну по телевизору только видела. А что… Юность. Тогда только открывали его. Внимания никто не обращал на него. А потом уже это… Во-первых …эээ… у нас здесь… клуб был в этом… во Втором Иркутске… Мы пешком из Жилкино, всегда пешком ходили сюда в кино. Вообще ни одного кино не пропускали… И в город ездили, а здесь…

– Вы, получается, маленькая были совсем, когда война, да, была?..

– Ну я ее помню.

– Помните?

– Я ее помню. Эээ… помню, как зак… Один раз, ну война началась, значит… А когда уже …эээ… стали наши, видно, там отступали, да все, и измотанные солдаты. Мы жили рядом …эээ… у нас была железная дорога вот… Вот как школа стоит, примерно на таком. Там железная дорога, а здесь наш дом стоял. И вот солдат все время везли. И мы все время… А у нас поле было… между нашим домом это, и мы цветы рвали и им бросали. И вот они едут, мы им бросали цветы. А… один раз, значит …эээ… едет… едут солдаты. Ну они летом, открытые платформы были, они все сидят, значит, а я маленька была. Значит, потом …эээ… Значит, они едут, на восток, по-моему, ехали на восток. А я, на… которые на запад рельсы. Я встала на рельс и им машу, букетом цветов машу. Они мне кричат, кричат. Я думаю, что я им машу, они на меня все кричат? А, оказывается, с другой стороны идет поезд. Мол, тебя задавит поезд, а я не слышу. И вот не слышу, машу, думаю – ну что они все мне прямо грозят. А потом вот в момент в один и почти паровоз рядом со мной, я успела соскользнуть это… от рельса.

– Ничего себе.

– Вот, видно, Бог отвел. Думаю, ну что они на меня ругаются? И вот маленька была и вот там…

– Это, получается, вы еще дома там когда были?

– Да, да. Да, да. В Забитуе.

– А вот получается, все же вот в военное именно время, в военное Вы Иркутск не можете, да, описать, сказать?

– Ну конечно, нет…

– Не были, да? А вот послевоенный Иркутск...

– У нас даже вот слышно было …эээ… я не знаю. Вот земля тряслась вот когда бомбили. Вот я не знаю. Ну не может же мне казаться этого. Прям вот бывает, что вот именно так бомбили, вот земля, как землетрясение, тряслось. Даже слышно. Мы все говорили тогда вот – катюши были. Говорим: «Ну, катюша стреляет!» Это значит: катюша стреляет…

– Как встречали победу?

– Ой, я говорю, у нас же железная дорога рядом. Ой, везли …эээ… это …эээ… Солдаты, значит, запад. С востока на запад. Такие прямо все это …э… холеные. Прям все это солдаты чистенькие. А оттуда везли …эээ… все изможденные… грязные, видно – голодные солдаты. Это, значит, которые Восток, это оберегали, значит, их …эээ… на запад сибиряков везли. А оттуда уже как бы отдыхать солдат везли. И отдыхать, и эту границу восточную это …эээ… охранять… Вот так вот…

– Так.

– Конечно, слезы. Кто-то… с армии пришел. У меня зять пришел на костылях… Это старшей сестры муж… Встречали. Двух братьев убило… Один израненный весь пришел, ну двоюродные. У меня родных-то братьев не было, двоюродные у меня. Одни девчонки. Одни девчонки… А эти двоюродные все… А что Второй Иркутск? Я говорю, здесь вот были одни бараки и болота, да бараки. А потом постепенно их сносили и ставили большие дома. Строили сами. Сами …эээ… это рабочие строили. Им выделяли квартиру – они строили. Даже вот эту квартиру сын сам строил. Вот …эээ… только вот эти, стены возвели… строители… а остальное все мы сами делали, все, да. И штукатурили сами и полы, все-все. Все сами делали…

– А получается, вы участвовали в строительстве Второго Иркутска? Получается…

– Ну кого я там участвовала, так вот… что ли, сыну помогали, это…

– То есть тогда еще тут вообще, можно сказать, ничего такого не было, да?

– Да тут одни бараки были. Кого там были. И там вон улица у нас. Там пятьдесят третий год вот строили, как бы сталинские считались дома …эээ… это… строили. Ну потом это вот все позже, это все стало. Вот здесь вот бараки стояли, так вот самолет разбился на них это… на эти бараки. Вот у меня внук, он учился в этой школе… Вот школа, здесь бараки стояли. Сейчас детдом поставили, а это… вот тут бараки стояли. Ну самолет по ним прошел. Он воткнулся хвостом вот в тот дом. Вот сейчас вон часовню вот эту поставили …эээ… за эти… за эти… бараки, за счет этих бараков…

– *Понятно*.

– Где-то вот задел вот тут, потом отстроили к ним… Там раньше бараки стояли. Их убрали-то, по-моему, два года всего назад, по ним крыша только прошла. По крыше самолет у них прошел. А воткнулся-то он вот здесь… в эти вот там

– *А вот ваши дети в Иркутске живут?*

– Да. Сын вот недалеко живет здесь… На авиазаводе работает. И невестка на авиазаводе работает…

– *Им нравится здесь, в Иркутске?*

– Ну, наверное, нравится.

– *Они родились, получается, да, здесь?*

– Да, они здесь родились. Ну не здесь, они в Жилкино родились, в Жилкино мы еще жили. Ну, дочу привезли сюда, ей три годика было. Нам здесь квартиру дали, мужу… ну а… сын уже в школе учился, сюда приехал. Ну что, он пошел, он индустриальный техникум закончил, пошел в это… на авиазавод… А сейчас это замначальника цеха работает… Все, все здесь работают…

– *Понятно…*

Интервью
с Галиной Прокопьевной Пригожаевой
(1937 год рождения)

– Где вы родились?

– Я родилась в городе Зима в Иркутской области 17 октября 1937 года, в самое трудное время для нашей страны в политическом плане, поэтому было очень тревожно моей мамочке, потому что папа у нас был коммунистом. Было серьезно очень. В любое время мог прийти человек и сказать: «Пойдемте со мной». Поэтому было очень тяжело мамочке моей.

– А как вы попали в Иркутск?

– А в Иркутск я попала после окончания двадцать шестой Зиминской железнодорожной школы, которую я закончила на отлично, и приехала сюда, поступать в ВУЗ. У меня было три направления: химия, иностранный язык или литература и русский язык. Я выбрала иностранный язык, я хотела поехать в Ленинград, но обстоятельства сложились так, что мне пришлось выехать из Зимы поздно в связи с тем, что мне задержали аттестат. Я должна была получить медаль, но у меня не прошел чертеж по геометрии, поэтому я с отличным аттестатом, но без медали выбрала Иркутск, потому что в Ленинград было уже поздно ехать. Хотела поступить там в Герценовский педагогический институт. Приехала в Иркутск, но я уже с твердым намерением приехала, что я поступлю в Иркутский институт иностранных языков.

– Угу. А помните свои первые впечатления о городе?

– Обязательно! Это было пять утра, поезд пришел рано очень. Первые впечатления… Красивый город, чистый, ухоженный. Улицы помыты в пять утра уже были. Воздух свежий, великолепное это лето, да, прекрасное. Впечатления отличные. Сразу мы пришли на площадь, она тогда называлась площадь Кирова, да. Мы пришли на эту площадь, все было выкрашено красиво, благоухало, работал фонтан в пять утра, представляете. И вот мы наслаждались этим центром города и нашим красивым вузом, это был самый красивый в то время вуз с колоннами, да, самое красивое здание в Иркутске, вот. И поэтому первые впечатления замечательные. Иркутск встретил нас очень приветливо, радушно и сердечно.

– Каким было ваше студенчество?

– Ой, студенчество было прекрасным! Во-первых, потому что я очень много лет, будучи студенткой, была секретарем комсомольской организации факультета, вот. Далее… Интересным был такой

момент моей жизни, что я в числе первой студенческой делегации из Советского Союза была направлена в Германскую демократическую республику, первые ласточки мы были студенческие, которые поехали в Германию, для того чтобы летом, в июле месяце, работать в пионерском лагере с немецкими детьми. И вообще, впечатления об учебе у меня всегда были, есть и, видимо, на всю жизнь останутся самыми наилучшими.

– *А были ли у вас какие-нибудь увлечения, которые переросли во взрослую жизнь?*

– Ну, естественно, конечно. Это, по всей вероятности, наука, которой я занимаюсь и до сих пор и которая всегда, так сказать, у меня на счету. Да. Это наука. Это наука. Это филология немецкая, это немецкий язык, которым я всегда занимаюсь глубоко, в связи с этим я, для того чтобы глубже изучить немецкий язык, я… двухгодичные курсы… поехала в Ленинград. Высшие педагогические курсы в Ленинградском институте педагогическом имени Герцена, где я тоже занималась глубоко два года языком и наукой.

– *А как отмечала праздники молодежь? Новый год, День города, например?*

– Дня города тогда не было, как такового праздника День города не было, но праздники отмечались прекрасно. В Новый год всегда, так же, как и теперь, у нас наряжалась в вузе елка, кроме того, мы всегда ходили в ИВАТУ, да, но тогда было сложно все, трудно. Но мы старались купить себе новые туфельки, да, к Новому году, сшить себе новое платьице, да, чтобы ребята, с которыми мы там в ИВАТУ знакомились, ну, видели в нас красивых девушек. Но, что интересно, транспорта не было до ИВАТУ, не ходил, поэтому мы докуда-то доезжали на трамвае, а потом, представляете, чуть ли не через полгорода топали пешком.

– *Ничего себе.*

– Да. А вот когда у нас были вечера, просто вечера отдыха вместе с иватушниками, тогда мы туда ходили летом, вот уже когда лето, да, это июнь, уже конец года учебного. Мы шли пешком, туфельки в руках, а мы босичком топ–топ–топ–топ–топ, да… Впечатлений очень много, конечно, очень много, Настенька, впечатлений.

– *Как украшали тогда сквер Кирова и главные улицы?*

– Сквер Кирова и главные улицы… ну, смотря какой праздник. Если это были праздники наши государственные, такие как 7 Ноября и 1 Мая, да, то украшались они, ну, всегда транспарантами, лозунгами, портретами деятелей наших политических, дальше научных деятелей, то есть учеными. И обязательно, обязательно,

вот мне сын сказал: «Мамочка, ты не забудь, пожалуйста». Что лозунги были: «Да здравствует коммунизм», да «Слава КПСС». Эти лозунги были обязательно везде, на каждом здании и… то есть, на каждом шагу, да. Красиво было. Красиво. Может быть, не так красиво, как теперь, да, когда есть много возможностей оформить хорошо город, ну и так далее. Очень красиво в городе – флаги, знамена, транспаранты.

– А в Новый год?

– Ну, а в Новый год что? В Новый год сами украшали, тогда игрушек-то достаточно не было даже, да. Сами делали игрушки из цветной бумаги, да. Но, чтобы украсить, надо было большие игрушки делать, да. Поэтому, ну, покупали, естественно, стеклянные игрушки, делали сами гирлянды такие из бумаги, да. Украшали вот таким образом только, потому больше… ну, естественно, из ваты делались разные там штучки, снежки и всякая всячина, вот только так, потому что было сложно. Столько игрушек, как теперь, не было. Но все равно праздники проходили интересно, всегда была программа, всегда готовилась программа. Мальчиков у нас было очень мало на факультете и вообще в инязе. Тогда мальчиков мало, но они у нас даже танец белых лебедей танцевали на новогодний праздник, это было великолепно. Это было великолепно, когда выходят молодые люди на сцену и танцуют танец маленьких лебедей, да. Это здорово было.

– А университет украшали тоже в Новый год и остальные праздники?

– Конечно, конечно, обязательно. При чем украшались у нас таким образом, чтоб были соревнования между факультетами, какой этаж будет украшен лучше, да. Ну, и давали премию за это, да, а премия обычно шла на то, чтобы в следующий раз организовать какое-то мероприятие. И общежития украшались точно так же, да, перед Новым годом. Конкурс был на лучший этаж, на лучшую комнату оформленную. К Новому году обязательно украшалась, Настя.

– А как строился Иркутск?

– О… Ой, ну, как? Он на моих глазах вырос, Иркутск… ну, это просто трудно передать словами даже. Ежели я вот сейчас живу на Чехова, да, там были деревянные дома, да, а сейчас там всего один деревянный дом, да. Дальше. ГЭС строилась когда, это вообще было для нас… это для нас было… мы все на экскурсию ездили туда, организовывали экскурсии не только, вот, мы, допустим, факультетом ездили, курсом ездили на экскурсии, мы даже работать туда ездили, когда строилась ГЭС, да. Вот. Ир-

кутск он все время в строительстве, Im Baum, да, все время в строительстве. И это… ну, теперь он, конечно, прекрасно выглядит по сравнению с тем, что раньше было, но и раньше Иркутск благоустраивали, строили, расширяли улицы, то есть строился просто на глазах очень серьезно.

– А каковы впечатления о городе из молодости?

– Ну, я уже сказала, что о городе впечатления самые лучшие, потому что в основном мы ходили пешком, эээ… общежитие давалось не всем, это было очень сложно с общежитием, и не все желающие могли получить общежитие, поэтому мы все снимали квартиры и ходили пешком, да. И поэтому впечатление о городе самое лучшее, мы его исходили вдоль и поперек пешком. То есть кто-то жил у нас, допустим, на улицах Советских, туда не ходил транспорт, поэтому мы по Ленина, потом по 25-го июля топали до… по 18-е, топали по 25-е октября или по 18-е июля топали далеко-далеко. Все там были: и Первая Советская, и Вторая Советская, вплоть до Восьмой Советской, да. И мы все ходили пешком. В основном жили же на окраинах студенты, поэтому, вот, впечатления об Иркутске вот при таких лет… ну, самые, самые–самые. Мы исходили его вдоль и поперек пешком.

– А вот я слышала еще, что был паром, да?

– Я парома уже не застала, но вот моя хозяйка, у которой я жила на квартире, она рыбачка, жена рыбака. И она меня даже водила вот на то место, где был паром, когда переезжали с одной стороны реки на другую, вот, я даже знаю это место, где был паром, где ходил паром.

– А что вы думаете о деревянных домах в центре города? Считаете ли вы, что в них своеобразие Иркутска или, ну, что это его отличие от других городов, или это лишь то, что нарушает общий облик города?

– Нет, я считаю, что это то, что отличает Иркутск от других городов. Это мое совершенно однозначное мнение, по-другому я не могу сказать, но, привести бы, конечно, хотелось бы их всех в порядок. Все в порядок. Я думаю, что сейчас мэрия этим занимается и занимается очень серьезно, поэтому я скажу прямо: я за кружевной Иркутск. Я за кружевной Иркутск.

– Что, вы думаете, нарушает облик города? Или ничего не нарушает?

– Я думаю, что облик города не нарушается, а наоборот, он как-то совершенствуется, да, и прихорашивается город все время. Я считаю, что ничто не нарушает. Совершенно.

– А как вы относитесь к переименованию улиц?

– Я вообще отрицательно. Я отрицательно отношусь к переименованию улиц. И когда я вижу, что на моей улице Чехова, Малая, Блинная… ну, это хорошо, может быть, с той стороны, может быть, только с той стороны хорошо, что не забыта улица новая, что она Чехова, да, и ниже написаны все названия улицы, которые имела она, да. Я… я как-то, ну, может быть, особо не думала над этой проблемой – переименовывать или… Переименовывать не надо. Вот не надо. То, что делается сейчас. Пишут улицу теперешнюю и прежнюю, это, может быть, и приемлемо как-то, да. А вот совсем переименовывать не надо. Были определенные эпохи в нашей жизни, да, определенные штрихи, так сказать, в нашей жизни, поэтому не надо переименовывать улицы, пусть они будут и пусть будут все названия, да. Сегодняшнее, вчерашнее и позавчерашнее. Так вот.

– А как вы относитесь к сносу, ну, теперь уже к восстановлению храмов и памятников?

– Я положительно. Я очень положительно. У меня вот есть дома большой… большая фотография храма, который кафедральный собор, который был на месте теперешнего нашего Серого дома, то есть правительства нашего иркутского, области, да. И я всегда с замиранием сердца смотрю, и мне страшно, что такое здание… и больно, что оно было разрушено. Я очень за то, чтобы храмы восстанавливались. Я за то, чтобы строились новые храмы, которые сейчас строятся, часовенки и храмы. И, слава богу, что храмы восстанавливаются.

– Какой храм вам наиболее по душе?

– Ой, наверно, мне по душе все же Спасская церковь. Спасская церковь. Почему? Потому что отсюда начинался наш город, да, отсюда начинался наш город. Здесь был заложен первый камень строительства нашего города, здесь было построено первое каменное здание, на этом месте, да. И храм Спасский – вот то, что связывает историю нашего города с сегодняшним городом, поэтому Спасская церковь для меня это основной храм в Иркутске.

– А как относитесь к появлению новых памятников, например, Колчаку?

– Я отрицательно. Я бы не хотела бы, чтобы памятник Колчаку… я против была. Но меня никто не спросил, устанавливать или нет памятник этот, да. Как-то, ну, к Колчаку у меня тоже двоякое отношение. Как ученый, да, да, это величина, да. Но сколько было пролито крови, да, в период Гражданской войны, поэтому я, ну,

против этого памятника была, так что теперь приходится смириться с тем, что он есть, да.

– *А можете ли Вы сравнить ритм жизни Иркутска? Каким был раньше Иркутск? Вот, размеренным или суетным? И вот какой сейчас?*

– Более размеренным был, более спокойным, да. Сейчас, видимо, в связи с тем, что появилось много очень у нас учреждений разного порядка, да, увеличилось количество проживающих в Иркутске людей, увеличилось количество вузов, да. И он стал очень, очень, ну, не суетным, я бы сказала, но живым, да. Оживленная жизнь, а это хорошо. И быть в этой жизни и шагать с ней в ногу очень приятно.

– *Ну, а есть какие-то отрицательные стороны вот этой вот оживленности? Например, пробки?*

– Да, я думаю, что есть, конечно, отрицательные стороны. Опаздываем на работу, опаздываем на занятия, да, студентов ждем опоздавших в пробке. Все у нас причины теперь – пробки. Да. Это плохо, конечно. Я думаю, что вот со строительством новой объездной дороги, например, из Ленинского района, это уже изменится, это уже будет лучше. Эээ… с пуском нашего нового моста, полностью когда он будет сдан в эксплуатацию, намного легче будет в Иркутске и эта суетливость уже прекратится до некоторой степени.

– *А помните ли, как строилась ГЭС?*

– Да. Ведь мы же там работали даже. Мы ездили на расчистку, когда уже построили ГЭС, мы ездили расчищать туда территорию, очищать от всякого хлама, чтобы могла уже ГЭС заработать. А самое главное, у меня вот с ГЭС связан наш Драматический театр, когда там была поставлена иркутская история, да. Это как раз было связано со строительством ГЭС, и в это время она у нас на сцене была поставлена пьеса «Иркутская история». Вот в таком плане я ГЭС очень хорошо представляю, потому что мы на ГЭС работали на субботнике.

– *Эээ… какие важные производства были в то время в Иркутске?*

– Скажу сейчас. Самое главное было производство у нас – Завод имени Куйбышева. Он выпускал драги для нашей золотой промышленности, поэтому завод имени Куйбышева – это был завод государственного значения. Не просто, не зря вот там перед заводом стоит памятник Куйбышеву, да, то есть это… было разрешено даже поставить памятник. И завод этот производил не только драги, а и разные станки и… и бытовую технику даже, и даже бытовую технику. Ну, и второй по величине авиационный завод на иннокентьевской стороне, там Иннокентьевская, Второй Ир-

кутск назывался, да. Этот завод тоже… ну, не знаю, он и сейчас имеет большое значение для нашей страны, так как мы готовим самолеты не только для России, но и для Индии, и для других стран. Вот эти два завода, они всегда были крупными заводами. Кроме того, у нас был танкостроительный завод, очень серьезный тоже. И было несколько заводов в Новоленино. Теперь там… как часть может и работает частично. Вот на завод Куйбышева, например, работает один цех только сейчас. Жаль, жаль, что работа этого завода прекратилась, очень жаль, потому что мои многие друзья работали на этом заводе. И крановщиками, и мастерами, и инженерами, и начальником отдела кадров мой бывший одноклассник работал, то есть очень жаль что теперь нет этого завода.

– *А помните ли строительство моста через Ангару?*

– Вот нет, потому что мост был построен гораздо раньше, поэтому я не помню.

– *А понтонный мост? Не помните?*

– Нет, нет, Настенька, нет. Я… вот, мне теперешний мост, он со мной идет по жизни, он со мной идет по жизни. Вот, поэтому я о строительстве моста не могу сказать ничего, потому что мост построили в тридцать шестом году, а я родилась в тридцать седьмом, даже если бы и хотела очень увидеть, как строился этот мост, даже не увидела бы никогда. В тридцать шестом году… Но я горжусь тем, что тридцать шестой год… у меня муж тридцать шестого года рождения, поэтому мост и мой муж – вот они рядышком идут уже сколько лет.

– *А вот если сравнивать Иркутск того времени с сегодняшним Иркутском, чтобы вы отметили, какие изменения внешние?*

– Красоту. Красивый сейчас стал очень город, раньше был намного скромнее, да. Сейчас наш город украшают, во-первых, красивые очень здания, очень много красивых зданий, во-вторых, фонтаны, которых у нас теперь восемь, да, уже в городе. Они тоже очень украшают город. Вот. Дальше. Все улицы освещены, раньше такого не было. Не могли раньше быть освещены все улицы, потому что или не хватало средств, или не хватало, может быть, рабочей силы, которая могла это осуществить, да. А сейчас улицы светлые, улицы очень имеют красивые фасады домов, да. Посмотрите как красиво теперь. И красивый город, красивее, конечно. Есть чем любоваться и есть на что посмотреть. А детская железная дорога? А какой городок теперь здесь, да? Великолепный городок, где железная дорога детская, то есть хорошо… красивый город стал, гораздо красивее, был проще, намного, да, но тоже симпатичный.

– *Было больше деревянных домов?*

– Деревянных домов было больше, особенно в центре города. Очень много снесено домов деревянных, да. Я вот… на месте нашего дома на Чехова был деревянный домик, я вот его очень хорошо помню и знаю, потому что в этом доме жила моя коллега по инязу. Мы бывали у нее в гостях, а теперь я живу на этом месте, теперь она ко мне приходит в гости, да, то есть много деревянных домов, красивых… красивых и некрасивых снесено, особенно в центре города.

– *А расскажите о вашей работе. Кем вы работали? Как долго? И что входило и входит в круг ваших обязанностей?*

– Ой, как я долго работала! Уже, да… ой, как я работала! Я проработала, во-первых, с шестьдесят… с шестьдесят первого года по девяносто девятый год в институте иностранных языков. Там я работала ассистентом сначала, затем старшим преподавателем, я исполняла обязанности декана несколько раз, я была деканом факультета повышения квалификации в инязе. Я была исполняющей обязанности заведующего кафедрой. Вот… Я была профоргом факультетским, уже будучи преподавателем. Я была секретарем комсомольской организации преподавательской уже в качестве преподавателя в своем любимом вузе. Да. Вот. Ну, и благодаря своему вузу я побывала в Германии, кроме того, что я пятьдесят девятом году, как уже говорила, была в составе первой студенческой делегации. Я была дважды еще в германской Демократической Республике в семьдесят третьем году, где я преподавала русский язык немецким коллегам-преподавателям и в восьмидесятом году я была на стажировке в Германии. Поэтому моя жизнь очень насыщенная, а вот с 1999 года я уже, ну, немножечко не хватает каких пары месяцев, работаю в университете государственном. Вначале я работала на Международном факультете, а сейчас вот я работаю на Общеуниверситетской кафедре немецкого и французского языков, преподаю немецкий язык у филологов, математиков и у физиков. Для меня работа – все. Это вся моя жизнь. Студенты – это для меня, ну, это мои коллеги, это мои ученики, это мои друзья, это мои любимые люди.

– *А вот какие были демонстрации, парады вот тогда в Иркутске?*

– Очень серьезные. Во-первых, вопрос ставился так, что, и мы сами чувствовали это, что, если я не сходил на парад, на демонстрацию, значит, я не имел праздника, поэтому мы все выходили на демонстрации, было очень много народу. Мы получали в общежитии, тогда нам выдавали плакаты, портреты, транспаранты, цветы, с которыми мы шли по городу, и, самое интересное, что мы, студенты, шли обязательно с сумочкой, с которой мы после демонстрации бежали на вокзал, ехали домой, кто не жил в Иркутске, да.

Вот. То есть мы отдавали долг, это был долг наш сходить на демонстрацию, сходить на парад, потому что без этого жизни не было. Мы бежали на вокзал и ехали домой на майские праздники.

– *А вот как проходили демонстрации? Ну, вот как, сколько времени длились?*

– Длилось очень долго. Демонстрации длились очень долго, потому что все предприятия выходили на демонстрацию, это не теперь, что теперь это просто как-то, ну, вот профсоюзы организуют митинг, и мы идем потом к центральной площади, да. Здесь должны были все предприятия выйти на демонстрацию. Поэтому демонстрация, если мы уходили из дома где-то примерно в половине девятого, то мы возвращались домой только к двум часам. Вот столько времени шла демонстрация. Причем на трибуне стояли люди, которые обязательно провозглашали здравицу в честь той организации, того вуза, который идет мимо трибун, да. И мы, студенты, то есть, вузы, да, мы шли последними всегда. Школы и вузы шли последними. Замыкали демонстрацию. Знаете, как это было красиво и весело, да. Мы замыкали, мы кричали все дружно: «Ура! Слава КПСС! Да здравствует Советский Союз». То есть, вот, мы были все на подъеме. Очень хорошо, красиво проходили демонстрации, прекрасно. Пели много песен. Всю дорогу пели песни, начиная от исходной точки, откуда мы шли, мы шли обычно от общежития на улице Ленина нашего, да, и до конца все время пели. А за нами последним шел сводный оркестр. Вы представляете, да, когда идет сводный оркестр, играет песни военных лет, играет патриотические песни, играет песни, которые близки народу и любимы народом, и мы все их пели. Песни знали все тогда.

– *А маршрут какой был?*

– А маршрут, маршрут парада был… Мы шли вот так, так мы, значит, шли от иняза, обязательно по Сухэ-Батора полностью, да. По Сухэ-Батора и сюда к площади мимо трибун, мимо нашего иняза и снова по Ленина до конца улицы Ленина. Ну, пока все пройдут, представляете, отовсюду ведь, из Ленинского района приезжали, они оттуда шли и вливались в демонстрацию. Где-то останавливались и вливались в демонстрацию, да. Рабочие заводов шли, допустим, вот с улицы Рабочей они выходили на парад, то есть это зависело от того, откуда идет колонна, какой район – Ленинский, Октябрьский или Кировский, или Куйбышевский, да. Но все сливались в единую колонну, да. Было прекрасно.

– *А демонстрации были и первого, и девятого мая?*

– Первого мая были демонстрации, девятого мая были тоже, но они… как-то позже мы стали ходить на эти демонстрации. А

седьмое ноября – самая главная демонстрация была седьмого ноября, День великой октябрьской социалистической революции, вот это была самая главная демонстрация, да. Осенняя, да. Осенне-зимняя. Вот. И вот эти две демонстрации, ноябрьская и майская, собирали очень много людей.

– *А седьмого ноября холодно было, и тоже также долго длилась демонстрация?*

– Ой, также долго длилась! Также долго длилась. Это зависело от погоды, иногда мы шли уже в зимней одежде, потому что уже было холодно, а иногда еще и в осенней, потому что зависело от того, какой теплый денек или уже пахнет зимой, да. Но было прекрасно, было весело, было радостно. Жаль, что я вот не знала, я бы прихватила тебе фотографию. У меня очень много фотографий с демонстрации, да. Со студентами. И мои дети всегда, начиная с трех лет, ходили со мной на демонстрации на все, да, поэтому очень много фотографий с демонстраций.

– *А вот обязательно нужно было студентам ходить на демонстрации?*

– Обязательно! Студентам нужно было ходить на демонстрации обязательно, и проводили, допустим, перед… накануне опрос, да. И решали, отпустить с демонстрации или не разрешить уехать раньше, да, не прийти на демонстрацию… какая причина. Ну, по уважительным причинам обычно отпускали студентов, а так явка на демонстрации была обязательной, потому что, ну, мы, так сказать, демонстрировали наше отношений к нашей жизни, к нашему обществу, к нашей действительности.

– *Сейчас немножко сменим тему, я бы хотела узнать, где вы были в военное время?*

– В военное время я училась в школе. Были очень трудные времена, было очень тяжело. Мы вот, маленькие ребятишки, ходили на поля, собирали мерзлую картошку, то, что оставалось после того, как выкопали, да. Собирали колоски. Ежели это была картошечка мерзлая, то ее прямо вот так варили мы и кушали. Кушали лебеду, кушали крапиву, это все я испытала, да. А ежели это были колоски, которые мы приносили, зернышки, да, мы их мололи на мясорубке, потому что на чем еще можно было в доме, да. Мололи на мясорубке и пекли блинчики, оладушки. А вот из той картошки мерзлой, которая была, или сухая уже, мы делали тоже оладьи. Жизнь была очень тяжелой и во время войны мы, конечно, дети войны, пережили очень много вместе со своими родителями. Родители работали денно и нощно, потому что все, кто мог, шли на фронт, а кто не шел на фронт, тот работал день и ночь,

сутками. У нас в Зиме было очень серьезное предприятие – Депо зиминское, да. Там восстанавливали поезда, там восстанавливали паровозы, которые везли на фронт продукты, одежду, оружие и орудие, да, то есть работали день и ночь.

– *Ну, вот вы приехали в пятьдесят пятом, и чувствовались ли вот в пятьдесят пятом году какие-то отголоски, вот, в Иркутске военного времени, войны?*

– Вы знаете, уже нет. Уже нет, потому что, может быть, только тем, что было очень плохо с продуктами, да. Магазины были, ну, полупустые пока еще, да. Может быть, вот в этом плане только, вот в материальном плане, да. Ну, это действовало, естественно, и морально как-то, да. Вот я даже расскажу случай из моей вот этой студенческой жизни, когда нам… должны были ехать в Германию, мы же должны были прилично быть одеты, да. А нас было трое, вот из нашего вуза, да. Того, что нам нужно было иметь, а нам нужно было иметь строгий костюм, перчатки белые, перчатки черные, да. Блузки разные, легкие там платья красивые, туфли и легкую обувь. В магазинах этого так свободно купить нельзя было. Поэтому нас привели на большой склад, где мы выбрали для себя ткани, да, чтобы заказать себе одежду для поездки в чужую страну. Вот в этом плане, конечно, чувствовалось, что война унесла у нас много очень.

– *Вот как изменялся климат? Ну, изменялся ли, заметили вы это?*

– Да-да-да-да. Таких ветров сильных не было, как теперь, ну, бури были, правда, штормы были, да, но очень редко и в жаркие только дни, вот. Очень когда жарко летом, допустим, вдруг какой-то принесет бурю какую-то, ураган, да. Но часто и вот таких сильных ветров, как сейчас, не было. Не было. Климат, конечно, поменялся, поменялся климат. Ну, я думаю, что климат поменялся на всей планете, поэтому это естественно, но было теплее, было теплее.

– *А были ли какие-нибудь катастрофы или аварии? Вот, например, как сейчас, допустим, на производстве происходят? Иди дома рушатся? Было что-то такое?*

– Может быть, дома не рушились, а вот было у нас… была очень серьезная история, когда самолет упал, это в шестидесятые годы, это было страшно, конечно. Вот. Страшно было, когда… это тоже было на слуху всех, когда в катастрофе погибли геологи. Когда геологов загрызли медведи, да. Это было страшно, конечно. Были такие, ну, вот как… такие, часто вот чтобы случались катастрофы, такого не было. Может быть, оттого что не так развита была страна, да, не столько было много у нас всяких средств, которые мы сейчас используем, да. Не столько много было, может быть, у

нас вот газа использовалось, как теперь, да. Вот дом-то недавно, да. Погибло восемь человек, по новостям показывали, восемь человек… ну, там дом, там нецентрализованное газо… Да, да. У них в домах эти баллоны были, ну то есть, они используются еще. Вот раньше, раньше были только баллоны. Я жила в таком доме, у нас баллон стоял, в доме стоял баллон, да. Ну, вот чтобы вот таких много было катастроф, как вот самолет у нас разбился, разбивались, да, вот уже несколько случаев было, да. Не было такого.

– *Было ли у вас желание уехать из города?*

– Никогда. Я вот никогда. Наоборот. Когда я была в Ленинграде, училась на двухгодичных высших педагогических курсах, мне предлагали несколько вариантов. Но… так как я патриотка своего города. Мне предлагали заведование кафедрой в Кемерове, мне предлагали Новгород, работу в Новгороде, мне предлагали остаться в Ленинграде на кафедре, да, но я сказала: «Нет. Я возвращаюсь в свой родной Иркутск, потому что там моя Alma Mater, там вся моя жизнь». Поэтому уехать из города… никогда у меня не было. Ежели я была в Германии… и через две недели мне уже очень хотелось бросить все и вернуться домой. Вот я такая патриотка своего города. Вот я так приросла к нему, что, ну, никуда мне не хочется, вот, люблю я свой город.

– *Ну, вы можете сравнить, вот, допустим, Иркутск с крупным городом, таким как Ленинград? Чем отличаются они друг от друга?*

– Ну, я могу сказать, что, может быть, в Ленинграде больше было культурных учреждений, да. Больше музеев, да. Там, конечно, это город, это наша слава, да. Естественно, там и музеи, там и театров много, и даже кинотеатров в Ленинграде было гораздо больше всегда, чем у нас. Ну, и у нас теперь тоже, посмотрите, открываются все время новые музеи, да, вот теперь открылся музей быта, да, иркутского, да. Вот открылся новый филиал исторического музея, то есть мы теперь стараемся шагать в ногу тоже, да. Но, может быть, единственное отличие в размахе, да, и в территории. Наша территория, естественно, поменьше, чем Ленинград, поэтому и население у нас гораздо меньше, да. Но мы тоже любим свой город и знаем, что у нас есть и музеи, и театры, и кинотеатры, и кафе, и бары, и рестораны, а самое главное – сколько у нас теперь учебных заведений! Да. Когда мы учились, это был политехнический, да, горный институт он тогда назывался, да, это был педагогический институт, это был, ну, естественно, наш университет классический на первом плане был, потому что рвались все поступить в университет, да. Был сельскохозяйственный институт, институт народного хозяйства и медицинский. Вот все, да. А те-

перь посмотрите, сколько у нас вузов, да. Сколько у нас учебных заведений среднего плана, да: и техникумы, и колледжи… и коллЕджи – оба ударения возможны, поэтому я подняла даже словарь. И кОлледж, и коллЕдж, оба, да. Поэтому я думаю, что мы сейчас, вот в культурном плане не отстаем от центральных городов, нисколечко даже не отстаем, мы шагаем в ногу. Я бы хотела очень остановиться на том, что наши театры – великолепные театры. Я в Ленинграде, например, не пропускала ни одного спектакля в Горьковском, имени… театре имени Горького. Ни одного спектакля, да. Я все спектакли посетила на Владимирском проспекте, да. Я была очень часто у Райкина, да, но настолько, насколько я люблю наши театры, я, наверное, не любила ни один. И когда вот мы приехали сюда поступать… наши институты все, мы сразу позаботились о том, чтобы нам приготовить наряд для театра, потому что в театр раньше ходить, как вот теперь мы ходим в брюках, в джинсах, да, в обуви неизвестно какой, было, ну, неприлично. Все были одеты красиво, и я расскажу о себе. Я первую свою повышенную стипендию, я ее всегда получала, потратила на то, чтобы купить ткань – бархат для платья. И купила себе туфли на высоком каблуке, чтобы ходить в театр, как ходят все люди. В театры ходили с театральными сумочками, в самом красивом наряде, потому что театр – это было святое дело, да. И как не вспомнить наших актеров, да, наших великих актеров, которые работали в наших театрах – и Загурского, и Волошина, который до сих пор работает в нашем музыкальном театре, да. Я ни в одном театре не пропускала ни одного спектакля тоже. В Драмтеатре я была постоянной гостьей, в Театр юного зрителя я ходила все время со своими детьми, не пропуская тоже ни одного спектакля. Ну, уж а Музыкальный театр – это был для меня самый любимый театр, вот. И когда построили орган у нас, то все студенты факультета немецкого языка с удовольствием посещали органные концерты. Все. Мы даже получали, вернее, покупали абонементы на воскресные концерты на все.

– Вот в Ленинграде очень, скажем так, старинная культурная история, ну, там даже такая культурная атмосфера города, вот как вы думаете, вот в Иркутске, можно сказать, что это очень… это город с очень глубокой старинной культурой, историей?

– Да. Да. Я скажу это просто однозначно, что это у нас культура старинная, глубокая. Об этом свидетельствуют наши музеи, которые посещаются людьми с удовольствием, да. Наш краеведческий музей, он всегда посещаем, да, вот. А теперь Музей города Иркутска, посмотрите, как милые иркутяне заботятся о своем му-

зее, да, они несут все, что связано с бытом иркутян, с их жизнью, они несут все в музей, чтобы это стало достоянием всех, и я думаю, что молодежь наша к этому тоже приобщается с удовольствием, да. К этому тоже приобщается с удовольствием, поэтому город наш, конечно, старинный, культурный город.

– *А вот вы были в других городах Сибири?*

– Да.

– *Новгород и Кемерово, да?*

– Нет, я там не была. Я там не была. Там мне предлагали работу, а я была в наших, я в Улан-Удэ была, например, мне город очень понравился, да. Маленький, небольшой такой, чистенький. А в Улан-Удэ мы ездили принимать экзамены, раньше мы там принимали на месте экзамены вступительные, вот, при… когда абитуриенты желали к нам поступить, мы ездили туда, чтобы принять экзамены вступительные, чтобы дети не ехали сюда. Времена трудные были много лет у нас, да, когда материально люди жили плохо очень, поэтому наша задача была поехать и принять экзамен. Мне Улан-Удэ очень понравился. Город такой тоже, ну, с традициями, старинными традициями, хороший, интересный город.

– *Отличается он чем-то от Иркутска?*

– Отличается! Отличается. Там, ну, национальные мотивы присутствуют очень даже так широко и глубоко. Национальные мотивы, то есть… ну, мы же знаем, посмотрите, у нас как сейчас бурятское-то общество у нас, да. Ниже посмотрите, как они такие устраивают концерты, какие они проводят праздники, вот, их национальный белый праздник, да. А там это с испокон веков у них, поэтому это город национальной бурятской культуры.

– *А вот у вас есть какие-то любимые места в городе, где вы очень любите бывать?*

– Да! Да-да-да. Самое любимое место у меня – это бульвар Гагарина. Причем вот раньше здесь был Сад Парижской Коммуны. Вот здесь вот прямо сейчас, где у нас с вами, по-моему, даже нет, не парк, а знаешь, где, наверное, «Акула», да. Был вот сад парижской коммуны, где мы ходили танцевать, куда на… танцплощадка здесь была, да. И каждую субботу, каждое воскресенье мы, начиная где-то с конца апреля, то есть май, июнь, пока сессию сдавали, да, ходили все время на танцы сюда, да. Ну, и здесь и праздники все проводились. Я никак не могу смириться с тем, что вот теперь парк, который находится на той стороне Ангары, да, называется Парижская... Парком парижской коммуны. Вот уж был у нас тут, да,

Сад парижской коммуны. Сад! Не парк, а сад парижской коммуны, так это был сад. Красиво было, замечательно.

– *А по Набережной любите гулять?*

– Очень. Я же очень часто гуляю по Набережной, когда иду к математикам от филологов или от математиков к филологам. И каждое вот местечко для меня история, вот, я прохожу, например, мимо ИРГИРЕДМЕТа – это институт цветных металлов, да. Здесь работали мои одноклассники, да, а теперь один из них профессор в Техническом университете, доктор наук, да. Вот это для меня история, да. Вот памятник Гагарину, да. Мы думали, когда этот памятник был воздвигнут, мы присутствовали на этом торжественном моменте, да. Для меня бульвар Гагарина – это история Иркутска. Вот он наш Белый дом, наша библиотека теперешняя, в которой я тоже бываю очень часто, да. Вот каждый камешек здесь, на бульваре Гагарина, каждая улочка, которая пересекает бульвар Гагарина, то есть подходит. Это длинная история.

– *А что для вас является центром города?*

– Центр города – это площадь, конечно, для меня. Для меня это площадь, потому что здесь столько нами прожито, здесь столько троп исхожено, да, вот. Здесь столько раз влюблялись мы и в шутку, и всерьез, да. То есть для меня это площадь. Да.

– *А вот может быть, чтобы в молодости это были одни места, а сейчас, ну, другие, или появились какие-то новые любимые места города?*

– А, то есть вот так, да? Для меня какими они стали новые места? Ну, вот новые совершенно для меня место теперь, вот, вот это место возле нашего Центра медицинского на Шестой Советской, у кинотеатра «Баргузин», да. Там очень сейчас замечательно, и я даже порой туда езжу, да, чтобы, ну, лишний раз полюбоваться этой красавицей – здание Диагностического центра, да.

– *Какие вот, может быть, театры или культурные учреждения появились при вас?*

– При мне появилось несколько театров, конечно, и культурных учреждений. Это, прежде всего, Органный зал. Органный зал, в котором стоит орган Лейпцигский, скоро до Лейпцига, да. Поэтому для нас вот, студентов и преподавателей факультета немецкого языка, это было заведение, которое связано со страной, язык, которой мы изучаем, и мы очень часто посещали Органный зал. Для меня тоже новым был совершенно театр «Аистенок», детский, куда я уже ходила с внуками, с детьми не пришлось туда ходить, раньше не было этого театра. «Аистенок» очень даже связан с нашим вузом тем, что это был, может быть, один из театров, ко-

торый побывал благодаря моей коллеге Людмиле Васильевне в Германии. Она перевела на немецкий язык пьесу, и пьеса была поставлена детская в Германии театром «Аистенок», вот. Дальше я еще хотела бы сказать, конечно, о Театре народной драмы. В этом Театре народной драмы сейчас служит наш бывший студент, да, наш бывший студент. Он великолепный актер и прекрасный… обладает прекрасным голосом. Вот он уже много-много лет, то есть с начала, с основания этого Театра народной драмы служит в этом театре, то есть для меня это тоже… я с ним встречаюсь и хожу на спектакли этих театров, всех причем. Я и в «Аист», и в «Аистенок» я хожу, и в Театр народной драмы – везде со своей семьей. Это здорово, конечно. Это очень здорово. Еще я бы хотела сказать вот о чем. Для меня очень важно поговорить о нашем Дворце пионеров. Теперь это Дворец детского и юношеского творчества. Я на протяжении двадцати лет была руководителем секции немецкого языка в этом Дворце и несколько лет руководила методобъединением в обществе городском, ученическом обществе «Знание». Через это общество прошли многие… многие теперешние мои коллеги, наши бывшие студенты. Это общество организовывало также мероприятия не только в Иркутске, а и в области, поэтому с Дворцом юношеского творчества, с Дворцом пионеров у меня связаны тоже многие годы моей жизни. Ну, и тут же можно еще сказать, что я на протяжении двадцати двух лет заведовала подготовительными курсами в инязе. То есть… вот меня спрашивали какие вехи моей жизни особо важны для меня, вот это было, конечно, то, что серьезное и штрих в моей жизни… и немецкая филология, которая была… Несколько лет была директором городских курсов по изучению иностранных языков, то есть я умела поприветствовать японцев, изучающих японский язык, по-японски, да. Изучающих китайский язык по-китайски, ну, не говоря уже об европейский языках. То есть, вот, это очень важные вехи в моей жизни, поэтому не сказать о них нельзя, умолчать, поэтому, да. Это серьезно, серьезно. Я работала на благо города.

– А *чем занимаются сейчас ваши дети?*

– Сейчас моя дочь, она так же, как я, пошла по моим стопам. Окончила наш Институт иностранных языков, теперь она уже закончила как Лингвистический университет уже, да. Работает в школе №65 нашего города, которая, вот на днях отметила пятидесятилетие своего существования, да, и она работает директором библиотеки школьной сейчас. А закончила Университет лингвистический с красным дипломом, работу бы имела несколько часов когда-то бы языка. Сейчас вот занимается только библиотечным

делом. Участвовала в форумах, занимала престижные места призовые. Заработала для школы техники много очень, вот. Я думаю, что она на правильном пути. Так… я все время говорю: «Так держать!». Сын работает в Техническом университете. Он работает научным руководителем студентов и преподавал на кафедре машиностроения. А закончил он очень престижный факультет, факультет самолетостроения. На протяжении нескольких лет он был секретарем комсомольской организации всего Политехнического института. Ну, и учился, конечно, всегда хорошо очень. Закончил школу отлично и в вузе учился отлично, диплом у него тоже красный, и он, самое для нас важное, что он был ленинским стипендиатом. Это, конечно, дорогого стоит. Кроме того, он в совершенстве овладел английским языком, закончил там раньше у них был ФОП по изучению… по углубленному изучению иностранных языков. Он получил диплом и участвовал в российских олимпиадах по английскому языку, в частности, в Брянске. Вот, я думаю, что дети мои выбрали правильный путь, одна пошла по стопам мамы, а второй по стопам папы. Папа закончил у нас Политехнический институт. Поэтому, я думаю, что, вот, наша традиция такая и продолжится в наших внуках и в правнучке, может быть, которая у меня уже есть, да. Жизнь у нас идет по проторенной колее всей нашей семьи. Мы живем очень интересно. Мы живем очень интересно. Все семейные праздники мы все вместе, мы не просто так, мы всегда готовим сценарий, да, обязательно. И по этому сценарию проходят наши праздники. Это и поздравлялки, и красивые слова друг другу, это и конкурсы, это и танцы, песни все. То есть семья вот у нас такая дружная, крепкая. Невестка для меня доча, да. Зять для меня – сына. И вот вы хотели услышать, хотели бы мои дети уехать куда-то. Нет. Дальше Байкала они не хотят. А на Байкал выезжают каждый год, потому что это святое место. И, ежели бы они не бывали на Байкале какой-то год, то они считают, что отпуска у них не было. То есть все уезжают на Байкал – и сын со своей семьей, и доча вместе с ними. Все каждый год, это традиция. Причем на Байкал не тут близенько, они обычно ездят очень далеко. Там, где по-настоящему простор, где по-настоящему они видят Байкал. И была возможность, конечно, у дочи, вот, допустим, уехать в Ташкент, потому что муж – доктор, он узбек, но он сказал, что «Иркутск для меня стал тоже Родиной, причем настоящей Родиной».

– А вот какие вот бы вы могли назвать центры иркутской культуры в городе?

– Да. Да. Прежде всего, прежде всего для меня это Художественный музей. Мое основное для меня культурное учреждение, в

котором я бываю очень часто и бываю всегда, это наш Художественный музей, я даже там проводила уроки немецкого языка со слушателями факультета повышения квалификации. Они к нам приезжали отовсюду: и из Омска, и из Оренбурга, и из Казани, то есть, ну, а Дальний Восток и Сибирь – это уж в обязательном порядке. То есть вот такая вот грандиозная работа была, а как было им интересно, а когда мы ходили вот, в студию нашего художника Лебединского, да, тоже это здорово, да. Следующее культурное учреждение, которое я очень люблю, это вот здесь, наш Музей краеведческий. Краеведческий музей – это история края нашего, да. Это история нашего… нашей Отчизны. Это все, и сейчас я очень часто бываю в филиале краеведческого музея, где проходят выставки животного мира и растительного, то есть там, где фиалки выставляют, это для меня все. Если там выставляются фиалки в этом музее, то я там обязательно присутствую. Но сейчас очень часто я бываю в Сибэкспоцентре, я почти на всех выставках бываю. Очень часто я посещаю выставки, посвященные нашему образованию, потому что я на этом, так сказать, выросла с образованием, я имею отношение к нему, и поэтому… даже когда проходят форумы школьные, я всегда там бываю тоже, посещаю в обязательном порядке. В Сибэкспоцентре форумы, выставки. Дальше, еще мне очень… Ну, театры, это конечно. Театры – это для меня все. Я вот сегодня иду в театр, кстати, да. На спектакль по Гришковцу – «Зима», да. А недавно вот я была на Вампилове, тоже в Драмтеатре, да. Ну, и я очень люблю быть в нашем Драматическом театре, вот, на камерной сцене, потому что там, кажется, ты живешь вместе с актерами, да. Ты проживаешь ту жизнь, которую живет твой самый герой любимый, да. Поэтому я вас тоже призываю посещать театры.

– А вот Университет и Белый дом можете назвать?

– Ой, университет и Белый дом – это связано все еще со студенческих лет, с Белым домом. Так же, как и теперь, мы организуем конференции с нашими студентами, с нами были тоже… проводились конференции. И, уже начиная с первого курса, я думаю, что всему городу известно имя великого филолога-германиста Оскара Христиановича Цахера. Я у него всегда занималась научной работой. Так, ежели мы не бывали в Белом доме, то значит, мы не работаем, не занимаемся наукой. У него всегда было: «Так, Галина Прокопьевна, вы были в белом доме? Вы работали в библиотеке?». Да. Поэтому с Белым домом связана тоже вся моя жизнь, начиная с пятьдесят пятого года, то есть я начала заниматься у Оскара Христиановича наукой, хотя я и не защитилась, потому что я уехала на высшие педагогические курсы двухгодичные, вот. Но наука у меня

всегда. И Оскар Христианович Цахер и Белый дом – это основные составляющие моей жизни. Ну, а теперь, когда я работаю в Университете, без Белого дома вообще не обойтись. Это библиотека наша… Университета, да, в которую ходят все студенты всех вузов, не только нашего.

– *Вот сейчас отмечает город трехсот пятидесятилетие, а вот как отмечалось трехсотлетие города?*

– Трехсотлетие города – это было тоже очень важное событие в жизни нашего… нашей семьи, потому что это было пятьдесят лет назад, да, это был какой год, значит?

– *Тысяча девятьсот…*

– Сейчас 2009, да? Это были шестидесятые годы, да. И это были годы, когда у нас родился старший сын, и уже он был в таком возрасте, что мы его… уже могли взять его с собой на празднование. И самым основным тогда для нас был салют. Это было впервые! В нашем городе, когда мы, большая толпа людей, скопилась на бульваре Гагарина, чтобы присутствовать на этом первом событии в нашем городе. Это самое главное.

– *Угу. То есть первый салют был на трехсотлетие?*

– Да. Да-да-да-да. Первый салют.

– *Какой-то праздник на площади был?*

– Да, это был праздник большой. Везде на площадях, как теперь, как и сейчас. Ну, конечно, такого размаха не было, как теперь, когда мы праздновали вот уже трехсот сорокапятилетние. Уже какой размах был, то есть на всех площадях были заняты, во всех районах города проходили празднества. Это было только в центре города, да. На площади Кирова был тоже очень большой праздник. Очень большой праздник. Я была тоже тогда… Интересно было тоже. Ярмарка и всяких изделий… художественная и продовольственная, было здорово тоже.

– *А салюты часто бывают?*

– Теперь – да. Теперь салюты бывают часто. Теперь салюты бывают в День победы… будет салют. Так что очень красивые салюты бывают, я теперь уже не хожу на бульвар Гагарина, а смотрю из окна, и ко мне… самые красивые салюты летят ко мне в окошко прямо, да. Потому что я на последнем этаже, ну, я вас приглашаю. До того красиво, все видно. Да потому что туда сейчас очень трудно попасть, народу очень много. Иногда мы бываем на той стороне, потому что у нас сын там живет, на левом берегу, да. Там оттуда тоже красиво смотрится салют, вот. Салюты – это теперь, ну, наша гордость. Так же, как фонтаны. Фонтаны с подсветкой особенно, да. Вот. И ежели вы меня спросите: «Какой фонтан вам больше

всего нравится?» Я скажу: «Конечно, красивый фонтан на пятидесятилетие, где площадь наша. Пятидесятилетие Советского союза». А самый милый для меня фонтан, мимо которого я прохожу чуть ли не каждый день – это против стадиона «Труд». Да. Потому что это для меня самый любимый фонтан. Я его вижу почти каждый день. Хотелось бы мне, конечно, чтоб такой же красивый фонтан построили на площади Кирова, да. Старый он еще фонтан. Но он тоже связан… красивый, конечно, чаши красивые там все. Но, может быть, его надо модернизировать.

– *А вот с точки зрения экологии, вы считаете: Иркутск – загрязненный город?*

– Ой, загрязненный, видимо, тем, что много транспорта. Очень много транспорта. Перенасыщен город транспортом, конечно, вот. Особенно, вот, в центре я ощущаю очень, потому что мы живем на последнем этаже, все газы наши от машин. Все, все к нам поднимаются. Ну, сейчас видели… хорошо знаете, что борются. Бензин, во-первых… за чистый бензин. Да, если вы знаете, что в Германии там, ой-ой-ой, как это проверяется. У нас тоже сейчас начали проверять, да, ну и многие проходят, переходят, может быть, на дизельное топливо сейчас или на газ, да. Поэтому должен быть Иркутск… стать чище. Я даже прямо вот уверена, что это будет.

– *Ну, вот, если вот посмотреть Иркутск – зеленый город? Или вы считаете, что не хватает ему побольше зеленых деревьев, кустарников?*

– Очень много сейчас высаживается деревьев, очень много, но есть, конечно, такие районы, которые бы необходимо было озеленить еще. Даже, может, центр город, да?

– *Да, в центре города я вот заметила, что…*

– Даже, может, центр города. Вот посмотрите, как сейчас на Лермонтова, да? Там все в зелени будет. Вот сейчас там посажено по всем улица много очень деревьев, да. А вот центр города можно было бы озеленить получше. Да, обидно вот, обидно, что когда-то, когда мы вот переехали в наш дом, мы посадили очень много деревьев. Мы сделали клумбы из этих колес, да. Вот сейчас все это затоптано. Деревья срублены. По какой причине? Почему? Да. Я, конечно, опять сейчас буду засевать газоны, я сказала, что обязательно. Вот газонов побольше надо, да. Газонов перед домами, газонов на площадях, да. Вот на площади Кирова, конечно, там достаточно всего, а вот на других-то хотелось бы, чтобы было побольше газонов. Цветов много в городе сейчас. Цветов много, фигур разных много прелестных, да, а вот газонов побольше хотелось бы.

– А вот вы бы хотели бы, чтобы в городе была проведена подземная линия?

– Ну, по-моему, бы от этого никто бы не отказался, да? Но у нас ведь… мы же на болоте, да. Город-то, да. Поэтому это, наверное, будет трудно, а вообще бы не мешало, конечно, не мешало бы. Вот сейчас, когда построили переходы-то подземные, намного легче стало людям дышать, да. И жизнь стала веселее. Не такой опасности подвергаются люди, когда они переходили через улицы. Я вот знаю, что на той стороне, где у меня живет старший сын с семьей, там теперь два перехода подземных – у политеха и у пожарного училища. Так это же так прекрасно, я уже прошлась по этим переходам. И считаю, что замечательно. Только наше варварство, как мой внук, когда он был маленький, говорил: «Варвары, вандалы, все разрушают!». Это плохо, поэтому наша задача, видимо, вот, всех преподавателей, учителей, ну, и людей старшего поколения помочь, может, молодежи, вот, изменить, ну, не всей, конечно, да, не всей, конечно, а вот той, которая является… так сказать, в семье, говорят, не без урода, да. Вот этим уродам помочь им стать людьми порядочными. Потому что вот не успели построить эти переходы, там уже разрушены стены, да, там уже перебиты все светильники. Ну, что же это такое? Культуре нам надо учить, конечно. Некоторых молодых, а в основном у нас золотая молодежь, замечательная, да. И я желаю успехов вам в вашей жизни. Вы же учителями будете сначала, да? Конечно, поэтому помните Галину Прокопьевну, которая всегда говорит вас: «Любите друг друга, любите детей, да». Вот тогда у нас все хорошо будет в нашем обществе. И жизнь будет хороша, по Маяковскому, и жить хорошо, да.

– А вот если бы вы были бы, ну, туристом, то какие бы места вы посетили в первую очередь и… ну, назовите пять мест самых красивых и значимых.

– Первое… в Иркутске? Именно в Иркутске?

– Да. Да.

– Первое – Дом декабристов. В первую очередь пошла бы. Знаменский монастырь пошла бы во вторую очередь. В третью – пошла бы обязательно в наш Краеведческий музей. Дальше. Это три, да? Четвертое место, в котором бы я побывала – это Лисихинское кладбище. Лисихинское кладбище, потому что сейчас, да, очень это… там вы знаете, кто лежит, да? Там все, кто во время войны умирал в наших госпиталях, а Иркутск был городом-госпиталем. В школах были госпитали, да. И вот эти люди все лежат сейчас на Лисихинском кладбище и там построен мемориал, и там сейчас, ну, настоящее местечко, где можно постоять и вспом-

нить о тех, кого нет с нами, да, кто внес свой вклад в победу над фашисткой Германией. Ну, и естественно, это наш мемориал. Я бы… я могу туда ходить бесконечно. И я это делаю. Потому что там очень много знакомых имен тех людей, потомки которых живут сейчас и с которыми мы знакомы. Эти пять мест посетила в первую очередь, если бы я приехала в Иркутск.

– *Ну, вот вы работали долгое время, вот, в инязе и наверняка приезжали сюда иностранцы, да?*

– Конечно.

– *И вот вы знаете, какие у них были впечатления от города?*

– Всегда великолепные. Всегда великолепные были впечатления, великолепные впечатления были, во-первых, от гостеприимства иркутян. Они всегда говорили: «Боже мой, – вот немцы именно, – как нам стыдно, мы так не принимаем, как принимаете нас вы!». Во-первых, культурная программа всегда проводилась, да. Во-вторых, они бывали у нас в семьях и… когда они говорили, что вы, русские, вы, иркутяне, такие великолепные люди, и это было от души сказано, то без всякого, без всякого сомнения возникало чувство гордости за наш город, за наших людей. Очень хорошо всегда иностранцы относились к Иркутску. Они рвутся и теперь сюда. Они и теперь сюда рвутся. Я хочу вам сказать вот еще что, что четыре года подряд ко мне в дом, в мою квартиру приезжает семья французов. Папа – преподаватель ВУЗа, преподает географию, да. Мама – фармацевт. И двое деток, которые… один из которых, младший, сказал: «Я, папа, останусь в Иркутске и буду жить у Галины, и учиться на детской железной дороге, и буду работать потом там». Вот четыре года подряд к нам приезжали они, представляете, и когда они написали нам письмо: «Галина, вы нас примете? Ведь мы же не можем жить без Иркутска и без Чехова, и без Байкала». Вот, то есть вот это показатель, как иностранцы относятся к нашему городу.

– *Вот вы прожили практически полвека, в принципе, да.*

– Да. Да. Больше чем полвека уже.

– *И вот, вы можете назвать, какие события были самые, ну, самые главные вехи, вот, в жизни Иркутска? За это время.*

– Ну, за это время, во-первых, были построены города-спутники наши. Город-спутник – Новоленино. Это при Николае Францовиче Салацком. При первом нашем, так сказать, градоначальнике, да. То есть люди из бедного жилья, из Марата, из Рабочего были переселены в благоустроенные квартиры. Вот для меня это, хотя я все очень долгие годы не имела квартиры своей, жила в общежитиях и на съемных квартирах, для меня это был праздник,

вот для этих людей, которые получили такую возможность жить в благоустроенной квартире, жить в хороших условиях. Дальше следующая веха – это, ну, я думаю, что благоустройство города. Да. Да, благоустройство города. Это мы сразу почувствовали отношение к горожанам наших гостей, да. Это квартиры по железной дороге, это красивые скверы появились, да. Это появились парки, это появились очень милые местечки, где мы бы могли отдыхать, те же самые парки, где мы могли… куда повести своих детей, где мы могли провести интересно время. Это открытие цирка, это для меня тоже было, потому что я очень люблю цирк. И когда цирк открылся, это для меня было серьезное событие. Музей декабристов. Когда открыли Музей декабристов, мы тоже были, я думаю, что не только я, а все иркутяне были на большом подъеме. Почему? Потому что, ну, вы же знаете, какие там проводятся вечера. Не были? Обязательно побывайте. Были на вечерах? Великолепные вечера. Да. Жаль, что сейчас нет Жени Ячменева, это, конечно, его большая заслуга была. Вы знаете, что он погиб-то, да? Его убили. И вот, это его большая была заслуга, что эти дома играли таким светом, какой был во времена декабристов. Эти вечера есть и сейчас, да, это исполнение романсов и песенных произведений из того времени. И Женя сам за музыкальным инструментом, это было все. А с Женей меня связывает тоже очень большая веха, о которой я уже говорила – это городское ученическое общество. Он столько же много лет руководил в секции краеведение, да. Так что вот это все говорит о нас и о нашем Иркутске, что мы – центр Сибири, столица Восточной Сибири, да. И гордимся этим. И этим и тем, что Иркутск – середина земли, и что сюда все рвутся к нам, иностранцы.

– *Спасибо вам очень большое.*

– Я очень рада была с вами встретиться, мне приятно общаться с вами. И я вас благодарю за то, что вы выбрали меня. Спасибо.

– *Спасибо.*

Интервью
с Еленой Григорьевной Эстриной
(1937 год рождения)

– Где вы родились?

– В городе Иркутске.

– С самого рождения живете?

– С самого рождения, да.

– А помните, какие у вас первые впечатления о городе были вот в детском возрасте?

– Ну как… Родилась на берегу Ангары… эээ… в Курбатовской бане, вот которая сейчас вся разрушена. Какие мои… Все это было только здесь. Иркутск уже был старый, эээ… площади не было, все в булыжниках. Время-то какое было? Тридцать седьмой год. Там, даже если воспринимать я стала где-то… пошла в первый класс уже как… эээ… уже как человек взрослый воспринимать стала все вокруг… Какое было у меня впечатление, если даже молока не… не могли мы выпить естественного. Вот такая была жизнь, да.

– Разрушено?

– Сорок пятый год. Да, сорок пятый, сорок шестой год. Пошла учиться в первый класс, поэтому впечатление о городе у меня еще было такое эээ… как будто так и положено быть.

– Так и должно быть?

– Так бы… да, так и должно быть, да, то есть лучшего мы ничего не видели. Ну и, по крайней мере, и сильно голодными не были. И, как обыкновенные, эти… подростки бегали… все это. Баня у нас очень древняя, Курбатов еще ее построил. По подвалам везде бегали. Вот впечатление все было заключено вот в этом. На берегу реки, на Ангаре. Пока такое впечатление было. Ну, а потом уже взрослое впечатление стало. На моих глазах весь Иркутск расцветал.

– Хорошо. А как ваши родители оказались в Иркутске?

– Ну, у меня отца не было. Его в августе забрали в армию… эээ… Значит, тогда три года служили, в тридцать седьмом году. А я третьего сентября родилась, и он сразу после армии ушел на войну. Поэтому я его не знала, он погиб на войне. А мама была вот директором вот этой вот Курбатовской фабрики, ну, то есть… О родителях-то как можно сказать? То есть… у меня была сестра, я… жили в этом… то есть…

– А мама ваша тоже с рождения в Иркутске?

– Нет, мама моя не с рождения. Они вятские, зауральские. Приехали вместе… эээ… со своей семьей. У них было тринадцать человек.

Семья, значит, отец… И приехали строить вот эту харьковскую [так!] ветвь железнодорожную – Владивосток – Москва… Поехали. Жили они около Хабаровска, там небольшое село было. В этой деревне они жили. И тут сразу началась... Приехали они… Она с третьего года, это шестнадцатый год, ей было двенадцать лет, маме. Они вот жили всей семьей там. И когда началась гражданская уже война… у… вот… завоевание за власть Советов, они, значит… он ушел в партизаны. И Колчак пришел, значит, в эти селения. Они жили на железнодорожной ветке, естественно, это центральная ветка была, где проезжали, ездили. И вот Колчак приехал когда, стали выгружаться. Вот мама, как по воспоминаниям мамы, она говорит: «Мы сидели за большим столом и бабушка, мать, отец был в партизанах». И вот, значит, их тринадцать детей было. Она была самая старшая. Прибежала подружка, сказала: «Манька, побежали, там приехали, – говорит, – солдаты». Они туда побежали на этот, на перрон-то, на железнодорожный, на вокзал. А в это время, значит, они высадились, колчаковцы-то, и всех, кто здесь был… эээ… на площади-то, всех в эти теплушки затолкали и привезли в Иркутск. Только потом мама узнала, что, значит, вот… они… И там пришли к старосте. Староста вынул все списки, кто в партизанах, и всю их семью расстреляли. Всех маленьких детей, и бабушку, и мать. Всех расстреляли. А потом и отец погиб в партизанском отряде. Это уже она потом узнала, когда… И вот сюда, в Иркутск, ее привезли. Она с вокзала вышла… тринадцать лет, ни документов, ничего. Она даже точно не знает, когда она родилась… Ну вот, и прямо на вокзале ее, значит, там подобрала, то ли она помещица, ну, в общем, горожанка была, такая богатая горожанка. Ну, там ее в няньки взяла. Ну, вот она видит, что девочка это… Вот у нее там четыре класса приходской школы было церковной, что она успела закончить. Все… все… все это образование. Тем не менее, она все равно работала директором вот этой Курбатовской бани всей эээ… Ну, потом уж, когда она это… Так что вот. Так она здесь оказалась. Мои родители оказались вот таким методом, а я уже коренная иркутянка…

– *Понятно. А остались ли ваши дети в Иркутске?*

– Дети мои, да. Дети у меня… Дочь работает здесь врачом-стоматологом. Уже двадцать один год здесь работает. Я работаю двадцать, и она на год раньше пришла сюда. А она… а сын эээ… он эээ… он плавал очень много за границей, ну, матросом. Не матросом, он был поваром, вот. А сейчас с семьей живет здесь вот, в деревне, в Еловщине.

– *Хорошо. А вот детские воспоминания и нынешние реалии, может быть, что-то можно сопоставить?*

– В смысле? Как вы думаете?

– Ну вот, вы говорите про заброшенность там как-то раньше?

– Да.

– А сейчас, допустим, вот лучше?

– Ну, сейчас, конечно, совсем другой Иркутск. Какой разговор… разговор-то по сравнению с ним. Если у… площадь была. Наша центральная площадь, сейчас у нас стоит этот… наш Дом Советов, была булыжная. И репродуктор. Мы слушали смерть Сталина, туда прибегали все, мы же рядом там, в принципе. Вот… ка… Прибегали-то… Или сейчас, да, фонтаны, дома отдыха, все, все. Конечно, как же? Намного это… Иркутск-то изменился в корне. Вообще, в корне, эээ… Какой он был? Захолустный город был. Вот даже уже… даже вот как я помню по своим детским воспоминаниям, да, в город мы ходили. Вот у нас была… мечта была, Карла Маркса, да. На Карла Маркса стоял этот… кино «Гигант». Там такие атланты стояли, держали вот эти вот шары, значит. Вот это у нас. Ну, это, если мы могли себе позволить, может быть, раз в полгода… эээ… Нас сводили бы туда в кино там или что-нибудь. В город практически… все на окраине. Вот как мы там жили, все у нас, поэтому… А сейчас-то совсем, конечно, другое. Город стал красивый. Ну, как можно сказать, образованный город стал. Вот именно интел… интеллигентный стал город. А раньше-то че?

– Статус повысился?

– А?

– Статус, да, как бы повысился?

– Конечно, и статус повысился… (Ну, так, дорогая моя, если сегодня у тебя нет, так… Ну, значит, зайди). Вот поэтому, конечно, даже разговоров нет. Вот, представляете, был вот центр города. Там, где была Лисиха, были… эээ… дремучие эти… Здесь были дремучие леса. Сюда ездили за грибами и за ягодами, да. Все было дремучее. Вот, вот был центр города и вот эта вот небольшая окраина, да, эээ… заканчивается Куйбышевский, мед вот, Рабочее, вот эта вот застава была эээ… Рабочее предместье, которое. Было Маратовское предместье, вот были частные дома и вот центр маленький города. Ну, как можно сравнить сейчас и вот с микрорайонами с такими этими, конечно, город.

– Все застраивалось при вас, да, как бы?

– Конечно. Я не выезжала с Иркутска. Как вот родилась, так и живу здесь.

– На ваших глазах…

– Все на моих глазах, конечно, все. И рушили на моих глазах. Вот когда был… эээ… Сейчас вот у нас Белый Дом, Дом Советов, ну,

вот сейчас областная администрация вся. У нас там был этот… костел. Такой костел, который невозможно было… Они до эээ… войны его взрывали и не могли взорвать, для того чтобы это… И только после войны, уже в пятидесятом году его полностью взорвали. Вот такая была постройка. А у нас вот там, где вот сейчас вот там вот церковь стоит эээ… на берегу реки вот, ну, как сквер он теперь, что ли. Это был парк отдыха. Вот мы туда ходили на танцы, в этот парк отдыха эээ… Там были качели. И вот… то есть там все отдыхали. Вот такой небольшой клочочек был земли, вот. И вот этот… и на моих глазах строился этот Дом Советов. И как разрушались церкви, как они восстанавливались. Все на моих глазах. Сашка вот… это вот церковь – это мой приход, поэтому и я им очень интересовалась на берегу-то, то есть все восстановления церквей , все, какие были разрушены. Что взять вот здесь вот у этого у моста на 5-й Армии, что там раньше… чего только не было: планетарий и все на свете. Конечно, все на глазах и рушилось, и восстанавливалось. На глазах. Ну, семьдесят первый год – это же не так просто.

– А вот вы как думаете. Нужно ли все-таки восстанавливать старые?

– Ценности? А как же. А как же. Это наша история, почему же нет. Да, вы что, ребята. Тут даже вопросов не может быть. Я вообще всегда против. Даже самый маленький памятник, самый маленький дом, в котором жил какой-то знаменитый человек или там какой-то архитектурной ценности, он должен быть обязательно сохранен. Где-то должно быть определенное место быть. Даже если он мешает интерьеру города, там задумано архитекторами, то должно быть какое-то место, как вот у нас вот эти вот. Там же места не хватает, для того чтобы… Ну, вот двадцать первом километре или на восемнадцатом, на каком там… а… Все это должно быть сохранено обязательно… Как интересно нашим молодым потомкам это смотреть, это просто никто не видит и не знает. А когда эээ… расскажут про этот дом, кто там родился, кто там жил, как он делался, как он резался, как он украшался. Это же целая история. На одном доме можно сделать эээ… там эээ… изданий книг.

– Угу. А вот, допустим, развитие города как? Ну, что-то новое же должно появляться? Как вот?

– Ну, как новое. Ну, Вы считаете, что новый музыкальный театр у нас открылся? Разве это не новое? Да. Что у нас есть театр для детей, что у нас есть… И это меня очень всегда не устраивает, когда парки вот эти вот все увеселительные делаются на месте

захоронений. Вот это мне не нравится, хотя как бы это ни было… Потому что я всегда считаю, но оно мое личное мнение, я считаю, что всегда вот эти все аттракционы, все это прочее, устраиваются люди, которые зарабатывают деньги, но совсем не люди, которые… эээ… ценят эээ… то, что принадлежит земле, народу. Или, между прочим, там же посмотрите, какие люди. Вот, допустим, это парк центральный, какие люди похоронены. Только пройти, посмотреть, и то это уже… Вот это мне не нравится. А так, конечно, много построено увеселительных. Мне не нравятся вот эти вот эээ… всякие разные дискотеки, казино. Совершенно мне не нравятся, потому что у них может быть эээ… цель… ну, как цель… а… как увеселительного быть, а там совсем не увеселительные вещи проходят, понимаете или нет? Не тому, чему нужно, учат эээ… нашу молодежь. Я так считаю, что вот. Хотя их очень много настроено эээ… намного… намного этих эффективней, намного лучше, лучше влияния оказывало на молодежь, когда были Дома культуры. Тогда все это были, могу сказать, немножко старомоднее, можно их было как-то модернизировать, но тем не менее это было именно направлено на благо, а совсем не на то, что как сейчас… Ночи напролет работают все, что все это стало, конечно, доступно только богатым. А все остальные: и дети, и подростки – все занимаются черной жизнью, то есть той жизнью, которая находится за гранью… эээ… вот.

– Добра?

– Нормальной жизни, да. Поэтому вот это мне не нравится. А то, что строятся новые театры, что открываются новые библиотеки, что строятся… строятся новые церкви вот эти вот. Даже маленькие приходы строятся. Вот это я очень уважаю и приветствую.

– Как вы относитесь к открытию новых памятников? Вот, например, Колчаку?

– Ну, понимаете, хорошая или плохая история, она всегда эта история. И ее надо знать. Вы посмотрите вот… Вы посмотрите, у меня дочь, вот у меня вот внучка заканчивает институт, да, вот. Вот она на дипломе… эээ… Она… она не знает, кто такой Колчак, хотя школу кончила, колледж, колледж, она институт уже закончила пять лет. Ну разве… это же все равно, хорош ли он был, плох ли он был, это не нам судить, да. Но тем не менее, у каждого свои были идеи, и они боролись за эти идеи, они считали, что, может быть, действительно, может быть, мы… эээ… у нас… лучше история у нас повернулась бы, если бы, допустим, одержали интеллигенция, интеллигентное офицерство, или, допустим, одержала верх эээ… люди, которые образованные, и все, которые вот во всей

этой революции. Может быть, мы же не знаем, как бы мы жили. Мы жили бы, может быть, в том, который бы нам представило бы правительство. А эээ… люди, которые изучают, занимаются этой историей, которые вглубь уже смотрят этому вот колчаковскому ли движению. Или вот Александр стоит у нас, царь, то есть люди-то изучают, значит, находят где-то такие стороны деятельности этого человека, которые, которые… жил тоже для блага, для своего же народа, да. Поэтому, и если у кого-то зарождаются идеи, под… поддерживают эту идею большинство, то я считаю, что это правильно.

– А вот вы сказали про памятник Александру III, там раньше был шпиль.

– Шпиль был, да.

– Да. А вот поменяли. Как вы относитесь к тому, что… Нужно ли менять вообще?

– Ну, дело не в том, что… это все-таки имеет значение. Значимость этого обелиска. Значимость этого обелиска. И этим специальные люди, специалисты, занимаются. Если они решили, видите, у нас как? У нас всегда крайности… или это – или это. Мы перешли, значит… «Боже, царя храни!» Значит, мы сохраняем, ставим царя вроде бы как, да. Ну, как по поговорке эээ… Прячьтесь – белые пришли, прячьтесь – красные пришли. Как вот мама говорила: «Сегодня белые, завтра красные, послезавтра опять белые». И в деревне смена власти в течение дня могла три-четыре раза проходить. Точно так же и по постановкам этих памятников, допустим. Я считала, что вот этот памятник, который пик был. Это был установлен, конечно, большевиками. Там с какой целью был установлен и для чего. А Александр – это все-таки история. Все равно это был царь России. Все равно он делал какие-то благие дела. Ведь меня не поставят же, памятник мне, потому что… Хотя отдала сорок шесть лет медицине без единого прогула и больничного. И эээ… заслуженный медик России, и все, и ветеран труда, и чего только нету, да. И ведь все болячки заработала на себе только благодаря вот, благодаря тому, что отдала всю жизнь свою вот медицине. И… ну, это же все равно недостаточно, для того чтобы, да… эээ… сделать обелиск или памятник. Значит, есть за что. А этот пик, ну, что… ни о чем не говорил… Он ни о чем не говорил, то есть каждый памятник эээ… каждое какое-то архитектурное строение должно что-то…

– Нести?

– Да… это… нести. Это чтобы я остановилась перед ним и о чем-то задумалась, а не просто так пришла, посмотрела на этот пик и ушла. Он мне ни о чем не говорит. Я считаю, что правильно.

– Угу. Так, расскажите про ваше студенчество. Интересно.

– Ну, мое студенчество было очень бурное. Я, во-первых, поступила, у меня было двое детей, три и шесть месяцев. Я поступила, значит, в первый у нас… медицинское училище на Борцов Революции, на фельдшерское отделение. Профессия – фельдшер, вот. Эээ… была всегда старостой группы, то есть я по гороскопу девабык, и поэтому я и общительная, и тем не менее я хороший работник. И я… то есть работаю, работаю. И я… тем не менее я… все равно у меня женское начало. В равной степени у меня развито вот это вот, потому была старостой группы, независимо от того… независимо от того… независимо от того, что двое детей. Как-то оставляла с мамой их, уезжала в колхоз, значит, там была, этот… со своей группой. Группа была… ну, я, по крайней мере, старше их всех была, потому что мне уже было где-то двадцать два года. А им там всем семнадцать-восемнадцать, которые закончили там кто что… школу, и поэтому, ну, было очень весело. И ездили и на картошку, и на месяц в колхозе были, жили на палатках, значит, там… Все это было очень хорошо, независимо от того, что у меня уже было двое детей. Ну, сейчас вот, допустим, с моей колокольни, моего возраста, я думаю, что двадцать лет, двадцать два года мне было. В двадцать лет дочь родила, в двадцать один год и там немножко родила сына. Конечно, было это все… Эээ… были хорошие учителя… Эээ…. были… хорошие друзья и… многие уже ушли из жизни, их нету уже. Значит, долго мы поддерживали связь, потом все поразъехались и… там, ну, было весело.

– А почему именно в медицинский пошли? С детства мечта?

– Я закончила, я, когда закончила школу и пошла в геологоразведочный. Закончила. После десятилетки у меня там полтора годов было, и три года я работала в партии эээ… корректором, вот. Там тоже это захотелось, в общем, такой романтики, там всё прочее, было очень хорошо и весело. А потом, значит, когда вышла замуж, значит, муж запретил мне все эти вот, а так как была молодая, мне, конечно… в криминалку не пускали сюда работать в управление, то есть пришлось вот уволиться и… и почему-то мне… Я вообще поступала на зубоврачебное. Вот у меня дочь – стоматолог. У нас почему-то вот это вот эээ… На зубоврачебное поступала и… Тяжело было с мужем… Муж у меня был такой, не очень порядочного ведения, царство ему небесное эээ… поведения такого был. Да и выпивал, и гулял, но не в этом дело эээ… Это… на экзамен там с синяком… Да, ну, вот. Просил деньги на выпивку – не дала, независимо от того, что было двое детей. Ну, все равно пошла. Все равно все сдала. Все, и так, что, по-моему, немножко недо-

брала на этот и… перев… перевелась вот на фельдшерское отделение. Вот на фельдшерском отделении я и училась. Диплом у меня с отличием. Красный диплом, независимо от того, что вот такая была еще и жизненная такая нагрузка, что двое детей. Мамка тоже работала там, если мама, ну, выворачивалась. Муж вот такого поведения был. Поэтому недолго мы с ним жили, и… пришлось расстаться. И поднимала детей одна их… учила и поднимала одна их. И все, и вот пошла. Было, во-первых, рядом с домом, я на 3-й Красноармейской жила и… и пошла вот и училась. За все время учебы ни одной даже четверки не было, все было отлично. Это все. И пошла сразу же вот после училища сразу… у нас… там Яковлевна была. Сейчас вот она главный врач эндокринологической клиники. Она вот была зав, и она вот меня сразу. Я четырнадцать лет отработала педиатром сразу же после техникума. Это четырнадцать с половиной лет педиатром, лечила детишек. А потом где только ни работала! Ну, здесь вот уже работаю двадцать первый год.

– А вы… были у вас какие-нибудь увлечения в молодости? Ну, может быть, какие-то?

– Ну, конечно. Ну а как же не были… Ну, я занималась коньками. У меня был мастер – разряд по конькам… Занималась байдаркой… Было общество, такое было «Медик»… Вот в этом обществе несколько лет вот занималась байдаркой, уезжали на соревнования, все. У нас известная была, ну, потом уже она стала известная, которая вела наши все ведущие команды волейболистские, Ольга… ну, уж теперь не скажу фамилию. Ну, если порыться там, в спортивных этих… она, по-моему, до сих пор… (Медтехник? Пусть он подождет, и сын пусть подождет, пусть подождут, ничего с ними не сделается). То есть, конечно, и спорт у нас был, и все. И любила танцевать. Ходили. Вот у нас… потом, когда оттуда вот убрали все, с Ангары-то, сделали вот здесь вот парк, где сейчас вот эээ… стоит ээээ… царь. Здесь была танцевать площадка. Все это было платно, но тем не менее мы там через забор перелезали всяко разно, ну, танцевали все. Тогда было время дружин. Ходили дружинники, никаких тебе этих танцев, этих всех голых пузов, ни брюки никакие, шорты никакие – ничего никак. Все это было очень прилично… поэтому… вот такое время было. Вот… Вот любила танцы.

– А какие-нибудь увлечения переросли во взрослую жизнь у вас?

– В какую жизнь мои… Ну, какие?

– Ну, что вам это дало, например, вот сейчас, с вашего как бы…

– Сейчас мне уже это ничего не может да… то есть…

– Только воспоминания хорошие?

– Да, только остались воспоминания, что, ну… Сейчас танцевать могу, петь могу. Ну, что еще… что и могу. Сейчас уже какой спорт-то? У нас вот, когда, допустим, мы здесь работали, когда были, была поликлиника эээ… Востоксантехмонтажа. Мы были подразделение, мы же были медсанчасть номер три эээ… Востоксантехмонтажа. У нас был… были соревнования, и я… ну, я как врачом, то есть все подразделения вообще всей области, они же по области были сибирской. Вот у нас в Ангарске там, значит, эээ… был спортивный город. Полностью там громадный занимался. Ну, вот я ездила со своей командой от своей поликлиники. Там и волейбол, и бег с препятствиями, и все было. Ну, вот, пока была возможность, где-то что-то занимались. А сейчас уже я и хожу так… по работе только и все.

– Понятно. А как отмечала праздники молодежь? Новый год, День города там?

– Ну, как отмечала молодежь… Я уже теперь не припомню. Ну, обычно никаких застольев не было. Просто тогда не было и возможности для застольев. А ходили в город, гуляли. Никаких, конечно, пикников никто не устраивал, никаких выездов го… за город там, на речку и все прочее… Как-то, в основном, или больше семьей или… я даже вот не припомню ни одного случая там, чтобы какая-то вот эта вот была… ну не… так… Самой большой радостью, когда я была молодая, это выйти вот в город, на улицу Карла Маркса, погулять по Ленина, Карла Маркса.

– Центральные улицы?

– Центральные улицы были, конечно.

– Многолюдные?

– Да где вот… были вот элитные дома и… и этот… дорога там асфальтированная уже началась, асфальтироваться и все прочее. А так все же было булыжное, деревянное.

– Угу. А может, припомните, как украшали сквер Кирова тогда, главные улицы как раз?

– Только флагами. Флаги. Все это навешают, везде флаги на деревья и вот, и все украшалось.

– Разноцветные?

– Ну, конечно. Флаги России красные со звездой.

– Большие, да?

– Да.

– Понятно. А как строился Иркутск? Вот вспомните из молодости вашей личной.

– Ну, как строился? Застройка, значит, на окраинах. Стали застраиваться окраины, стали вырубаться… Было очень обидно, по-

тому что очень красивые леса были, красивые места были. Началось с окраин. Центр практически не трогался. Только там, вот где это административное здание, стали строиться, а окраины все равно потихоньку стали вот… Солнечный эээ… Первомайский, Топкинский, уже потом стал строиться после всех этих Юбилейный. Вот застраивался. Я в Юбилейном сначала начинала жить, там всего-то три дома было. Потом нас сейчас вот приезжали эээ… жили на окраинах, где получила квартиру, а теперь уже оказалось вообще, что он в центре. То есть, ну вот какое впечатление? Шок, конечно. Хорошо то, что это было все государственное, все это давалось людям, потому что они своим трудом заработали, допустим, ту же комнатушку. А сейчас даже за этот труд, который есть, невозможно купить даже эту комнату вот.

– А что Вы думаете о деревянных домах в центре города?

– Ну как о деревянных домах… Вот я уже сказала, если они представляют какую-то ценность, то они должны где-то в одном месте, свозиться опять же должны, благоустраивать, ну, в смысле, ставить на место и все. Воспроизводить ту эпоху, в которой они строились, жили эти дома.

– То есть убирать из центра, да?

– Из центра, конечно, надо убирать. Естественно. Ну, это даже не подлежит, это же все портит. Это же рядом строят дом и при… у нас… дома-то кто строит? Строят только те, кто вот за… выкупили эту землю, подожгли там хозяев и построили себе этот. Причем он… он один стоит, а тут все разрушено. Все. Конечно, это все надо делать централизованно, разом. Отдавать людям эээ… жилье и все это разом делать уже, планировать архитектурно. Я не знаю этих тонкостей, не могу судить, потому что эээ… специальные люди работают над этим. Но почему? Я тоже не знаю, почему оставляют эээ… рухлядь рядом? Возьмите ту же самую Карла Маркса. Тут же начинайте по Красноармейской идти, да… Ну, что это?

– Да, облик портит.

– Конечно-конечно.

– Так. А как вы относитесь к переименованию улиц?

– Ну, как я отношусь. Конечно, привычка-то – великая сила. Привыкаешь к тем названиям, которые были, да и которые тоже ведь, да. Вам не так же просто, тоже как… в честь каких-то знаменитых людей. Я отрицательно отношусь.

– Угу.

– Потому что только тут… потому что тоже считаю, что это тоже история…

– То есть не стоит переименовывать?

– Не… да.

– Ни центральные улицы? Ничего?

– Нет. Я считаю, что не стоит. И это уже независимо от того, что стоит больших денег. Это стоит больших затрат, для того чтобы… потому что тут меняется все, меняется прописка, меняется эээ… индексы. Ну вот то есть все меняется и… самое-то главное… люди, которые были здесь, уезжают, помнят эту улицу, да. И приезжают на эту улицу, и не могут… Другие названия, другие уже построения и все прочее. Вот с этой точки зрения. Только в честь памяти.

– А вы вот к каким названиям привыкли? Вот, допустим, Карла Маркса, по-моему, она Большая называлась раньше?

– Да, это улица Большая была.

– И вот как вам лучше? Долго привыкали вообще, когда переименовывали?

– Видите ли, в молодости все равно все это очень быстро привыкается. Ну, Большая – Большая. Мы всегда: «Поехали на Большую, поехали на Большую». Ленина-то, она была сразу же. А потом, ну, Карла Маркса – Карла Маркса. Я же уже рассказывала, что мы не очень часто и выезжали туда, то есть это… больших перемен… Что такое Большая? Она безличное, да, название. Оно безличное, то есть… то есть можно было, хоть Малая, хоть Большая, хоть Средняя, хоть Боковая. Назови этими именами, и она должна этим именем же… то есть у каждой улицы так же, как у человека, должно быть свое имя. Назвали ее Карла Маркса, она должна жить под этим именем. Как бы там мы его ни очерняли, ни обеляли. Нравится она, не нравится она…

– Угу. А можете ли сравнить ритмы жизни. Вот каким раньше был Иркутск? Суетным или размеренным, и сейчас?

– Ну, каждому времени свой ритм, я так считаю эээ… Бывали вспышки, бывали взрывы эээ… тишь и благодать… (Да. Че? Ну, сейчас у меня нет паспортов. Все паспорта на месте. Ищите в процедурке. Ну, ищите, не знаю. Пускай, Аксакова ищет). Поэтому ритм какой… Конечно, сейчас все это эээ… быстро. В таком решается. Ну, я всегда считаю, что ритм жизни зависит от возраста человека, и он определяет этот ритм сам. Допустим, мне нравится ритм, когда я была молодая, а, допустим, старым тот ритм не нравится, да. Сейчас мне не нравится, какой сейчас, это совсем… Все бегут, бегут, бегут, бегут, ну а потому что... то есть все это связано все равно с жизнью, с возрастом, поэтому определиться с ритмом очень трудно.

– А помните ли вы строительство ГЭС Иркутской?

– Кого?

– Строительство ГЭС?

– Ну как же? Мы были… я была в девятом классе, нас возили на экскурсию. На экскурсию возили эээ… когда еще только, значит, вот рылся вот этот котлован. Вот эти вот. Мы стояли на горах. Еще не было никакой там мемориаль… мемориальной доски. Плотина только-только была. Это вот нас привезли вот на эту сторону эээ… на левую. И мы вот здесь вот стояли на горе, смотрели. Даже где-то вот фотография была, ну, теперь уже не найдешь ее. Вот это вот девятиклассники мы были. Раньше же десятилетка была. Мы девятиклассники, нас возили, то есть только самое было начало. Ну, какое начало? То есть уже начала строиться Иркутская ГЭС. И все как, конечно же, на глазах это все было, потому что уже была и взрослекой, да и… хотя и жила на Ангаре. Все это было на глазах и благоустраивалось на глазах, и все.

– А что для вас вот это вот было? Новая жизнь какая-то или как?

– Ну, во-первых, это свет, это тепло. Как? Так естественно… Нас же, прежде чем… раньше собирались, воспитывали на этом все. И мы сами понимали, что это... У нас-то не было телевизоров. У нас был этот черный репродуктор… радио. Вот и все было сообщение. Поэтому ГЭС – это тот же самый БАМ, то есть это была стройка века эээ… Первая ГЭС была построена Братская, потом эта была построена, поэтому, конечно, это было событие.

– Угу. А вы не помните, какие важные производства были в то время в Иркутске?

– Какие важные производства? Куйбышевский завод был, «Эталон» был. Какие самые такие? Вот, ну, что тут у нас еще было за.. завод эээ… релейный завод был. Тут он стоял на рынке, где вот сейчас вот здания эти стоят – Пассаж и все прочее. Хороший был тоже завод, очень даже. Я вот после десятилетки там работала эээ… Такие были машины. Кабельный завод был. Ну, заводы-то были. Сейчас ничего нету. Которые выпускали мирового значения, особенно Куйбышевский завод.

– А вот вы говорите, на релейном, да, работали?

– А?

– На релейном работали?

– Я на релейном работала.

– А что входило в круг ваших обязанностей?

– Я… я работала там маляром… Я потому что после стала поступать… Ну как обычно после десятого класса я поступила в сельхозинститут на эээ… автомобильный. Ну вот так вот почему-то решила. На этот, на факультет… был. Он связан с машинами. Машиностроительный факультет. И вот и прошла, и все прочее, а две

подружки не прошли по конкурсу. И они пошли на этот релейный завод работать, а жили-то бедно эээ… Ситцевое платье и так, тряпочные тапочки. Вся жизнь была. И они пошли туда, вроде бы как. И я… и не пошла в институт я ни в какой, потом мне документы прислали, и всё. Несколько раз вызывали. Я пошла туда работать. И работала, красила эти стенки от радио. Радио-то вот это, выпускали такие радио… радиолы, и вот. Вот красила. Там проработала, потом поступила в геологоразведочный техникум.

– Понятно. А когда началась война, вы помните? Вот какие-то воспоминания?

– Ну, почему не помню? Конечно, все. Война. Не было бы, я вот в тридцать седьмом родилась, а война началась, допустим, через три года, через четыре года, когда уже сюда докатилась. Там лет пять мне было, ели очистки, жарили на плите. Такая большая плита была, в бане мы там жили… эээ… Значит, комнатки были да и все. В комнатках ели очистки, не хватало еды. Но мама, хорошо, у нас была директором бани, выдавали вот эти безвозмездные подарки, там колбасой какой-то копченой. Для нас это было, конечно… это хлеб, колбаса… там давали вот банным работникам… Как выделяли паек военный, вот. Потому что у нас была дезостанция, и привозили всех вот военнопленных. Солдаты привозили всех, да. Ну, делали дезинфекцию одежды там, матрасы, всё-всё-всё. Помню, как привозили. Японцы у нас работали пленные, японские работники там рыли какие-то траншеи, всё прочее. Двор большущий был. Ну и вот, что там делали… Вот их хорошо помню…

– Угу. А как встречали Победу, помните?

– Победу? Ну, я вот очень хорошо помню, как мы про Сталина узнали. А Победу? Ну, как… Победу встречали, как-то не сказывалось, мы еще дети были, не понимали, что там, сорок пятый год, что там мне было, восемь лет, только в школу пошла. Не понимали значимость победы. Жили около мамы. Там был… Нас-то, вроде бы, как тыловиков коснулось, да, вот, что… в еде там были ущемлены, там все прочее, поэтому чисто детские воспоминания. Ну, победа-победа. Все прыгали, и мы вместе с ними прыгали, кричали.

– Угу. Вы говорите про Сталина, да, узнали?

– А вот когда про Сталина, уже конечно. Все, пятьдесят пятый год был уже. Школу заканчивала, конечно. Там и плакали, и все. И узнали, собирались вот на этой булыжной мостовой, там один столб стоял, вот рупор стоял черный. И мы, значит, там стояли, все рыдали, плакали, конечно, это было… Потому что нас с первого класса, с садика воспитали как: Сталин родной, отец всех народов, самый любимый, самый этот. И вот, когда он умер, все, действи-

тельно, хоронили, как собственного отца. Собралось их там… ужас, сколько народу собралось, но это еще не настолько многочисленным был Иркутск, как сейчас, допустим. Так, еще что хотели узнать?

– *Так. А вот демонстрации, парады, что-нибудь…*

– Ну, это был праздник. Это все. Вот это [нрзб]. Вот это был такой праздник! Это праздник был души и единения всех… всех, со всего города. Все встречали знакомых, соседей, всех, кого нету, шли с песнями, радостно шли. Музыка такая, собирались все, да, все, с какими-то там шарами, с цветами, с веточками, предварительно готовились. После парада все собирались. А что вот сейчас Первое мая? Я вообще вот одна дома просидела. Дочь уехала на дачу. Тут вообще, да, это не чувствуется, не праздник. Седьмое убрали, это убрали, ничего мы не чувствуем, а раньше-то даже эээ… Это такая была радость, особенно после парада идешь, пустые улицы, все сидят за столами, и вот такое праздничное... Там шарик валяется, там вот цветы, валяются там… Даже вот этот беспорядок праздничный, и то был на радость людям, такой... А сейчас нету праздника.

– *Лозунги были?*

– А?

– *Лозунги.*

– Ну, лозунги и транспаранты, конечно. Ну а как же. «Ура» кричали, все было.

– *Несли флаги, да?*

– А?

– *Флаги несли?*

– Ну, конечно, всё несли: и флаги, транспаранты, и какие-то экспозиции там, на машинах. Эээ… все, конечно, все было.

– *А как изменился климат? Заметили ли вы это? Вот по молодости и сейчас?*

– Ну, климат изменился, конечно. Более стал мягче, больше стал теплее, континентальнее стал, потому что… Раньше это было все, мол, морозно. Или было жаркое лето, и была очень холодная зима. Сейчас это все как-то сгладилось, конечно, заметно. Сейчас это вот прям эээ… И лето более дождливое, не такое уже и жаркое, и зима не такая холодная. А раньше… не потому что я старшее поколение, как говорят, да. Все старшее поколение говорят: «Вот у нас раньше-то было». Но морозы, действительно, были до пятидесяти градусов, и во, вот такой был сибирский эээ… климат… А сейчас, вроде, на европейский более такой…

– *Ну, лучше подходит европейский?*

– Нет. Лучше, конечно, сибирский, конечно, как...

– *Как колорит.*

– Вот эти все стрессовые, климатические, вот эти вот колебания все. Все же на здоровье. Каждый живет в своем климате. Тем более люди, которые родились, они уже эээ… адаптируются к этому климату. Это когда начинаются катаклизмы, конечно… с… с… на здоровье все это сказывается.

– *А у вас было когда-нибудь желание уехать из города?*

– Никогда, я очень люблю свой Иркутск. И мне кажется, я его… Я уезжала, допустим, отдыхала там, в Сочи, в Анапу. Уезжала в Москву, там… где-то, но… эээ… Никогда. Я всегда очень скучала по нему, мне никогда его не… Не сменю на другой город.

– *Сочи, Анапа. Там ведь климат хороший вроде бы, и жизнь лучше?*

– Да. И скорей, скорей домой.

– *Все равно?*

– Все равно, да, конечно. Здесь дом… Здесь покой души. Я все время, приехала домой и все. А там это все равно временное и непостоянное, и очень быстро утомляет, и очень быстро надоедает, даже то же море, то же все эти… Вот. Иркутск я очень люблю.

– *Иркутск самый красивый для вас?*

– Для меня – да. Москву не люблю. Все там очень быстро, все там скучно, все там эээ… Ну, не знаю… не нравится мне город этот. Там все заверчено, только чтобы… только на деньги все, на эти все разговоры, все эти, все жадные, все это, короче говоря. А у нас хорошо тут.

– *А какое ваше самое любимое место в городе?*

– В городе? Ну, самое любимое место у меня, место у меня в городе в данный момент – это дом. Потому что я не очень-то так, а вообще, конечно, Набережная. Часто ходила, когда мы там рядом жили, на Набережную ходила, гуляла. Набережная. Очень люблю Ангару, речку свою. Очень люблю смотреть на воду. А так, особо таких мест, чтобы любимых, чтобы вот так вот…

– *Ну, а в детстве, наверное, ваш дом, да?*

– Ну, а в детстве. Так. В детстве-то это понятно – двор. Потом стала взрослее, там уже танцплощадка. Отучилась там, сделали, отработала, и все на танцплощадку бежали. Вот все любимые места. Парк центральный, Парк был этот, который сейчас эээ… Гагарина или там… Зима – это клуб был. Клуба уже нету давно, построили уже здание. Войниковский клуб там был. Туда ходили вечером на танцы. «Мишку-Мишку» потанцуем и домой… Где твоя улыбка?

– *Хорошо. Ну ладно. Спасибо вам большое за интервью.*

– Да не за что.

Интервью
с Владимиром Григорьевичем Москаленко
(1938 год рождения)

– Где вы родились?

– Родился в городе Иркутске. Раньше Второй Иркутск назывался. Или Второй Иркутск, или станция «Иркутск-2». Вот, станция «Иркутск-2». Это где паровозное депо, вагонное депо, напротив, с той стороны, с левой стороны… на… на левом берегу Ангары этот завод «Иркут», авиационный. Но я родился конкретно на станции «Иркутск-2», там склады были угольные, раньше же уголь… И склады были, НЗ назвались, то есть «неприкосновенный запас», то есть больш… большой склад, огромный склад, лежит уголь прикрытый этим, пылью специальной, чтобы влага… Он влагу не пропускает, а поэтому уголь не горит. Если он, значит, влага попадает туда, пыль насыпана такими горками длинными, с такими сараями, скажем… не… не прикрывался. Только вот этот засыпался мелкой пылью паровозной, она не пропускала влагу. Ну, толщина там это тридцать миллиме… сантиметров там вот так. Вот на этом складе я и родился.

– Интересно! А когда вот?

– В 38-м году.

– В 38-м году?

– Да, 12 августа.

– А вот помните свои первые впечатления о городе из детства, может быть?

– Ну вот, естественно, детство вот, память была хорошая… Даже фрагменты помню, когда два года мне было. Ну, три железно, отца на фронт-то провожали. Мы уже это, так сказать, с соседом гнали самогонку. Фамилия его была Фролов, звали его Тимка, ну Тимофей, значит. И вот, когда мы с ним гнали этой ночью водку, – это дело уже было в сентябре, хотя война началась 22 июня, а забирали только в сентябре. Ну, какого сентября, я, естественно, не помню. И вот он мне там сразу… это… преподал этот урок. «Пей, – говорит, – отца можешь не увидеть! А отец уходит на фронт… Отца можешь не увидеть». Ну была ночь… И там выпивач…

– И вам тогда было…

– Три года.

– Три года.

– Уже ровно три года. Я в августе родился… В сентябре… Вот… Это первое, так сказать… Ну и раньше помню, за два года, когда

еще на… на станции был. Где вот это склады там были, низкоточная сигнализация была. Почему-то она проходила как бы чуть ли не поверху. Я помню, в лужи это мы залезли с братом, – брат меня на два года старше – и нас колотит, нельзя никуда уйти. Это было тоже, может, уже около трех лет, или, скорее всего, два года. Это не интересно. Ну и мужик там проходящий, блин, этот стрелочник, или кто там, нас вытащил. Это первое знакомство с электрическим током. Ну, я помню, что не мог это… ни ступить, ничто, ну колотит и все.

– *А вот каким было ваше детство? Я думаю, что, наверно, голодным, потому что все-таки война была…*

– Да, конечно. Вот до войны, вот помню, еще до войны, – может, это мать уже с отцом ездили на рынок, даже нам игрушки купили, – то есть перед войной только начали жить. Ну и естественно, это… Игрушки купили какие? Две тачки, нам с братом: синяя и зеленая. И мы дрались за красную. Ой, зеленая, за красной-то, – красная и синяя. Синюю я не хотел, значит. Ну, короче, дрались. Так эти тачки, – деревянные тачки, прямо деревянные маленькие тачки с деревянным колесом. Ну тоже это около трех лет было. Может, может, допустим, ну около трех, не больше. Потому что отец… Конфетки появились…

– *Владимир Георгиевич, вот я слышал, что до войны… также у нас было… китайцы торговали, да, вот этими?*

– Ну о китайцах конкретно я расскажу. Все предприятия города Иркутска, ну все крупные, имели подсобные хозяйства. Подсобные хозяйства вели эти только китайцы, в большинстве. Я лично, вот, допустим, работал у китайца. День – пять рублей, до двух часов, с шести утра. Это точно помню, – что вставать не хотелось.

– *А в те времена пять рублей-то много было?*

– Да, большие деньги, большие деньги, конечно.

– *И когда вы начали работать?*

– Ну это уже с самого-самого раннего детства. Тут я уже не помню.

– *Так. То есть еще в войну, наверное?*

– Ну конечно! Железно! Ну пацаном был, вот что надо было: две лейки таскать, поливать рассаду. Они садили капусту, морковку и прочее все, и это все снабжало предприятия. А вот капуста даже росла вот на этих, на складах НЗ, – все земли использовались китайцами. А вот где уже переехал в Ново-Ленино в 40-м году, – это дом бара… Ну дом построили, отец-мать… То здесь внизу вот, где едешь сейчас вот на… где кладбище, а с правой стороны садоводство, – вот здесь вот и там это карьер вроде накопан, накопаны, да, вот здесь вот был родник. Эти китайцы запрудили, и получи-

лось пруд, но родник не закрывало, родник так и функционировал. Ну родник я уже сам, ну пацаны уже выкопали яму, чтобы нырять, вот я впервые там научился нырять до Иркута. В эту яму бултых, выскакиваешь, ну то есть неглубокая. Ну прям родник, вот сколько там сейчас… Ну конечно, ужас! Ну короче, о китайцах надо рассказать. Значит, у китер… в 6 часов приходишь, две леечки тебе, – это когда рассада только, это только сезонная работа, когда идет рассаду поливать. Вот пять рублей, до двух часов дня пашешь. Ну уже потом нельзя: солнце, солнце раньше было, конечно, поярче, чем сейчас, жара, после обеда уже прятались все. Китайцы все были женаты на русских женщинах, и очень большие семьи были, у них свои семьи. По несколько человек. Ну два, допустим, не было, там сразу четыре, пять и там дальше. Китайцы, как ни странно, все высокие были, насколько я помню. Все, потому что везде было и подсобное хозяйство, где была вот, они везде выращивали.

– *Интересно, а они осели-то здесь еще до войны, задолго?*

– До войны. Так а вы, вы не знаете разве? Сорок тысяч только погибло китайцев, защищая революцию Октябрьскую.

– *Нет, ну я слышал, просто вот конкретно про Иркутск…*

– Они… Ну в Иркутске жили железно. Вот пока вот…

– *То есть еще гражданская там, да там, допустим, да?*

– Они участвовали в гражданской войне, они здесь давно жили. Они же были спиртоносы у нас вначале-то. Мы же от них защищались, как сейчас, от наркотиков. Спиртоносы… они через границу вот, через Монголию, таскали, и к Приморью там…

– *Контрабандой…*

– Контрабандой проходили зону, и все. И таскали спирт. У нас здесь спирт очень было трудно, видать, достать, потому что охрана была очень, ну по тем временам. Может, охрана-то и ничего была, но наказание было большое.

– *Нет, это из-за того, что вообще запрещали пить или из-за того, что контрабандой?*

– Нет, контрабанда, конечно! Ну они же подрывали нашу экономику! У нас… Мы свой, да, реализовывали спирт. Не спирт, а водку. Ну а из спирта же можно делать водку. Ну о китайцах там, ну что я там еще не договорил? Ну вот эта сезонная работа была. Так же на уборку. То же самое. Сам он не работал, жена, значит, у него с детьми занималась. Ну я говорю, вот… до… в общем, работали-то до часу, скорее всего, а уже в два часа он нас отпускал. То есть, в час заканчиваем работать, может, раньше, как полили, – он пройдет, проверит, чтоб, ну, нормально поливаешь там, достаточно, там ткнет пальчиком, проверит, сколько там промокло, может,

заставит еще пройти. Короче, так. Кормежка. Вот это пять рублей и кормежка. Но кормежка, как я помню, одна картошка. Сваренная. А я картошку не любил. Это… Потому что отравился ей. Отравился ей, картошкой отравился. Ну вот когда она это, дает ростки, вот в этих глазках там как, ну там этот, нехороший этот… А я был жадный до еды. Последний вылазил из-за стола, короче, и меньше всех был. Мать ничего, брат ничего, Саша у меня был, а я отравился. Полное отравление. Вот этой гадостью. У меня этот, рвотный процесс сразу, как только о картошке разговор – у меня рвотный процесс. И сейчас я его давлю даже, настолько он сильный был. Ну, отравление, дело к смерти вообще было. А как получилось, если интересно, расскажу. Почему отравление.

– *Давайте.*

– Я, как всегда, шнырь там, лазил везде. Подполье увидел, что там картошка, на этом, ну большую картошку увидел. Подполье и пол. Там, что ли, матери сказал. Мать, естественно, начали половицы отдирать, ну, это уже середина лета, видать, была, потому что проросло всё это дело. Ну че, картошки не было свежей. Какой-то пришел мужик, половицу нам отодрал, мы этой картошки нагребли и половицу эту заделали. И вот я им взял наелся. Или потому что маленький был, вот это повлияло, или потому что больше съел, – не знаю. Вот такая отвратительная штука, я потом долго-долго вообще не ел, потом начал есть только с капустой или с огурцом, ну и по сей день только с капустой и огурцом.

– *Понятно… А вот насчет ваших родителей. Они как, откуда они, то есть они в Иркутске родились или…*

– Нет. Иркутск – вот я недавно это данные прочитал – до… до 36-го года утроился. Утроился до 36-го года. Была перепись, что он утроился, ну это в нашей прессе, утроился. То есть все из деревень с ближайших, ну и даже иногородние с других краев, прибежали сюда. Все были или подкулачники там. Кулаки не могли, потому что сильно много там, немного там кулаков-то истинных было, не так уж много. Поэтому в основном подкулачники или середняки хорошие такие, как бы там. Мать моя, значит, с Куйтунского района, село Бурук. Почему попали под это под раскулачивание? Даже не под раскулачивание… Старший брат, ну, с отцом, естественно, вся семья… Наемных рабочих не было, вся семья работала. Вся, кроме моей матери. Моя мать была самая младшая. Она занималась детьми всех сестер. Старшая сестра, вторая старшая сестра, невестка, а старший брат был самый старший, у него невестка, и у нее тоже дети там, четверо детей. Ну, короче, так. Было ей ровно пятнадцать лет, матери, когда отец… Очередная,

третья, продразверстка пришла, третья. Он говорит: «Ну, дети, мы не потянем». То есть он более-менее так честно все отдавал. А почему попали, потому что тот старший брат с отцом купили паровую молотилку. Ну, по тому времени это, конечно, круто. Паровая молотилка. Тут же руками да конями там, гоняли по кругу-то, топтали. А тут паровая молотилка. Короче, дрова бросают, образуется пар, все эти маховики там крутят. Ну, серьезное дело. И вот он им говорит, собрал их всех и говорит: «Вот такое дело. Если с нами что-то случится, то уж случится, а вы давайте уходите отсюда, уезжайте». И вот они уехали, в Иркутск. Вот этот старший брат уехал, он прекрасно пек хлеб, звать его было Данила, фамилия Дуц. Я еще вот пацаном был и то слышал: «Ну вот Данила был, хлебопек, в Иркутске номер два. Вот это, мол, был хлеб!» Ну и вот он пек хлеб здесь, работал, короче, ну и девчонки все поустраивались. Моей матери пятнадцать лет, тут уже ей шестнадцать исполнилось… А, не шестнадцать – четырнадцать ей было. А два года ей приписали, чтобы она могла быть, – она крупная была девка-то – чтобы она могла быть, письма носить. Надо было шестнадцать лет. Вот ей приписали эти шестнадцать лет в документы, она сейчас вот умерла. Она настолько увиде… уверовала, что это… что ей действительно 90 лет, то есть (но я-то знаю, что она семнадцатого года), а у ней записано в паспорте пятнадцатый. Но я-то помню, что она мне рассказывала, но я могу дальше рассказать, почему я все знаю. Короче, расспрашивал все, запоминал, а тут она вот мне уже года, лет семь назад там начала говорить, что я девяносто девять, что она именно с пятнадцатого, ну это уже склероз этот возрастной. Вот это по матери что было. Как она сюда попала. И так она здесь и работала. С поноской там, гардеробщицей, уборщицей, сторожихой там в ДК, ЛРД такое было еще. Не знаю, есть он сейчас или нет, Ленинский Дом Культуры назывался. Ну вот это ДК. Ну по-нашему, это ДК, а так Ленинский Дом Культуры, ЛРД. А на заводе там ДК был, на заводе 39-м имени Сталина, где 411 – это самолеты выпускают. Там ДК был. Ну вот мы или в ДК, туда ходишь-переходишь, или, а это Восточно-Сибирской железной дороги Ленинский Рабочий Дом, вот как ЛРД. Рабочий дом, Ленинский Рабочий Дом. Вот и вся жизнь и прошла в этих очагах культуры. Допустим, до 15 лет. А потом уже стал, когда, так сказать, в стихах поревелся, да, ну за девками когда начал гулять, тогда я уже по всему Иркутску мотался, начиная от Дома офицеров и кончая Политехническим институтом.

– А вот да, а вот ваши дети, они сейчас где?

– Старший сын умер в 40 лет. А младший со мной живет сейчас здесь в Ангарске. Он с 76 года, то есть ему сейчас 33 года исполнилось вот в апреле. Работает на… в МСУ-70, СМНУ-70 сейчас он называется, инженером.

– *Есть такой вопрос, вы можете вот сопоставить детские воспоминания, которые у Вас есть, и нынешние реалии, то есть которые сейчас? Не знаю, может быть, как-нибудь*

– Ну вот в каком… каком плане ты хотел, вот действительно, или отдыха там, или досуга, или это, или работы, или искусства там, что чего?

– *Понемножку к каждому.*

– Понемножку… Ну детство совершенно, сам ты говоришь, голодное. Ну это действительно, голодное. Хорошо, я вспоминаю, допустим, такие детали. Это все до войны, три года мне, значит. Ну это, может, там разница месяц там, полтора. Но до войны. Вот война началась, отца уже, наверное, отправили в сентябре, допустим, да. Но на завод – там у нас родственник был. Какой он родственник, я не знаю. Потому что мать вышла замуж за этого моего отца… вот уже замуж, а он был, оказывается, женат. И та семья не приняла, и те родственники не приняли ее, как, ну близко. И вот однажды она говорит: «Пойдем в гости на завод». А у меня сестра была двоюродная, ей купили, значит, такую сумочку бархатную, с ремешочком. Бархатная, ну б радикуль назовем, но только через плечо. И мне купили. Но я-то пацан. И мне самому очень нравилось, я туда ложил копеечки, именно копеечки, они такие же, не белые были только, а желтенькие, как сейчас десять рублей, сейчас десять копеек, десять копеек. Вот тогда были точно такие, только копеечки. По-моему, были они отточены, их много тоже там. В общем, это уже… Мы приходим в гости, но уже идет война, значит, железная эта. То есть отец уже на фронте. Может, мы осенью были. И там девочка, ну какая-то она мне родственница, увидела, и все, и расплакалась, вот ей такую же сумочку надо. А я с этой сумочкой выступаю, значит, точно мне три года было. Ну и мать говорит: «Вова, ты же мальчик, отдай, они нам дадут хлеба. Они нам дадут хлеба». То есть вот такие булки здоровые, не как сейчас маленькие, тогда здоровые булки были. Я помню, как сейчас, вот такой шикарный хлеб, конечно. Ну уже в магазинском изготовлении. И короче, оставил я там сумочку и… но не помню, булку мы или две булки они дали. Не помню. Но позже булка хлеба стоила на базаре триста рублей. Это вообще нереально, не по деньгам. Вот прямо продавали. Продавали эти, продавали вот свои пайки. Мужики ходили вот, но уже шла война, потому что…

– Штатная зарплата рабочего какая была?

– Ну тогда, ну даже не представляю, сколько там. Не могу представить даже. Я могу чуть-чуть дальше представить, уже ближе к концу войны. Ручка стоила, – железная ручка авиационного завода, с двух сторон так затыкалась – стоила рубль. Конфетка вот эта сахарная самодельная тоже стоила рубль. Продавали также эти торговки, и ручки продавали, и конфетки вот эти. А вот это было то время, когда я работал у китайца, где когда пять рублей было. Ясно? Хлеб до 47-го года по карточкам же было, вот такой талончик давался.

– А сколько выдавалось?

– Не знаю, не могу даже вспомнить. Материну пайку я ждал. Залезешь на ворота, сидишь и ждешь, когда она появится, ну, уже после обеда, чтоб с работы должна прийти, принести, значит, на нас хлеб, ну и на себя. Но это вот буквально такие, наверно, 100 грамм. Наверно, 100 грамм были четко. Ну, вероятно, менялось. Допустим, один год, может, еще сто, чуть-чуть полегче стало в стране, да?, могли добавить. Вот талоны, я уже помню, чтоб магазин не разносили, а в магазине на этот талон тебе отрезали от булки. Лапоть там, допустим. Булки были большие, на булки такой нож. Вот такой нож был, здоровый такой, там, ось сделана. Ну как ножовки, есть здоровые, да. Вот в магазинах вот такая херня. Вот она булку – раз!

– Орудие производства…

– Ну это оттуда и взято еще с тех времен. Значит, очередь приходилось занимать, хотя и хлеб уже это вот именно по талонам давали, но могло не хватить. Ну стечения же были всякие, и там могло что-то быть на заводе, не допекли там. Пока хлеб доходил до потребителя, он, конечно, столько инстанций проходил, что его могли похищать, потому что иногда не доставалось. Но у тебя, правда, оставалась эта на руках, талон-то. Печать там трехугольная, как сейчас помню, была. Трехугольная печать. Просто картонка, и ставилось число тоже, и число ставилось чернилами. Кто-то раздавал. Вот такая ерунда была. Я договорю насчет этого. Очередь приходилось занимать, значит, это магазин, каждый район был прикреплен к своему магазину, к своим магазинам. Вот у нас был номер два, магазин ОРС, значит, Восточно-Сибирской железной дороги станции «Иркутск-2». ОРС – это отдел рабочего снабжения. ОРС – отдел рабочего снабжения. Мы к Восточно-Сибирской железной дороге относились. Ну, номер магазина, номер квартала. Он и сейчас живой или неживой даже вот, Роза Люксембург, едешь когда, он был справа. И у меня деревянные эти бы-

ли, ну возле ворот, где заходишь, крыши, ну такой этот навес был. И вот на эти залезешь, на эти деревни деревянные и сидишь. Как только магазин открыли, прямо падаешь это на людей и по головам, стараться надо не упасть туда вниз руками, а как-нибудь на ноги. Ну, в общем, я залазил там 30-й, там 26-й, 24-й. Вот от двадцати до тридцатки, помню, что залазил, помню, считаешь, сколько людей-то впереди, а там заметно, все в очередь встали и на улицах там. Короче, всегда хлеба хватало, потому что мать всегда: «Вовка найдет, Вовка достанет! Идите к нашему еврейчику!» Она звала меня «еврейчик», потому что ну или подозревала ли, что она ж молодая была, ведь вышла замуж-то рано, там институт сразу, ой, на войну забрали, убили мужика. В 42-м под Смоленском отца уже убили. Тут же в июне месяце. Короче, он год на фронте был всего, меньше даже. Вот насчет этого еврейчика. Она подразумевала, что все-таки какие-то это мысли свои, отец был как-то с еврейской нацией связан. Ну хотя фотография – ничего нету. Ну она по именам там. Допустим, у нас название, у них Софа, ну, у россиян не было вроде таких. Софа – это еврейское вроде имя. У нас Софья. Это Софа имя было, между собой она там. Ну короче, мы не сильно были приняты, так особняком и жили. Два брата и, значит, мать, мать.

– А у вас было студенчество? То есть студентом вы были или нет?

– Нет. Не было никогда. Я вот учился в школе Восточно-Сибирской, тоже все же школы-то все же железнодорожные. Тридцать… Смотри, какие совпадают с годами-то: начальная школа четырех… это… летка, 38-я номер, а эту 37-я, потом в пятый класс когда пошел. Когда я учился вот в этой 37-й школе, она прямо возле станции «Иркутск-2», недалеко, двухэтажная такая, то у меня мечта была это поступать, об институте, честно, я и не знал. Ну, не было близких людей, близких товарищей, которые бы учились. Один у меня парнишка учился, Жилкин фамилия, но забыл уже имя. Но он старше меня был года на три. Иии… он поступил в педагогическое, в институт педагогический. Ну а мысли, я бегал на лыжах, потому что вот где кладбище, туда кладбище было маленькое, а ров у него… вокруг него был. А мы вот пока солнце, – я, когда уже начал работать в семнадцать лет, я бегу туда, пока солнце не скроется. Солнце скрылось, – я разворачиваюсь и назад. Ну и он увлекался лыжами. И он взял и умер. Отчего умер он, я так и не выяснил. Он ввиду того, что он учился в педагогическом институте, – он же тоже голубь, потому что он без отца тоже был. Но вот он умер, и для меня это как-то сказалось, вот я начну тоже это, учиться… Жрать нечего. Жрать нечего. Я смотрю: которые ребята

ушли работать, они, ну, крепчают, так сказать, а я все пацан и пацан. У меня есть фотография в восьмом классе, все уже в этих москвичках одеты, москвичка, а я еще, шапка на мне эта ушанка и материна фуфайка. Даже на фотографии 8 класс.

– *Интересно…*

– Вот тут уже мы старались, нас объединили хоть школу эту с девчонками. Классы еще были врозь, но уже в одной школе. А вообще-то я учился, все время нас стригли под машинку. Никаких девочек и близко не было. Девочки вообще отдельно учились. Вот по Розе Люксембург, слева от этой гимназии, она сейчас женская, ну и тогда она была дамской гимназия. Мы, в общем, девочек не видели практически. Вот я говорю, в восьмом классе, вот 104-я школа появилась, ну, новую выстроили. И вот впервые в школу эту запустили девчонок, девчонок классом. Но не совместно. Так что мы на них, так сказать, дотронуться вот на лестнице на второй этаж. Там дотронуться хотя бы. Ну уже, наверное, не встретили, в восьмом классе они уже стригли.

– *А вот сколько вы лет учились в школе, то есть когда… сколько классов?*

– Восемь классов. Восемь классов. Но восьмой я не кончил. Но учился-то до конца, потому что отец. За отца мне платили же это… эту… пенсию. Ну, не пенсию, 175 рублей. Вот тебе пенсия. И, помоему, 175 80 копеек на двоих с братом. А когда брат отделился, мне стали больше платить, что-то рублей 200. Брат уже ушел работать, мне стали, ну, повышалось, как сейчас, от пенсии. Вот также повысили мне одному. И каждый… каждый год я ездил подтверждать в Иркутск, вот Красная площадь Кирова, строился вот этот Муниципальный дом. Ну не муниципальный, а он назывался Горсовет. Внизу уже работали вот эти кабинеты, ну такие, которые не должно там быть. Вот как нотариус, допустим. Остальное все строилось, это ужасный был долгострой. Я не знаю, сколько он лет строился, ну лет пятнадцать точно, потому что я уже как пацаном начал ездить, и каждый год надо было писать, копии снимать с документов, и нотариус там всегда мне заверял.

– *Понятно.*

– Площадь была неухоженная, очень неухоженная, никакого асфальта не было, сейчас они, точно не скажу, или… или брусчатка была, или просто камень. Скорее всего, камень. Брусчатка была только на новом мосту, вот на этом, который сейчас старый считается. Вот в 86-м году его закончили, там был деревянный, все время мучились с ним, потому что Ангара всегда зимой уходила почти что с берегов. Моряки там как объясняли: это какие-то ключи есть,

и она замерзала снизу, начинала снизу замерзать. И естественно, вода что выше… выше, потому что постоянно же был сброс. Это сейчас регулирует плотина Байкалом, а тогда-то все естественным путем было, и вода эта вот и топила капитально Иркутск, особенно правую сторону. Вот по улице Разина, там даже трамваи вот не могли ходить одновременно. Короче, около метра подымалась, вот это… на этой улице, ну все время, туда уже не пробьешься, не пропускали там. Говорили, ходили там эти… повышенной проходимости танкетки, вот эти… ну типа танков. Ну танки-то не ходили, конечно, а вот эти повышенной проходимости, бронетранспортеры их назовем. Только гражданские, не военные, вот эти там ходили. Короче, подтапливало очень часто. Как часто, я, конечно, не скажу, потому что мы уже туда попадали, когда все исчезало, то есть вода уходила. Ну длилось это, конечно, недолго, может, неделю там, две, но все время подтапливало. Как только вот плотину построили, все стало стабильно на место.

– А в каком году, кстати, построили плотину?

– Плотину? Ее начали строить с 50-го, а закончили ее в 58-м, вообще уже с ГЭСом, ну там доделывалось много чего. Но насыпь начали делать с 50-го, грузовики насыпь начали эти… эти мощные для бетона клетки эти делать. Сварщики там, как обезьяны, сверху донизу, только искры сыпятся. Я ездил смотрел специально, потому что хоть и далековато было, но я шлялся все время. То на передаче доедешь, а если летом, то всяко-разно. И пешком, бывало, зимой на лыжах даже бывал, потому что у нас там военно-морской клуб был. И, кстати, вот сейчас документы, вот мать умерла, я там, мне люди отдали, что там нашли еще. И там я смотрю: лежит свидетельство – Москаленко Владимир Георгиевич, окончил, значит, 14 лет, фотография с печатью, окончил курсы в военно- это в военно-морском клубе, значит, инструктор по основам военно-морского дела. Было, я знаю, что удостоверение, но пацаны, видать, оно красивое было, красная корочка, для тех времен, видать, они куда-то дели. Ну мои уже дети, то есть старший сын. А это вот сохранилось, лежит. Вот там военно-морской у нас клуб был, где сейчас этот проспект Гагарина. Раньше там был это… Сад Парижской Коммуны назывался, вот мы туда… я ездил. Рядом бронекатер стоял, наш клуб рядом там был, ну невысокий там-то все. Но бронекатер свой был. Весной нас заставляли его драить там в порту, ну, от ржавчины. Ходить на нем я не ходил, не допускали. Ну он маленький, речной бронекатер, с Амурской флотилии как-то удалось притащить там.

– А у вас были какие-нибудь увлечения, которые потом, в будущем… то есть в детстве у вас были какие-нибудь увлечения, пригодились которые в будущем?

– Я был очень ленивый. Увлечения… я хорошо рисовал, отсюда, значит, хорошо писал. И благодаря тому, что хорошо писал, грамотно и красиво, потому что приходилось все-таки вот это копии эти все снимать вручную, сейчас-то раз и все. Тогда вплоть до того, до «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», там если смотря какой документ. Вот это все шуруешь, ну и короче, навык появился, и грамотность появилась, по сей день я могу написать любое заявление, сориентироваться там то есть. Ну здесь, когда я на работу попал в депо, в паровозное депо, короче, я объездил много стран, так сказать. Ездил же в ЖУ – железнодорожное училище – в город Зима, там три три дня я побыл и оттуда убежал, на товарняке уехал. Меня вместо того, что я поехал на помощника машиниста учиться, меня зачислили в группу дорожных мастеров. А группа дорожных мастеров – это что? Ты ходишь с рейкой вот этой, замеряешь, значит, расстояние между рельсами. И у тебя человек 40 женщин, которые эти рельсы перетаскивают, меняют там, то се, в то время. А я это все видел на железной дороге, когда ездил на товарняках. Мы ездили в станцию Маритуй, такая. Здесь ГЭСа-то не было, мы ездили отсюда, значит, с Иркутска до станции Байкал (она называлась) и от станции Байкал-Маритуй. А Маритуй – это между станцией Байкал и станцией Култук, вот середина. Мы туда лазили. Ну, я самый маленький, естественно, был, меня не брали обычно. Брат хоть на два года был старше, но он тоже выглядел вот, ну такой крупный, то се, и рано развился. А я как был этим белым пацаном, так и остался. Короче, я прятался везде, и пока состав не тронется, состав тронулся, я уже там присмотрел себе, где я смогу зацепиться, забраться, в лярку там пустую, где там металл везут или там трансформатор, значит. А там уже меня не выкинут они, там я где-нибудь уже перебегал к ним, они: «А ведь куда, не выгонишь же его!» Но зато там издевались. В тайге идем, ягодка там, я отстою, они там от меня убегают, я там за ними: «Ау!» Они начинают в мох орать, вообще меня путают, но я с тропы не выходил. Ну в общем, вот это вот такое детство, все время это ягода или же орех. Шишки, за шишками лазили это… на кедр, лазили. Один раз меня все-таки тоже загнали на этот кедр, я кое-как оттуда это спустился, и дал себе зарок на кедр больше не лазить. Потому что уже я ничего не мог, силы нету, держусь, только одна рука отпускается, меня уже трясет, ну силы нет, даже это... А тут попался сук, я не могу уже выше залезть, чтобы обойти его и ниже не могу ногу перебросить. И уже посматривал,

чтобы прыгнуть, но это, может, уже метров 10 было, а тут камни везде, мху, – тьфу, Маритуй этот. Короче, когда я слез, но я там дал бы клятву: «Все, сюда больше не ходок, опасная штука!» И с тех пор, действительно, я не лазил на кедр. Уже ездили мы далеко, мы вот ездили в Култуке, потом, когда новую дорогу открыли, мы уже в Утулик ездили. Но я уже не лазил, мне это все… Особенно, это шишки доставались только так, только лазят, ветку выдирают, трясут или бьют там, пробуют ногой, ну это постарше ребята. Вот это одно из хороших, так сказать, детских воспоминаний. Иркут, как лето наступало, все, рыбалка на Иркуте. На Ангаре там невозможно, вода холодная же, страшно было. Это сейчас она стала теплее, а тогда же напрямую с Байкалом. Вода очень холодная. Которые люди приезжали, вот уже парни оттуда, ну, допустим, с Игирмы там и ближе там, и приезжали, они-то думали, Ангара у них там теплая. Они здесь бросаются и вылетают. Прямо в районе Ангар… вон Ангара Ангарского Иркутского там, около окраин Иншара во Втором Иркутске есть завод авиационный, там тоже. Ну, в общем, холодрыга, как в песне поется: «Нам на севере не жарко, холодрыжные края…» Вот это такая была Ангара. А как только плотину сделали, она стала теплее, потому что все-таки уже Иркутское море стоит, какая попадет. Ну не намного, конечно, но градуса на 4, а может, даже и больше. Потому что уже потом удавалось… Саша Никитин в районе вот этого старого моста переплывал. Я – нет, а он переплывал уже. Вода теплая была. Где-то он в сентябре, не понадобилось в сентябре. Но то есть он уже это… можно было переплыть. Я не переплывал, для меня он – Коран. А вот Иркут, пожалуйста. А Иркут, все иркутяне в основном на Иркуте и в районе, где была речка, впадает, как она называется-то? Черт, забыл совсем. Нет, Жековка с этой стороны, с востока, а эта вот отсюда впадает. Ну там станция Кая. Кая – речка, вот она вообще теплая, и она вот здесь впадает в Иркут до этого, до санатория. Ну санаторий, знаете, сразу за мостом справа, санаторий наш, крупный санаторий. Ну сейчас он там, в нем… старой постройки, красивый такой. Огромная роща возле него. Ну направо, вот только Иркут переехал. Ну вон «Ангара», она и называется, да. Вот за ней вот эта Кая впадала, там затор, и вот мы там плавали. И там же затор был для… для леса. Ну там, рассказывали, строители лес сплавляли там, то-се. Мы там, конечно, бегали, я чуть не утонул там. Думал, буду… больше в воду не полезу, но полез, на береге… на берегу отлежался, это самое.

– А вот как справляли праздники, молодежь вот Новый год там?

– О, это можно рассказать. Насчет Нового Года, только ДК вот это или… это в ДК на заводе на 39-м. Ну он тогда не назывался так,

завод имени Сталина было официально. Так номер 39, по счету если, а ППЯ, почтовый ящик, был 411. Почему я помню, что у нас, я когда в Ангарске перешел в этот ППЯ наш, он был 140, назывался 140. Потом стал с этими названиями, [нрзб] там или, ну, ты помнишь, там называться. Короче так, о Новом Годе. Только в ДК, или вот в этом ЛРД, или куда-нибудь, да вот да вплоть до техникума на Тимирязева. Это учетно-кредитный был, почему-то там. Короче, шлялись везде, потому что было много это… дела, свободного времени было мало, много наоборот. Почему шлялись, тогда это стиляги появились, название такое, помнишь? А возглавил это стиляжье дело все сын Малиновского, а он учился в медицинском институте в Иркутске. Короче, это был первый стиляга, первые девочки с ним, ну и а остальные все подражатели, вплоть, допустим, до меня. Я, помню, на рынке купил себе штаны. Ну вот брюки, вот здесь должны быть карманчики, вот сюда узенькие. Я купил на рынке. Старушка объяснила, что сын ушел в армию, ну не старушка, для меня-то она была старушкой, она была женщиной, конечно, вот она торговка была. Ну, короче, мне удалось купить, возможность купить, допустим, какие вот… какая у них одежда. Ну вот в смысле, такая вот микропора там, толщина, узкие брюки. А так как он сынок был Малиновского, маршала Советского Союза, он здесь у нас так командовал вот этим округом. В Иркутске был гарнизон свой. А когда перевели в ЗабВО, и он туда уехал и развелся со своим этим… со своей супругой. Супруга осталась вот в Иркутске, и сынок ее, отец вот выложил ей… Короче, вот в Саду Парижской Коммуны он как раз и всем там хороводил. Короче, все подражали, только от него все шло, все иркутские стиляги.

– *Он примерно был вам ровесником, да?*

– Нет, он был постарше. Причем постарше года на четыре, может, на пять даже. Но так как я с ним мало общался, вот только вот видел, видел, видел его ребят и видел его компанию. А потом приехала компания, аргентинское танго приехало сюда в Иркутск, и он сделал там подпольку в строевых красивую, у себя дома, и они там плясали на столах. А в то время все это было снято на видео. Не на видео, а тогда камеры эти были. И вот здесь разразился скандал там то се, вплоть до «Комсомолки», статья была. Короче, куда он делся, я не знаю. Кончил он, наверно, этот институт, если только окончил. Ну высокий парень был такой, высокий, ну вот это он учинил вот эту хохму. А я любил читать газету «Восточно-Сибирская», там очень много сообщалось. Вот, кстати, о строительстве Иркутской ГЭС. Она началась в 50-х годах, ну именно в 50-м. Ну, чтобы там карьеры начали там… Грунт, она же на грунт,

надо было навозить. Ну начали это… на берегу все это делать, потом потихоньку это соединялось там. А эти разгружающие эти вещи были в другом. Ну специальные каналы были сделаны для сброса. Ну теперь мне, хочу только остановиться, надеюсь, вот на этом деле. Мысль ушла, что-то хотел сказать…

– Вы любили читать «Восточно-Сибирскую»…

– Ну да вот… Ну, предлагалось для лучшего заполнения, для быстрого заполнения, каких там только не было этих хохм. Ну не хохм, а настоящие проекты. По-моему, по-моему, какой-то военный инженер даже предложил взорвать… Вот эта плита, а я не знаю, она до 12-ти км или до 8-ми? Ну, в общем, 10 км берем, начиная от Шаманского камня и кончая, сюда ниже, наверное, деревня эта, называется… Ну, не имеет значения. Эта там, оказывается, плита, там не гравий, как вот здесь вот там, галька там самое, там чистая плита. Нету там ничего, там самое большое было течение. И он предложил, вот я почему запомнил, предложил всем, что для быстрого наполнения Иркутского водохранилища, оно должно было наполниться где-то… А оно наполнилось в 8-м году, то есть в 58-м, в 58-м, а начало где-то с пятьдесят, может, четвертого, может, в 55-м начало наполняться. То есть, это делалось одновременно. А наполнение оставалось попозже, ну чтоб что-то было подготовлено. И вот она наполнялась, получалось, 5 лет. Так вот чтобы не 5 лет, а быстрее электроэнергию получить, страшный же дефицит электроэнергии был. 79-й потреблял же в 10 раз больше, чем сейчас. Потому что вот сейчас вот холостые торсоманы, они же вхолостую стоят просто и все, восемь штук, что ли, стоит. И для нее нам нужна была энергия. Ведь нужна была вот для Братска энергия, чтобы алюминий, вот стране нужен металл. Вот это срочно и делали, делали, и подтягивали всех пролетантов, и бывших военных, и всех. И он предложил (чтобы не сбиться), он предложил взорвать направленным взрывом и выбросить на… на правую сторону Ангары… Ну, а там была только вот поселковая, там такая, ну сельская, как бычок, пописал, там в Листвянку шло это, дорога, там никого не было, это сейчас там коттеджи и все. Тогда же пусто все было. Ну! ну, было опасно. И там это аргументы он приводил, ну это же это быстро. Действительно, там что-то, чуть ли не меньше года там, месяца и все, наполнение. Ну, вероятно, ГЭС не успевала, потому что она строилась до 58-го, полностью закончена была в 58-м. Трансформаторы пока установили там, сотка, сто десять, двести, двести двадцать, по-моему. Короче, вот такие проекты. Ну сейчас бы их назвали это… Ну как они назывались раньше?

– Как слово-то?

– Да… Короче, вот он предлагал. Я думаю, ну все, и камню нашему этому Шаманскому конец, все, думаю, он зароет, потому что он тормозит же, он тормозит этот… Ну а этот был, естественно, Байкал сел, элементарно сел, потому что здесь миллиарды кубов воды в Иркутском море. Вот, ну все… И точно там потом эти всякие аргументы против другие, ну нельзя, это так рискованно это. В общем… Ну предлагалось вот это дело. И так, и так он поднялся на… в среднем на один метр весь Байкал, вот, почему омуль-то исчез. Обвинили чехов там, всякую ерунду запороли, а он потому что поднялся. Он колеблется, сейчас он… его можно регулировать, на метр ниже опускать, метра… выше метра. А так как где, где обычно нерестился омуль, он же только на отмелях, на отмелях как можно мельче, а тут, представляешь, метр поднять.

– И все нарушило, да?

– Да, все нарушилось. Это ушло уже вглубь туда от береговой кромки, допустим, местами эти на десять метров, а местами-то ой-ой-ой, особенно вот в районе Слюдянки. Там же это все залило, а раньше это же не заливалось ничего, луга были заливные и здесь были луга же вдоль этой... Станция была Подорвиха – это между Иркутском и станцией Байкал. Подорвиха была. Здесь едешь когда – здесь рыбаки сидят, рыбачат, эти на островах косят, это косари, скот пасется – вот так вот такая картинка была. Сейчас это все – за плотиной море, все заливы залило, залило и все.

– Слушайте, во время праздников как украшали там главные улицы города, сквер Кирова вот украшали?

– Ну это… Украшать-то украшалось, это демонстрация. Я лично всегда был на демонстрации пацаном вообще. Всегда был на демонстрации, все это было на площади Кирова. Ну как, ну красные флаги там, шары – все это присутствовало, конечно. И обычно, ввиду того, что мы, пацаны, не все еще колонны нас пускали, чтобы пройти по площади, но некоторые с удовольствием приглашали: «Давайте!». Видать, когда если маленькая организация, а может, так просто, что с детьми. Так что я всегда, если уж туда приехал, то я всегда «демонстрировал»… И прям проходишь мимо трибуны, ну вот музыка, естественно, ну… ну, как все демонстрации, очень ярко, но не такие, конечно, как в Москве, понятное дело. Но так же все – завод авиационный, там релейный завод – в то время он уже был, потом автомобильный завод сборочный был, вон, крупное предприятие – машиностроительный завод. Все там «городили» свое… свое это, на… на машинах, отбивалось там из фанеры еще, рисовалось, транспаранты на грузовиках там. Ну как, все как, конечно, в столице нашей Родины, но только в меньшей…

меньшей мере, ну возможностей, естественно, меньше. А было и на май, и на 7 Ноября – ну это одна из… было, так сказать, народных праздников.

– А вот демонстрация вот, посещение их это было добровольно или иногда пригоняли?

– Вот это я не могу уже сказать, в то время. А вот здесь вот – желательно быть, ну, я… в Ангарске уже, как будто я уже… На май я всегда уезжал на охоту. Потому что три дня обычно получалось. Можно было съездить на охоту. Ну, ездил туда только вот, далеко, ну за Аршан, в смысле за Кырен. Или здесь, если ехал, то здесь, но все равно уже с ночевкой, на Большепадское, обычно-то так как член «Охотников и рыболовов» – то всегда это организовывался у нас-то в организации МСУ-76, мы здесь организуем. А там… там мы пацанами когда ездили, допустим, район вот этой деревни, где самолет-то разбился, – как она называется? А, Мамоны, правильно. Вот, вот, вот, где этот карьер песчаный, откуда брали для фундаментов. Весь Иркутск построен на песчанике. Не было тогда еще бетона, поэтому вот в этом вот карьере, где брали плиты. Кололи там, клинья вбивали, ну и естественно, мы там присутствовали. Но потом один парнишка разбился наш очень сильно. И взрывники приехали, и взорвали, чтобы она была это… нельзя было упасть, да. А так мы зимой там на лыжах. Ну там все, короче, приезжали, потому что место такое было это лыжное, и там дальше эта… Городская Падь называлась. Короче, я там тропил эту тропу, уже побольше когда стал. Старший брат уже не мог, своим делом занимался. Так вот, спускаешься, если первый, смотришь: козы подымаются и от тебя бегут. Но у нас не было возможности ни у кого, ружья в то время… оружия не было. Ну, не было возможности. Вот я жил там, соседи, тот же Фролов, у него ушел отец, тоже не вернулся. Сидоровы там девчонки были, тоже не вернулся, погиб на фронте. У нас не вернулся… Изъенкин там был сосед, тоже не вернулся у них отец, а их тоже четверо было. Ну, достать негде было, не было оружия. Сами вот «городили» вот эти пугачи. Ну вот если интересно, могу рассказать. С авиационного завода вывозили, ну, солдат заставят отвезти, и если, допустим, сжечь противогазы там, ну и заодно и патроны крупнокалиберные попадали, вот такие пули. Короче, они в кучу все это сваливают, вот в этом карьере, уже подальше там. Оцепление делают, эти товарищи с «удочками» стоят, ну чтобы пацанов не подпускать. Ну, с «удочками»-то – винтовка Мосина со штыком. Она же длинная получается. Они не подпускали нас под… пацанов. Но это все равно, они взорвали или там сожгли, все равно же все остается. Только оцепление сняли – мы

тут как тут. Вот эти пули крупнокалиберные я специально вот специально пилил ножовочным полотном тихонько, чтобы не нагрелось, чтобы не селитра, называлось не порох там, а селитра почему-то. Пропилишь, она вот такая здоровая, и оттуда высыпаешь эту селитру серого цвета, и уже начиняешь свой пугач.

– Да… А как строился Иркутск? Постепенно?

– Как… он и сейчас строится. Ему еще 50 лет надо, чтобы быть красивым. Я же сейчас там работаю вот. Куски есть сейчас вот красивые, кусочки. Ну и тогда были красивые кусочки, и нетронутая зелень там-то есть. А сейчас же многое сужается, улицы расширяются, газончики все уменьшаются-уменьшаются, транспорт увеличивается, грязи ой-ой-ой. Все, даже что и… Пока вот зелень не наступит, и не станут мыть хорошо, убирать, вот сейчас техника появляется. А тогда-то в основном только, вот если мое детство брать, кони же только были. Вот где этот Торговый сейчас Комплекс, там прямо эти стояли, ясли назывались они, где их привязывали. Из деревень приезжали, все, и тут и торговля шла. И они все на лошадях из близлежащей деревни приезжали, только на лошадях. Техника была только… Автомобили были только у организаций, и лошади у них были. Ну а в деревне только лошади.

– А какие впечатления о городе у вас из молодости, еще что-нибудь есть, какие-нибудь, кроме того, что вы рассказали вот?

– Ну, конечно, это, допустим, вот такие случаи. В войну стало очень модным районом на район, делать это… почему пугачи там появились. Потом вот есть такие вагонная шелевка, может, знаете, вагонная шелевка, паз в середине делается. Не сбоку, как сейчас вот, здесь срезано, там срезано, раз – и ставится! А раньше в середине было. Паз – она называется вагонная шелевка. И вот делались стрелы из американской красной резины, эти были «Студебеккеры» и были «Шевроле». Вот от них… у них камеры были красные, не черные, как у нас. Ну это все, естественно, выбрасывалось где-то и добывалось старшими ребятами. И вот из красной резины делаешь вот такую вот шелевку, выстрагиваешь, как она под винтовку бродит, выпиливаешь. Курок делается железный такой, чтобы стрелу спускать, и стрела делается с металлическим наконечником из жести. Выводной. Если в воздух стреляешь, то стрелу не видно. Все зависело от длины этого ствола и от резины, естественно. И вот вооружаясь вот этими вещами, причем пачка этих стрел… Вначале между собой все это началось, а потом… Конкретно, помню случай. Прихожу, Лежевичи такие были, их - четыре брата было. Я прихожу к ним. А у них старший брат выписывал журнал «Вокруг света» каким-то чудом. Ну а «Вокруг света» в то

время журнал – ужас же. И я вот приходил, и он мне давал его посмотреть. Я вот, я вот однажды пришел к ним, а смотрю, они эти стрелы строгают: «Вот твоему Коляте!» А моего брата звали Николай. «Вот твоему Коляте готовим в задницу куски!». Я, естественно, домой, к Коляте. «Лежевичи тебя это! Вот стрелы!» – «Да? Ну все!» Тут банда другая организовывается, ну короче, драка там, то-се, ну, не дошло до этого дела, чтобы… Все эти стрелы пригодились для другого района, а именно. Можете себе представить, вот это Ново-Ленино все, которое называлось Порт-Артуром. Порт-Артур, потому что самый дальний район как бы считался. А Глазково, ну Вы знаете, где Синюшина гора, ниже Глазково. Вот надо «глазковых» идти погонять. И вот банда, человек там за пятьдесят, ну, в общем не сто, конечно, но за пятьдесят, ну большой отряд, я туда не ходил, вот лично я маленький еще был. Они ходили. Потом эта банда оттуда также приезжает. И вот уже по-настоящему, в глаз там. Было, выбивали глаз. Стреляют уже по-настоящему. Я, помню, тоже замешкался на своей улице Восьмой Советский Переулок, кстати. Замешкался. Короче, они окружили… это… большие-то поубегали через заборы там, по огородам, а я-то не могу преодолеть, ну, попал так, что не могу преодолеть забор. И эти глазковские ребята меня взяли, ну, что, видать, маленький. Сколько мне лет было? Может, шесть. Ну, короче, меня забросили, бить не стали, ничего. Видать, сильно был маленький. Так что у меня такой… А уже пугачи потом я уже попозже сам строгал, красиво это дело делал. Одну такую красивую сделал уже с ручкой, но не учел, что это будет мощный удар. Ну зажигал, знаете, как спичкой там вставлялось… Дырочка вот здесь делается, вот это коробком чиркаешь. Выстрелил, у меня только вот осталась чурочка вот здесь. Где ствол? Самое дело-то – ствол надо было сохранить. Не нашел. Все обыскал, нигде. Куда этот ствол улетел? Короче, одна ручка. Видите, тоже я прекратил. Опасно же. Травмы же. И там и были случаи такие. С этим делом тоже покончил. Но тут в этот же карьер вот этот песчаный тут приезжали эти… даже солдаты, стрелять из танкового пулемета, прямо настоящие новобранцы, в форме и все. И он почему-то, лейтенант давал даже пострелять нам, пацанам, даже мне давал. Вот трясет страшно. Ну мишень стоит вот внизу там у это. Я честно говорю… «Дайте пацанам дать пострелять…» Ну это вообще. Давал. И после этих солдат, потом, после этих, как их называли? Которые в запасе здесь были. Их и зимой гоняли.

– Вот что вы думаете, есть деревянные дома в центре города? Считаете, что в них своеобразие Иркутска?

– Ну есть безобразные, их, естественно, надо снимать, даже не раздумывая. И даже строить какие-то, может, даже не… небольшие дома. Но они уютные, красивые. Сейчас же много проектов всяких. Город надо украшать, вот, конечно, безобразие. Ну за исключением, которые действительно имеют архитектурную там или историческую. Но таких уж не так их много и они обычно красивые. Они, действительно, безобразят. Если вокруг все облагородить, он прекрасно будет выглядеть и замечательно. А так там столько халуп – это же ужас. Конечно, нужно… Я уж над этим тоже думал: ну как их заставить, чтобы они это… Они там попрописывались по несколько человек. Чурки эти лезут везде, ну которые называются гастарбайтеры. Они же тоже прописываются вот десятками. Уже обнаглели. Ну я за то, чтобы, конечно… Вот я мотаюсь по Иркутску, ну есть такие места, даже сейчас уже приятно находиться. Новенькое, приятно, там скверики, сами они приятные домишки, пусть даже трехэтажные есть. Также есть двух. Ну и надо и многоэтажные, конечно, развивать, тоже красиво же, вещь кусками. В общем я это так прибросил: на 50 лет, думаю, чтобы Иркутск сделать более-менее приятным городком, как вот другие места уже современные, и хороший дизайн, и там архитектурные проекты много. Да литературы сейчас много это… печатают. Какие бы хотелось вот сделать. Мне очень импонируют, мне лично, такие красивые. Потому что, вот допустим, возьмешь Новосибирск, он уже, действительно, город. А вот… Ну потому что вот именно он застроен был деревянными, он сгорал несколько раз полностью дотла, и тем не менее… Тем не менее вот… Ну вот сделать, ну а лет, точно, думаю… Ну 50, я, может быть, загнул, конечно, надо поменьше. При желании-то можно сделать красивый город, или хотя бы полгорода должно быть… приятно быть. Для горожан и для машин. Вот эти деревья, вот это гнилье, вот эти заборы, и все это в таком виде содержится. Хозяева уже старые, они не могут, не заменить,– у них денег на эти вещи нету. А эти все, кто там прописан, они все временщики. А как вот с ними бороться, я даже не знаю. Ну это Дума пусть городская, конечно, там поумнее люди. Опыт надо брать с других городов, может, даже с других стран. Такой момент.

– А вот есть такое явление, как переименование улиц, то есть вот улицы переименовываются, меняют названия. Как вы к этому относитесь?

– Ну так как я вот это вообще к правительству отношусь очень холодно. И все, что решает правительство, я всегда голосовал за того, ну сами знаете. Я голосовал за Ельцина там. Ну всегда поддерживал ту власть, которая что-то делает на данный момент. Ну

не было на этом никакой этой антипатии там, агрессии, что ли, там, что другое... Ну другого человека нету. Эти хоть что-то делают. Вот сейчас Владимир Путин там, допустим, что-то же сделал, как-то застабилизировал, а другие его, видишь, как костерят. Ну, может быть, другие и лучше сделали, но сомнительно, очень сомнительно. Сейчас Медведев. Ну, тоже, чувствуется, работает, не спит, не прячется нигде. Работает, что-то решает. А насчет переименования улиц – тоже вот… Вот у нас была вот это, - я жил на 12-ой улице. Раньше было все, как в Нью-Йорке: Первая улица, вот Роза Люксембург была Первой улицей, или Московский тракт, или Большак. Так, три, вот столько названий было. Потом переименовали, значит, в Розу Люксембург. А я жил на 12-й улице, по номеру. 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я. 12-я улица – самая последняя. 13-й уже нету улицы. Ну и вот как относился? Ну и ничего. И сейчас вот эта 12 называется у нас «Софья Ковалевская», математичка. Вроде не относится, никакого отношения к Иркутску, но тем не менее «Софья Ковалевская». Я уже… уже вон и жил при «Софье Ковалевской». Ну исторические, конечно, приятно оставлять. Ну вот номерную-то заменили. Ничего, люди привыкли там. 7-я стала Рабоче-крестьянской, так сказать. Люди все привыкают.

– А вот памятники. Вот как вы относитесь к сносу и теперь восстановлению вот, например, памятников? Или к появлению новых памятников: сейчас, например, Колчаку памятник вроде строят, да?

– Ну я… Ну, я к памятникам отношусь очень положительно. Потому что, вот это… Сад Парижской Коммуны даже был когда, и памятник же вот этот сохранился этому… Как ему, кто у нас там? Он по сей день стоит там – Александру, по-моему. Не помните?

– А где?

– А прямо на бульваре Гагарина, возле этого, возле университета.

– Возле ИГУ, белого здания. Там стоит Александру Третьему вот памятник.

– Ну вот Александру Третьему. А он же стоял там, никто же его как-то не тронул, потому что памятник очень красивый. Уже это назывался – Сад Парижской Коммуны, все это место, да. А памятник стоял. Его просто сейчас и облагородили, его вот еще облагородили. Ну следить стали за ним, ну вот за эти 20 лет, допустим. Короче, когда перекрыли… Ну конечно, положительно отношусь.

– А вот к сносу, например? К сносу вот памятников…

– Да я тоже иногда отношусь к этому отрицательно. Не надо сносить. Это же наша история, ну как…

– Если памятник Ленина, допустим…

– Ну а что его сносить, ну зачем? Ну стоит, ну пусть он стоит… Ну если кому-то вот нравится улицу там переименовывать, да. Ну вот мы взяли, увезли их там чуть ли не на свалку, в других вот городах. Ну они все равно люди-то были не глупые, в общем-то.

– А то, что Колчаку памятник вот?

– Ну это только положительно.

– То есть история.

– История, да… История не должна нарушаться.

– А вот ритм жизни, он изменился? То есть. каким был раньше и сейчас вот?

– На мой взгляд, вот лично для меня ритм не остался.

– Остался, да?

– Да, одинаковый. И тогда надо было трудиться. Вот я же ходил… Вот, вот депо надо было появиться за 15 минут, за 15 минут до рабочего, ну в восемь часов. Ты уже должен стоять. Называлось – раскомандировка. Даже слово такое было. Стоишь и получаешь задание конкретно. Допустим, электроцех – нас 30 человек. Стоишь – и конкретно получает каждый задание от мастера до восьми часов. В восемь уже загудело – это ты уже должен идти на работу. Также на обед был гудок, так же и было окончание рабочего времени.

– А этот ритм был размеренным или суета?

– Нет, размеренный. Пошел работать, все, допустим, мы втроем. Там у тебя звеньевой есть, ты исполнитель, допустим. И вдвоем пошли конкретно по вызову на там… на такое-то помещение, где, допустим, вот текущий ремонт паровоза, представляешь, текущий. То есть зашел он туда, что-то ему сделали, как вот сейчас машина заезжает, масло заменили, он ушел. Это называется текущий. Огромное… огромное депо текущего ремонта. Там была «подъемка». Паровоз подымался. Оттуда уже выкатывали вот эти все колеса и на станках снимали стружку там или… Одевается бандаж. То есть на колесо одевалась вот эта рабочая часть, и она служила. И какое-то время ее срезали, потому что она тонкая стала, допустим. Опасно. Ее просто меняли, нагреватели такие стоят, электрики кстати. Нагреватели ставили. Нагревали, она нагрелась и сбивалась. И новый, уже опять нагревался, уже толще, опыт набивался. И опять на подъемку, паровоз поднят стоит, это колеса закатано. Опускаешь. Электрик это делал. Четыре домкрата, четыре домкрата для паровоза, четыре – для тендера. Это подъемкой называлось. Вот к нам китайцы приезжали, смотрели, когда подъемка вот эта была новая сделана. Мостовой кран там сто тонн, огромный. Китайцы все приехали, человек сто в габардиновых се-

рых костюмах, все как один. Вот они приехали и все это рассматривали. Новый цех был построен с подъемниками. И сразу же началась электрификация страны, в смысле нашей Восточно-Сибирской железной дороги. Все это одновременно делалось. Вот это вот ГЭС строилась, надо было электроэнергию для электрификации сделать, вот для типа паровозов.

– Вот интересно про ГЭС. Вот вы помните, как она то есть строилась?

– Конечно, я помню. Я ездил, говорю, пацаном, когда ее только начали строить. Ну а пацаном я, говорю, ездил я уже… маленький был… Ну начать надо с войны. Идет война. На-по железке возят продукты. Продукты, раньше же не было тары, то есть грузилось, или в насыпную, в основном, в насыпную. Тары не было мешков. Допустим, везут муку. Могут прямо на пол насыпать. Везут сахар – то же самое, соль, любую крупу. Значит, эти наши ловкачи, старше, постарше, «гангстеры». Буравчик берется, все деревянное же. Часовой ходит вдоль состава с «удочкой». Вот выбирают момент… А тут колеса там, нагромождены, а здесь это, стоят составы. Вот сидят на этих колесах, ну я тоже вот сидел. Ну я конечно, у меня силы не хватало, чтоб там буравчиком там… Они берут, просверливают, сколько им надо набирают и убегают. А это все продолжает сыпаться. И вот тут смотришь уже, пока часовой еще не увидел, вот и ты тоже. И воробьи здесь тут, как всегда, вездесущие. И вот, когда уже эти убежали все, или скажут тебе, что там, мол, пацаны, ну я, старший брат, допустим, вон там пацаны, такой-то вагон есть, «сыпется», значит. А часовой там далеко, с другой стороны, раз, посмотрел, фырк туда, под вагон, и вот тоже, что-то набрал и убежал. Чумиза… Вот особенно с Востока везли почему-то. А потом вот сразу в конце войны, то есть 45-й год, ну когда Японию стали тормошить… Они, оказывается, большую нам контрибуцию выплатили, продуктом, техникой и прочим всем. Все мы оттуда везли. Вот тут капитально была соя, все вот ихнее, восточное. Вот так вот еще кормились.

– Вот такой вопрос. А какие важные производства были в Иркутске в это время вот?

– Иркутский сборочный завод, он в 36-м году, фирма «Локхид». Вот, кстати, вот где я сумочку-то оставил за хлеб. Это он, видать ее муж был. Фамилия его была… вспомню. Он даже фирму «Локхид», почему я это знаю, потому что я еще там бывал потом, тоже побольше, ходил, он ездил в фирму «Локхид», в Штаты, в Соединенные Штаты. Тоже получал оборудование для этого завода. И он в 36-м году был построен. И вот он, и я что обратил внимание, в то

время пацан, пацаном обратил внимание, когда приходили мы к ним, в квартиру, и когда он приехал с этой фирмы «Локхид», он столько привез в то время, при советской власти. Это, конечно, осуждалось страшно. У него ковры стояли, свернутые в трубочку, по квартире. То есть у него была возможность там купить и даже с оборудованием привезти сюда. В то время. Когда, сам знаешь, это 37-й год наступил, 38-й. Их кончали, считали как шпионов, что кто был за границей и получал то же оборудование, значит, многие попали под это дело. А он, вот я обратил внимание, что вот он ездил только, значит, до 36-го, вот он уже привез, ну материальные ценности, ну ковры в то время, сами знаете. Я тоже пацаном, но усек. То есть глаз был наметанный. Я потому что сам, не случайно мать называла еврейчиком. «Идите к нашему еврейчику. Он там напишет заявление, он там, у него есть там…» Копейка у меня была своя. Я мотался на Урицкого, там был магазин. Это Урицкого, Карла Маркса. Там медведь был, стоял, медведь, прямо стоя, ну, набитый опилками, естественно, огромный. Чучело короче. И там продавали эти, как я помню. Я там много чем ошивался, конечно. Уже в то время занимался перепродажей. Ну я конкретно один пример приведу. Вот такой вот листочек бумаги, на нем переводные картинки – птички там, зелень, может быть. Стоила оно 15 копеек, вот эта целая, целая эта бумажка. Но я уже в школе продавал уже одну картинку, доходило до 30-ти. Вот представляете, какой бизнес, уже бизнес. В то время. Никого близких там не было, ничего, мать тем более ничего, а этот еврейчик. Не случайно называла еврейчиком. Ну я обратил момент и все. Может… Играть на гитаре, купил себе гитару сам. Брат захотел на гитару – иди к Вовке, Вовка даст тебе на гитару. Вовка дал ему тоже на гитару. Маленькая там, цыганская такая, для себя взял. Короче, к музыке что-то было, какая-то, что-то к сочинительству какому-то, песни какие-то там темнил. Целый день дома сидишь зимой, это маленький когда был. Лед залежался и вот у окна эти кораблики гоняешь. Льдинку отколешь, и песню там, песню поешь там или… Ну такую, ну обратил внимание, что тоже… Значит, предки были всеми – и торгашами, и музыкантами, и работягами. Ну в общем все. А конкретно ни к чему не тянуло. Вот это плохо. Я, помню, когда еще учился, ну буду я в мазутном депо работать, мазутником этим быть, в мазуте, значит. А в 17 лет пришлось пойти и плакать. Помню, что слезу даже пустил. Потому что помотался в ЖУ, не устроился, седьмая станция пути была такая, автоматчики, ни в какую, нигде не брали. Тогда надо было что-то совершить, чтобы тебя через суд устроили, чтоб ты совсем не испортился. В общем нигде

не брали, а уже 17 лет исполнилось, и уже за батю не платят. Я в школу не пошел, потому что надо идти работать, надо одеваться, девочки там, то се и питаться. Вот расплакался, пришел. Ну с мамой даже еще пришел. Не один. Потому что потыкался, нигде, бесполезно. В начале, видать, один период был, можно было устроиться, а потом, видать, это, оказывается запретили. Вот точно не помню, конечно. Вот так и попал я в это депо. Ну а мастер Николай Николаевич Дроздов был, такой здоровый мужик, сразу меня это, ну видит, что пацан-то шустрый. Ключи мне стал доверять, а я-то, он мне только ключи даст для от кладовки, а кладовки сейчас… На станции «Иркутск-2» Вы были? Где паровоз стоит. Нет? Там же паровоз «Лебедянка» стоит. Стоит настоящий паровоз, «Лебедянка» называется. Лебединский – конструктор. Впервые назвали именем конструктора. А то там – Серго Орджоникидзе, Иосиф Сталин, а тут впервые вот эта «Лебедянка». Ну красивый паровоз – пять колес. Он пассажиро-товарный.

– *Про самолеты расскажите вот…*

– А, про самолеты. Была сборка. Мы вот когда они вывозили, мы замечали, когда их вывозили, когда охрану выставляют в районе вот этого карьера. Ну это территорию большую охватывают. Ну особенно от нас, от Иркутска чтобы отгородить. Может, там-то и не было. А здесь выставлялось солдаты. Если мы вот увидели машины, что едет с солдатами, они же грузовички. Сейчас едут там под тентом. Как только усекли, или кто-то сообщил-сказал, мы тут как тут. Летом это, конечно, происходит все. Ну и самолеты также. Перед тем как подняться самолету, он вначале двигатель запускает, вот может день, два, три запускает и не получается. Вот там смотришь – уже долго работает. Ага, значит, скоро полетит. А особенно разгонялся туда, на встречу к Ангарску. На город не подымался. Это уж при сильном ветре, ну это старались, видать, не летать. Короче, обычно, хороший ясный день. Мы здесь тут как тут уже сидим. Полетел. Полетел. Тоже не успевает разворот сделать, хотя он должен в начале проверить компас, подняться и сесть сразу же. Первый у него полет – это подняться и сесть, проверка компаса называлось. Сейчас не знаю как. Вот он поднялся, развернулся, идет сюда, вот прямо на Иркутск. Над Иркутском разворачивается и садится. Летает. Вот такой вот короткий полет перед тем, как его дальше испытывать. И обычно при этом полете …иии… получалось. Смотришь: двигатель двух это замотало. Не двигатель, а пропеллер вот. Тыр-тыр! И вот и все он, и встал вот. Как у «Мерседеса» вот эта эмблема-копия. И вот он встал, и сразу же на крыло, обычно на левую сторону заваливается. Два раза только завалился

он сюда и на тракт трахнулся. Один и второй трахнулся. А так все туда, в поле, в лес. И мы уже туда «рвем». Мы только вот до первой кромки тут добегаем леса… Все, этот уже с удочкой тут. Там ниже, выше проползти, хрен! А они тут в «цепь». Бесполезно. И все, и пока они его не уберут, не увезут… Часть там сразу уничтожат здесь, а часть, что нужно, они увозили. Ну и надо было узнать, в чем причина, почему он упал.

– *То есть долго не могли…*

– Так я рассказывал, Сережа, что у меня-то мечта была – все равно летчик уже погиб, даже во сне снилось. А у него часы же. Вот часы! Часов же ни у кого не было вообще. А тут авиационные, и фильмы же всякие были-то про этих летчиков. Летчики все эти всегда они со своими часами да вообще в кино... Перед бабами там… Вначале, значит, самолеты, а девушки потом. Ну перед девушками там они даже в кино хвалились. Вот такое дело было. Ну и вообще приборную доску, конечно, пошарить. Там же тоже многое, и часы есть прямо на этом, на приборной доске. Ну было такое дело. Но не удавалось ни разу. Ни разу не удавалось приблизиться. Вот только когда уезжали, вот этот, вот только патроны там, противогаз можно было целый найти. Со стеклом, вырезали, эти одни очки оставляли. Ну, в общем такая ерунда, мальчишеская.

– *А вот строительство моста через Ангару?*

– Тоже его построили до 36-го года. Я уже ходил, он был брусчатка, была, вот тут он весь был покрыт чурочками, так стоймя. Да, чурочки, ну какие? Где-то ну 250, наверно. Они не квадратные, а чуть-чуть так продольные, есть торцом. И вот так забивались. Все до дна, весь мост был деревянный. И будки для охраны посередине. Посередине моста тоже с удочкой этот парень. Ну, стоять не разрешали, ну рыбачить тем более, останавливаться, а проходить – пожалуйста, проходи. Короче, нас гоняли, пацанов, потому что старались что-нибудь кинуть. Но вот до 36-го, то есть там уже применен был бетон, только для моста. До 36-го если я не мог его видеть, как его строили. Я только вот еще быки видел от старого, деревянного. Он с левой стороны. Как, ну с левого, левого берега, с левой стороны. Ну наверно, метров, может, 40, от этого моста, был тот ниже. Долго эти стояли, быки. Они не быки называются, сдували из этого, известняка же, вот не было насыпного там. Но, может, там и был ниже. Но здесь-то он… короче, наблюдали здесь мы. Но все уже было построено. А вот весь он был из брусчатки. Деревянный.

– *А вот был какой-то еще понтонный мост через Ангару…*

– Был тоже, но это же временный. Его здесь не было. Как построили, там был деревянный, вот только о деревянном речь, а о понтонном, не, не видел даже.

– *Не видели, да, ни разу? Жалко…*

– Может, этот вот деревянный часто сносило, вот эти вот подъемом Ангары снизу, как я рассказывал, как мне рассказывали. Может, да, и приходилось каждый год делать вот этот понтонный, да. А понтонный мог только из жести и скреплялся, как вот эти все дека… пристани, которые делаются, они ведь тоже пустые водные вокзалы. Вот это было.

– *А вот как изменился внешний облик города вот Иркутска?*

– Ну это сам можешь для себя… Почти что весь деревянный был, а то, что было, это каменное, оно сейчас стоит и... То есть строили-то купцы, это купеческий город же Иркутск, и строили в основном купцы. Если есть какие-то, строились и учреждения или там учебные заведения, то это все на эти было, на пожертвования купцов. На пожертвования купцов все сделано в основном. Ни государство, никто не выделял. Вот при Советской власти – уже железаешь мост, то есть государство опростило бетонный мост в Иркутске построить. Я даже удивляюсь. Но потому что из-за железки, железной дороги. А дорогу, железку провели-то в девятнадцатом веке же. И вот когда там были, много вот это копали, вот эту расширяли для станции-то, тут, оказывается, такое место, столько артефактов здесь находили. В смысле, здесь столько людей жило, допустим, в неолите там. Ну кости, черепа там, то, се, это. И когда вот рыли вот это дело… ну вот, короче, мужики много чего рассказывали, но я не могу это рассказать, потому что это не проверено. Тоже ведь – со слов. Много непроверенных… Но подтверждается вот, я так за печатью это слежу, что да, было. Да, вывозилось за границу даже там то се. Но все было на низком очень уровне здесь. То есть все продавалось, видать, за бутылку.

– *А вот где вы работали вообще, вот на всю жизни то есть?*

– Значит, в 55 году я поступил в паровозное депо, в 17 лет. 55 год. В 59-м году, но тут армия проскакивает. Наверно, я объясню, почему я там не оказался, если интересно. В пятьдесят, в 59-м, в апреле месяце я приехал сюда, в учебный комбинат для… Короче, «киповцев» готовили для 7-го завода, то есть где ракетный окислитель выпускают по сей день. У нас же жидкий на жидком топливе, по сей день мы запускаем ракеты. И вот это выпускают на 7-м заводе. Нас конкретно готовили вот к нему, к пуску 7-го завода, нашу группу. Она одна была. Там были лаборанты, химики там были, машинисты, операторы, ну в общем большой этот набор был. И я вот сюда вот

попал. Они уже учились. Учились. Поэтому я приехал, ну этот директор учкомбината такой, который… Ну неординарное такое лицо у него, шрам такой. Ну, короче, типа полублатной. Не блатной. И мы с ним, короче, договорились. Он говорит: «У тебя все нормально там, с документами». Я говорю: «Все нормально». Ну все ему объяснил, почему это не в армии и прочее-прочее. «Ну давай, давай». Они уже занимаются две недели. «Давай!» В общем я им понравился по какой-то причине. Все, я и… А сблатовали меня сюда такие крупные товарищи. Березин Витька такой был, строен хоккеист, и Маркелов Виктор. Витя Маркелов. Этот вообще, и у него по всему, по всем видам спорта был первый разряд. Первый разряд. Витя, его-то и Витька, а второй Витька, приходят ко мне в депо. «Володя, ты чего это? Поехали вот на… в Ангарск. Квартиру, явно, дадут. И это, и потом – работа…» Они-то без работы, оба из армии пришли в общем-то. Ну, короче, я здесь приезжаю, пошел. Ну, договорились на завтра. Едем на электричке в Ангарск. Ну я, естественно, как этот, просыпаю, не еду, а надо было там что-то около 7-ми часов утра ехать. Короче, я не поехал. Еду на завтра, назавтра еду, иду в поликлинику АНХК, значит, ну тогда вот комбинат 16 называлось, номер 16. Иду и встречаю их, они идут с комиссии уже. Говорят: «Володя, все, нас бортанули. И Витьку бортанули, и этого, и второго Витьку Маркела. А Витя Маркелов, я тебе говорю, вот в «Локомотиве» это звезда была. Ну и я там немножко ошивался, играл с ними. Ну из-за этой квартиры вот поехал сюда. Раз они поехали, и я с… поехал, естественно. У одного нашли, что-то весеннее, апрель же месяц. Ну и что, ну какая-то сыпь высыпала – да, строгая была комиссия. А у другого – шов, у Витьки Маркелова шов какой-то старый. Тоже нельзя. Вишь, для завода, этого химзавода, нельзя было. Окислитель, а у него очень большая проницаемость, он на кожу попал, он уже – ты не успеешь смыть, он уже «ушел» в кровь. Очень проницаемый. И сразу же на печень. Такое профессиональное заболевание это было. Вот кто даже отслужил на ГСМ, на службе даже, ну если попадал под это дело, то тоже становился калекой. Ну, я думаю, ну надо дойти уж, раз зашел. Пошел. Потому что я уже с директором договорился, неудобно, обязательный человек в то время. Пошел. Все нормально. Прошел комиссию, все, на занятия. И вот я остался здесь. Ну правда, мне сразу, через некоторое время, дали, значит, комнату на подселении в 3-х-комнатной квартире. А я уже женился. Раз в армию не пошел, я женился. А не… а почему в армию не попал? Это же моя мечта. Я плакал, когда меня не взяли. Я же во флот… Полковник был такой Тарасенко, Лени… Тарасенко Ленинского района. Он плевался, когда узнал, что Москаленко нельзя брать в армию. А я без задней

мысли, они – тем более. Раз брат служит, мать-то, мать-то не работающая, и она на моем иждивении. Меня не берут. Вот в чем дело. А тогда три года служили. Вишь, я к нему съездил на службу в Читу, встретился. Ребята все там с «Локомотива», все игроки. А у них спортрота. Там Вовка Гусев, ну все знакомые. И с Первого Иркутска, со Второго. Короче, они говорят: «Да ты что, дурак, ну, и не ходи, ты что, ну что!» Но они-то не понимают флотскую душу. Душа-то морская. Я же всю жизнь это… мечтал, делал, ездил, работал в этой области. И он меня, главное, этот Тарасенко к себе забрал даже временно. Ну, видит, подчерк красивый. А слу.. это началась, когда приемная комиссия-то работать… им надо какого-то чиновника же отправлять с паровозного депо, брать, оплачивать там или что. А здесь пацан – что нам? 18 лет. Они меня раз… И я сидел в комиссии этой, писал эти… как они назывались… ну короче, карточки заводил, кому куда идти, списывал. Вот такая это ерунда получалась. И все, я начал здесь работать, в смысле, кончил этот учебный комбинат… Ну это я не знаю, можно это рассказывать, нет? Короче, на 7-й завод я не попадаю по одной элементарной причине. Ввиду того, что все закрытое, ну тем более этот уже в то время завод, и топливо никто даже не знал. А тут вдруг это… Выходит учитель из этого, из класса, в учкомбинате, ну так как я старый этот, писарь, я раз, подхожу, стол открытый. Физичка была. По физике. Я себе беру и ставлю четверочку. А тут я уже шлялся везде, то есть в смысле… в смысле очень мало времени отдавал учебе. Короче, ставлю и еще кричу: «Еще кому?» Там другой, там… Тому – ага. Ну я нескольким человекам поставил, какие им надо оценки, ну под этого…. кошу под этого... журнал же в наших руках. И все, и все замолкает. И вдруг меня выби… к директору вызывают, тут и физичка, все, педсовет. «Как ты посмел?»

– *Кто-то стукнул?*

– Ну естественно. Я говорю: «Да не может быть». Вот впервые стал врать. Но дело-то серьезное. «Не может быть!» Вот подымается этот Петров, имя забыл, Петров: «Это я сказал». Я говорю: «Всё понятно. Всё, я виноват». Не спорил, ничего. Но они меня, чтобы меня не терять, не терять... Ну я проучился весь г… ну… ну месяцев семь или восемь проучился. Они меня раз это, отчисляют, потому что восьмерка не попадает, потому что я не… ненадежный товарищ, видишь я… что себе позволил. То есть я… Они меня отчисляют на НПЗ. Иркутский НП, он назывался Иркутский НПЗ тогда. Все на нем были в основном с Иркутска работники. Особенно с аэропорта иркутского. Много мастеров. Ну завод это, завод-то еще не пускается – ничего нету. Я зимой всю зиму с солдатами и с мон-

тажниками с СибМА ставлю шкафы под КИП, у костра греемся. Это 59-й год. Зима 59-го. Греемся у костра, план там мне суют подкурить, как сейчас вот наркотики. Ну я себя надежно чувствовал. «Ну давай, – говорю, – интересно попробовать». Попробовал – ничего не дает. Ни голова не болит, ни… Короче, с этим покончено. [нрзб] костра эти чурки, эти солдаты-то в основном… Они-то все это… А я лучше пойду шкаф поставлю. Короче, я там дослу… Быстро это НПЗ пускается, в 60-м году. Я уже там старший приборист, мне дают уже четвертый разряд. Выпустили меня по третьему. Четвертый разряд, приборист, я уже старший приборист. «Семерка» пустилась вот этот завод, и оттуда все ребята, один за одним ко мне. А я уже не старший приборист. В общем 30 человек, большая [нрзб]. От… от парков обслуживали – битумная установка, 75-я тоже на «военку» работала, 75-я, ГФУ, газофракционирующая установка, [нрзб], ну в общем, целый куст. В общем, тридцать. Больше тридцати человек, да практиканты еще. Мастер у меня такой был, с Иркутска. «Вова, – звонит, – Вова, как там работа?». Я говорю: «Да все отлично, все нормально, Олег Михайл… Олег Семенович». – «Ну я не приеду, я…» – «Да не приезжай». Я уже всех расставил там, кому куда идти, с кого что спросить. Короче, вот так я работаю, и эти ребята возвращаются, которые уже с печенью – на них при ремонте попало. Там клапан снимают, брызнуло, понимаешь. Короче, здесь-то брызнула нефть, ничего страшного, а там-то, видишь, гадость. Короче, как сейчас называют, ангелы… Ангел-хранитель, да?, спас. А я, видишь, по сей день… Они поумирали уже все. Да такие ребята, все из деревень были, здоровые, с армии. С армии и с деревень. Видишь, прием-то какой был. Шов там – не берем, сыпь какая-то… Их только-только выбирают, они все были здоровые, все с армии, с флота. И… А все погибли от этой херни. Селезнев, я помню, Бочков этот… А этот парень, Петров, и его, и его, и его ко мне присылают. Тут вообще хохма. Он высокий, худой такой. Ну чего, я не злопамятный человек, ну я бы так сделал. Член партии он был, вишь. Ну нельзя было. Я: «Ну давай работать будем». Дежурным мы его поставили. Он дежурным бродил. Но потом уволился, что-то приболел. Ну короче, они все «залетели» там. Потом прислали еще 30 человек с этого… с Урала ребят. Тоже с ремеслухи киповцев. Они тоже как начали тут дохнуть. Один остался, вот я его встречал года три назад один там. Все готовы, поумирали уже, а кто убежал назад. Три года отработали, – тогда надо было отработать. Надо было бежать. Короче, эта «семерка»-то многих погубила. Вова Рац – такой здоровый парень был, боксер. Но это не… Че мы хо… Так, давай конкретней.

– А вот как началась война вот? Ну то есть как вы узнали о том, что она началась?

– Как началась война, я этот эпизод не запомнил. Я только вот проводы отца. Война началась она 22 июня, да. А мы его, значит, в сентябре. Ночью было уже холодновато. А мы его… в сентябре его провожали на фронт. И всех этих работников железной дороги через три месяца вышел приказ – вернуть. Вначале-то их всех чохом начали забирать. Мой отец был машинист парового крана. Парового крана – знаете, что такое? То есть тот же этот пар… паровоз, только маленький, и он грузил уголь на… на тендер к этим, паровозам. Ну, ковшик уже вот такой, получше, напролом брался. А так была вот такая бадья огромная, человек 16 с лопатами, нагребая, подымали. Это не паровой, а такой был.

– Тогда почему его не отозвали?

– Кого далеко отправили: все это Сидорова вот, Фролова вот, Москаленко, Ежевич. Их не вернули. Вернули только часть, которые еще здесь были. Призвали. Но и не всех же призвали.

– Запасные полки там были, да, или что?

– Да, вот тут они, начиная от Мальты, тренировались, бегали. Ополченцы их называли. Вот, ополченцы. После них мы находили вилки и ножи, все там, они зимой лазят там везде, а летом уже смотришь, там лежит то, то, то. Ну оружия не было, конечно, за оружие-то строго, конечно, было, а такую обиходную вещи они теряли. Перчатки там, допустим. И, короче, его… его тоже, он не был отозван. Потому что, вишь, далеко уже уехал. В общем, он оказался под Смоленском. Через год, нет, через год, через 11 месяцев его убили. А рота, значит, рота автоматчиков называлась. Это не значит, что с автоматами. Я-то считал пацаном, что это с автоматами, а тут узнаю: автоматчики – это при штабе рота, ну, которую посылали куда надо. Туда – там подкрепить надо, пробрались немцы, допустим. Там надо прикрыть то-то там. Ну а когда все тихо, они выполняли роль, значит, посыльных там, ну донесение там отнести. Ну такое вот. Вот полк называются – автоматчики. Я-то думал – рота, вооруженная автоматом. А они вот эти, то есть запасная рота, короче, которая при штабе торчала, куда надо посылалась.

– А каким был военный Иркутск?

– Военный?

– Да, вот в войну каким был Иркутск?

– Ну тут я могу рассказать, конечно, страшное. Бандитов было – туча. Вот эти магазины – вот второй вот номер, там была, называлась «канавка». Там была канава вот перед женской гимназией. Ну все магазины, все магазины грабились. Грабились, вплоть

до… на машине, грузовики подъезжали, обычно не менее четырех человек. Все вооружены. И вот этот гарнизон, который стоял, он только и занимался вылавливанием. Но заодно бандитов и заодно этих дезертиров. Грабеж был страшный, даже у нас все украли. Уже казалось там, жена красноармейца, да?, дети, и все равно, кур, помню, всех украли. То есть народ был нехороший. Строгости были большие. Я говорю, стрельба.

– *И справиться с ними не могли?*

– Гарнизон торчал все время! А когда эти поехали, рокоссовцы, это вообще страшно было. Рокоссовцы на… поехали на японский фронт. Их же не допустили на Берлин-то идти. Их сняли где-то в Белоруссии примерно, развернули и всю армию Рокоссовского сюда. Там они в Европе уже не были... Они уже здесь ехали, это тоже отпетые бандиты. Увешанные всеми, вот как вот в фильме показывают там… махновцев там… Ордена там у них, все. Пушки разворачивали, осмелели все пушки разворачивать, стрелять по… по гарнизону. Эти все были вооружены автоматами, правда, гарнизонщики. Грабили вот эти киоски все, переворачивали сразу. «Зеленый шум» назывались киоски, деревянные. Точки. Вплоть до алкоголя продавалось на разлив. Все переворачивалось. Потом уже этот гарнизон. Их не стали выпускать. Прямо эту вот площадь всю в кольцо брали и не пускали даже, чтобы они не могли до станции дойти Иркутской. Потому и прямо они вот, уезжая, вонища, они же прямо гадили под себя. Вообще безобразно. А пускать их нельзя: они начинали здесь… Женщин ловили. Вот мать моя табак сеяла и уже боялась, и отправляла меня, пацаненка. Ну, пять лет, четыре, ну, шесть… И они… они однажды меня заставили плясать на пузе. Я табак продавал. Мать… мать солила, а я его рубил. Силы не хватало, подпрыгиваешь – хр-р, такая машинка была специальная. Не знаете? Четыре там ножа. Подсовываешь. Такая же гильотинка, короче, и – чик! чик! Это стебель, лист–то легко, а стебель-то бывает прочный. Самосад. Вот к эшелонам и носилось. Но потом вот их не стали выпускать, а пацанов пропускали к ним. Табак там или кто, кто что там тащит-то. А вот эти вот гарнизоны, – если бы гарнизона не было, вообще не знаю, невозможно было бы. Грабили, прямо на грузовике едут, на… приезжают, стреляют – вооружены все, бандиты, которые грабили магазины. Долго.

– *Долго продолжалось? После войны продолжалось?*

– После войны вот, пока их не вывели, этот гарнизон отсюда не ушел. А так вот тоже вот тут сняли гарнизон, осталась только милиция.

– А вот немецкие самолеты, они до Иркутска вообще долетали или нет?

– Нет. Никогда.

– То есть не было такого чтобы…

– Нет. Было что? Была светомаскировка. И вот с производства выделялись люди. И вот они ходили, и вот керосиновая лампа, а у тебя, допустим, ставня чуть-чуть приоткрыта. Керосиновая семилинейная лампа, ну она и так еле светит. И сразу, блядь, стучат: «Погасите свет!». Хотя самолета ни одного… Ну было строго, все было, все строго, ужас.

– Но комендантского часа-то не было, наверно, да? Все-таки?

– Нет, не было. Потому что комендантского часа, видать, из-за паровозников. Они же в поездку ночью… Нападали на этих вот паровозников. «Железная шарманка» называлась, где была пища у них, с собой они брали. Вот это отбирали. Даже пищу отбирали. Короче, сколько я помню, страшно. Так же эти дублирование вот этих, этих… «Кошка…» эта, как она, фильм-то этот…

– «Черная кошка»?

– Да! Так же расписывались, все это фигурировало, было в печати все время. То есть все копировалось. Как в Москве – так и здесь. А этих дезертиров – тьма была, ну и бандитов – тьма. Они… они же сразу и дезертиры, они и бандиты. Потому что доступ был и к технике, и к оружию. Людей убивали. Убивали людей. Я вот дорасскажу насчет этих, эшелонах, когда «рокоссовцы». Ну возле женщин крутишься, смотришь, – такую (называют фамилию, называют) сбросили с Иркутского моста, сбросили. Ловили баб, ну насиловали, естественно. Ну и твари, настоящие твари. Ну это бутылку с… с известью затолкают там, представляешь. Там так так-то страшная боль, ну во влагалище в смысле. Вот такой гадостью занимались, да еще и сбрасывали. Я помню, ну я возле женщин крутился же. Мать всегда гнала: «Иди отсюда, занимайся мужским делом. Ты так, сынок, подслушиваешь вот такие вещи». Даже знакомые попадали вот. Я помню, что сбросили с Иркутского моста. Но там смотришь – бутылку затолкали. Не знаю, разбили или нет, или так затолкали. Она же… Раньше тогда карбит был, мы пацанами тоже занимались. Карбит, известь, чтобы бутылка там взорвалась. Занимались всякой дуростью… Да все было как… Как большие делали, так и мы делали…

– А вот День Победы как вы встречали вот?

– Вот смотри. Это железно мне было восемь... Так, 45-ый… Ну семь, да, семь лет. Я тебе говорю, старший брат... Мы еще с матерью лежим в постели. Закрыты ставни там. Он прибегает, стучит.

А мы напугались даже, ну в то время, естественно, спросонья. Еще темно. Стучит. Мама: «Что такое, что?» Мать там со слезами: «Что такое, сынок, что?» Я думаю: «Что-нибудь случилось» – «Война кончилась! Война кончилась!». Нас даже со школы отпустили. То есть даже не знали: радио не было, света не было. Все это после войны начало делать, благодаря ГЭС. Вот… вот такое праздничное было. Война кончилась, радость необыкновенная…

– *Но вот парады тогда вот, демонстрация. Вот это было в Иркутске?*

– Ну не могу сказать. Если и было, то я, конечно, там был бы. Ну был, конечно, я. Но я не помню, потому что все это наложилось друг на друга. Потом не знаешь, куда идти… Или… или сюда, на Авиационный завод бежать. Тут тоже всякие торжества были. Или туда ехать на Центральный… площадь Кирова ехать.

– *Еще такой вопрос. Как изменился климат, заметили ли Вы это?*

– Очень заметил. Я… я вот сейчас не помню, или в 14 лет… я… ружье купил в магазине, или 16 мне исполнилось. Вот не могу, вот надо было бы узнать – продавали ли в то время? Мне кажется, что в 14. Ружье. Одностволка, ИЖ шестая… ИЖ-12 была. Одностволка мощная. И вот… А здесь провели… вот этот всю пойму Иркута. И ее провели, мелиорацию, осушили. И вот здесь столько утки было, вальдшнепа. И вот я не знаю, или в 14 лет я, или уже 16 мне было. Я был на охоте ночью. Чуть не выстрелил на звук. Хотя сдавал минимум, сдавал минимум, в охотном деле было написано, что ни в коем случае нельзя стрелять в не видимую хорошо цель. Даже утка, указывалось, пока ты не увидишь перышки, какая она, коричневая там, серая, не имеешь права стрелять, то есть только по четко выраженной этой цели. Ну и тут я ползу по этому, ну где-то вот, где сейчас железнодорожные мосты, вот это вот здесь, только на болоте в сторону сюда… Ну крякает и крякает, а я не вижу. А темнеет быстро же осенью. Вот не вижу и ползу-ползу, ползу-ползу. Ну потому что решил это… Блядь, ну вот крякает. И раз вот это, мужик подымается, идет. Ни хрена себе с ним мучит… Он падла – кря, кря. А я то его не вижу, я издалека приполз. Падла! Вот тут-то я врубился. Ничего, сейчас бы ты замочил… Конечно бы, я скрывался, я бы не признался, но тем не менее. Не хрена… Вот это случай так случай! Но с тех пор я это – только по видимой цели. Вот такой случай был. Мелиорацию провели – утка это, утка сразу ушла, потому здесь все заливалось. Провели несколько, года два что-то пытались вспахать. Один… Хлеба-то не родится. Да это же болото, оно не дает ничего. А рыба была. Вот где они прорыли эти канавы, мы от себя сдернули штаны там или рубаху… И гольяны вот такие жирные, вкусные.

– А в то время, как вы жили в Иркутске, у вас было желание уехать из города вообще как бы? Или вы город любили и хотели в нем остаться вот?

– Никогда желания не было уехать, даже пацаном. Вообще из Иркутска уехать. Мне очень здесь все нравилось. Я пацан пацаном уже ездил на газогенераторной машине, меня взял один товарищ, который… они вот из Глубокой. Глубокую знаете, где там? Ну 84-ый, 88-ой километр, ну вот по Култукскому тракту. Тогда не было там асфальта, и он, как бычок пописал, так и такая дорога была. Мы на газогенераторной… А я бегал, воду подливал, только радиатор с первой же лужи попавшейся. И чурочки там березовые подсыпал. Он скажет там: «Кинешь десять штук». Я там чик-чик-чик. И опять к нему в кабину. Так что на этой газогенераторной впервые я увидел пацаном, когда идет вот эта… студебеккер. Студебеккер трехмостовый, может, знаете? Студебеккер. Вот он мимо нас – фыр. А мы в эту… в эти горы лезем, лезем. Вот я раза три я выпрыгивал, радиатор кипит, подливал... И водитель говорил: «Вот, вот это, мол, Вовка, вот это машина!» Ну на этом… на студебеккере. А потом я уже в депо поехал, за елкой поехал. Действительно, метровый снег идет! Хотя не должен идти там, не должен, а он идет, падла. И резина там это не без «грунтозацепов», ничего. Мы… мы такой в лес влезли в такой – пускай заметровый, ну может, высунется солнце. Он идет. Вот такая машина. Ну вот мы ездили. А это… а это мы… он возил эту. Ну, кооператив был по сбору ягод и шишек. Там и были ягоды, и шишки. А вот как ты спрашиваешь, что – желания никогда не было. Потому что, видишь, я на Байкал все время мотался. Ангару вот эту видел, где косари. И ну короче, в округе я везде был. В округе здесь. Вот по Ушаковке тоже был, вот Добролет – в Добролете был. Пацаном мотался везде. Где куда не… Куда возможность была уехать на чем-то… Короче, сам себе предоставленный был. И раз двоих мужиков с собой парней, с собой взял, и возвращаемся, идем, а там нас уже ждут – их мамы и папы. И моя мать сидит. Она соскакивает с этих… для вновь строящегося дома бревна. Они как соскакивают и ко мне. Ну, думали, что я их увел и кончил. А я… что-то мы там дня три прошли… Ну, у меня ружье уже было. Вот почему я думаю, что мне в 14 лет удалось его купить в магазине.

– А были вы еще где-нибудь, кроме Иркутска, вот в других городах?

– А вот когда… Так как я был, это, шустрый парень оказался, очень хорошо там быстро продвинулся на… на Иркутском НПЗ. И когда в 60-м году в конце образовался иркутский совнархоз, и там

директора этого нашего завода раз – сюда в совнархоз перевели. А оттуда… оттуда они начали объединяться с Ангарским нефтехимическим комбинатом, комбинат-16 был, директор был Радченко. Они объединились и побел… и все специалисты поперли оттуда на НПЗ на Иркутский. Они встали к… начальник цеха – он своих людей, естественно. Мастера туда такого-то он взял, он там, свои у него ребята есть. Короче, пятый разряд у меня, да, ну я терпел, шестой не дают. Уже смотрю, принимают нам на шести… на трехмиллионку уже принимают другого, хотя я должен, я уже перейти туда был. Там шестой разряд. Ну короче, я успеваю что? Хрущевская оттепель – я еду за границу туристом. Значит, еду куда? Один раз, два, три. В Венгрии был, в Греции был, потом в Кению собрался. В Кению прие… это, приехал в Москву. С Кении нас в Одессу. В Одессе там есть такой бульвар, называется Приморский. 11-й – номер гостиницы. Там нас еще неделю держат. Вместо Кении (там какой-то путч) – нам круиз по… по Европе, по Средиземному морю. Короче, я поехал. Пока ехали, в Греции путч образовался. Эти полковники черные, может, помнишь? «Черные полковники» назывались. Ну, полковничий заговор. Ну это уже, я уже был там. А они, только я… мы выехали, там он организовался. Короче, Египет – это Луксор, Асуанская плотина, Порт-Саид – это… здесь. Надо было в Бейрут, в Бейруте там своя война. Это же бывшее капэ… [нрзб] европейское, как у них в Бразилии было. И здесь: банки там все, по сей день не могут же оправиться. Вот так и сейчас и идет. Не Ливия, а в Ливане. Так и по сей день же там, все кончено, товарищи там. Так оно и не может восстановиться. Ну вот в этих странах был. Когда я там был, понял, что делать вообще за границей нашим, рабочим, трудящимся, делать там нехрен, смотреть нечего. Смотреть нечего. Та же нищета. Вот там Насер был этот в Египте в этот момент. Вот также эти хрущебы – хрущевского типа дома, также эти гетто. Народу. Без квартир. В европейский квартал въехал – там, конечно, порядок. Ну и так же, как у нас на Рублевке, там сейчас идет. Даже в наш, вот в Иркутск въедь, где коттеджи у нас. Там другой мир. А рабочие-то так и ютятся. Короче, нищета больше, чем у нас. Потом, если едешь, надо иметь хотя бы не фотокамеру, а настоящую кинокамеру. Можно было сдавать эти пленки сюда, на телевидение, что и некоторые сделали сразу, которые были вот с аэропорта с Иркутского. А у нас на это и денег-то не было. Мне и то дали фотоаппарат, назывался он «Гелиос-44». С фотообъективом. И то профсоюзный. «Зенит». И вот я им наснимал там, что-то 42 пленки всего. Но с меня попросили: «Дай-ка, Володя, их сюда, надо их показать всему, значит, комбинату» Ну, я выбрал, естест-

венно, лучшие, и отдал, ну и по сей день их нет. Потому что там было все, съемки-то всякие. «Гелиос» – это ерунда, оказался, а вот этот «Индустар»-50, по-моему, – тут более четкие такие снимки. А вот этот «Гелиос» – ну мутновато все. Хоть он это… сориентировать, приблизить, то-се. Ну вот. Как только съездил, все это понял, – и мне даже по СССР не захотелось ездить. Поехал в Ригу. Думаю, или в Питер, думаю, заеду. Нет, я в Питер еще успею. В Ригу съездил, походил, вернулся – скорее на завод. Работа, работа, работа, работа. Отдых – здесь.

– Каков Иркутск по сравнению с другими городами вот?

– Ну есть города, они просто как города. Но у них нет таких предприятий, как у нас. Все-таки какая-то гордость была: Авиационный завод, Восточно-Сибирская железная дорога. Она всегда в передовиках была, как ни странно, ну всегда в тройку, пятерку входила порядочных дорог. Ну и все были… Здесь строилось много чего. Видишь, благодаря энергетике тут сразу появилось у нас, электровозы и прочее. Вот довольно развивалось хорошо. А другие города, ну чего там возьмем? Ну Томск, допустим, берем. Старый город там то се. Но там одни учере… эти учебные заведения. Потом стало вот немножко. Спутники-города, как пошли, как у нас квартал. Ну где с ядром что-то было связано. А так – студенческий город. Молодежь одна. Ну, это хорошо, конечно. Специалистов навыпускали много, для космических исследований много оттуда ребят вышло. В лаборатории там. Во многих лабораториях работают выпускники. Ну это, ну это хорошие города, приятные. Но есть-то вообще безобразные, особенно на… по Уралу если проехать. Вот я был в этом Семипалатинске был… Во Фрунзе был. Казалось бы, Грузия… а это Киргизия, да? Но там они для своих республик так пускали, для своего города, для своей столицы. Дело, уже в то время красиво все было. Все это было в 60-х годах. Я туда мотался.

– А любимые места вот в Иркутске у вас есть?

– Любимые? Сейчас?

– В детстве у вас любимые места в Иркутске были?..

– Вот летом только район Каи и Иркута. Потому что приходилось купаться. В бане не было, отца не было. Значит, в баню не пускали пацанов. Значит, матери приходилось просить мужиков каких-нибудь, что «Возьмите, посмотрите, чтоб мой не ошпарился». Потому что там краны были такие, все это больше ста градусов, оттуда кипяток лился. Все это в безобразном состоянии, огромное такое. Таз ставишь. Тут с тазом-то с пустым… Короче, это лето наступало, никакой бани. Мать говорит: «Вот мыло, хоть

возьмите да вымойтесь там». Все. Вот любимое дело – купание. Купание. Черемуха поспела – значит черемуху и... Черемухи было море. Все дальше вот эти острова все были в черемухе. И вот когда «Тарзана» этого посмотрели мы, по этим черемухам… Так же орали, прыгали, падали. И курить начали только из-за того… Вот я когда еще даже это… самосад продавал, – я не курил. А тут уже пришлось курить, потому что как только влажность – комаров туча. А одежды-то нету, когда близко городских нету, девчонок там и прочее – голые. А когда уже нужно искупаться, и вдруг там девчонки или женщины, майку натягиваешь вот сюда, а здесь – булавку. Застегнул и пошел. Вот такая вот… Булавка – я все боялся, что в мошонку ткнет вот так, расстегнется… Поэтому булавки выбирались хорошие.

– А сейчас в Иркутске у вас есть любимые места какие-нибудь?

– Ну, вообще-то, я люблю все, конечно. Ну нет у меня отвратительных мест. Везде мне хорошо. Ну, везде хорошо, ну, около моря, около залива, естественно, приятно. Вот я сейчас работаю, там 8,5 километр Байкальского тракта, я в любой момент могу съездить, даже в Листвянку съездить. По Байкальскому тракту 8,5 км. 8,5 – да, это Байкальского тракта, он называется Байкальским. В Листвянке. Ну делать нечего – я взял, сел и поехал. Машина под боком. Раз и смотал, или как кто-нибудь попросит. Хотел сказать, какая-нибудь попросит… Вот так. Нормально. Мне нравится. Везде нравится. В ресторации сейчас, конечно, нет. Раньше я любил в ресторации быть. Вон в Ангарске был. Как люди без ресторана живут? И копейка была – любил. Любил покушать. То есть голодное детство сказалось. Сейчас я что хочу, то и покупаю. Ну так относительно, конечно. Красной икры там сейчас уже не приходится в последнее время. Ну, а работал когда на СМУ-70, покупал банками – 500 рублей стоит.

– Спасибо огромное, Владимир Георгиевич!

Интервью
с Ниной Васильевной Бахтиной
(1939 год рождения)

– Скажите, пожалуйста, где вы родились, и если не в Иркутске, то как вы попали в Иркутск?

– Так, родилась я в Усть-Ордынском округе, Эхерит-Булагатский район. Значит, там встретились моя мама, Неручик Таисия Евстафьевна, которая была выслана вслед за отцом и братом с Украины где-то в тридцатых годах. А потом, когда …ммм… их на поселение уже, деда, Неручек Евстафия Петровича, и брата ее старшего поселили там, в Бозое.

Ну вот. А из Абакана, из... в Минусинске выслали моего отца, ну тоже отца, полностью их семью. У него вот мой дед был это… ммм… Ну, его вместе с двумя вот сыновьями выслали вот сюда в Иркутскую область. Сначала они там в Слюдянке были, ну, короче, потом тоже оказались там, в Бозое. И вот, когда наступил 38-й… Ну, отец предлагал это, начиная где-то с 33-его года, они уже там как бы вместе были, но еще раздельно жили, а когда наступил 38-й год, вот этого деда, которого с Украины отправили, и брата старшего опять взяли как врагов народа. А …ммм… у мамы – мама моя была средняя – и еще был младший брат, то есть их было трое в семье. Ну, короче, они опять остались втроем: это бабушка, мама и это мой дядя, Михаил Евстафьевич. И вот они значит, когда это, ну там все вместе еще были, вот этого дядю учили еще в Усть-Орде, он еще закончил 10 классов и поступил в 38-м году в это… в университет на физмат. ммм... Но тут грянул 38-й год, их опять забрали. Это уже потом я установила, где их могилы, где они похоронены, ну просто. Про деда сказали, что он сразу через неделю буквально… Я восстанавливалась потом, у меня есть свидетельство, что я реабилитирована, как это… на спецпоселении родившаяся…ммм… Ну, в общем вот так вот.

Этот дядя Миша пошел учиться, а кому учить-то? Уже некому … ммм.... Ну, и остались опять бабушка с матерью, а когда оттуда, с Украины, сначала отца, то есть деда… Они год одни там жили, потом у них там приключился пожар, и их опять… вслед за ними стали высылать. И вот тут опять такая история, что они снова одни остались, ну и вот, отец там стал опять предлагать свои руку и сердце матери, ну и мамка согласилась, хотя ей еще с Украины, этот…(я громко наверно говорю) парень-то писал несколько лет, звал ее туда, она говорит: «Я без мамы не поеду». Ну и вот так они попали в этот Эхерит-Булагатский район, поселок Бозой.

А родилась я в 39-м году. Мать в то время пошла работать телятницей и это уже на седьмом месяце, ну ходила беременная, и надо было ей поехать за водой с бочкой. Ну, а тогда бочки такие были, лошадь запрягали, и она, эта лошадь, ну, когда заехала (там, видать, река, не знаю какая), заехала лошадь, у ней там что-то соскочило и она сгоряча эту бочку и подхватила, ну а потом ночью все промучилась, короче, я там и родилась, семимесячной. И вот это сказывается мне всю жизнь: я везде опаздываю. Я сегодня боялась опоздать. Ну, в общем, потом родился в 41-м году брат. Вот так вот сложилась семья. Папа был по фамилии Свистунов, Василий Степанович, а маму Таисия звали, бабушку – Ульяна. Вот баба Уля меня и выходила. Говорит: «Ты была, как рукавичка». В общем, она меня там на печке… ну, а жили где это Петушки так называемые. Не сейчас, где это там колония Бозой женская, а видимо, еще какой-то хуторок или что-то там такое было. Ну, в общем, уже с этих мужиков толку нету, тут началась война, в декабре 41-го родился брат Степан. ..ммм... Ну, а это в Балаганском районе стали организовывать колонию – нужен отчетник. Папа там тоже не шибко на начальницких работах, так где-то по растениеводству, со скотом, в общем, вот так вот. Ну и ему этот зоотехник Брянский предложил, мол, поехали. Ну, вот я помню, что мы это… первый раз через Иркутск я проехала на машине, когда въехали с Бозоя в этот Берит. А этот Берит, в эту колонию, она была совхоз «Золотопродснаб». Мы ехали на машине от Иркутска. Ну, видимо, по тракту, переехали этот мост по Московскому тракту, который стоит, Московский-то этот на левом берегу, а Александровский тракт здесь, по правому берегу. Ну, вот и мы, значит, приехали. Мы стали там жить. Папа работал там с этим.. Там заключенные в колонию построили эту колонию. В колонии все были очень такие, ну, все вот так же: кого как врагов народа это… репрессированными взяли. Ну это был 43-й год, наверно. Долго, да?

– *Нет, нет.*

– Ну и вот там, значит, стали жить. Отец работал то бригадиром этих полеводческих бригад, которых, ну заключенных на поля выводили, то зав.. как это завскладом или как ли еще. Ну, короче, вот такие вот работы. Я закончила там четыре класса, то есть четыре класса… там была только четырехлетка. Ну в этой колонии однажды я с турника упала, мама меня повела в эту колонию. Так там как город: у них там и цветники были разбиты, и медсанчасть. У нас даже врач был на две деревни один… ммм. Ну и вот и это… Четыре класса там закончила, а пятый, шестой, седьмой надо было уже за двенадцать километров. Мы неделю там жили, учились.

Это… Учителя вот до сих пор помню, как у нас учителя были, ну а мы, значит, в субботу уходили со школы. Это был… три было: Гомель, Пятилетка, Тарнополь – тоже были сосланные все из Белоруссии в основном и Украины. Вот они, значит, так разделялись. Тарнополь и Гомель – это были из Белоруссии, Пятилетка-то в основном, видимо, украинцы. Вот это как их кулаки, или кто ли там они такие числились. Ну вот три. Семь классов я закончила там. А брат уже закончил здесь в Берите, когда Сталин умер в 53-м году. В 53-м же? Эту колонию… тут же сразу же амнистия прошла, эту колонию разбомбили, а до этого колонисты, эти бригады-то заключенных работали, и все, что они там нарастили: картошка, мясо, молоко (молоканка была большая), – все на барже сплавляли в Бодайбо по Ангаре. Еще ни Иркутской ГЭС не было, ни Братской ГЭС не было – все туда возили. Только вот пароходы ходили. Вот этот ледокол, который стоит сейчас в Солнечном, музей там… ммм… Ну вот. Потом семь классов закончила. У нас был учитель математики, Моисеенко Иван Михайлович, он был летчик-испытатель, ну на этом, истребителе, потому что в пятом классе нас учила Анна Иосифовна по арифметике. Я вот правила, которые она нас учила, и вообще все учителя были приезжие. По литературе, по русскому, по геометрии, по физике – все были очень сильные учителя. И вот, но особенно по арифметике. Она была уже в возрасте, где-то так за 50. И вот она каждое правило по арифметике, особенно действия с обыкновенными дробями, с десятичными дробями, она с каждого, пока как от стенки горох не отскакивало, она… Ну, вот как-то математика мне давалась хорошо. Ну, там же от родителей все. Бывало, родители соберут котомку и… ну, вот, в общем, училась я хорошо. Без троек. А еще особенно по русскому была Ольга Аполлоновна, если, мол, хотите хорошие оценки, то учите правила. А жили мы на квартирах. Вот жили мы у Кузмичевых. Нас, наверно, человека четыре было. Спали на русской печке там иногда. Ну, в общем, на эту печку заберешься и эти правила учишь, учишь, учишь. Ну вот, ну ладно.

– А в Иркутск вы как потом попали?

– Ну, хорошо. Потом, значит, восьмой я училась уже в Балаганске. Балаганск – это был районный центр. Восьмой класс там закончила. За 60 километров. Теперь девятый-десятый в Коновалово – это за 18 километров. Ну, короче, 10 классов кончили. Тут началось строительство Шелеховского Алюминиевого завода. Мы все с ума посходили. «Советскую молодежь» читали. Я была профоргом. Ой, поедем на стройку, поедем на стройку. Там из Орла едут, из … едут. Там только и печатают в этой газете «Советская

молодежь». Ну, мы тоже. Я написала, что поедем тоже на строительство шелеховского завода. Ну, вот. А выпускной вечер прошел у нас. Ну, отовсюду с деревень были ребята-то, класс был. Вот, помню, Галя Школянкова, у ней старшие братья были, он работал физлектором в обществе «Знание», сестра, она хотела быть агрономом. Ну и когда мы этот выпускной-то класс закончили, со мной-то этот выпускной класс закончила, а что же нас родители учили до 10-го класса, чтоб мы на стройку поехали, они, когда все разъехались, они по одному они нас обработали: никто, конечно, на стройку не поехал. Просто мне вот сейчас брат говорит, что типа это собиралась там строить, а теперь я, мол, всю жизнь (он в Шелехове живет) за тебя, мол строю. Теперь вот он там в Шелехово на этом же заводе и работает. А в Иркутск как попала… Ну, когда кончила 10 классов, мы все… Ну зачем мы тогда учились? Родители же учили, мол, идите учитесь дальше. Это 57-й год был. Ну куда? Мне математика как-то хорошо была, меня учителя привлекали, особенно вот когда 9-й, 10-й класс. Ну, в начальных классах там поведи, мол, уроки, пионервожатой или еще что-то. Короче, я и пошла в это в пединститут на Желябова. Вот здесь на Желябова был физмат, а историко-филологический был на Набережной, где сейчас там университет. Вот так вот учились. У нас была классификация: математика и черчение. Ну, в студенческие годы, куда только ни записывалась. У меня была мечта научиться играть на аккордеоне, потому что когда вот это жили мы там в Берите, заключенные всегда концерты устраивали: к каждому празднику было либо театральное представление, либо концерт. Вот одна женщина играла на аккордеоне на трофейном. У меня настолько это запало вот в душу, что, когда какие-то деньги… а тогда начались лотереи, я все время покупала эти лотерейные билеты, думала, ну вот, может, мне повезет, вдруг выиграю. И все-таки я свою мечту насчет аккордеона осуществила, когда так уже отрабатывала по направлению, то купила себе аккордеон, самоучитель и немножко научилась. Так этот аккордеон теперь уже начал рассыпаться, лежит у меня на антресолях. Ну, короче, давай лучше задавай мне вопросы!

– Вот когда вы только-только приехали в Иркутск, какое у вас впечатление сложилось, каким был город тогда?

– Так, ну я приехала на этом вот пароходе на пристань. Ну, впечатления… ну, когда уже подъезжали, там сильно по Ангаре были такие тяжелые течения, всегда медленно шел пароход. Вот уже обычно на палубу выйдешь и вот тут вот, как [нрзб] в обед приезжал этот пароход, вот ночь там мы ночевали. По реке, вот на

пароходе когда, ну какое впечатление? Вот, когда [нрзб] много народу, все это встречают. Ну, а я, значит, тоже. А где мне жить-то? Общежитие мне в первый раз не дали. Я, ну когда поступала, экзамены пять экзаменов сдавали: русский, математику, фи… ну в общем что-то там много сдавали. Ну, где-то по-моему… ну и брат у меня договорился, на квартиру устроил. Первый год я жила первый семестр на квартире на Рабочей. Со мной жили девочки четыре. Они учились тоже на физмате, но в университете: две Светы, Галя и Лариса. Ну, вот так вот. Ну, какое впечатление. Ну, впечатление у меня, что как готовиться-то? Я вот пошла в эту научную библиотеку. Впечатление у меня так и осталось. Я вот хотела по библиотекам вам рассказывать. И вот по этой Ангаре по пристани, или про Иркутск, в котором я отработала, начиная с 56-го года. Ну, впечатление, ну какое впечатление?

– *Город вам показался большим или маленьким по сравнению с вашим прежним местом жительства?*

– Ну, во-первых, ну конечно как большой. Мы, однако, вдвоем с девочкой, с Лидой, поехали. Она культурным просветителем выступала. Она в другой университет поступала, а я-то на физмат поперлась. Ну, город… ну, давай, что там еще?

– *Как в то время отмечались праздники? Новый год, например. День города, если он тогда был?*

– …

– *Почему вы выбрали именно этот вуз? Расскажите про свои детские годы. Какие воспоминания сохранились об этих временах?*

– Видите, в 56-м году, это вот этот брат мамин, который ну два курса университета закончил и видать, когда его родителей, ну деда с братом забрали как врагов народа, он оказался, ну нечего ему там было ни кушать, ничего и еще у него, у отца у Васильева, не сдал там какой-то зачет. Ну, в общем, короче, он стал сбрасывать снег с крыши, а сказать, что он враг народа, это тогда же страшно было. И вообще, что вот мои родители, допустим, кулаки, это вообще нельзя было говорить ну, и как. Вот я и приехала, когда в Иркутск-то не просто так в первый приезд, а приехала, он уже тут женился, этот вот дядя Миша. Он уехал, был на фронте, был ранен, он участник войны. Так как у него было среднее образование, его забрали там в Чите, в Забайкальском округе – они, значит, там были – только на фронт он попал в 44-м году, дядя Миша-то, которого учили-то в Усть-Орде. Так, ну и вот в 44-м их уже отправили на фронт. Он попал в артиллеристскую, потому что там у него какие-то знания были, знание все требовалось там наводка да еще чего-то. Ну, и вот сразу же где-то вскоре в бою мино-

меты по ним как начали и ему ноги перебило. Он еще сгоряча добежал до медсанчасти, ну потом лежал в госпитале в Москве. Там они сдружились с тремя – еще двое было – все три Мишки, Миша звали всех. Ну и вот, дядя Миша в 47-м году приехал на побывку, ну, туда в Берит, а потом опять куда-то, уже увольняться, там же задерживали, не сразу отправляли, где-то он там под Москвой работал, а потом уже окончательно приехал в 49-м году. Ну и тут, это стал в конторе работать не то бухгалтером, не то экономистом, в это совхозе, «Золотопродстав». Вот почему это я про него так рассказываю, потому что потом он стал уже в возрасте, он с 19-го года, в 49-м ему уже почти 30, да. И это то кака там женщина, то еще что-нибудь. Ну т это / в общем она его стала отправлять его в город. Он приехал в город, а здесь с их деревни, оттуда с Украины, ну Зятчук, семья Зятчук, которых высылали вместе. Ну, этот сам Зятчук он был типа священника, и они остались в городе жить. Вот наших-то с Пивоварихи, деда да брата, в общем семью, отправили вот туда в Базой, а этот Зятчук как-то обосновался в Иркутске. И вот дядя Миша, когда приехал, он к этому Зятчуку-то обратился, а к кому обратишься-то, никого же не знаешь? И вот они его потом познакомили с Рязановой Валентиной. Семья такая была большая Рязановых. Николай Николаич тоже был участник войны. Ну, в общем вот дядя Миша оказался в Иркутске, уже был семейный и жил в доме у жены. Ее дом – дом был на Профсоюзной. Вот сразу же, где напротив ДК «Железнодорожник», на Профсоюзной там. Вот они тут жили. И я когда приехала на пароходе-то, я, естественно, остановилась у дяди Миши. Ну чтобы готовиться. Вот он меня направлял. То есть у меня была, родители-то мои, мама вообще безграмотная была, отец что-то там умел писать, ну школу закончил. Вот такие вот впечатления, что он мне сказал: «Иди в библиотеку». А библиотека находится вот там, где Белый дом. Я не знаю, давно уже там не была. Там вот был такой большой абонемент. Ну вот там буквально по паспорту можно было. Вот попросишь, я помню, Моделева я просила: ну как готовиться к конкурсу, к экзаменам, Антонова они с решебниками, с решениями был, ну и так журналы посмотришь. Большая была, вот так вот по бокам всегда лежали, так посмотришь или попросишь. Ну вот это я, дядя Миша мне значит был более или менее как бы помощник.

– Вы говорите, что учились в педагогическом институте или университете?

– Нет, он институт тогда был.

– Институт, да. А почему вы тогда выбрали именно педагогический?

– Почему педагогический? Ну я, видимо, это сказалось, что это деревня, что отец у меня, а вот это вот зоотехник, который папу-то пригласил туда ехать, в Берит, Брянский. У них была Люба, дочь. И эта Люба, она была меня годы на три или на два старше. И вот она-то и поступила в этот пединститут. И потом мне говорила: давай, давай ты тоже поступай. Ну, то есть она мне как бы сказала, что давай сюда. Она тоже училась на физмате. Кстати, она потом в «десятке», в школе там работала. Не знаю как ее уже потом, фамилия другая сменилась. Она в Ангарске в десятой школе работала. Где-то в 80-е годы, однако, где-то я ее случайно встречала. Вот это еще Люба мне, почему я туда поступила.

– Что было интересного? Самые яркие воспоминания из студенческих лет?

– Ну, так вот первый, значит, семестр, я прожила… это… с этими девочками из университета на квартире, а потом мне дали общежитие. Общежитие у нас было на Перовской. Деревянные корпуса, двухэтажные. Селили нас из группы. Правда, один раз, так как у нас был физмат, нас было две группы математиков: «А» и «Б». Я училась в «А». И две группы физиков. Ну, вот, я попала в 12-ю комнату. У нас были девочки, ну, математики, 12 человек и еще физики, 6. Ну, я что-то не знаю. Волейбол. Я все четыре года играла в волейбол. Жили мы на Перовской, а на Желябова как раз пешком ходили через рынок. Ну, какие…

– В то время было очень важно присутствие на демонстрациях, на 1-е, на 9-е мая? Расскажите, как они проходили?

– Ну, как. Даже потом уже, когда работать стала, тоже вам расскажу про демонстрации. Ну, в обязательном порядке. Не дай Бог, если ты не придешь! Мы, это, собирались тоже выстраивались там где-нибудь. Или на Литвинова, или еще где-нибудь. Ну, в общем определенное там было место, украшали свою колонну или шарики, или цветы делали, или транспаранты там закрепляли за нашими. Ну, в основном у нас были девочки. Когда мы поступили, сформировалась группа: было 2 парня, 3 парня. Юра Меньшиков. Сейчас в Ангарске, с Надей Ветрящук они там живут. Надя не Ветрящук сейчас, она Сизых Надя. Тоже в школе какой-то там, не помню, в какой она работает. Оформляли свои демонстрации ну как. Значит, про демонстрации рассказать, да? И студенческие, и так? Ну, песни пели, плясали, особенно когда уже вот так вот по Сурикова шли колонны долго тут. Вливаются, значит, один район, иногда в две колонны шли. Октябрьский, допустим, и Свердловский район, а Свердловский-то район вообще все предприятия шли. И Жиркомбинат, и «Холодильник», и Железная дорога. Тут вливался

в него Ленинский район, да. Ну, короче, настолько это все массово было. Допустим, в 9 уже все перекрывали, весь транспорт, а если ты не успел там, не уехал, то не знал как добираться. Ну, и когда по Сурикова уже шли, а тут же уже телевидение, все, там эти трибуны выстраивали, тут все наше руководство стояло, мы лозунги кричали, как только видим, что телевидение на нас уже камеры наводят, мы кричим: Ура! Там, всякие лозунги, ну в общем, а потом же расходимся. На работе, когда уж стала работать. Ну так вот. Ну, кончила, в обязательном порядке было работать три года. Когда наш выпуск-то сдал. А, ну мы в студенчестве. У нас группа была очень дружная. Значит, на третьем курсе мы заняли первое место в соцсоревнованиях, и нас наградили путевкой в Москву. Я помню, в 60-м году у нас была практика в пионерских лагерях и тут, ну короче мы не полностью группой собрались, нас отправили в Москву. Там во Дворец профсоюзов нас сводили. Ну, а как мы туда ехали, это же кошмар. Сейчас как вспоминаю. Короче, мы все купили общий вагон, там же это, на каждой станции, только сидящие места, мы и позанимали вторые да третьи полки, а постелей-то нет. Нет, чтоб с собой! Ну, в общем тут сбросились, накупили продуктов на дорогу. Ну, все равно на станциях выбегали. Ехали, наверно, суток пять до Москвы. Помню, что когда ехали, купили картошки, а картошка была заправлена машинным маслом… ну, вот так вот мы доехали. Поселили нас в общежитии МАИ, Московского авиационного института. Ну, это уже где-то в конце июля мы, помоему, поехали в эту Москву. Вот это была моя первая такая большая поездка далеко. Ну, нас сразу организованно, выдали нам билеты в Оружейную палату, в этот, в Кремль, в Третьяковскую галерею, там, где Ленинпоезд стоял. Ну, в общем, во все вот такие вот места. Вот мы, значит, там. Ну, кто не поехал, мы сбросились, ну и это, купили девчонкам подарки, ну кто не поехал с нами. Потом учились, учились. Распределение. Ну, вот распределение у нас такое не очень хорошее досталось. Вот кстати среди нас, в нашей группе училась Рита Добровольская. Ее отец был главным инженером Иркутской ГЭС. Вот в пятьдесят – каком? В 56-м. А в 2006-м году было 50 лет, как пускали первый агрегат. Я хотела найти ее. Я там немножко узнавала, встречалась там со всеми. Ну, вот эта Рита. Мы же жили в общежитии, девчонки, по разным комнатам. Записки там мальчишки спускали, кто на практике оставался, авиационники. Рита познакомилась с парнем, и потом, когда у нас было распределение, она вот единственная получила свободный диплом, ну как бы в Москву. А у нас в основном все вот это достались по таким вот далеким, отдаленным местам. Я попала в Чунский

район, ну в Тайшет, Чуна. Вот на эту реку попала работать. Три года там отработала. Ну, три года отработала. Значит, там у нас компания сложилась. Парни приехали из Йошкар-Олы, лесхоз. Ну, короче, там отработала, и парень меня звал замуж. Ну, который аккордеонист хороший был все. А он с Кирова. Познакомились мы еще когда я на практике была, на пятом курсе, в начале. И нас отправили опять же, там не хватало же всяких учителей, а я уехала домой. И он там работал связистом на почте. Ну, мы и познакомились. А сам он из Кирова. Ну, и вот, он это звал меня, чтобы. Мы переписывались, все, звал. Ну, а тут, когда я три года-то отработала, надо было ехать, а мама мне и говорит: «Ну куда ты сама поедешь? Скажет потом, что ты сама приехала». А чего бояться-то? Надо было, действительно, поехать… Тут у него, оказывается, несчастье случилось, сестра умерла. Вот так вот куда? Раз там я уволилась, ну а дядя Миша здесь, я опять в Иркутск приехала. Давай тут искать. Вот уже я приехала после того, как пять лет отучилась, приехала снова в Иркутск. Ну, нигде уже математиков, уже нигде не было, ну я уже приехала в конце августа, чтобы узнавать. Уже конференции прошли, все. Ну и тут из Тайшета мне встретился мужчина знакомый и говорит: «Давай, иди ко мне физиком в 66-ю школу, это в Рабочем». Ну и я пошла. Помню, мне ребятишек там дали шестые-седьмые классы, в старших не было, у старших там мужчина вел физику. Ну какой я физик-то?! И вот так вот четыре месяца я отработала, а там работала Елизавета Ивановна, математик. И она как-то приходит и говорит: «Нина, хочешь в филиал НИИЖТа идти?». А я даже и слова такого не знаю: «Какой,-говорю,-НИИЖТ?». «Ну, там требуется математик, вот иди после Нового года». Ну я и загадала, что если это примут меня в этот филиал НИИЖТа, а это был филиал Новосибирского института инженеров транспорта, находился он в двухэтажном здании, где сейчас общежитие возле телецентра. Думаю, загадала, если меня примут, то никуда я в этот Киров уже больше не поеду. Ну, он потом опять возобновил, стали снова переписываться, опять стал звать. А я уже, думаю, ну ладно, черт с ним, поеду. А тут это опять подвернулся случай такой, Елизавета Ивановна пришла и говорит: «Мне надо с сыном заниматься, там по командировкам ездить, иди сходи, может тебя примут». И вот третьего января я и нарисовалась в этом филиале. Пришла, а там был директор Дорошенко Василий Семенович, сейчас он заместитель Бранденбург, Лилии Бранденбург, которая, как сказать, председатель Союза пенсионеров, а он – заместитель. Он преподаватель истории был КПСС, Дорошенко. Он: «Ну, подождите, сейчас приедет зав учебной частью Иваненко Га-

лина Николаевна. Вы с ней поговорите, если возьмет Вас, то возьмет». А та была в командировке, приехала, мы с ней встретились. Она говорит: «Ну, хорошо, берем Вас». И вот, начиная с третьего января 66-го года, я всю жизнь отработала на этом. Сначала на 2-ой там Железнодорожной, 4-я Железнодорожная… или какая там? 4-я железнодорожная вроде здесь… Дальневосточная улица. Там рядом была школа этих военных техникумов железнодорожных. Ну вот так вот. Что еще-то?

– *Все-таки у нас разговор об Иркутске. Расскажите, пожалуйста, как в то время украшали город на праздники.*

– Ну вот сквер. Тут была голая площадь. Мы же на Желябова, а тут через уголочек так пройдешь вот это, где сейчас историко-филологический, на Сухэ-Батора выходит, этого не было. У нас только было Желябова, вход с Желябова был. И когда мы с общежития шли, мимо сюда вот так вот шли мимо цирка… А украшали как? Значит, помню, было, ну вот эти демонстрации были, голая площадь: никаких ни насаждений, ничего, – и нас вот привлекли к тому, чтобы мы садили эти насаждения. Помню, там нарыли канавы, а мы уже кусты рассаживали, то, что сейчас там разбито, все эти кустарники- это вот в нашу бытность, то, что мы садили. Что еще? А ну как украшали? Как украшали? Ну, обязательно, к каждому празднику были эти флажки, обычно это подъемные краны, всегда были флажки, в обязательном порядке флаги вывешивались. Так, что еще. Ну, телевидение тоже только-только, там эти КВНы какие-то.

– *Это на демонстрации да? А вот Новый год, например?*

– В Новый год? У нас были вечера. Ну вечера у нас были в зале актовом, оркестр играл. Ну мы потом приглашали иногда [нрзб] приглашали, ребята, помню. Ну а мы, так вот в общежитии когда жили, сами ходили на танцы, вот, где это, мы в Нархоз ходили, Байкальский университет, там свой джаз был, по 50 копеек входной билет был. Ну, туда, значит, соберемся с девчонками туда пойдем. Или вот сюда вот, где «Ангара», вот тут вот факультет какой? Биологический? Вот сюда мы ходили. Ну, а мы-то, так как мы были передовая группа, у нас комсоргом была Даша, фамилия ее Кощеева, сейчас в Мегете живет. Она нас это все вовлекала в какую-нибудь деятельность: то мы с концертом едем в Смоленщину, то мы какие-то мероприятия, в общем не зря же мы первое место в соцсоревнованиях среди всех множества групп заняли и нас отправили в Москву, наградили. Ну как в студенчестве? Жили мы, питались коммуной, все же, по 150 рублей у нас была стипендия, ну в основном все приезжие, городских у нас было человек… Так

Лора Кимякина, Надя Давыдова, вот Рита Добровольская, которая была дочерью, с Ангарска были, с Усолья была девочка, с Тулуна, из Братска. Такая была группа, но настолько дружная. Мы до сих пор обо всех все знаем, а разводящим у нас Майя Кулибякина, она живет в Шелехово. У нее 2 сестры и брат, она самая младшая. Вот, когда мы были на практике, она уехала к Лиле туда, в Братск, к Дубровиной, и там познакомилась с парнем, ну как-то потом неудачно, не сложилось, вот так вот она осталась одна, потом не могла уже найти ему замену, вот она нас всю жизнь сводит: то телеграммы нам рассылает, то еще что-нибудь.

– Вы приехали в Иркутск в пятьдесят каком году?

– Значит, я в Иркутске училась с 57-го по 62-й. Теперь 3 года отработала и в 66-м, нет в 65-м приехала обратно. Вот четыре месяца отработала в 66-й школе, а уже с третьего января 66-го года уже в Иркутске постоянно.

– Получается, что город строился на ваших глазах. Расскажите, как он расстроился. Что нового появилось в городе на вашей бытности?

– Что на нашей бытности появилось? Так, ну в музыкальный театр мы ходили, вот, где сейчас филиал ТЮЗа на Ленина, здесь вот играли Рябинов, Хохолков, Загурский, сюда мы ходили в театр. Помню, как в театр идти, у нас переполох: капрон этот, чулки стираем, полотенцем сушим, бигуди накручиваем, – ну в общем, в театр как на праздник. Вот так. Этот уже на Седова, он уже лет где-то, наверное, десять спустя был построен или может быть 15. А так вот все время был там. Ну ТЮЗ, в ТЮЗе нас привлекли на массовку. Вот до сих пор у меня впечатление с массовки, что почему-то они по ночам репетировали. Ну, в массовке надо было там изображать чего-то, и вот помню уже идем где-то часа в четыре, эти дворники мусор сжигают в этих урнах, еще никого на улицах нет. А вот что еще нас заставляли, нас еще заставляли быть агитаторами. И вот здесь на Сухэ-Батора было, ну тут в районе института, было общежитие вот этих артистов. Ой, как было тяжело с ними работать. Ну во-первых, придешь днем, они спят, вечером – их уже нет. И вот буквально там берешь домовую книгу, выверяешь, кто, как чего, где. Ну, агитаторы. Ну в основном-то у меня время уходило на тренировки, на волейбол. Значит, с физмата мы были вдвоем, остальные девочки был с филологического. Ну, а ходили тренироваться в зал, который там, на набережной, очень хороший зал. На каком же курсе мы выиграли? Мы должны были ехать в Хабаровск, выиграли мы, помню, за нас там болеют, какой-то экстаз, ничего не ви-

дишь, и этот крик, когда играли. Ну, короче, мы поехали на соревнования в Хабаровск. Первый раз я на восток поехала.

– Вы говорите, что были в Москве, в Хабаровске. Иркутск по сравнению с ними чем-то выделялся, отличался? Что было особенного в городе?

– Чем выделялся? Так, сейчас скажу. Чтобы лишних слов не говорить. Ну вот цирк был у нас построен, за это время. Цирк был такой, натянутый. Цирк был построен. Теперь, вот эти начались стройки микрорайонов: Ново-Ленино, Синюшина гора, Юбиленый, – это все же уже было, где-то начиная с 50-х годов, строится. Теперь, что еще строилось-то? Ну вокзал это уже к этому, к столетию стали, заново ремонтировали железнодорожный вокзал. Ну что еще в памяти сохранилось, когда мы были студентами, мы встречали Хрущева. Он должен был приехать, и сказали, что митинг будет у памятника Ленину, где вот ГЭС. Он там до сих пор, помоему, еще стоит, не знаю. Я помню, у меня были новые туфли, мы только подъехали к плотине-то , а там уже народ. И по этой насыпи я все свои туфли кончила, все ободрала. Ну, что еще? Сравнить города? Ну вот, значит, после Иркутска, самый первый большой, ну, когда я стала работать в этом филиале НИИЖТа, это было заочное только обучение, и мы выезжали в командировки во все эти, в Черемхово, Зима (нет, в Зима я не была в командировке, другой преподаватель ездил), Тулун, Тайшет у меня были закреплены, Чуна, этот Гидростроитель. Ну а в 69-м году я уже стала жить сестра, там уже в Братске я в 64–61-м годах. У меня брат-то закончил, он уехал на стройку в Онзебу. В Онзебе и там, он строил Братск. И потом я почему направление-то взяла на работу, потому что брат там рядом, в Братске. Так, потом какой был город? Вот в 68-м году меня, значит, по всей стране стали организовываться факультеты повышения квалификации, еще была не замужем, поздно вышла замуж. Меня отправили вот на этот факультет повышения квалификации, который базировался в Новосибирске, в Академгородке. Академгородок там 35 километров от Новосибирска. Первый раз в 68-м году я попала, значит, в большой город. С Иркутска там было много, потому что еще с Политеха было человек 8, я вот одна, ну отовсюду там были, с западных областей. Потом в следующий раз, короче в Новосибирске я была 3 раза на ФПК. Вот еще в школе, когда мы были школьницами год отработали, и по старой памяти мы опять списались и поехали это опять же вот как в Москву мы ездили во Дворец Профсоюзов, но уже в Ленинград. Это, значит, после Иркутска был Ленинград следующий. В 62-м мы закончили, в 63-м мы поехали в Ленинград. И там вот мы жили на Невском.

Теперь из Ленинграда мы поехали в Таллин, в Таллине была. Теперь, когда вернулись, мне еще надо было практику отрабатывать. Вот я летом повезла ребят в Красноярск, на Красноярские столбы. Значит, там жили в Красноярске, тоже, по-моему, в школе. Ну и вот на этих столбы ходили. Потом вот Новосибирск в 68-м году поехала на ФПК в Академородок, потом в этом Академгородке была еще в 74-м, 75-м, уже в НИИЖТе стажировалась по этим. В учебные планы стали включать курсы по вычислительной технике. Вот у нас, помню, первая машина была на [нрзб], вот ее надо было как-то осваивать. Я уже в 75-м году поехала туда. Потом, когда нам добились бесплатного билета, несколько раз была в Москве, потом в Туапсе. Сына, когда повезла в этот, путевка дошла, через Кисловодск, сама была в Пятигорске. Ну а с Иркутском вы говорите сравнить? Значит, последний раз на ФПК я была в 88-м году в Ленинграде, ноябрь-декабрь месяц, ну уже так. Ну естественно тоже нас там гуманитарная программа была, мы еженедельно, каждый четверг ходили в Эрмитаж, нам про все это рассказывали, и так мы сами по всяким экскурсиям, по музеям. И вот когда я начала сравнивать, оказывается, Иркутск он многие здания в архитектурном плане повторяет Санкт-Петербург. Видимо вот то, что вот наши декабристы, связь через купцов как-то сказалась, и в архитектуре и в этом. Ну в общем я отметила, что похожи.

– Было ли что-то особенное в Иркутске?

– Особенное? Ну всегда говорили, что в Иркутске красивые девушки почему-то. Ну вот как-то отличаются. Ну не знаю почему, может быть оттого что как-то побогаче были у кого родители. Чем отличается? Ну чем отличается? Байкалом.

– Может быть, в культурном плане что-то особенное было?

– В культурном плане? Ну я говорю, что меня больше тянуло на этот спорт, на волейбол, как-то хотелось записаться то на хор, то на кружок вокальный, но это все время совпадало с тренировками, все бросала. А так в студенчестве столько было много всяких кружков, можно было и на парашютный ходить, и на какой только душа пожелает.

– Расскажите, как вы относитесь к старым домам в центре Иркутска. Являются ли они какой-то изюминкой города?

– Да, конечно. Вот особенно резьба. Ну вот сейчас это улица Грязнова вот этот вот, где там тоже уже наседают эти высотные здания, вот там вот было много домов: наличники резные, ну потом стали восстанавливать дом Трубецких, Волконского. Ходила я туда. Потом вот усадьбу Сукачева стали восстанавливать. Вы там были, да? Потом с возрождением духовенства, духовной жизни,

моя по группе «Б» коллега, она всю жизнь проработала в авиационном, гражданской авиации, и как-то увлеклась этим, верой. И она меня привлекает, вот показала мне храм в старославянском стиле в Рабочем, были когда-нибудь, нет? Ну, потом у нас для пенсионеров была экскурсия по храмам Иркутска. И в последнее время, сказали, что восстановили, Богоявленскую, открыли снова службы, Спасскую открыли, а так была Крестовоздвиженская, да? Теперь возле автовокзала уже открыли церковь. И вот, что интересно, просто я поражалась, когда она привела меня в Рабочем, вот в эту Владимировскую, оказывается в начале девятнадцатого века, там 189… купец, забыла фамилию, ее построил. Когда ходишь смотришь, усадьбу Сукачева, их портреты, их фотографии, какие они, благородные у них лица, как-то они одеты красиво, и вот выражение лица, что меня всегда поражало. Будете в усадьбе, присмотритесь к их фотографиям.

– *То есть вы относитесь положительно к восстановлению некогда взорванных храмов, возрождению их?*

– Конечно, конечно. Когда вот стали это. Ну все же было зажато, этот Серый дом построили, а потом, особенно после Глазунова, когда выставка Глазунова была, вот сейчас там выставка Никоса Сафронова идет, гламурного. А Глазунов приезжал, у него тоже такие картины налепленные, по тысяче лиц на одной картине у него, и вот как-то стали, видимо люди давно уже хранили фотографии старые наши, вот Христа Спасителя тоже вот такой красивый храм да? И потом планетарий. В планетарий ходили. Сейчас там тоже восстановили церковь да? Ну вот открывают новые. Раньше возле вокзала был кинотеатр «Заря», теперь там церковь Николая.

– *Скажите, как вы относитесь к переименованию некоторых улиц? Хорошо это или плохо?*

– Ну, Тихвинскую или какую переименовали?

– *В принципе к переименованию улиц?*

– Ну, во-первых, это сопряжено с большими затратами. Ну когда называли в честь этих Добролюбова, Перовской, Желябова. Вот сейчас начинаются эти исторические хроники, оказывается, что это черная сотня, что были они террористы. Вот когда проект шел «Имя Россия», там много говорили об этом. Чем они там заслужили, что они там для России сделали. Так вот видите, как наши революционеры называли, вот наш район тоже называется Свердловским, а тоже, когда стали, эта гласность пошла, в 95-м году, как начали все это откапывать, что надо и не надо, столько нарыли, столько на белый свет вытащили, что ужас один. Понятно, что сейчас там называют улицы в честь кого-то. А вот еще про Га-

гарина хочу вам рассказать. Мы играли на стадионе «Труд», у нас была игра. И вдруг влетает кто-то и кричит: «Ой, наш Юрий Гагарин, Юрий Гагарин в космос полетел!» А мы ничего не поймем. Потом все ж таки разобрались. Вот в первый раз это известие о том, что наш русский человек в космосе. А спутник был 4-го октября 57-го года. Была астрономическая лаборатория, отмечали вот. Это только-только зарождалось тогда. А еще осталось в памяти, когда мы учились на третьем курсе, в Иркутском госуниверситете был только один математический факультет, физмат, а потом он уже разделился на радиофизику и прочее. И стали объявлять, что принимаем на второй курс по программированию. Ну у нас был тоже такой курс программирования, и нас повели на практику, а вот где сейчас Союзпечать, на Карла Маркса, на Сухэ-Батора выходит, там был институт энергетики, сейчас он СХИ называется Милентьева в Академгородке. Ну вот Академгородок строился тоже вам расскажу. Там стояла машина «Урал», первая. Ну, они же нескольких поколений: ламповые, полупроводниковые, потом на интегральных схемах, на больших интегральных схемах и персональные компьютеры. Вот «Урал» она была ламповой, то есть первого поколения. Нас когда привели на экскурсию она занимала больше этого зала, стояли, ну потому что большая охладительная система была, и вот до сих пор у меня это. И предлагали перейти на второй курс, почему-то у нас две девочки перешли из университета, а мне так хотелось, а мне так понравилось, и все-таки потом все равно меня судьба заставила заниматься этой вычислительной техникой. До сих пор думаю почему это на перфокарте написала: «Моя мечта, суждено ли ей сбыться?». И, конечно, ничего не сбылось. Просто самой пришлось вариться, все эти языки поднимать, и начала эти курсы вести вычислительной техники. И эти алгольные, сначала алгол, потом фортран, паскаль, потом эти персоналки пошли всякие эти, Майкрософт, Эксель, – чего только в общем не было. Потом у меня как эти лампочки мигали, до сих пор вот сохранилось в памяти. И потом, когда уже выходили на Иркутский вычислительный центр, в Академгородке, Лермонтова 134, там уже эти еэски стояли, мощностью уже операций больше (миллион в секунду), там ходили на курсы [нрзб]. В общем, вот так вот. Что еще хотела рассказать-то?

– Скажите, пожалуйста, вот ГЭС – это, наверное, очень значимое историческое событие в жизни города?

– Ну ГЭС, в 50-е годы началась стройка, раз пустили первый агрегат в 56-м году. В 2006-м году было 50 лет

– Вы принимали какое-нибудь участие в строительстве?

– В стройке-то нет, а, ну на экскурсию мы ходили, смотрели нижний, верхний [нрзб]. И вот недавно, в связи с 50-летием. Среди пенсионеров стали экскурсии. Вот у нас пенсионеры разбиты по округам: в Свердловском округе, в Октябрьском округе, в Ленинском округе, особенно наш Свердловский округ, мы пошли на экскурсию. Они, конечно, уже там с помощью компьютера составили презентацию. Насколько они предвидели еще вперед, то есть такую вот мощность, что даже сейчас еще можно задействовать эту силу Ангары. Ну а то, что вот с постройкой ГЭС связано, эти вот затопления, так это меня лично коснулось. Бывало на пароход все эти деревни, ну «Прощание с Матерой» Распутина, это же о том, как вот острова затапливало, потом вот поселки на берегах переносили, и наш тоже поселок перенесли. Море, особенно это Братское, тут-то мы не ощущали, да «Ракета» стала ходить от плотины, это от Солнечного туда вверх, такие заливы всякие образовались. Много археологических раскопок затопило. Много ценного затопило. У нас Братская ГЭС, когда, я помню, плыла к брату в Анзебу, получила распределение, то это острова, до сих пор помню, остров – такая красота, а уже потом, когда в командировку поехала, обратно поплыли на «Метеоре». Так вот, где к какой пристани подплываем, везде вот такой деревянный настил, потому что не успели, там где-то топляки, где-то мелко еще, ну то есть вода подошла, а глубины-то нет, и народ вот так вот по этим тротуарам, или как они называются, сходил. Ну и вода подошла почти к Макарьево, да. Тут самое страшное, что вот эти топляки, рыба начала заражаться. Тоже свои плюсы и минусы.

– А как вы относитесь к появлению новых памятников в городе?

– Положительно. Мне очень даже нравится. Ну вот была большая дискуссия о том, чтобы Колчака ставить или не ставить. Ну Вампилову это само собой. У нас улица в Первомайском называется Вампилова улица. На ней большой портрет висит на одной из пятиэтажек. И женщины есть, которые ухаживают. Вот как только начинается теплая погода, они высаживают цветник возле этого памятника, портрета. А еще одна там женщина, Вера Семеновна, она вообще за этим памятником, который на Байкале установлен, постоянно туда ездит. Потом какой еще памятник? Тут вот снесли памятник, поставили Александру Третьему на набережной. Мы-то ходили туда как первооткрыватели был памятник, где-то у меня дома есть такая коробка конфет была «Иркутск», и там этот памятник запечатлен. Ну можно найти. Ну новый памятник вот этому Колчаку. Я читала, не помню, чей роман, или его ли записки, или самой этой его жены. Конечно, время-то какое было,

ну то, что он, почему его так продвинули. Первый раз мне о Колчаке рассказал [нрзб], мы ехали в колхоз, ну картошку копать, листву ли убирать, а у нас на кафедре энергоснабжения работал Новиков Александр Сергеевич, сейчас он где-то или в Думе или в Законодательном собрании. Ну вот едем так, сидим на сиденье и он рассказывает, что в этом месте, ну когда подъезжает, там река впадает в Ангару, вот, говорит, здесь Колчак. И стал рассказывать, как он минное дело в России поднял, как он выступал в Географическом обществе, доклады какие делал. Ну то, что вот в Гражданскую войну, вот сколько он там, так это время такое было. Конечно. Сейчас вот мы генерала Деникина выкопали и привезли в Россию, да.

– *А вот вы можете сравнить ритм жизни Иркутска тогда и сейчас? Что изменилось? Стал ли он интенсивнее?*

– Ну, сейчас вот удручает, конечно, лучше пешком ходить, да, потому что иной раз уж столько этих машин разных марок и всяких разных. Ну, вот эти пробки бесконечные, но не только Иркутск страдает, и Москва там, конечно, Кольцевая, Садовая. Эти пробки там еще похлеще, но вот это вот да. Ну троллейбусы вот когда стали появляться, троллейбусы. Первым было кольцо Кирова- Жуковского, да, потом Первомайский-Кирова, потом Юбилейный троллейбусный построили, да, теперь этот по Марата троллейбус ходит. Это тоже же на моем веку. Теперь хотят еще Ново-Ленино подключить. Там сейчас просто объездную дорогу сделают, более или менее уже разгрузили, новый мост построили, по которому можно, не выезжая через Фортуну, сразу на новый мост и туда. Ну, еще какие памятники, я не знаю. Какой памятник? Ну, Ленину, это обычно пионеры там, принимать в пионеры, в октябрята. 22 апреля всегда к памятнику Ленина ходили и сейчас, по-моему, КПРФ, партия все время ходит. Памятник, который вот там на ГЭС, мне кажется, он уже… что-то я не обращала внимания. Ну еще что?

– *Какие важные производства были в то время в Иркутске? И что с ними сейчас? Есть ли они?*

– Ой, ужас это один! Только что, говорю, вам такое время досталось, а тогда это была. Ну во-первых сейчас я хожу в клуб «Встреча». Клуб «Встреча» праздновал 20-летие: собирали тех, кто был либо репрессирован, либо родители были, либо вот как я, на спецпоселении родилась. Мы встречаемся в музее города. Музей города располагался на Чайковского-5, ну сейчас они переезжают на Каменецкого в бывшую школу. Так, что я хотела сказать-то?

– *Про производства.*

– А про производства. Там нам иногда рассказывают, значит. Недавно вышли воспоминания это как его? Демьянченко, ну 90

лет, он там вспоминает про Иркутск. Надо было мне захватить эту книгу. Последний раз рассказывали про завод Куйбышева, женщина тоже говорит на общественных началах, ей это все жалко, она вот делилась впечатлениями. Значит, почему называется завод Куйбышева, потому что не то в Усть-Куте, не то где-то, ну в общем там вот где-то отбывал какой-то срок Куйбышев. И вот одна женщина, когда он пришел на танцы, ну он же красивый такой, симпатичный, она вот влюбилась в него, и вот всю жизнь потом, ну как-то они, видимо, общались или как, не знаю, короче она уже в Иркутске оказалась. И она все время его вспоминала, все фотографии, все о нем, что напечатано чего, все она собирала. И вот ей кто-то написал, есть памятник Куйбышеву у завода. Вот, когда милитаризация страны началась, и особенно во время войны было переведено очень много разных заводов. Но куйбышевский-то славится тем, что он [нрзб], да и сейчас там осталось сколько-то тысяч, специалисты были хорошие, а сейчас всего сколько-то было цехов, столько много, а сейчас всего 5 цехов осталось. Ну все это «Город мастеров» да «Фортуна», ну в общем все. А так-то вообще был такой мощный завод. Вот завод Куйбышева. Теперь вот там, где я живу, в Первомайском. Это производство, завод Куйбышева, да. Во-первых такие были мастера, ювелирная работа, ведь это надо было там все же токарные станки, как раньше было: инженер 120 рублей получал, а мастер, такой рабочий, токарь хороший там, слесарь, они больше получали, потому что действительно были филигранного мастерства руки. У нас сильный завод был радиоприемников. Сейчас на его территории открылся Сибирский Гуманитарный институт, по-моему, а экономики он и права, в общем там он теперь. И там же как он Союз пенсионеров или как сказать. Короче, мы, пенсионеры, туда ходим, все там какие-то дела утрясать надо на счет пенсии. Ну а теперь из этих цехов это, что они там сделали? То рынок строительный вот с этой стороны, то, значит, вот сейчас собираются строить какой-то развлекательный центр, что будет там и боулингов несколько залов, и кинотеатр будет. А с той стороны открылся этот институт. Теперь по той вот улице, как троллейбус 10-ка ходит, там вообще сплошь уже все окупили и Сергеевский рынок, и бытовой техники этот магазин, и что там. Вот у нас в Первомайске в основном квартиры давали только тем, кто на радиозаводе, работникам радиозавода. Так там же не только радиоприемники, там для оборонной промышленности были такие секретные цеха. Ну а потом, когда вся эта началась перестройка, начали завозить. Теперь вот у меня сын. Мы жили на Курчатова, почему я его затолкала в этот, ну подрабатывала в геолого-разведовочном техникуме, думаю, ну пусть идет на геофизи-

ку, там и математика, физика все. Думаю, на будущее в Сосновскую экспедицию. Сосновская-то экспедиция была какая. Какие они квартиры строили для своих работников. Это самая богатая была экспедиция. Когда Сашке заканчивать, он закончил техникум с отличием, мой сын в 90-м году, и сразу же получал направление. Так как решил дальше поступать учиться, поступил снова в Политех опять же на эту геофизику, уже на четвертом курсе или уже на третьем от съездил в Якутию, а уже на четвертом он просто так работал, на преддипломной практике уже вообще, и в этой экспедиции сначала с торца там одного здания стали продавать сыры, масло, потом так конину, ну в общем опять потихоньку-потихоньку так. Ну сейчас более или менее уже как бы геологи опять становятся востребованными. Ну а молодежь-то тогда, которая оказалась, они вообще все оказались никому уже не направлений не давали никаких, где хочешь там и пристраивайся. Теперь какое сильное производство еще пострадало? Это вот заводы карданных валов, там, где сейчас рынок Иркутский, там вот завод «Эталон». Это же все тоже были сильные заводы. Все их уже нет там. То новый рынок, то иркутский рынок. Вот все почему-то у нас в две основные профессии стало: охранник и продавец. Ну ГЭС еще ладно, ГЭС так и осталась. Иркутскэнерго, ну когда Чубайс встал у руля с нашими акциями прибрал. Ну вот Алюминиевый завод тоже, но он сопутствует. Тишанин был губернатором, он хотел мегаполис сделать – Ангарск, Шелехов, Иркутск. А что это за затея-то? Вот сейчас с аэропортом неизвестно что будет, да? Ну как-то жизнь идет, смотришь, вроде по городу, все плохо живут, все мало получают, а машин-то пруд пруди. Это ж невозможно да?

– Было ли у вас когда-нибудь желание уехать из города?

– Желание? Ну, не знаю. Муж у меня работал мастером на Ирказе?, ну а потом со зрением там что-то получилось, и он уволился оттуда. Вот он меня звал уехать на БАМ. Но я уже это… железнодорожный… сначала там, на второе это возле телецентра. Потом в семидесятые годы построили компас на Курчатова, 10А. Там значит был < ?>. Потом в восьмидесятом году стали строить как бы школу. Сначала хотели школу построить, вот где восьмидесятая школа у нас с зеленой крышей. Ну, вот на этом месте, где наш сейчас ИрГУПС стоит, хотели школу строить. Ну, а тут приехал у нас новый ректор в восемьдесят первом году из Сочи – Гура Георгий Степанович, ну, и добился, что начали там уже эту школу, которую величали как школа, отдали, подарили. А почему подарили? Потому что когда началось строительство БАМа в семьдесят пятом году, открылся наш… ну, было сначала два факультета, после двух лет обучения отправляли в Новосибирск, а уже в семьдесят пятом

мы считалися, что заведению нашему на будущий год будет тридцать пять лет. Вот, эту школу начали основывать. Ну, если бы не Комаров, бывший начальник дороги, он оказывал нам шефскую помощь и нам действительно… Феномен. По стране все закрывались, все рушилось, все разваливалось, да, а мы как-то вот выстояли. Сначала корпуса построили девятиэтажные, ну, потом корпус. Д, А, Б, В… и так вот. И сейчас уже минули < > нам присвоил. В тридцать пятом году мы назывались < >. Тут вообще повально пошло: академии стали переводиться, потом ну, институты, потом академии, потом пошло – в университеты. Ну, и мы миновали. Нужно было нам аттестацию очередную проходить. Надо было академию получать, а мы сразу так получилось, что университет. Потеряли < > количество кандидатов, докторов наук <…> Вот сейчас Фурсенко заявил, что будут до восьмидесяти процентов сокращать, ну то есть азиатско-сибирского, < >, сибирско-азиатский, что ли?.. А, русско-азиатский. Потом Солнечный сколько открылось там, да, потом отпочковались от политеха, институт юридический, экологии. Теперь техникум металлов у нас биолого-разведочный техникум. Все че-то стали как-то захватывать. Прошлый год женщины, не знаю, будем мы или не будем. Ну, в общем, у них там уже потерялось < >, там и политех на них, это, что, ну себе там захватывать.

– *А вот какие у вас были в молодости любимые места в городе? Какие сейчас? Изменилось ли что-то?*

– Любимые места у молодежи – это было… Ну, вот когда мы уже на последнем – на четвертом, на пятом, мы уже выпускались, дипломы писали, мы уже там жили, на набережной. Мы через Ангару ездили на этот на Любашку, на остров. Теперь, когда уже здесь дядя Миша жил на Красноармейской улице, ой, нет. Красноармейская, 1, а потом следующая, там переименовали, Владина?, от Юности недалеко. Вот на острове Юность, мы ходили на остров Юность. Молодежь ходила как начинался пляжный сезон. Вот там мой этот, моего мужа брат там познакомился с женой, я с мужем познакомилась на острове Юность. Было… где еще… Где мы еще отдыхали?.. Ну, ходили на иркутское море, сейчас там плавают, пляж есть. < > Не знаю, что у нас за народ, везде бросают все, мусорят, экологию не соблюдают.

– *Это в молодости ваши любимые места, а вот сейчас вы где чаще всего бываете?*

– На даче.

– *На даче? А в городе?*

– Ну, в городе, когда, вот, ну, еще студентками были, всегда ходили вот на сквер. Елку тогда ставили, елку всегда ходили смотреть?, сфотографироваться обязательно надо было. В то время

были ледяные фигурки какие-то. Ну, не в таком, конечно, не с таким размахом, ну, уже были. Горка всегда и елка всегда была. Ну, что еще? На стадион «Труд» иногда ходили, когда эти, такие мероприятия… помню, как она, Майя Кристалинская – «Пусть всегда будет солнце», ходили на концерт… ну, стадионы же собирали. Такие праздники. Ну, сейчас-то я не знаю, во дворце спорта, на стадионе, мне кажется, уже нету. Только здесь [нрзб]. Ну, вот такие вот праздники. Что еще-то вспомнить?..

– Как на ваш взгляд, может быть, изменился климат?

– Климат очень изменился. Помню, когда вот в школе училась, студентами были, было очень много солнечных дней. Даже в учебнике было написано, что у нас… и вообще мы находимся на одной параллели с Крымом, ну, и в учебники было написано, что у нас до трехсот дней солнечных в году. Ну, а тут, конечно, когда эти два моря образовалось, потом еще третье, Усть-Илимское там, то, конечно… С появлением техники у многих, раньше только мотоциклы там были, на работе организовывали выезды по ягоды, особенно, по чернику, да за орехами иной раз. Вот у меня брат работал, ну, как бы замначальником, потом, когда его в армию забрали из Братска, он сюда переехал, мы с сестрой уже здесь жили. Потом… он работал, а, его Язкин отправил работать в Шелехов. Ну, и там он, значит, сначала сразу дал ему однокомнатную квартиру, а потом Степан когда еще учился, родителям сказал, его отправили на свеклу, он сказал: «Я вас перевезу в город». И действительно, он забрал оттуда, из города. Ну, вот так вот.

– Скажите, а ваши дети, они живут в Иркутске?

– У меня один сын, живет в Иркутске. Ну, как получилось, что он, когда закончил институт, Политех. Он в девяносто пятом закончил, даже говорил, что уже не было распределения. Последний раз он съездил в Айхал, там это в Якутию, и все. Уже на четвертом он я в стройотряд его устраивала. Ну, а здесь мы квартиру получили, в Первомайске, двухкомнатную. Втроем живем. Он познакомился со своей… когда в политехе учился, познакомился… ну, она работала в профилактории, а до восьмого класса они в одном классе учились, и вот так судьба свела. Ну, и они жили гражданским браком один год, а в девяносто пятом он закончил, в августе сыграли свадьбу. Ну и тут где, встал вопрос жилья. А у ней мать умерла, очередь уже у нее, они в [нрзб] жили. Ну и вот все встал вопрос: где, да где, где, да где. Ну, он и пошел работать на Ирказ. А потому что отца, ну, моего мужа, там брат в Шелехове живет и мой брат в Шелехово живет. Ну вот. Один сын, живет в Иркутске сейчас. Я живу на остановке Ботанический сад, а он на остановке Магист-

ральный, то есть на одну остановку выше. Тоже одна внучка у меня, я говорю: «Давайте еще». Нет, тяжело.

– *Давайте в завершении подведем такой небольшой итог: как, на ваш взгляд, город меняется в лучшую сторону? Чего городу не хватает?*

– Ну, вот меня поражает, что столько денег тратят на фонтаны, вот сейчас еще собираются делать где-то какие-то фонтаны. Вот, знаете, буквально миллиарды на фонтаны. Ну, понятно, что это к этому трехсот пятидесятилетию, да? Меняется, при Тишанине, допустим, остановка Академическая, не знаю, приходилось вам ехать, нет, как хорошо сделали. Вокзал хорошо сделали, пригородные кассы сделали. Конечно, меняется все это, когда вот сравнишь… ну только вот когда эта вся разруха началась. Жалко, что вот эти заводы все наши, ну, наше поколение, осталось без работы. Меняется, конечно, в лучшую сторону. Ну, вот была стела, когда вот с моста съезжаешь, Степана Разина, Кировский район, это бессмысленная какая-то, почему разрешили. Вот здесь вот рядом с горсоветом, эти быки-то стояли, сейчас их закрыли. Убрали?.. Ну, может быть это, это в связи с тем, что «Сибирь» тогда гостиница горела, может быть тут что-то будут восстанавливать прежний вариант. Ну, поговаривают, что будут Серый дом, ну, опять он на том же месте стоял, а там почва совершенно не позволяет. В общем, вот этот храм стоит, там же как бы такая болотистая, ну, теперь вот, ну, раньше строили, так на века строили, да.

– *Чего не хватает в городе?*

– Ну, понятно, что надо скорее развязку, делать этот мост новый. Вот иногда из театра выбежишь, в маршрутку садишься, в двадцать первую?. «Все в Первомайский?» спрашивают, «Все в Первомайский?». Все. Он разворачивается не так вот через мост по [нрзб], а тут уже по 3 июля, на мост и буквально там за десять минут ты уже дома. А так через весь город тащиться, да, транспорт. Ну, чего не хватает… ну, садики сейчас стали возобновлять, < > распалось все, да. Сейчас у детей большие очереди там, заранее занимают в садик попасть. Ну как бы слышно – там ремонт сделали, там ремонт сделали. Школы пооткрывались, лицеи, гимназии. Ну, Интернет везде уже. Много новшеств, конечно. Я помню это – первый Интернет класс – Татьяна открывала пирог у нас в университете на Гагарина. Первые проекты, наши учителя лицея 2. Из лицея 2 < >. Потом вот этот открыл Ходарковский Интернет-центр федеральный, < >, девятнадцатый, то есть до нас уже открывал и в Москве, и в Санкт-Петербурге.

– *Спасибо вам за замечательный рассказ.*

– Ну я не знаю, может быть это как-то еще.

Интервью
с Нелли Александровной Беловой
(1939 год рождения)

– …В 1939 году, и с тех пор так и живу в Иркутске.

– *А ваши родители как попали сюда?*

– У мамы моей место жительства под Красноярском было, она приехала сюда в качестве няни по приглашению в одну из семей, в которой было несколько человек детей и родители заняты были научной работой. Так она здесь и жила, потом она закончила курсы парикмахера и стала работать парикмахером.

– *А где она училась?*

– Вот образование у нее всего было один класс, потому что там в своей большой семье не было такой возможности учить детей, и так вот они все… Но были, правда, среди ее сестер и братьев уже более потом грамотные люди, работали бухгалтерами и там еще... но ей не пришлось.

– *А отец ваш?*

– Отец мой был в Иркутске, тоже он не уроженец Иркутска, а приехал сюда со своими родителями и работал, долгое время возглавлял фирму. Тогда такие у нас были фирмы, она называлась что-то связанное с табако… какой-то Главтабак, например… вот так называлось. Он возглавлял, но из жизни очень рано ушел, когда мне было где-то года четыре.

– *Каким было ваше детство?*

– Детство каким было? Очень тяжелым было детство. Вот когда я, значит, когда отец ушел из жизни, нас у мамы осталось трое, я самая младшая была, и как раз через, значит, где-то вот началась же война… Я родилась в 41-м, началась война. Вот в эти военные годы какое может быть детство? У нас… Конечно, запомнилось оно единственно, что был страшный голод. Мать, когда одна осталась с нами, она на нескольких работах работала, чтобы только как-нибудь вот нас троих прокормить. Вот я и помню, что сидели мы, из окна глядели вот в эту… в то место во дворе, куда выносили мусор домашний, в том числе очистки. Так вот мы сидели, ждали со своими сестрами в окна, кто следующий понесет очистки, чтобы сбегать за ними и жарить их на печке. Вот так было, конечно, ничего не видели мы… и там, я не знаю… военные годы были тоже очень тяжелыми, то есть помню то детство, когда мы… в школу я пошла, я должна была ждать своих сестренок, чтоб они пришли, портфель был – даже портфелем не назовешь, сумка одна была на

всех, значит, надо было ждать, когда придут, из этой сумки книжки выкладывались, складывались другие… Сапожки там, или колоши, или ботинки, или туфли тоже одни на всех, так что вот мне часто приходилось в слезах бежать в школу, так как я все время боялась опоздать на уроки, а вот не в чем было идти. Вот таким запомнилось детство. И где-то уже в четвертом классе, я помню себя, мы уже ходили на чаеразвесочную фабрику после уроков и в каникулы работали. Пачки эти паковались с чаем, но хоть как-то мы, какие-то небольшие деньги зарабатывали и там вот приносили все их домой. Таким было детство, запомнилось. Но, правда, учились все хорошо.

– *А какая школа?*

– Вот пришла я в эту школу в первый класс, в которой сейчас с вами сидим, разговариваем, в первый класс, с семи лет сюда пришла, ее закончила эту школу, осталась работать старшей пионервожатой, это на два года, потому что больше ни на что рассчитывать нечего было, нечего было ни одеть особенно. И, значит, вот так я закончила десять классов, осталась работать вожатой, два года проработала, стала поступать в институт. В институт я поступила через два года в педагогический, но работа… Но училась очно, но не бросала работу, потому что к тому моменту мне уже дали первый класс, во вторую смену я работала, а в первую к восьми часам бежала в институт, с института я бежала сюда без обеда, безо всего, потому что лекции заканчивались в половине третьего, а занятия начинались во второй смене в два часа. Вот так где-нибудь потом пончик этот перекусишь (столовых тогда как таковых, как вот сейчас, таковые у нас есть, не было этих столовых), вот я каждую перемену, там, допустим, одному классу, другому давали пончик, вот с этим пончиком дети все и жили.

– *Всухомятку?*

– Ну… пончик с чаем. Почему же? Да вот так все четыре года я училась очно, так очно и закончила… и закончила, и получила диплом. Приходилось, что на некоторых последних лекциях даже не успевала бывать, и, когда сдавала экзамен, некоторые преподаватели говорили: «А ты из какой группы?». Я говорю: «Вот из этой». «Мы вас никогда не видели»… потому что я просто не могла посещать все. Вот это так вот училась, кроме того, еще все равно успевали сбегать каждый раз в субботу на танцы и в воскресенье, тогда назывались это «танцы».

– *А когда это было?*

– Ну как когда? Мне было семнадцать и восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет, вот в эти годы дискотеки теперь не назы-

вались, назывались танцы, и были клубы, клубы везде, вот клубы, клубы… В этих клубах днем там или в другие в вечерние часы были всевозможные кружки: там хореография, пение там, шахматы и все, что угодно. Молодежь шла в кружки вот в эти, а вечером, по субботам и воскресеньям, танцы обязательно до 12 ночи были, и вот все танцевали.

– А вот у вас было какое-нибудь увлечение?

– Да, вот я очень любила танцевать. Вот с детства меня сестренка увела в танцевальный кружок, так назывался.

– А где он находился?

– Вот находился по нашей улице немножко, в клубе, назывался клуб ТЭЦ-2. ТЭЦ-2 был клуб. Я, значит, ходила в хореографию долгое время, потом я закончила курсы по хореографии. Приезжали сюда московские, значит… преподаватели, целая была, была их просто компания большая, они попредметно вели все, то есть как настоящие курсы: там теория, там потом практика, потом, значит, практические вот это вот занятия. Это такие вот специальные такие все были, это надо в хореографии были, скажем, классический танец, а потом, скажем, характерный танец, потом народный танец – все это было распределено, и мы вот занимались по сто пятьдесят два часа, такая программа была. Получили мы, значит, дипломы там, то есть я очень увлекалась этим, когда я выходила замуж, мне всегда одно казалось, что я не смогу забыть танцы, а вот вышла… Я вот работаю около пятидесяти лет, только работаю, да… в одном здании. Это, наверное, редко такое бывает у людей, что бы вот в одном здании человек. У меня в записной книжке одна запись, то есть (в записной говорю!) в трудовой книжке одна-единственная запись, что я вот поступила здесь и так и работаю.

– А как вы праздники отмечали, вот… молодежь?

– Молодежь вот так вот отмечали праздники: любили выезжать на природу, собирались тоже компаниями, в основном на природе как-то. Тогда кто… все за городом. У нас вот было такое место… Так, нет, не Пивовариха, а… так выезжали компаниями и, во-первых, мы, начиная где-то… ведь тогда у нас раньше в девятом, в десятом, все мы ездили в колхоз помогать. Там очень много времени были. Вот был это летний период. Или осень… Затем в лагеря пионерские я лет в двенадцать ездила.

– В какие, например?

– В лагеря пионерские, ну вот в «Елочке» была и в «Березке» была, я даже в Артеке была, да, работала старшей пионервожатой. Здесь в школе у нас тогда объявлялся конкурс в области на лучшую пионерскую комнату, вот наша пионерская комната школы

имени Чехова, это школа раньше называлась имени Чехова, заняла первое место по области, и меня как старшую пионервожатую отправляли в Артек. Я везла сорок человек Иркутской области, и сама там четыре месяца была, стажировалась, так что я очень во многих лагерях была старшей вожатой, много-много лет работала старшей вожатой. Вот тогда еще школьницей была, где-то с восьмого класса ездила просто вожатой, просто мы на лето уезжали, чтобы хотя бы вот опять же что-то себе приобрести к школе, мы должны были все подрабатывать. Я ездила все лето, работала в девятом и десятом классе, как только экзамены сдали, я поехала опять на… Постоянно все время был у нас какой-то, у всех вот не было возможности, у всех вот такая необходимость что-то где-то работать. Ну что вы, разве сейчас они могут сравниться с тем временем. Сейчас все есть, а у нас тогда ничего не было, тогда ничего не было, и каждый думал о том, что ты хочешь, допустим, хороший чертежный набор для школы – значит, надо на него заработать все. И так дальше все остальное.

– Вы рассказывали про свое студенчество. Как вы, как молодежь справляла праздники? Как вот в городе такие праздники, как Новый год или День города, отмечали? Ну, как-нибудь украшали город?

– Праздники… какие были у нас в советское время… были праздники? Ну, 7 Ноября он просто назывался Великой революцией Октябрьской. Был парад обязательно или демонстрация, а после демонстрации по-разному, концерты были и гуляли.

– А где обычно парады?

– По-разному. Кто-то там на набережную шел, кто-то на… допустим, в клубах.

– А парады на главной улице были?

– Парады были, да. По главной улице обязательно седьмого ноября был парад такой же, как и первого мая. Школьники все шли начиная с девятого класса: девятые, десятые, шли коллективы, все шли… шли студенты, все вузы ходили. Это была как демонстрация и как парад. Очень долго к этому готовились, всегда украшений много делали, транспарантов всевозможных, цветов много, то есть каждой, помню, школе и студентам – каждому вузу – давались определенные задания: с какими транспарантами там идет, допустим, тот или другой вуз, так же школа. Тема была единая, допустим, вот все это готовили заранее в школах, в институтах, на предприятиях. Все шли после этого как-то… гуляния. Были танцы прямо на площади, на сквере Кирова, сейчас называется Сквер Кирова, тогда просто была площадь, на ней были гуляния, гуляния также были вот здесь, на берегу Ангары, во всех парках,

особенно первого, второго мая. Раньше же было больше парков таких вот, для общественных мероприятий, и всегда в эти дни парки работали для всего города. Вот платных аттракционов не было, все было бесплатно, все аттракционы, танцы были платными, но, если и стоили, то очень недорого, совсем дешевые билеты, такой билет мог купить каждый. И вот вечерами все на танцплощадках проводили праздники, салюты также были, на всех предприятиях проходили торжественные собрания, а после этого вечера все вот так отмечали, народ праздновал. Сейчас меньше стало по сравнению с теми временами. Тогда сама демонстрация людей сплачивала, каждый стремился туда идти, даже с ребятишками с маленькими, каждый стремился, потому что это был такой стимул. Вот такое было у людей, без этого праздника не было у человека, если он не побывал на демонстрации.

– А остальные праздники?

– Также Новый год в каждой семье, на предприятиях был обязательно. Были вечера и в клубах. Очень же много клубов работало, очень много клубов, их просто не перечесть. Вот эти клубы, они находились на содержании предприятий больших, скажем, например, Клуб железнодорожников содержала его железная дорога. Скажем, клуб ТЭЦ. Его содержала Иркутская ТЭЦ, и так дальше. Клуб речников – его содержал речной порт. То есть у каждого, почти каждого предприятия… имела свою базу отдыха, то есть досуг, где могли провести молодежь… там и кружки, и вечера. Всегда проходили там по всем этим клубам. Очень много было клубов: Клуб Дзержинского, я знаю, сейчас функционирует, Клуб милиции, клуб для военных работников, он сейчас должен работать, еще находится на Карла Маркса клуб, назывался Дом офицеров, он и сейчас там должен быть. Очень много клубов. В основном вся молодежь сосредотачивалась в этих клубах.

– А вот как строился Иркутск? Какие впечатления о городе?

– Ну, как… Здесь в основном было много деревянных домов, отапливаемых печкой, печное отопление, дровами и углем, но я вот даже не знаю, когда я училась в школе и в институте, я даже не помню, где бы я ни заходила, к родственникам или к кому-либо, чтобы у них был у них благоустроенный дом, в основном – деревянные дома. Вот до сегодняшнего периода вот почти весь Иркутск весь, но, конечно, еще не весь, можно так сказать, но просто уже большая часть его, конечно, перестроена, уже изменен полностью облик города, с каждым годом все больше и больше люди строят. Смотрите, сколько цветов стало в Иркутске… все-таки скверов в городе и набережных! Когда-то это были ограды, так

называемые, дворы, просто дворы. Открытых вот таких проходных мест, их просто не было, это были закрытые дворы. Значит, вот первый двор, в нем пять, шесть, семь деревянных домов. Дальше идешь – второй двор, в нем тоже пять, шесть домов. Все это мы так и называли – оградой. «В своей ограде играй», – родители говорили. Ограда от слова ограждение, значит, каждый вот не по одному дому, а говорю: вот просто буквально множество домов и общий двор. Вот в этом общем дворе как бы были свои там горки снежные, свои какие-то, но мало, конечно, спортивных таких вот площадок или таких вот снарядов спортивных, как вот сейчас площадки детские, этого не было, а играли: песка привозили машину, вот вам песок. Мячик, это было редкость, но попозже уже и это появилось. То есть дети в своих как бы дворах… своими близкими, как это называют, дворовыми командами играли, дружили и выросли так. А вот потом была дана как бы такая установка, что все дворы просто раскрыли, сняли вот эти вот ворота с каждого двора, и получились у нас проходные дворы, но что мы имеем сейчас: мы можем с вами перейти с этой улицы на другую улицу просто по дворам как бы это, да… через какие-то проходные дома. Не стало вот этих огороженных ни домов, ни дворов, ни площадок, а пожалуйста: проходи свободно, все открыто, кому как удобней, тот так идет. Вот я считаю, что это где-то, с одной стороны, плюсы, а с другой стороны, и минусы есть, потому что раньше родители видели в своем дворе детей, что они вот тут присмотренные, никуда не выходили, не расходились, что здесь они вот дружно как-то… друг за друга стояли, и лучше вот лучше этой дворовой жизни, дворовой команды не было. Вот я сама помню: приду из школы, а все же на работе, а ребятишки эти маленькие сидят без присмотра на улице, никто их никуда не ведет, вот беру их сразу, ставлю парами и поведу их парами, они уже ждут, знают, когда я приду из школы, и вот вожу их. Это было такое счастье! Вот выстрою их парами пять-семь, и они все со мной. Родители отпускали, знали, что я ответственно отношусь к этому. Веду их то на Ангару: камешки там побросают, то иду в парк с ними, то еще куда-то иду с ними, то на качели покачаться, то есть они меня ждали. Вот так были все.

– А как вы относитесь к тому, что меньше домов становится деревянных?

– Меньше домов деревянных… Ну как, с одной стороны, хорошо, что вот печки не коптят…

– Архитектурный…

– Ну есть же у нас все равно. У нас все равно же много деревянных построек, те, которые принадлежат историческому… с историческим прошлым, они же сохраняются, их еще много, их достаточно, я думаю, что они будут сохранены. Это говорит о том, что… вот такое было строительство этих деревянных домов. Улицы были как одна похожи.

– *А вы тоже жили в таком?*

– Я тоже жила в деревянном, да… тоже топили печки, также этот уголь носили туда и выносили золу обратно, воду носили. Все точно так же было.

– *И вы как получались? Соседи? И вот так же несколько домов?*

– Да, все соседи, вот несколько домов буквально, по пять-шесть-семь домов было, вот на каком-то вот одном участке двор, между ними обязательно двор, а все дворы эти воротами были, а все ворота закрывались, калитки закрывались на ночь как бы, ну все в своей было крепости, в своей было крепости.

– *А можете ли сравнить ритм жизни Иркутска: каким был раньше, размеренным или суетным, и какой сейчас?*

– Для меня вот и раньше никогда никуда времени не хватало, и сейчас так же, наверное. Я думаю, у тех людей, которые вот привыкли работать, для которых работа – это, в общем, смысл всей жизни, как бы большая часть это работа для них, тогда и сейчас ритм насыщенный. Вот такой если человек сам по себе, по своему характеру очень такой спокойный, то у него и ритм жизни спокойный, так что это зависит уже от человека. А жизнь Иркутска, мне кажется… она так, как у любого города: для кого-то это ритм, да, напряженный, а для кого-то он остается прежним, на одном каком-то спокойном таком дыхании, уровне. Просто я бы вот так бы ответила на ваши вопросы.

– *А помните ли, как строилась ГЭС? Какие воспоминания о строительстве ГЭС?*

– С ГЭС вот я не очень связана была… бы сказала я так, поэтому я вот на этот вопрос даже не знаю, как вам ответить так, чтобы показать что-то такое. Не знаю даже. Стройка как стройка, комсомольцы там и прочие. Но так, чтобы близко эта тема была для меня, Вы же имеете какую ГЭС: Братскую или какую?

– *Вашу.*

– Но вот я и говорю, что я не очень как бы с ГЭС. На такой вопрос мне сложно ответить.

– *А какие важные производства в то время были в Иркутске? Помните ли строительство моста через Ангару? Помните понтонный мост через Ангару?*

– Ну, помню понтонный мост… конечно, помню, как же не помнить. А через Ангару строительство было уже до меня, мост был построен до меня. Ремонт этого моста был, закрывался мост как-то и довольно-таки продолжительно, меняли там, видимо, конструкцию моста этого. А так, чтобы… Но он же существовал уже, а так, чтобы… Ну понтонный мост, он какой-то период уже не существовал, а помнить помню, даже ходила по нему, а строены они были еще до моего появления на белый свет. Ангарск… Ангара вообще была вот на весь этот ангарский мост, когда не было ГЭС, Ангара превращалась в единый ледовый каток, и до появления вот этой ГЭС нашей… Ну поняла, про какую ГЭС вы спрашиваете, про Иркутскую. Вот эта, что сейчас она еще которая, до появления вот этой ГЭС, мы же на этой Ангаре всю зиму катались на коньках, люди по ней ходили всегда, скорей было по Ангаре перейти, допустим, чем по мосту. Лед был такой толщины, что за все время никогда не помню, что кто-то где-то попал в какую-то трагическую судьбу, чтобы где-то провалился или утонул или какое-то там произошло неприятное происшествие на льду, такого я не помню. Каток был огромнейший, но вот представьте: вся Ангара была превращена в каток ровный, красивый. Ангара как-то застывала очень ровно, никаких на ней не было вот ни комочков льда, ни неровностей, единственное была вот это наслаждение вот это, когда дождаться не могли, когда идем уже на каток кататься и всю зиму катались на этой Ангаре, ходили, катались всю зиму, все катались, весь город катался. Когда же построили ГЭС, вот видите, Ангара никогда не застывает на зиму, уже такого удовольствия нет, а раньше весь город на льду.

– А вот какие производства были?

– Ну, большие производства у нас. Это Куйбышева завод был, станкостроительный завод был, ТЭЦ Иркутская, затем большое значение железная дорога здесь у нас играет роль, так… завод карданных валов, так… теперь чаеразвесочная фабрика, тогда она называлась чаепрессовочная фабрика, кондитерская фабрика. Ну заводов что-то много у нас было. Много, много заводов было. Ну… вот фабрика шитья была. Как она называлась? То ли пошивочная фабрика… Дальше. Вот всего даже не вспомнишь сразу. Потом уйду домой и вспомню. Сказали бы раньше, я бы вспомнила.

– А что-нибудь еще до сих пор работает?

– А что до сих пор работает? Ничего. Там железные дороги, ТЭЦ работает еще, а ни чаеразвесочная – чаеразвесочная она потом называлась позже – и она уже не работает, завод Куйбышев-

ский тоже не работает, карданный тоже не работает, кирпичный завод работает. Кирпичный завод работает до сих пор.

– *Где он находится?*

– Ну, он где-то находится за городом, где-то туда к Ново-Ленино, у нас теперь, наверное, больше промышленности в Ангарске, чем у нас в Иркутске. Ну, конечно, есть у нас и комбинаты, мясные и колбасные продукты есть, и фабрика птицефабрика, и прочие вот теперь работают, а в основном-то теперь, наверное, больше промышленности в Ангарске. Хотя, может быть, я и не все знаю.

– *Я тоже так думаю. А вот если говорить о войне, вы помните, как встречали победу?*

– Ну конечно помню. Как же не помнить? Когда объявление по радио сделали, все побросали все свои дома, даже и не замыкали их на ключ, все понеслись на площадь Кирова, площадь Кирова была, а сейчас это сквер Кирова. Вот на этой площади стояла трибунка небольшая вот, когда проходили у нас демонстрации, вот на этой трибуне все стояли, руководители города, так вот на этой трибуне сразу собрались руководители города, и просто вся эта площадь была занята людьми, и молодежью, и маленькими тут детьми, потому что все бежали с маленькими детьми, никто не мог поверить, что на самом деле это могло случиться, и вот, значит, с трибуны с этой все это рассказано руководителями города, и потом откуда-то ни возьмись приехал оркестр, а тогда у нас оркестров духовых было очень много, они при разных организациях, при клубах, при всех при этих были вот эти духовые оркестры. И откуда-то, я не знаю, был привезен духовой оркестр, когда играл всю ночь на этой площади, и люди все танцевали до самого рассвета. Вообще был рассвет, и еще никто не уходил с этой площади, весь день народ потихоньку рассасывался оттуда уже вот такие уставшие. Но было столько народу, что даже тесно было этому всему народу, а площадь ведь огромная. Наверное, не знаю, не нашлось, наверное, равнодушных ни в одной семье. Уже те, которые не могли бежать туда, и те, кто по какой-то причине отсутствовали или были не настолько здоровы, чтобы бежать туда, а в основном все просто бежали на эту площадь, по всем улицам бежали.

– *Наверное, все производства были закрыты?*

– Да. Я говорю, что я помню хорошо, что дом не замкнули. Оказалось, что у нас во дворе, где мы жили, вообще никто ничего не замыкал, квартиры даже свои не замыкали, дома свои не замкнувши, бежали на эту площадь, чтобы своими ушами узнать все, услышать и быть спокойными, уже так это или нет на самом деле. Вот такой был победный день. Очень. Потом тащили баяны уже по

кучкам по всем по этим улицам, где можно было, где только возможно было. По всем улицам баянисты играли песни военных лет. Все звучали абсолютно, то есть можно было с этой улицы перейти на эту улицу, и там было то же самое, не вместился народ весь на площади. Вот так. По улицам всем была музыка, со всех концов музыка: эти… «Катюша», эти там песни… и «Три танкиста». Их очень много было военных песен военных лет. Ничего лучшего нет, чем вот авторы этих песен создавали песни тогда, видимо, с такой душой, с любовью, столько они в этот момент пережили, думая только о том, как бы согреть душу этим солдатам, этим людям, воюющим, голодным, холодным и не спавшим, что они вкладывали всю душу. И вот эти песни, они ведь до сих пор поются и слушаются с удовольствием. А тогда просто в каждом углу эти песни несколько дней буквально, несколько дней буквально, не один день, а несколько дней. Ну просто я не знаю, какой-то единый был праздник, хотя никто к этому празднику готовиться… не был готов, это был праздник… песни, праздник, вот какой-то и душевный… вот такой общий праздник. Сколько, наверное, только людей познакомились вот так друг с другом на этом… Потом стали вот эти возвращаться, солдаты на железных вот этих дорогах, вокзалах тоже. Все люди вот так же с баянами встречали с цветами вот этих солдат, это тоже помню. Просто нам тогда не разрешали, но, зная о том, что вот по городу ехали эти машины с ними и проезжали с баянами… музыка также. То есть несколько дней до того момента, пока они возвращались в город, до того момента был все время вот этот… просто… какой-то необыкновенно восторженный внутри у людей. Все ждали своих, бегали на эти поезда, к этим поездам, бегали все в надежде встретить своих, но многие, как вы знаете, и не встретили. Но тем не менее в то время это было так: народ бежал в надежде встретить своих близких.

– Как изменялся климат? Заметили ли вы это?

– Ну конечно, он и теперь изменяется. Если раньше твердо все было и точно… Вот весна в мае, на демонстрацию мы всегда шли вот уже такими, полураздетыми, в легкой одежде в такой, но, как вы видели, с первого мая нынче, ее несколько лет назад уже никто не ходит еще в это время. Сейчас у нас начинается… как бы вот лист появляется на всех деревьях, ну раньше пятнадцатого мая он не появляется, а тогда уже с первого мая вот мы шли, теплая уже была погода, листья уже кругом были на кустарниках, на деревьях, сейчас они гораздо позже появляются. То есть я считаю, что наоборот – похолодало у нас как-то, лето хорошее стало, и не всегда такое теплое, как было раньше. Устанавливалось лето – это было

лето. Сейчас оно вот сегодня тепло, а завтра не знаем, что будет. А раньше какая-то была более определенная вот такая температура воздуха, и ночью, и днем. Сейчас мы не знаем, что будет завтра, какая будет завтра, то есть постоянно в погоде какая-то, все время нет никакой определенности. Зима тоже. Раньше если морозы, так это морозы. Они как дадут! Это зимние морозы были иногда. Сейчас зима: ну два-три дня морозно, остальные дни так средне, средний такой, то есть не чувствуется такая зима, настоящая зима. Поэтому от этого идет дальше. Дальше идет весна такая же неопределенная. Вот есть большое изменение вот этой определенности погоды. Раньше вот люди могли брать палатки и уезжать летом, предположим, на две-три недели в палатках. Сейчас не каждый рискнет, потому что завтра… какая погода ждет завтра. А вот раньше весь город выезжал в Смоленщину (это место, где горожане любили отдыхать), Смоленщина, она недалеко здесь, за городом, и вот там можно, допустим, по реке Куда тоже любили, там вот эти палатки выстраивались на две недели. Там люди могли отдыхать с ребятишками маленькими. Сейчас нет. Потом посмотрите, эти клещи. Раньше вообще не знали, что такое клещи. Мы на траве на этой все загорали, на траве мы там и кушали, и все. Редко, когда подстилалось что-то для маленьких, а так в основном все на траве. Ни о каких клещах вот этих вообще речи не было. Вообще на траве все. Газеты подстилались, или там клеенчка, или бумага подстилалась только под посуду, где мы вот, допустим, садились покушать, вот чтобы тарелки стояли или там хлеб был нарезан, но вот этот весь так столик… ну все на траве. Я говорю, что вот выезжали в Смоленщину, буквально выезжаешь, надо раньше выезжать, рано утром, потому что места не займешь. У кого вот палаток нет, все отдыхали, но вот мы просто рядом были, рядом все, всеми рядом располагались все, бежали все купаться, потом снова все сюда, все на траве, абсолютно все, в лесу все, на траве.

– А комаров столько же было?

– Комары были. Мазались от комаров мазью там, или костер вот этот спасал всех. Спасались. Костер разжигали, он все-таки как бы… Но все чтобы про эти клещи, такой вообще речи про них не было. Народ спокойно отдыхал… суббота, воскресенье… дач тогда было мало, вообще практически ни у кого не было, это вот пятнадцать лет тому назад стали дачи появляться, а тогда вообще никаких никто ни о каких дачах не думал, все выезжали. Вот даже на производстве выделяли, допустим, две машины или там заказывали два автобуса, собирались к этому месту, к производству к этому, даже мы, учителя.

– … а если нет – почему?

– Желание из города… Как-то такого определенного, цели такой определенной не стояло. Даже тогда, когда я в «Артек» на четыре года на стажировку, побывала там во многих городах, где и в Ялте, и в Грузии, но даже и после этого как-то сильно меня не тянуло уезжать в другой город, нет. Даже если я была студенткой, вот я в Киев ездила или там в Москве или в Ленинграде была, ездила то есть, всегда тянуло домой. Такого желания уехать из города никогда не было, цели такой никогда не было. Может быть, это от того, что, чтобы ехать, нужно было базу иметь материальную, финансовую, а у нас такой базы не было, чтобы уезжали. Обычно те, кто могли там устроиться… а у нас как бы такого не было, чтобы можно было поехать, устроить свою жизнь там где-то. Здесь вопрос финансовый стоял на первом месте. Мы не могли.

–А вот как вам показался Иркутск по сравнению с другими городами?

– Я даже… мне даже не представилась возможность никогда, ни разу побывать ни на одном курорте, кроме Братска. Один раз я была в Братске, это очень близко от Иркутска, а так, чтобы на юге или где-то побывала на курорте, вы знаете, учителей никогда не баловали, путевок нам никогда не поступало вот так, чтобы можно было куда-то поехать, распределить. Если мы до туристической базы добрались там, например, на Байкале, то могли отдохнуть даже на Байкале. Я ни разу не была на самом там, допустим, в санатории «Байкал», такой возможности не предоставилось. Во всяком случае, во всю свою жизнь я ни на одном курорте, ни на юге, ни даже у себя под носом, на Байкале, в санатории, мне такой возможности не предоставилось. Ни дети мои… вот не могла их отправить там в Сочи или куда-то на юг. Никто мне самой. Так что в этом отношении мы вот так вот проработали.

– Вы говорили, что побывали в разных городах. Каков Иркутск по сравнению с ними?

– Сложно очень сказать. Конечно, там, где я была, очень чисто, очень благоустроенно. Тогда здесь у нас и магазины были как бы еще на каком-то низком уровне. Там уже в те даже времена придешь в магазин, в нем одном можно купить овощи, хлеб и все, что нужно тебе купить для дома. У нас же овощи были на улице Ленина, а на 5-й Армии только хлеб. Для того чтобы сделать вот эти домашние покупки, это надо было вот столько потратить времени. У нас вот в этом отношении… мы медленно развивались. Даже тот же самый Ангарск, который новый город, там все было намного комфортнее и обдуманно… все было. Нашим иркутянам многому

учиться надо было у них. Мы все ездили в Ангарск за продуктами, потому что там и кондитерские, и мясные – все как-то было на высоком уровне по сравнению с нашим городом. Наш город только за последние вот пятнадцать лет, то есть после перестройки уже наращивал свой этот потенциал. А в основном-то в нашем городе все очень медленно развивалось. Очереди огромные были. И только после перестройки в городе комфортней как-то стало, чем было раньше. Хотя в других городах кто бы ни приезжал, все говорили, что вот там есть то, там для людей уже больше есть благ, заботы о людях, чем в нашем городе.

– *А ваши дети остались в Иркутске?*

– Да, мои дети живут в Иркутске, работают и живут в Иркутске.

– *Они здесь… им здесь больше нравится, да?*

– Ну да. Они как бы не думают о переезде в другой какой-то город. Они живут в Иркутске.

– *А какое самое любимое место у вас в городе? С чем связано? Может быть, в молодости были одни места, а потом какие-то другие стали?*

– Пока как бы в молодости не придаешь этому значения, а уже в более мудром возрасте что ли как-то вот тянет иногда. Например, у нас было любимое место вот на набережной, вот когда мы еще были в среднем своем возрасте, теперь же на набережной… вот ведь если туда даже придешь в субботу или в воскресенье, в свободное от работы время, там негде ни присесть, ни отдохнуть. Раньше мы могли там сидеть, отдыхать, дышать воздухом свежим.

– *Там лавочек больше, да?*

– И лавочек больше было, и не было вот такого засилья гуляющей молодежи, которая просто, когда иногда приходишь на набережную, там не воздухом ангарским пахнет, а табачным дымом, там все просто закурено. Вот раньше мы стремились туда, теперь туда не очень хочется, потому что нет такого, что можно было бы там время провести, просто почувствовать там какой-то отдых, нет там этого. Сейчас все лавочки, там с ногами сидит молодежь, сидит и ногами стоит на этих лавочках, а сидит на перилах этих лавочек. Сплошное пиво, сплошное вот это курение. То есть вот раньше молодежь не была такой, как-то больше спортом занимались, как-то больше делами занимались, как-то учиться хотели, по библиотекам как-то больше народ ходил, что-то друг друга спрашивали, там писали чего-то, помогали друг другу. Вот у нас такой… я не помню такого периода, чтобы молодежь просто толпами с утра до вечера занимала эти лавочки, тем более пили пиво. Но вот сейчас, куда бы ты ни вышел, возьмите, где у нас

площадки детские, детские площадки у нас для детей в любом дворе. Я живу в большом дворе, где большая детская площадка, на этой детской площадке редко могут погулять дети, сплошь все лавочки заняты гуляющей молодежью. Опять пиво, опять папиросы, опять нецензурная брань и так далее. Там, где только жители дома постоянно выходят с ними ругаются и просят прийти и привести себя хотя бы в какую-то форму, тут дети рядом, то в ответ слышат то же самое, не захочешь с ними связываться, как говорится. А вот эта вот свобода такая… молодежь: себя мы только видим, вот мы хотим повеселиться, мы хотим посидеть, похохотать там, пообщаться, а всех остальных мы не видим никого. Но это, наверное, теперь не только в нашем городе Иркутске. Я так думаю, это, наверное, общее такое, тенденция такая. Так что любимых мест практически… куда вот, я не знаю, ну куда мы ни пошли, там не увидим вот людей пожилого возраста и среднего возраста, потому что просто они не выходят туда, раньше вот всегда выходили, они не выходят туда, потому что нигде не найдешь все равно ни места, чтобы посидеть, поразговаривать или встретиться там с кем-то, пообщаться – все занято молодежью гуляющей, которая нигде не работает, нигде не учится. Вот они все там, на этих лавочках проводят с бутылками пива, с папиросами. Так что я не знаю, так что не тянет никуда, скорее тянет уже за город, туда, ближе к даче, или куда-нибудь к соседям, или еще с кем-нибудь, только вот в городе нигде не пойдешь, не сядешь, не отдохнешь. Нет такого места. Ну я не знаю, может, где-то там, за центром – в центре практически нет.

Интервью
с Нонной Ильиничной Латышевой
(1941 год рождения)

– Расскажите, пожалуйста, где вы родились?

– Где я родилась… Родилась я вот не в этом доме, а вот здесь стоял другой наш барак. Старый дом вот еще где-то, по-моему, с тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года построен… Вот потом папа построил вот этот вот дом у нас в пятьдесят шестом году, вот.

– То есть вы родились в Иркутске?

– Вот уже шестьдесят… пятьдесят три года живем в этом. Родилась я здесь, так никуда не уезжала и замуж здесь вышла. Здесь так и живу.

– А родители?

– Жила мама здесь, папа рано умер, вот… Мама, правда, восемьдесят пять лет прожила.

– А не знаете, как Ваши родители попали в Иркутск?

– Как кто?

– Как родители попали в Иркутск?

– Родители тоже здесь… Нет, родители у меня… Вообще-то, мама здесь родилась, вот… а вот бабушка, бабушка, она была ссыльная оттуда, с запада, вот откуда. Оля, я не знаю конкретно, вот. Она сюда, значит, это… ее с отцом выслали. Отец работал кузнецом… подручная… а Усолье, вот. А отец мой сам тоже усольский с Бадая, там где-то деревня Бадай. Я ни разу там не была.

– То есть там...

– Ну а потом, видимо, баба переехала сюда, в Иркутск, а так она с отцом, вот… ну замуж, по-моему, там вышла. Вот, два раза выходила. Баба у меня была здоровая такая и устроилась… и устроилась она работать в депо в… это… в отдыхаловку, вот. Она раньше… бригады по… работные были там. Вот трое детей у нее было: мама, старший брат еще и младшая сестра. Потом, вот, она купила вот эту всю усадьбу, вот.

– То есть вы практически всю жизнь прожили на этой улице?

– А?

– Всю жизнь практически на этой улице прожили?

– Ой, Олечка, ты чуть погромче.

– Вы всю жизнь практически на этой улице прожили, да?

– Всю жизнь вот на этой улице я так и прожила. Как родилась, так и это…

– А вы помните ваши детские впечатления о городе, об этой улице? Можете что-нибудь рассказать?

– Какое впечатление? Деревянные тротуары были. Ходили мы по деревянным тротуарам, вот… грязные дороги, канавы… сейчас нету никаких канав, ничего. Раньше канавы были, вот. И деревянные тротуары, и дорога неасфальтированная, грязная, вот. Коров гнали по улице туда, ну, в конце улицы там есть пастбище… Какое еще впечатление…

– Ну то есть то, что было в детстве и сейчас… Город изменился? И улица изменилась?

– Город изменился, конечно, стал… стал он… как сказать… конечно, интереснее стал.

– А можете рассказать, что было раньше и что стало сейчас?

– Ну, раньше этих многоэтажек здесь не было, все здесь были дома, вот, все старенькие все… там болотный участок был, вот. А где вот сейчас Сибирских Партизан… Знаете, где улица Сибирских партизан?

– Да

– Вот там было кладбище, вот.

– А потом его снесли и…

– А потом его снесли и, вот, застроили вот это в пятидесятых годах. Застроили этот вот, как вам сказать, четыре угла… начали как с четырех углов вот это и так сюда пошли, значит, это… и вот эти многоэтажечки, эти многоэтажки… уже все здесь было. Это деревянные дома поликлиника деревянная была, вон. Деревянные больницы тоже еще до сих пор… ее до сих пор новую больницу построили в Ново-Ленино, а то была вот такая маленькая больница деревянная. Да, это деревянные все дома были старенькие, вот.

– А вы как отнеслись?

– Убого… убогие по сравнению с сейчас-то… по сравнению… как сейчас-то. И в город мы вот ездили в цирк, так там тоже вот… вот, на Чкалова старые дома были, сейчас их снесли, вот. Я как-то недавно еду, смотрю: там тоже все вот такие дома были. Все это, все это было. Так же деревянные тротуары, так же эти грязные дороги, вот. И набережной этой не было никакой – парк был там, парк был, ну, он какой-то такой был… ну деревья были все, ну это, ну не сравнить… сейчас, конечно… Это уже потом, с шестидесятых годов, построили вот эту, вот остров Юность-то, вот. Не было никакого острова Юности, не было никакой площади на Площади Кирова – ничего, конечно, такого не было, все это было просто, просто все деревянные дома. Гостиницы «Ангары» тоже не было, была одна эта убогая гостиница «Сибирь», вот.

– А какое ваше студенчество было? Вы учились где-нибудь в вузе?

– Училась, Олечка, училась

– Можете рассказать про студенчество, почему вы выбрали именно этот вуз?

– Я училась вечером… на вечернем училась.

– А в каком?

– Я училась в университете на физмате, математическое отделение, на программиста и с четвертого курса ушла, вот.

– А почему?

– Ну, так жизнь сложилась. Во-первых, тяжеловато… Вот осуждаю внука, а сама, видишь, тоже вот так вот не закончила… Работала на заводе, вот пятнадцать лет я отработала на заводе, а потом, вот, и вечером училась, вот, четыре… три с половиной курса я закончила.

– А где находился ваш факультет?

– Факультет на набережной находился.

– То есть как сейчас, так и раньше?

– А?

– Как сейчас, так и раньше?

– Да-да, да-да-да, так он там и находился, он находился на набережной, вот это здание. Было вот это одно здание, потом вот эта библиотека была, вот… это белая, вот…

– Белый дом.

– И было здание на Ки… на площади Кирова – там исторический был факультет, и вот. А сейчас же где-то построили вот в Университет… корпуса где-то в Университетском, да ты же ну это… так понаслышке, я не уверена, вот. А так были всего эти три корпуса. Вот первый корпус где был – вот это я училась… Второй корпус был на Кирова, и вот здесь вот корпус, где библиотека… там еще все это, географический, по-моему, был факультет или какой-то там, не помню уже, вот…

– Как вы добирались от дома до университета? То есть на транспорте на общественном?

– На автобусе. На автобусе. Ой, ничего, ниче… я на автобусе.

– Сейчас... Было хуже с транспортом или…?

– Тяжелее, конечно… Было не то, что сейчас ходит транспорт. Сейчас транспорт, вот. На работу к восьми, ну он работает на… на вот на этом, ну где… «Парус» там… до узловой до… доезжает. Вот он за пятнадцать минут выбегает из дома, вот. А я добиралась целый час, больше даже, вот. Прибегу с работы, покушала, собрала учебники – и на автобусе. Ну ничего.

– А как вот у вас были какие-нибудь праздники в молодости, как вы их отмечали? Например, со своим факультетом или со своими друзьями?

– Ну, в школе у нас был, как вам сказать, как мы считали, нас было пятеро подружек… вот отдел пятерых, мы так считали. А сейчас одна, значит, уехала, вторая уехала, и остались мы вот трое, вот, которые с первого класса дружим, вот. Одна – это Надежда Дулицына, сейчас она Савельева, вот. Работает она на этом… эээ… живет в городе на Степана Разина, вот, кончила финансовый институт. Работает она в этом вот… где «Океан», магазин, там это управление какое-то, это… как сказать… Гражданпроект, Гражданпроект. Вторая приятельница тоже кончила институт, тоже финансовый, вот. Работала она сначала на автобазе инспектором по отделу кадров, потом, значит, где-то это… потом она… да, а потом автобаза раз… это раз… это… разошл… раз… это… распалась вот и она, что… (Рома, ты на футбол?) Распалась… И она сейчас… она работает до сих пор, и та работает, и эта. Вероника, Вероника вот та эта, Лесовская, вот. Она сейчас работает помощником депутата на железной дороге… она. От управления сам депутат управления. Вот мы три подружки: они с образованием, а я вот одна осталась, отдала всю себя внучатам, дочери, а сейчас огороду, вот.

– И как вы время проводили вместе? Вот, например, был праздник, 9 мая…

– Ну часто… часто в театры ходили, часто ходили в театр. Ну на каток не часто, но ходили, раньше мы на каток ходили. Роща у нас была, на танцы ходили. Вот где железная дорога, где вот РОВД, знаете, нет?

– *Нет.*

– Вы там не знаете.

– *Нет*.

– Ну, там вот, где отделение дороги, больница, а там вот роща, есть такой сад.

– *Ага, знаю-знаю.*

– Туда на танцы ходили, там танцплощадка была вот.

– *Там...*

– А?

– *Там танцевали, там по выходным собирались или как?*

– А вот через мост тут недалеко же.

– *Расскажите, просто я никогда не слышала о таком, как так получалось?*

– Ну как… Ну сейчас же есть вот эти дискотеки. Ну на… раньше не дискотека называлась, а танцы.

– А там было на улице?

– Да, на улице, да, на улице. Площадка такая деревянная круглая, довольно-таки порядочная, вот.

– И много народу туда приходило?

– Много-много. Вот парк здесь в конце четвертой, не в конце четвертой, а вот через вот наш квартал был, через еще квартал, вот там тоже роща. Там парк был более-менее, сейчас он заброшенный, а то раньше он был это более-менее функции… это… функционировал. Там кино показывали, вот «Тарзан» показывали, как он ее… это… ну до сих пор тут слышно было. В кино туда ходили… Кинотеатр здесь был наш старый – «Луч», вот не этот деревянный. Где суд вот сейчас наш. Суд, знаете?

– А это какая улица?

– Муравьева. По Муравьева. Вот наш суд там было одноэтажное… эээ… кинотеатр «Луч». Ну часто в кино ходили, вот.

– А много в городе было таких мест, как танцплощадки или как… места развлечения? Их много было?

– Нуу… да, в городе на танцы мы ничего, вот я и говорю: на танцплощадки мы ходили, вот в этом… вот в роще. Вот через мост перейдешь, вот вокзал, вокзал, а тут, правее, там есть такой… большая роща – вот там вот было организовано… эта танцплощадка, довольно-таки большая. И не страшно было ходить, вот. Потом на стадионе была организована… агитплощадки: всякие лекции тоже читать ходили, и тоже была… ну там вроде как… пятачка было. То туда сходим, то туда на танцульки сходим. В ДК ходили на танцы, вот… на концерты в ДК ходили Ну что еще. Нуу… выпивать так мы не выпивали, как сейчас вот молодежь пьет. Я помню, мы в десятом классе собрались в Новый год отмечать: у нас была одна красного бутылка, и то мы ее открывали – мы ее разбили. Ну… ну и, в общем, скромнее гораздо жили, чем сейчас молодежь.

– А город как был украшен, например, в Новый год?

– Флагами. К празднику все с флагами. На каждом дому мы вывешивали флаги, флаги. Вот как стихотворение: «Видишь… эээ… что-то в город…», ну я уже не помню… ладно, не буду. На демонстрации ходили седьмого ноября, Первого мая – это уж были гармошкой, вот. На демонстрацию… Сначала с классом ходили, вот. Вот здесь у нас школа была, семь-восемь лет. Я здесь семь лет… я здесь училась, вот на том углу. Сейчас она развороченная, не видели, не обратили внимание? Нуу… семилетка здесь была. Семь классов здесь кончала, а во второй… а в восьмой класс вот уже на завод, там в тридцать четвертую школу. Раньше она была госпи-

талем в войну, а потом после войны ее преобразовали в это… в школу. Вот восьмой, девятый, десятый там кончали, вот. К празднику готовились мы, специально маршировали, нас физруки готовили. Приходили на демонстрацию, это вроде было как уже обязательное. И праздник чувствовался: «Ура» кричали, гармошка… А мы же на заводе когда уже работали, с заводом ходила с работы, ходили там уже и с гармошками. И так интересно, конечно: работаешь с че в… в одном, в общем, видишь… это… человека, а в праздник на демонстрацию уже-то уже получше знакомы, и детей узнавали, а потом уже и наряжались, совсем человек преображался вот. А сейчас ни демонстраций, ничего нету. И праздник-то не чувствуется.

– *То есть раньше было лучше, да, как-то?*

– А?

– *Раньше было лучше, то есть в плане украшения, в плане организации праздников?*

– Как-то было интереснее, веселее. Вот мы хоть сейчас… так в другой раз с приятельницами встречаемся и говорим: все-таки наше детство было все равно интереснее, интереснее, вот.

– *А вот сейчас переименовывают улицы, например, перестраивают памятники. Например, вместо шпиля поставили Александра. Как вы к этому относитесь?*

– Ну положительно, естественно, ну что… переименовывают. Я даже не могу сказать, видимо, какая-то причина есть, наверное, чтобы это… не могу сказать тебе это ни… ни… ни как-то. А что памятники… и восстанавливают древние памятники архитектуры. Ну вот это теперь… это на пло… на острове Юность построили это… как его… Александру Второму или Пе…

– *Третьему, по-моему.*

– Второму, по-моему, поставили.

– *Нет, Третьему.*

– Ну, в общем, царю поставили памятник. Ну-у-у… я… например, положительно отношусь, а почему, а что… А что плохого…

– *Ну, шпиль раньше был как-то…*

– А ну-ну-ну… что теперь. Вот. Ну так-то, конечно, город сейчас стал более-менее благоустроеннее, интереснее. Этих же не было всяких этих… Академгородок Университетский и вот этих же не…

– *А вы не помните, когда это при вас появлялось? Как вы помните эти моменты?*

– Ну как… ну где-то… Где-то, где-то в шестидесятых-семидесятых годах уже началось. В шестидесятых вот это. Университетский стал, ст… это Академический где-то… Это с шестидесятых годов уже начали, даже попозже чуть-чуть, но не раньше.

– Вы считаете, что снос старых домов и постройка новых домов – это только к лучшему, и это город не портит, облик города?

– Не портит. Я считаю, что это к лучшему, это к лучшему. Я даже, допустим, сейчас оч… вот ездила я в больницу в город и проезжала эти… обычно ездила… приятнее… на Чкалова выходила. Эти дома убогие стояли, мне так не… это думаю, ну что это – центральная улица это, а сейчас смотрю: их снесли. Видимо, уже это… А вот порт на этом… пристани на… в это… на Ангаре построили какой-то. Это же было убогое просто какое-то деревянное как б… как б… как баржа стояла вот. А сейчас, посмотри, какую пристань построили. Ну, вот мост проезжаешь, вот. Раньше был, конечно, понтонный мост, этого моста не было.

– А вы помните, как он строился?

– Нет, это уже… это я его не помню, как он строился, я уже помню: он уже был построенный. А вот баба… раньше же здесь ни рынка, ничего не было, она же хозяйство держала, скот, скот и ходила в город торговать молоком… Молоко или что там, вот это через понтонный мост. А вот это уже, наверное. Я-то родилась в сорок первом году, вот. Видимо… а когда вот его построили, я даже не знаю, я его помню уже построенным этот мост, вот этот большой. Раньше Иркут… вот иркутный мост был старый деревянный, через Иркут шел. Вот было это эээ… железнодорожный мост там через Иркут, а рядом был деревянный мост авто… эээ… машины ездили по нему. А сейчас построили новый мост, вот. В Ново-Ленино этого моста не было. Вот сейчас вот ездили в го… вот… вот этого не было, вот. Это тоже где-то уже, наверное, в восьми… Там болота были, вот там вот это болота, ну и как церковь была огорожена, так мимо по тропиночке ходила, а сейчас вот… через железную дорогу здесь был старый тоже мост деревянный, вот. Сейчас его уже года… вот как вокзал построили… сколько лет, мне даже трудно сказать сколько. Вокзал был тоже. Маленькое здание деревянное, мост этот, деревя… этот… Ну этот уже в девяностых годах убрали мост и построили вот этот новый теперь. Вы не… не… не… ходите через него? Вы в городе, наверное, живете.

– Ну да, я живу в городе.

– Ааа… А то вот так вот. Вот наша, вроде как, улица четвертая, третья, вторая, первая и… мост, выход на вокзал, и тут сразу вокзал новый построили шика… шикарный вокзал, а то был… А этот вот снесли, он был немножко правее туда, к востоку, к западу его снесли, деревянный этот.

– А вокзал какой был?

– А вокзал был… одноэтажное здание, и рядом было… как его называют… вроде как буфет, кафе… вроде.

– *А помните, когда он стал перестраиваться, преобразовываться?*

– Ну перестра… ну как-то, вроде, и как сказать…. я же не следила за этим, чтобы вот… как он строился, вот. Год пройдет, глядишь – уже все. Даже строить, ломать-то не строить: раз – снесли. Вот мост стоял-стоял откры… закрыли его. А открыли этот, потом долго стоял, а потом раз – и снесли. Это же «ломать не строить», как-то не на моих глазах, потому что не следишь же за этим, вот. Ну, конечно, никакого сравнения, какой сейчас вокзал, какой был. Деревянное убогое здание было. Электрички ходили на запад, допустим, вот… ммм… я-то в Усолье вот ездила, у нас там родственники были, ну они, может быть, ходили до Черемхово… не ходили…. я даже не могу сказать сейчас вам. Ну, два раза в сутки – утром и вечером. А сейчас через каждый час почти ходят. Два раза в сутки ходили, вот. Электрички, конечно, не такие были холодные, это… Ну, видели, наверное, вот так вот в другой раз кино-то старое… еще показывали такие. А это уже электровозы… уже стали в пятьдесят шестом или пятьдесят пятом году уже. Электровозы новые эти, электрички, а до пятьдесят шестого года паровозы ходили.

– *А вы их помните, да?*

– Ну видела, конечно, их паровозы, как же. Один стоит паровоз как памятник: вот у нас идешь туда, вот перейдешь через мост, там вот вагонное депо, ну там отделение дороги, там есть музей, это железной дороги, и стоит паровоз, вот, как памятник. Вот они ходили до пятьдесят пятого-пятьдесят шестого года. А так уже электрички стали ходить и электровозы, вот.

– *А помните ли вы что-нибудь о строительстве ГЭС?*

– А?

– *Строительство ГЭС, можете что-нибудь об этом рассказать?*

– Ой, ну там я редко бываю, ничего не могу сказать Единственное… ну раньше, конечно, мы компанией ездили и отдыхать на Байкал… Это и на работе – не со школой, а вот уже работали, организовывали как-то поездки коллективные. Коллективные поездки – на это автобус заказывали и ездили с ночевкой на два, на три дня, ну в пятницу уезжали и отдыхали. И не страшно было, и не боялись. А сейчас уже… так сейчас уже… вот. И раньше мы, вот, с подружками… у нас как-то компания не собралась, втроем мы пришли уже из цеха. И мы пошли и втроем поехали: доехали, переехали ГЭС, там перешли на ершовский залив и втроем отдохнули летом, это… на это… на свежем воздухе. И никто никогда ничего не

боялся. А сейчас уже этого не… Не знаю, как сейчас молодежь, но мне кажется, сейчас только страшновато.

– *Наверное…*

– А?

– *Я думаю: да, страшновато*

– Как вы думаете, да?

– *Ну да, конечно, стало и преступности больше.*

– Вот, а мы ничего – ездили, конечно, и с молодыми людьми и… В общем, это было не страшно а сейчас уже более-менее такие это.

– *Вы говорите, ездили с работой, ну с коллективом?*

– Да

– *А что вы делали на работе? Расскажите подробнее о вашей работе, о ваших обязанностях.*

– Нуу, я работала диспетчером в цехе, допустим, это… выбивала… эээ… эти… Ходила по цехам и пробивала… де… выбивала детали дефици… дефицитные для работы. Нас было двое или трое диспетчеров, вот.

– *А какой цех у вас был?*

– Сорок четвертый, сорок четвертый.

– *А что там производилось?*

– Это слесарно-сборочный цех, там строили мы стремянки для самолетов, вот стремянки, потом эти… ну детали с это… Был слесарно-сборочный цех, вот. Детали клепали там, но я вот диспетчером работала. Выходила, выходила, дефицитные детали по цехам выбивала.

– *А большое производство было в цехе?*

– А?

– *Большое производство? Ну много народу работало?*

– В цехе-то… Нуу, тыщи две-то было.

– *Ничего себе.*

– Да тыщи. И вот мы другой раз, вот, на пра… Это на праздники мы так, это… ездили на демонстрации коллективно… коллективом гуляли… Потом вот так же вот коллективом в кино ходили. Вот пойдешь в это… В цехе выбирался культработник, вот закупал билеты и коллективом выходили уже, как-то организованно выходили в цирк, ой, вернее из цеха выходили в кино. В театр выезжали, значит, коллективом отдыхать, коллективом. Потом в колхозы ездили на уборочные, вот. Вообще, на месяцы отправляли, на весь, допустим, сентябрь, да пол-октября, а другой раз просто посылали на это, на уборку картофеля, вот. Ну, сейчас, наверное, уже лет десять или больше, уже сейчас такое не практикуют. А мы… а нет колхозов же сейчас, вот. А раньше мы ездили, это вот как ав-

густ кончится, в конце августа или в начале сентября мы уж… нас уже несколько человек, допустим, двадцать-тридцать отправляют на уборочную в колхозы на месяц, вот. Я в сентябре там ездила в Еловку, за Оек, там поварила-поварила, потом носилась… И работали, там силос убирали, заготавливали силосные ямы на зиму скоту, вот. В общем, короче, колхозы помогали, а сейчас этого нет. После уборочной, допустим, отправляют помогать картошку копать, допустим, на день, ну сегодня, допустим, и на завтра, ну, несколько дней, не на месяц, допустим, а так вот на несколько дней, так отправ… другой раз отправляли картошку. Ну и после работы собирались, конечно, и отдыхали всей компанией, вот.

– *А с зарплатой как было? Хватало?*

– Зарплаты… Да денег-то всегда не хватает… Нуу, по тем временам у меня было сто восемьдесят-сто девяносто, ну около двухсот рублей, двухсот рублей, вот. Сто восемьдесят - сто девяносто - двести, вот так примерно. Это потом ее уже повысили, зарплату не это… не то, что повысили, а как сказать… деньги стали крупнее. А так-то мы получали сто пятьдесят - сто восемьдесят - двести. Пенсию мама получала, допустим, вот, сорок два рубля пятьдесят, потом пятьдесят рублей, не больше.

– *А помните ли вы что-нибудь об Иркутске в послевоенное время? Когда город был после войны?*

– Ну послевоенное… Я родилась-то в войну и еще маленькая была в послевоенное время.

– *То есть ничего, никаких воспоминаний особо нет?*

– Воспоминаний нет. Единственное послевоенное время я… что мы сильно не ощутили. Во-первых, война до нас сюда не дошла, вот. Ни с востока, ни оттуда, вот. Папка работал, отец работал на заводе, был под… это… с завода в армию… это… на фронт не брали, вот. Мама тоже не это… не участвовала на войне. Держали свой скот: куры, свиньи и коровы, и телки были. Так что мы не… не… голодовали и суп с крапивы не варили, вот. Нормально жили. Нас война, можно сказать, не это…

– *Не коснулась…*

– Могу сказать с гордостью даже, что не коснулась, вот.

– *А как вот, а победу как встречали? Вот сейчас 9 мая, будут праздники, парады какие-то, а вот в то время, когда вы были маленькая, что-то можете рассказать именно про победу?*

– Ой, да вот знаешь… даже вот единственное: первый раз я ездила на сорокалетие победы, в городе был шика… праздник был. А раньше что-то этот день победы не это… Что-то я вот не помню. А

вот на сорокалетие, мы вот с приятельницей в городе на стадионе «Труд» – вот там было все это, праздник.

– *А можете рассказать про этот праздник и про ваши впечатления об этом празднике?*

– Ну это было… Да, наверное, я уже… Так единственное, что вспомню, что был очень теплый день, теплый день был, вот. Всем было весело, концерт там, это, на стадионе устраивали, ну а конкретно я уже что-то забыла уже, вот.

– *А парады, марши какие-нибудь?*

– Ну, парад там проходил, конечно, там это… вот. Ну, парады мы смотрели-то на демонстрациях, парад смотрели мы, это как… по… нууу… как мы это мост проходили на улицу Сурикова, а там уже постепенно проходили через площадь, вот там уже маршировали, сначала-то парады были военные, а потом уже граждане, население проходило, вот. Ну как сказать… Мне, например, очень нравилось… все эти парады… нравилось, чувствовались праздники, а вот что отменили это… И вот выйдешь на улицу седьмого ноября или первого мая: в каждом здании, в каждом здании флаг. Улицы… ну и сейчас, конечно, сейчас-то чище улицы стали… сейчас-то гораздо без флагов чище улицы. Нуу все равно как-то чувствовалось, что готовился город к празднику.

– *Ну и сейчас он тоже…*

– Ну и сейчас готовится, конечно.

– *В принципе, как-то больше стало уделяться этому внимания.*

– Да-да. Вот сейчас чисто на ули… это гораздо чище наш горд стал.

– *Сейчас центральные улицы украшают.*

– Да-да.

– *И, наверное, в то время все равно центральные улицы тоже украшали или нет?*

– Ну… сильно сейчас… Это я как-то в город не ездила, но это ну… было, конечно, попроще… попроще, вот. Ну, что еще я хотела рассказать… А что вы еще хотели спросить где.

– *Вот, например, про климат. Было холоднее, может быть, или теплее раньше в то время, чем сейчас?*

– Нуу, климат, конечно, был посуровее почему-то, вот. Уж зима так была зима. Ходили все в валенках. А сейчас вот я, допустим, с пятидесятых годов и валенки-то не ношу, вот. Ну климат как-то, видимо… он же… периодическая активность как-то, или солнце влияет, или что. Вот он, допустим, повышается… повышается, а потом раз и спадает, допустим, вот. Это кли… это морозы-то, ну гораздо были суровее, зимы, зимы гораздо суровее были, и снегу больше было.

– *А лето?*

– А?

– *А лето? Такое же было?*

– И лето жарче было, и лето жарче было, вот Мы уже в апреле раздетые ходили вовсю в школу, ну тут недалеко, конечно, было, когда мы учились. Ну все равно. А уж в мае-то и летом даже… и кофты не это… не… не… забывали об них, не надевали никогда, вот. А сейчас без кофты не выйдешь летом. Похолоднее стало лето. А зимы помягче стали.

– *Так, может, это к лучшему…*

– А?

– *Может, это к лучшему. Не так жарко и не так холодно.*

– Да. Ну сейчас вот они, как… по-моему, вчера что ли говорили: самый был в девятьсот… шестнадцатый что ли год был… температура… минус… минус девятнадцать была, вот, допустим, на седьмое мая.

– *Ничего себе.*

– Вот и передают погоду… и… истор… по истории… исторические данные-то. Вот в девятьсот шестнадцатом году, что ли… было… седьмого мая… было, ой, как бы не наврать, по-моему, даже минус девятнадцать.

– *В общем, в минус было?*

– Да, было холодно. А сейчас, а сейчас у нас минус три. Вот сегодня было… и то мы считаем: уже холодно.

– *Ну да.*

– Да. Ну, как-то зима была зима, а уж лето было лето. А сейчас вот мы, уже вот сейчас почти уже полная, а почти еще ничего не отсадились. Нынче вообще весна какая-то непонятная. А климат был, действительно, это как-то чувствовалось, что зима так зима, лето так лето, вот.

– *А вот вы всю жизнь прожили в Иркутске, а не было желания уехать куда-нибудь в другой город?*

– Да нет, желания какого-то не было. Не было.

– *Не тянуло в молодости?*

– И возможности, и возможности не проходил… это… не было, и желания что-то не было: как тут как родилась, так и…

– *Вас все устраивало здесь?*

– Меня все устраивало, вот.

– *А были вы где-нибудь еще?*

– Потом здесь… это… замуж вышла, тоже здесь жила, вот. Муж рано умер.

– *А муж у вас с Иркутска или нет?*

– *А*?

– *Муж ваш с Иркутска?*

– С Иркутска, с Иркутска он. Он с это… ээ… с деревни, а потом они жили в Марата, с Марата он, с нашего, с предместья Марата, вот. А сам он с Хомутово, вот. Когда я на железной дороге работала, я каждый год… нам билет бесплатный… каждый год в Москву ездила. Мне очень нравилась Москва, вот кому… ни… вот в Ленинград хотела, так и не…

– *Там лучше, чем в Москве.*

– Потом, значит, съездила в Ригу в… это… на Рижкое взморье. Там наш пансионат был в Динтере, там три раза отдыхала. С дочкой ездила, с мужем, вот. В Евпаторию ездила, там у нас прибрежный пансионат был. Сейчас нам не дают путевок, а раньше на железную дорогу, раньше наша железная дорога помогала строить, допустим… Он, наверное, строился после войны там сразу, этот в Прибалтике и Динтере, поэтому они нам, ну, давали, конечно, на зиму и на весну путевки, на лето, они отдыхали сами там латыши, вот. И прибрежный был тоже в Крыму, вот… на Черном море, около Евпатории, в конце тоже наша железная дорога строила, вот… помогала строить, и нам выделяли несколько путевок, тоже приходилось, дорога бесплатная, ездили тоже, три раза была там. В Динтере два раза была, а так больше я нигде не была.

– *А можете сравнить те города, в которых вы были, и Иркутск? Что лучше, что хуже, где больше нравится?*

– Ой… Как говорится. Вот вроде дома хочется поехать куда-то, приедешь туда – первый день хорошо, а домой тянет все равно. Первый раз вот в Динтере приехала, допустим, мне показалось все чужое. Как… как весь народ такой… как… не такой, как наши русские. Как-то все было чужое. Ну, путевка была на двенадцать дней, там две недели отдыхали. Домой тянуло. Ну… ну нравилось, конечно, потому что там все по-другому, там же все по-другому. Тут же все свое. А домой тянуло. И погода вот, как вот за Урал переезжаешь, так у нас больше солнечных дней, чем там, вот. И в Москве тоже. Как-то меньше солнечных дней, ну я-то даже в июне была, и то мы попали в ливень, неделю жили, вот… а потом, правда, тепло было, хорошо. Ну, у нас и, вроде как, все равно едешь – как только за Урал приезжаешь, и сразу больше солнца как-то становится. А в Прибалтике вообще пасмурно, вот. А в Крыму вот там до обеда почему-то только, вот… хорошая погода, а вот после обеда уже на море не пойдешь: там начинает штормить, пасмурно, не позагораешь, вот.

– *А на Байкале вы были?*

– На Байкале были.

– *А где больше нравится? Байкал или море? Все-таки...*

– Ну как сказать, море морем, а Байкал-то все равно родное наше – это наш Байкал. Все равно, наверное, больше. Ну, мы… я ездила на Байкал, я последний раз ездила тоже уже давно, вот. Сейчас уже там новые всякие эти турбазы, эти домики, я там не была, не знаю, не ездила. А вот была я еще как… когда это… просто еще… ну с отцом ездили, еще с родителями ездили, и так же мы вот с работой автобус покупали, это выкупали, ездили на несколько дней на Байкале. Нуу… ну сейчас-то я даже не могу сказать, сейчас там совершенно, видимо, по-другому, вот. Я последнее время там давно не была… где-то… да, наверное, с шестидесятых годов я там не была, вот.

– *А в Иркутске у вас есть какое-то любимое место?*

– Ну, сейчас это в Иркутске любимое место – это вот, допустим… ну остров Юность больше всех нравится.

– *А почему?*

– Ну почему-то, мне кажется, лучше. Ангара и вроде это ка… как-то… Ну это место мне больше нравится. Там воздух свежее, возле Ангары, возле Ангары… Ездим-то обычно это… эээ… летом туда я с ребятишками ездила, когда с внучатами ездила на трамвае, катались на речном. А так, в городе какое место хорошее… Сейчас я даже и затрудняюсь сказать, потому что я уже давно там не… ни… везде рынков понаделали в основном сейчас там в городе.

– *А в детстве у вас какое было любимое место?*

– В детстве… В детстве я очень любила в цирк ездить в город с родителями, вот. Это вот где сейчас… где-то был это… ммм… сейчас Торговый комплекс, а там был старый рынок. Ну… он, конечно, не такой был, что там говорить. И здесь у нас, вот на этом квартале ,тоже был рынок. Такой это… Любила ездить в цирк с ребя… с это… с родителями.

– *А в цирке сейчас?*

– А так сильно-то никуда это…

– *Цирк сейчас поменялся же как бы?*

– Нуу…

– *В лучшую сторону?*

– Там-то был, конечно… типа шатров только были вообще. Я даже и сейчас… А этот цирк какого года-то он… Новый цирк-то… подожди, подожди… ну… лет, наверное, уже… так, Рома маленький, а нет… Наташа уже… ну лет тридцать с лишним уже. Лет тридцать с лишним уже этому цирку. Раньше билеты тяжело было достать, они и подешевле были. Но тяжело было попасть в цирк, достать

билеты. А сейчас свободно, но вот сейчас не это… Не ездила… не езжу в цирк. Ну а вот сейчас он мне не очень нравится… В детстве, может, больше нравился цирк, а сейчас где-то…

– *А почему?*

– Да я уже давно и не езжу в цирк. Давно не… Последний раз, когда еще дочка маленькая была, а дочери уже тридцать шесть лет…

– *А может...*

– Ну здание, конечно… Да там не было никакого такого цирка, здания были привозные и приезжие… цирк только вот.

– *Ааа, то есть такого, который постоянно был, его не было?*

– Нет, такого постоянного цирка, допустим, не было, вот. Это построили только, я говорю, лет тридцать… Ну дочка у меня маленькая была, даже больше.

– *А часто цирк приезжал?*

– А?

– *Часто цирк приезжал?*

– А так зверинец часто приезжал, вот тоже любила ходить. Но зверинец где у нас останавливался, подожди… последнее время у нас здесь даже был во Втором… А в Первом Иркутске зверинец был в этом парке… ЦПКиО, вот. Парк вот… в парке мне очень нравилось отдыхать тоже это… с ребяти… с дочерью, когда маленькая была, ездила часто туда. Вот тоже… вот я любила парк ЦПКиО, вот отдыхать, и вот остров Юность. А так больше… где, я больше не могу сказать, где там мои любимые места. А так отдохнуть можно или там, или там.

– *А в парке, там так же карусели были?*

– Ну, карусели, аттракционы всякие там были, это… А сейчас тоже давно не была там. Сейчас-то я никуда не хожу, вот, Оля. Так что неудачно вы меня выбрали.

– *Да нет-нет-нет, мне наоборот нужны воспоминания же, а не то, что сейчас. А вот пока Вы жили в Иркутске, может с Вами какие-то интересные случаи происходили, может быть, что-то можете рассказать такого?*

– Интересные случаи… Да со мной, вроде, такого ничего интересного не проходило… не приходило… Вот дочку у меня вое… эээ… воровали два раз. И от дома даже воровали, годика четы… подожди… в семьдесят седьмом году сколько ей было… семьдесят второго… пять было ей.

– *В смысле – как своровали?*

– Вот так вот тоже. Вот девятого мая, вот где-то вот, мы как раз приехали с Москвы, приехали и купили костюмчик хороший, вот. А я работала на железной дороге сутки, вернее – два дня ра-

ботала, два дня отдыхала. Как раз я девятого до восьми работала вечера, вот, а мне звонят: они налаживают на стол, все. У меня еще две сестры, одна, правда, умерла, вот одна сестра и брат у меня… еще вот брат тоже умер, осталась я и сестра, вот. Вот они, родственники, все готовились… вроде, праздник… ээ… это девятого мая налаживали на стол, а Наталья, дочка моя, была на… это… у ворот во дворе, за воротами играла. А потом муж мне говорит… сестру спрашивает: «Слушай, какая-то женщина Катюшку… Наташку повела». А ей лет пять было. Ну девятого мая ей… ээ… ммм… пяти еще лет не было, двадцать девятого пять было. Выскочили, а она ее за руку и туда дальше повела, вот… Уже дома за три провела ее, вот. Потом… ну муж выскочил сначала, сестра выскочила, побежала за ней, выскочила, говорит: «Вы куда ведете ребенка?», – а она ее не оборачивается, ведет. Она говорит: «Наташа, ты почему у меня, дочка? Наташа, почему ты не это… не…» Она говорит: «Мама, меня дергают». Она говорит: «Это… это Таня». Она держала крепко, говорит, за руку, вот. Мне потом уже, когда вы побежали за ней, она ее бросила и убежала, вот… И такое было.

– *Ничего себе…*

– Потом ее раз вот… с ней случаи вот такие были, вот… По Муравьева шла машина, остановилась, вот, по-моему, даже это тоже ей было… ну здесь ей уже было лет, наверное, десять, вот. И стали ее это… в машину, а навстречу шли… это какая-то компания помешали ей.

– *А вы говорите, преступности не было…*

– А?

– *А Вы говорите, преступности не было…*

– Ну это уже было не в мои годы, а вот я про дочь рассказываю, это не про себя, я про дочь, а со мной… таких не было. Вот с института ездила вроде поздно же, вечером возвращалась, не боялась, шла домой. Не было таких случаев, чтобы… не было… на меня нападали, вот. А ее вот так вот. Потом она у меня училась в музыкальном училище там, в городе, электричкой ездила. В электричке тоже утром ездила в семь часов. Уже призывной пункт был в это… в Шелехов. Подсел один мужчина к ней. И тоже давай ее… это… эээ… «Сейчас ты, – говорит, – пойдешь со мной»… И вроде как нож на нее наставил… ну так это… Ну это было, наверное, в это вот… она здесь у нас во Втором села, а потом следующая – Военный городок, вот. Пока она это… следующая – Военный городок, а в военном городке призывников целый вагон вошел. Вот тут она спаслась только. Вот три раза с ней… вот три случая было, а со мной таких случаев не было, я никуда не ходила… мм… как-то у

нас спокойно было. А вот видишь, вот в ее время уже начинали это… преступность.

– *Сейчас-то она побольше определенно стала.*

– А?

– *Преступность-то сейчас выросла и только растет…*

– Да, вот со мной такого не было. Я говорю: мы ездили отдыхать за город, и хоть бы что, никаких не было, ни в электричках не было таких столкновений чтобы. А вот с ней вот, видишь, она уже родилась в семьдесят втором году, вот… считай, уже постепенно начала преступность. А так сильно-то я никуда и не ходила. А компанией ходила, так не страшно было не, да не боялись мы как-то… все сейчас, конечно, побольше преступности…

– *В принципе, сейчас вам город нравится больше, чем раньше?*

– Больше-больше. И чаще… и чище стал… чище, красивее. Ну… что говорить, конечно, благоустроеннее.

– *А люди в городе, раньше они были добрее?*

– А раньше были добрее

– *А сейчас?*

– А люди были добрее. А сейчас как-то, как сказать… И вроде как-то вроде… как сам в себе вот…

– *Замкнутые.*

– А?

– *Более замкнутые*

– Да… не… замкнутые, да-да… и вот. А раньше как-то все были дру… дружнее были дружнее, вот.

Интервью
с Татьяной Леонидовной Аевструевой
(1943 год рождения)

– Где вы родились? В Иркутске?

– Да, в сорок третьем году. У нас дом был здесь. Дом на углу Красноказачьей и Красных Мадьяр. Раньше называлась Вторая Советская, где-то там. Я фотографию… все неоднократно переезжала, ничего уже не осталось, а так домишко наш. Вот он домишко [показывает фотографию, смеется]. Ну дом довольно большой был, бабушка в свое время отстроила. Бабушка – дочь ссыльных из тамбовской губернии. И здесь я уже насчет ее родителей не знаю, поскольку, сами знаете, это сейчас стали корни отыскивать вот, а тогда старались, наоборот, скрыть. Скрыть, скрыть, вот. А дедушка, дедушка из… откуда-то с Урала, вот они, фотографии их [показывает фотографию, смеется]. Тут вот, кстати, даже отмаркирована она, ага, фотография где-то на Карла Маркса, что ли. Так вот нашу улицу, да вот Красных… так Красноказачья, ну вы знаете – здесь же живете. Да, Красных Мадьяр, Красных Мадьяр [чертит на листочке] – вот здесь вот дом был, так вот, все было вокруг деревянное: усадьбы, с усадьбами… довольно большими огородами, у нас тоже огородик был довольно большой. Кормились с него, и население было, конечно, любопытное. Были старожилы, вот по соседству с нами, напротив, так сказать, и рядом, так сказать, но было очень много людей, которые удрали, видимо, из колхозов. Вот в пятидесятые годы… не в пятидесятые, вру, а вот после войны, видимо, сразу во время войны, ну их видно было как-то, вот они гуляли по-своему. Вот бражку варили, вот они даже скот держали до шестидесятых годов в Иркутске, говорят, на сквере Кирова вот дома были. Там же не все, кстати, благоустроенные дома тогда были – там коров держали, а уж про наши улицы я молчу. Вот у меня такое воспоминание детства яркое, что по улице гонят стадо коров. Какие большие такие коровы, красивые, страх охватывал. То есть мы открывали калитку и выглядывали, потому что страшно. Вот улица узкая, да и вот это стадо, и пастух бичом щелкает. Вот как-то очень такой звук, как выстрела, но некоторые коровы были с дощечками. Мы их смертельно боялись, а пасли их, видимо, на Ушаковке. Кстати, и сейчас же кое-кто вот… вниз вот от первой Советской туда, и сейчас кое-кто держит. Вот меня уверяли, там вот да, там теперь не пройдешь. Конечно, пасли, видимо, на Ушаковке и на Байкальской. Она вот в мое время, да… она во времена

детства называлась Коминтерна. До этого я уже забыла… Пестерева… нет. Ну вы, наверное, должны посмотреть какой-нибудь справочник. Да, улиц меняли названия. Вот эта Красных Мадьяр, она, по-моему, какая-то Иерусалимская была. Да, это любопытно, конечно. Кстати, наш этот домишко, да он в справочнике вот старого Иркутска был, там было написано: «Домовладелец Болотов» с «ятями» [смеется]. Конечно, народу… Вот вообще впечатления приятные! Потому что город был тихий, даже и центральные улицы. Транспорта ведь мало было, и народу тоже мало. Вот представьте себе, вот стоит дом, усадьба, да… Ну сколько в доме человек, ну пять, да. После войны то есть народу-то мало было. Вот сейчас же налепили этих… Ладно, пятиэтажки, а то и десятиэтажки, и все это на крохотном расстоянии. То есть сейчас вот город какой-то перенасыщенный, перенаселенный. Да агрессивный, я считаю. Агрессивная атмосфера такая, а работать негде. Вот едут и остаются, да.

– Я тоже не местная.

– Тоже не местная… Я еще и подумала, что могли бы у бабушки там *(смеется)* полюбопытствовать. Кстати, меня-то зря дали. Есть же более… это… так сказать, старшего этого… тридцать восьмого года. Вот… это… наверное, я в клуб хожу реабилитированных граждан, у меня отец был репрессирован, и, видимо, там дали адреса-то.

– Просто нас к каждому прикрепляют человеку. Вот меня к вам прикрепили.

– Ну в смысле, там есть более памятливые. Есть те, которые у станков во время войны работали детьми.

– Самое главное – это именно воспоминания о городе, то есть вот как вы его ощущали. Климат какой-то… Вы же рассказываете, что вот сейчас он более суетливый стал.

– Ну не то что суетливый. Он какой-то тяжелый. Вот психологически тяжелый, я считаю, что столько народу… Я не верю, что у нас шестьсот тысяч. Это, наверное, по какой-то официальной старой переписи, а если учесть иммигрантов, всех приезжих, зарегистрированных…. Ну, они же пользуются тем же транспортом и прочим, а в Иркутске трамвай где-то в конце сороковых годов пустили, я помню, мама меня это… прокатила [смеется]… не то сорок восьмой, не то сорок девятый год… первый был трамвай. А до этого где-то вот у меня еще не остались фотографии… вот… да… лошади были.

– Прямо карета!

– Вот. Это тоже что-то, Иркутский какой-то… я даже не знаю… какой-то кинотеатр.

– Что это написано? «Кунарача»…

– Да.

– А! Кукарача…

– «А кукарача…» – песня такая модная была.

– А где это вы ходили?

– Ну это, видимо, Карла Маркса… мне трудно, понимаете… это ж не мои фотографии-то… это моих… мамы, видимо, какие-то, гигантское что-то такое то есть. Иркутск изменился. Очень сильно изменился, я так вспоминаю, конечно, мне вот отчего тяжело. Пожилым людям… потому что все исчезает… мало того, что умерли родители, бабушки, дедушки. Да теперь вот мои ровесники умирают вовсю. Зацепиться не за что, и города того нет, улиц тех нет, и только… ну как-то во сне… во сне вот я себя… меня… я столько сменила мест жительств, но я вот в этом доме себя во сне вижу [показывает на фотографию]. Только там. А в тех многочисленных квартирах, в которых я жила, конечно, я совершенно никогда их не вспоминаю, вижу, то есть это… видимо… родина маленькая… вот эта Красных Мадьяр… она была абсолютно деревянная, она какая-то широкая, она же кривая какая-то.

– Я жила тоже на Красных Мадьяр, тут недалеко, в прошлом году, и получается тут вообще как-то…

– Широкая вся… совершенно какая-то глинистая то есть. Дороги как таковой не было, и вот эти дома стояли, и где-то примерно на пересечении, ой, не то Александра Невского… какой-то магазин был… я помню… А я ходила в библиотеку… Библиотека… она и сейчас существует. На угол Трилиссера и Байкальской, хорошая библиотека… то есть меня отец записал туда, я помню, он ругался, что я «какую-то лабуду» читаю, как он выражался. А «лабуда» – просто какие-то сказки монгольские или… ну что-то вот каких-то народов были. И там очень красивые описания были женщин, какие у них наряды, значит, потом какие-то юрты, значит, белая кошма, значит, белого войлока, значит, золотом, видимо, мне это нравилось. Он там: «У… что ты лабуду читаешь!». Пошел, записал. «Дети капитана Гранта», значит, вот в библиотеке. Так я ходила вот по этой улице и по Трилиссера, конечно, ничего общего уже. Вот какие-то магазинчики, где продавались.. все на свете: селедка, конфетки… ну как в сельмагах… вот бывает… Вот водка, чекушки, а на Первой Советской вот тоже какие-то темные воспоминания, по-моему, чуть ли не вот напротив танка, где вот сейчас эти вот… там когда-то была пивнушка. И в этой пивнушке вот эти инвалиды войны, видимо, когда… как меня занесло, я не знаю. Ребенком, я помню, что там стоячие были столики, и вот они пили там пиво,

а Первая Советская, если идти в сторону аэропорта – тоже огороды. Огороды, огороды. Причем жили китайцы, китайцы же великие огородники. Причем раньше-то они огородники хорошие были, но все равно, я вспоминаю… какие-то вот темные воспоминания по детству, почему – не знаю, может, потому что бедность была жуткая. Бедность была жуткая. Я войны не помню, но послевоенное время я помню. Вот семья у бабушки. Сыновья так погибли. Значит, Алексей под Смоленском, дядя мой. Значит, Степан, старший сын, пропал без вести, так сгинул совершенно. Третий сын – связист. Почему-то вот сразу вот после войны. Он не воевал, он… как связиста его оставили. Он умер. То есть у нас мужчин-то… А мой отец сидел, значит, станция «Кача» Красноярской железной дороги, в лагерях в этих. И у нас мужчин не было. То есть были одни женщины. Да, у матери, значит, кроме меня была моя сестра двоюродная, отец которой погиб и мать умерла почему-то… от рака. Совсем молодая. И то есть дети… дети, старики, и нищета была жуткая. Вот мы садились за стол, и я помню, вот тарелка и картофелина… вот такая пища, вот такое воспоминание. И довольно долго, так сказать, какая-то детская. Но книжки зато покупали. При всем при том, видимо, были дешевы и доступны. Вот какое-то было юбилейное издание Пушкина, какой-то юбилей Пушкина, не знаю. По поводу смерти, или не знаю, не помню… мать мне купила красивую книгу «Руслан и Людмила» с какими-то иллюстрациями обалденными. Вот, но все исчезло, конечно, так вот. В каких-то книжках я увидела цветы ромашки. И почему-то они у меня ассоциировались с творогом. Я не знаю почему. И это была великая мечта детства – вот творога поесть. Я до сих пор его ем [смеется]. Мечта осуществилась, в общем-то. До шестидесятых годов, да, вот когда я уже в университет поступила. Да, ну вот, както вот тяжело было. Очень тяжело было, а школа… я вот училась, у нас была четвертая школа, там сейчас какой-то центр для детей с дефектами речи. На Красных Мадьяр она. Двухэтажная маленькая школа. Славная была школа. Кстати, вот там, значит, когда где-то пятые-шестые классы, у нас масса детей была сирот здесь, были детские дома, вот на Депутатской улице. Там что сейчас… там построен дом жилой. Вот где вроде как рощица, деревья какие-то. И там был детский дом. И они вот учились у нас, то есть классы были хоть и небольшие, но вот за счет… сорок третий год – кто там рожал очень. Нас было так мало детей, и нас все время же классы сливали-разливали, то есть был какой-то период, когда почему-то под Читу… в Читу увезли этих всех детей, вот… сирот. Чем это обусловлено было, я не знаю. Но не задалась тогда… Вот увезли и

увезли, вроде бы. А так, конечно, нас человек по двадцать было в классах, и не более двух классов, вот. Но, конечно, в этом и плюсы свои были. Вы, наверное, в переполненных, да, учились?

– Я же училась в поселке – у нас там тоже, в принципе, ну класс, человек тридцать. Два класса. А *в университет как вы поступили?*

– Ну, в университете-то… это… конечно, светлое время. Ну, тоже и Карла Маркса, Ленина, бульвар Гагарина – тоже какие-то тихие были. Вот я помню, мы переходили из корпуса в корпус. Да… то есть я на физмате училась, поступала на физмат, а потом нас разделили: отдельно физиков и отдельно математиков. И переходили в тот корпус, и так особо и машин мало было. Стипендия маленькая была, но тем не менее мы в кафе какое-то… которое на Карла Маркса – там оно и сейчас есть какое-то… но мы после стипендии заходили, по бокалу шампанского и порцию мороженого заказывали. То есть, в принципе, доступно было.

– Как праздники отмечали? Например, День молодежи?

– А праздники… Вот… это вот фотография школьная (*показывает фотографию)* демонстрация какая-то, видимо, майская, судя по всем, да цветы бумажные. Конечно, цветы бумажные. Вот даже отсюда… это девятый что ли класс где-то… вот я торчу, самая высокая тогда была уже. Видите, как одеты мы были плохо. Одеты тогда были ужасно, конечно, сейчас вот молодым… но, конечно, деньги… опять же – деньги, деньги. Денег нет, и тоже будешь, как… а мы, вроде как, все одинаковые были. Все одинаково плохо были одеты.

– Нет, все-таки в городе как-то еще ничего, а вот дедушка мне показывал – вообще что-то было невероятное.

– А вот это у нас классная руководительница была – Эллада Иосифовна, она чешка. Ну вот здесь уже замужем была за Алексеевым. Он у нас в пединституте доцент вроде бы был, вот… Нелюбопытство мое вот меня терзает прямо. Что я… ну нелюбопытна была… ну хотя бы просто какое-то женское любопытство было… что, почему… вот, видимо, из чехов каких-то, которые в гражданскую войну что ли… Я дружила с ее дочерью, дочкой. Они жили… деревянный домик был… вот… рядом со школой-то четвертой. Я не знаю, кажется, он и сейчас жив еще, и я к ним заходила, и бабушка-то старенькая совсем была, и вообще она по-русски плохо говорила. Вот они были чехи. Каким образом, видимо, после Гражданской войны что ли остались. Там многие учителя в этом домике жили. Так… ну что… даже не знаю… вот улица Депутатская [показывает фотографию]. Ну это похоронная процессия, можете судить сами: дорога на кладбище шла по улице Депутатской, вот такие домики

были, вот. Ну это не надо фотографировать, просто я для иллюстрации, как улицы изменились. Потому что ничего же похожего уже нет совершенно, а это церковь [показывает фотографию]. А это я уже фотографировала, первая моя фотография была тогда… ну она не изменилась.

– *Это Советская, получается, да?*

– Это Крестовоздвиженская, которая на Ленина.

– *Это уже Ленина, да?*

– Да-да-да, а вот любопытства ради – это какая-то мамина подруга [показывает фотографию]. Вот как одевались.

– *Мадам.*

– Да-да, ну, видимо, парадная фотография, что ли. А сфотографировано знаете где… вот там… где дворец бракосочетания, там был довольно большой и хороший садик, называли его «Дунькин сад» почему-то… и там... там были фонтаны, какие-то статуи… помню. Ну вот пятидесятых годов… сталинских… пионерка там… что-то спортсмен… вот такие вот. И детские были всякие карусели, в общем, он был ухоженный, и была там танцплощадка, в стороне, обращенной к Площади Декабристов. Но дальний угол, я не знаю, как переулок, не угол, где Декабрьских Событий и Площадь, а туда, подальше. И там танцы такие были… ну я когда-то… тогда еще не танцевала, так сказать, уже маленькая была. Ну… там духовой оркестр играл, и, конечно, женщины там оттанцовывали вальсы, фокстроты. А в мое время, конечно, уже на костях танцевали: в центральном парке танцплощадка была. И вот в разных клубах, ДК Дзержинского, там, где сейчас, по-моему, тряпками торгуют. Всякие вот клубы, в ИВВАТУ девчонки, я помню, ходили на танцы. Там, значит, пускали… ну военные пользовались успехом, а как женщины одевались, значить… У меня мама была портниха, ну они не как… не профессиональная портниха, ну как-то вот научилась шить. И отец сидел. На работу ее не брали, она машинисткой вот работала в начале в какой-то конторе что ли, что-то там с лесом связанное, а потом в противочумном институте. И с отцом-то они там познакомились, он биолог. Но когда его посадили, то у него тоже дед сидел, дед был репрессирован. И его почему-то, отца-то моего, в армию не забрали. Ведь я говорю, я так и не выяснила, почему он в каких-то военизированных колоннах до конца сорок третьего года. Здесь вот какие-то военизированные колонны были… мать не брали на работу никуда… и она шила, она шила. За ночь она могла сшить платье. Значит, покупала ткани: крепдешин, креп-жоржет, креп-сатин – и продавала на барахолке, а барахолка была… вот если по Трилиссера идти, то где-то в районе…

целый квартал был… в районе Александра Невского, вот там. Точно я не скажу, ну конечно, вот тоже что-то вспоминается такое серое… серая глинистая земля какая-то… вот там вот… так вот, за счет этого и жили… а одевались… да, вот так вот. Какие-то платьица были, а вот те, что приехали из деревни, вот в нашем квартале, я помню, что они ходили в хромовых сапожках, крепдешиновых платьях, и пиджаки вот с подплечниками такими. То есть люди о Вы, никакого сравнения! Вот… У нас студенты были… я жил… Петя Куклин у нас в комнате жил, мы с ним заказывали продукты и сами ездили, вот. Ну, в основном же, конечно, дешевые продукты брали.

– В Иркутске, наверное, в основном нам, значит, построили два дома. Сейчас, конечно, ничего этого нету: все эти снесли дома. Два дома новых таких приличных, и там поселили каких-то спецов. Вот я понимаю, что они где-то в геологоправлении что ли работали, где-то года четыре они там жили, вот у них была… были ведомственные машины. Вот, значит, у девочки пианино было, у Ляльки… моя подружка… Лялька Егорова. Алла она, но Лялькой ее все звали. Так, значит, она еще в школе не училась, а я уже, по-моему, классе в первом-втором. У них пианино было, мама не работала, ну то есть вот они выделялись, помню. У Ляльки пальто было белое полотняное с вышивкой, потом, значит, у нее сумочка была под крокодиловую… из крокодиловой кожи с львиными головами… детская сумочка была, понимаете… Ну я, конечно, это [смеется] понимала, что мать не может, и не терзала ее. Но вот внутренние терзания были, конечно. Ну вот они иногда нас на Ушаковку возили купаться. Тогда на Ушаковке можно было еще купаться: чистая была достаточно. Там у них во дворе как-то сколотилась команда из ребят, девчонок, мальчишек. Они вот… моя сестра двоюродная, вот тридцать восьмого года, то есть лет на пять постарше они были, у них такие были, ой, такая дружба закадычная, а в футбол как играли… они еще лет десять уже стали взрослыми, они вспоминали, уехали потом эти товарищи, как будто эта компания-то их рассыпалась вся, но они еще долго вспоминали вот эту дружбу, как-то так… а тогда… а вот кинотеатр вот здесь был, видите… надо по плану какому-то по хорошему, план составить рассказа. Кинотеатр «Экран» был там, сейчас клуб ДООССАФ что ли, вот какой-то спортивно-оздоровительный клуб вот здесь вот и, по-моему, «Багира», где там был кинотеатрик. Он был деревянный, но свои культурные функции он, конечно, сполна выполнял, потому что тут рядом семьями ходили. Конечно, ругались: там пленка рвалась… кричали, свистели, но тем не менее… Вот какой-то я первый фильм помню… назывался «Падение Бер-

лина»… Берлина… так и… в общем-то… уже и взрослые ходили… Мне жаль было, что этот кинотеатр, конечно… Хотя говорили, что когда-то тут церковь была, понимаете… и вот недавно еще верующие же люди, они как-то к этому относятся мистически. Вот построили же вот этот дом «Багира». Она говорила: «Нельзя на этом месте ничего строить!». Дескать, святое место, а кто его знает, что еще… какие местные достопримечательности. Праздники помню: авиационные, День военно-воздушного флота. Мы ходили туда пешком… кстати, ходили на аэропорт… в аэропорт… да и сейчас, по моему, их проводят… ну такие марши хорошие играли. Всякие эти буфеты, кормежки, а так еще по школе у меня воспоминания: избирательная кампания в школах, агитпункты были, и они были неформальные, два раза в неделю. Точно, значить, я не знаю, агитацию я не помню, но танцы я помню. Иногда оркестр, иногда под радио, так сказать… и люди приходили, танцевали, вот. А я отчего помню, что у меня где-то пятый-шестой класс? Я хорошо писала. Сейчас вообще не могу писать после компьютера, руки как-то теряют свою… это… и я газеты оформляла. Иногда надо было быстро вот статейку какую-то – я не рисовала, а именно писала тексты, вот. И помню вот эти вот танцы, как-то обстановку эту хорошую… хорошую, в общем-то… а после выборов, там выходные дни были, мы не учились, надо было дезинфекцию проводить [смеется]. Что еще, что еще… что еще… спросите что-нибудь.

– Вот строительство ГЭС – оно было раньше, да?

– А в пятьдесят седьмом году у нас училась в классе девочка Элла Тарасова, у которой отец инженером там был. Ну, я насчет ГЭС, мы же не ездили туда… я помню до ГЭС какая была Ангара, какая была Ангара красивая… Она была шире… Она была прозрачная… У меня дядя был рыбак, и был какой-то остров, название… уже сейчас у меня склероз, я не помню, который под затопление пошел… И вот как-то он такую акцию провел: свозил нас туда на недельку. Я помню, мы переплывали Ангару, у меня до сих пор вот страх: вот такая широкая, полноводная, красивая. То есть вот красота, конечно, после построения плотины она убавилась сильно. Ну а так я по поводу ГЭС… ну что я могу… я не строила [смеется], я в седьмом классе что ли училась, когда ее построили. У меня бабушка была религиозная, по-видимому, потому что я по детству вспоминаю, что к ней приходили, приходил пару раз священник… у меня даже фотография была, я в музей городской отнесла… я вспоминаю… он мне сказал: «Я бы поцеловал тебя, да ты нехристь». Сколько мне лет было, я не знаю… и бабушка раз… и нас всех скопом окрестила. Договорилась на квартире всяких разных

возрастов, то есть я, по-моему, уже пионеркой была. Я… да… пионеркой была. А кое-кто и комсомольцем, то есть она всех своих внуков многочисленных… она окрестила на дому. Вот к городу какое… никакого отношения не имеет. Ну вот… вообще-то, Иркутск не лучшее место для житья. Сибирь вообще, прямо скажем, да… Климат у нас ужасный. Ужасный вот климат. Но вот я считаю, что у нас народ, население, он какой-то особый ведь, он сложился исторически так. Вот, кто здесь коренные буряты, да, а ведь очень, я не знаю, как вот там, где вы родились, но у меня все, получается, что все ссыльные… отца… Отец мой, правда, он уроженец Тулы. Дед из Воронежа, Воронежской губернии тогда, да. И отец по распределению сюда, вот он в противочумном институте после московского университета, кстати, сюда приехал, а так, в общем-то, корней-то мало, в общем-то, коренных… И такой, мне кажется, вот сплав получился особый, так-то ведь иркутяне уезжают. Они же… землячество… землячество крымское… землячество московское. То есть они как-то друг за друга держатся. То есть мне-то было бы интересно не сам Иркутск который, а вот люди все-таки, мне так кажется, Иркутск кто… «Москва и москвичи» кто написал?.. Ну… с моим склерозом… знаменитый журналист… еще дореволюционный. То есть можно было «Иркутск и иркутяне» написать…

– А вот вы говорите «не лучшее место для житья», а вам хотелось когда-нибудь уехать в другой город какой-нибудь?

– А я делала попытку. Смешно попытку делала. Строила… была одна такая организация, вы потом это выбросьте, ладно? «Каскад». Она общесоюзная была организация. Там, значить, были те, которые тянули ремни связи, всякие провода, и были… я… как программист туда устроилась в надежде… Туда брали и программистов посылали в Москву и Ленинград… Да, по-моему, в основном, в Москву и Ленинград. Но ведь не вышло… послали на радиоприемник, ну а потом уже мама у меня это… болела… так и я это не решилась оставить, ну а так, конечно, ездили… У меня практика университетская в Крыму была.

– Нет, вы хотели когда-нибудь уехать прямо совсем отсюда?

– Это же непросто. И сейчас непросто. Но сейчас, кстати, хоть можно квартиру продать и купить там… да… а как… ну снять квартиру, поэтому это как-то трудно… Надо было либо замуж там выйти, да либо… а каким образом… Ну, пожалуйста, на стройке, кому, видимо, можно было… ну кое-кто… мы просто… да, кое-кто… да… тоже… в Москву и Питер… Но не у всех получилось, многие вернулись… то есть это не просто, вот. В общем-то, то есть надо, чтоб кто-то был… а… вот у меня приятельница… да, она уже… мы рабо-

тали в «СибИЗМИРе», и она поняла, что… ну мы женщины, конечно, что никакие мы не ученые, что надо жизнь устраивать. И она уехала. У нее тетя была в Новосибирске, и вот она уехала и так там замуж вышла – вместе уехали. Тоже, кстати, на стройку, в Набережные Челны. То есть вот через вузы шло. Моя двоюродная сестра Лидия, вот в Тольятти живет, она окончила техникум индустриальный в Иркутске, и их распределили в Рубцовск… там какой-то машиностроительный завод был… и начали стройку вот ВАЗа в Тольятти… И они с мужем вдвоем поехали, сразу квартиру дали, кстати, и в тот же Братск можно было это…

– Мне кажется, наоборот, тогда было легче с этим, чтоб переехать, чем сейчас.

– Ну вот у меня близкая моя родственница, не далее чем два месяца назад уехала. У нее квартира – угол Красных Мадьяр. Вот, кстати, на месте вот этого домика. Да, вот она жила там, вот у нее знакомая, одна квартира она одинокая, а у нее племянница в Вологде, и она продала здесь квартиру за миллион девятьсот, у нее в хорошем состоянии была квартирка. Там такого типа как у меня, но она отделанная у нее, а там купила за миллион семьсот в новом доме. Сорок квадратных метров, всю отделанную, с пластиковыми окнами. Пол сделан, все сделано, можно…

– Вот, видите, племянница у нее там…

– А что племянница, ну то есть, вот и какой-то… то есть прожить пока купишь квартиру… да… и то, что они посмотрели: стоимость, конечно, конечно, кто-то нужен все-таки. Так и раньше то же самое было, какая-то зацепка все равно нужна была… ну и смелость, большая смелость…

– А про работу свою расскажите.

– Ай… работа… не хочется про работу… Ну я… моя работа рухнула, когда началась перестройка. Мы занимались автоматизированными системами. Вот когда началась перестройка, наш директор шустро приватизировал все. До сих пор нет приватизированных таких, а он шустро собрание провел, приватизировал… и… А где работать, что автоматизировать-то?! Производства встали тогда. То есть элементарно не было работы. Пришлось искать работу. Извините, мне уже под пятьдесят было. В этом возрасте очень трудно бывает. Ну устроились в политех по знакомству, потом заболела, и вся моя, так сказать, карьера кончилась. У меня вторая группа инвалидности, а тогда она была нерабочая, а теперь уже и не хочется ничего, да и трудно найти. Ну, а так всякие работы… Вот в «СибИзмере» была работа*:* ездили в обсерваторию в Саянах, Мондах – очень, да… хорошее было, конечно, время… Время хоро-

шее было… Хотя, я помню, недовольна была, что в штанах, в кедах. Ну молодые же были, хотелось же в топиках, ну а потом уже с «СибИзмера» ушла, в биохимическом тресте работала, на радиоприемнике работала. Было где работать, понимаете. Ну вот, ну я, конечно, как говорят, кому нужны были эти… там радиоприемники и… ну я не знаю… как дошли до такого состояния, что последний гвоздь – китайский. Ну это же тоже не дело… ну что-то надо… неужели гвозди из Китая привозить?.. Ну получается, что так-то есть машиностроение-то, все рухнуло, осталось. А сейчас и сырьевые, да… заглохли. Вот те, что алюминий, металл, поскольку спроса нет за рубежа. Тут спроса нет, машиностроения-то нет и работать негде. Смотрите, релейный завод, карданных валов, радиоприемники, «Радиан»… ведь были же заводы, и было где работать. Работать-то надо где-то, а получается одна торговля…

– *А сфера услуг?*

– Ну а сфера услуг… а надо, чтобы тоже спрос был… ну вот они, салон да парикмахерская. Ну придут два клиента, у них же цены-то приличные в общем-то, а молодежь и не стрижется, кстати, и правильно делает. Чтобы сфера услуг хорошо использовалась и торговля тоже, нужен же спрос, а если не на что… Ну, конечно, Иркутск – особый город, он торгово-чиновничий, чиновников сколько. Там прокуратура, УВД, МЧС, конечно, тут есть люди, которые будут покупать там и прочее, а вокруг, посмотрите: негде работать и едут все сюда.

– *Нет, сейчас просто какие-то факультеты заканчивают люди, а тут просто негде*.

– Некуда… некуда… да, если нет… получается, что да… те же вот… я в музеи хожу… да… У нас есть типа клуба, вот, реабилитированных граждан. Я смотрю: там такие славные девочки, но ведь у них же зарплата ну тыщи две с половиной. Были вот пару лет назад, ну четыре, вот шесть, ну минималки, ну они же образованные. Все… единственное, что где-то еще разрешают работать… ну обычно в библиотеке, ну у вас в школе можно будет работать…

– *Не хочется…*

– Не хочется, да…

– *Это должно быть призвание… либо есть…*

– Ну, характер надо иметь, а призвание…

– *Да и любить, наверное, надо детей.*

– Да ведь их трудно любить. Их можно маленьких любить, я согласна, а когда такие уже вредные…

– *Особенно сейчас: все избалованные, все знают очень много, прямо боишься заговорить, а то еще обругает…*

– В газеты тоже сейчас они журналистов берут…

– *Нет, почему, нас берут, нас, филологов берут лучше, чем журналистов*.

– А лучше русский язык, наверно, знаете.

– *Да-да.*

– Ну не знаю, может быть, что-то изменится, кто его знает… Вот вообще, в принципе, русский язык, да… Ну пока что никто эти экзамены не убрал, и просто репетиторство дает заработок обычно. Так что на русский язык, конечно, хотя, с другой стороны… у меня дочка у приятельницы… она пединститут… тоже русский язык… она не смогла в школе работать… Я, говорит, когда стою перед классом, мне кажется, что они на меня как на врага смотрят. Я, говорит, всей кожей ощущаю это. И она второе образование получила, да там же, по-моему, в педе… психологию устроили ее. То есть вот нужно было перетерпеть какой-то промежуток времени, самого молодого… молодой цветущий возраст, да… ну что же… это как-то окупится же.

– *Они думают сначала: «Это не мое», а потом оказывается, что вот оно, действительно-то… и работают.*

– Ну характер… характер надо.

– *А преподавателем в университете – это интересно.*

– Ну там надо защищаться, иначе будешь недочеловеком, а если защитил, то и количество часов, чтобы получить за те же деньги. Так у них меньше часов, ну сейчас надо быть очень… Вот я так думаю, что, в принципе, вот я в хорошее время жила, то есть я уже войны не застала… Ну подумаешь, там немножко… ничего страшного, нас было мало, но нас так любили все, лелеяли. Хоть и бедные, и плохо одеты, но нас любили, нам хорошо было. Время было спокойное, время тихое: никто… никаких наркоманов не было. Никто тебя не грабил, решеток не было на окнах. Золотое было время, а семидесятые годы, вот они говорят, что уже… но зато и материально получше жили… что-то стали из барахла привозить… Ну вот, мне кажется, страшнее истории, чем у России, нет… Может быть, Европа и пережила это когда-то в средние века, да… но чтобы как у нас… И сейчас неизвестно сколько… сколько народ может вытерпеть… Потом, народу же надо… нужны традиции, а они в нас последовательно уничтожали же, уничтожали… Я говорю, что у меня мама боялась, что не дай бог, кто-то что-то узнает. Вот от отца ящик писем был в подполье, и так и сожгла она его… И так до конца дней своих она боялась… она боялась рассказывать, кто, что, откуда… лучше не знать ничего.

Интервью
с Мариной Антоновной Бубновой
(1943 год рождения)

– Родилась я в сорок третье году в село Большая речка, это по дороге к Байкалу. Сейчас оно крупно такое село, а раньше была центральная усадьба леспромхоза, и поскольку на лесоповале трудились мои родственники… эээ… которые были в числе репрессированных, то я теперь уже по истечении стольких лет, кажется, вроде бы никакого отношения не должна иметь к политическим этим изгнанникам, а однако оттого, что я родилась в местах лишения как бы свободы своих родителей, я вот принадлежу к… к этому обществу детей реабилитированных, но льготами я не пользуюсь, поскольку я являюсь инвалидом второй группы, поэтому я, конечно, от этих льгот отказалась, но сама память, само участие вот в этом обществе, в его мероприятиях и в том, что… чтобы напомнить о себе еще, конечно, для меня это очень важно. Вот почему я являлась там более-менее активным членом, но в связи с тем, что заболела очень сильно и мало двигаюсь, я почти отстала, тем не менее все равно… эээ… еще, поскольку раз помнят и благодарят меня, то значит я еще там востребована, я еще желанный член этого клуба. Ну после того, когда… после смерти Сталина разрешили нам выехать из села Большая речка. Я лично выехала в пятидесятом году, поскольку нужно было учиться, а родственники моей мамы жили вот здесь, в Лисихе, буквально вот напротив была моего дома деревянная школа, в которую я пошла в пятидесятом году в первый класс. Сложности были большие: не разре… не разрешали выезжать, и оттого, что одна из теток моей мамы была учительница в этой школе, она сумела добиться, чтобы меня записали в эту школу, а так… эээ… я бы там, может, и жила, а вот после пятьдесят третьего года мои родители выехали во Второй Иркутск, там я закончила девятый класс. И в связи с тем, что тут вот политика Хрущева была такова, что запретили, вернее, большой налог был на… эээ… скот, и он был непосильный для горожан, многие переехали в деревни, в села, а мы переехали в Шелехов, поскольку вот из зоны затопления, из Большой речки, из Тальцов, выехали все те родственники, которые были по линии отца… эээ… в город Шелехов. Там образовался, стал строиться алюминиевый завод, из зоны затопления выносили… эээ… все населенные пункты или в Тулун, или в Шелехов, и потом уже в пятьдесят восьмом, в пятьдесят… эээ… году, в пятьдесят девятом мы

переехали в Шелехов, там я закончила десятый класс и в шестидесятом году. А и сразу же в этот же год поступила в пединститут. Ну а в шестьдесят втором году такая дата – трехсотлетие города, – поэтому будучи студенткой вот уже, можно сказать, второго курса, поскольку это июнь месяца закончился, значит, первый курс, я принимала участие в шествии колонны студентов. Мы в праздничных таких одеждах в летних прошли шествием по улице Карла Маркса до… эээ… центральной площади Кирова, там проходили торжественные массовые гуляния, там мы выступали тоже …эээ… но не только нас, даже многие вузы привлекли для этого, массовое было такое выступление, ну и, конечно, проходили массовые гуляния. Город преобразился… эээ… поскольку очень много было субботников, воскресников… эээ… студенты это в первую очередь принимали тогда активное участие в этом… он, его подчистили, конечно, и… но вот такого массового строительства или новых зданий я почему-то не помню, может быть, в силу молодости, а возможно, ведь не нужно забывать и о том, что только закончилось строительство Иркутской ГЭС. В пятьдесят девятом году, в декабре, ее пустили в эксплуатацию то есть шестидесятый год, всего год… просуществовала после такого строительства… эээ… население города Иркутска …иии… тут уже подготовка, я думаю, просто-напросто не было таких средств, хотя… эээ… к тому времени началось… эээ… строительство всего левого берега: Академгородок, Студгородок там полностью… эээ… развивался, к тому… эээ… времени началось строительство улицы Байкальской, вот этих домов от Цимлянской до Лисихи, вот с двух сторон эти дома как раз строились в конце пятидесятых, в начале шестидесятых, и бульвар Постышева застраивался. Ну я просто думаю, что это… и это не мало, поскольку если сравнивать, то плотина ГЭС была построена за пять лет, перекрыли Ангару, такой масштаб работы нужно было: вдоль Ангары все населенные пункты снести, перебазировать население и построить и перекрыть Ангару, построить такую ГЭС – то есть тогда за пять лет строили эту плотину, а сейчас новый мост строят десятками лет, вот можно сравнивать. Ну и это просто отступление. И… ну вот таким вот образом …эээ… прошло первое трехсотлетие, первый праздник …эээ… нашего города на моей памяти. Наступила знаменательная дата – это триста двадцать пять лет …эээ… в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году – на празднование этого юбилея города съехались представители со многих городов и Сибири, и даже из центральных районов нашей страны. И вот я уже к тому времени работала на Иркутском Релейном заводе, а поскольку до этого я уже двадцать лет как за-

нималась экскурсионной работой, свыше, то есть была там экскурсоводом в Иркутском бюро путешествий, то, конечно, по просьбе… эээ… директора я принимала активное участие вот именно как бы в обслуживании тех делегатов, тех гостей, которые приехали и которые были прикреплены по разным предприятиям города на наш завод …эээ… было, по-моему, две или три группы, но во всяком случае я… эээ… парторг и председатель профсоюзного комитета обслуживали группу из представителей города Омска. Очень… эээ… такая солидная была делегация и мэр города, и области, и… эээ… директор ангарского омского нефтесинтеза и еще – в общем в количестве пяти человек была эта делегация, которая… просто поразил наш город. Уж Омск, конечно, он намного больше, он намного ближе к центру …иии… я, правда, его совсем не знаю, но тем не менее с их слов, они были поражены, во-первых, красотой нашего города, в чем к тому времени город, конечно, немножко преобразился, в том смысле, что все было побелено, покрашено… эээ… подчищены самое… главные улицы вылизаны и приведены в порядок, но а, главное, к тому времени вот с шестьдесят первого года по восемьдесят шестой появилось столько микрорайонов, что они вот… эээ… и поразились, что вообще-то город был компактный. Центр поразил их… эээ… строительством или наличием каменных зданий… эээ… по проекту известных архитекторов, но девятнадцатого столетия, поскольку купцы вложили немалый вклад в развитие нашего города, особенно по улице Карла Маркса все кирпичные здания, все на средства… эээ… купцов… ааа… тут же примыкающих к этой улице… эээ… соседних, ну любых, домах очень много было ажурных деревянных красивейших зданий. К сожалению, сейчас они уже исчезают, уже потихонечку, но тогда вот сочетание вот этих вот кружевов и кирпича, и даже этих зданий кирпичных, которые немножечко что-то отображали в своей архитектуре, тоже красоту вот этого деревянного зодчества, их очень удивило ну и, конечно, обилие вот этих микрорайонов, потому что к тому времени уже была построена вот эта вот вся наша улица Байкальская. Так, дальше. Уже начали строительство Ново-Ленина, оно продолжалось… эээ… но к тому-то времени уже появились микрорайоны Солнечный, Юбилейный, Синюшина гора, Первомайский, Топкинский… эээ… Ново-Ленино вообще расширилось… эээ… на громадное расстояние, значит, было уже строительство Университетского микрорайона, то есть жилые массивы, жилые застройки… эээ… просто поразили, ну и очень большое количество было промышленных предприятий. Ну даже свыше восьмидесяти было предприятий в городе Иркутске, естественно,

это тоже… эээ… удивило, но и компактность. Вот они говорили: «Ни в коем случае вам нельзя достигать миллионного города, чтобы слишком много было народа, у вас… эээ… прекрасна такая вот историческая культура… эээ… как бы… эээ… перемешивается с культурой молодежи, потому что город студенчества: девять вузов было. И, конечно… эээ… вузы-то вот не то, что вот сейчас вот, коммерческие, наспех организованные, а все-таки серьезные были учебные заведения, но и отношение студенчества было совершенно иное, потому что… эээ… вот я же говорю, и даже в восемьдесят шестом году тоже было немало привлечено студентов города, чтобы навести порядок …иии… как… эээ… как любая хозяйка наводит порядок к приходу гостей, так и тут, так что вот это вот… они были очень-очень благодарны, вот эти омичи поразили нас. Мне так… эээ… преподнесли огромное ведро роз, которые похожи были на голландские, в то время ведь голландские розы… эээ… у нас не привозились, я поразилась, что после того, как завершилось это торжество, они в знак благодарности – еще спросила как, откуда; они, говорит, мы свои теплицы вот сумели сохранить. Значит… эээ… сумели, у них там, очевидно, там уже теплицы были совершенно иные, потому что я до тех пор не видела таких громадных роз, но а главное, чем памятна эта мне дата – триста двадцать пять лет – потому что все торжество ну я, конечно, с этими… эээ… омичами была задействована на все четыре дня, на пятый день они уезжали, потому что им показала исторические памятники, места города и Байкал, и все вдоль Байкала… эээ… остановки были, ну что могла я, рассказала о декабристах, и посещали музей декабристов – это уже дополнительно были мероприятия, поскольку они еще были задействованы по линии горкома, обкома, их там принимали на таком уровне, и там и проводили всякие встречи, а вот в год, в тот день, когда праздновалось это торжество, была такая сильная жара, ужасно жарко, наверно, выше тридцати градусов, и это все торжество было на стадионе «Труд». Приехали знаменитые артисты, очень большое было массовое гуляние, торжество, и в общем-то… эээ… как говорится, ну на многих площадках проходили гуляния, но основное было на этом стадионе, и поэтому после вот такого торжества даже мои гости устали от жары и от всякой этой информации – вот так… эээ… проходили мои юбилейные даты, вместе с городом. Так… эээ… а остальное уж давайте что… что Вас интересует, спрашивайте.

– Расскажите, каким было ваше детство.

– Детство. Ну просто боюсь, боюсь плакать. Ну у моих родителей было. В общем четверо детей умерло до меня. Я самая старшая

из оставшихся четырех. Ну я родилась, я в разгар войны в сорок третьем году только потому, что мой отец, во-первых, был в числе вот этих репрессированных. Не столько он как его отец был привлечен, то есть мой дед, который и умер на лесоповале. Но главное-то еще он не попал на фронт в отличие от его братьев: всех его братьев взяли, а мой отец не попал на фронт, потому что к тому времени, во-первых, он, он не видел, у него один глаз совершенно не видел, а во-вторых, уже перенес к сорок третьему году где-то четыре операции, а в общем числе около тринадцати операций, поэтому, конечно, он настолько был у нас больной, и хотя и работал машинистом на… на ТЭЦ, но состояние здоровья его ему не позволяло содержать вот такую семью, четверо детей было. И конечно, больше внимание как… как бы подключились родственники, разделив детей: часть со стороны отца, я была… а как бы опекаема со стороны маминых родителей. А мама у меня совершенно безграмотная, но тем не менее вот мы все четверо сумели получить высшее образование, вот мы сделали все возможно для того, чтобы как-то ну вылезти из той нищеты, из той нужды. Я помню, что еще мой дед со стороны мамы был призван на военную службу, но по возрасту он не был отправлен на фронт, а… эээ… их полк был к Забайкалье как бы в запасе на случай Русско-японской войны, ну вот не русско-японской, а как бы войны с Японией-то. Так это условия там были очень тяжелые, а кормили их очень плохо, несмотря на то, что воинская часть, и он написал письмо, что нужно лампы… эээ… для… вот такие стеклянные лампы, которые …эээ… освещают. Наверно, помнишь по кинофильмам? Вот стекло для… для этих как бы ламп и если Вы сможете именно достать эти лампы, то я скажу, что я в состоянии, я приеду хоть вырваться к Вам, хоть поесть да сыто. Иии… эээ… поскольку родственники у меня были еще и работали на Тулунском заводе, ой, на этом Тальцинском стекольном заводе, мы сумели достать вот ему эти лампы, так вот я помню: это ж сорок пятый год, где-то весна, то есть мне не было еще даже двух лет, но когда я деда этого увидела, я поняла, что он родной человек, никого дома не было, я одна дома… эээ… хозяйничала. Как не говоря, так я заглядывала, увидела, как он заглядывает… эээ… на печку и смотрит …эээ… это самое, чтобы поесть, я ему даже вот, насколько взрослее тогда были дети, я ему тут же сказала: «Деда, деда, ешь картошку, мама не будет ругаться, вот только за то, что это самое…» Очевидно даже вот эта вот картошка, и то она была в обрез, что ее не всегда могли мы поесть. Вот ну тогда, очевидно, всем было тяжело, я так думаю, что поэтому вот когда тогда переехали во Второй Иркутск, тут, конечно же,

совершенно иная была обстановка, несмотря на то, что родители больные и прочь, но все-таки мама сумела устроиться, пусть в рабочие, наверно, на мясокомбинат, отец тоже подрабатывал, и здесь, главное, жили за счет своего хозяйства, сумели почему …эээ… нам как бы в знак благодарности, мы сумели купить у одной больной женщины корову, которая потом – потомство ее которое стало рекордсменкой и на выставке даже сельского хозяйства – эта корова нас кормила, за нее мы переехали только лишь в Шелехов, чтоб она была кормилицей семьи, а там скоро тоже город получил, поселок – статус города, и нам пришлось с этой коровой расстаться тоже. Мы уже к тому времени подросли, и мы так уж особой сильной нужды не видели, но в целом считаю, что выжили, может быть, наравне со всеми, в любом случае нам было здесь легче, чем вот тем, которые сюда приехали даже вот из мест эвакуации, многих же ссыльных сюда с Прибалтики, очень много вот с Тальца на Большой Речке, очень много было вот латышей, литовцев… эээ… немцев. У нас и даже поженились на литовке, на немке… эээ… мои там двоюродные братья, сестры. Вот настолько перемешалось все. Друзей на Лисихинском заводе очень много сосланных… эээ… работало, и все равно нам в какой-то степени было легче, мы же здесь как бы… эээ… старожилы… ааа… другим, конечно, похуже, но ничего. Я считаю, все равно, несмотря на то, что я отношусь к числу как бы реабилитированных, и пострадала от этого, а все равно не могу согласиться с настоящей политикой. Вот конкретный пример: я Вам сказала, плотина строилась за пять лет, а тут десятки лет мост строится. Несмотря на нужду, на нездоровье, родители мои бесправные сумели… эээ… вырастить четверых детей и дать им всем высшее образование, а в наше время сейчас я бы одна не смогла. Даже мы с мужем, который был доцентом, и то вот в период перестройки нам было очень тяжело, потому что у него зарплата, я тогда работала в школе уже последние годы, а его зарплата была меньше, чем у меня, учителя школы, и пенсию вот такую же он получил соответственно, поэтому я думаю вот растить и учить детей и внуков… нам было уже в настоящее время или вот даже в период перестройки просто невозможно, поскольку хапанули-то единицы, а страдает-то все население страны. Так что у меня все равно на это свое мнение, я никак не могу осудить, конечно, в любой политике, при любом переходе… эээ… неизбежно ошибки, и неизбежны вот эта вот. Может быть противостояние или что-то, но тем не менее нужно судить по результатам. Пусть политика Сталина была ошибочна и особенно перегибы и прочие сгубили очень много в лагерях и прочее не-

винных людей, но тем не менее. Вот после войны разруха – я даже помню этот момент… эээ… разруха, нищета, лишились всех… эээ… вот городов центральных, а однако ведь каждый год и не раз… а мы же ждали и получали уценки на продукты питания, на основные продукты питания, а сейчас мы каждый месяц ждем наценку. Каждый месяц, и это уже входит в правило – почему… что мы пере… это переносим какое-то бедствие, какие-то катаклизмы, какие-то у нас глобальные эти самые, этот кризис и то, на мой взгляд, выдуманный для нашей страны. А под этот кризис уже избаловали всех и вся, начиная от низших вот продавцов, которые хозяева этих лавок, и кончая уже верхушкой власти. Понимаешь вот, почему сейчас негативно относятся к старшему поколению, потому что старшее поколение может сравнивать, может сравнивать условия развития. Вот не было показухи к празднованию вот этих дат, потому что строилось все, не нужно было замазывать, не нужно было зализывать, а сейчас-то какое строительство точечное только лишь. Точечное в карманы отдельных лиц, а эти точечные застройки на базе всех тех предприятий, которые были созданы раньше народом. Или же вот втискивают в те… эээ… зоны, закрывая… эээ… или вырубая рощи, кустарники и прочь, занимая площадки детские только потому, чтобы не проводить дополнительных коммуникаций, не затрачивать средств на это, чтобы иметь больше прибыли в свой карман. Ну разве это не понятно, это всем понятно, поэтому старшему поколению особенно понятно, в каких условиях мы… эээ… росли и создавали это вот… эээ… национальное богатство, и что сейчас. Я с ужасом просто думаю, что вот разрушится все то, что нажито. И к чему мы придем, нас и так уже не признают никакие государства цивилизованные, приравниваемся только к району третьего мира. К странам, вернее, третьего мира. А что еще потом будет, когда вычерпают все наши ресурсы, все это наше сырье, вообще нас ни за что будут, уж за что раньше Китай, – Господи, не считали их за, это вот между нами, за народ, он настолько был отсталый и прочее, а вот он теперь нас обставил и еще, может быть, под ноготь, страшно дело, что такая вот мощная держава буквально у нас под носом – и которая если попрет, то уже ни перед чем не остановится, а мы не в состоянии себя защитить, а когда это было, всегда боялись нашей страны, особенно после Великой Отечественной войны, потому что мы сумели доказать, что за народ и что за нация. Ну вот так вот, что еще какой вопрос?

– А вот вы рассказывали, а вот День победы, вы не помните, как встречали?

– Нет, девятое мая не помню, девятого потому что я была в деревне же, тогда вот мне было два годика, я этого не помню, но я очень помню, как хорошо, как приходили дяди с фронта, с каким торжеством вот один из маминых братьев привез в подарок с Германии, я была у них первая и единственная внучка, и с того с тех и с других сторон, естественно, вот этот дядя привез мне… эээ… с Германии такое красное платьице, которое но очевидно было красоты неописуемой, и как только я это платьице одела… эээ… и вышла на крыльцо. Там у нас в Большой Речке были типа бараков с двух сторон… эээ… крыльцо и комнаты барачного типа, но большие комнаты… для этих ссыльных переселенцев. Так вот я как только на это крыльцо вышла, там подскочил бык и меня посадил на эти, на рога, – конечно, такое запоминающееся событие – пока меня не стащили, погнался, и я перепугалась, очевидно что… Потом была свадьба вот этих всех фронтовиков, которые пошли у меня – в основном дяди были двадцати двух, двадцати трех, двадцати четырех, двадцати пяти и двадцати шести годов – и… и несмотря на то, что… это самое, они с первых дней были призваны на военную службу, ушли на фронт, один закончил летное училище до… до сорокового года, но он сумел, каким образом – мы даже не знаем, просто не был в числе этой семьи и сумел пробиться, а вот эти-то сразу же были призваны, поскольку они находились со своим отцом и им как бы представилась возможность своей кровью искупить свою вину, а вины как таковой не было, а вот у меня документ есть – деда и в шпионаже… эээ… иии… Там и… эээ… анархист и шпионки и… а какой шпион, там деревня за тысяча километров от границы, и он совершенно обыкновенный пахарь, который имел двадцать детей, но они умирали, и к тому времени когда его вот репрессировали, то было всего десять детей, и за счет детей он имел это хозяйство, раскулачивали, когда его раскулачивали, а потом сразу после раскулачивания и попал в репрессированных этих, в число репрессированных, так вот… эээ… буквально вот позавчера я хоронила в четверг… эээ… одного из дядей, которые восемьдесят шестой год был – и вот в военном билете мы посмотрели: он уже был призван… эээ… на войну в ноябре сорок первого года, то есть почти все у меня родственники… эээ… сразу ушли на фронт и только один без вести пропавший, все, к счастью, вернулись, ну конечно, больными и контуженными и прочее, но тем не менее они все-таки остались живы, это уже тоже большое достижение, как говорится, большое счастье в нашей семье. Вот.

– Расскажите, каким было ваше студенчество, вы же не только…

– Студенчество …ооо… студенчество, ну прежде всего, самое запоминающееся событие в студенчестве – полет Гагарина.

– *Вот расскажите.*

– Мы как раз в этот день… были как бы на благоустройстве, строили общежитие напротив пединститута – вот это желтое здание – оно как раз было выстроено, и нужно было его отмыть, мусор вынести, подготовить для побелки, для покраски и отмыть стекла, то есть наш курс был весь привлечен на стро… на благоустройство, на подготовке вот этого, то есть на субботнике или, как можно назвать, и в этот момент передали сообщение о том, что человек в космосе. Ой, что было у нас, даже мы чуть с третьего этажа не прыгали от радости вниз, все выскочили на улицу – это, наверно, как… как люди празднуют День победы, так и мы выскочили на улицу, и скандировали, и плясали, и прыгали, и визжали – и такое событие было, просто ну не описать вот это студенчество …эээ.. курс был у нас. Вот во-первых, я поступала на начфак, который просущ… новый факультет начальных классов, и нам вначале обещали, что мы будем методистами, преподавателями педучилищ, директорами начальной школы, особенно в селах там и средних вот этих общеобразовательных школ. Методистами и так далее и тому подобное, поскольку новое как бы направление, новый факультет, и поэтому из пятидесяти человек у нас, наверное, человек двадцать имели уже образование учителя …ааа… после педучилища и учительского института, солидные, то есть они уже старше нас были, на два, на три, а то и на пять лет, и поэтому задавали тон. Эээ… а ну кое-кто был после того, как проработал годдва на производстве, ну если не поступил, – и нас всего, наверно, человек пять из пятидесяти, которые сразу же после школы, в числе и я была, я, еще и Светлана младше всех были, ну я просто что хочу сказать, вот тогда, наверно, удивительно для Вас студентов, что вот эти старшие наши товарищи поставили на первом комсомольском собрании условие: учимся без шпаргалок. И ни на одном экзамене у нас шпаргалок не было. Отсюда мораль. Надеялись только на себя, вот поэтому я… А я с будущим мужем познакомилась буквально первого сентября вот… эээ… этого шестидесятого года: ехала я в колхоз… эээ… на, как говорится, на целый месяц, была в сапогах кирзовых с вещевым мешком, нет, не вещевой мешок, а это на другой год уже, а тут чемоданчик небольшой, ну одним словом, поскольку раз в северный в Качинский район нас отправили, знали, что там уже холодно и мы, конечно, соответственно были одеты, а он уже учился на третьем курсе медицинского института, ехал с другом… эээ… просто как первый день

занятий… эээ… узнать, куда они поедут на сельхоз работы или здесь где-то будут отрабатывать, это же было обязательное условие… эээ… месяц-два, а иногда и до двух месяцев студентов в те годы отправляли на сельхозработы, а уже потом только мы приступали к учебным занятиям. Вот поэтому он, конечно, обратил тогда внимание на мой хороший вид, когда сел напротив в электричке – тоже шелеховский. Ну, ну а потом буквально после колхоза… эээ… вместе стали ездить домой и как-то вместе подружились и уже… эээ… с февраля вот с шестьдесят первого уже, как говорится, неразлучные были, каждый день, и… эээ… так он меня готовил как бы к семейной жизни, опекал и поэтому на третьем курсе он заканчивал уже институт, и нужно было ему определяться, а занимался наукой – он думал вообще-то остаться при институте, но на всякий случай все равно… эээ… решил, что а вдруг отправят, меня уже здесь оставлять не хотел, и на третьем курсе мы поженились. Ааа… ну да, после окончания, это на Новый год, а после окончания третьего курса уже отправили его в Тулун. К тому времени я уже забеременела и мне пришлось перевестись на заочно как бы, отправила справку с места работы с Тулуна, эта справка где-то затерялась, и меня не перевели… ааа… беременность была очень тяжелая… эээ… я пролежала четыре месяца в больнице с… и в ноябре даже мне прервали беременность, она должна была у меня в декабре родиться, а в ноябре прервали беременность, родилась у меня дочь, но месяц меня еще держали в больнице, я, как помню сейчас, накануне Дня конституции – это пятого декабря была такая дата. А четвертого меня выписали, я в тот же день и поехала… эээ… в институт, потому что мне нужно было решить вопрос, как я же уже почти полгода не знала, что… что со мной. Декан уже знал о рождении моей дочери, встретил меня, ну я, несмотря на то что была самая младшая, тоже была там общественница… иии… любил меня декан тоже, ну и поздравил меня с рождением дочери, и что давай же… я так, я же перевелась на заоч. Он: «Такого быть не может, ты у нас числишься». И когда я ему рассказала, что слабый ребенок, преждевременные роды и так далее и тому подобное, он говорит: «Единственный выход: вот сейчас декабрь, а что там осталось двадцать дней за декабрь, ты сдаешь все за четвертый курс, в январе ты сдаешь все за пятый курс, чтобы по приказу, а за четвертый курс ты сдаешь, и мы тебя переводим на заочно, на заочно сразу на пятый переводим, потому что чтоб тебе не терять год у нас». Было четыре года учебы, а там пять. «В январе ты все сдаешь за пятый курс, чтобы потом весной выйти на гос». И вот имея такого малыша… эээ… еще она жила у меня в Шелехово,

мама с ней, водилась я вот, ездила, сдавала, так что считай, конечно, досталось очень тяжело, очень, чтобы этого восполнить вот это все, тем не менее я сдала без хвостов, безо всего я вышла на госэкзамены вместе со всеми, то есть не брала ни академ, ни… Не отстала, допустили меня, и сдала госэкзамены, но поэтому когда вот сейчас иногда говорят студентки: «Ой, тяжело, тяжело» – я никак не могу смириться, потому что я на себе знаю, что такое… что такое сдать восемь экзаменов после таких труднейших родов, у меня наступила клиническая смерть даже во время родов, меня кое-как спасли, и что значит иметь такого малыша, и в основном сдавала экзамены вот так вот, сидела с преподавателем. Грудь всю разбарабанило, потому что он мне вместо двенадцати только в четыре часа… эээ… а я это… эээ… принимал экзамен в четыре часа дня, а я уже в восемь уехала из дома, естественно, у меня кормления-то не было, вот так все прилипло, все течет, я, конечно, в такой позе неудобной сижу… эээ… пишу, а он все думает, что я шпаргалки или что: «Сядьте правильно, сядьте правильно». Пока я от злости не выпрямилась и у меня все это мокро… эээ… на платье, вот тогда ему самому стало как-то неудобно и он естественно говорит. Извинился и в общем, и тут даже быстренько мне посмотрел мой конспект, и без всяких вопросов принял экзамен так что. Это сложности бывают разные, но бывают преодолимы, только было бы желание, сила воли, вот так, ну и группа у нас была очень дружна – интересно в чем, что все-таки. Эти же опытные старики-то, как мы их называли, они нам могли многое что подсказать, и мы оформляли и с концертными бригадами ездили на… в село в Смоленщину, Большой Луг вот по принципу, где поменьше на электричке деньги платить из студенческого кармана, устраивали для жителей села… эээ… в дни каких-то знаменательных дат, всякие лекции читали и после лекции концерт устраивали, а у нас еще нам же музыку преподавали, поэтому среди нас таланты-то были все, всякие… эээ… играли на инструментах обязательно, и плюс ко всему прочему и слух обязательно был у каждого, могли и без инструмента акапеллой… иии… любое произведение спеть, ну одним словом, очень интересно проводили мероприятия, сдружились со студентами политеха; я, правда. не принимала участия, поскольку у меня тут раз уже был жених, и мне, как говорится, в походы… не до походов …ааа… девчонки ходили в походы на Хаматайан с этими студентами политеха. севотук к нам приходили в гости, тогда было очень интересна студенческая жизнь. Эээ… и все это так на таком уровне, что даже как-то… эээ… без намеков, без оскорблений, без всякого. О сексе даже и не думали никогда… эээ…

может быть, мальчишки и задумывались, да мы и не догадывались, а если догадывались, то это настолько было воспитание, что как-то очень-очень. Я помню, первая свадьба была на первом курсе, была свадьба со студентами политеха. Мы встретились. Вот именно на свадьбе с тех пор некоторые уже подружились, а три пары даже и замуж вышли. То есть ну вели себя достойно, пьянок не было никогда, если бутылку винца возьмем, так это на двадцать человек, почти ее, ну правда, иногда мы из трубочки пили. Из трубочки все двадцать были пьяные. Вот это обыкновенная трубочка для коктейля, вот ну в общем-то у меня потом дочь училась, и я сравнивала ее студенческую жизнь и нашу – совершенно различалась, как небо и земля, мне кажется, сейчас еще хуже, сейчас по клубам не каждый имеет возможность ходить на эти вот всякие элитные, а так никаких вроде бы у Вас мероприятий, дискотек не проводится при учебных заведениях, да ну и что, где же Вам встречаться, время проводить как это, когда… когда массовое, это совсем другое дело, интереснее: один слово сказал, другой добавил, третий предложил, четвертый выполнил, совсем иначе протекает жизнь. Я с благодарностью вспоминаю студенческие годы, хотя было на первых парах очень скромно, где-то даже очень, я в маминой плюшевой тужурке, которая в фильме пятидесятых годов показывается вот вначале… эээ… первую зиму, ползимы, ездила, потом только мне сумели сшить пальтишко, даже на фотографии фотографироваться и то я взяла пальто у своей подружки, чтоб мне эту тужурочку-то мне не показывать на фото. Ну как-то на это не обращала внимание, потому что многие тогда нуждались… иии… правда, в одном платье могли… эээ… на свидание сходить в разные места, я жила в общежитии всего один год, потому что шелеховцам не давали общежитие… эээ… этот год так, ну поскольку рядом тут и без конца уж мясо, картошку возили, и коммуной питались, сбрасывались, и дежурство назначали это уже обязательно… эээ… обязательно нужно было готовить на совесть, горячее ели обязательно, с целью экономии никаких кафе, ресторанов. Кто если мог позволить, если более обеспеченные, это уже его дело, он сам отдельно ходил там, ну смотря когда, куда, и то в обед все равно даже они все за общим столом, а комната у нас была на десять – двенадцать человек, и вот живя в такой комнате, не было никакого воровства, не было никакого унижения, я же говорю, с разрешения в одном платье ходили на свидание в три вуза в разных. Мы еще хохотали, что а вдруг какой-нибудь парень да увидит тебя… эээ… или так другого в этом же платье, только надеялись на то, что парни такие-то, что они на внешний вид особо

не обращали внимание, их одежда не волновала, вот так вот, такие студенческие годы.

– *А какие вы праздники проводили в студенчестве?*

– В студенчестве. Ну дни рождения отмечали, День молодежи обязательно… эээ… затем первое июня, если к тому времени у нас не было таких вот тяжелых моментов, у Вас же сессия, первое июня, поскольку у нас же педагогический институт, был День защиты детей, это уже обязательное условие было принимать участие на центральных парках, где проходили массовые гуляния детей обязательно, что-то проводили, в чем-то участвовали, какие-то свои задумки во… воплощали. Вот ну общие признанные эти праздники… эээ… как… эээ… демонстрации, первое мая, День победы… иии… седьмого ноября – это уже неотъемлемая часть, это уж обязательно, все до одного должны были присутствовать, это еще и на стипендии могло отразиться даже, но а уж мы-то, тем более городские, я считалась все равно городской, хоть в Шелехове жила, уж мы-то в первую очередь, потому что дальним-то еще иногда с согласия разрешали уехать. А каникулы же были или праздники если длительные, все равно каждый стремился поехать домой, а уж мы-то, городские, обязательно должны были принимать участие в этом. Поэтому тут любое городское мероприятие или праздник это – без нас не обходился, уж я тут… принимала участие обязательно.

– *Вот расскажите, какое у вас впечатление о городе из молодости.*

– Из молодости. Да, я любила город и люблю до сих пор. Когда я работала экскурсоводом, это я… эээ… с семидесятого, с семидесятого года. Нет, с семьдесят первого, будучи беременная сыном, я закончила курсы экскурсоводов, и вот с тех пор я… эээ… была внештатным работником бюро, и тогда вот в конце семидесятых, в начале восьмидесятых годов до восемьдесят пятого года сюда были турпоезда со всей городов нашей страны, и республик в том числе, и, конечно, показывая исторические места города, я… эээ… это, сама гордилась… эээ… чем, потому что сама тоже ездила, каждый год куда-то я ездила, во многих городах была. И в Прибалтике, и в Средней Азии, и… эээ… весь… эээ… юг, конечно, Черно побережье Черного моря, в Питере вообще семь раз была, то есть во многих городах, и у меня было такое как бы принято правило… эээ… для себя сама себе… эээ… за правило выбрала посещать в любом городе театр и ресторан: в театре я судила о культуре среднего возраста вот… эээ… жителей, а в ресторане молодежи, в кафе и ресторан или что-то такое – как молодежь вела себя, как… эээ… ну вот у меня складывалось такое впечатление, ну а потом нас… эээ…

я летала, там же были экскурсии я сравнила еще и наш город с другими городами, поэтому… Чем мне нравится наш город, ну прежде всего, центральная улица Карла Маркса и Ленина, вот настолько эти улицы компактны и по проекту же в основном петербургских архитекторов были построены, естественно, вот они невольно, да еще наша Ангара омывает город под углом, вот она вот от плотины идет и до моста, и там поворачивает, как бы под углом, точно также и Нева огибает Петербург, и здания по проекту петербургских архитекторов, и я все время полушутя говорила, что наш Иркутск – это Ленинград в миниатюре, особенно вот улица Карла Маркса: пройдешь по этой улице и почувствуешь себя чуть ли не в Европе, это вот одно, тут же еще и деревянные вот эти здания, которые тоже бесподобны, нигде, кроме Томска, таких деревянных зданий красивейших не было, только томичи могли похвастаться, нас переплюнуть. Потом поскольку у нас город студенчества, студенчество было тогда все-таки культурным… иии… интеллигентно развивалось, театр был сильнейший за счет того, что постоянно был аншлаг, залы были переполнены, и поэтому как-то, на мой взгляд, была в то время и культура населения намного выше. Вот у меня такое почему-то складывалось впечатление… эээ… ну плюс ко всему прочему все-таки мы должны были гордиться своей красавицей Ангарой. Все-таки… эээ… строительство этих гидроэлектростанций, ну, а ну с одной стороны, нанесло вред, а с другой, и дало мощь нашей области, потому что сколько городов создалось, вот Братск в том числе и Усть-Илимск. Сколько городов… эээ… было… эээ… создано благодаря этим гидроэлектростанциям, развивалась инфраструктура. Вот построили это самое… эээ… первенец ангарского каскада, плотину вот Иркутской ГЭС и сразу же уже вдоль Ангары стали строиться жилые массивы – Академгородок, Студгородок – все это… эээ… расширяться, ну и потом нужно было обеспечить жильем строителей, почему и Приморский… эээ… одновременно расстраивался. Вот это же давало толчок к развитию, ну и город все-таки и промышленным, значит, была база, были какие-то средства… эээ… отчисления в фонд развития города, области. Мы могли бы себе позволить что-то, строительство тех же микрорайонов. Вот поэтому я, я в общем-то… эээ… горжусь своим городом, может быть, как истинная иркутянка, так у меня так прикипела душа. Но а за счет того, что я все время говорю, что вот любым туристам, что можете пить воду Ангары в любом месте и не бояться, так многие же мне не верят, пока я сама не зачерпну ладонью. Вот о чем речь.

– А вот вы проводили экскурсии по Иркутску. Какие места больше всего показывали?

– Какие места, я декабристскую тему очень люблю, связанные с пребыванием декабристов в городе, они дали культуру нашему… эээ… внесли, вернее, культуру в развитие нашего города… эээ… народа, вот иркутян образование, за счет декабристов здесь было поставлено на должном уровне сельское хозяйство, тоже за счет их ведь помидоры… эээ… и многих… эээ… сорта там даже ягод …иии… эээ… фруктов тоже за счет их были… эээ… воспроизводились на территории иркутской земли. Тема декабристов мне близка, особенно гордилась, конечно, музеями декабристов, к сожалению, сейчас вот один закрыт, не знаю – второй, как он, когда он откроется, ну а потом я еще и горда тем, что купцы-то все-таки постарались, в отличие от наших современных меценатов. Есть, на что посмотреть, и до сих пор, и немалые вклады внесли. Сколько их было, и каждый друг перед другом… эээ… похвалялся, сколько он затратил на… благоустройство города, на строительство зданий. А сейчас каждый стремится урвать да положить в свой карман, потому что даже те… те здания, которые выстраиваются, они все равно выстраиваются, конечно… эээ… украшают город, я не могу с этим смириться, но я знаю, что львиная доля прибыли от всего от этого все равно в карман. В начале… эээ… того строителя, того хозяина, а уж потом на красоту города. Вот так вот.

– А как вы относитесь к деревянным домам в центре города?

– Я считаю, что надо было бы их сохранить, и вот или они являются достопримечательностью, у нас дом Шубина – это же почти… эээ… ну девятнадцатый век, даже середина девятнадцатого века, он был, может быть, невзрачный; знаю, что, конечно, жителям несладко в этих домах живется, если так уже что-то подгнило и холод и прочее, а вокруг… вокруг везде благоустройство и туалеты – здесь приходится на улицу бежать, ясное дело, что это. Ну для тех жителей это просто бедствие, но надо думать о истории города, о его наследии, так поэтому считаю, что, конечно, все-таки сохранить. Вначале я была приверженцем того, чтобы просто уголок, как бы оазис создать деревянного зодчества вот ближе тем, вот, допустим, район Музей декабристов, там красивые вот эти здания деревянные, и вот туда бы свезти со всего города …иии… непосредственно показать, но боюсь, что только тронь и там труха посыплется …иии… ничего от этого не получится, поэтому уже архитекторы, специалисты, наверно, должны думать об этом, как сохранить это наследие, и считаю что... В общем-то надо задуматься, пока еще полностью не уничтожено; как правило, самое ста-

рое – самое ценное здание, они в неприглядном виде и, естественно, они уничтожаются в первую очередь. Пусть бы сделали из них какие-то офисы, конторы, вот заставили этих… эээ… как говорится… эээ… вернее, может быть, не заставили, а предложили в первую очередь не те кирпичные здания, которые хорошо сохранились, а вот эти вот, пусть они реставрируют на базе этих старинных зданий и устраивают себе офисы: они, во-первых, меньше будут разрушаться, потому что там же не круглогодичная эксплуатация будет все-таки, офис закрыл и на ночь ушел, это одно, и не так много в эти офисы ходит, уж на то пошло, ну за то бы за счет этого сохранили, – а я считаю, что если бы было поставлено так, что вот вся центральная часть… эээ… должна быть только под офисы вот, но ни самые ценные здания им отдавать, а вот те, где они должны затраты понести, и я думаю, что безвыходное положение заставило бы их пойти на это, потому что все-таки это центр города, там много людей, много возможностей. Если он… эээ… выложит из своего кармана энную сумму, так все-таки он и не так уж много потеряет за счет того, что проходимость-то населения будет совсем иная. Ну а главное, я считаю… эээ… иркутяне тоже, особенно вот эти богатенькие, должны думать о родном городе-то, душа-то должна болеть. Вот так вот такое мое мнение об этих деревянных.

– А как вы относитесь к переименованию улиц?

– К переименованию. Ой, это у меня сложный вопрос для меня, с одной стороны, я считаю, что, может быть, и нужно было бы переименовать… эээ… потому что… ну почему, допустим, тот же Трилиссер, так к примеру, который… ну потратил свои усилия, внес вклад, в течение, допустим, полгода участвовал в истории города, почему он лучше… того купца, который пожизненно занимался развитием и благоустройством. Ведь мы же не знаем Васина, Мыльникова, Трапезникова, Сибирякова… эээ… да тут десяток купцов, которые внесли свой вклад… эээ… в развитие… эээ… города, по домам мы знаем в отдельных домах, а их улицы не носят названия, вот сейчас вот кое-какие переименовываются, но это же… ни о чем не говорит. Русиновского вот, ну Байкальскую я, конечно, не хочу, чтоб переименовали, потому что это ворота в Байкал, это каждый и так все приезжие, и особенно жители центральных городов, считают, что Иркутск стоит на Байкале, для многих это такое мнение, и что здесь медведи ходят, и что тут люди недоразвитые и так далее и тому подобное, так вот с чем я не могу никогда согласиться, боже мой, я там всегда с пеной у рта доказываю, да как же так, да у нас столько высших учебных заведений, да у

нас такая культура, да… эээ… у нас театр всегда полон народа, да столько людей вышло… из… с территории вот нашего края знаменитых, начиная от… эээ… как говорится, первооткрывателей космоса Янгеля и заканчивая литераторами, писателями, художниками и так далее и тому подобное, космонавты и прочее, ну то есть я начинаю с пеной у рта доказывать, что это богатейший край не только сырьем, но и людьми. Их талантами, их знаниями, их умом. Ну соответственно и культурой, потому что люди, которые талантливые и умны, они никогда не будут плевать. Они в любом случае культурная нация.

– А какие вы улицы, например, переименовали бы?

– Какие бы улицы, ну я бы, например, против того, чтобы… эээ.. к счастью, действительно сейчас это делается, а то было восемь-десять советских, достаточно одной советской, все остальные нужно заменить. Вот, ну какие еще, может быть, да тут вот в основном… эээ… Красногвардейскую тоже одну улицу достаточно, и все, потому что пусть… пусть она отражает историю нашей страны, но в единственном числе. Вот, вот так вот я в первую очередь. Ну а со стороны революционеров, те революционеры, которые внесли, конечно, большой вклад в развитие нашего края, я считаю, что их тоже забывать не надо, потому что это история, плохие, как вот особенно сейчас молодежь прививается мысль, что все, что было связано с революцией, все это плохо, – нет, там не все плохо, нужно отличать плохое от хорошего, я до сих пор считаю, что вот эта политика ленинизма, что учиться, работать, кто не работает – тот не ест, или… каждому по способностям – от каждого по труду, по способностям, это очень правильно. Дается возможность проявить себя и получить, но не отбирай то, что… или сейчас даже он семи пядей во лбу, а его ни во что не ставят, к счастью, я ушла со школы, уже началась эта волна, но при мне уже, я была классным руководителем, при мне уже началось, что если он в богатой одежде ходит, школьную форму отменили, значит, он человек; если его привозят на хорошей иномарке и родители у него хорошее положение занимают, а как правило, дети пед, мед – хуже нет, а среди вот этой категории как раз за счет родителей дети очень воспитанны, начитаны, культурны и могут преуспевать во всем и дать фору вот таким вот, как говорится, бездельникам. Но их ни во что не ставят, не то, что окружающая обстановка, а их сама школьная атмосфера: кого проще подкупить жвачками, там пепсиколой или бутылкой вина, хорошей сигаретой, того, который имеет это, наличные деньги карманные, и у них нет безденежного. Вот такое мое мнение.

– А какое ваше отношение к сносу памятников?

– Вот это я против. Категорически против. Независимо, кому бы этот памятник ни принадлежал, потому что нельзя уничтожать то, что заработано, оно никому не мешает, вот это вот сооружение, памятник ни у кого над душой не стоит. Пусть. Да и потом я считаю, что это обогащает историю, снесли пустое место или поставили какой-нибудь частный коттедж – и все, а здесь. Плохая история, но это история. А потом еще не известно, что через полсотни лет будет и кого будут чтить, я, например, еще сомневаюсь, оставят ли вот современное… о себе память хорошую. Вот поэтому, ну и потом зачем уничтожать, на что были произведены затраты, мне вот это непонятно; если у тебя лишние деньги, пожалуйста, сделай что-нибудь другое, только и всего. Вот поэтому я вообще против уничтожения всех памятников. Даже пусть несет если негативное, ну и ладно, тоже сказать, что вот много-много принес вреда и тем не менее пусть он стоит и напоминает нам об этом. Вот, на мой взгляд, даже пусть… эээ… такая политика будет, но только не уничтожение.

– А к появлению новых памятников?

– Ну естественно, кто против новых, кто против новых, но я сейчас не знаю, кому могли быть, вот Жукову поставили, ну конечно, я только была рада руками-ногами и прочее, не могла пойти на открытие, но… считаю, что даже… проспект хорошо, что назвали его именем, переименовали, потому что Карл-Маркс-Штадт к нам абсолютно никакого не имеет отношения: побратим – это еще ни о чем не говорит, – но а это самое… эээ… вот первый бы памятник я, на мой взгляд, кому поставила бы из тех, которые из иркутян, – это Ножикову. Думаю, очень вот, семьдесят пять лет ему исполнилось, ну и почему бы вот, несмотря на то, что всегда руководителей хают, особенно когда они уже уйдут, ведь о нем не сказано среди народа, никак ни вот нигде я не слышала отрицательного отзыва. Что-то плохого, этот человек очень много сделал для развития города, ну уж особенно области, так что я бы ему заслуженно, как вот… эээ… у Вас в Братске. Поставили этому строителю Братской ГЭС Бочкину. Господи, забыла фамилию, бывает же у меня такое, ой, заслуженный строитель, заслуженно ему поставили памятник, почему у нас Ножикову не поставить? И современных жителей вот и, в честь такого исторического значения запросто. Потому что вот. Белобородову стоит памятник, мы только можем гордиться. Не раз показать и удачно выбрано место, его перенесли с площади Труда, на этот мемориал, и я думаю, очень здорово, что именно туда. Вот так вот. Я за памятники.

– *Расскажите о своей работе.*

– Где я трудилась?

– *Да.*

– Так у меня сорок лет стажа, и они поделены на три периода. В трех местах я работала, ну я не буду говорить там, где год, потому что в связи… в Тулун я приехала уже после окончания института и с маленьким ребенком, всего год работала, потому что… потом мы переехали, мужу было место в институте, и он занимался, занялся наукой, потом стал преподавателем, а короче я была методистом пятнадцать лет в Кировском районе, это по раннему возрасту. Курировала ясли, единственный была человек, вот именно в учреждении с педагогическим образованием, а все с медицинским, затем я перешла на… взяли меня на… в ведомственный детский сад тоже методистом… эээ… при Релейном заводе, а там уговорили перейти на завод, и я на работе на заводе на Релейном занималась производственной практикой школьников, то есть непосредственно по своей специальности. Вот так я проработала пятнадцать-семнадцать лет. И поскольку началась перестройка, наш отдел подготовки кадров был первым, как говорится, ликвидирован, сокращен, потому что не нужно было готовить кадры, обучать их… ааа… все, наоборот, закрывалось, уничтожалось, то наш отдел в количестве девяти человек, где непосредственно я работала для подготовки кадров, сократился… иии… я поскольку занималась производственной практикой школьников, то была тесно связана со школами, то директор с тридцать второй школы, а это школа была еще и подшефной, пригласила меня к себе в школу, и вот двенадцать лет я проработала учителем в этой школе, и оттуда ушла на пенсию, в общем в трех местах, из… конечно, работа не сахар, сами знаете, к чему готовить себя, педагогическая работа во всех отношениях трудная, в моральном, физическом, а материальном тем более, не случайно говорят: «Пед, мед – хуже нет». Но хочу сказать, что самая трудная работа – это, конечно, ясли, тогда вот я начала работать, что декретный отпуск был всего два месяца, ребятишек-то приводили двухмесячных в ясли… иии… на я не знаю, не помню, на сколько времени, давали матерям час перерыва обеденного, и они этот час разделяли на полчаса для кормления, вот она прибегала кормить его в двенадцать, допустим, и в три часа этого грудного ребенка мама приезжает, прибегает грудью его кормить, а мы маме выносили стакан молока и булочку. Нервы никуда не годны, просто к тому, что у нас в то время, говорят, плохая власть и прочее, но… молоко мы бесчетно флягами и могли позволить дополнительно кружку молока

и детям, и родителям и прочее. Действительно, ни… никогда это самое не считали не… не заглядывали… эээ… вот таким вот образом, а я к тому веду, что ну самое трудное, конечно, там было, и когда говорят… ааа… детей в ясли простужают, чтобы их было меньше, да не правда только потому, что тогда само трудно – это подъем работы был, и туда шли только ради собственных детей, чтобы самим работать и свои дети были пристроены, в одной группе вместе с ребенком не разрешалось. Так если воспитатель в соседней группе, как говорят, откроет форточку, чтобы просты… простынет этот ребенок медсестры, и некому будет работать, и та воспитатель будет вкалывать в две смены за эти гроши, поэтому очень сложно я, как сейчас помню, обеденный перерыв, нас три человека, как бы администрация, я, старшая сестра и заведующая, и было три группы, и мы вставали, и в обеденный перерыв каждый по своим группам расходились, чтобы помочь персоналу покормить детей, очень тяжело было накормить тех детей, которые плохо ели и или тут, может быть, не любили, ну и, как правило, не аморальный ребенок персонал раздражал, а вот именно тот, который ничего не ел, это уже, как телят, их обязательно каждый месяц взвешивали, за приростом наблюдали, и не дай бог, если ребенок за этот месяц не поправился, – это был такой нагоняй, это было такое, что… что строго следилось за этим, следили за здоровьем, за развитием малыша, но и соответственно за умственно-физическим развитием, это уж была моя обязанность, мое, под мою ответственность, четко по возрастам распределяла, в какое время какие занятия, на что обратить внимание, с каким ребенком дополнительно позаниматься, где пробелы в воспитании и так далее и тому подобное, это уже была моя обязанность и мой контроль вот. И это самый трудный объем работы из тех трех мест, которые я прошла в своей трудовой деятельности. Вот такой мой трудовой стаж.

– А какие у вас воспоминания остались от других мест работы?

– От других, ну у меня был еще один период, поскольку я стала экскурсоводом высшей категории, то есть имела очень много маршрутов и тем, это у нас каждый год нужно было освоить обязательно одну тему, а я в общей сложности почти двадцать лет проработала, естественно, чуть не двадцать можно сказать экскурсий. Ну так преувеличено, но все равно это… эээ… для общего сведения, поэтому когда открылась гостиница «Интурист», меня директор гостиницы пригласил туда, считая что у них гиды, во-первых, в итоге не знают такого разнообразия тем, а их сугубо готовили, допустим, по… по Байкалу, по централу, по городу, а вот

уже на Аршан не знают там, ну в разные другие места, и он боялся, что если будет со стороны иностранцев какая-то это самая заявка, они не смогут обеспечить, и он меня пригласил на… к себе в гостиницу «Интурист» на роль как бы одного экскурсовода на… выручки, и я даже обучала там гидов, курсы провела немножко с ними для общего развития, а когда гостиница открылась… Да, ввод затянулся, во-первых, на полгода, но я же не могла… эээ… бездействовать, он говорит: «Тогда принимаю, оформляю тебя заведующей этажами, чтобы по оформлению». Эээ… ну открылась это, значит, нужно было шторы, скатерти и там эти покрывала, все в тон, в цвет… эээ… создать уют, атмосферу культуры в каждом номере, вот открылись. Пошел поток, и очень мало, потому что… еще не знали, очевидно, и это самое, и мне уже не захотелось быть заведующей этажами… эээ… я на три этажа должна была… эээ… обслуживать, и захотелось… эээ… работать заведующей этажами каждый день, зарплата у заведующей была маленькая. Думаю, лучше я пойду в дежурные… иии… там все-таки через трое суток, сутки отработал, трое суток дома, а в зарплате восполню те двое суток, которые я дома буду отдыхать, я за счет экскурсий лучше, подзаработаю, потому что материальная сторона все равно страдала. Ну а да. И в общей сложности я от начала и до конца проработала в этой гостинице всего год, потому что я поняла, что мне там делать нечего, никаких дополнительных заявок как экскурсоводу мне там не… не светит, а работать ключницей, как я сказала, дежурная все равно это что «Подай ключи» и «Возьми ключи», так я и не захотела, потому что просто посчитала, что при моих знаниях и работоспособности делать там нечего, хотя не могу я сказать, что там были не… неталантливые люди, там в дежурных даже со знанием трех иностранных языков работали, некоторые заграницей отработали несколько лет и работали здесь дежурными, то есть очень сильный… подобрался контингент. Ну и потом выпускникам иняза некуда было податься, кто не хотел в школу, тот в первую очередь в «Интурист» выбивались… администраторами, а что там администратор, всего три, в каждую смену, и вот дежурными на этажи. Вот. Так что. А с чего ты начала, какое впечатление?

– *Да.*

– Не ну вот… эээ… что это интересно мне было, вот эту еще атмосферу, а так, конечно, я считаю, что наиболее интересная для меня была работа на заводе, потому что я трижды принимала участие, трижды меня отправляли на учебу в институт повышения классификации, это в Москву, в Новгород, в Старую Руссу, вот, при… затем… эээ… солидное все-таки учреждение – завод, он у нас

громадный, большой, современные корпуса, занималась там и профсоюзной деятельностью. Это тоже была на виду и по душе мне это было. Но и так. Вот что-то у меня, вот этот вот обширный масштаб больше, впечатления на меня произвел, чем стены школы и детское учреждение.

– *Вот вы ездили в Москву, в Новгород, а сравните с Иркутском, что там больше запомнилось, что отличалось?*

– Новгород – старинный город, конечно, на меня он произвел огромное впечатление, ну по сравнению с нашим городом, мне кажется, он даже проигрывает, вот почему-то у меня такое впечатление. Я не прониклась там историей, был сильный холод, и мы не смогли вот там побродить… иии… больше в экскурсиях как принять участие, конечно, все эти соборы, храмы я, конечно, обязательно посетила, но еще дополнительно в пригородах не была, потому что там же еще история окружающих вот… эээ… ну Москву нельзя сравнивать, поэтому я даже… иии… не хочу о Москве говорить. Москва есть Москва, кстати, я Москву хуже знаю, чем Питер, в Питере, я говорила, что была семь раз, каждый раз старалась я побывать в новых местах, каждый раз, и все равно я половины, наверно, не… не посетила, очень много исторических мест; конечно, мне кажется, с Питером нельзя сравнить ни один город: ни Киев, ни Москву, ни… Я в каких столицах-то еще, ну вот в Алмаааате была, в Ташкенте была, не была только в Тбилиси, и в Ереване я не была, так проезжала, но в столицах не была, а здесь вот Владивосток на меня произвел большое впечатление, Севастополь, я от Севастополя была в восторге, и мне кажется, когда София Ротару поет свою песня, то, что Белый город, я почему-то представляю вот именно Севастополь, страшно переживаешь, что он достанется Украине, если только… если только Украина добьется, а мне кажется, она не мытьем, не нытьем, так катаньем все равно лишит России этого города, мы, конечно, все тогда потеряем, Черное море нам уже принадлежать не будет. Вот. Так что на меня многие города произвели впечатление, Владивосток мне не понравился своими холмами, своими вот этими дорогами, трудные очень особенно, мне кажется, в гололед там вообще невозможно зимой, я-то была летом. Ой, но понравилось мне. Культура, обслуживание вот туристов, или так уж мне показалось, тогда мне казалось, хапуг ни среди водителей автобусов, ни работников ресторана, это единственный город, когда я…(я же говорила, что специально посещала рестораны) вот туристы, было тридцать человек, был сильный ливень, половина со мной поехали на экскурсию и сразу в ресторан… эээ… другие по парикмахерским и прочее, и почему-то за-

блудились и не явились в тот ресторан, где мы договорились, а я заказала на тридцать человек, пришло всего тринадцать, которые со мной, – представляете, семнадцать человек не пришли, а нужно было оплатить. И единственный, где… эээ… официантка сразу же подошла и сказала: «Ну что Вам, очевидно, это самое, не по карману будет это оплатить, я горячее уже сняла заявку и могу вас выручить тем, что вот эти закуски, которые стоят на соседнем столике, я могу сейчас отдать другим». Ну где это, в каком ресторане пойдет на встречу официант, да ее не волнует, как ты будешь выкручиваться, заказала и расплачивайся. Я просто так поразилось, что вот я, к сожалению, не смогла написать благодарность, но это у меня в памяти схоронилось вот уже двадцать лет, я просто в восторге от такого вот подхода, ну а потом красивый город, вот еще и моряки, и форма, как они шли, какие там памятники морякам …иии… стоят на карауле, ну в общем я очень довольна поездкой в этот город.

– Вот вы ездили по разным городам, у вас не было желания уехать из Иркутска в другой город?

– Нет, не было, не было только потому, были вот, допустим, Севастополь мне понравился, и я бы, может быть, только по материальной части из-за того, что мужу уже не устроиться было бы на работе, связано было с работой и ему бы никогда не устроиться в другом городе, и потом два раза переехать, что раз погореть, и так не такая уж у нас база, чтобы мы могли шиковать или себе позволить, сестра у меня более обеспечена, она уехала в Краснодар, она уже там двадцать пять лет живет, но ее страшно тянет сюда, она почти каждый год сюда прилетает, особенно вот я сейчас заболела, так она каждый год ко мне приезжает. Вот.

– Вот ваши дети – они остались в Иркутске или уехали?

– Со мной дети, даже вон напротив на одной улице живем. Дети. Я в этом отношении счастлива, что мне не приходится разрываться между детьми… иии… ездить куда-то в современном мире, когда стоимость билета не по карману, это просто… эээ… я считаю, преступление для всего народа, когда не можешь поехать к родителям, к детям, на похороны это же вообще. Ой, не хочу я касаться этой темы, это наболевшее.

– А вы сравните, как изменился внешний облик города тогда и сейчас.

– Ну и конечно, лучше, я считаю особенно центральные улицы, спору нет, эти современные красивые здания кое-где вот… эээ… закрыли, пусть даже все вот эти старые купеческие дома, но и хорошо отремонтировали, они, конечно, украшают город, вот думаю,

что к тому времени уже последний дом до пионеров, этот кинотеатр пионеров, наверно, закончится его реставрация к юбилейной дате, и вся улица в общем-то Карла Маркса и Ленина будет в порядке, на мой взгляд, это уже… э… подготовка хорошая. Ну вот видите, расширили улицу Байкальскую, на Байкал тоже приятно будет повезти гостей, это… это не улица, а целый проспект, ничего не могу сказать, что уж тут большущая работа проведена, но если бы это постоянно и на совесть делалось, а то ведь что возмущает, что в этом году сделали, а на будущий год это уже все отвалилось, вот ведь, вот эти переходы даже, тоже думаю, без учета они поставили, надо было все-таки часть светофоров сохранить, а не переходы, отсюда для пожилых людей, которые не могут двигаться по переходам, по этим скользким спускаться и подниматься, это же смерти подобно. Светофор бы переждал и все, и поехал. Это тоже какая-то недоработка, а тут на таком вот расстоянии столько затрат на эти переходы: Волжская, Цимлянская, Лисиха, Байкальская – уж не сильно большущее расстояние, а четыре перехода, пусть бы на одном из них хотя бы светофор сохранили. Вот так что тут много сделано, я не могу сказать, но считаю, что не в таком количестве, как делалось к другим датам, конечно, по сравнению со строительством этих жилых массивов. Вот сколько микрорайонов понастроили в те годы к датам, и сейчас разве можно сравнить эти точечные застройки отдельных домов? Вот ну и думаю, хоть вторую линию, может быть, откроют тоже этого нового моста, это же вообще преступление и стыд– позор, но почему-то думаю, там уже вообще нечего и делать, что наверно уж, за год-то, за полтора сумеют они довести до ума.

– А вы помните, как строился мост через Ангару, понтонный мост?

– Нет, понтонный-то, это вообще понтонный мост в начале столетия был, это самое, так что это никак, это никто не помнит, через Ангару в тридцать четвертом году строился, тоже единицы, которые еще живут …эээ… вот, вот тут который нижний, ну тот мост помню, только, к сожалению, не помню, сколько от начала до конца потрачено дней, смысле лет. Так вот.

– А какие были ваши любимые места вот тогда, в молодости?

– В молодости. Ой, некогда мне было гулять в молодости. Да, точно, я же после школы в институт, а после института тут быстрее домой, потому что если общественные какие-то мероприятия и сразу голодный же, еще мчишься домой, пока доедешь, это уже вечер. Ну с удовольствием в центральном парке культуры и отдыха вот, я считаю, там, затем любила на… эээ… сквере, где сейчас ну

набережная Ангары, там играл духовой оркестр, с удовольствием любила посидеть на лавочке даже и это самое, а иногда даже и танцевали мы с девчонками и в парке, и там, и там, и там играл духовой оркестр, живая музыка, слышалась на всю округу, предавала торжественность праздность того, невольно как-то повышала настроение, ну вот эти вот два места мне очень, очень нравились, эти парки, так, а больше – ну не знаю, не было у меня таких любимых мест.

– А внешний облик парков как изменился: лучше стал или хуже?

– Да, пожалуй, что лучше, может быть, да мне только не нравится, что на каждом шагу все вот эти вот киоски, вся вот эта вот нажива, а она создает ну атмосферу не отдыха… ааа… типа, может быть, не знаю даже и для некоторых мам и проблему создают, потому что от каждого киоска… эээ… смотрю я, наблюдаю за детьми, там купить, там купить, там купи, туда побеги, а не у каждой же мамы есть такие деньги и вот ребенка вывести в парк, чтобы подышать, чтобы свежим воздухом, даже покататься на отдельном аттракционе, это ж проблема вместо… вместо двухсот рублей надо тысячу, а то и две затратить, а в наше время разве есть у кого вот такие большие деньги, это же единицы, которые могут позволить за день потратить на ребенка вот такие деньги.

– А чем лучше?

– Что?

– Чем лучше стал?

– Ну чем лучше… эээ… по сравнению с тем, что было, ну там меньше было вот этих киосков, больше было возможностей погулять, подышать, тишина, спокой, покой, вот именно то, если это было место отдыха, так место отдыха, но никак не шум-гам, не аттракционы какие, аттракционы нужны, иначе ребенка тоже занять надо, и какое-то развлечение, но вот нет этой конкуренции, нет этого стяжательства, если так грубо выражаясь, каждый стремится себе в карман положить, а для мамы это проблема… ааа… вместо того, чтобы получить удовольствие и доставить удовольствие ребенку, приходит иногда в расстроенных чувствах, потому что истерики, слезы, и отношение ребенка совсем другое: если ты не можешь купить, так значит, ты и плохая мама, маленький ребенок же так рассуждает. Вот, вот этим я считаю, что плохо.

– А какие ваши сейчас любимые места в городе?

– Да вот не двигаюсь я, какие, нет у нас сейчас любимых мест, я считаю, что как раз вырубаются вот эти вот все тоже… эээ… зеленые вот эти оазисы, скверики, где можно было посидеть, подышать… эээ… вот даже спуститься, раньше ведь так хорошо, у нас по

Ангаре ходили эти теплоходики. Спустился, прокатился на воде, подышал, а сейчас ведь дорогие билеты, уже не то, что спуститься, уже… эээ… как подумаешь о том, что на такое удовольствие сколько затратишь, потом неделю нужно себя ограничивать в чем-то, и уже отказываешься от такого мероприятия, и я страдаю, я считаю, что страдают от этого и пароходство, меньше пассажиров, и, естественно, меньше у них прибыли, и точно так же и железная дорога …иии… авиатранспорт, баснословные цены привели к тому, что меньше стали пользоваться этими услугами, и стали сокращать количество, если раньше студент мог позволить, он действительно на любой праздник поехать, а сейчас только на каникулы в состоянии, потому что… что значит… эээ… для студента… эээ… заплатить полторы тысячи за билет вот до Братска туда и обратно, и с чем остаться, с чем приехать, вот. Если там мультимиллионер, так он тебя в состоянии на самолете отправить, а если, как правило, это все равно у большинства среднее, среднестатистический уровень. Так что а это среднестатистический – сейчас ни о чем не говорит.

– *А помните, как раньше украшался город на Новый год?*

– Ой, а все так же стандартно, но сейчас что… что изменения, уж слишком много петард, слишком много вот этой вот иллюминации, как никогда, и я всегда горжусь, и мне отрадно, Новый год когда вот это, вот много вот этих… эээ… фейерверков, думаю, ой, значит, не так бедны люди, если могут позволить себе такое. Ну с удовольствием, у меня еще открывалось полностью из окна плотина и весь Студгородок и Юбилейный, короче, все как на ладони, и все это отражалось даже в Ангаре в Новый год, я в новогоднюю ночь просто радовалась за всех, вот в этом отношении, думаю, неужели так люди могут последнее, как говорится, такое развлечение ну до трех, до четырех ночи это все стреляет, все это сверкает, и в новогоднюю ночь, конечно, преображается город в лучшую сторону, я ничего не могу сказать, тут уж так никогда не праздновали, тогда не было этого, но и такого, так не красило, как сейчас. Вот.

Интервью
с Галиной Николаевной Зиновьевой
(1945 год рождения)

– Где вы родились, и если не в Иркутске, то как попали сюда? Помните ли первые впечатления о городе?

– Ну, родилась я в Улан-Удэ, там и детство мое прошло, в общем-то, вот… в Забайкалье, получается, в Прибайкалье восточном. А в Иркутск я приехала после школы, ну, в связи с переездом семьи, потому что папа работал в Совнархозе, а когда совнархозы укрупнялись, то перевели сюда и отдел машиностроения, мы переехали семьей, я переехала сюда и здесь уже потом поступила.

Первые впечатления были сильные у меня от Иркутска, потому что город Улан-Удэ, он более такой был тихий и, сравнительно с Иркутском, безлюдный. Меня поразило в Иркутске в первую очередь, конечно, многолюдье. Вот по улицам идешь, и какая-то радость от того, что идут молодые люди, улыбающиеся, куда-то спешащие, то есть, конечно, Иркутск, он, по сравнению с Улан-Удэ, ну, более такой был город, ближе к западу, и он студенческий, как я поняла, тогда сразу поняла, и много молодежи: меня это как-то покорило, мне очень понравилось в Иркутске. Первое впечатление было хорошее.

– Расскажите, пожалуйста, про свое детство, каким оно было. Какие воспоминания сохранились об этих временах? Как родители ваши оказались в Иркутске? И остались ли ваши дети в Иркутске?

– Ну, вот я уже сказала, что родители у меня переехали в Иркутск, мы жили на улице Горького, 17. Я помню, что вот эти дома тогда получали именно работники Совнархоза, то есть в центре города. И так я закрепилась, для меня Иркутск стал родным городом. Дети мои родились: дочка родилась во время студенчества, она это… на третьем курсе мы ее родили, вот. Но она иркутянка, конечно, но сейчас, она, закончив университет, она уехала работать в Качугский район, работала в Харбатово, потом вышла замуж, и они переехали в Качуг, живут сейчас в Качуге, там она учительствует. А сын в Иркутске, семья, трое детей, у дочери четверо детей, ну вот так, в общем, все в Иркутской области. А воспоминания о детстве – очень расплывчатый такой вопрос, воспоминания о детстве… Ну давайте его пропустим.

– Каким было ваше студенчество? Почему вы выбрали именно этот вуз?

– Дело в том, что по своему легкомыслию после окончания школы мы с подружкой вообще ринулись поступать в Новосибир-

ский университет. На такое красивое название факультета – математическая лингвистика. Это было что-то новое, так это нас заворожило: математика и лингвистика, все совершенно замечательно, мы приехали туда, получили, конечно, сразу же по тройке за сочинение, а там 25 человек на место было, брали… Ну это вообще был очень такой элитный факультет, он только-только там организовался. И после этого, конечно, я как-то сникла. Я вернулась в Улан-Удэ и год проработала… Не год – сколько-то там месяцев, до переезда в Иркутск я проработала там с нашими выпускниками, нам весело очень было на приборостроительном заводе, наводчицей немножечко успела поработать, вот. И когда в Иркутск мы переехали, то здесь я тоже даже не искала себе вуза, я решила, что мне надо посидеть, поработать. Мне так это понравилось, какая-то такая взрослая жизнь. И на заводе, Релейный завод так называемый у нас, здесь вот он… релейный, да, при Автотрактородетали? Автотрактородеталь – такой завод был крупный в Иркутске, и вот, при… как филиал у него был вот этот вот заводик, да, релейный он называется, вот там я работала в конструкторском бюро, на… чертежницей. Помню, что мне это очень все нравилось. Мне нравилась вот эта вот какая-то… взрослые были люди, конструкторское бюро, такие… Узнала впервые слово «кульман», меня оно совершенно тоже… «Кульман»! А оказалось, что это вот эта вот чертежная доска, на которой вот они вот проектируют вот эти вещи. А я копировала, в общем-то, была чертежницей, но я фактически-то не чертежница, а копировала вот эти их… ммм… чертежи какие-то там, что они делали, вот. А потом… ну естественно я поступала на филологический факультет, потому что, ну, так со школы было: я любила – я вообще гуманитарий по складу – всегда любила русский, литературу, и так как университет, познакомилась со всем здесь и сразу пошла поступать на этот факультет. Ну вот, и поступила и осознанно училась, интересно было, интересно, но в то же время, видите, как я… У меня студенческая жизнь по сравнению с моей дочерью… я потом вот сравнивала, мне удалось посравнивать это: она проучилась все годы студенткой, свободной, вот именно занималась, только студенческая жизнь, а я на втором курсе уже вышла замуж, и у меня такая была студенческо-семейная жизнь, вот. Ну, в этом были и сложности, но в этом было что-то и свое интересное. Воспоминания в основном идут о преподавателях, которые вот поразили, вот, конечно, я очень хорошо помню эту кафедру русского языка сильнейшую. Она, по-моему, традиционно у нас в университете вот идет… такая очень сильная кафедра, да. И эти педагоги, которые там нас сразу взяли в обо-

рот – это Кашевская Юлия Иосифовна, потом Владимир Фаддеич Мейеров, к сожалению, вот, он уже ушел из жизни. Ну, это… это филологи. Они… я, вот, у него потом курсовые писала и дипломную защищала, его была дипломница. И Юлия Иосифовна Кашевская нас быстренько «отсеивала», она диктовала… такие диктанты устраивала, что наши мальчики, которых… семь человек было в нашей группе мальчишек, ну каких мальчишек… они все после армии – такие дядечки – пришли. Очень они нас… мы на них так смотрели снизу вверх, вот. Но они как раз вот сели на этом русском языке сразу, на орфографии, и очень многие из них перешли на журналистику или на исторический факультет. Но все равно в нашей группе осталось пять… пять парней таких вот, вот. И среди них один мой, один из них был моим мужем потом, вот. А люди Иркутска… Ну как вот… знакомства у меня в основном-то все… вот… сосредоточилось в университете, студенческая среда, и тот небольшой, вот, кусочек, когда я там проработала, я проработала-то, в общем-то, даже где-то 9 или 8 месяцев на этом на релейном заводе, да. А так вот сильно впечатлений не осталось, осталось только впечатление своей… я почувствовала свою значительность, что я вот работала… конструкторское бюро, что-то делаю, как взрослый человек, вот.

– Каким было студенчество и почему вы выбрали именно этот вуз?

– А, да-да, ну вот вуз я выбрала потому, что всегда любила литературу и… а университет, конечно, университет… Про пединститут я даже не думала – именно университет. И тогда было поступление не из легких. Я помню, как мы очень переживали, сколько у нас баллов не хватает, как будет, что? Ну вот, я проходила по баллам, я уже знала, что я набрала, но там вот я переживала за своего будущего мужа, он все сдал на пятерки, а за английский тройку ему поставили, ну он там вообще на двойку, конечно, и ему просто: «Ну ладно, иди, солдат! Получай свою тройку». И вот он пошел. И мы переживали, что он может не пройти, но прошли, потом, парни, как видно, все.

– Ну вот, каким было ваше студенчество?

– Студенчество наше было замечательным, честно признаться. Замечательно у нас было, была прекрасная группа. Ну во-первых, то, что парни ее вот украшали, что очень удивительно, очень много. И потом, парни, ну вот, такие уже… уже, значит, состоявшиеся, они же ведь пришли после армии. Там у нас только один был, помоему, Вострых, так он и то ушел на журналистику. Он сначала к нам поступил. Он был мальчишечка после как бы после школы, вот. Студенчество было очень хорошим. Мы всегда собирались, у

нас была куратором Петухова Евстолия Николавна. Между прочим, она до сих пор жива, ей 92 года, вот я ее, мы все к ней ходим, кто здесь, ее навещаем. Она из дома уже не выходит, она совсем не видит. Но живой очень человек, интересующийся всем на свете, очень такая она, коммунистка. И ее вот это… ммм… то, что она верна осталась вот этой линии своей, очень вызывает большое уважение. Она честный человек, очень справедливый, совестливый, и так вот мы с ней… И она нашу группу, конечно, вспоминает всегда с теплотой. Мы ее, а она нас. «Потому что, – говорит, – вот вы для меня были, как, ну, действительно родные дети, с которыми было всегда интересно». Собирались на всякие праздники вместе. Мы жили на квартире, на Подгорной, и чаще всего группа собиралась именно в нашем доме. А мы снимали квартиру, я ушла от родителей, ну, как-то мне хотелось самостоятельной жизни. Они жили, мои родители, на Горького, а мы на Подгорной вот снимали квартиру на две семьи: в одной половине жил наш одногруппник Николай Осипенок, а мы с Валерой жили в другой. И вот у нас родилась уже дочка на третьем курсе – я не бросала, я получила свободное посещение, ходила на лучшие лекции. У нас, я помню, как у нас вела прозу три… двадцатых годов девятнадцатого… это… двадцатого века Золотарева, я имя-отчество уже забыла, ну это ярчайший педагог! Вот до того ее было интересно слушать! Она как соловей. Заходила в аудиторию и начинала говорить, как-то не глядя на студентов, она как-то поверх голов всегда смотрела куда-то и рассказывала, и рассказывала вот об этих группировках, которые тогда возникли вот в 20-е годы… эээ… 20 же века, это же интереснейший период был. Тогда эти «Серапионовы братья», там… «Лев», как это… еще-то там… «Рапповцы»… ну все, вот эти вот все. Она нас так увлекла этим, я помню, что я стала очень интересоваться: и вот Серебряный век, вот это вот все, и Блок там, и Мережковский… Она вот очень интересный такой педагог, он вводит в круг своего читательского интереса и формирует наш интерес. Так было и с Надеждой Степановной Тендитник. Она была очень строгий и, я бы даже сказала, такая… немножко язвительный такой преподаватель, прости меня, Господи, ее уже нет в живых, но она много… там со студентами у нее было неприятностей. Но при всем при том я вот ей очень благодарна, потому что она, именно она вела современную русскую литературу у нас. Она сумела в нас именно сформировать вот этот читательский интерес определенный. А тогда ведь что? Тогда ведь пошла деревенская проза. Вот это 64-й год мы поступили, 60-е, конец 60-х, начало 70-х – это все, это пласт такой пошел деревенской прозы. Что лучше

сейчас… вот я, например, сравниваю то впечатление от того, что мы читали, мы читали запоем все. Это «Новый мир» у нас всегда у всех был, мы передавали все друг другу. «Наш Современник», журнал «Знамя», ну, «Юность», естественно, это тогда тоже мы очень читали, «Литературная газета» – это мы все были в курсе вот журнальной вот этой жизни, очень интересовались. И когда пошли такие авторы, как Абрамов, Белов, значит, Астафьев, Распутин, Залыгин и все вот это вот… Это было невероятно интересно, конечно. И вот она вот это направление наше выстраивала в своих лекциях. Они, может быть, были не такие яркие, эти лекции, но то… но по содержанию… притом мы ее всегда старались, пытались слушать, потому что знали: иначе не сдашь, экзамен не сдашь! Мы ее слушали очень внимательно, вот… И когда в свое время я впервые выехала в Москву надолго, на три месяца, вот эти у нас курсы повышения квалификации, и встретилась там с педагогами-литераторами. Кандидаты наук, которые приехали, там, значит, тоже, повышали квалификацию, вот я жила с ними в комнате. Начинаем разговор, и как-то они там: вот Борис Полевой, вот они что-то… Я, значит, начинаю говорить. Ну Шукшина еще более-менее знали, потому что он как бы и кинорежиссер, и литератор, вот… он у них был, так сказать, в их обойме. А когда говорила о Белове, когда я говорила об Астафьеве, когда говорила о Распутине и о Вампилове, на меня вот такие вот глаза: «А что, ну это ваши там… провинциальные писатели!» Я говорю: «Да? Вы считаете, что это провинциальные, если они издаются за рубежом и везде?» И я помню, что меня вот это очень поразило, ведь это… мы одного примерно были… одних лет учебы в университетах, значит, им давалось так, а нам давалось вот так. Это же вот так вот… Люди вот пришли, и они… да, я помню, что одна женщина потом как-то мне пришла: «Да, вы знаете, я там вот поинтересовалась, мне сказали, что Распутин – это имя мировое, – говорит, – я его буду читать!». Она кандидат наук была. Да, это вот поразительно, вот это вот меня тоже тогда удивляло.

– Были ли у вас какие-нибудь увлечения, может быть, такие сильные, которые перешли и во взрослую жизнь?

– Это вообще, все это вот, действительно, действительно Божий промысел! В свое время в детстве я очень хотела танцевать. Я была довольно диким ребенком… Ну мама у меня была строгая очень, поэтому я так вот росла и всего-всего всегда стеснялась. Как-то ну вот… не было у меня такой свободы поведения, такой, нормальной – я дичилась. И когда я пришла в первую школу, вот, в новую, перешла там из женской школы в эту, в смешанную, и там

меня поразили две девочки, очень красивенькие, одна темненькая, другая светленькая. Они были настолько красивые собой, и, во-первых, они танцевали, они свободно общались и с мальчишками, и со всеми, а я вот на них смотрела и завидовала… Потом я узнала, что они ходят на танцы. Ну как на танцы… они ходят в хореографический кружок во Дворец пионеров наш, в Улан-Удэ, у нас же тоже Дворец пионеров, ну, посла… поменьше, чем в Иркутске, но он тоже очень славный домик, тоже бывший купеческий дом, вот, Дворец пионеров. И я загорелась туда пойти тоже, именно в хореографический кружок. Но так получилось, что почему-то я пошла записываться без мамы, вот. Третий класс, но она меня не повела, это все близко, город же небольшой. И я помню, что я пришла туда и, твердив… все время твердя это название – «хореографический» – и забыла! Это слово у меня вылетело из головы. Всех вызывают, кто куда… дети вот так в фойе собрались, всех-всех-всех-всех вызывают: вот это кто туда, кто туда, ты куда… Я стою, уже всех-всех разобрали, у меня уже слезы, глаза наполнились слезами – я никуда. Слово «танцы» я сказать, значит, боюсь, думаю, скажут: «Какая-то деревенщина, ничего не знает», вот. Подошла ко мне Нона Дмитриевна, я так запомнила это имя, взяла за руку: «Ну а ты куда, деточка, хочешь? Ну, пойдем, пойдем!» Видит, что у меня глаза уже набухли слезами: «Ну пойдем, пойдем, я тебе сейчас зайчиков покажу, там хорошо, вот там» – повела меня в какой-то такой темный коридорчик, и запах такой… А это кружок юннатов, вот, был. Я совсем разревелась когда, она: «Нет-нет-нет, не хочешь – не будем! Пойдем отсюда!» и потом по винтовой лестнице… вот это, старые дома, вот такая узкая винтовая лестница наверх. Вот она меня ведет по ней, как в сказке, это впечатление удивительное было. И вот заводит, и вот так открывается большое такое светлое помещение, везде стоят скульп… эти, как его… бюсты, белые такие, безглазые, ну, как вот.. и по, по стенам, а в центре стоит стол круглый, вот вроде этого, и за ним сидят девочки и чего-то там… а с ними бабушка сидит, но эта бабушка была, наверное, моложе меня, чем я сейчас, а мне показалось тогда – бабушка. Она: «Елена Пална, вы не возьмете вот девочку?» Она так на меня, а у меня глаза раскрылись, все тут высохло, так красиво! «Не возьмете?» Она говорит: «Ой, мала!» Ну не брала она таких. Как видно, они перемигнулись между собой: «Ну возьми ты ее, чтоб она тут не… не чувствовала себя плохо!» Вот она меня посадила, дала вышивать, мне очень понравилось. Я помню, мне понравился вообще этот климат, вот… который вот тут вот. Кружочком сидели, и вот… И я начала-начала, и у меня все хорошо получалось, как

видно, руки-то так ничего, работали. И она, Елена Павловна, после меня стала брать с третьего класса себе в кружок детей, она поняла, что можно с третьего класса брать. Я вот думаю, что вообще это с первого класса… это замечательно получается. И вот я третий, четвертый, пятый класс ходила два раза в неделю в кружок художественной вышивки. Запомнила вот эту… ммм… учительницу свою, фамилию ее не помню, вот Елена Павловна – все, больше ничего. Очень много она дала. Я помню, что мы вышивали в основном всегда для города, для Дворца пионеров, у меня работ так вот детских, ну… сохранилось, но очень мало от того. Вот я помню, что вышивала портрет Чайк… Пушкина, Пушкина вышивала портрет, да… и помню, что он ходил везде по этим, по выставкам, всегда получали какие-то мы награды. Там вот у вас есть еще вопрос о том, что… какие праздники. Для меня вот особенно почему-то с детства запомнился праздник Первое мая, потому что он был обычно теплый. Как-то мне не запомнились холодные эти дни, всегда теплый, и помню, что я ходила с Дворцом пионеров, не со школой нашей, а с Дворцом пионеров. Нас выбирали, лучших кружковцев от каждого кружка там, я вот была там не из худших, меня туда брали. Помню, надевали на меня обязательно какой-то костюм, какого-нибудь народа. Однажды на меня надели костюм узбечки. И помню, долго-долго мне все мои волосы распустили, заплели, заплели в эти… в тоненькие косички. И я вот такая шла, значит, в колонне. И я помню, как меня увидели мои одноклассницы, и Вовка Уланов (такой был у нас очень яркий парень в классе), он подскочил, говорит: «Ты почему это здесь?» – и дернул меня за косичку! А Елена Павловна так подошла к нему и говорит: «Не трогай девочку, она у нас во Дворце пионеров хорошо занимается». Вот. Помню, что вот такое, вот эти праздники были, ну они были очень приятные. Помню почему-то всегда праздник… выборы. Почему выборы запомнились? Потому что эта улица, где я жила, она была деревянная, вот… Детские впечатления. Вот эта улица Банзарова в Иркутске, она до сих пор там сохранилась, но, к сожалению, совершенно захирела просто. А тогда это была живая очень улица: деревянные дома… эээ… здесь мостовая, значит. И вот народ, я помню, что утром встаешь под звуки этого… оркестра: «Уже гремит на улице оркестр...» – и смотришь в окно, и идут прекрасно одетые люди, очень наряженные, и идут с семьями, с детьми, и вот шли все на выборы. Это был праздник, он мне запомнился. Запомнился с детства праздник Пасхи, благодаря… ну, мама, конечно… они всегда все это готовили, всегда красили яйца, это несмотря ни на какую советскую власть, все это было во всех домах… было. Не

прятались, это не было вот так запрещено, мы все отмечали Пасху. А особенно… напротив меня жила моя одноклассница, они вообще устраивали всякие-всякие игры пасхальные: вот эти вот катания яйца, я там впервые… я вот с детства это знаю, потом они устанавливали качелю у себя в ограде, и мы там качались, ну вот, то есть вот эти праздники, они вот у меня остались. А уже вот в Иркутске я любила праздник 7 октября, 7 Ноября – Октябрьский праздник. Чем? Вот этой «тусовкой» нашей! Мы выходили все и шли, все тут встречались, и песни мы пели, и «Ура!» мы кричали, когда нам надо, это же своего рода настроение. А потом у нас было такое: Алла (вот мы снимали квартиру-то на две семьи), Алла, она всегда оставалась дома, да, а мы шли на демонстрацию, потому что мы учились, мы группа, и вот Коля, и мы с Валерой, мы шли на демонстрацию. Но мы… всегда колонна останавливалась… всегда напротив вот Киевской… по Киевской, и мы забегали домой, помню. Всегда мы наливали немножко вина красного, выпивали там, группа наша, в нашем доме, говорили: «Алла, ну ты, ладно, здесь все готовь, мы дойдем до площади», – проходили до площади, заканчивалось, транспаранты все уносили в университет и шли к нам на застолье. Вот это был праздник, ну вот именно… вот как… потом это слово, тогда мы его не употребляли даже слово-то «тусовка», у нас не было, но мы встречались все, мы встречались, мы там и танцевали, и пели, и кричали, и играли, это было хорошо.

– Может быть еще потом дальше, про увлечение вышивкой еще что-нибудь?

– А, ну вот я, да… я же отвлеклась от вышивки-то. Действительно, вот так получилось, что я вот этот третий, четвертый, пятый класс занималась вышивкой, а потом Елена Павловна мне сказала: «Галя, я тебя, вообще-то, всему уже научила, вот… что я знаю». Ну и я пошла, она говорит: «Ты иди в кройку-шитья теперь», а я помню, что мама моя, когда я в вышивку-то пошла, она так обрадовалась, говорит: «Я вот так хотела, чтоб ты…» «Я, – говорит, – этого ничего не умею, а ты вот у меня будешь…» Но у меня тетя очень хорошо вышивала, все эти… у нас дома все украшено было ее работами: выбивкой, выбивкой, выбивка это называлось, а вообще это ришелье машинное, а как-то другое вот название, такое, просторечное было – выбивка. У нас шторы, все это было ее руками сделано. И вот я этим увлеклась. Но потом, к сожалению, вот, в кройку-шитья я когда пошла, мне не понравилось, как-то ну… не что-то… я так и до сих пор шить не умею и не люблю, вот. Я ушла и все, вышивала я кое-что, может быть, еще в школе, но особенно не помню, чтобы так сильно, а потом, когда закончила, ко-

гда вышла замуж, когда родились дети, я вообще этим не занималась, вообще. Валера у меня, муж, когда видел мои там работы… где-то раз мама что-нибудь достанет: «Это же Галина работа!» Он: «Ну, вышей мне чего-нибудь!» Фольклором занимался, поэтому как-то он этим… Ну я вот ему, помню, что-то пыталась, вот, платочек какой-то вышить, но как-то это все меня, вот… не то что не увлекало – к себе не возвращало, а потому что не было времени, совершенно не было времени. Ну что… Инга родилась у меня, я на третьем курсе была когда, и я вообще не сидела с ней. Все время мы ее вот так вот друг дружке только «перекидывали», чтобы вот кому-то куда-то что-то бежать, это не дело, так нельзя, конечно. Потом, когда уехали работать вот, в село, работали, нагрузка была очень большая. Я вообще ничего… и все. Потом вернулись, и так вот без конца, жизнь вот так крутила, крутила. Но уже Валера, вот, умер у меня муж когда, меня подружка моя, приятельница, пригласила, говорит: «Пойдем на курсы по вышивке!» Я говорю: «Ты чего придумала?» Совершенно даже вот как-то меня нисколечко даже… не было никакого… никакой подвижки на это, и вдруг, она говорит: «Да пойдем, хоть посмотришь, что это такое». Вот ей очень захотелось. Я пошла с ней. Это была Мария Алексеевна Азеева, вот. Наша знаменитая вышивальщица, она сейчас одна из первых у нас в городе получила звание «Народный мастер». Учредили такое звание, и она у нас одна из первых, кто это звание получил. Ей за 80 лет сейчас, но она до сих пор ведет занятия со взрослыми, да. Она вообще педагог по образованию… начальных классов, я поняла. И вот, я когда к ней пришла, народу очень было много, она как раз давала полтавскую гладь. Вот эту гладь, в детстве я ее не знала, Елена Павловна ее нам не показывала. И я… мне так она понравилась, и я помню, что я, вот, пришла… вот… что она нам дала вышить… я вот пришла домой с этим, и я помню, я до двух часов, я не могла даже лечь спать, мне надо было обязательно это все это закончить. И не могла потом дождаться – а это раз в неделю – дождаться следующего занятия, чтобы вот пойти и дальше. Ну и Елена… эээ… вернее, Мария Алексеевна, она меня заметила, конечно, что я и быстро делаю и, ну так, довольно все прилично делаю, вот. И я помню, я ей говорю: «Мария Алексеевна, мне этого мало, дайте мне еще что-нибудь!» Ну вот, я помню, что она дала мне полотенце, но оно здесь вот, в гимназии, исчезло, к сожалению, мое первое полотенце. Вот… она дала мне его вышивать, даже потом его, это именно полотенце, возили в Австрию на выставку. Оно у меня хорошо получилось. Я вот… то есть сетку… она рисунки сама составляет, Мария Алексеевна, она художник, и

художник, и вот, вышивальщица замечательная. И я очень увлеклась. После нее… она меня даже рекомендовала, когда у нее там что-то, она заболела. «Ну как же курсы, как же курсы?» – она говорит. Ну вот и рекомендовала меня вместо себя, я вместо нее несколько вела курсы. Ну потом опять… я же работала в университете, потом так, поработала, но вышивала, вышивала все время уже. А когда гимназия организовалась, я сразу именно на этот предмет. Я так и говорила, что я если пойду, то не русский, потому что у меня русский язык и литература… я не могла вести полноценно, потому что я работала русский как иностранный, это совсем другое, это своя специфика, это такой адаптированный, можно сказать, язык-то. Поэтому мне надо было бы осваивать ой-е-е-й как, чтобы вести здесь, вот. И я пошла на это. Поэтому я и программу так быстро составила, чтобы мне вот именно этим заниматься. Поэтому получилось… Почему я считаю, что вот Божий промысел со мною? Вот так получилось, что в конце концов вышивка стала моим хлебом. Вот, понимаешь, ведь на факультете, где я работала, начались большие нестроения… в каком смысле… что не было нагрузок для педагогов. Ну вот, когда началась вся эта перестройка-то, у нас было 60 педагогов, а сейчас там работает 14. Вот, представь себе, как вот это все пошло, пошло: нагрузки нету, и все друг на друга уже… ой, это так было все тяжело. И тут вот наша гимназия организуется. Я вот в этом участвовала сильно. Вот. И конечно, я сразу сюда перешла из своего…

– *Помните ли, как в городе отмечали праздники: День города, Новый год?*

– Совершенно не помню. Почему-то у меня вот это… то ли я не участвовала, то ли я…. Это же ведь летом праздник, а у нас всегда была деревня. У нас, во-первых, Валера, если мы уезжали к его родителям, потом появился Байкал, и мы, как видно, всегда вот на какие-то сельхоз… на вот эти всякие свои огородные дела уезжали, и у меня мимо вот это прошло.

– *Помните ли как, украшали сквер Кирова, главные улицы города?*

– Ну всегда вот эти растяжки, транспаранты, это точно было. Но так вот чтобы уж очень я помнила… что, как это, помню… что демонстрации с транспарантами, это уже вот так обязательно. Все несли, помню, посмеивались: «Ты кого несешь?» – «Брежнева! А ты кого несешь?». Ну все это с иронией, но вообще в нашей среде не было вот этого политического смысла этого праздника. Я вот к этому еще раз возвращаюсь. Он был просто радостный, ради вот этой встречи общей: вместе пройти, покричать, повеселиться, попеть и все. А вот какой-то… вот эта вот подоплека… она даже с

иронией всегда так была. Но с иронией не злой. Никогда, никогда такого вот не было, чтобы мы что-то… Вот я поняла, что среди нас не было диссидентства вообще.

– А помните ли вы, как строился Иркутск, и какие у вас впечатления о строящемся городе из молодости?

– Вообще для меня, конечно, впечатления есть о строящемся городе. Особенно о районе Солнечный, микрорайон Солнечный. Почему так запомнился именно этот микрорайон? У нас в свое время с Валерой была лодка, появилась лодка, и лодка стояла на… там… как же называлась-то эта пристань, где мы лодку держали? Ну там платная стоянка для лодок, именно вот в районе… Солнечном. И мы, я помню, туда ездили, как за город. Это был загород. Ну, помню, что там… что-то там уже было расчищено от леса, то есть уже вот это вот начиналось, началось строительство этого микрорайона. И вот, как это вот удивительно, что мы туда ездили как за город, там что-то даже ходили и по грибы, что-то такое… по-моему, туда, где-то в этот район, на заливы, Валера ездил на охоту. Он вообще охотник, любил вот это вот, ну… утиную охоту. И я с ними бывала, вот они вместе с Колей Осипенком, вот. И потом, через какое-то время, мы уже закончили инст… университет, мы уже уехали работать в Бирюльку, проработали там два года, вернулись, и вдруг мои родители получают квартиру именно в микрорайоне Солнечный. И вот там, да… и мы туда начали, вот, ездить уже. Он все строился, строился, в конце концов поставили вот эти девятиэтажные дома, в один из домов которых потом я въехала со своей семьей и жила. Сейчас там живет сын вот с Еленой Викторовной. Так что вот этот вот район поднимался на глазах и довольно быстро, ну это как бы получалось-то, что он жилой такой, как бы спальный район, но там ведь есть сейчас-то производство. А какое там производство? Мол… молочный завод, молокозавод же там? Да, молокозавод там. А так вот, в основном центр… центр я очень любила – Иркутск. Тогда вот эти вот очерки Распутина «Иркутск с нами» и прочие… вот это вот все и я помню, что где-то вот это впечатление об утреннем Иркутске, оно же случайно получается, ведь рано себя не заставишь встать и специально пойти по городу, да. А что-то, то ли кого-то провожали, то ли кого-то встречали… ранним-ранним, ране, и вот, помню, что идешь по этому райончику центральному, а жили-то мы на Подгорной, и вот эти вот Красноармейские улицы, вот эта вот Киевская, значит, что тут еще-то… какая там… Богдана Хмельницкого, вот эти все улочки… И вот по ним идешь, вот… утро особенно удивительное среди деревянного Иркутска. Он производил хорошее, теплое впечатление, вот.

Один… вот какая-то теплота исходила. Не скажу, что у меня сейчас это впечатление осталось. Вот недавно буквально, но весна есть весна, это сам по себе вот период такой, неприятный, все тает, грязь кругом начинает обнажаться, да. Я как-то ехала и думаю, что же стало с нашим городом, вот с деревянными-то домами? Они же ветшают прямо на глазах. И вот все эти доходные дома с красивой обналичкой – оно ни во что. Вот кое-где видишь: раз, вот среди развалюх-развалюх – и раз, дом, как видно, кто-то из коммерсантов купил, как-то его немножко облагородил, приятно, что сохраняют вот эту вот внешнюю сторону, вот это вот все подновляют, где-то немножечко, и наличники эти красивые, хотя и ставят евроокна, но сохраняют наличники. Вот так приглядываешься и думаешь: «Ну вот так-то, может быть, и надо было бы». Но когда это единично среди вот этого развала, оно неприятное впечатление производит. И я уже даже не знаю, я бы очень хотела, чтобы центр сохранился деревянным… Там есть еще у вас такой вопрос. Но сейчас еще под видом вот этого кризиса, так сказать, сбрасывая все на этот кризис, и… а до этого и без всякого кризиса, в общем-то, ничего же не предпринималось, вот сумели сделать этот кружевной дом, ну вот там-то этот угловой, как он… весь-весь-весь-то из… там Дом Европы и что-то такое еще, он находится на улице Энгельса, вот где он находится, да. Ну вот, ну вот он как оазис такой… уже… уже это же не смотрится как вот… ммм… лицом города это не назовешь, и так сказать, ну просто вот сохраненная… ну, ре… забыла, не могу слово вспомнить! Когда этнография как будто бы, кусочек, вот раз, кусочками, а сам-то город, он же теряет свой облик тот старинный. И вместе с этим уходит и другое, суета такая в этом городе, что…

– Как вы относитесь к переименованию улиц? К сносу, восстановлению храмов? К появлению в городе новых памятников, Колчаку, например?

– К переименованию улиц, сначала, да? К переименованию улиц я бы отнеслась очень хорошо, к возврату старых названий. Когда бы шла бы я не по Карла Маркса, а по Большой, шла бы я не по улице Ленина, да, по-моему, она была Амурская? А по Амурской, вот. И меня… в свое время мне удалось побывать в старом русском городе Ельце. Это удивительно, средняя полоса России, вот, город Елец. Это Бунин, вот там… ну это вот такой провинциальный среднерусский город. На меня… вот я когда туда приехала, первое впечатление было – ну что-то чеховское. Что-то вот такое вот немножко сонное, спокойное, чеховское. Но! Как меня он приятно удивил, это был 2000 год, вот, когда это было… это был 2000 год.

Я выхожу из поезда, подхожу к остановке, из Москвы приехала, 14 часов там от Москвы, приехала из Москвы, где на меня там вообще случились такие вещи: я чуть не попалась таксистам, которые с меня хотели доллары, но я сумела как-то, все благополучно закончилось. И меня вот этот вот захватнический такой вот-от дух московский, он на меня так вот подействовал, я помню, что я из Москвы вот в 2000 году уезжала с таким удовольствием, чтобы только-только скорее! Но это был такой период, может быть, сейчас там не так, в Москве, и я вот из Москвы приехала в Елец, и вот под этим же впечатлением подхожу, стоят такие вот старенькие автобусы, захожу, сажусь: где, что оплачивать? Мне говорят: «Бесплатно». Такой контраст! Почему-то… что у них, был какой-то период что ли? Что бесплатные автобусы! Вот на этом автобусе. Я говорю: «Мне нужно в собор Вознесенский». Все автобусы идут до собора. Это оказывается, главный. Все, доезжаем до собора. Но когда мы ехали по уличкам этим, то я вижу, значит, вот так… вот-вот висят вывески на углах домов – «Советская», рядом – «Соборная», представляете? Потом, значит, там, «Улица Ленина» – «Троицкая». Чем отличался, отличается Елец, что там на каждой улице стоит храм! И они не были уничтожены в свое время. Как-то так обошлось, городу повезло, что там все храмы сохранились. И у них основная, и названия все такие, но есть и названия Бунина улица, и прочие, и Хренникова там, наверно, потому что они когда-то там все проживали, вот. И я, когда приехала, и у батюшки первое, что я спросила, говорю: «Батюшка, а что это у вас двойные названия улиц?» «А вот, – говорит, – решили, администрация города». Ну и они как… чтобы люди привыкали к возврату старого названия, но чтобы не было, вот, путаницы, пока двойное висит. Потом первое снимут: «Советская» уберут, – останется только «Соборная». Вы представляете, какое уважение, во-первых! Ну это же, я еще думаю, как, как это замечательно! В Москве – там сразу все попереименовали, ну ладно, это… а вот здесь это, думаю, уважение такое к людям! Что ты, вот… ну ты привыкни. Молодые-то, они ведь к Советской привыкли улице, да. И вот потом я думаю: «Как бы хорошо было в Иркутске!» И я со сво… сослепу иду однажды, и смотрю: улица Декабрьских событий, а внизу еще полоса и что-то написано. Думаю: «Надо же! И у нас это!». Подхожу: Божечки мои, а там на английском языке просто написано «Улица Декабрьских событий». Это для кого? Это для кого? Потом, когда я иду по ули… по нашему городу, ну что… я все время очень плохо думаю о Якубовском, о нашем мэре. Я… когда он говорит по… на телевидении, на радио, он много чего хорошего как будто бы делает для города. Но я, кроме

того, что он понаоткрывал много злачных мест, каких-то там всяких увеселительных клубов и торговых точек, я больше ничего не знаю. А с названием улиц? Но это разве не его дело? Вот сделай такое. Вот почему он об иностранцах думает, а не о нас? Почему названия… Я даже, вот, для себя… ну я человек старой… прошлого века, как говорится, я вот даже, когда я вижу: вывеска на иностранном языке… какого-то… мне надо магазин или там какое-то заведение, если там на иностранном языке, я даже туда не захожу, я не хочу. Я лучше пройду и где-то дальше, в другом месте или уже если нет, так и совсем нет, не буду этим пользоваться. Для кого это сделано? Как вы думаете, молодые, вот для кого это сделано? Туристы-то, пусть они видят, я же приеду в Париж, для меня же не будут там писать на русском языке! Понятно, там есть русские районы, это одно дело, но ведь для меня же никто. Ну что это такое? Ну это, простите, это какая-то вот холуйская политика! Ну что это такое? Если в этом видят цивилизованность города, то я считаю, что это совсем не тот путь! Вот это вот меня очень расстраивает в нашем городе. Просто эти огромные щиты, на которых Бог знает что изображено там, и особенно эти все… вот по Урицкого идешь, во-первых, название-то «Урицкого» – оно прямо это вот режет слух, да… идешь и эти названия. Ну ладно, где-то есть и по-русски, и по-английски, а ведь часто ведь просто… «Где, – говорит, – ты купила? В магазине в этом?» – бабушку спрашивают. Она говорит: «Нет, я в шопе купила!» То есть это, вот, представляете, что делается, вот так вот, да.

– Ну а к сносу, восстановлению храмов, памятников, что по этому поводу можете сказать?

– Ну как, конечно… что восстанавливаются храмы, это вообще замечательно. Это, слава Богу, что это есть. Меня особенно вот, это, радовал, а потом немножечко я забеспокоилась о храме Харлампиевском. Почему? С ним очень много связано! В этом Харлампиевском храме, когда мы учились, вот, с 64-го по 69-й год, в этом Харлампиевском храме было общежитие короткое время. Потом там было это, хранилище для книг, и книги там пропадали, там все время же все текло. Я помню, они не могли нам найти место. И вот, когда начался… начали восстанавливать этот храм при Тишанине, а потом – раз, и приостановили все, я еще думаю: «Ну неужели это опять все». Но сейчас, слава Богу, он опять восстанавливается. Конечно, я отношусь с большим уважением к этому, и к работе нашего Владыки, и что администрация на это идет – слава Богу. А к памятникам – да, на моей памяти такие три ярких события произошло: установка, вот… памятник Александру III, Александру

Вампилову. Конечно, они разнятся, этот вот свой такой стоит… рядом вот с этим, с нашим кафе, которое всегда было. Вот что удивительно: есть точки в Улан-Удэ, которые сохранились с наших времен, вот это кафе, которое вы… наверное, тоже заходите? Вот, где стоит памятник Александру Вампилову? Ну мы туда часто забегали. А… вы редко бываете, вы на Чкалова учитесь! А наш-то корпус, нам-то повезло, мы же ведь учились вот в этом главном корпусе, корпусе № 2, нам повезло, что мы все наши годы… филологический факультет как раз вот в этот период находился в этом корпусе. И эта наша знаменитая 30 аудитория, когда собирались все курсы. Так по группам же занимаются, да, а вот на общие лекции – вот эта 30 аудитория, вот мы сидели и занимались. Конечно, и для нас поэтому вот эта вот часть города, она моя. Там есть такой вопрос: одна из моих, самых моих таких любимых. Ну связана с молодостью, с юностью что связано, оно и приятно! Вот поэтому я очень любила, и мы это кафе любили, мы любили кинотеатр «Гигант», который он сейчас непонятно во что он превратился, тоже увеселительный центр какой-то. Вот этот кинотеатр «Гигант», сейчас там… что там, что-то там… Ну по Карла Маркса идешь, вот этот «Гигант», напротив «Хроника» была, а сейчас «Дон Отелло» называется, а здесь – «Художественный». А вот это вот был кинотеатр «Гигант», он при нас был построен, и пустили его, так сказать… кино начали показывать кинофильмы. Мы сбегали с лекций, ходили в этот кинотеатр обычно. И я помню, что тяга была к кино, к фильмам очень большая. Потому что, я помню, что мы без конца спрашивали билетики, билетики в этом… Да, очень любили мы фильмы, и мы вот убегали, помню. Конечно, эти и «Парижские тайны» – любили все это таинственное, какие-то вот такие, нас тоже это увлекало тогда и… а… ну, это, наверно, чуть позднее от «Иркутского зеркала». Я помню, что мы… ну вот эта вот связь с литературой и фильмы, оно как-то очень было… Ну активно мы этим всем интересовались, мы очень активно жили литературной и вот вообще художественной жизнью в студенчестве, и потом, закончив вуз, у нас так это все и было, мы все время обменивались друг с другом и впечатлениями и книгами, и особенно даже не книгами, а журналами, потому что тогда первые публикации каких-то интересных авторов появлялись сначала в журналах. А потом это уже издавалось, вот. А памятники – Чкалову, простите, не Чкалову, а этому, Колчаку, когда открыли, я была прямо на открытии этого памятника и приняла это как должное, вот. Как это… как нужно, что слава Богу, что этому человеку отдана, так сказать… вот… ну наше именно поклонение тому, что он сделал

для России, очень хорошо. Хотя вот с Евстолией Николаевной с нашей, Петуховой, помнишь, я тебе?.. Она была так против! Помню, как я к ней пришла, она говорит: «Что ваш там Распутин на этом открытии памятника выступал? Что это? Это же ведь контрреволюционер, он же наших…» Ну вот так вот. Но мы уже стараемся с ней не разговаривать по этому поводу, но как бы там ни было, тут вот.

– *Можете ли вы сравнить ритмы жизни Иркутска, каким раньше был, а каким сейчас стал?*

– Ну, чем дальше идет жизнь, тем она все суетнее становится. вам, молодым, может быть еще не очень видно, а вот, может, и твоя мама… и мне это очень заметно. Во-первых, я сама по себе чувствую, что я часто суечусь, больше, чем раньше. Вот недавно меня вот посетила такая мысль… Вот я ехала с Байкала и там, значит, где-то в Листвянке, да… переехала уже на пароме, и в Листвянке валялась такая очень вещь: вешалку кто-то бросил… Ну, в общем, не надобная она. И я подумала: «Вот сейчас бы была моя баба Гуся, баба Гуся – это свекровь, она бы обязательно ее подняла, она бы ее отмыла, она бы ее покрасила и к делу приспособила, обязательно!» Она смотрела всегда, вот… по сравнению даже с нами, со мной… наши родители, получается, они были очень внимательными к вещам. Ну это почему? Потому что они жили гораздо беднее, ничего не было. Мало, мало что было. Было что-то, но все равно гораздо меньше, чем мы сейчас имеем. И попробуй… носок там продырявился… его же обязательно заштопать надо. Если там пальто износилось, его надо перелицевать и сшить маленькому что-то, поменьше. То есть вот такая вот внимательность к вещам, бережность, бережное отношение, это же ведь тоже не суетное отношение к жизни. Это ты вот взял, распорол, перелицевал, это что… сказать, что она занимается никчемным делом? Да нет! Она же это делает, во-первых, и творчески, и потом она же и о чем-то думает сидит, и у нее вот это желание: «Да как это вот послужило, но оно же еще в хорошем состоянии, оно и дальше должно служить!». Это же какая-то сосредоточенность вот на вещи, которые тебя окружают вокруг. А мы сейчас что? Мы разве сосредоточены на этих вещах? Носок? Да выбросить его и новый купить! Да там, белье в эту… в автомат этот забросил – выстирается… все, высушили, все, гладить-то, гладить-то лень! Вот… а что, а что мы больше делаем, чем делали наши предки? Что мы больше-то успеваем? Больше за этим… с компьютера скачать эту информацию? Прочитала в последней «Москве», вот в этом году, между прочим, я взяла и выписала «Москву», журнал! Из-за того что там «Домашняя церковь» есть. Вот, Настя, тебе советую. Вообще, журнал этот

неплохой из толстых наших, вот, журналов… «Москва». И значит, там, в «Домашней церкви», какая-то статья, но приводятся слова Игнатия Брянчанинова. Он очень хорошо… я неточно, конечно, но смысл, примерно мне очень понравилось, относящийся к нам… говорит об образовании, что чем шире образование… ну вроде бы, широкое образование – здорово же, а что за этим кроется? Вот. Чем шире, значит, тем больше, больше, больше, больше информации – шире, это шире. Оно же уводит от глубины! Вот! Чем шире, чем больше мы ребенка включаем вот в этот информационный фон, да… вот… надо и то, и то, и то ему, и то, значит, мы его выключаем из этой вот возможности сосредоточиться на чем-то одном и копнуть глубже. И из него потом дальше получается что? Что он только набирает, набирает, набирает, а сам-то он не углубляется, у него даже нет этого желания углубляться, он вот сидит вот… он получил с интернета там чего-то или еще что-то, вот… вот эта наша беда. И я, вот, сейчас думаю о перегрузке-то наших ребятишек. Она же действительно жуткая перегрузка! Мы все включаем, включаем, включаем и те предметы, и те предметы, а для чего? Вот этот Игнатий Брянчанинов говорил, главное что? Ребенка научить основам, которые бы дали ему потом добыть, именно копать, копать, копать, а не вот это вот. Я вот это суетливое… наша жизнь… оно вот к этому и ведет, что мы, мы перестали останавливаться, мы же не останавливаемся, мы все время как бежим, «целеустреленные» такие! Как у Распутина в рассказе есть, да… «целеустреленные», в этом, как это… рассказ-то у него… разговор-то вот… «Ночной разговор»? «Ночной разговор»: бабушка с внучкой-то разговаривают. Она когда ей… ее ссылают там на исправление к бабушке в деревню… и вот у них ночной… Она там, бабушка, говорит: «Эти целеустреленные только так и бегут…». Так что вот, вот это у меня, конечно, впечатление есть. Жизнь и все, и в городе, понятно, тоже суета. Я вот не вижу этой радости, когда вот шел бы вот… ну есть, конечно… сидят на скамеечках люди, приятно. Вот сегодня увидела: две бабушки сидят. Две бабушки сидят, ну и современные реалии: одна, значит, достала телефончик, ей там, как видно, кто-то позвонил, она так в него чего-то там смотрит, пытается, это очень приятная картина все равно, вот сидят они, бабушки, и тут же это. Ну а молодые сидят, они сидят же с этими, с упаковочками все время и чего-то пьют. Хотя, наверное, есть… и чего там говорить, потому что на детей я на своих смотрю- посмотрю, но они ведь уже сорокалетние, это тоже уже не молодые, это уже сорокалетние, они ближе к нам, получается. Они живут такой…

пытаются жить нормальной жизнью какой-то и душевной, духовной, как уж удается, конечно.

– Какие важные производства были в Иркутске? Помните ли вы строительство моста через Ангару, помните ли понтонный мост?

– Что-то вот это нет, вот это меня мимо, а вот первый вопрос?

– Какие важные производства были в Иркутске?

– Я вот это вот немножечко знаю. Почему? Потому что так как папа-то работал в Совнархозе и в отделе машиностроения. Я хорошо помню, что к нему на работу… я к нему приходила, у меня было такое что-то, я приходила почему-то к нему на работу, и я помню, что он встречался с директорами, с бухгалтерами, так как он был главный бухгалтер, он встречался в основном с экономистами-бухгалтерами. Станкостроительный завод, это вот у нас здесь был он, все, его уже нет. «Трактородеталь» – это же… или Завод карданных валов, это был крупнейший завод. А завод Куйбышева? Вот сейчас я живу рядом с заводом Куйбышева, вот этот Дом культуры, напротив которого я живу сейчас, он называется «Фортуна». «Фортуна» – центр, увеселительный центр. Когда сгорела вот эта часть Дома культуры, вот для меня это было просто как знаком беды, потому что, во-первых, это и архитектурно было… очень красиво это выглядело: та сторона закругленная, вот, завод, и эта… Дом культуры. Там завод, это… и здесь во, Дом культуры, вот такая закругленность, овальная такая, вот этот угол, его… был, и все. И вот, и когда оно сгорело, думаю: «Ну неужели не будут восстанавливать?» Нет, конечно, ничего не восстановили, а здесь – раз, и быстренько увеселительный центр организовал товарищ Якубовский! Все, Дома культуры больше нет, ну и завода как такового нет. Потом… вот для меня, помню, очень всегда… както не обращалось на это внимание… ходили да ходили по улице Ленина. Гостиница «Сибирь» там, банк, гостиница «Сибирь», все эти… магазин «Ромашка», все это знакомые места. Но вот когда вдруг случился этот жуткий пожар, и сгорела половина гостиницы, то вот сразу стало ясно, что мы потеряли! Что это действительно было здание на месте, оно именно как-то вот организовывало эту улицу, вот, и украшало ее. Все! Вот, а стоило вот этому исчезнуть – и понимаешь, чего ты потерял. Да, это вот все на нашей памяти произошло, но восстановлению как таковому ничего не подверглось.

– Как изменился внешний облик города, что вы можете сказать, сравнивая Иркутск ранешний и тот, который теперь?

– Ну я вот, однако, об этом немножечко уже сказала, да, что… ранешний Иркутск, он связан так как с молодостью, то он и вспоминается как-то более теплым. Вот я уже говорила об улице Карла

Маркса, которую… Мне хочется ее называть Большой, как она раньше называлась. Я очень любила вот это место, начиная от Ангары, где сейчас стоит памятник Александру III, а тогда просто был Шпиль. Ну он, конечно, совсем не украшал, но, как бы там ни было, мы любили это место. Мы, если выходили с университета группой, мы обычно шли к Ангаре, потом вот шли по Карла Маркса, очень любили заходить в столовую нархоза, если туда… Почему? Потому что она была дешевая для студентов, там можно было хорошо поесть, а кто был совсем без денег, он просто ел хлеб с горчицей, который всегда был на столе. Без всякой оплаты можно было. И студенты наши, парни особенно, этим очень пользовались… хлеб с горчицей, вот эта вот столовая. Мы любили пельменную, вот, перед кинотеат… Уже от нас, из университета идти, идешь по Карла Маркса, вот, где кинотеатр «Гигант» проходишь – и пельменная. Заходили в пельменную, очень часто мы там обедали, брали… Парни наши брали двойную порцию пельменей, мы по одной порции. Тоже наше место было, теплое такое. Любили кинотеатр «Хроника», потому там хорошие вещи можно было посмотреть, почему-то все этим увлекались. Вот эта вот часть города, она для меня какая-то запоминающаяся была, и когда я сейчас иду и вижу, что вот этого нет, мне оно… ну вот… уже какая-то чужесть появляется, что это вот что-то не мое, это вот… ну какая-то горчинка, честно признаться, так… на душе. А вот… А вот сейчас, говорю, живу вот здесь вот. Вот пришлось жить уже десять, больше десяти лет уже, наверное, живу вот около завода Куйбышева, тоже это была вроде бы дальняя, та дальняя часть Карла Маркса, а это уже конец Карла Маркса, так получилось. А в студенчестве мы еще с Валерой жили, успели жить в Глазково. Знакомое название Глазково? Вот видишь, а раньше мы безо всякого называли Глазково, это Свердловский район. А мы называли Глазково, тоже он был такой теплый, там кинотеатр «Чайка», мы туда ездили, когда там что-то хорошее шло, мы вот специально туда уезжали, смотрели… Вот… где бассейн сейчас, наверное, знаешь? Там завод, не завод… стадион «Локомотив», тоже заброшенный. Стадион «Труд». Ну и очень любили мы наш драмтеатр, мы увлекались, во-первых, увлекались драмтеатром, тогда шли пьесы такие… Ну, во-первых, шла и классика, очень хорошо помню, как мы на одну из вещей очень тяжелых попали, это «Власть тьмы» Толстого. Ой, помню, играл такой актер, Ланганс, был у нас. Запомнился он мне очень. Потом «Ромео и Джульетту» ставили, ну и, конечно, Вампилов же шел, вот начинался Вампилов в театре, это все в нашу юность начинался. Вот это вот «Прощание в июне» тогда, вот этот актер мо-

лодой, Валера Колесников, по-моему, его фамилия, Колесников, да. Колесников играл Колесова, по-моему, да. Он сейчас в Томске или в Омске… в Омске. Очень, очень он мне понравился. Потом мы с ним познакомились даже, позднее, уже закончив университет, мы с ним познакомились. Очень любили театр, потом ходили, ставили бесконечно, очень много ставили Виктора Розова, вот это вот, по его же вот это… «Летят журавли»? Но пьеса-то называлась по-другому, пьеса-то по-другому называлась. «В добрый час» это. Это все… вот это вот смотрели, очень… эээ… как-то все это было близко, и очень мне запомнился тот театр своей теплотой. Сейчас его… он же подвергся реконструкции, он, наверно, новый, красивый, наверно, он и лучше стал, красивее, но мне все равно тот теплее и как-то ближе, тот театр.

– Было ли у вас желание уехать из города, если да, то в какой период жизни? Почему? Если нет, то почему?

– Нет, не было желания уехать из города. Единственный раз мы уехали из города с мужем, когда закончили университет, мы очень хотели уехать в село, вот просто было такое желание – уехать в село, несмотря на то, что уже в аспирантуре оставляли, но вот надо было нам почему-то поработать, и мы искали место, где два словесника требуется, это трудно было найти, чтоб два. И вот нашли – Бирюлька, вот такое название, Бирюлька, и вот, и уехали. Это Качугский район, но на два года мы уехали, так сказать, по своим, по своей охоте, поработали там, но потом, когда срочно Валеру вызвали… что или сейчас, или потом неизвестно когда место на кафедре и… Ну а в аспирантуру он уже поступил, учился… то надо возвращаться. И мы через два года вернулись в Иркутск и не уезжали никуда уже, жили только в нем. Только командировки большие были, а жили в Иркутске. И желания вернуться, например, в Улан-Удэ, на свою, вроде бы, родину… да, я человек-то такой консервативный… но у меня нет. Несколько раз я туда съездила, город очень поменял свой облик, и захирела та старая часть, где я жила, все какое-то новое, и люди совсем-совсем другие. У меня нет желания, например, вернуться в Улан-Удэ. Куда-то ехать на Запад – вообще нет желания. Москва очень не привлекает, в Москве много раз приходилось быть, потому что у нас курсы повышения квалификации были, я же работала в университете, университет туда отправлял педагогов, вот. Нет, там можно побыть какое-то время, а потом вернуться в свой родной Иркутск! Иркутск стал второй родиной мне, и Валере также, он был из Нерчинска сам родом. Ну Иркутск сам. Он родителей сюда перевез на Байкал.

– Какой Иркутск по сравнению с другими городами?

– Вот я рассказала же про Елец. Вот я когда была вот в Ельце я еще подумала: «Вот надо же!» Почему-то мне показалось, что Елец – это именно провинция! Вот как я себе ее представляла, провинция. Ну вот, говорю, когда читаешь Чехова, город Н-ск какой-то, да… вот провинциальный городочек… вот сонный такой вот именно Елец. Спокойный, идешь по улице – нет народу, тут на лавочках сидят какие-то люди, ну вот, мужички сидят такие полупьяненькие, обнаженные по пояс, могут сидеть так по-свойски все это… это центр города. Ну, большой собор, конечно, очень много в нем: там 4000 он вмещает людей. Меня спросил батюшка тогда: «Как вы думаете, сколько в нашем соборе молящихся?» Я говорю: «Тысячу-то, наверно, войдет!». Он говорит: «Нет, 4000!». Вот, представляете, какой собор Вознесения там! Как раз сегодня праздник у них престольный там, вот. Он иркутянин между прочим, отец вот этот Василий Романов, он иркутянин. Он меня поэтому принял там с распростертыми объятьями и все везде, все рассказывал, и я вижу, как он вот… как бы он хотел переехать в Иркутск! Вот. Переехать в Иркутск, у него тяга такая была сюда. Ну… все у них же служба своя: куда назначили, там уж и служишь. И вот я по сравнению с Ельцом подумала: «А ведь наш-то город совсем не провинциальный!» Ну вот, в каком-то… по ритму жизни, вот по ритму жизни наш город, конечно, вот… такая боевитость в нем есть, какая-то «целеустреленость», как говорится. Ну хотя мы же ведь по сравнению с Москвой там – провинция. Грязный город, меня сильно это расстраивает. Грязный – вот это вот, вся эта вот… вот эта вот символика, иностранщина, которая сейчас у нас превалирует в городе. Так бы, если его взять и по-настоящему почистить, почистить… вот, и от этого, мне кажется, он был бы очень привлекательный!

– *Расскажите о любимых местах в городе. Может быть, в молодости это были одни места, а сейчас – другие?*

– Да нет у меня сейчас как такового-то… Где я живу, это я не могу сказать, что это мое любимое место, просто так вот живу, и все. Любимое место, наверное, осталось набережная Ангары по всей ее длине. Когда мы с родителями сюда переехали, мы жили на Горького и гулять ходили обычно тоже на набережную Ангары, начиная вот от моста и так вот до памятника. И так вот у меня в воспоминаниях как бы вот все равно… вот это место я люблю. Конечно, мы любили и загород, но какой загород: вот за плотину ГЭС уезжали, там группой студенческой устраивали… да даже не группой – когда уже жили самостоятельно, когда уже работали, мы тоже любили туда на лодке уезжать. Ну это загород, а вот так вот-от в городе – все-таки вот эта вот центральная часть, она у меня как бы более приятная осталась.

Интервью
со Львом Ивановичем Сериковым
(1945 год рождения)

– Папа, скажи, где ты родился?

– Родился я в знаменитом шахтерском городе Черемхово.

– А как попал в Иркутск и когда?

– Ээ… проучившись в школе… ну-у… я много где учился, ну, закончив десятилетку в 1962 году, девятна… школу номер девятнадцать города Черемхово, я поехал поступать в институт медицинский. Но у меня было тайное еще желание попробовать себя в качестве художника учиться, поэтому, не дойдя до мединститута, я заглянул в художественное училище. У меня были кое-какие уже там работы свои. Показал уже учащи… студентам, которые учились там. Они восхитились и сказали: «А почему бы тебе не попробовать поступить? Давай, – говорит, – пойдем к нам, мы тебя за три дня научим». Три дня до экзаменов. В художественной школе я не учился, поэтому представление вообще об искусстве у меня было… ну, поверхностное, потому что и литературы мало было, не в сравнение сейчас, не говоря уже про Интернет. Ну, знал поскольку-постольку нескольких художников русских, потому как зарубежные в те времена были недоступны художники, информации не было вообще. Ну, и я своего друга, с которым мы шли, говорю: «Ты иди, без меня поступай». Хотел я стать хирургом. А… ну, решил… вот мне показалось, что лучше мне здесь, интереснее. Три дня они меня и три ночи учили, как нужно правильно делать… Ха! работы на вступительных экзаменах – это рисунок, живопись, композиция. Через три дня я пришел и сдал экзамены, ну, в общем, так середнячка, потому что многие приходили уже после художественной школы. Можешь себе представить, когда вот человек ходит несколько лет в художественную школу, обучается – и я пришел с улицы практически, хотя, конечно, кончил десять классов. У нас и с семи классами принимали. Таким образом я оказался в Иркутске. И стал учиться.

– Ясно. Пап, твои первые впечатления о городе какие были?

– Ээ… честно говоря, у меня уже стерлось в памяти. Но, конечно, после Черемхово Иркутск показался столицей. Ну, нужно заметить, что в те далекие времена он, может быть, был более запущен несколько, нежели сейчас. Но какой-то он был по душе. Конечно, были… вот особенно мне запомнился, допустим, на месте Торгового Комплекса был рынок. Просто колхозный рынок. Это малень-

кие сараюшки, прилавки деревянные, хлябь, грязь. Это прямо вот на месте Торгового Комплекса. Мы ходили туда рисовать. Там очень колоритные типы наблюдались. Тетки толстые, которые продавали там квашеную капусту или огурцы, чего-нибудь. И вот мне запомнился особенно рынок, потому что это было самое колоритное и живописное место. А так Иркутск… ну, какой-то он был вот с нынешних… с нынешнего времени вспоминаешь, что, конечно, он был довольно такой провинциальный город.

– Ясно. Пап, …м-м… твои воспоминания о детстве. Какое оно было?

– О-о! Это целая поэма. Я даже сделал работу. Ты помнишь, да?

– Да.

– «Вспоминая далекое детство». Ээ… как ты помнишь, там два ангела на руках держат ребенка. Вот и мне кажется, вообще ,вот такое отношение к детству у каждого, если он вспомнит, какое бы оно ни было трудное, тяжелое, голодное. Кстати, нужно сказать, это было послевоенное детство. Родился я в сорок пятом году. Но к пятьдесят пятому, что я уже хорошо помню, в городе Черемхово все еще было очень трудно жить Может быть, карточки уже отменили, но всегда очереди за хлебом, народ очень бедно жил. Именно с продуктами было очень тяжело, потому что, может быть, там Центральная Россия уже и к тому времени жила благополучно, но в таких отдаленных местах, как вот Черемхово, там жили за счет натурального хозяйства. Детство было у меня такое, что я, в общем, родился в большой семье, нас было пять братьев и три сестры, то есть восемь человек, не считая трех умерших, то есть мать родила одиннадцать детей и в детстве умерших. Она имела орден «Мать-героиня», я помню хорошо. Значит, и вот нужно сказать, что вообще-то родственников моих, де… деда и отца в частности, еще молодого совсем, девятнадцати лет как… как это называется, в тридцатом году раскулачили. Они жили на Алтае, жили неплохо, потому что трудились. В общем, и Черемхово – это город был сосланных, именно вот тех, которых считали кулаками, то есть крепкими мужиками. И весь город состоял собственно из таких людей, которых потом… Да у них не было даже паспортов, отобрали. Это были без люди без… Как бы сказать? Они не имели никакого статуса. Это были люди, которые… с которыми можно было делать все, что угодно. Тем паче напуганные. Их семьями высылали в одни сутки. Причем, бабушка рассказывала так. Говорит, жили хорошо, а нужно сказать, что до этого, до того, как они появились, на Алтае, в Рубцовске, в городе так называемом, нынешнем, там близ него деревня Поспелиха, еще прадеды мои, по столыпинской реформе получив подъемные, с семьей переехали в десятом году

из Тамбова, там совсем была тяжелая жизнь. А по столыпинской реформе, как мне бабушка рассказывала, это я уже не из официальных, а по рассказам бабки, там приезжали и брали земли, сколько хотели. Причем земля была прекрасная, и сколько сил хватало вот в этом, поэтому семья была заинтересована иметь много… много детей, но, в основном, конечно, мужчин, которые бы могли много чего делать именно с землей. И поэтому за двадцать лет к тридцатому году они очень хорошо жили, как мне рассказывала бабушка, я был маленький, вот как раз лет десяти, я помню, она мне все подробно рассказывала, потому что она вспоминала ту хорошую жизнь, как ей казалось, на самом деле безбедную, богатую, потому что жили они нормально, много трудились. Ну, достаточно сказать, что отец мой пяти лет от роду уже сидел на лошади и боронил. Ну, там сзади цепляли такую вот борону, и он сидел и спокойно вот с пяти лет. То есть люди не жили без работы. И вот эти люди, на которых, собственно, держалась Россия, вот их-то решили искоре… из… под корень выкосить. Почему? Конечно, человек на своей земле – человек свободный, с ним трудно было справиться, поэтому большевистское руководство видело в них самого настоящего врага, и это было так, потому что зачем мне нужна какая-то власть, если я работаю, я доволен, я свободен, я не хочу никаких навязываемых мне каких-то дел и мыслей. И вот, говорит, как это рассказывала бабушка, говорит, допустим, приезжал из России, как они говорили тогда, бедный мужик, устраивался работником к крепкому хозяину, через год он строил дом и открывал свое хозяйство, если он не был пьяницей и прочее. Когда случилось вот это вот самое – процесс раскулачивания, двадцать девятый, двадцать восьмой, тридцатый год, Советская власть придумала… не придумала ничего лучше, как самым пьяницам, голытьбе отдать права, назначить их комиссарами, и вчерашние самые пьяницы и, ну, никчемные, будем говорить, люди вдруг стали властью у них в деревне. Им дали пистолеты и власть. И эти ребята с удовольствием, конечно, выселяли. И помню, рассказывала опять же бабушка, что, ну, ничего, только лошадь, на подво… подводу самое необходимое, чтобы не замерзнуть и в двадцать четыре часа покинуть дома. И после… после этого их посадили и повезли неизвестно куда. И вот мой отец оказался в Черемхово. И стали жить в землянке, в бараке. Отец пошел, так как молодой был, девятнадцать лет, пошел на шахту, там, в основном, город шахтерский, и кайлил кайлой. Очень, так как он привык с детства работать, работал хорошо, его много раз награждали. То коровой премирую… премию дадут, то велосипед, то еще что-

нибудь. Ну, короче, он был на виду и как работник, и это самое. Но потом, как это бывает, его придавило, ему пришлось уйти. Уйти с шахты по инвалидности. После чего он, естественно, не растерялся и пристроился к лошадям. А лошади эти были как раз в той школе девятнадцатой. Он стал завхозом в этой школе, причем именно из-за лошадей, там было две лошади – Вороной и Карюха, которых он любил, ну, с которыми с детства был связан, и поэтому проработал всю оставшуюся жизнь в качестве вот как раз заведующего хозяйством школы номер девятнадцать, в которой мы все и учились. Он сумел еще по молодости, ну, где по молодости, уже где-то к сорок пятому году он сумел… присмотрел какой-то сарай в деревне, участок земли тогда был недалеко, рядом получил и построил свой дом. В нем-то я и начал свою уже сознательную жизнь Меня вместо кошки запустили первого, я еще ползал в этот дом. И вот за счет того, что эти люди привыкли работать, на них держалось, они вот этого качества не потеряли. И у нас было свое хозяйство, за счет которого, собственно, и жили. Это корова, поросята, куры. То есть вся живность, которая необходима, и небольшой огород, где даже и сад отец насадил там. То есть я жил в райских кущах по детству, по детской памяти. То, к чему сейчас, наконец, пришли все, и каждый свой уголок пытается завести, чтобы жить по-человечески, а не в этих коробках, в которых живем мы, бетонных. Ну, с детства меня тоже приучали к труду. Естественно. Первое, что там, значит, когда мне было лет семь-восемь, мне уже поручали пасти корову. Я с соседними ребятишками, каждый со своей коровой, выгоняли их в поле и целый день были на природе, смотрели, чтобы корова там кормилась, а мы развлекались, играли. Это было, конечно, какое-то… с нынешней высоты это какой-то райский был… такой нормальный, сельский. Мы жили на окраине города, и, в принципе, там было недалеко. И потом мало ли чего еще. Меньше был, когда надо было… У отца была зарплата маленькая, мать не работала, потому что детей была куча. Ээ… ходил продавал молоко. Мать нальет мне литра три молока, и я захожу в барак, где жили бедные люди. И вот наш там… молодые семьи всякие-разные… и кричал: «Кому молока?» Выйдет тетенька, я налью ли… поллитру молока, как правило, брали, литр редко брали, потому что… ну, что-то по ны… по тем временам это стоило копейки, но денег вообще не было, поэтому с удовольствием покупали. Вот таким путем меня приобщали к труду, и, в принципе, я считаю, чему меня родители больше всего научили – это трудиться. Это самое главное качество для человека, если он по-

нимает и любит труд, значит, это нормальный человек и для семьи и для государства.

– *Здорово. Пап, а вот ты как можешь сравнить то время, в которое проходило твое детство, и нынешнюю нашу жизнь современную?*

– Ха. Иногда я задумываюсь об этом. Кажется, что прошло тысячелетие, не меньше, потому что ре… настолько резко поменялась жизнь. Такое ощущение, что это я жил в какие-то доисторические времена. Почему? Потому что все было по-другому. Я помню первый автобус в Черемхово. Как в него хотелось сесть, потому что все ходили пешком или ездили на лошадях. Хотелось забраться и прокатиться, это же чудо-автобус, маленький такой вот. Была тяжелая жизнь, хотя, конечно, в детстве этого не замечалось. Было много интересного вокруг. Но сравнивать с теперешней жизнью – это небо и земля. Что уж там говорить про Интернет, и телефоны стояли только исключительно у людей, так называемых, у начальства. Телефонов не было. Не было вот тех благ, единственное, что было, я помню, это кино. Кино увлекались все. Кино – это тот случай, когда… просто, ну, это единственное, чего хотелось… к чему приобщиться, потому что других развлечений, в принципе, вообще не было. И поэтому, когда в нашем местном кинотеатре накануне сеанса, еще кинотеатр не открылся, собиралась толпа мальчишек, по головам лезли, чтобы купить билеты. Искали пути, как забраться, пройти без билета. То есть кино – это было, пожалуй, единственное увлечение у ребятишек, которое было. Ну, еще там какие-то войнушки устраивали. Это… вот еще помню, были местные хулиганы, уже… которые уже побывали за решеткой, они, как правило, тоже организовывали вокруг себя… любили детей и устраивали… Это было невинное такое занятие. Ну игр… игры устраивали, ходили в лес, пекли картошку. То есть это было вот своего рода… это еще до пионеров. До пионеров еще, более, ну, детский возраст. И нужно сказать, конечно, вот эти вот мальчики с фиксой запомнились, потому что этакие из себя вот собирали шпану, а мы смотрели, заглядывали в рот им. Это было, пожалуй, ну, единственное развлечение и кино. А сейчас, ну, разве можно сравнить сейчас? Сейчас человека, если он не устойчив, с детства может крыша поехать, как говорят, современные ребятишки от того, чего ему предлагают и там, и там, и там. Чего Интернет один стоит или телевидение. Поэтому, конечно, ну, стала жизнь совершенно совсем другая. Сейчас мир – информация, вот она, раньше ее, информации, не было. Вообще не было почти никакой, потому что, ну, знаете, о чем писали газеты, вот. И нужно сказать, что вот с

детства остался какой-то страх. Я помню, тогда многие знакомые родн… родственники, я помню, маленьким был, многие сидели в лагерях, и еще была страшная боязнь за то, что вот могут прийти и забрать, как забрали у меня деда. Причем сначала выслали, а потом забрали и расстреляли здесь, как выяснилось, у Пивоварихи. Просто так, по разнарядке надо было вот кого-то. Какой он там… Ну и вот. И, я помню, однажды, еще маленьким ребенком, стук ночью в окно. И все проснулись. И я страшно испугался. Очевидно, рассказы родителей и бабки о том, что чего… какая несправедливость вокруг, она так запала в детское сердце, что мне было страшно жутко. И вот эта… эта… этот страх, он до сих пор, в какой-то степени, еще присутствует, наличествует, хотя умом я понимаю, что уже бояться-то нечего. А все равно это вселенский страх, детский страх. Вот. Извини, что я перескочил, но это надо было вот вспомнить.

– *Понятно Студенческие годы какие у тебя были? Почему все-таки ты выбрал именно Иркутское художественное училище? Тяга у тебя была?*

– Нет, ну, тяга к рисованию у нас почему-то в семье. Вот отец был, ха! как говорится, крестьянин в полном смысле этого слова, но все братья, начиная со старшего, и все остальные как-то тянулись рисовать. Я помню, старший брат рисовал в детстве, средний брат рисовал, потом я рисовал, и младший брат за мной тоже опять тоже. Какое-то… была тяга какая-то. Естественно, эта тяга, я не знаю, чем она была выражена и откуда это появилось, очевидно, это свыше. Она у меня, в общем-то, всю жизнь преследовала, и когда я попал, я понял, что я попал в свою среду и с удовольствием начал учиться. Правда, молодость бесшабашная. Ну что возьмешь с нее? До… после школы тут у меня поумирали отец и мать, сам себе представлен… предоставлен. И-и… начал… начал я учиться в шестьдесят втором году в иркутском училище. Два года эта жизнь была бесшабашная, веселая. Конечно, было много увлечений разных, которые не… не способствовали моим… моей учебе. Но тут подошел срок, меня взяли в армию с третьего курса, и в шестьдесят четвертом году я ушел в армию, и три года в армии я, наконец, начал соображать и всерьез занялся русской литературой классической. Почему? Потому что в школе мне не повезло: у нас преподаватель был не очень, будем говорить, увлекающийся, этакая старушка, которой было все равно. И вот в армии я как раз и приобщился к русской литературе, у меня была возможность, я там был почтальоном-художником. У меня был свой кабинет с замполитом на двоих, и там я прочитал всю русскую классику и открыл ее для себя. И я понял, для меня много чего стало ясно именно в

армии. Говорят, вот сейчас в армии дедовщина, а раньше… ну, так было… были невинные шалости, но это нормально. Не было такого, конечно, как сейчас, таких страстей, хотя тоже некоторые люди… и ребятишки стрелялись. Но это бывает. Вот. Поэтому, конечно, выбрав этот путь… Выбор был не случаен, и я, в общем, никогда не жалел об этом. Почему? Потому что мне было всегда интересно познавать мир через искусство.

– *Ясно. Увлечения, папа, еще детские, которые переросли во вро… во взрослую жизнь твою?*

– Ну, а какие увлечения… У меня ви… видишь ли, увлечения были разные, хотелось одним, вторым, третьим. Я имею в виду – музыка там, спорт. Но все это были побочные такие дела, которые не совсем мне ложились… Поэтому у меня собственно увлечение одно – это моя профессия, мое занятие. Одно и единственное, пожалуй.

– *Угу. Папа, вот Иркутск как изменялся, строился в молодости, какие впечатления оставил?*

– Ну, в молодости я говорил о том, что…

– *Ну, даже, может после студенческих лет…*

– Дело в том, что такое ощущение – это вот как раз после студенческих лет… э… после армии, когда я учился, да такое ощущение, что вообще вот недаром его называли «застой», такое ощущение было, что ты сидишь по уши в болото… в болоте. Вот ощущение того, что ничего не происходит. Все… как будто жизнь остановилась, нету движения, нету каких-то… Ну, вот иногда просто задумываешься, почему человеку создали такие условия. Человек рожден, как говорил Горький, как птица для полета. Ему можно было поехать куда-то, узнать что-то, что-то сделать самому. Ничего. Это вот начало сре… середина брежневских времен. Я считаю, что правильно обозвали «застой». Может быть, где-то что-то строилось, но Иркутск… в Иркутске такая патриархальная жизнь, она… она прекрасна по-своему, она хороша, когда мало движения. Я просто считаю, что… мечтаю вот ж… мечтал бы жить во времена, когда вообще ничего не происходило, когда есть просто жизнь. Но здесь именно, когда в тебе силы есть, а ты себя реализовать никак не можешь. Вот это вот всегда тяготило, конечно. И Иркутск практически почти не менялся. Ну, были там такие вот… ээ… запалы, как у нашего мэра Салацкого, бывшего председателя исполкома. Вдруг в одночасье ночью убрали все заборы. Куто… кто-то идею подкинул убрать заборы, потому что много-много заборов в Иркутске. Это где-то шестидесятые, шестьдесят… может быть, семидесятые годы. И вот в одночасье ночью убрали все заборы, забыв о том, что за заборами помойки. Это было смешно, конечно, и наив-

но, ну, и кстати, потом уже у меня… несколько раз наблюдал такие случаи аналогичные. Ээ… когда мне пришлось потом работать в администрации семь лет, главным художником города я работал, очень много смешных случаев наблюдал, когда показуха… Показуха – это… это считалось, ну, нормой. Главное, чтобы начальство тебя заметило, главное. Это были, кстати, вот эта область человеческой деятельности, вернее, нашего… наших руководителей, она была, по-моему, она не изменилась ни на йоту. При царе была показуха, при коммунистах была показуха и сейчас такая показуха, извините. Вот это вот неубиенная часть нашего руководства, руководящих, так сказать, работников. Главное – доложить вышестоящему начальству, что все прекрасно и сделать все великолепно. Это я помню случай, когда уже заканчивалась советская власть, как раз я еще работал, появился у нас неплохой мужик, первый секретарь обкома. Он где-то был… уже тогда веяния пошли, он где-то был в центральной России и увидел центральные улицы пешеходные, и так ему это запало в голову. Он приехал, вызывает нас с мэром и говорит: «Мужики, я видел, я вот вам расскажу, идешь – цветочники, цветочницы во… в витринах телевизоры стоят, народ сидит. Ой, как здорово, давайте мы сделаем у нас Карла Маркса, давайте, так вот сроки я вам даю, Карла Маркса будет пешеходная». Я так, ну, немного опытный был человек, и говорю: «Вы знаете, это же надо сначала проект разработать, подготовиться, ну, это же не делается в одночасье». На что рядом будучи со мной мэр города бывший, не буду его называть фамилию: «Ничего подобного, через два месяца, через полгода у нас будет пешеходная улица». То есть главное, что вот тут, и вот эта вот показушность – она до сих пор настолько явно бросается в глаза. И от этого, по-моему, вот Россия-мать никогда не избавится. Все для начальства, лишь бы вытянуться и доложить. Ну, я отвлекся, извини, Егор.

– Все, все точно. Ээ… деревянные дома в центре города, каково твое к ним отношение?

– Боже мой. Мне по ходу моей вот деятельности, когда я работал в администрации, приходилось часто в командировки летать. Я видел наши сибирские города и сравнивал их с Иркутском. Какой был зачуханный Красноярск. Какой показалась мне никудышной… маленькая… центр Перми. Ужас, по сравнению Иркутском. Иркутск на самом деле сумел еще в те времена сохранить свое лицо. Я считаю, это вот строительство центральных улиц, которые не совсем испортили, Карла Маркса, Ленина и Урицкого, да там, допустим, ну, еще… И, конечно же, прежде всего, деревянные дома. Деревянные дома… Я вот в Томск, допустим, у него визитная кар-

точка в Томске – деревянные дома. Но там же деревянные дома совсем другие, у нас-то лучше, у нас они богаче по архитектуре, они… они вообще своеобразнее. У Томска только прорезная резьба, в основном, на домах – это вот ну рель… эти украшения, а у нас и рельефы, и перепад вот этих вот эта… этажности. И вообще, самые усадьбы деревянные, они настолько выразительные, что я боюсь, что с ними в Иркутске архитектура не сравнится, разве что только храмы. Храмы, конечно, храмы иркутские тоже прекрасные. И вот если бы, ну, конечно, вот пытаются у нас некоторые… у нас два направления: одни говорят, вот этот хлам надо снести, а люди, которые немного понимают красоту, пытаются доказать, что за это… это самое главное, потому что это… это интересно в Иркутске. Ну, и нужно сказать, что сейчас, конечно, у нас, в основном, новоделы появляются, то есть берется старый дом, делается по новой и, конечно, для людей несведущих это кажется, что откровение. Хотя так реставрация не делается, честно говоря. Но я думаю, что в Иркутске до сих пор архитектура – это лучшее, что есть, это деревянные дома и это храмы Иркутска. Ну, возьмите храмы, любой храм – это сказка. А все, что появляется сейчас… там есть вопрос такой, да.

– Да. Строительство нынешнее и точечная застройка.

– Вот эта точечная застройка. Ээ… дело в том, что здесь это не только типично для Иркутска, и в Москве такая же самая… деньги правят бал. Потому как у архитекторов появились заказы, появились заказчики, у которых мошна больша. И он начинает диктовать архитектору: «Ты мне, – говорит, – вот башенки кремлевские сделай!», как это вот сделано в районе площади Декабристов, напротив, там, где Дворец бракосочетаний, бывший дворец Павлова, дом культуры, который превратился не знаю во что, и рядом башенки кремлевские какие-то появились. Это такой ужас, это такой кошмар! И таких ляпов по Иркутску… Я не могу сейчас, ну, может быть, два-три здания назову достойных. В общем, даже называть не буду, потому что я не помню, как они там называются. Но есть небольшие, удачные в какие-то моменты в новост… в новостройках там где-то, ну, в Свердловском районе где-то еще там. Но то, что в центре появляется, иногда это такое… Просто я считаю, что нет у нас надлежащего надзора и нет жесткой руки. Потому что, ну, будем говорить, все продается сейчас: и земля, и идеи. Конечно, и архитекторов трудно обвинить, есть архитекторы, которые идут на поводу, редко который отстаивает свое и добивается. А потом ведь это такая профессия, она зависима. Ему хочется построить, а ему никто в этом не может отказать. И тут много компонентов, из

которых складываются вот эти вот неудачные, я считаю, в основном, на девяносто пять процентов неудачные строительства в центре города.

– *Папа, к переименованию улиц твое отношение?*

– О-о! Я считаю переименование улиц… Вот почему-то у нас наши опять же умные руко… люди, которые руководят нами, они не понимают ситуации, насколько это важно – вернуть улице прежнее название. Улица, она же не просто называется, она… это название выношено временем и людьми, общи… общее… общими усилиями названа улица. И русский язык, он не может терпеть таких вот назва… он не выносит такие названия, как Карла Либ-кнехта или Кар-ла Мар-кса. Это не русский язык. Русский язык – Большая… Большая улица – как это красиво и поэтично. Сделайте Карла Маркса Большой, и у меня отношение будет другое к этой улице. Этого не понимают, не понимают, как слово ложится на ухо как название, либо оно раздражает человека, и он идет по улице, и его раздражает вот это вот где-то подсознательно, просто он еще идет или ему ложится на душу это название, и он идет, и он поэт.

– *М-да… Пап, к восстановлению храмов, памятников, ну, допустим, вместо вот этого шпиля на Набережной нашей восстановили Александра Третьего Или поставили новый памятник Колчаку…*

– С памятниками я, ну, как бы говорится, я напрямую завязан с ними. Почему? Потому что, еще работая в администрации, я часто задумывался на том, что… как не хватает нам вот этих малых форм скульптуры, чтобы наш город запел, чтобы он выглядел как по-настоящему культурный город. И, конечно, с появлением новых памятников, ну, честно говоря, радуешься за город, что хотя бы какое-то, ну, движение началось. Во-первых, памятник Александру Третьему. Я считаю, что вообще это первая ласточка и, в общем, очень симпатичная. Это вот больше, чем всякие слова, вот появился, наконец, памя… Александр Третий встал на место. Да как встал! Это образец, это лучший памятник, тут даже и говорить нечего, просто лучший памятник, который в Иркутске есть. Это как образец для художников, для человека мыслящего увидеть, что такое скульптура настоящая. И как только он появился, появилась надежда, что еще не все потеряно. Дай Бог, это будет продолжаться. Памятник Колчаку. Я считаю, что это вообще тоже знакомый-значение не менее для Иркутска значимое. Значение значимое тавтология, то бишь, ха-ха.

– *Важное.*

– Ха-ха, очень важное. Почему? Потому что когда мы наконец успокоимся и перестанем делить на красных и белых? У нас так до

сих пор мусор в голове. Сколько лет прошло, и сумели так внушить людям о том, что мы разные, красные и белые, а ведь еще в двадцатом году, по-моему, Волошин сказал: «А я стою и молюсь за тех, и за других», я сейчас не помню точно цитату, да. Дело в том, что навешали на Колчака ярлыки, которых он не заслуживает. Это был очень порядочный человек, а если и зверства какие-то предпринимались с его стороны, а разве со стороны красных не предпринимались? Это была Гражданская война, и там некогда было церемониться. Это нужно понять, и главное для себя усвоить, что хватит делить на красных и белых, мы все одни, мы – русский народ. И нам надо всем вместе дружно выплывать из этой чертовой… черто… черт… чертовски неприятной ситуации, когда мы до сих пор делим: белые, красные, черные. Поэтому появление памятника Колчаку, конечно, это вообще знаковая вещь. Почему? Потому что в Иркутске удалось то, что не удалось… не удалось даже в Питере, там попробовали мемориальную доску повесить и ту сорвали. Нашлись ухари. А у нас памятник стоит, слава Богу. И я думаю, это справедливо. Ну, появился памятник Вампилову, прекрасно, хороший памятник в хорошем месте. То есть… ээ… я думаю, что со временем, может быть, Иркутск насытится достойными и вспомнит своих предков. Это Чехова, который жил три дня и прекрасный отзыв об Иркутске, когда ехал на Сахалин, оставил. И так далее, и тому подобное.

– Пап, ты еще обещал рассказать, как Ленинов закапывал.

– Ну, если это интересно. Значит, я когда работал в администрации, это на все праздники – 7 Ноября и Карла, ой, 7 Ноября и 1 Мая… ээ… была такая традиция – принимать город, ездить по районам во главе с первым секретарем горкома, секретарем по идеологии, архитектором главным и главным художником. Мы объезжали в таком составе комиссией, принимали районы, насколько они красиво выглядят, там коммунальщики смотрели за порядком, мы смотрели за… ээ… рекламы тогда не существовало, как таковой, а были лу… панно такие вот на тему «ура-патри… патриотизм», значит, лозунги большие там «ДА ЗДРАВСТВУЕТ» и «ВПЕРЕД, ТОВАРИЩИ». И мы это все смотрели. И, объезжая районы, я заметил, что в каждом районе где-нибудь, возле ДК в Ленинском, в частности, вот, я помню, в Свердловском, стоит какой-нибудь Ленин, изображение которое, ну, дела-делали, прямо скажем, непрофессионалы, и это как бы… и их было так много… и, хм, это, честно говоря, вот мой взгляд, как профессионала, раздражало буквально. И этой мыслью я поделился, значит, с завотделом пропаганды, говорю: «Вот как-то у нас получается, что мы дискре-

дитируем великий… великого вождя вот такими памятниками». «Какое предложение?» Я говорю: «Давайте сделаем так: просто возьмем и закопаем их в землю, те, которые, ну, никак не катят». «Да вы что! как же!» Я говорю: «Ну, так а что же лучше? Либо у нас вот это вот стоит такая полупорнографическая работа, изображающая Ленина, или мы все-таки избавимся от них?» Вот… ммм… Подумали, согласились, и, я не помню, пять или четыре, ну, таких памятника закапывали рабочие по ночам. Выкапывали ямку рядом с памятником, поднимали его краном, опускали туда и заравнивали место. Не было, я помню, нареканий, никто не жаловался, может быть, и народ понял, что это некрасиво. Был такой случай, да.

– Ясно. Пап, ну, то есть облик города, по-твоему, изменился значительно или нет с тех времен, как ты в него приехал?

– Очень значительно. Дело в том, что вот, я не знаю, можно поразному относиться к нынешнему времени постперестроечному, к этому новому волчьему капитализму можно по-разному относиться, но движение… движение в строительстве… движение, как бы сказать, развитие города тут несомненно. Я же называл те времена, когда, ну, ничего не делалось, вообще ничего, а сейчас вот ты два месяца на одной улице не был, полгода, смотришь – дом стоит. Причем качество, в общем, ну, внешне неплохое, не знаю, как там внутри. Эти банки появляются, эти какие-то… ну, по крайней мере, сейчас стали делать вот детские площадки, это заметно, во дворах. Стали асфальтировать улицы, хотя еще улиц у нас, боже мой, если после дождя попробуй-ка пройди по центру Иркутска, где там, это только на машине можно проехать. Вот хотя еще много чего не сделано, но уже заметное движение последнее время настолько. И появились эти вот… ну, во-первых, сквер сделали хороший, сквер Кирова. Хороший сквер. Это уже европейская ситуация, в общем, не стыдно перед гостями города, приехавшим из-за рубежа не стыдно показать это место, это сделано все хорошо, еще кабы вот еще суметь все это вот постепенно… и маленькие, небольшие какие-то улицы, не самые видные, тоже бы привести в порядок. Вот этим бы… а… В принципе, конечно, строительство идет, и я чувствую, что вот этот капитализм, он ну, как бы все равно, в смысле, вот об… облик города меняет, он его и портит в какой-то степени, но и меняет. Ну вот сейчас взялись делать сто тридцатый квартал, новый губернатор, новые идеи. Ну, сделали улицу Третьего Июля сейчас вот, я недавно шел по ней, вот это прекрасная вот дорога пока. Дома там, я не знаю, чего там нагородят, но, в принципе, эти новоделы – это все, конечно, как бы сказать, все это делается у нас

вот так вот, с размаху, то ничего, то мы сейчас вам бац и все. То есть эти вещи делаются во времени не спеша, выверяется каждый момент, что важно, что вперед. А здесь вот так с наскоку, шашку в руки и вперед. Ну, бог дай… даст, сделают что-то, хотя бы что-то сделают, может быть, и не совсем испортят.

– Будем надеяться. Строительство ГЭС не помнишь?

– Ой, я далеко от ГЭС был, в другом конце города, и вообще я его… там, наверное, строили в пятьдесят каком году? Я не помню, нет, не помню я ГЭС, это не захватил. Я уже ездил через плотину, хотя помню, что там еще была насыпь такая, не очень аккуратная. Так что ничего не могу сказать про ГЭС.

– А строительство моста через Ангару?

– Какого моста? Ну, это же тоже понтонный мост-то был когда…

– Ну, конечно, да, ты не захватил.

– Я уже ходил по новому мосту, ходил, да просто у меня педагог жил на той стороне, я ходил к нему в гости по этому мосту. Поэтому я ничего не могу сказать про мост.

– Мг… Расскажи, как ты работал в советские годы. Чем занимался, нравилась ли работа?

– Ну, я же уже про это рассказал фактически, что я в администрации работал, да, тогда была работа, мне показалось, я, конечно, туда случайно тоже попал, мне не шибко это дело… я не люблю администрированием заниматься. Но так случилось. Мне надо было заработать квартиру, и я честно ее отрабатывал. Ээ… вот и, конечно, приходилось много чего делать, и плюсы, и минусы, вот тогда все-таки организация была лучше в городе поставлена. Тогда никто не имел права рекламу или киоск поставить без моего без разрешения, главного художника, без подписи. У нас тогда был порядок, следили, покраска фасадов, все было это вот на контроле. И мы имели право и оштрафовать, и все. Сейчас… нужно сказать, что появилось много самодеятельности, и некому следить, не успевает следить, может быть, и служба. Кстати, вот последнее время, что мне кажется нехорошо, упразднили должность главного дизайнера города, бывшего главного художника, как я именовался, человека, который бы следил за порядком, за культурой, за культурной… за культурным обликом города. Упразднили, не знаю, в силу каких причин. Я считаю, что это большая глупость со стороны нашего руководства. Не-необходимо обязательно следить, сейчас столько много всего делается нехорошего в городе. В частности, вот фасад… идешь – фасад здания, обыкновенное здание, пятиэтажка кирпичная, первые этажи продают одному хозяину, второму, третьему, и они делают свои маленькие какие-то офисы,

лавки, и каждый свой вход делает по-своему. То есть там такая разноголосица идет, нет вот этого нормального отношения. Я понимаю, может, это временно, и со временем все укрупнится, и исчезнут эти… ну, даже сейчас вот… вот эта реклама, которая, ну, засилие ее, она иногда загораживает, вот по улице Чкалова едешь к мосту, храм стоит, Троицкий собор, такой прекрасный, и вид издалека. И его перегораживает реклама, рекламный щит полностью перегораживает храм. Человек может любоваться, а ему рекламу вот сюда, ну, это вообще ни в какие ворота, надо такие вещи запрещать, убирать и штрафовать тех, кто вот так вот делает.

– *А когда ты работал художником-оформителем*…

– Где?

– *Ну-у, до…*

– О-о, много я работал художником-оформителем. А зачем это надо. Это… это б-была такая еще, может быть, я не знаю, в силу каких причин, ну, в общем, получилась у меня так, что работал, да, я по деревням, там и дома культуры расписывал, там и реклам… ну, это, в общем, не так интересно.

– *Угу. Ясно. Ритмы жизни Иркутска, значит, по-твоему, участились?*

– Заметно, заметно участились. Жизнь сейчас стала, я бы сказал, чрезмерно…

– *Суетной*

– Суетной, да. Нету того покоя, и сейчас вот, конечно, все стремятся к себе уехать, за город, если есть дачка там, отдохнуть от этой суетной жизни. Конечно, в городе жизнь особенно… чего я терпеть не могу, это автомобили. Человеку тесно в городе, все хозяева там автомобилисты, и человек, бедный, бежит через дорогу, перебегает пешеход, а хозяева жизни – машины. И которые кадят, и чадят, и не дают проходу. А мы дышим этими выхлопными газами, и если я как человек, относя… отрицательно относящийся к автотранспорту в городе, я думаю, что пора с них взимать налог, с тех, кто катается и гадит воздух, и не дает мне спокойно жить, с них надо брать налог и платить мне как человеку, страдающему от этого. Ну, это необязательно. Ха-ха.

– *Мда… оригинально. Как отмечались праздники в Советском Союзе? Помнишь молодежь…*

– Ой, как хорошо помню.

– *Демонстрации…*

– Демонстрации… я же тоже принимал участие. У нас два раза в год площадь наша красная, ха, которая в сквере Кирова, перед обкомом, украшалась, и я этим семь лет занимался, придумывал

разные дела, как это лучше сделать, праздничнее, и принимал участие, конечно, смотрел парад. Парад – это было… ну, как бы сказать… это было, ну, в те времена мало было развлечений по сравнению для народа, вот чем сейчас. Парад – это был какой-то праздник, да. Вначале, может быть, это был совсем хороший праздник, потом, ну, народ с удовольствием шел, потому что пообщаться, покричать, почувствовать, вот. Ну, то есть я считаю, что это было интересно. Ну, то, что они и-исчезли, я не знаю, может, трансформируется в какие-то другие… вот я смотрю, там молодежь сейчас что-то новые какие-то вещи, но пока еще нет вот такого вот всеобщего… всеобщего какого-то восторга, который был. Пока этого еще не сумели – вот на таком уровне сделать праздники.

– Сравнивая вот эти советские праздники вот, допустим, как сейчас отмечают День Победы, юбилей Победы, вот георгиевские ленточки тоже распространяют в качестве символа Победы… К этому ты как относишься?

– Да нормально, дело в том, что я считаю, что все бы ничего, и вроде как и серьезно относятся у нас руководители к этому празднику. Но в целом за всем… за всей этой компанией опять же видна показуха. Вот показаться красивым на этот момент, сделать, сказать красивые речи. Вот, смотрите, прошел праздник, а до сих пор там ветераны некоторые… вот там дать всем квартиры, а до сих пор там с таким трудом строили на местах. Чиновники – вот наша беда России. Все в их власти. Половину бы их уволить, и жизнь бы была прекрасна. Таких вопросов не задавали.

– Ну, это подразумевается, в общем. Пап, дошли мы до перестройки. Как ты тогда ее воспринял и какой она след оставила в твоей жизни?

– Конечно, я помню, когда наступили те времена якобы демократии большой и хаоса после стольких лет застоя, это показалось невероятным, информация вся доступна, каждый имеет свое мнение, для России это было невероятно. Ну, можешь себе представить: только до семнадцатого года там, когда произошла буржуазная революция, только тогда была такая же вот истерия свободы, которая наступила и в этот раз. То есть Россия опять наступила на те же грабли вторично. Нам обещали прекрасную жизнь и коммунизм, теперь нам обещают прекрасную жизнь и капитализм, а в принципе-то, народ как бедствовал, так и бедствует. Ээ… перестройка, она принесла, конечно, много новизны, много интересного, но все это быстро погасло, все это кончилось ничем. Эти самые первые демократы, которые не вылазили из экрана, вдруг растворились, их нету никого, остаются единицы. Хорошие

были мужики, имена моно… можно было вспомнить, но их нету сейчас, никого не осталось. Появились новые кадры уже с новыми мозгами, ээ… нацеленные на хорошую благополучную жизнь. Но опять же беда, повторяюсь, у нас все построено на показухе, нет глобального внутреннего перестро… перестройства страны, переустройства. Нет того, чтобы человек почувствовал: да вот-вот-вот мне уже, я спокоен за свою семью, я спокоен за своих детей, у меня впереди прекрасное будущее. Вот этого чувства как не было, было похожее на это чувство во времена царствования коммунизма на нашей стране, в нашей стране, но это было такое поверхностное восприятие предмета, а по глубинному вот чувству никогда в России, особенно сейчас, вот нет уверенности в завтрашнем дне, и это плохо. Есть она, уверенность, у трех процентов или у пяти процентов тех, кто сумели урвать свой кусок пирога от общего… от общего большого пирога урвали свой кусок, они довольны, они покупают дома за границей, им начхать на… на то, как живут все остальные. Но так было всегда, тут ничего удивительного нет, просто эта перестройка, эти нововведения, они очень несправедливо распределили нашу… наши богатства, и отсюда была заложена большая бомба.

– *Папа, а вот что ты скажешь о событиях почти двадцатилетней давности, я имею в виду ГКЧП? Как ты об этом узнал, что почувствовал?*

– Дело в том, что двадцать лет назад, конечно, все это подругому воспринималось. Ээ… про ГКЧП мы узнали еще в деревне, когда мы на даче отдыхали, сообщил нам наш сосед радостную весть, говорит: «Все, кончились демократы! Вот». Я еще ничего не понял, но когда мы приехали в Иркутск, включил телевизор, а там был балет «Лебединое озеро», он стал притчей во языцех: когда что-нибудь случается, тогда включают либо классическую музыку по радио, либо по телевизору балет. Но тем не менее в перерывах были сообщения, показали этих членов ГКЧП, я уже сейчас их не всех и помню, но суть сводилась к тому, что вроде бы как Горбачев су… с-сложил с себя полномочия в силу болезни, и они берут власть в свои руки, чтобы навести порядок. Но кроме разговора ничего не последовало, Ельцин с его командой были более активны, и уже через некоторое время стали показывать, как демонстрации проходят в Москве в защиту Ельцина. Потом показали, как Горбачева привезли из Фороса, он якобы там был в заключении, но все это туманно доносилось, похоже, что его никто не арестовывал, просто это была такая инсценировка непонятная, может быть, правда была попытка как-то восстановить прежний режим

советский, потому что на глазах Союз разваливался, но в ту пору увлечение… всеобщее увлечение демократией после многих лет коммунистического режима, конечно, все были в восторге, что, да, ура, наконец, у нас можно будет разговаривать, можно будет жить, как живут цивилизованные страны без железного занавеса. Конечно, эта эйфория охватила всех.

– И все, может быть, испугались, что вернутся к…

– Конечно, кто-то радовался, кто-то… Номенклатура, конечно, они радовались, потому что они были на местах, сидели крепко, жизнь была неплохая для них. А в общем, народ, мне кажется, поразному воспринимал. Но, в принципе, это была, конечно, эйфория, которая вот по прошествии двадцати лет, конечно, она сошла на нет. И если трезво оценивать события, конечно, очень жаль, что развалился Советский Союз, потому что миллионы наших соотечественников, я имею в виду русских, оказались за границей брошенные, и никто ими толком не занимался. А национальные республики восприняли свободу как подъем национального духа и, конечно, русским почти везде… может быть, только в Казахстане более или менее жилось, потому что Назарбаев, по-моему, самый умный изо всех наших президент, изо всех наших бывших республик. Там, в Казахстане, и то молодежь там… ну-у, всегда найдутся экстремисты, которые хотят на этой волне сыграть в свою пользу. В принципе, потеряли много, с одной стороны, а с другой стороны – и держать вот так вот все было, как говорится, в железных тисках нельзя было дальше. Ну, и история, она не повторяется в сослагательном направле… ээ…

– Не знает сослагательного…

– Не знает сослагательного да… Чего?

– Наклонения

– Наклонения, да, вот. Поэтому как было, так было, чего тут. И, конечно, много было ошибок, много было чего, было… были трудные девяностые, потом невероятно особенно для пожилых людей и для молодых тоже. Да и сейчас не очень легко, но тем не менее какое-то движение вперед есть.

– А вот, папа, последний вопрос: если бы ты что-то мог хо… чтобы тебе хотелось вернуть из прошедшего советского времени?

– Все-таки, конечно, как бы мы ни ругали советское время, много было чего нехорошего, но было наряду и со всем… было… очень хорошие были. Вот я как художник могу сказать, что социальные вопросы стариков, пенсионеров, художников, творческих людей решались, потому что при советской власти, как бы там чего ни было, но в бюджете были заложены, я не помню, два про-

цента или три процента на культуру. И с окончанием советской власти все эти проценты куда-то ушли, а новые власти даже и не думают о культуре. И поэтому вот и у нас еще ничего не может выстроиться, потому что культура у нас на последнем месте. Если вот еще год-два назад нам маленько помогали, творческим работникам, то сейчас полностью отказались от всякой помощи и бросили, как говорится, на произвол судьбы. Вот вам, пожалуйста, отличие. Если раньше, при советской власти, мы год… через год, через два всегда нам строили мастерские (строят дом и где-то зазакладывают какой-то процент мастерских), то есть молодые художники практически все были обеспечены мастерскими. А что такое мастерская для художника? Это, конечно, работа, прежде всего. А кто такой художник без мастерской, можете себе представить? Вот. Так что тут заметно, вот в смысле социальных вопросов, отношение к культуре при Советском Союзе, наряду с тем, что и продвинутых творческих работников, несогласных с властью, их, конечно, гнобили, им не давали ходу, но, с другой стороны, для широкого круга людей это было всегда подспорье, помощь, были заказы, были творческие дачи. Все сейчас кануло в Лету. Вот и сравнивайте. И вообще, у нас самое непопулярное слово сейчас у руково… в руководстве нашего государства – это «культура». Там спорт уважаем, потому что наш премьер – весь из себя спортивный человек, а вот культура… извините. Даже в обращении к собранию… как там это… ежегодному обращению, будучи премьером… президентом… выступая, Путин не к собранию, а к кому… к Госдуме и этим самым… я уже забыл, как это называется, но это не столь важно, слово «культура» не прозвучало. Обо всем было сказано: об экономике, о спорте, о чем угодно, но слово «культура» отсутствовало. А что такое государство, игнорирующее культуру? У этого государства нет будущего. Это понятно любому человеку, мало-ма… мало-мальски смыслящему вообще в в жизнедеятельности чело… людей сообщества. Вот такой, наверно, будет ответ.

– *Ясно. Спасибо тебе большое.*

– Все?

– *Да.*

Интервью
с Татьяной Михайловной Соловьевой
(1948 год рождения)

– Расскажи, где ты родилась, кто твои родители.

– Значит, я… Куваева Татьяна Михайловна, родилась после войны в 1948 году, 1-го августа. Родители у меня… э… Куваев Михаил Васильевич и Куваева Нина Спиридоновна. Кроме меня, у нас в семье еще было три сестры, двойняшки – Аля и Галя, брат Юра и сестра Валя, которая родилась после меня. Вот, было пять детей… Вот, в принципе. Отец мой Михаил с первого дня войны ушел на фронт. Ушел на фронт, вот ему был 31 год, а маме 25. Я… девчонкам было по 5 лет, а Юра только родился – около годика, когда отец ушел на фронт… С первого дня ушел и до последнего, вот всю войну прошел. Ну, семья, конечно, много хлебнула горя, потому что остаться с тремя детьми – это тяжело, и мама работала на Куйбышевском заводе, как уходила утром, так приходила вечером, а иногда и ночевать оставалась, потому что бывали случаи, что и убивали, и все на свете. Ну, сейчас Куйбышевского завода уже нет, там рынки понастроили, а раньше это был громадный Куйбышевский завод, там оружие делали, танки, все делал на фронт… вот… а ребятишки, считай, были дома, немного подросли. Но голод был страшенный. Мать там что – пайку зарабатывала – так кого на троих ребятишек, а он маленький был. Вот. Аля говорит, ходили, собирали соломку и все собирали, чтобы вот это… печь протопить, огородишко там был какой-то… ну все равно был, мало-помалу, но в основном. Моя сестра Аля говорит, что мы остались живы только благодаря деду Спиридону и только благодаря тому, что он работал. И он работал [смеется] ну, лошадь у него была и телега – он что-то возил. Я не знаю, что это такое, но что-то возил там такое. И вот он только помогал, где там какой-то жмых, то ребятишек, в общем, помогал, всяко разно помогал, последнее отдавал… ну вот… В общем, война оказала большое влияние на моих сестер, потому что вот Аля она до сих пор разг… это вспоминать спокойно не может… потому что это… ну все равно, считай, это 5 до десяти – это 4 года, это уже 9 лет ей было, считай, когда это… а папка-то пришел. Он у нас был красавец мужчина… а тут его не было… он пришел, а мать на работе была, а ребятишки были дома [смеется]. И он застучал в окошки, и они его испугались, не пустили даже в дом. Не пустили… ну вот… отец благополучно вернулся с фронта и здесь, конечно? семья наша зажила. Наша семья зажила. Отец уст-

роился, отец работал шофером, сразу пошел на автобазу. Ну здесь стало как-то полегче после войны – тут и работы стало, тут все-таки и карточки отменили, но все равно, в 48-м году все равно еще плохо жили.

– *Вот как раз подошли к твоему рождению… 48-й год…*

– 48-й год, да.

– *Давай поговорим, каким было твое детство. Что было особенным, что вообще было в твоем детстве. Ты жила в Марата…*

– Я жила в предместье Марата, улица Чапаева, названная в честь нашего легендарного героя Чапаева.

– *И ты, наверное, гордилась, что живешь на такой улице…*

– Да, да, и вообще мы как-то очень трепетно относились ко всему вот к этому и к гражданской войне. Кто там были герои. И вот 41-го года кто там был – все наши солдаты. Потому что вот эти картины, когда я была еще подросточком, все вот эти картины… сердце, сердце мое обливалось, как я переживала, чтобы наши, наши, только наши бы победили и все живы бы остались. Ну вот, я считаю что у меня, что мое детство было очень счастливым несмотря на… может… были какие-то недостатки там в одежде, в пропитании… но я считаю, что оно было очень безоблачным и счастливым. Семья у нас была очень дружная, никто никого никогда не обижал. Ну, жили мы почти что, ну, считай, предместье Марата – это почти что деревня. Там все было у нас: и корова, и курица, и огород – все это было, ну… Давай ты задавай мне вопросы!!!

– *С соседями как вы жили?*

– Да, с соседями у нас была как большая семья. Как большая родная деревня, где мы знали все друг друга. Все друг о друге знали. Все соседи. Потому что во время войны, что мать же молодая была. Ну что, 30 лет было матери, когда война закончилась. И папке было 35, ну, самый тока рассвет, ну, и вот они все эти соседи, они все там которые жили, вот до войны и после войны… И все вот это жили, с которыми мы вместе и все праздники встречали, и жили дружно, и все бегали к друг другу занимали: где соль, где хлеб, где что – никто никому никогда не отказывал. Ну были, конечно, люди, которые с нами рядом жили, Носковы – они, конечно, маленько были победнее. Но тем не менее я всегда старалась… всегда их чем-то это…

– *Помогали друг другу…*

– Помогать, да чем-то.

– *А в школу как ты пошла?*

– Ну вот… были у меня там 4 подружки, очень такие задушевные, такие подружечки мои были. Мы с ними так вот и выросли и

прошли весь этот вот этот юношеский возраст, и все замуж вышли... за этих… за парней, с которыми все дружили. Так… ну в школу я пошла… в школу пошла семи лет. Была такая белобрысая, белобрысая, белые-белые волосы были. Интересно на фотографии снято. Интересная такая. Пошла в школу № 10.

– Это там рядом, в Марата?

– Нет, ну надо было еще идти остановку. Вот я шла туда… Чапаева, потом вниз под гору, там была остановка Глеба Успенского. Потом остановочку, конечно, пешком ходили, автобусы-то почти не ходили в предместье. Остановку проходили, была остановка Гараж – и там вот была школа № 10 была… Красивое старинное здание. Видимо, до этого кто-то там жил, какой-то купец, очень было красиво. Орнамент был такой… двухэтажная. Там была восьмилетка. Там я 8 классов училась. Ну, училась я не хорошо, не плохо – средне.

– Ты говорила мне еще, что в школьные годы как-то не очень серьезно к учебе относилась.

– Да. Ну училась, да училась. Самое главное, чтобы родители были живы и вся семья. И все и училась да училась. Все учились. Тогда же, видишь, не было ни одного ребенка, чтобы ребенок не учился. Такого в нашей стране не было. Потому что попробуй вот ты три – четыре дня не пришла на занятия, сразу же идет классный руководитель, спрашивает, почему не приходит. Попробуй-ка не приходи.

– А к тебе домой приходила учительница? Прогуливала ты?

– Ну, было, конечно. Но прогуливала не только одна я, а со всем классом.

– То есть у вас все коллективно было?

– Да, у нас был коллектив такой, что мы сговаривались… ну, конечно, сразу же это было известно родителям, и тогда уже отец так строго… ну, отец никогда не обижал, просто скажет, даже его одного взгляда… он на меня посмотрит, и я уже поняла, что не надо было этого делать. Ну, вот… ну тоже такое безоблачное время было.

– Класс, ты говоришь, у вас дружный был, а ездили куда-нибудь?

– Очень был дружный… ну, особо нам в то время… особо никто никуда не ездил.

– А праздники, парады, демонстрации?

– Ой, ну ты что, 1 Мая, 7 Ноября – попробуй-ка не приди на парад.

– И это для вас был действительно праздник, и шли туда, потому что было интересно, а не потому что было надо?

– Конечно, интересно, не потому что чувствовали, что там это надо прийти, чтоб галочка была. А потому что мы хотели сами. Мы этого хотели, мы и шли.

– *А где именно, куда-то в центр ездили? На Кирова?*

– Мы не ездили, а ходили пешком.

– *С Марата?*

– Да. Там же много колонн собиралось – были автобазы. Колонны там. Там же в Марата почти все автобазы были. Много было. Народу было… Там был этот завод, по-моему, этот… эээ… виноводочный… он, по-моему.

– *Кедр, да. Он тогда им еще не был…*

– Да, тогда он был просто заводом. Вот он тогда был – там очень много народу работало. И вот все колонны собирались. Транспаранты, мы, конечно… там, нам давали, ну, у каждого флаг был обязательно. И обязательно, когда 1 Мая и 7 Ноября, отец обязательно флаг вешал на дом [смеется], не знаю, почему… ну в дом, и там этот флаг вешал. Угу. Ну и действительно это был праздник. Праздник был. Очень.

– *Так куда вы все-таки ходили?*

– Мы ходили на сквер Кирова. Мы вот так вот пешком, как шли по Карла Маркса с Марата, как она начинается, по Рабочего Штаба идет улица и вливается плавно на Карла Маркса. Ну, основная наша… а тогда же, видишь, не было этого: ни обходной, ни нового моста. Был мост, который делил Куйбышевский завод пополам. Здесь была колея, там эти… так вот колея шла – там ездили эти… как ее… какие-то паровозы. Там уголь или что возили, и тут же у них определенное время: ночью ездят, а днем транспорт. Транспорта было же очень мало. Очень было мало транспорта. Какой там транспорт-то был.

– *Это были какие годы?*

– Я тебе скажу… это был где-то пятьдесят восьмой – шестьдесят второй год. Вот так вот… шестьдесят первый-шестьдесят второй… В шестьдесят первом году у нас тут как раз деньги нам поменяли. Хрущев нам поменял деньги. Были большие деньги, а потом маленькие стали…Ну, а транспорт… у нас был один автобус, может быть, ходил. Еще не выпускали, не было столько. Не было трамваев, не было. Еще ничего не было после войны. Кого тут еще прошло-то. Ничего не было: ни трамваев, ни автобусов. Тем более такси – вообще не было тогда. А вот шел только такие вот… «газ» как-то вот он называется, я даже не знаю – такие вот ходили. Такие вот грузовые машины, грузовые. Вот возили все. И лошади ходили. Повозки, лошади все возили. Вот так вот. Ну вот. Вот и ходили мы. И

вот так, как шли – с Рабочего Штаба, она так вот шла, и выходили на Карла Маркса шли, потом заворачивали на Ленина, потом сквер имени Кирова и вот сюда… и опять вот возвращались… ну, очень далеко. И представляешь, и вот это все пешком мы шли [смеется]. Ходили 1 Мая и 7 Ноября… ну, а 1 Мая уже, в принципе, была весна. Мы еще так ничего, нормально, а 7 Ноября уже было прохладно.

– А как вы шли, ты помнишь, каким тогда был Иркутск, как украшали тогда?

– Иркутск украшали транспарантами. В основном, все флагами. Флагами, флагами. Флагами и портретами вождей наших – Сталина, Ленина, и этих всех – Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Вот эти все. Все, которые в политбюро были. Вот эти вот там. Вот почти каждый нес фотографию эту. Какой-то как культ личности был. Каждый нес… вот это несли. Ну, шаров вот этих тогда и то этих резиновых воздушных шаров – их тогда вообще почти не было. Их тогда и не было. Не было. Делали цветочки всякие разные. Цветочки такие… вот и маленькие красненькие флажочки. Несешь, машешь. Ура, кричишь, вот. Ну, шли тогда все с удовольствием, шли… а тогда еще и 9 Мая еще не было…

– Да, его позже стали отмечать.

– Да, позднее. Да даже вот этих фронтовиков, вот этих, их даже не чествовали как-то. Ну как-то Первого Мая, вот как-то. Как-то еще вот это вот. Что здесь как-то близко перед концом войны. А фронтовики? Все же еще молоды были, все живы были. Все фронтовики, все… даже если папка, считай, был с десятого года, еще было 60… 52 года ему было. Ну. Он еще самый такой в силе еще были. Ну, еще мужики были в самом соку, которые еще работали. И еще до пенсии было о-го-го сколько. И вот они всегда встречали это… и вот приходили домой уже… и у нас всегда друзья отцовские были и 1 Мая и 7 Ноября, как говорится, вся… весь город Иркутск, да и вся страна гуляли. И вообще эти праздники всегда ждали, конечно. Всегда ждали праздники. Пасху, Пасху… тогда же была запрещена вот эта вот вся вера… но все равно народ праздники эти – Пасха, Троица – всегда справляли. Всегда. И самый всегда был чистый праздник. Потому что к Пасхе, к Пасхе, всегда люди белили дома. Вот у нас в предместье везде белили дома, все в домах белили. Помню, мать у меня: всегда наичистейшие шторы, постели – все всегда было чисто к Пасхе. И все это было. Хоть это было и не провозглашено, чтоб это отмечать. Вообще. Даже про него не говорили никогда. А коммунистам-то вообще нельзя было верить. Хотя все ходили тайно в церковь. Коммунисты и комсомольцы –

очень много ходили в церковь. Но идеология была такая, что из комсомола могли исключить.

– *А мама же с папой в партии не были?*

– Нет, мать у меня работала на почте. Почта у нас, в Марата. Но не была она у нас. Папка тоже не был. Хотя на работе очень его уважали. Ну… и вот всегда помню: домой как заходишь – такой аромат, такой аромат куличей, мы же стряпали все как по старинке – не то что как сейчас стряпают, а настолько... такой аромат такой стоял… ммм… яйца крашеные, красили только в этот… бордовый только цвет. И мать всегда напечет куличей, начиная от большого, кончая маленьким. И сама же все умела. И взбивать белки, и шапки эти делать, и подписывать еще что-то. И всегда это был праздник. И всегда, помню, широко этот стол стоял, и всегда вот заставлен всеми яствами такими. И всегда мать пироги пекла. И холодец… ну, не было ни колбас дорогих, ничего этого не было. Но, тем не менее, делали все ручками своими, и было все это свое. Ну, была, может, колбаса там по 2.20 – как сейчас сервелат по 700 рублей, который есть невозможно. А тогда колбаска была по 2.20. Так ее брал, и такой аромат шел. И такой деликатес для нас был тогда…

– *И это был такой праздник большой…*

– Да, такой праздник был всегда. Столько приходило гостей. И я помню всегда. Всегда мать готовила нам подарочки. Покупала обновки. Помню, всегда ботиночки покупала, какие-то пальтишки… и почему-то всегда такие шляпки… какие-то шляпки модные. Такие шляпки наденет на нас с Валей. Вот это всегда было… вообще. Вот эти праздники я запомнила. И сама я видишь, сама от матери научилась все готовить. Вот. И тоже соблюдать. И вот мать все это поддерживала. И вот у меня, и у брата, у сестер это все заложено. Всегда эти праздники почитаешь, ждешь их. Ну, естественно, конечно, что мы еще очень любили Новый год. Новый год для нас был… ах… Это был самый праздник! Во-первых, всегда были морозы, во-вторых, снег всегда лежал белоснежный… ой, ну выйдешь – прямо красотища, все в снегу. Вообще. Мороз такой. И вот всегда настоящую отец срубал елку. Всегда привозил домой. Настоящую елку. Вот… Конечно, игрушки всегда были в дефиците большом. Но, тем не менее, у нас как-то и игрушки были. Еще и руками делали. Так прямо сердце замирало, когда мы эту елку наряжали. И мама всегда нам украдкой, мы даже не видели никогда, когда она нам что покупала. Как она делала эти подарки. А тем более что яблочки, а тем более мандаринки – это был очень большой дефицит. Но, тем не менее, всегда в Новый Год во всех мага-

зинах… всегда появлялись мандарины. Всегда. И вот мать нам всегда сделает подарки. Много подарков. Потому что мы уже, считай, были подросточками, а уже старшие-то замуж вышли. У них уже были ребятишки. И вот мать всегда наделает подарочков и в кулечки и запрячет. Но, тем не менее, у нас с Валентиной был очень хороший нюх.

– *И вы…*

– И мы всегда, всегда раздобудем, чего она где спрятала. Но никогда не брали. Всегда посмотрим, что там и на место положим. Все сложим, закроем, как будто не знаем. Вот такой Новый Год был…

– *А вы только своей семьей справляли или кого-то приглашали?*

– Нет. У нас всегда были гости. Очень много народу. Во-первых, у папки были друзья фронтовые. Очень близкие двое. Два друга было у него. Был дядя Вася был. И… дядя Саша. Они работали вместе на автобазе. У них ребятишки были. И вот они всегда… Всегда… Или мы справляли у нас. Любые праздники. Или у одного друга, или у другого друга. Справляли всегда. К праздникам мать всегда готовила. Стол всегда уже был накрыт.

– *А телевизор у вас был?*

– Да. Телевизор у нас появился. В нашей семье появился первым на нашей горе. К нам приходили – все приходили соседи. Кто сидел, кто лежал, кто стоял. Ой, картины смотрели…

– *Что смотрели?*

– Ой, а раньше не было ни боевиков, ничего, ни вот этих вот картин, с какими-то вот откровенными сценами – вообще не было. И картины шли действительно вот: «Дело было в Пенькове», такое, «Дело Румянцева» – такие картины, старые картины, которые смотришь, и сердце замирает за этих артистов, за этих героев, которые играют так по-настоящему. Вот так верили. Такой народ простой. Вот как мы верили. Вот про войну очень показывали. Про войну показывали. Как люди, понимаешь, просто меня иногда может маленечко раздражало то, что… когда про войну показывали картины. Мы так сопереживали, потому что это было близко… Но вот взяли бы и показали бы хороший конец. Взяли бы да оставили этого героя в живых. Зачастую они погибали, а это очень… вот так вот посмотришь. А взяли бы да оставили… вот это как-то очень… и вот все смотрели кино.

– *А вот какие-нибудь передачи, там про Иркутск показывали?*

– Была хроника, Восточно-Сибирская хроника.

– *Ты смотрела?*

– Да-да. И показывали, что вот строили вот эту ГЭС нашу иркутскую, и потом БАМ уже строили. Все показывали, все.

– И как ты помнишь строительство ГЭС?

– Ну, ты что, такая грандиозная стройка была. Вот где мы сейчас сидим и разговариваем – здесь же поля были. И Ангара была все. И поля были с картошкой. Не было ничего. И вот эту такую стройку, показывают – люди руками почти построили. Таких же особых механизмов тогда же не было. Только машины. Эти самосвалы. Все вот люди такими ручками все построили. Такую ГЭС построили, снабдили нас таким электричеством. Всех нас. Очень. Грандиозно.

– И дома вы все это ведь обсуждали, разговаривали об этом…

– Конечно, но мы тогда маленькие еще были, а взрослые, конечно, говорили.

– То есть ты была еще в маленьком возрасте?

– Ну да, в школьном, подростковом. И меня это особо не касалось. У меня свои были проблемы – учеба была. Пионерские лагеря были. И мне было лет 13–14, мы ездили в «Автомобилист». От отцовской работы давали. Пионерский лагерь, очень хорошо. Очень хорошо было. Вообще. Воспитатели были. Во-первых, не было никаких случаев, чтоб там кто-то из ребятишек дрался, и мы очень дружили. С мальчишками никогда не дрались. Тем более, какое матерное слово было бы произнесено нами – это считалось за такой позор. Чтоб взрослому человеку ответить грубо – боже упаси. И вот поэтому наше поколение еще… оно еще с уважением относится, уже не так как-то… Я не хочу хаять молодежь, но просто воспитана она уже как-то не так…

– А вот если возвращаться к Новому году, вы украшали дом, видели, как украшают друзья, а город в те времена как украшали? Вы ходили в какие-то другие места?

– Нет, а я когда поменьше была, мы ходили в ТЮЗ, в Театр юного зрителя.

– Это на каникулах?

– Да, а когда постарше была, лет 15 было – конечно, ходили. Как это. Мы все собирались с девчонками, и все туда шли…

– И как там было, расскажи.

– Там была елка. Но нам, конечно, было не… сколько до елки, сколько до горок.

– До горок, а вот раньше какие они были?

– Горки были самые простые. Деревянные ступеньки и залито. И они были для нас любимые, чем сейчас какие-то с выкрутасами. Со всеми. Во-первых, все было бесплатно. И не было никаких драк, ничего.

– Не было, потому что кто-то следил за этим или просто спокойно было?

– Было просто спокойно, ну были дружинники, но не так все это сильно. Хотя и были мальчишки какие-то, которые там пакостили, было, все это было. Было. Но не в такой форме сильно выраженной такой. Чтобы матерились там, пили. А мы же тогда практически не пил никто. Пива же практически не было. Пиво было только одно «Жигулевское». И «Янтарное», что ли… «Бархатное»! Было только «Жигулевское» и «Бархатное».

– И вот этот вино-водочный завод…

– Да-да, он производил. Пищепрома-то еще не было. Чтобы увидел, что стоит молодой человек и из бутылки пьет пиво, такого вообще не было. Не было такого вообще. Они, конечно, и выпить, мальчишки, и все хотели, но если они там и возьмут маленько красненького, то выпьют там тихонечко, чтобы никто не видел. Ходили, да, на сквер Кирова ходили.

– Но вот мы как раз подошли к тому времени, когда ты заканчивала восьмилетку…

– Да, я закончила восьмилетку и перешла в школу номер 3. Там было уже 10 классов. Там уже кружки были разные, жизнь уже была такой насыщенной. Мы уже были все-таки повзрослей.

– И вот в 65-й ты закончила 10 классов, и…

– И пошла работать на швейную фабрику.

– То есть после школы сразу работать?

– Да, надо было, конечно, пойти учиться. Но я решила, что матери надо маленько помочь.

– И ты нигде не училась, и тебя сразу так взяли?

– А учеников брали, даже если ты несовершеннолетний. Брали. Брали, потому что, во-первых, рабочих рук не хватало. Во-вторых, я хотела все-таки и матери помочь. Ну вот я стала работать. Швеей-мотористкой. Конечно, много было казусов, как я стала работать [улыбается]. Была огромная такая швейная фабрика.

– Где она была?

– Она была там, в Марата. Это наша иркутская швейная фабрика № 2. Сейчас там, конечно, и следа нет. И там шилась детская. Ну, в основном от маленького до подросткового. И вот я пришла, и меня посадили за машинку.

– А ты шила до этого?

– Хотя у нас дома была машинка. Машина Зингер. Знаменитая машина, очень хорошая.

– И откуда взялась? Не купили же…

– Нет, привезли. Отец из Германии привез. Не знаю, как он там ее довез. Может, купил, может, чего… Я ее, кстати, сюда после свадьбы привезла.

– *А еще что-нибудь с Германии он привозил, что-нибудь ты помнишь?*

– Что-то привозил, но я уже не помню. Но вот эта Зингер – помню. Надо нам было ее оставить, а мы ее выбросили. Дурочки. Ну вот, и я когда пришла, меня посадили, я шить-то, конечно, умею, она мне и показала, а там надо было вот так вот. Вот так кофточка – вот так боковые швы складываешь и прошиваешь вот так. И надо просто было мне объяснить, чтоб этот боковой шов он должен быть ровным. На сантиметр. Ни туда, ни сюда. Это была, как… вот ОТК проверяла каждый шов. А она мне дала и ничего не объяснила. И я нашила… и вот так и вот так [показывает, смеется]. Да столько много… ой… А у меня сестра старшая, Галина работала там старшим кладовщиком. Если бы не она, так я не знаю, меня бы, наверное, оттуда с треском выгнали. А то как-то все это замялось, или все это перешивалось, я уже не помню. Ну, ничего, мне даже особо не попало, кстати.

– *Ты долго там проработала?*

– Мало. Мало я там работала… Где-то год, наверное… и потом поняла, что работать швеей-мотористкой не моя… не мое…

– *Не твое призвание.*

– Не мое призвание. Я пошла уже потом работать в типографию. Где вот я потом до самого декрета и работала.

– *Тоже пошла учеником?*

– Тоже учеником, тогда все двери были открыты. Все было открыто перед тобой. Все. Хочешь, иди в техникум, хочешь, иди в институт – было бы желание тебе учиться… Все было. Я еще тебе забыла сказать про кинотеатр наш – «Пионер». Как мы любили туда ходить. Там такие картины шли. 10 копеек вход был. И мороженое 10 копеек. Вот дадут тебе 20 копеек – ты и в кино сходишь, и мороженое съешь. И здание «Пионера» было очень красивым. Очень. У нас еще был очень, очень красивым кинотеатр «Гигант»… ах… Ой, красавец какой… туда аж как зайдешь, так прямо терялся. Настоящий дворец был внутри. Вот настоящий дворец. Помню, там такие статуи стояли, как по лестнице это поднимаешься… ой, красавец… тоже что-то сделали… не знаю…

– *А что из архитектуры ты бы… еще помнишь?*

– Вот помню кинотеатры, потому что ходила часто. ТЮЗ помню. Очень любила ТЮЗ.

– В кино ходили вы, в театр, а какие еще развлечения были? Где вы гуляли?

– Ну, в кино, в театр… на танцы ходили…

– Ну, это ты уже старше стала, мы так плавно перешли, как ты с дедушкой познакомилась…

– Да… Тебе чего все за раз надо? Я уже тебе час целый болтаю.

– Да, все за раз.

– Ну познакомилась со своим мужем я в 1965 году, мне было… сколько мне было… Ну мы подружили немного…

– Познакомились-то вы где, на танцах, наверное? Где танцы-то были? ДК…

– ДК «Водник» был… Куда приходили матросы.

– Ух ты, где это он был?

– Он был на Бытовой.

– Где на Бытовой?

– Ну… Это надо его точно спрашивать… ну, а вот где чаепрессовочная фабрика была. Вот. Ходили туда на танцы. Ну, там ходили и люди постарше, 25–30 лет…

– И вы ходили только туда?

– Ну, почему только туда-то? Везде ходила. В ДК вон Куйбышева и ДК Дзержинского. Вон на рынке. Ну, на рынке там тоже… там милиционеров много было.

– В общем, ходили туда, где много кавалеров было…

– Конечно, а как же без кавалеров-то. Ну туда зимой мы ходили… А летом в парк. Центральный наш парк…

Учебное издание

ГЛУБИННОЕ ИНТЕРВЬЮ

КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Михалёва Ольга Леонидовна,
Васильева Елена Викторовна,
Стародворская Екатерина Вениаминовна,
и др.

ISBN 978-5-9624-0961-0

Печатается в авторской редакции
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2013. Поз. 239.
Подписано в печать 7.04.14. Уч.-изд. л. 13. Усл. печ. л. 10,6.
Тираж 100 экз. Заказ 246.

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36
тел. (3952) 24-14-36